

NORDIC AND BALTIC STUDIES REVIEW

2017
Issue 2

**Междисциплинарный научно-образовательный центр FENNICA
Петрозаводского государственного университета**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies "FENNICA"
Petrozavodsk State University

**Междисциплинарный научно-образовательный центр NORDICA
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies "NORDICA"
Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

**АЛЬМАНАХ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ И БАЛТИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
NORDIC AND BAL TIC STUDIES REVIEW**

Вып. 2 / Issue 2

**Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2017**

УДК 94(48)+94(474)+94(47)

ББК 63.3(4)+63.3(2)

А

Международный научный электронный журнал <http://nbsr.petrso.ru>

Главный редактор — И. Р. Такала
Ответственный секретарь — А. В. Толстиков

Редакционный совет

Богатырёв Сергей, Великобритания
Валге Яак, Эстония
Валцак Войцех, Польша
Вихавайнен Тимо, Финляндия
Гиеровская-Каллаур Иоанна, Польша
Ерусалимский К. Ю., Россия
Карелин В. А., Россия
Котлярчук Андрей, Швеция
Кюнг Энн, Эстония
Линдквист Уле, Исландия
Муллонен И. И., Россия
Пересветов-Мурат Александр, Швеция
Селин А. А., Россия
Суни Л. В., Россия
Таннберг Тыну, Эстония
Янке Карстен, Дания

Редакционная коллегия

Брюггеман Карстен, Эстония
Голубев Алексей, Канада
Джаксон Т. Н., Россия
Илюха О. П., Россия
Котт Мэтью, Швеция
Кривоноженко А. Ф., Россия
Мюклебуст Кари Ага, Норвегия
Рупасов А. И., Россия
Ряйхя Антти, Финляндия
Соломещ И. М., Россия

Корректор О. В. Обарчук

Разработка и техническая поддержка РЦНИТ ПетрГУ

Адрес редакции: 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 413

E-mail: nbs-ed@petrsu.ru

ISSN 2541-8165

© МНОЦ FENNICA ПетрГУ, 2017

© МНОЦ NORDICA ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2017

© Авторы, 2017

© Техническая поддержка — РЦНИТ ПетрГУ, 2017

International academic journal <http://nbsr.petrSU.ru>

Editor-in-Chief — Irina Takala
Editorial Secretary — Alexander Tolstikov

Editorial Council

Sergei Bogatyrev, UK
Konstantin Erusalimskiy, Russia
Joanna Gierowska-Kałaaur, Poland
Carsten Jahnke, Denmark
Vladimir Karelin, Russia
Andrej Kotljarchuk, Sweden
Enn Küng, Estonia
Ole Lindquist, Iceland
Irma Mullonen, Russia
Alexander Pereswetoff-Morath, Sweden
Adrian Selin, Russia
Leo Suni, Russia
Tõnu Tannberg, Estonia
Jaak Valge, Estonia
Timo Vihavainen, Finland
Wojciech Walczak, Poland

Editorial Board

Karsten Brüggeman, Estonia
Alexey Golubev, Canada
Olga Ilyukha, Russia
Tatjana Jackson, Russia
Matthew Kott, Sweden
Alexander Krivonozhenko, Russia
Kari Aga Myklebost, Norway
Alexander Rupasov, Russia
Antti Räihä, Finland

Proof-reading — Olga Obarchuk
Technical support — PetrSU, RCNIT

Address of the editorial office: room 413, 33, Lenin Str., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia

E-mail: nbs-ed@petrsu.ru

© PetrSU, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies “FENNICA”, 2017

© Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies “NORDICA”, 2017

© Authors, 2017

© Technical support — PetrSU, RCNIT, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ	10
EDITORS' PREFACE	11

СТАТЬИ

Татьяна Джаксон / Tatjana Jackson

ИЗ НОРВЕГИИ В «ЛЕДОВУЮ СТРАНУ»: О НОРВЕЖСКОМ ЗАСЕЛЕНИИ ИСЛАНДИИ В КОНЦЕ IX в. / FROM NORWAY TO ÍSLAND: THE SETTLEMENT OF ICELAND IN THE LATE NINTH CENTURY	13
---	-----------

Евгения Назарова / Evgeniya Nazarova

ИЗ ИСТОРИИ ИМПЕРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ПРИБАЛТИЙСКОМ КРАЕ 60—70-х гг. XIX в. / SEVERAL EPISODES OF THE IMPERIAL LANGUAGE POLICY IN THE BALTIC PROVINCES IN 1860—1870s	26
--	-----------

Анатолий Ягодкин / Anatoliy Yagodkin

ФИНЛЯНДИЯ ГЛАЗАМИ ИСПАНЦА. «ПИСЬМА ИЗ ФИНЛЯНДИИ» АНХЕЛЯ ГАНИВЕТА / FINLAND THROUGH THE EYES OF A SPANIARD. ÁNGEL GANIVET'S FINNISH LETTERS.....	41
--	-----------

Kirill Levinson / Кирилл Левинсон

‘HOMESICK TOURISTS’ AND THE CHANGING PLACE OF BALTIC GERMANS IN LATVIA’S HISTORICAL MEMORY / «НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ» И МЕНЯЮЩЕЕСЯ МЕСТО ПРИБАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ЛАТВИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.....	56
--	-----------

Владимир Орав / Vladimir Orav

ССЕЛЕНИЕ ХУТОРОВ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг. / THE KHUTORS' ABOLISHMENT CAMPAIGN IN THE KARELIAN ISTHMUS IN EARLY 1950s	79
---	-----------

Елена Сафрон, Мария Тимошкина / Elena Safron, Maria Timoshkina

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПОВЕСТИ А. ЛИНДГРЕН «МИО, МОЙ МИО!» / FOLKLORE TRADITION AND ITS TRANSFORMATION IN <i>MIO, MY SON</i> BY A. LINDGREN	92
---	-----------

Полина Пере / Polina Pere

О НОВОЙ СЕВЕРНОЙ ПРОЗЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ГОЛОМЯНОЕ ПЛАМЯ» Д. Г. НОВИКОВА / ON THE NEW NORTHERN PROSE: A CASE OF DMITRY NOVIKOV'S NOVEL <i>GOLOMYANOE PLAMYA</i>	104
---	------------

Ольга Бурдакова, Елена Нымм / Olga Burdakova, Jelena Nõttm

ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА ГОРОДОВ ПОСТСОВЕТСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА / COMPOSING LOCAL TEXT DICTIONARIES OF THE CITIES OF THE POST-SOVIET CULTURAL SPACE..	116
--	------------

РЕЦЕНЗИИ

Константин Зайков / Konstantin Zaykov

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: Нет Севера, а есть Северá : О многообразии понятия «Север» в Норвегии и России — Net Severa, a est' Severá : The Manifold Ideas of the North in Norway and Russia / под ред. К. А. Мюклебуст, Й. П. Нильсена, В. Тевлиной и А. А. Комарова. Москва : URSS, 2016. 288 с.140

Ирма Муллонен / Irma Mullonen

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: Patronen O. Rajakarjalaisen sukunimistöen kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistöen suomalaistumista 1818—1925. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017. 519 s.145

Александр Осипов / Alexander Osipov

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: The Finnish Civil War 1918: History, Memory, Legacy / ed. T. Terora, A. Roselius. Leiden: Brill, 2014. 454 p.154

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ / PAPERS OF THE ACADEMIC CONFERENCES

**РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СЕМИНАР ИСТОРИКОВ «1617/1917 :
РУБЕЖИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА» (ПЕТРОЗАВОДСК, 7—8 СЕНТЯБРЯ 2017 Г.)/
THE RUSSIAN-FINNISH SEMINAR OF HISTORIANS 1617/1917: LANDMARKS
OF TIME AND SPACE (PETROZAVODSK, SEPTEMBER 7—8, 2017)**

**СТОЛБОВСКИЙ МИР В ИСТОРИИ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ / TREATY OF STOLBOVO
IN THE HISTORY OF RUSSIA AND FINLAND**

Адриан Селин / Adrian Selin

**СТОЛБОВСКИЙ МИР И ВЫХОД ИЗ СМУТЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ / TREATY
OF STOLBOVO AND THE END OF THE SMUTA IN THE RUSSIAN NORTHWEST ...164**

Киммо Катаjala / Киммо Катаяла

**LINE, ZONE OR SIEVE? CONCEPTUALIZING THE 1617 RUSSO-SWEDISH
BORDER / ЛИНИЯ, ЗОНА ИЛИ РЕШЕТО? КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКО-
ШВЕДСКОЙ ГРАНИЦЫ 1617 Г.177**

Александр Толстиков / Alexander Tolstikov

**РИТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МАРКИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-ШВЕДСКОЙ
ГРАНИЦЫ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ / RITUAL ASPECTS OF ACTULISING
THE RUSSIAN-SWEDISH BORDER IN EARLY MODERN PERIOD.....191**

Алексей Жуков / Alexey Zhukov

**РУССКО-ШВЕДСКАЯ ГРАНИЦА 1621 Г. В КАРЕЛИИ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ
В ЖИЗНИ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА / THE 1621 RUSSIAN-SWEDISH BORDER
IN KARELIA AND ITS MEANING IN THE LIFE OF THE KARELIAN PEOPLE207**

Кузьма Кукушкин, Адриан Селин, Иван Саблин / Kuzma Kukushkin, Adrian Selin, Ivan Sablin

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ГЕОИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА НА ПРИМЕРЕ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ГРАНИЦЫ, УСТАНОВЛЕННОЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СТОЛБОВСКОГО МИРА 1617 г. / GEOINFORMATICS TECHNIQUES APPLICATION ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN-SWEDISH BORDER DRAWN ACCORDING TO THE 1617 TREATY OF STOLBOVO.....228

Александр Старицын / Alexander Staritsyn

РУССКАЯ КАРТОГРАФИЯ НАЧАЛА XVIII в. И ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ СТАРОВЕРЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ / RUSSIAN CARTOGRAPHY IN THE EARLY 18TH CENTURY AND THE PROBLEM OF LOCALISATION OF OLD BELIEVERS' SETTLEMENTS IN THE NORTHERN REGION OF RUSSIA.....236

Екатерина Захарова / Ekaterina Zakharova

ОТЭТНОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ КОРЕЛ- / КАРЕЛЬСКИЙ В ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА / THE ETHNONYMIC PLACE-NAMES KOREL- / KARELSKIY IN THE TOPONYMY OF THE RUSSIAN NORTH.....255

Денис Кузьмин / Denis Kuzmin

ЗАРУБЕЖНЫЕ ВЫХОДЦЫ В БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ XVII—XVIII вв. В СВЕТЕ ДАННЫХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ, ДОКУМЕНТОВ И ТОПОНИМИИ / IMMIGRANTS FROM FINLAND IN THE 17TH—18TH CENTURIES WHITE SEA KARELIA IN THE LIGHT OF LOCAL ORAL TRADITION, DOCUMENTS AND TOPONYMY274

1917 ГОД: НОВЫЕ РУБЕЖИ / 1917: NEW FRONTIERS

Юрий Шикалов / Yuri Shikalov

ТИХИЙ УГОЛОК: ФИНЛЯНДИЯ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ТУРИСТОВ ПО ОПИСАНИЯМ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в. / A SILENT NOOK: FINLAND IN RUSSIAN FIN-DE-SIÈCLE TOURIST GUIDEBOOKS.....292

Мария Дусаева, Ростислав Дусаев, Кари Сюнберг / Maria Dusaeva, Rostislav Dusaev, Kari Synberg

ИЗМЕНЕНИЯ В СЕНАТЕ ФИНЛЯНДИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ / CHANGES IN THE FINNISH SENATE INFLUENCED BY THE FEBRUARY REVOLUTION IN RUSSIA313

Пекка Кауппала / Pekka Kauppara

ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И ПЛАНОВ КАЯ ДОННЕРА В 1917 г. / CHANGES OF KAI DONNER'S POLITICAL VIEWS AND PLANS IN 1917...324

Елена Дубровская / Elena Dubrovskaja

МНОГОМЕРНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ: РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ В ФИНЛЯНДИИ, «СОЛДАТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ФИНЛЯНДЦЕВ В 1917 г. / MULTIPERSPECTIVED RADICALIZATION: THE RUSSIAN MILITARY IN FINLAND, “THE SOLDIERS’ REVOLUTION” AND THE FINNS’ SOCIAL MOVEMENTS IN 1917.....329

Ирина Новикова / Irina Novikova
«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ (ФЕВРАЛЬ — ОКТЯБРЬ 1917 г.) / THE “FINNISH QUESTION” IN GERMAN EASTERN POLICY FROM FEBRUARY TO OCTOBER 1917354

Александр Рупасов / Alexander Rupasov
ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИМИТАЦИИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ГРАНИЦЫ И ДИСКУРС БЕЗОПАСНОСТИ (1918—1922) / THE PROBLEMS OF DELIMITATION OF THE SOVIET-FINNISH BORDER AND SECURITY DISCOURSE (1918—1922).....367

Татьяна Андросова / Tatiana Androsova
ПОТЕРЯ, КОТОРОЙ МОГЛО НЕ БЫТЬ / THE LOSS THAT MIGHT HAVE NOT HAPPENED378

Марина Витухновская-Кауппала / Marina Vituhnovskaja-Kauppala
КАРЕЛЫ В 1917 ГОДУ: ВЫБОР НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ. ОТ КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ФИНЛЯНДИИ / KARELIANS IN 1917: THE CHOICE OF NATIONAL STRATEGY. FROM CULTURAL AUTONOMY TO JOINING TO FINLAND403

Илья Соломещ / Ilya Solomeshch
ОБРЕТЕНИЕ ФИНЛЯНДИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ / FINLAND'S INDEPENDENCE IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY430

ПО ИТОГАМ СЕМИНАРА / SUMMING UP THE RESULTS OF THE SEMINAR

Хейкки Талвитие / Heikki Talvitie
КАРЕЛЬСКИЙ ВОПРОС / KARELIAN QUESTION438

Сергей Журавлёв / Sergey Zhuravlev
ЧТО ДАЁТ КОНЦЕПЦИЯ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ ФИНЛЯНДИИ? / WHAT DOES THE CONCEPT OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION ADD TO THE STUDY OF THE PROBLEM OF FINLAND'S INDEPENDENCE?443

Тимо Вихавайнен / Timo Vihavainen
ВСТРЕЧИ ИСТОРИКОВ / THE MEETINGS OF HISTORIANS447

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ 2017 (ПЕТРОЗАВОДСК, 16—17 ФЕВРАЛЯ 2017 г.) / LOCAL HISTORY CONFERENCE 2017 (PETROZAVODSK, FEBRUARY 16—17, 2017)

Елена Соини / Elena Soini
ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИННОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ КАРЕЛИИ 1920—1930-х гг. / THEME OF REVOLUTION AND CIVIL WAR IN THE FINNISH-LANGUAGE POETRY OF KARELIA, 1920s — 1930s).....451

Наталья Чикина / Natalya Chikina
РЕВОЛЮЦИЯ В ПОЭЗИИ И СУДЬБЕ ВЕЙККО ЭРВАСТИ / REVOLUTION IN THE POETRY AND FATE OF VEIKKO ERVASTI.....468

Александра Чебаковская / Alexandra Chebakovskaya

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ
1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАРЕЛИИ) / A SOCIAL PORTRAIT OF
A 1920s JUVENILE OFFENDER (BASED ON THE ARCHIVAL RECORDS
OF KARELIA).....476**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

Елена Сойни, Ирина Маташина / Elena Soini, Irina Matashina

**НОВОЕ СЛОВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СКАНДИНАВИСТИКЕ / A NOVEL
APPROACH TO SCANDINAVIAN STUDIES IN RUSSIA.....488**

ЮБИЛЕИ / JUBILEES

Юрий Шикалов / Yuri Shikalov

**ИЗ КАРЕЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ. Профессору Хейкки Киркинену — 90 лет /
JUBILEE OF PROFESSOR HEIKKI KIRKINEN.....492**

Илья Соломещ / Иуа Solomeshch

**ПРОФЕССОРУ ЛЬВУ ВАЛЬТЕРОВИЧУ СУНИ — 85 / JUBILEE OF PROFESSOR
LEO SUNI.....497**

Илья Соломещ / Иуа Solomeshch

**ПРОФЕССОРУ ТИМО ВИХАВАЙНЕНУ — 70 ЛЕТ / JUBILEE OF PROFESSOR
TIMO VIHAVAINEN.....500**

ГОД ФИНЛЯНДИИ В КАРЕЛИИ / THE YEAR OF FINLAND IN KARELIA

*Ирина Милюкова, Константин Терентьев, Ирина Такала, Алина Кулешова,
Антон Лапшин / Irina Miljukova, Konstantin Terentyev, Irina Takala, Alina Kuleshova,
Anton Lapshin*

**ФИНЛЯНДИЯ ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС 2017 г. / FINLAND THROUGH THE EYES
OF THE RESIDENTS OF THE REPUBLIC OF KARELIA: SURVEY 2017.....504**

НАЦИОНАЛЬНОМУ ТЕАТРУ КАРЕЛИИ 85 ЛЕТ / THE 85TH ANNIVERSARY OF THE NATIONAL THEATRE OF KARELIA (KARJALAN KANSALLINEN TEATTERI)

Ирина Такала, Ирина Спажева / Irina Takala, Irina Spazheva

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР КАРЕЛИИ: ВЕХИ ИСТОРИИ / NATIONAL THEATRE
OF KARELIA: MILESTONES OF HISTORY.....532**

**ПИСЬМА РАГНАРА НЮСТРЁМА: ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИИ (публ. В. Г. Стириной) /
THE LETTERS OF RAGNAR NYSTRÖM: DOCUMENTS FROM THE NATIONAL
ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF KARELIA (prep. and ed. by Vera Stirina).....560**

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА КАРЕЛИИ В ЛИЦАХ: ФОТОГАЛЕРЕЯ / HISTORY OF THE NATIONAL THEATRE OF KARELIA IN PERSONS: PHOTO GALLERY	572
---	------------

IN MEMORIAM

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ КАН (1925—2017) / ALEKSANDER KAN (1925—2017)...	676
ХЕЛЬМУТ ПИЙРИМЯЭ (1930—2017) / HELMUT PIIRIMÄE (1930—2017)	679
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ КЛЕМЕНТЬЕВ (1938—2017) / EVGENII KLEMENTIEV (1938—2017)	681

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Продолжить всегда труднее, чем начать. Второй выпуск альманаха потребовал от редакторов гораздо больше усилий, тем более что сам год выдался очень насыщенным и интересным в научном плане. Статистика сайта и редакционная переписка свидетельствуют о востребованности нашего издания. Постепенно расширяется география авторов, приходит всё больше материалов от молодых, начинающих учёных и во втором выпуске мы предоставили многим из них возможность опубликовать свои исследования.

В целом выпуск получился весьма объёмным и разнообразным: помимо основных рубрик (статьи, рецензии, научная жизнь) мы сочли целесообразным возродить в нём традицию публикации материалов значимых конференций. 2017 г. был юбилейным для России и Финляндии, знаковым для российско-финляндских, российско-шведских отношений, и естественно, что научные форумы, проходившие в том числе и в Петрозаводске, были во многом посвящены важным датам нашей совместной истории — 1617 и 1917 гг. Материалы российско-финляндского семинара историков «1617/1917: рубежи времени и пространства» (Петрозаводск, сентябрь 2017 г.), проведённого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 17-11-10501) и Министерства экономического развития и промышленности Республики Карелия, мы публикуем почти в полном объёме, с тем чтобы познакомить читателей с последними достижениями российских и финляндских учёных.

Столетию обретения Финляндией независимости была посвящена обширная программа «Год Финляндии в Карелии», инициированная междисциплинарными научно-образовательными центрами FENNICA (ПетрГУ) и NORDICA (ИЯЛИ КарНЦ РАН). Одним из важных мероприятий программы был социологический опрос «Финляндия глазами жителей Карелии», результаты которого представлены в этом выпуске.

Раздел «Публикации» в этом году посвящён ещё одной значимой (не только для Карелии) дате — 85-летию Национального театра республики. Он открывается историческим очерком об основных этапах становления и развития театра и включает в себя публикацию документов из Национального архива РК (четыре письма Рагнара Нюстрёма) и фотогалерею «История театра в лицах» — уникальную подборку фотографий из архива Национального театра Карелии.

Мы предоставляем читателю судить о том, насколько интересным и значимым в научном плане оказался этот выпуск.

Ирина Такала
Александр Толстиков
Петрозаводск, 23 декабря 2017 г.

EDITORS' PREFACE

Continuing is always more difficult than starting. The second issue of the *Nordic and Baltic Studies Review* has required much more effort from the editors, especially since this year was very rich and interesting in terms of scholarly life. Site statistics and editorial correspondence indicate the *Review's* relevance. Gradually, the geography of our authors is expanding. More and more materials are coming from early-career researchers and in the second issue we have provided many of them with the opportunity to publish their scholarly articles.

In general, the issue turned out to be very voluminous and diverse. In addition to its main sections (articles, reviews and academic life), we found it expedient to revive the tradition of publishing materials of momentous conferences. The year of 2017 was a jubilee for Russia and Finland, a landmark in the Russian-Finnish and Russian-Swedish relations. It is therefore natural that the research fora, held also in Petrozavodsk, were dedicated to the years of 1617 and 1917, significant dates of our joint history in many aspects. We publish virtually in full the materials of the Russian-Finnish seminar of historians *1617 / 1917: Landmarks of Time and Space* (Petrozavodsk, September 2017), supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 17-11-10501) and the Ministry of Economic Development and Industry of the Republic of Karelia, in order to familiarise our readers with the latest achievements of Russian and Finnish researchers.

An extensive programme of various events under the title *The Year of Finland in Karelia* initiated by the Interdisciplinary research and educational centres FENNICA (PetrSU) and NORDICA (Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre, RAS) was dedicated to the centenary of Finland's independence. One of the most important activities of the programme was a sociological poll *Finland through the eyes of the inhabitants of Karelia*, which results are presented in this issue.

This year, the publications section is devoted to another significant date, and not only for Karelia — the 85th anniversary of the National Theatre of the Republic of Karelia. It is preceded by a historical essay on the main stages of the establishment and further development of the theatre and includes publication of documents from the National Archive of the Republic of Karelia (four letters written by Ragnar Nyström) and a photo gallery *The History of the Theatre in Persons*, a unique selection of photographs from the archive of the National Theatre of Karelia.

We now leave our readers to judge whether we managed to make this issue interesting and scholarly valuable.

Irina Takala
Alexander Tolstikov
Petrozavodsk, December 23, 2017

СТАТЪИ
ARTICLES

ДЖАКсон Татьяна Николаевна / JACKSON Tatjana N.

Институт всеобщей истории Российской академии наук / Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

Tatjana.Jackson@gmail.com

ИЗ НОРВЕГИИ В «ЛЕДОВУЮ СТРАНУ»: О НОРВЕЖСКОМ ЗАСЕЛЕНИИ
ИСЛАНДИИ В КОНЦЕ IX в.*

FROM NORWAY TO *ÍSLAND*: THE SETTLEMENT OF ICELAND IN THE LATE NINTH
CENTURY

Abstract: The article deals with the settlement at the end of the 9th century of an uninhabited island in the north of the Atlantic Ocean that got the name of *Ísland* — «Iceland». Basing on the material of two unique works of Old Norse-Icelandic literature — *Íslendingabók* by Ari Þorgilsson and *Landnámabók* — the author studies the process of *landnám* “taking land” from two points of view only: that of spatial ideas of immigrants from Norway, and that of their sacral beliefs. Both these aspects of the complex process of *landnám* reflect the connection, typical for the Icelandic mentality, between their old and new homelands — namely, the transfer of their «old» spatial and religious ideas to a new, yet emerging, habitat.

Ключевые слова / Keywords: Заселение Исландии, «Книга о занятии земли», эпоха викингов, ментальная карта, историческая география, духи-хранители земли, мифологические представления, правовой аспект / Settlement of Iceland, *Landnámabók*, Viking Age, mental map, historical geography, *landvættir*, mythological ideas, legal matter.

«Исландия заселялась вначале из Норвегии в дни Харальда Прекрасноволосого, сына Хальвдана Чёрного, в то время — по мнению и подсчётам Тейта, сына епископа Ислейва, моего воспитателя и человека, которого я считаю самым мудрым, а также Торкеля, сына Геллира, брата моего отца, который многое помнил, а также Турид, дочери Снорри Годи, которая была женщиной мудрой и многое знавшей достоверно, — когда Ивар, сын Рагнара Кожаные Штаны, велел убить английского конунга Эадмунда Святого; а было это через восемьсот семьдесят лет после рождения Христова, согласно тому, как написано в саге о нём»¹. Так начинается первая глава знаменитой «Книги об исландцах» («*Íslendingabók*»), написанной между 1122 и 1133 гг. исландским священником Ари Торгильссоном Мудрым (1067/68—1148 гг.). Ари был первым, кто писал на исландском языке. Его книга представляет собой краткую историю Исландии со времени её заселения до 1120 г. Книга Ари написана на основе устной традиции. Стремясь к приданию достоверности каждому записанному им факту, автор не просто

* Работа выполнена по гранту РФФ № 14-18-02121.

¹ «Ísland byggðistk fyrst úr Norvegi á dögum Haralds ens hárfagra, Hálfðanarsonar ens svartar, í þann tíð — at ætlun ok tölur þeira Teits föstra míns, þess manns es ek kunna spakastan, sonar Ísleifs byskups, ok Þorkels fǫðurbróður míns Gellissonar, es langt munði fram, ok Þóríðar Snorradóttur goða, es bæði vas margspök ok óljúgfróð, — es Ívarr Ragnarssonr loðbrókar lét drepa Eadmund enn helga Englakonung; en þat vas sjau tegum «vetra» ens níunda hundraðs eptir burð Krists, at því es ritit es í sögu hans» [*Íslendingabók* // *Íslendingabók*. *Landnámabók* / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1968 (Íslenzk fornrit. Bd. I). Bls. 4. Переводы здесь и далее, где не указано иначе, — мои].

называет всех своих информаторов, но и характеризует их как людей мудрых, старых и достойных доверия. Книга очень невелика по объёму — в ней содержится всего десять небольших главок, а заселению острова посвящена лишь первая её глава — «О заселении Исландии». Исследователями время заселения Исландии определяется как отрезок чуть дольше полувека, с 870 по 930 г., когда был учреждён Альтинг, который стал собираться раз в год, в июне, на Полях Тинга, в районе современного Рейкьявика². Гораздо больше информации о колонизации острова, чем «Книга об исландцах», сохранила «Книга о занятии земли» («Landnámabók»)³. Она дошла до нас в пяти редакциях, древнейшая из которых написана Стурлой Тордарсоном (1214—1284 гг.) ок. 1275—1280 гг. (редакция S). Мы её знаем по рукописи AM 107 fol. («Sturlubók»), представляющей собою копию XVII в. с утраченного оригинала⁴. Важно отметить, что, по мнению исследователей, в основу этой версии лёг текст начала XII в. (ранее или ок. 1130 г.), созданный Ари Мудрым и его современником Колскеггом Мудрым⁵. В «Книге о занятии земли» рассказывается о том, как исландские первооселенцы в конце IX — начале X в. «брали землю» — заселяли практически пустой до этого времени остров. Описание начинается с востока южной четверти Исландии, идёт по часовой стрелке вокруг острова и заканчивается у южного края восточной четверти. Здесь излагается история более 400 первооселенцев, их семей и ближайших потомков, повествуется о важнейших событиях в первые два века после заселения Исландии.

В самом начале «Книги о занятии земли» (S 1) говорится о том, что до массового заселения острова (преимущественно норвежцами) на нём обитали некие «западные люди», приплывшие «морем с запада»: «Но раньше, чем Исландия была заселена из Норвегии, были там те люди, которых норвежцы называли “папар”; они были христианами, и люди думают, что они приплыли морем с запада, потому что после них нашлись ирландские книги, колокольчики и посохи, и многие другие вещи, по которым можно было понять, что они были западными людьми. А в английских книгах также говорится, что в то время можно было плавать между этими странами»⁶. Ни у кого из

² См.: Jones G. The Norse Atlantic Saga: Being the Norse Voyages of Discovery and Settlement to Iceland, Greenland, and North America. 2nd ed. Oxford, 1986.

³ Другие переводы этого названия: «Книга о заселении страны», «Книга о взятии земли».

⁴ В значительной степени к ней близка редакция в «Hauksbók», созданная Хауком Эрлендссоном (ум. 1334 г.) ок. 1306—1308 гг.

⁵ См. подробнее: Глазырина Г. В. «Книга о занятии земли» // Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М., 2009. Т. V. Древнескандинавские источники. С. 235—238.

⁶ «En áðr Ísland byggðisk af Nóregi, váru þar þeir menn, er Norðmenn kalla papa; þeir váru menn kristnir, ok hyggja menn, at þeir hafi verit vestan um haf, því at fundusk eptir þeim bækr írskar, bjöllur ok baglar ok enn fleiri hlutir, þeir er þat mátti skilja, at þeir váru Vestmenn. Enn er ok þess getit á bókum enskum, at í þann tíma var farit milli landanna» (Landnámabók // Íslendingabók. Landnámabók. Bls. 31—32) (курсив в цитатах и переводах здесь и далее — мой).

исследователей, насколько нам известно, эти «западные люди» не вызвали удивления, которое могло бы выразиться хоть в каком-то комментарии. Более того, их даже переводят не как «западных людей», а как «ирландцев»⁷, видимо, имея в виду аналогичный пассаж из «Книги об исландцах» Ари Мудрого, где эти покинувшие остров хозяева оставленных «ирландских книг, колокольчиков и посохов» так и названы «ирландцами»: «В то время Исландия была покрыта лесами от гор до побережья. Тогда были здесь какие-то христиане, которых норвежцы называют “папар”, но позже они уехали прочь, потому что не хотели быть здесь вместе с язычниками, и оставили они после себя ирландские книги и колокольчики, и посохи: по ним можно было понять, что они были ирландцами»⁸. Но ведь Ирландия лежит в Атлантическом океане много восточнее Исландии, так что приплыть на остров ирландские монахи-отшельники, о которых, скорее всего, идёт речь⁹, могли, с точки зрения современного человека, только с востока, и по отношению к исландцам они должны были бы называться не *Vestmenn* — «западные люди», а *Austmenn* — «восточные люди». Но этого не случилось, поскольку интересующий нас текст зафиксировал то представление о пространстве, которое сформировалось в германской среде до заселения Исландии, было принесено на остров первопоселенцами и изредка фиксируется также в исландских королевских сагах. Не вызывает сомнения, что эти рассказы базируются на очень древней устной традиции, сложившейся в то время, когда их герои ещё только покинули свои родные места (Ирландию или Шетландские острова), носившие в «германской» системе координат название «западных земель»¹⁰, и когда в среде первопоселенцев (по преимуществу бывших норвежцев) на новом месте их общего обитания сложились рассказы об их переселении. На их новой родине указанное обозначение смысла не имело, противоречило всей системе ориентации в пространстве, но, на наше счастье, дошло до нас в виде редких реликтных оговорок в текстах, не исправленных и не уничтоженных (видимо, не замеченных) теми, кто писал и переписывал эти сочинения. Ситуация, вне всякого сомнения, выглядит парадоксально: в сочинениях, записанных в Исландии в XII—XIII вв., нашла отражение, наряду с естественными пространственными представлениями обитателей острова, ментальная карта северных

⁷ The Book of settlements. Landnámabók / Transl. with introd. and notes by H. Pálsson and P. Edwards. Winnipeg, 1972. P. 15 (Irishmen).

⁸ Íslendingabók. Bls. 5: «Í þann tíð vas Ísland viði vaxit á miðli fjalls ok fjöru. Þá váru hér menn kristnir, þeir es Norðmenn kalla Papa, en þeir fóru síðan á braut, af því at þeir vildu eigi vesa hér við heiðna menn, ok létu eptir bækir írskar ok bjöllur ok bagla: af því mátti skilja, at þeir váru menn írskir».

⁹ Ср.: *Dicuilii Liber de mensura orbis terrae* / ed. by J. J. Tjerney and L. Bieler. Dublin, 1967 (Scriptores latini Hiberniae. T. VI). VII, 11.

¹⁰ Подробнее см.: Джаксон Т. Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 54—64.

германцев, на которой в «земной круг» ещё не входит Исландия¹¹.

Рассматривая основные причины и предпосылки эпохи викингов, историки, в первую очередь, называют земельный голод или скрытое перенаселение, выразившееся (при очень невысокой плотности населения) в недостатке пригодной для поселения и обработки земли. Внешняя колонизация оказалась, тем самым, прямым продолжением колонизации внутренней. «Массовая эмиграция из стран Севера в другие страны уже в эпоху викингов и заселение датчанами и норвежцами целых областей Англии, Ирландии, Северной Франции, островов Северной Атлантики не могут быть объяснены, если не признать наличия избыточного населения в тогдашней Скандинавии»¹². Как писал в XI в. о норвежцах Адам Бременский (Lib. IV. Cap. XXXI), на морской разбой их толкала бедность их родины, да и датчане были столь же бедны, как и они сами: «Вследствие суровости гор и чрезмерного холода Норманния — самая бесплодная из всех стран, она пригодна исключительно для [разведения] скота... И поэтому [там] воспитываются храбрые воины, которые не изнежены сочными плодами [и] чаще сами нападают на других, чем страдают от кого-либо. С соседними свеонами они сосуществуют без вражды, в то время как от данов — столь же бедных [как и они сами] — иногда терпят нападения, [но] не безответно. Итак, вынуждаемые [к этому] недостатком имущества [на родине], они обходят весь мир и привозят из [чужих] стран домой огромные богатства, [захваченные] пиратским грабежом, компенсируя таким образом бедность своей страны»¹³. Поиски новых плодородных полей и тучных пастбищ гнали за море многих и многих скандинавов, в том числе и тех, которые в результате заселили Исландию. «Заселение и освоение Исландии ок. 870—930 гг. может рассматриваться как пример миграции большой группы средневекового населения, которая успешно осуществилась благодаря благоприятному стечению целого ряда факторов», — пишет Г. В. Глазырина. Исследовательница называет при этом такие факторы, как наличие не занятой другим населением территории, пригодной для переселения; распространение в обществе предварительной информации о заселяемой

¹¹ Подробнее см.: *Eadem (Jackson T. N.) Norway and the islands of the Atlantic Ocean in the Icelandic sagas: «kringla heimsins» before and after the settlement of Iceland // Historisk tidsskrift (Oslo). 2017. Bd. 96. No. 1. S. 7—22.*

¹² См.: *Гуревич А. Я. Походы викингов // Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007. С. 100—101.*

¹³ *Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Hrsg. von B. Schmeidler. 3. Aufl. Hannover ; Leipzig, 1917. P. 263—264: «Nortmannia propter asperitatem montium sive propter frigus intemperatum sterilissima est omnium regionum, solis apta pecoribus... Indeque fortissimos educat milites, qui nulla frugum luxuria molliti sepius impugnant alios quam ipsi molestentur ab aliquo. Sine invidia cum proximis habitant Sueonibus, quamvis a Danis aequae pauperibus non impune temptentur aliquando. Itaque rei familiaris inopia coacti totum mundum circumeunt et pyratibus raptibus amplissimam terrarum facultatem reportant domum, penuriam suae regionis tali modo sustinentes». Перевод В. В. Рыбакова: *Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви // Немецкие анналы и хроники X—XI столетий. М., 2012. С. 439.**

территории; возникновение ситуации, вынуждавшей большую группу населения сняться с места с целью переместиться на другую территорию; наличие в этой группе лидеров, которые были бы в состоянии взять на себя ответственность за переезд и обустройство; а также возможность воспроизведения на новом месте условий жизни и социальных институтов, сходных с теми, что были на родине¹⁴.

Остров в Атлантическом океане, который, по свидетельству «Книги о занятии земли» (Н 5), норвежский викинг Флоки Вильгердарсон со своими попутчиками назвал *Ísland* — «Ледовой страной» («Тогда пошел Флоки на север на гору и увидел один фьорд, заполненный дрейфующим льдом; поэтому они назвали эту страну Исланд») ¹⁵, представлялся колонистам, как мы видели выше, пространством, свободным от людей. Вместе с тем это было пространство, охраняемое особыми существами, *landvættir* — «духами-хранителями земли». *Landvættir* (мн. ч. от *landvættir*, из *land* «земля» и *vættir* «существо, сверхъестественное существо, дух») — это «духи земли», второстепенные божества скандинавского языческого пантеона, «охранительные духи» ¹⁶. Приплывавшие в Исландию норвежцы верили, что духи-хранители земли обитали в горах и фьордах острова до появления на нём первопоселенцев ¹⁷. Как следует из «Книги о занятии земли» (Н 268), в самой первой статье принятого около 930 г. языческого кодекса законов, не сохранившегося, но известного под названием «Законы Ульвльота» ¹⁸, был сформулирован запрет подплывать к острову на кораблях с головами драконов на них: «Так начинались языческие законы, что нельзя было плыть по морю на корабле с [драконьей] головой, но если голова была, то её следовало снимать, как только остров появлялся в поле зрения, а не подплывать к земле с головой с широко раскрытой пастью или с оскаленной мордой, дабы не напугать этим духов-хранителей земли» ¹⁹.

¹⁴ Глазырина Г. В. Заселение Исландии как пример средневековой миграции // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18—20 апреля 2012 г. : материалы конференции. М., 2012. С. 65—69.

¹⁵ Landnámabók. Bls. 39: «Þá gekk Flóki norðr á fjöll ok sá fjörð einn fullan af hafisum; því kǫlluðu þeir landit Ísland».

¹⁶ Craigie W. A. The Religion of Ancient Scandinavia. London, 1906. P. 33—34; Munch P. A. Norse Mythology: Legends of Gods and Heroes / in the rev. of M. Olsen, transl. from the Norwegian by S. B. Hustvedt. New York, 1926. P. 42—47; Turville-Petre E. O. G. Myth and Religion of the North: The Religion of Ancient Scandinavia. London, 1964. P. 221—235; Solheim S. Landvættir // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. København, 1981. Bd. X. Sp. 300—302; Simek R. Lexikon der germanischen Mythologie. Stuttgart, 1984. S. 228.

¹⁷ См.: Clunies Ross M. Prolonged Echoes. Old Norse myths in medieval Northern society. Odense, 1998. Vol. 2. The reception of Norse myths in medieval Iceland. P. 127, 132—138.

¹⁸ В «Книге об исландцах» Ари Мудрого говорится: «И когда Исландия была заселена во многих местах, один восточный человек (т. е. норвежец. — Т. Д.), которого звали Ульвльот, принёс сюда из Норвегии первые законы; так нам рассказал Тейт; и были они названы Законами Ульвльота...» (Íslendingabók. Bls. 6—7: «En þá es Ísland vas víða byggt orðit, þá hafði maðr austroenn fyrst lög út hingat ýr Norvegi, sá es Ulfjóttr hét; svá sagði Teitr oss; ok váru þá Ulfjóttslög kǫlluð...»).

¹⁹ Landnámabók. Bls. 313: «Þat var upphaf hinna heiðnu laga, at menn skyldi eigi hafa hǫfuðskip í haf, en ef þeir

Исследователи трактуют этот фрагмент как аутентичную часть древнейшего исландского свода законов. Соответственно, можно заключить, что новые пришельцы не только верили в то, что остров заселён духами-хранителями земли, но стремились «вступить в контакт» с этими духами или уж, по крайней мере, не прогневать их. На основании этого и ещё ряда упоминаний духов-хранителей Б. Альмквист заключает, что первопоселенцы видели в этих существах «сверхъестественных правителей земли и природы»: их боялись, им совершали жертвоприношения²⁰. С принятием христианства духов-хранителей земли стали считать злыми духами, запрещали в них верить и им поклоняться. Свидетельство этого мы находим в «Законах Гулатинга», в норвежском областном своде законов конца XIII в., где в разделе о церковном праве в статье о колдовстве вера в духов-хранителей, живущих в рощах, курганах и водопадах, названа среди заблуждений и запрещена²¹. Правда, в первой трети XIII в. христианин Снорри Стурлусон внёс старый языческий рассказ о духах-хранителях земли в свой свод королевских саг²², а в 1918 г., когда Исландия после шести с половиной веков зависимости от Норвегии и Дании впервые стала самостоятельным государством (на тот момент — в унии с Датским королевством), рассказ Снорри был возведён в абсолютную степень и языческие диковинные существа заняли своё место на гербе наконец обретшей независимость страны как знак надежды нации на свободу и прогресс²³. Сначала герб выглядел как «увенчанный короной щит с помещённым на нём флагом Исландии. Изображены на гербе четыре общеизвестных духа-хранителя земли, а именно: дракон, большая птица, бык и великан». В 1944 г., когда Исландия стала суверенной республикой, герб был несколько видоизменён, но его символика осталась прежней. Согласно постановлению президента Исландии от 17 июня 1944 г., он должен был представлять собой «в небесно-синем поле серебряный крест, с огненно-красным крестом внутри. В гербе должны быть изображены четыре духа-хранителя земли, которые упоминаются в Хеймскрингле: бык — справа от щита; горный великан — слева; большая птица — справа выше быка; и дракон — слева выше горного великана.

hefði, þá skyldi þeir af taka hǫfuð, að þeir kæmi í landsýn, ok sigla eigi at landi með gapandi hǫfðum eða gínandi trjónum, svá at landvættir fælisk við».

²⁰ *Almqvist B.* Norrön niddiktning: Traditionshistoriska studier i versmági. Stockholm, 1965. Bd. I. Nid mot furstar. S. 119—184.

²¹ *Norges gamle Love indtil 1387.* Christiania, 1848. Bd. II. S. 30.

²² *Snorri Sturluson.* Heimskringla 1 / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1941 (Íslensk fornrit. Bd. XXVI). Bls. 271.

²³ См.: *Джаксон Т. Н.* «Духи-хранители земли» в «Хеймскрингле» Снорри Стурлусона // Церковная археология: материалы второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848—1917). СПб., 1998. Вып. 4. С. 95—99.

Щит покоится на основании из столбчатого базальта»²⁴ (рис.). Эта нетривиальная ситуация с помещением в XX в. на государственный герб страны мифологических персонажей из литературного памятника XIII в. характеризует особое мировосприятие исландцев и глубокую традиционность их культуры²⁵.

Рис.

Герб Исландии

Итак, норвежцы приплывали к острову, не занятому людьми, но наполненному духами-хранителями земли. Люди селились неподалеку от побережья, по берегам фьордов, в долинах, присваивали и занимали определённые участки земли. Процесс «занятия земли» сопровождался различными ритуалами. Первопоселенцы как бы ждали некоего знака судьбы или воли богов, чтобы решиться занять территорию. Наиболее распространённым и чаще всего описываемым в «Книге о занятии земли» был обряд выбрасывания за борт неподалёку от острова привезённых с родины деревянных столбов от почётного сиденья. Таким путём, надо думать, устанавливалась сакральная связь старого и нового мест обитания. Более того, восстанавливалась связь, которую можно назвать генеалогической, исторической, т. е. не предавалась забвению та позиция в обществе, которую занимал тот или иной предводитель корабля переселенцев у себя на

²⁴ Описание герба Исландии 1918 г. и герба Исландии 1944 г. цит. по: *Laxness E. Íslandssaga*. Reykjavík, 1995. Vd. III. Bls. 43.

²⁵ Подробнее см.: *Джаксон Т. Н., Подосинов А. В.* К вопросу о зоантропоморфных символах в архаической модели мира (*Landvættir* в «Саге об Олаве Трюггвасоне» Снорри Стурлусона) // *Вестник древней истории*. 2001. № 4. С. 149—167.

родине. Именно так поступил ок. 874 г. первый, согласно источникам, норвежский колонист, Ингольв Арнарсон. «Ингольвом звался один норвежец, который, как истинно говорят, первым приплыл оттуда в Исландию, когда Харальду Прекрасноволосому было шестнадцать лет», — лаконично сообщает Ари в «Книге об исландцах»²⁶. «Книга о занятии земли» (S 6—9), напротив, уделяет немало внимания Ингольву и его троюродному брату и побратиму Лейву, прозванному Хьёрлейвом²⁷. Именно из-за убийства, совершённого последним, побратимам и пришлось покинуть Норвегию. Перед отплытием «Ингольв совершил большое жертвоприношение и попытался узнать свою судьбу, а Хьёрлейв никогда не хотел совершать жертвоприношения. Предсказания указали Ингольву на Исландию. <...> Когда Ингольв увидел Исландию, он бросил за борт на счастье столбы от своего почётного сиденья; он так сказал об этом, что поселится там, где столбы прибуёт к берегу»²⁸. Корабли приблизились к берегу в южной четверти острова, но столбы сразу не обнаружили. Ингольв высадился на землю в том месте, которое сейчас зовется Мыс Ингольва. Хьёрлейв поплыл на запад вдоль берега, а следующей весной он был убит своими рабами. Столбы Ингвара были найдены только на третью зиму: «Ингольв отправился по пустоши вниз к побережью; он поселился там, где столбы от его почётного сиденья выбросило на берег; он жил в Заливе Дымов; эти столбы до сих пор стоят там в общей комнате его дома»²⁹. Любопытен комментарий его раба Карли, заявившего в момент переселения, что они перешли с хорошей земли на плохую. Эти слова приоткрывают для нас смысл данного поступка Ингольва; по крайней мере, мы понимаем, что не на лучшую землю должны были указать прибитые к берегу столбы, что вряд ли их несло по волнам силами и заботой местных духов-хранителей. Столбы, тем самым, символизировали связь не с настоящим или будущим, а с прошлым³⁰.

К сожалению, источник не сообщает, какому божеству совершил перед отплытием жертвоприношение Ингольв, но мы знаем, кому поклонялся бежавший

²⁶ Íslendingabók. Bls. 5: «Ingólfr hét maðr nórnenn, er sannliga es sagt at færi fyrst þaðan til Íslands, þá es Haraldr enn hárfagri vas sextán vetra gamall».

²⁷ Landnámabók. Bls. 38, 40—46.

²⁸ Ibid. Bls. 42: «Þenna vetr fekk Ingólfr at blóti miklu ok leitaði sér heilla um forlög sín, en Hjörleifr vildi aldri blóta. Fréttin vísaði Ingólfi til Íslands. [...] Þá er Ingólfr sá Ísland, skaut hann fyrir borð og ndugissúlum sínum til heilla; hann mælti svá fyrir, at hann skyldi þar byggja, er súlurnar kœmi á land».

²⁹ Ibid. Bls. 45: «Ingólfr fór um várit ofan um heiði; hann tók sér bústað þar sem ondvegissúlur hans höfðu á land komit; hann bjó í Reykjarvík; þar eru enn ondvegissúlur þær í eldhúsi».

³⁰ Известный своим колдовством Лодмунд Старый так же, как и Ингольв, поменял место своего обитания, когда нашлись столбы от его почётного сиденья (Ibid. Bls. 302—307). То же проделал и Торд Борода, сын Храппа, проживший на первом месте более десяти лет (Ibid. Bls. 312). Больше года понадобилось Хроллаугу, сыну ярла Рёгнвальда, высланному из Норвегии конунгом Харальдом Прекрасноволосым, чтобы найти свои столбы и обосноваться на новом месте (Ibid. Bls. 316—317). Хастейн, сын норвежского ярла Атли Тошего, выбросил за борт столбы от почётного сиденья, «согласно древнему обычаю» («at fornum síð»), и в итоге поселился в южной четверти Исландии (Ibid. Bls. 371—375).

в Исландию другой знатный норвежец, Торольв Бородач с Мостра. На столбах его почётного сиденья был вырезан бог Тор, которому он пообещал посвятить всю занятую землю, к которой прибьёт выброшенные им за борт столбы³¹. Найдя столбы, прибитые к некоему мысу в западной четверти острова, он назвал его Мысом Тора. М. Клуни Росс считает возможным утверждать, что акт «занятия земли» на острове был связан с богом Тором и что эта связь была традиционной³². Ритуал определения места будущего поселения на основании того, куда прибьёт выброшенные за борт столбы, что стояли у почётного сиденья предводителя корабля на его родине, связан не с духами-хранителями страны, но с «древними обычаями», с языческими богами, которым первопоселенцы поклонялись ещё в Норвегии, с жертвоприношениями и магическими обрядами.

Тем не менее в историографии до недавнего времени господствовало мнение, что все эти ритуалы были адресованы духам-хранителям как прежним владельцам земли, были направлены на то, чтобы умилоустивить их, обеспечить себе их покровительство и как бы получить от них землю³³. На мой взгляд, правы те исследователи, которые полагают, что они служили средством доказать соперникам — претендентам на ту или иную землю на острове — своё право на владение этой территорией³⁴. Ту же направленность имели и ритуалы, позволявшие закрепить за собой определённую территорию: вкапывание столбов, обнос территории кострами и проч. Правило обноса территории сформулировано в «Книге о занятии земли» (Н 294), где рассказывается, что люди, приплывшие в Исландию под конец периода заселения, обвиняли тех, кто приехал раньше, в том, что те захватили слишком много земли, и просили конунга Харальда Прекрасноволосого как-то ограничить допустимые размеры присваиваемой территории. Он так и сделал и постановил, что ни один человек не должен брать себе земли больше, чем он может обойти за один день, от восхода до заката солнца, зажигая костры на таком расстоянии один от другого, чтобы всегда был виден дым от предыдущего костра, но делая это не в одиночку, а при помощи тех людей, которые приплыли с ним на его корабле³⁵. Трудно сказать, отдавал ли конунг Харальд такое распоряжение, но,

³¹ Ibid. Bls. 124—126.

³² Clunies Ross M. Prolonged Echoes. Vol. 2. P. 143.

³³ Strömbäck D. Att helga land. Studier i Landnáma och det äldsta rituella besittningstaganget // Festskrift tillägnad Axel Hägerström den 6 september 1928 av filosofiska och juridiska föreningarna i Uppsala. Uppsala; Stockholm, 1928. S. 198—220; Almquist B. Norrön niddiktning. Bd. I; 1974. Bd. II. D. 1—2. Nid mot missionärer. Senmedeltida nidtraditioner.

³⁴ См.: Clunies Ross M. Prolonged Echoes. Vol. 2. P. 153; ср.: Джаксон Т. Н. Заселение Исландии: мифологический аспект // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18—20 апреля 2012 г. : материалы конференции. М., 2012. С. 84—89.

³⁵ Landnámabók. Bls. 337, 339.

по крайней мере, на его активное отношение к массовой миграции из Норвегии указывает Ари Мудрый в «Книге об исландцах»: опасаясь, что Норвегия обезлюдеет, конунг запретил отъезд из страны, а те, кто всё же хотели уехать, должны были платить конунгу налог размером в пять эйриров серебра³⁶. Использование огня в момент апроприации земли засвидетельствовано и в сагах, причём применительно к более позднему времени. Так, в «Саге о Курином Торире» рассказывается, как Одд из Междуречья, приехав в Эрнольвову Долину и попав на пепелище, находит головню. «Затем он объезжает дом по ходу солнца с пылающей головнёй в руках. Тут он сказал: “Землю эту я беру себе, ибо не вижу на ней обитаемого жилья. Да слышат это свидетели, которые здесь присутствуют”»³⁷. Как пишет в комментарии к этому месту саги А. В. Циммерлинг, «Одд воспроизводит ритуал первопоселенца, устанавливающего своё право на землю; движение по ходу солнца было прерогативой богов и связывалось с магическим действием»³⁸. При всей своей сакральности процедура явно была адресована людям, «свидетелям, которые здесь присутствовали»: очевидцы могли впоследствии подтвердить факт присвоения земли. Из «Книги о занятии земли» (Н 276) следует, что и женщинам, стремившимся поселиться на острове, было позволено взять землю, правда меньшей площади, чем мужчинам, а именно столько, сколько женщина могла обойти весенним днём, от восхода до заката, ведя за собой двухлетнюю тёлку³⁹, и вновь при этой процедуре могли присутствовать свидетели⁴⁰. Не вызывает сомнения, что все формы апроприации земли были, среди прочего, ориентированы на то, чтобы принадлежность земли новому хозяину стала известна некоторому количеству людей, что немаловажно в бесписьменном обществе, где в основе разрешения споров и принятия судебных решений лежали показания очевидцев. Эпоха заселения закончилась ок. 930 г., когда стало понятно, что на острове больше нет свободной земли⁴¹, и в начавшихся распрях относительно границ земельных владений свидетели описанных выше сакральных процедур играли далеко не последнюю роль.

Датская исследовательница Кирстен Хаструп одну из своих книг об Исландии

³⁶ Íslendingabók. Bls. 5.

³⁷ Сага о Курином Торире // Исландские саги / пер. с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга. М., 2000. С. 27.

³⁸ Там же. С. 312.

³⁹ Landnámabók. Bls. 321.

⁴⁰ Подробнее о ритуалах, сопровождавших «занятие земли», см.: Джаксон Т. Н. Древнескандинавское пространство // Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. *Imagines mundi*: античность и средневековье. М., 2013. С. 305—319.

⁴¹ Bayock J. Viking Age Iceland. London, 2001. P. 84—89. (См. тж. рус. пер.: Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов / пер. с англ., фр. и древнеисл. И. Свердлова. М., 2012. С. 146—153.) Впрочем, в историографии имеется базирующаяся на археологических материалах точка зрения, согласно которой заселение острова продолжалось не менее ста лет (Smith K. P. Landnám: The settlement of Iceland in archaeological and historical Perspective // World Archaeology. 1995. Vol. 26. No. 3. Colonization of Islands. P. 319—347).

назвала «Остров антропологии»⁴². Действительно, этот остров, изолированно расположенный на крайнем севере Атлантики, представляет собой подлинную лабораторию для исторического антрополога на всём протяжении своей истории, ну а в своей, можно сказать, «начавшейся с нуля» истории — тем более. Исландия (благодаря историко-географическим особенностям) даёт возможность изучения малого сообщества, каким на начальном этапе являлись первопоселенцы и их семьи, а впоследствии — несколько увеличившееся по сравнению с первым периодом население острова, через призму (благодаря уникальной древнеисландской литературе), так сказать, местного знания, местной точки зрения на события, через интерпретацию происходившего в данном месте и в данное время в терминах норм и категорий самого общества. История заселения Исландии, представленная здесь, — не то же самое, что рассказал бы средневековый исландец, но и не единственная история, которую могли бы написать современные историки и антропологи. Не надо думать, что данным наблюдениям недостаёт достоверности, — напротив, эта история правдива, но в ней заключена не вся правда, а только некая её сторона. Процесс заселения Исландии представлен здесь лишь в двух аспектах: историко-географическом, связанном с ментальной картой средневековых норвежцев и исландцев, и в сакрально-процессуальном. Обе эти стороны сложного процесса «занятия земли» отражают типичную для исландской ментальности связь их старой и новой родины — перенос «старых» пространственных и религиозных представлений в новую, только ещё формировавшуюся, среду обитания.

Список литературы

Байок, Дж. Л. Исландия эпохи викингов / Дж. Л. Байок ; пер. с англ., фр. и древнеисл. И. Свердлова. — Москва : Астрель, 2012. — 911 с.

Глазырина, Г. В. Заселение Исландии как пример средневековой миграции / Г. В. Глазырина // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18—20 апреля 2012 г. Материалы конференции. — Москва : ИВИ РАН, 2012. — С. 65—69.

Гуревич, А. Я. Походы викингов / А. Я. Гуревич // *Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги.* — Санкт-Петербург : Издательство Сан-Петербургского университета, 2007. — С. 81—186.

Джаксон, Т. Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава / Т. Н. Джаксон // *Одиссей. Человек в истории.* 1994. —

⁴² *Hastrup K.* The Island of Anthropology: Studies in past and present Iceland. Odense, 1990.

Москва : Наука, 1994. — С. 54—64.

Джаксон, Т. Н. «Духи-хранители земли» в «Хеймскрингле» Снорри Стурлусона / Т. Н. Джаксон // Церковная археология. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская Духовная Академия, ИИМК РАН, 1998. — Вып. 4. Материалы второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.В. Покровского (1848–1917). — С. 95—99.

Джаксон, Т. Н. Заселение Исландии: мифологический аспект / Т. Н. Джаксон // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18—20 апреля 2012 г. Материалы конференции. — Москва : ИВИ РАН, 2012. — С. 84—89.

Джаксон, Т. Н. Древнескандинавское пространство / Т. Н. Джаксон // Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. *Imagines mundi*: античность и средневековье. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2013. — С. 279—419.

Джаксон, Т. Н. К вопросу о зооантропоморфных символах в архаической модели мира (*Landvættir* в «Саге об Олаве Трюггвасоне» Снорри Стурлусона) / Т. Н. Джаксон, А. В. Подосинов // Вестник древней истории. — 2001. — № 4. — С. 149—167.

Almquist, B. *Norrön niddiktning: Traditionshistoriska studier i versmagi* / B. Almquist. — Stockholm: Almquist & Wiksell, 1965—1974; — Bd. I. Nid mot furstar. — Bd. II. D. 1–2. Nid mot missionärer. Senmedeltida nidtraditioner.

Bayock, J. *Viking Age Iceland* / J. Byock. — London: Penguin Books, 2001. — 447 p.

Clunies Ross, M. *Prolonged Echoes. Old Norse myths in medieval Northern society* / M. Clunies Ross. — Odense : University Press of Southern Denmark, 1998. — Vol. 2. The reception of Norse myths in medieval Iceland. — 222 p.

Craigie, W. A. *The Religion of Ancient Scandinavia* / W. A. Craigie. — London : Constable & Company, 1906. — 71 p.

Hastrup, K. *The Island of Anthropology: Studies in past and present Iceland* / K. Hastrup. — Odense : University Press, 1990. — 339 p.

Jackson, T. N. *Norway and the islands of the Atlantic Ocean in the Icelandic sagas: “kringla heimsins” before and after the settlement of Iceland* / T. N. Jackson // *Historisk tidsskrift* (Oslo). — 2017. — Bd. 96. — No. 1. — S. 7—22.

Jones G. *The Norse Atlantic Saga: Being the Norse Voyages of Discovery and Settlement to Iceland, Greenland, and North America* / G. Jones. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 1986. — 337 p.

Laxness, E. *Íslandssaga* / E. Laxness. — Reykjavík : Vaka-Helgafell, 1995. — Bd. III. S—Ö. — 223 bls.

Munch, P. A. *Norse Mythology: Legends of Gods and Heroes* / P. A. Munch ; in the rev. of M. Olsen, transl. from the Norwegian by S. B. Hustvedt. — New York :

The American-Scandinavian foundation, 1926. — 397 p.

Simek, R. Lexikon der germanischen Mythologie / R. Simek. — Stuttgart : Kröner, 1984. — 525 s.

Smith, K. P. Landnám: The settlement of Iceland in archaeological and historical Perspective / K. P. Smith // World Archaeology. — 1995. — Vol. 26. — No. 3. Colonization of Islands. — P. 319—347.

Solheim, S. Landvættir / S. Solheim // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. — København : Gyldendal, 1981. — Bd. X. — Sp. 300—302.

Strömbäck, D. Att helga land. Studier i Landnáma och det äldsta rituella besittningstagandet / D. Strömbäck // Festskrift tillägnad Axel Hägerström den 6 september 1928 av Filosofiska och Juridiska föreningarna i Uppsala. — Uppsala; Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1928. — S. 198—220.

Turville-Petre, E. O. G. Myth and Religion of the North: The Religion of Ancient Scandinavia / E. O. G. Turville-Petre. — London : Greenwood Press, 1964. — IX, 340 p.

НАЗАРОВА Евгения Львовна / NAZAROVA Evgeniya

Институт всеобщей истории Российской академии наук / Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

ezis08@gmail.com

**ИЗ ИСТОРИИ ИМПЕРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ПРИБАЛТИЙСКОМ
КРАЕ 60—70-х гг. XIX в.**

**SEVERAL EPISODES OF THE IMPERIAL LANGUAGE POLICY IN THE BALTIC
PROVINCES IN 1860—1870s**

Abstract: The author examines documents from the archive of the Moscow Educational Region which reflect three aspects of the problem of the spread of the Russian language in the Baltic provinces: 1. The bad teaching of the Russian language in the Baltic provinces and poor knowledge of the Russian language by high school graduates in the region. 2. The attempts of Estland governor M. Galkin-Vrassky to find Russian officials for his provincial administrative staff among the graduates of the Moscow University in 1869; 3. The history of the training of teachers of the Russian language for the Dorpat Educational Region which took place in the Moscow University in 1870s. The documents show that the profession of a teacher of the Russian language was not considered as prestigious both by Russian and Baltic German students. Thus, the government's intention to introduce the Russian language in the Baltic region in the provincial administration was not realized properly. The attempt to teach Russian as an obligatory school-subject in the Baltic German gymnasiums was not successful too. A serious mistake of the imperial language police in the Baltic provinces was the reluctance of the authorities to use well educated Estonians and Latvians as teachers and officials in this region, although they were more inclined to serve to the state as Baltic Germans. The failure of this language program stimulated the imperial authorities to more radical Russification of the Baltic region, which was supported by a part of the Russian society. The wide Russification in the Baltic region took place in the reign of Alexander III.

Ключевые слова / Keywords: Прибалтийские губернии Российской империи, введение русского языка в учреждениях и учебных заведениях Прибалтийских губерний, подготовка учителей русского языка для Прибалтийских губерний в XIX в., Московский университет в 60—70-х гг. XIX в., Дерптский учебный округ, Московский учебный округ, М. Н. Галкин-Врасский / Baltic provinces of the Russian Empire, the introduction of the Russian language in the administration and educational institutions, the training of teachers of the Russian language for the Baltic provinces in the 19th century, Moscow University, Dorpat Educational Region, Moscow Educational Region, M. N. Galkin-Vrassky.

В процессе интеграции Прибалтийских губерний в Российскую империю одним из главных административных (и плохо решаемых) вопросов в течение всего XIX в. оставался вопрос о языке общения местных социальных верхов с властями империи. По условиям привилегий, полученных прибалтийским дворянством за согласие присоединить бывшие шведские владения на Востоке Балтики к Российской империи, официальным языком в автономии оставался немецкий. С эпохи правления Екатерины II, когда центральные власти начали проводить активные меры по реальной интеграции Лифляндии, Эстляндии и Курляндии в Российскую империю, разница между

государственным языком и административным языком Остзейского края оказалась существенным препятствием в общении и управлении регионом. Отсутствие хорошего знания русского языка чиновниками администрации Прибалтийских губерний наталкивалось на незнание или плохое знание немецкого языка чиновниками имперской администрации, тем более во внутренних российских губерниях. Имперские и региональные чиновники очень часто в прямом смысле «говорили на разных языках», отчего нередко возникало неправильное понимание в Остзейском крае распоряжений из Петербурга. А в центральных имперских учреждениях раздражение вызывала необходимость использовать переводчиков при работе с документами из Прибалтийских губерний. Попытки же властей империи ввести русский язык в качестве обязательного для общения прибалтийской администрации с правительственными инстанциями рассматривались местным дворянством как покушение на дарованные им Петром I права.

С 1820-х гг. русский язык преподавался в гимназиях Дерптского учебного округа (далее — ДУО) и в Дерптском университете. Но обучение велось плохо. Гимназисты и студенты, которые не были ориентированы на дальнейшую работу за пределами Остзейского края, не видели особой необходимости в хорошем изучении государственного языка. Кроме того, не хватало квалифицированных учителей. В начале 1861 г. ввели подготовку учителей русского языка на открытых в Дерпте педагогических курсах. Но популярностью среди жителей края эта специальность не пользовалась. Не принесло положительного результата и распоряжение по Министерству народного просвещения занимать вакансии учителей русского языка в ДУО выпускниками университетов из других губерний империи¹. Русские учителя не стремились ехать в чуждую для них по менталитету Прибалтику. Кроме того, трудно было найти кандидатов с хорошим знанием немецкого языка.

При нехватке учителей русского языка в самом ДУО странно выглядит правительственный указ от 25 мая 1864 г. о выделении 30 стипендий для подготовки в Дерптском университете учителей не для своего региона, а для Северо-Западного края (литовских и белорусских губерний). Причём обучение должно было вестись на русском языке. На стипендии могли претендовать как православные, так и лютеране, проживавшие в Прибалтийских губерниях². Правда, неизвестно, была ли эта программа вообще реализована.

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения (далее — Сборник МНП). СПб., 1865. Т. 3. № 279. Стб. 557.

² Там же. № 550. Стб. 1163—1164.

В самом прибалтийском обществе отношение к учителям русского языка (как местным, так и приезжим) долгие годы было не слишком благожелательным. Ещё в 1870 г. учитель и общественный деятель Г. А. Пассит (из семьи православных латышей) писал лидеру латышского национального возрождения К. Валдемарсу, что в Прибалтийском крае «учитель русского языка — в настоящем смысле этого слова — стоит меж двух огней; сверху требуют по русскому языку успехов, ученики [имеются в виду местные немцы. — *Е. Н.*] с молоком матери, с каждым дыханием родителей и старших впитывают ненависть и презрение ко всему, что называется русским, а в особенности к русскому языку, с которым им приходится сталкиваться [всё] осязательнее. ...Нерасположение к науке почти всегда переносится на преподавателя»³.

Хотя ситуация с русским языком в Прибалтийском крае сильно беспокоила имперские власти, в условиях постоянной политической нестабильности в соседних Северо-Западном крае и Царстве Польском они не хотели обострять отношения со здешним немецким дворянством⁴. Сам Александр II отмечал, что с русским языком в крае «положение трудное», но «действуя с тактом, можно достигнуть, чего мы желаем»⁵. При этом при дворе следили за тем, чтобы и русские чиновники знали немецкий язык⁶.

Всё же по мере того, как увеличивалось экономическое значение Прибалтийского края для развития империи, менялось и отношение остзейских немцев к русскому языку. Они начали осознавать не только потребность в знании государственного языка, но и то, что наличие владеющих русским местных специалистов позволит ограничить приток в край русских чиновников. К тому же наглядным примером последствий конфронтации с имперским центром служили меры по административной и национальной русификации бывших земель Речи Посполитой после подавления восстания 1863—1864 гг.

С конца же 1860-х гг. выпускники гимназий региона — среди них были уже не только немцы, но и в небольшом числе латыши и эстонцы — всё чаще стали выбирать для продолжения образования российские университеты. Однако при хорошей подготовке по другим предметам они часто не могли поступить в университет из-за

³ Krišjānis Valdemārs. *Lietišķā un privātā sarakste*. Rīgā, 2007. 2. sēj. (далее — *Sarakste* 2007). № 293. Лрр. 294.

⁴ О роли русского языка как элемента национальной политики имперских властей в Прибалтийском крае до начала русификации национальных окраин в 1880-х гг. см.: *Назарова Е. Л.* Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края в политике властей и представлениях общественности Российской империи. XIX в. // *Исторический путь литовской письменности: сб. материалов конференции*. Вильнюс, 2005. С. 261—291.

⁵ Из воспоминаний М. Н. Галкина-Врасского об аудиенции у императора после назначения его на должность эстляндского губернатора. См.: *Галкин-Врасский М. Н.* Из записной книжки 1868 г. Назначение эстляндским губернатором // *Русская старина*. 1917. Т. 169. Год 48-й. Январь. С. 97—104.

⁶ Там же. С. 99—102.

проблем с русским языком⁷. Плохая языковая подготовка в гимназиях начинала беспокоить и самих учеников, и их родителей. Соответственно, появились претензии и к руководству учебных заведений. В это же время лидеры латышского и эстонского национального возрождения начали призывать власти страны активно использовать коренное население в процессе интеграции региона в империю. О том, что латыши готовы к изучению русского языка и необходима лишь поддержка правительства (финансовая и законодательная) для реализации учебных программ, лидер латышского национального возрождения Кришьянис Валдемарс неоднократно писал в конце 1860—70-х гг. министру народного образования Д. А. Толстому⁸.

Таким образом, отторжение русского языка частью прибалтийского общества сталкивалось с осознанием потребности в нём другой частью жителей региона и с планами имперских властей по административной русификации.

В архивном собрании Московского учебного округа (далее — МУО) сохранились материалы, которые на конкретных примерах позволяют полнее раскрыть разные аспекты проблемы распространения русского языка в Прибалтийских губерниях. Ниже рассмотрим лишь несколько документов, относящихся к концу 1860—70-х гг.

27 сентября 1867 г. от попечителя ДУО А. А. Кейзерлинга его коллеге в Москве А. П. Ширинскому-Шихматову было направлено письмо с выражением обеспокоенности судьбой двух несостоявшихся студентов Московского университета. Кейзерлинг сообщал, что выпускники гимназий ДУО Александр Зандер и Карл Роза (он мог быть и латышом Карлисом Розе / Karlis Roze) сдавали испытания, необходимые для поступления в Московский университет. Но им было отказано в приёме «по причине неудовлетворительных сведений в русском языке». Когда же молодые люди вернулись в Дерпт, оказалось, что они опоздали и «для поступления в Дерптский университет». Кейзерлинг просил попечителя МУО прислать в Дерпт их письменные сочинения, чтобы можно было понять требования по русскому языку в Московском университете и сообщить о них гимназиям в Прибалтийских губерниях. При этом Кейзерлинг выражал «сожаление, что отказом в приёме в означенный университет эти люди лишаются весьма удобного случая к усовершенствованию своих познаний в русском языке»⁹. Ширинский-

⁷ Об уровне подготовки по русскому языку в Дерптском университете и гимназиях Прибалтийских губерний в первой половине — середине XIX в. см.: Назарова Е. Л. Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края... С. 264—267.

⁸ Krišjānis Valdemārs. Lietišķā un privātā sarakste. Rīgā, 1997. 1. sēj. (далее — Sarakste 1997). № 60. Lpp. 172; № 84. Lpp. 215; Назарова Е. Л. Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края... С. 273, 274.

⁹ Центр хранения документов до 1917 г. (далее — ЦХД). Ф. 459. Оп. 2. Д. 3129. Л. 4—4об.

Шихматов, в свою очередь, отдал распоряжение ректору Московского университета, чтобы тот послал в Дерпт Кейзерлингу «необходимые сведения по его письму»¹⁰.

Нет оснований полагать, что упомянутые юноши были первыми выходцами из Прибалтийских губерний, которые собирались поступать в российские вузы и не смогли преодолеть затруднения с русским языком. Повышенное внимание попечителя ДУО к данному случаю было обусловлено, скорее всего, тем, что в том же году в имперском правительстве начался очередной виток активности по внедрению русского языка в учебные заведения Прибалтийских губерний. Еще 1 июля 1867 г. в Кабинете министров было принято постановление о мерах по улучшению преподавания русского языка в ДУО. Было предписано ввести уроки русского языка в четырёх младших классах гимназий округа. Кроме того, со следующего года следовало ввести в одной из гимназий округа преподавание всеобщей истории на русском языке, а в Риге должна была быть учреждена русская гимназия¹¹.

Очевидно, для Кейзерлинга поступление Зандера и Розы в Московский университет было бы подтверждением хорошей подготовки по русскому языку во вверенных ему гимназиях. Провал же их являлся свидетельством того, что вмешательство правительства в этот процесс вполне оправдано. Тем более что особое недовольство и самих абитуриентов, и их родственников, и местного общества в целом вызвала двойная неудача молодых людей: не смогли поступить в Московский университет и опоздали со сроками поступления в Дерптский.

Вполне вероятно, что этот случай сыграл не последнюю роль в том, что правительство установило особый контроль за преподаванием русского языка в крае, учредив в 1868 г. должность специального помощника попечителя ДУО¹².

Нехватка в регионе чиновников разного уровня, знавших русский язык, стала серьёзной проблемой для управления Прибалтийскими губерниями в конце 1860-х гг., когда сношение с имперскими правительственными структурами в очередной раз было решено перевести на государственный язык. Характерно, что за исполнением этого решения ещё более пристально, чем при дворе и в правительстве, следили представители русской общественности славянофильской ориентации. В газете «Московские ведомости» и в других печатных изданиях появлялись статьи, разоблачавшие отсутствие или «зажимание русского элемента» в Остзейском крае.

¹⁰ Там же. Л. 1, 3.

¹¹ Сборник МНП. СПб., 1871. Т. 4. № 214. Стб. 478; № 263. Стб. 590—612. О русской гимназии в Риге как одном из лучших учебных заведений в Прибалтийском крае см.: *Бартеле Т. М.* Рижская Александровская гимназия (1868—1914) — ответ на вызовы времени // *Россия и Латвия в потоке истории*. 2-я половина XIX в. — 1-я половина XX в. М., 2015. С. 7—35.

¹² Сборник МНП. СПб., 1877. Т. 5. № 155. Стб. 732.

Причём настрой «Московских ведомостей» не изменило и высказанное непосредственно М. Н. Каткову в конце 1868 г. мнение императора, что постоянные, «безусловные порицания» прибалтийских немцев за отношение к русскому языку приносят «вред, а не пользу», достигают «противоположной цели»¹³.

Показательно в этом отношении письмо от 26 августа 1869 г. курляндского губернатора П. фон Лилиенфельда, обратившегося к К. Валдемарсу за помощью против чрезмерных нападков «Московских ведомостей». По заверению Лилиенфельда, в его губернии добросовестно исполняются «все правила относительно введения русского языка в присутственных местах». Губернатор просил Валдемарса объяснить «почтенной редакции... невозможность... представить публично какие-либо оправдания», поскольку в газете требуют от него больше, чем он уполномочен своими служебными обязанностями¹⁴.

Понимая, что лучшими специалистами с необходимым знанием двух языков могли быть местные уроженцы, знакомые с обстановкой в регионе, бывший губернатор Курляндской губернии (в 1858—1868 гг.) И. фон Бреверн и Прибалтийский генерал-губернатор (1866—1870 гг.) П. П. Альбединский осенью 1868 г. обратились в Министерство народного просвещения (очевидно, каждый в отдельности) с предложением упростить испытания по русскому языку и словесности для выпускников прибалтийских гимназий при поступлении их в российские университеты. Оба чиновника настаивали, что нет необходимости требовать от прибалтийских абитуриентов совершенного владения русским языком. Достаточно таких знаний языка, чтобы они смогли слушать и понимать лекции. Практические же навыки в русском языке они в любом случае приобретут, общаясь с русскими студентами и окружающими жителями в годы обучения в университете. Если же прибалтийские уроженцы смогут учиться только в Дерптском университете, где преподавание ведётся по-немецки, или поедут в Европу, они совсем забудут русский язык и не будут полезны для работы в России¹⁵.

Рассуждения Бреверна и Альбединского полностью разделял и товарищ министра народного просвещения И. Д. Делянов. Однако в письме к попечителю МУО князю А. П. Ширинскому-Шихматову (от 19 октября 1868 г.) Делянов замечал, что не сможет поддержать данное предложение, ибо упрощение испытаний по русскому языку

¹³ Галкин-Врасский М. Н. Из записной книжки 1868 г. С. 99.

¹⁴ Sarakste 2007. № 284. Lpp. 481.

¹⁵ ЦХД. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3215. Л. 2—2об. Следует добавить, что Альбединский старался стимулировать изучение русского языка и в народных лютеранских школах, в связи с чем обратился к военному министру с предложением сократить призывникам, знающим русский язык, срок службы на два года. См.: Назарова Е. Л. Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края... С. 273—274.

противоречит §§ 85 и 86 Устава российских университетов. По его словам, министерство предпримет меры по улучшению преподавания русского языка в Прибалтийском крае. Вместе с тем это не исключало и подготовку прибалтийских выпускников в российских университетах. Последнее тем более было важно, ибо полностью отвечало «Высочайшему повелению» от 1 июня 1867 г. «О введении в коронных присутственных местах Прибалтийского края делопроизводства на русском языке». Поэтому Делянов просил Ширинского-Шихматова посодействовать, чтобы Совет Московского университета временно проявлял бы к прибалтийским абитуриентам «некоторое снисхождение» на испытаниях в языке и словесности до тех пор, пока меры по улучшению преподавания русского языка не дадут результатов¹⁶.

Письмо было переслано в университет. Однако оттуда поступил уклончивый ответ, что «в настоящем году никто из окончивших курс в Остзейских гимназиях не поступал прямо в Московский университет, но из Дерптского университета перешли пять студентов, которые на основании университетских правил не подлежали проверочным испытаниям». Затем аналогичный ответ был послан из МУО в министерство¹⁷. По сути дела, это была подсказка (хотя, возможно, и невольная) проректора Г. Щуровского, как можно принимать прибалтийскую молодёжь в русские университеты, не нарушая университетского Устава.

Тем не менее для подготовки специалистов из прибалтийских уроженцев необходимо было несколько лет, а чиновники в Остзейских губерниях нужны были сразу. Такая проблема подбора чиновников, которые могли бы одинаково свободно общаться и с имперским центром, и с немецкоязычными региональными структурами, встала перед вновь назначенным губернатором Эстляндии М. Н. Галкиным-Врасским. Прибыв в самом конце 1868 г. в Ревель и оценив там обстановку, он обратился в поисках чиновников для своей администрации в Московский университет. В письме от 21 марта 1869 г. к А. П. Ширинскому-Шахматову Галкин-Врасский просил помочь найти молодых людей из выпускников или окончивавших курс Юридического факультета Московского университета, которые бы согласились занять вакансии двух делопроизводителей в Эстляндском губернском правлении, «правителя канцелярии губернатора» и «чиновника особых при нём поручений». Обязательными условиями для кандидатов было русское происхождение и хорошее знание немецкого языка, «который

¹⁶ Там же. Л. 1, 1об., 2об.

¹⁷ Там же. Л. 5.

до сих ещё пор употребляется в сношениях со всеми некоронными учреждениями губернии»¹⁸.

Делая выбор в пользу русских чиновников со знанием немецкого языка, а не наоборот, губернатор в определённой степени отступал от указания императора «действовать с тактом». Очевидно, что с точки зрения профессиональной подготовки и знания местных законов (им губернатор изначально уделял большое внимание)¹⁹ подходящих людей, способных быстро освоить русский язык, Галкин-Врасский мог найти и на Юридическом факультете Дерптского университета. Кроме того, он, возможно, учитывал и то, что чиновники, не связанные родственными или дружественными связями с жителями региона, смогут без оглядки на местное общество лучше исполнять свои обязанности.

Князь Ширинский-Шихматов серьёзно отнёсся к просьбе эстляндского губернатора и переслал письмо декану Юридического факультета В. Н. Лешкову, который тут же взялся за поиски будущих стипендиатов. Однако первые поиски показали, что предложения работы в Эстляндии «не производят на студентов никакого особенного впечатления»²⁰. В записке попечителю МУО от 20 мая 1869 г. Лешков писал, что «знание немецкого языка для деловых сношений, весьма обыкновенное вознаграждение [700—800 руб. в год. — *Е. Н.*], всё это не весьма тешит воображение» выпускников. Правда, он полагал, что ещё могут найтись желающие и «надо обождать»²¹.

Но и из другой докладной записки в МУО (от 3 июля) следовало, что, несмотря на все распоряжения, «до сих пор только один действительный студент [то есть выпускник университета без особых успехов. — *Е. Н.*] Юридического факультета изъявил желание посвятить себя службе в Эстляндской губернии». Другим возможным претендентом был действительный студент Математического факультета, имевший опыт службы «по ведомству Юстиции». Лешков спрашивал, устроят ли эти кандидатуры губернатора Галкина-Врасского²².

Ответ Галкина-Врасского на данное письмо неизвестен. Но очевидно, что эта информация носила сугубо предварительный характер. До конца июля не было полной уверенности, что выпускники, о которых шла речь, не найдут более подходящую для себя работу, чем служба в Ревеле. К окончательному утверждению кандидатур для работы в Эстляндской губернии вернулись в конце июля. В письме М. Н. Галкину-

¹⁸ ЦХД. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3309. Л. 1—1об.

¹⁹ Галкин-Врасский М. Н. Из записной книжки 1868 г. С. 100.

²⁰ ЦХД. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3309. Л. 2.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 3.

Врасскому от 23 июля 1869 г. помощник попечителя МУО князь Н. П. Мещерский назвал имена только двух, а не четырёх выпускников Юридического факультета Московского университета: кандидата университета [то есть получившего первую учёную степень по окончании полного курса с отличием. — *Е. Н.*] Александра Коробкина и действительного студента Константина Станюкевича, которые «изъявили желание посвятить себя служебной деятельности в Эстляндской губернии»²³.

Станюкевич мог быть тем действительным студентом, который упоминался в записке от 3 июля, а кандидата Коробкина нашли в последний момент, возможно, пообещав быстрый карьерный рост или достаточно быстрый перевод в Россию. Студент же Математического факультета не упоминается. Математик, хоть и с опытом работы в органах юстиции, скорее всего, Галкина не устроил. Коробкину и Станюкевичу были даны хорошие характеристики как знающим специалистам и перспективным работникам, но в письме не говорилось о степени владения ими немецким языком. Поэтому из Ревеля в Москву поступила телеграмма с просьбой срочно сообщить «достаточно ли знают немецкий язык рекомендуемые молодые люди», так как «язык этот в настоящее время еще необходим при делопроизводстве». На что был дан ответ: молодые люди знают «немецкий язык настолько, что при практике скоро будут свободно изъясняться»²⁴.

Дальнейшая судьба этих молодых людей неизвестна — так же как и то, кем были заполнены все необходимые вакансии в канцелярии эстляндского губернатора: нашли ли кого-то в других российских университетах или все-таки взяли на работу выпускников из Дерпта, подучив их русскому языку. В любом случае, было очевидно, что намерение заполнить все должности в губернских структурах русскими чиновниками и выходцами из других регионов плохо выполнимо.

Параллельно с этим в министерстве начали воплощать в жизнь указ от 1 июля 1867 г. о подготовке учителей русского языка для ДУО. Помимо гимназий и прогимназий было обращено внимание и на обязательное введение уроков русского языка в начальных народных латышских и эстонских школах. Правда, русский язык ввели сначала только в школах при православных приходах, которые финансировались из Министерства народного просвещения. Соответствующее постановление было принято 2 марта 1870 г. Учителей русского языка для таких школ предполагалось готовить в двух вновь открытых учительских семинариях по образцу семинарии,

²³ Там же. Л. 7—8.

²⁴ Там же. Л. 9—9об.

учреждённой в 1864 г. в г. Молодечно Виленского Учебного округа²⁵. Последнее означало, что учителями в такой семинарии должны были быть русские и православные, как и в семинарии в Молодечно²⁶.

Но и для работы в семинариях требовались хорошо подготовленные учителя. К тому же предполагалось, что учителя русского языка смогут также исполнять обязанности делопроизводителей в учреждениях ДУО. Они должны были вести переписку с центральными и местными «присутственными местами» на русском языке²⁷. При русских гимназиях, начавших работу в 1868 г. в Риге и в 1871 г. в Ревеле, предполагалось открыть подготовительные отделения для обучения латышей, эстонцев и немцев русскому языку, чтобы они затем смогли бы там учиться²⁸.

Для выпускников прибалтийских гимназий, которые захотели бы получить специальность учителя русского языка, был учреждён специальный стипендиальный фонд. Стипендиаты могли получить высшее образование за казённый счёт, за что должны были по направлению министерства обязательно отработать шесть лет. Первоначально, ещё в 1869 г., предполагалось, что группа из шести стипендиатов будет создана при Московском университете. Стипендиатов должен был назначать Дерптский университет, а обучение в Москве рассчитывалось на два года. При этом допускалось, что среди таких стипендиатов будут студенты, не слишком хорошо владеющие русским языком, то есть не обязательно этнические русские. Затем, однако, в министерстве решили, что целесообразнее открыть такую группу при Историко-филологическом институте в Петербурге, специально готовившем учителей для гимназий. Студенты там жили в пансионе при институте и могли постоянно общаться по-русски с русскими однокашниками. К тому же в институте подготовка учителей проходила «через практические упражнения студентов в преподавании в состоящей при нём гимназии», а в университете педпрактике уделялось меньше внимания. Указ о стипендиях при Историко-филологическом институте был утверждён Государственным советом 21 февраля 1872 г.²⁹

Дальнейшая судьба этой группы неизвестна. В любом случае шесть стипендиатов Историко-филологического института не могли восполнить нехватку учителей русского языка и низкий уровень его преподавания в Прибалтике. Поэтому в 1873 г. в министерстве вернулись к вопросу о создании группы стипендиатов в Московском университете. Соответствующий указ был утверждён императором 28 октября 1873 г.

²⁵ Сборник МНП. Т. 4. № 519. Стб. 1510—1530; Т. 5. № 20. Стб. 46—48.

²⁶ Там же. Т. 3. № 554, 555. Стб. 1174—1190.

²⁷ Там же. Т. 4. № 521. Стб. 1530—1531.

²⁸ Там же. Т. 5. № 68. Стб. 179—192.

²⁹ Там же. № 155. Стб. 714—717.

Группа создавалась на тех же условиях, что и в Историко-филологическом институте, включая стипендию в размере 400 руб. каждому студенту (позже предполагалось увеличить размер стипендии до 500 руб.). Профессору, руководившему обучением стипендиатов, выделялось до 900 руб. в год³⁰.

Во исполнение указа министр просвещения граф Д. А. Толстой поручил правлению Московского университета найти подходящих студентов, а также связаться по данному вопросу с руководством ДУО. Но в отличие от стипендиатов Историко-филологического института, набравшихся из уроженцев Прибалтийского края разных национальностей, в группе стипендиатов университета четыре человека должны были назначаться попечителем ДУО из русских, «окончивших полный гимназический курс в одной из прибалтийских гимназий». А на две оставшиеся стипендии могли претендовать студенты Московского университета, но обязательно русского происхождения и «достаточно знакомые с немецким языком при своём поступлении в университет». Эти студенты в процессе обучения обязаны были прослушать в университете курс немецкого языка и словесности и «выдержать из онога надлежащие испытания»³¹.

Стипендии были открыты с начала календарного 1874 г., и почти сразу же начались сложности. Так, согласно указу, руководство студентами поручалось одному из профессоров Историко-филологического факультета Московского университета по назначению министерства, который должен был преподавать им русский язык. На эту должность был назначен профессор истории русской литературы Ф. И. Буслаев, который в 1859 г. преподавал литературу наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, что может свидетельствовать о большом внимании к проекту императора Александра II.

Буслаев, как отмечалось в документах, сам согласился вести занятия в группе, за что ему было назначено вознаграждение в размере 850 руб. в год. Но вполне вероятно, что согласие Буслаева было не совсем добровольным, а желание видеть его в этом качестве исходило как раз из окружения Александра II или от самого императора. У Буслаева была ещё ранее запланирована длительная заграничная командировка с 1 мая 1874 г. по 1 сентября 1875 г., от которой он не захотел отказываться. На это время вместо него руководить стипендиатами был назначен не менее известный историк русской литературы ординарный профессор Н. С. Тихонравов³². А по возвращении из командировки Буслаев заявил совету Историко-филологического факультета, что «желает передать руководство Дерптскими стипендиатами ординарному профессору Тихонравову». Тот уже с ними работал и «изъявил согласие принять это руководство на

³⁰ Там же. № 437. Стб. 2165—2177.

³¹ ЦХД. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3661. Л. 1—2.

³² Там же. Л. 4, 9—10, 12.

себя». Возможно, интерес при дворе к программе подготовки учителей уже слегка поостыл, поэтому попечитель МУО, посоветовавшись с министерством, разрешил замену руководителя³³.

Очень сложно оказалось найти кандидатов на две стипендии среди студентов Московского университета. 30 апреля 1874 г. ректор университета профессор С. М. Соловьев сообщил в МУО, что «в текущем академическом году не нашлось подходящих требованиям кандидатур». То есть русских студентов, прилично знавших немецкий язык, не привлекала перспектива проработать шесть лет в немецких гимназиях Прибалтийских губерний. Хотя стипендия по тем временам была вполне приличной³⁴. Занять вакансии согласились только два студента Историко-филологического факультета, которые перевелись в Московский университет из Дерптского. Согласно характеристике руководства факультета, эти студенты «отличались по своим успехам». Поэтому совет университета предложил дополнить правила о стипендиях положением, по которому «в случае невозможности заместить стипендии студентами коренного русского происхождения, Историко-филологическому факультету предоставляется право назначать эти стипендии студентам, поступившим в Московский университет по окончании гимназического курса в Дерптском учебном округе или перешедшим в Московский университет из Дерптского университета». Это предложение 27 мая 1874 г. было утверждено императором в качестве дополнения к предыдущему указу³⁵.

Но и в ДУО подбор кандидатов на четыре стипендии из русских уроженцев Прибалтийского края — выпускников немецких гимназий не был простой задачей. Поэтому по указу от 27 мая 1874 г. разрешалось брать стипендиатов «и не русского происхождения», которые показали «как во время пребывания в гимназии, так и на выпускном испытании основательное знание русского языка»³⁶.

Привлечь студентов в группу стипендиатов решили также послаблением на выпускных экзаменах. Студенты университета, чтобы поступить на работу в средние учебные заведения, должны были сдать специальные экзамены на право преподавать в гимназии и прогимназии. Экзамены были достаточно сложными, требовали как широких теоретических знаний по предмету, так и практического умения донести эти знания до учеников. В 1875 г. по предложению профессора Тихонравова студенты его группы могли быть освобождены от такого сложного экзамена на звание учителя русского

³³ Там же. Д. 3740. Л. 2—3об.

³⁴ Для сравнения скажем, что именная стипендия в память 50-летнего юбилея восстановления Дерптского университета составляла в 1852—1872 гг. 250 руб. В 1872 г. был поставлен вопрос о постепенном увеличении её до 300 и 350 руб. (Сборник МНП. Т. 5. № 215. Стб. 1400—1402).

³⁵ ЦХД. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3661. Л. 15, 17—17об.

³⁶ Там же. Л. 17об.

языка, но с условием, что все они (включая кандидатов от ДУО) должны были официально стать студентами Славяно-русского отделения Историко-филологического факультета Московского университета. Им предписывалось посещать все положенные занятия и сдавать экзамены. Освободить дерптских стипендиатов от испытаний на звание учителя русского языка, по замечанию Тихонравова, можно было на том основании, что они «достаточно к выпуску владеют русским языком, чтобы удовлетворять требованиям»³⁷. Это замечание свидетельствовало о том, что среди стипендиатов ДУО были в тот момент не только этнические русские.

Однако освобождение от экзамена на звание учителя не позволяло определить профессиональную пригодность окончивших курс стипендиатов, поскольку в испытания входило не только определение уровня владения ими русским языком, но и умение его преподавать. Студенты Московского университета проходили практику в разных московских гимназиях, но отсутствие ожидаемого испытания автоматически снижало внимание испытуемых к этой части их подготовки. Надо также учесть, что в Москве студенты учили гимназистов родному языку, а в Прибалтике должны были преподавать русский язык как иностранный. О том же, что в программу обучения стипендиатов входили практические занятия в прибалтийских учебных заведениях, в документах не упоминается.

Требование пройти курс обучения на Славяно-русском отделении неожиданно выявило степень прилежания стипендиатов и их способности. Как оказалось, не все стипендиаты были настроены на интенсивную учебу в течение четырёх лет. Показательна в этом плане переписка в 1876 г. между университетом и обоими учебными округами об исключении стипендиата Николая Мачевского (национальность его неизвестна). Ещё в 1867 г. Мачевский закончил Юридический факультет Дерптского университета, после чего работал домашним учителем и только затем оказался в числе стипендиатов от ДУО. Но став студентом Московского университета, он «не мог с успехом следить за профессорскими лекциями и к переходному экзамену на II курс не явился», в связи с чем был оставлен на I курсе. В следующем году в университете он не показывался, «получая отпуска по ходатайству попечителя Дерптского учебного округа». Пропуски оправдывались справками о его плохом здоровье и вредностью для него московского климата. Поэтому в случае его отчисления чиновники из ДУО просили освободить его «от возмещения стипендии», то есть от возврата уже потраченных на него денег. Мачевского пригласили на заседание совета факультета, чтобы выяснить, не хочет ли он остаться «в числе своекоштных студентов». Но оказалось, что его вообще

³⁷ Там же. Л. 21—26.

нет в Москве, хотя отпуска ему на те дни не давали. Разразился скандал, в результате которого Мачевский был вообще «уволен из университета»³⁸. Заставили ли его вернуть стипендиальные деньги — неизвестно.

Такая ситуация могла возникнуть потому, что эти стипендиаты в бóльшей мере подчинялись попечителю ДУО, нежели администрации Московского университета. Поэтому было решено «более определённо прописать отношения между дерптскими стипендиатами и Московским университетом». Согласно решению Министерства народного просвещения, изложенному в циркуляре от 4 июля 1876 г., «отношения попечителя Дерптского учебного округа к стипендиатам сего округа, воспитывающимся в Московском университете, ограничиваются только выбором лиц, которым могут быть назначены четыре из этих стипендий». Впредь рекомендуемые попечителем ДУО кандидаты должны были проходить вступительные испытания наряду с другими абитуриентами, а также подчиняться всем университетским правилам. Отпуск во время учебного года предоставлялся им только по предварительному согласованию между канцелярией попечителя ДУО и руководством Московского университета. Вопрос о возвращении стипендиальных денег в случае исключения их из числа студентов университета до окончания курса обучения должен был рассматриваться министерством отдельно в каждом конкретном случае³⁹.

Введение в действие названных изменений сделало бы подготовку учителей русского языка для Прибалтийского края более эффективной. Вместе с тем повышались и требования к посылаемым на учебу стипендиатам, что сокращало и без того небольшое число претендентов на эти стипендии.

Документы о дальнейшей истории этого стипендиального фонда и подготовленных по нему учителей русского языка пока не найдены, хотя можно сказать, что очередной этап в работе группы начался после избрания Н. С. Тихонравова летом 1877 г. ректором Московского университета⁴⁰. В этом случае должен был смениться руководитель группы.

Документы, отражающие дальнейшую судьбу этого проекта, пока не известны. Но и представленные выше материалы позволяют сказать, что результаты проведения программы подготовки учителей в жизнь были далеки от замыслов тех, кто её разрабатывал. Не были учтены специфические условия Прибалтийского региона, отношение к усилению русского влияния и к учителям русского языка в прибалтийско-немецком обществе. Кроме того, полностью игнорировались уже обозначившиеся к

³⁸ Там же. Л. 29—30.

³⁹ Там же. Л. 33, 33об., 36, 36об.

⁴⁰ Там же. Д. 3793.

концу 1860-х гг. возможности использовать в данной программе студентов из латышей и эстонцев. Не исключено, что среди дерптских стипендиатов и попадались латыши и эстонцы, но они рассматривались в общем потоке прибалтийского «не русского» (равнозначного немецкому) начала, а не как конкретно представители большинства коренного населения. И вряд ли могло быть иначе при ориентированности имперских властей в правление Александра II на остзейское дворянство. Вместе с тем создаётся впечатление, что невозможность (неумение, нежелание) реализации программы разумного внедрения государственного языка в административных структурах и учебных заведениях Прибалтийских губерний сыграла на руку сторонникам радикальной русификации, ставшей официальной национальной политикой в Российской империи при Александре III.

Список литературы

Бартеле, Т. М. Рижская Александровская гимназия (1868—1914) — ответ на вызовы времени / Т. М. Бартеле // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX в. — 1-я половина XX в. — Москва : ИВИ РАН, 2015. — С. 7—35.

Галкин-Врасский, М. Н. Из записной книжки 1868 г. Назначение эстляндским губернатором / М. Н. Галкин-Врасский // Русская старина. — 1917. — Т. 169. — Год 48-й. — Январь. — С. 97—104.

Назарова, Е. Л. Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края в политике властей и представлениях общественности Российской империи. XIX в. / Е. Л. Назарова // Исторический путь литовской письменности : сб. материалов конференции. — Вильнюс : Институт литовского языка, 2005. — С. 261—291.

Сборник постановлений Министерства народного просвещения. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1865—1877. — Т. 3—5.

Krišjānis Valdemārs. Lietišķā un privātā sarakste. — Rīgā : Latvijas Valsts Vestures Archivs, 1997—2007. — Sēj. 1—2.

ЯГОДКИН Анатолий Александрович / YAGODKIN Anatoliy

Московский педагогический государственный университет, Институт истории и политики, кафедра новой и новейшей истории / Moscow State University of Education, Institute of History and Politics, Department of Modern and Contemporary History
Россия, Москва / Russia, Moscow
yagodkinanatoly@yandex.ru

ФИНЛЯНДИЯ ГЛАЗАМИ ИСПАНЦА. «ПИСЬМА ИЗ ФИНЛЯНДИИ» АНХЕЛЯ ГАНИВЕТА

FINLAND THROUGH THE EYES OF A SPANIARD. ÁNGEL GANIVET'S FINNISH LETTERS

Abstract: The article analyses *Finnish Letters* by a Spanish writer Ángel Ganivet (1865—1898). He wrote them in 1896—1898, when he was the Consul of Spain in Helsinki. Ganivet is known for his deep interest for the problems of national character. The article considers *Finnish Letters* in the context of Ganivet's philosophical views and the contents of his other works on the problem of national character. Ángel Ganivet's *Finnish letters* are represented as a valuable source for the study of the cultural ties between Spain and Finland and the problems of representation of national culture.

Ключевые слова / Keywords: Испания, Анхель Ганивет, «Письма из Финляндии», финская культура, национальный характер, «Калевала» / Spain, Ángel Ganivet, *Finnish letters*, Finnish culture, national character, *the Kalevala*.

Анхель Ганивет-и-Гарсия (1865—1898) — испанский писатель и философ, путешественник и дипломат, уроженец Гранады. В испанистике Ганивет рассматривается как один из основоположников идей «Поколения 1898 года»¹. Под «Поколением 1898 года» в историографии и литературоведении принято понимать группу испанских интеллектуалов, остро переживавших в своём творчестве проблемы исторического развития Испании².

Жизнь Анхеля Ганивета пришлась на период, когда Испания вступала в сложный этап своей истории, в эпоху общенационального и ментального кризиса. Ганивет стал одним из авторов, заложивших основы осмысления «Испании как философской проблемы». Главным его философским трудом считается «Испанская идеология»³, в этой книге он изложил свои взгляды на судьбу, прошлое и будущее родной страны, а также оформил свою концепцию «национального характера» и «национальной культуры». Писателя волновали проблемы исторической судьбы народов, культурного своеобразия и национального менталитета. Именно эти сюжеты стали центральными в

¹ См., например: Тертерян И. А. Испытание историей: очерки истории Испанской литературы. М., 1973. С. 30.

² Там же.

³ Исп. «Idearium español». В историографии используется несколько вариантов перевода названия: «Испанская идеология», «Испанское мировоззрение», «Свод испанских идей». Ganivet A. Idearium Español. 2da ed. Madrid, 1905. URL: <https://archive.org/stream/ideariumespaol00ganigoog#page/n7/mode/2up> (30.04.2016).

творчестве Ганивета и были разработаны в его главных произведениях: «Испанская идеология», «Прекрасная Гранада» и художественном романе «Пио Сид».

Профессиональная дипломатическая деятельность сделала его «писателем, лишённым родины». Размышлять о проблемах родной страны ему приходилось, находясь на чужбине. «Выбранная дорога отделила его от Испании, от своей матери, от своих друзей», — пишет Мельчор Фернандес Альмагро⁴. По долгу службы Ганивет много путешествовал, он был полиглотом, соприкасался с культурой других стран и народов. Ему довелось работать консулом в Антверпене, Ганновере, а также на территории Российской империи в Гельсингфорсе и Риге.

Анхель Ганивет прибыл на дипломатическую службу в Гельсингфорс в 1896 г. Здесь, в Финляндии, он дописал «Испанскую идеологию», которая была опубликована на родине и вызвала «оживление» и полемику в кругах испанских интеллектуалов. На родину он больше не вернулся, его жизнь оборвалась во время исполнения дипломатической миссии в Риге, куда он отправился после пребывания в Гельсингфорсе. Писатель покончил с собой в возрасте 32 лет, в марте 1898 г., не дожив нескольких месяцев до трагических событий, которые стали переломным моментом в истории Испании и дали импульс «Поколению 1898 года»⁵.

В рамках данной работы рассматривается «финский этап» жизни и творчества Анхеля Ганивета. Во время своего пребывания в качестве консула в Гельсингфорсе Ганивет написал «Письма из Финляндии»⁶, в которых отразил свой взгляд на современную ему Финляндию, рассмотрел проблемы финской культуры и менталитета.

Несмотря на то что последние три года жизни писателя были связаны с нашей страной и проблемы России и её национальных окраин были затронуты в творчестве автора, в России фигура и творческое наследие Анхеля Ганивета остаются недостаточно известными. В российской историографии можно выделить всего две специальные работы, посвящённые анализу жизни и творчества мыслителя, в которых отражены его

⁴ Цит. по: *Lopez Burgos M. A. Literatura de viajes: las cartas finlandesas // Estudios sobre la vida y la obra de Ángel Ganivet: a propósito de las Cartas finlandesas / ed. de Mª Carmen Díaz de Alda Heikkilä. Madrid, 2000. P. 179.*

⁵ Имеется в виду поражение Испании в Испано-американской войне и подписание Парижского мирного договора в декабре 1898 г., по которому Испания лишалась своих последних колоний — Кубы и Пуэрто-Рико. Это событие обозначило окончательный распад испанской колониальной империи и оказало большое влияние на интеллектуальное сообщество.

⁶ Исп. «Las cartas finlandesas», дословно — «Финские письма». В российской историографии чаще используется вариант «Письма из Финляндии», он встречается в работе Кирилла Корконосенко (*Корконосенко К. С. Анхель Ганивет, «посланник испанской культуры» // Дипломаты-писатели. Писатели-дипломаты. СПб., 2001. С. 206—223*), а также в русском переводе статьи Фермина дель Пино Диаса: *Пино Диас Ф., дель. Пограничье и идентичность в понимании «Поколения 1898» // Пограничные культуры между Востоком и Западом: (Россия и Испания). СПб., 2001. С. 128.*

связи с российскими территориями. Это статьи А. И. Саплина⁷ и К. А. Корконосенко. Последняя посвящена непосредственно пребыванию Ганивета в России и в Финляндии и носит название «Посланник испанской культуры»⁸. Петербургский исследователь прилагает к своей статье перевод записки Ганивета «Испания и Россия: новые торговые горизонты». Это единственный текст Ганивета, переведённый на русский язык, его художественные и философские произведения остаются недоступными русскоязычному читателю.

Настоящая статья является предварительным этапом более серьёзного исследования «финского этапа» творчества Ганивета и культурно-исторических связей Испании с Финляндией и регионами Русского Севера. Её целью является рассмотрение «Писем из Финляндии» в контексте творческого наследия и философско-мировоззренческих установок писателя. Подобный ракурс позволяет затронуть ряд актуальных проблем современной гуманитарной науки, таких как проблемы «национального характера» и основ национальной культуры и менталитета, интерпретации чужой культуры. Данная работа рассматривает ряд сюжетов «Писем из Финляндии», интересных с точки зрения обозначенных выше проблем, а также их роль в исследовании «образа Финляндии» в глазах иностранцев с точки зрения взаимодействия и взаимопонимания национальных культур.

«Письма из Финляндии», или «Финские письма», состоят из двадцати двух глав «писем». Главы достаточно велики по объёму и не похожи на письма в классическом понимании, как образцы эпистолярного жанра. Скорее, это философско-публицистические эссе, в каждом из которых Ганивет рассматривает какую-то проблему финской жизни, культуры, истории, менталитета. Письма имеют свои названия, в них обозначается рассматриваемая проблема, и зачастую кратко резюмируется содержание письма. Уже из названий можно понять специфику и некоторые особенности произведения Ганивета, о которых речь пойдёт ниже. В названиях глав и в тексте «Писем» Ганивет называет себя «корреспондентом».

Первое письмо — вводное, в нём «корреспондент обозначает намерения». Здесь Ганивет формулирует основные цели и мотивы, которые побудили его к написанию «Писем из Финляндии».

В Испании в конце XIX в. немного знали о России и Финляндии. Направление Ганивета на службу в Россию вызвало большой энтузиазм у испанских коллег писателя. Виднейший представитель интеллектуального сообщества Испании того периода

⁷ Саплин А. И. Испанский мыслитель Анхель Ганивет // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 183—193.

⁸ Корконосенко К. С. Анхель Ганивет.

Мигель де Унамуну, которого всегда интересовала Россия, в начале 1898 г. писал в письме своему другу Анхелю Ганивету: «Испании не хватает человека подлинного ума, способного передать свои впечатления от всего русского. Вы не только консул испанского государства, но и посланник своей родной культуры. Вы сможете сделать много и очень много, чтобы познакомить нас с чужой душой»⁹. Ганивет откликнулся на просьбу друга и написал несколько заметок о России, одну из которых представил русскому читателю К. С. Корконосенко. В «Письмах из Финляндии» Ганивет также не мог обойти стороной Россию.

Реакция испанских интеллектуалов на дипломатическое назначение Ганивета показывает, с одной стороны, интерес испанской интеллигенции к России и её национальным окраинам, а с другой стороны, недостаточное понимание выдающимися представителями испанской мысли специфики исторической географии России и национально-культурных особенностей областей Российской империи в границах конца XIX в. Это обстоятельство определяет один из основных посылов «Писем» Ганивета и усиливает их значимость для исследования проблемы «диалога культур» в рассматриваемую эпоху.

Финляндия, национальная окраина Российской империи, представлялась испанцам загадочным и экзотическим краем. В начале своих «Писем из Финляндии» писатель отмечает, что ему поступали многочисленные просьбы гранадских коллег «делиться новостями» из этих далёких мест¹⁰. Свои письма Ганивет представил как «удалённый курс лекций», который он мог бы прочесть на кафедре Гранадского университета, где преподавал до поступления на дипломатическую службу. Не случайно он начинает писать их 1 октября — в день, когда в университетах Испании начинается учебный год.

Стоит заметить, что в самой Финляндии «Письма» Ганивета остаются недостаточно заметными на фоне прочих произведений, написанных иностранцами о Финляндии. На финский язык они были переведены только во второй половине XX в. и не снискали большого интереса у исследователей. Даже в академических кругах Финляндии немногие знают, кто такой Ганивет. На это обстоятельство обращает внимание финский учёный, профессор Хельсинкского университета Эррки Виерикко¹¹.

Недостаточная популярность писем у финской общественности может быть вызвана своеобразием жанра и выбранным форматом произведения. Оно было адресовано соотечественникам и преследовало цель дать самые общие сведения о

⁹ Цит. по: *Саплин А. И.* Испанский мыслитель Анхель Ганивет. С. 187.

¹⁰ *Ganivet A.* Las cartas finlandesas. Carta I [Электронный ресурс]. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/cartas-finlandesas-hombres-del-norte--0/html/feda7046-82b1-11df-acc7-002185ce6064_1.html#I_0 (11.08.2016).

¹¹ *Vierikko E.* Las Cartas finlandesas de Angel Ganivet vistas por finlandesas [Электронный ресурс]. URL: https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/aepe/pdf/boletin_18_10_78/boletin_18_10_78_15.pdf (10.10.2016).

различных областях финской жизни. Они интересны в контексте проблемы «диалога культур» и «интерпретации чужой культуры», исследуемых в рамках имагологии.

«Письма из Финляндии» Ганивета разительно выделяются на общем фоне свидетельств иностранцев о пребывании в других странах и прочих произведений, которые можно отнести к «путевой литературе». На эту разницу обращает внимание М. А. Лопес Бургос, рассматривая «Письма» в контексте «*literatura de viajes*». Исследовательница объединяет под этим названием такие жанры, как военные хроники, судовые книги моряков, дневники экспедиций в далёкие земли, записки послов¹². «Письма из Финляндии» можно было бы отнести к последнему виду, однако их автор был, скорее, писателем, чем дипломатом.

Несмотря на то что основной целью произведения было рассказать соотечественникам о далёкой стране Финляндии, Ганивет не останавливается на описании природы, своего пути, не уделяет должного внимания этнографии, как это часто бывает при создании путевых заметок. Он описывает свои впечатления, то, что видит и слышит вокруг, пропуская это через собственное понимание, собственный опыт и собственную трагедию.

Его записки о Финляндии — не просто взгляд обывателя, а философское осмысление другого народа. Во многом именно по этой причине «Письма из Финляндии» — любопытный и ценный источник для историков и литературоведов, занимающихся проблемами национальной культуры и её репрезентации.

Жанровое своеобразие «Писем» определяется их философичностью, глубоким личным отношением автора к проблеме «национального характера» и судьбы народов. Эти проблемы можно считать центральными в творчестве Анхеля Ганивета. Идеи, изложенные в его произведениях, которые посвящены Испании, находят отражение и в «Письмах из Финляндии». Одной из особенностей, отличающих их от этнографических записок и прочих свидетельств иностранцев, можно назвать универсальность. Описывая различные стороны финской жизни, Ганивет, в особенности в начале, обращается к главным вопросам национальной и мировой истории — национальному, этническому вопросам, факторам развития культуры и анализирует их на финском материале. Финляндия и финский народ рассматриваются в произведении Ганивета не сами по себе, а в контексте мировой истории. Автор демонстрирует нам свою эрудицию и хорошее знание основных проблем гуманитарной науки, которые он трактует в рамках своей концепции. При этом Ганивет признаётся, что пребывая на чужой земле, он всегда

¹² *Lopez Burgos M. A. Literatura de viajes. P. 180.*

ассоциирует себя с местным населением, не отрекаясь при этом от «испанской нации»¹³. Вопрос о финской идентичности волей-неволей становится центральным в «Письмах», писатель осмысливает его с глубоким личностным чувством. В этом отношении «Письма из Финляндии» интересно рассматривать в контексте творчества и судьбы Анхеля Ганивета как патриота, лишённого родины, и писателя, которого всегда волновала проблема «судьбы народа».

При рассмотрении «Писем» невольно напрашиваются параллели с «Испанской идеологией», особенно если учесть, что писались эти работы практически одновременно. Автор невольно соотносит «испанскость» и «финскость», рассматривает финскую культуру, исходя из своего мировоззрения и оперируя философскими построениями, заложенными в «Испанской идеологии». Испания и Финляндия, такие разные в культурном, географическом, политическом и историческом смысле страны, — разве может быть между ними что-то общее? Ганивет невольно задаётся этим вопросом, смотря на Финляндию глазами испанца. Одной из основ национальной идентичности в представлениях Ганивета является «дух народа» и его слияние с природой, а также географическая обусловленность, «дух территории». Автор строит свои рассуждения об особенностях тех или иных народов, исходя из условий жизни, климата и местоположения государства. Именно эти факторы, по Ганивету, влияют на образ мыслей. Отсюда разделение южного и северного менталитетов, на разницу которых Ганивет обращает внимание в первом, «вводном», письме: «Южное воображение рисует северные картины, как ему заблагорассудится». С изрядной долей юмора Ганивет стремится развенчать существующий стереотип, в рамках которого северяне представляются как «мужчины, похороненные под снегом, выходящие иногда, чтобы подышать свежим воздухом и выкурить сигаретку в приятном разговоре с северными оленями, медведями и тюленями»¹⁴.

Идея «духа территории» является главной для анализа «испанскости» в «Испанской идеологии» и для поиска «финскости» в «Письмах из Финляндии», проходя красной нитью через всё произведение. Важным фактором для Ганивета также является историческая роль тех или иных народов и их взаимоотношения с другими культурами. Для Испании это её «имперская роль» создателя других народов, которую Ганивет считает исторически неоправданной. У Финляндии же совершенно другая, оправданная её территориальным духом, историческая роль, роль угнетённого народа, находящегося

¹³ *Ganivet A. Las cartas finlandesas. Carta III.*

¹⁴ *Ibid. Carta I.*

на протяжении всей истории между шведской и русской культурами, что во многом определяет особенность финнов и является их исторической трагедией.

Во втором письме Ганивет обращается к проблеме этнического происхождения населения Финляндии, он предлагает читателю «беглый взгляд на основные европейские этнические группы»¹⁵, среди которых он ищет место финнов. В самом названии письма «финское ядро» определяется как маленькая часть скандинавской группы. Ганивет догадывается, что финское население не имеет этнических связей с народами индоевропейской группы. При этом автор указывает на большие языковые различия между народами Скандинавии, а венгра он называет «этническим братом» финна¹⁶. Он предполагает, что финны формируют отдельную «финно-угорскую группу», сильно подверженную «русификации», и выделяет несколько этнических типов, живущих на территории Финляндии, среди которых доминирующим считается финско-шведский тип.

В «Письмах» есть замечательный образ, при помощи которого Ганивет описывает современную ему Финляндию. Он представляет её похожей на дом, в котором «живут многие. На первом этаже живут русские — их совсем мало, они здесь хозяева. На втором — шведы, или финны, попавшие под влияние шведской культуры и забывшие родной язык и обычаи, в подвалах и чердаках, то есть во внутренней части страны, живут настоящие финны, законные хозяева»¹⁷. Главный исторический вопрос финнов — кем им быть, шведами или русскими, а главная историческая цель — остаться при этом финнами.

Описывая эту историческую проблему Финляндии, Ганивет обращается к сложному и дискуссионному национальному вопросу, пытаясь примерить к Великому княжеству Финляндскому различные, существовавшие тогда теории строения наций¹⁸. Он доказывает бесполезность всех упомянутых теорий, что отражается в названии одного из писем. Как известно, в Испании, с которой Ганивет неизбежно соотносил любой край, где ему довелось побывать, национальный вопрос является одной из наиболее острых исторических проблем. «Не было такого способа, чтобы организовать нации настолько удачно, чтобы каждая из них вмещала одну национальность», — пишет он. В основе проблемы «организации наций лежит внутренняя проблема каждой нации», которая проявляется на пограничных территориях или в колониях, если у государства,

¹⁵ Ibid. Carta II.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Цит. по: Корконосенко К. С. Анхель Ганивет. С. 109.

¹⁸ Ganivet A. Las cartas finlandesas. Carta III.

которое образует эта нация, есть колонии¹⁹. Ганивет не оперирует словом «государство», подменяя его словом «нация». Автор дифференцирует понятия «нация» (*nación*) и «национальность» (*nacionalidad*). В рамках концепции Ганивета эту дефиницию можно понимать следующим образом: *nación* — понятие более широкое. Так, в испанскую нацию, например, входят не только кастильцы, но и галисийцы, каталонцы, баски и народы Латинской Америки. Каждый из них можно определить как *nacionalidad*, которой Ганивет приписывает следующие признаки: раса, язык, религия, традиции и обычаи. В действительности Испания всегда была страной пёстрой в этническом и культурном плане, с сильными региональными традициями, то же самое можно сказать и о России, и о многих других крупных национальных государствах, которые включают народы более мелкие. Финляндия является примером, не вписывающимся в эту схему, находясь между двумя *naciones* и испытывая их влияние, финны не относятся ни к той, ни к другой (в отличие от басков, каталонцев, галисийцев и латиноамериканцев, которых при всех их особенностях можно отнести к единой общности, называемой «испанская нация»). Подобная интерпретация соотносится с существовавшей в европейском интеллектуальном дискурсе XIX в. концепцией государства-нации, а также с распространённым в историографии понимании XIX столетия как века «империй и национализма»²⁰. Это делает произведение Ганивета интересным в общеевропейском контексте истории национализма. Его концепция демонстрирует различный статус и характер интерпретации национальных окраин в рамках Российской и Испанской империй.

Специфичность Финляндии Ганивет объясняет через географический фактор. В своей «Испанской идеологии» он выделяет «островной», «полуостровной» и «равнинный» типы государства-нации²¹. Испания относится к полуостровному государству, а Россия — к равнинному, чем объясняется разница колониальной политики двух стран. Географическим положением он объяснял и специфику Финляндии, указывая, что Скандинавия — «не совсем определённый полуостров»²², который не имеет перешейка или естественной преграды (как Пиренеи), его пределы произвольны, в результате чего финские территории делятся пополам. Среди возможных границ Финляндии Ганивет называл линии между Финским заливом и Ладогой, между Ладогой и Онегой и между последним и Белым морем²³, то есть территории, относящиеся к современной Карелии. Сразу оговоримся, что Ганивет оперировал не политическими

¹⁹ Ibid.

²⁰ Миллер А. И. Модерные империи // Политическая наука. 2013. № 3. С. 35.

²¹ Саплин А. И. Испанский мыслитель Анхель Ганивет. С. 190.

²² Ganivet A. Las cartas finlandesas. Carta III.

²³ Ibid.

границами Великого княжества Финляндского, а границами «финских территорий» в этнокультурном и историческом плане. Вероятнее всего, говоря о «финском» и «финнах», их этнической и географической обособленности «между двумя метрополиями», Ганивет подразумевал в том числе и малые народы Карелии, относящиеся к финно-угорской группе.

Ощущая многообразие национальных и иностранных культурных веяний, Ганивет не мог удержаться от сравнения Финляндии с родной Андалусией, в которой со времён Реконкисты был достаточно силен арабский культурный элемент, притом что в актуальную эпоху развитие шло во взаимодействии и «испанского», и «цыганского» элементов. Таким образом, он невольно соотносит «финский национальный элемент» в составе русского государства с «андалусийским цыганством», погребённым в недрах испанской культуры.

Ганивет ощущал переплетение русского, финского и шведского элементов в современной ему финской действительности, но при этом рассматривал Финляндию как часть России (Российской империи). Будучи представителем государства с «великим, но трагичным» колониальным прошлым, Ганивет обращал внимание на особенность «российской колониальной империи». Его описание «русской роли» в жизни Финляндии и финнов идёт в разрез с представлением о России как «тюрьме народов». Писатель отмечает, что своим культурным и политическим развитием Финляндия во многом обязана России. Ганивет допускает оценочное суждение о том, что финны лучше, чем русские²⁴, но при этом отвергает идею о финской независимости. Главную особенность финской жизни и её зависимость от соседей писатель объясняет опять же через территориальную специфику. Территория Финляндии довольно велика, однако по причине сурового климата плохо заселена. Малое население Финляндии, по мысли Ганивета, не способно будет самостоятельно организовать оборону и политическое управление²⁵, в этом смысле «автономия» в составе России — лучшая историческая судьба для Финляндии.

Ганивет неоднократно замечает, что может оценивать Финляндию, лишь исходя из того, что он сам наблюдал, и судя по людям, которые его окружали. Описывая своё окружение, писатель замечает, что всегда доверял свои знакомства воле случая. Так получилось, что в Гельсингфорсе почти все его знакомые были женщины²⁶, поэтому в «Письмах из Финляндии» так много фрагментов, посвящённых «северным женщинам». Во многом на «женском примере» он описывает разницу между «финской» и

²⁴ Корконосенко К. С. Анхель Ганивет. С. 207.

²⁵ Там же.

²⁶ Ganivet A. Las cartas finlandesas. Carta X.

«испанской» ментальностью, отмечая, что «женщина — самый полезный источник информации».

Он пишет, что здесь можно иметь дружбу с женщиной без возникновения «более опасного чувства». В письме, описывающем социальное положение женщин, он указывает, что мальчики и девочки с младенчества обучаются вместе, общаются в одной компании, эти отношения продолжают и в дальнейшем общении. Женщина видит в мужчине товарища, коллегу, с которым может общаться как подруга, лишь в исключительных случаях отношения перерастают в более личное чувство — любовь (Ганивет использует шведское слово *kärlek*, которое в использованном издании его книги написано через диграф: *kaerlek*)²⁷.

Так, в Финляндии можно спокойно общаться с женщиной, бывать друг у друга в гостях, не опасаясь слухов о том, что эта женщина «хочет непременно выйти замуж и потому завела себе друга»²⁸. В Испании такое невозможно, это объясняется разницей в воспитании и восприятии друг друга представителями противоположных полов.

По Ганивету, северные женщины свободны, они живут не чувствами, а разумом, у них «ясная голова, и сердце функционирует, как хронометр», если северная женщина совершает глупость, то делает это «обдуманно».

Обращаясь к описаниям «финского женского характера», сделанным Ганиветом, не стоит забывать, что круг общения Ганивета, определявшийся его положением, должностью и местом проживания, ограничивался кругом интеллигенции и интеллектуалов. Среди своих знакомых женщин он упоминает художницу, студентку, служащую банка. Со многими из них он сходил на почву взаимного интереса к иностранным языкам, истории и культуре других стран. Отсюда возникает резонный вопрос: применимо ли сделанное Ганиветом описание северных женщин, например, к финской крестьянке? Можно предположить, что только отчасти.

Описывая круг своих знакомств в Финляндии, Ганивет вновь обращается к важной теме: к вопросу взаимного восприятия культур, образа чужой культуры. Он пишет о том, что его испанское происхождение вызывало у его финских знакомых интерес, но при этом финки не имеют какой-то определённой идеи относительно Испании, их представление об испанцах шаблонно, так же как и испанский взгляд на «северных людей», ироничное описание которого было приведено выше. Южные народы зачастую представляются северянам экспрессивными, горячими, страстными, при этом сам Ганивет отмечал, что своим поведением показывал «пример флегмы и спокойствия

²⁷ Ibid. Carta VIII.

²⁸ Ibid. Carta X.

многим финнам»²⁹. Испанец в глазах финской женщины казался чудачком, его невольно сравнивали с Дон Кихотом. Этот образ до сих пор воспринимается в мире как «истинный образец испанского характера». «Она считает меня сумасшедшим, не понимая, как можно быть идеалистом и при этом совершать безрассудные поступки и ребячества»³⁰, — так Ганивет описывает мнение о себе самом Марии Бергман.

Мария Бергман, урождённая Дьяковская, — русская женщина, соседка Ганивета, работавшая преподавательницей иностранных языков. Ганивет обратился к ней, чтобы выучить русский. Этим языком он так и не овладел на должном уровне³¹, но Мария стала его самой близкой «финской подругой», во многом именно она заставила его задуматься о «дружбе между мужчиной и женщиной» в том искреннем «северном» понимании, которое было приведено выше. Отношения Марии и Ганивета были чем-то средним между «дружбой по-фински» и «любовью по-испански». Сам Ганивет писал, что испытывает к ней иное чувство, чем к другим женщинам, хотя она более всех напоминает ему испанок. Исследователи биографии Ганивета отмечают значительную роль Марии Бергман на позднем этапе творчества писателя, их переписка продолжалась после отъезда писателя из Финляндии. Указывают также, что узнав о самоубийстве Ганивета, Мария отчасти испытывала вину за случившееся.

В связи с вышесказанным стоит затронуть также тему различий в понимании любви у финнов и испанцев, которую Ганивет также объясняет через «территориальный дух», определяющий «пределы финского характера»³². Лёгкость жизни в средиземноморском климате подогревает страсть, оживляет поиск идеальной любви, но также ведёт к ревности, ненависти, возвышенной борьбе за честь. Суровый климат северных территорий генерирует чувство другого рода (не случайно Ганивет использует шведское слово), именно условия жизни и климат порождают «свободу» финской женщины и побуждают её любить разумом. Пример северного проявления любви Ганивет находит в «Калевале», через содержание которой он объясняет многие особенности финской культуры и менталитета. Признание старого Вяйнямёйнена молодой Айно Ганивет называет «лаконичным», а самые страстные фразы, в представлении Ганивета, характеризуют любовь к матери.

²⁹ Ibid.

³⁰ Цит. по: *Корконосенко К. С.* Анхель Ганивет. С. 211.

³¹ Известно, что Ганивет был полиглотом. Саплин указывает в «послужном списке» Ганивета и русский язык. «Нужно сказать, что Ганивет так и не выучил русский... хотя в письмах он неоднократно сообщал о своём намерении заняться его изучением», — пишет К. С. Корконосенко, отмечая, что письма Марии Бергман из Риги он писал по-французски, «чтобы она могла их понять» (*Корконосенко К. С.* Анхель Ганивет. С. 212).

³² *Orriner N. R.* La vision diologista de Finlandia en cartas finlandesas // Estudios sobre la vida y la obra de Ángel Ganivet: a propósito de las Cartas finlandesas. P. 199.

Анализ Ганиветом «Калевалы» и «финской литературной традиции» — один из наиболее интересных и значимых сюжетов, затронутых в «Письмах из Финляндии», поэтому в завершение краткого рассмотрения писем стоит подробнее остановиться на нём. Живя у себя на родине в Гранаде, Ганивет занимался собиранием цыганского фольклора Андалусии и был редактором журнала «Defendor» (в переводе с испанского «Защитник»). Название издания можно считать говорящим, Ганивета действительно часто называют «защитником испанской культуры» и народной традиции. В этом отношении очевидна параллель между автором «Писем из Финляндии» и «финским врачом и лингвистом», как Ганивет называет Элиаса Лённрота, создателя «Калевалы». Испанский писатель без ложной скромности прибегает к такому сравнению.

Анализу «Калевалы» и финской фольклорной традиции посвящено 20-е письмо. Оно начинается с рассуждений о том, что первобытная, дохристианская эпоха оказалась наиболее значимой в культурной жизни финского народа. И действительно, финская литературная традиция остаётся малозаметной на фоне остальной Европы. Ганивет обращает внимание на этот феномен, задаваясь вопросом, почему у народа, имеющего столь богатую фольклорную и эпическую традицию, за всю историю не было создано ничего столь же значительного? Потому и высказывается мнение, что «Калевала» является стилизацией или вновь созданным произведением. Ганивет, однако, резко отвергает такую позицию, объясняя её спецификой исторического развития Финляндии. «Народ, подчинённый иноземному влиянию, не мог развернуться в своей свободе. Шведская культура, пересаженная Финляндии, задушила в зародыше местную культуру, и самый разумный возможный способ, — тот, к которому и прибегли финны: сохранить нетронутыми и спрятанными свои поэтические традиции, чтобы избежать их смешения и разложения»³³.

Вновь обращаясь к сопоставлению южного и северного, «финского» и «испанского», Ганивет сравнивает «Калевалу» со «средиземноморским» эпосом «Илиада». Сюжет обоих произведений разворачивается между двумя регионами-антагонистами — Грецией и Троей и Калевалой и Похьялой, но в отличие от первого случая дистанция между Калевалой и Похьялой оказывается «непреодолимой»³⁴. Он представляет «Калевалу» как подлинное произведение, которое населено персонажами, отражающими «дух территории», и которое не могло появиться ни в каком другом месте. Происхождение, сюжет и особенности «Калевалы» представляются Ганивету воплощением «подлинно финского духа». Душа народа, согласно его взглядам,

³³ *Ganivet A. Las cartas finlandesas. Carta XX.*

³⁴ *Orriner N. R. La vision diologista de Finlandia en cartas finlandesas. P. 199.*

формируется в первобытную эпоху и находит своё отражение в эпических сказаниях. Человек в древние времена отождествлял себя с территорией, и любовь к своей земле — один из важных лейтмотивов «Калевалы». Отсюда и понимание Ганиветом «любви к матери» как высшей формы любви, представленной в поэме. Любовь, по Ганивету, также является проявлением «духа земли». Воплощение «территориального духа» в поэме отражается даже в названии: Калевала — «земля детей Калевы»³⁵. Для Ганивета это подтверждает его идею о взаимосвязи «духа народа» и территории — идею, которая отражается во многих произведениях писателя и проходит красной нитью через его «Письма о Финляндии».

В завершение приведём небольшой отрывок из письма, посвящённого «Калевале» (Письмо XX. «Эпическая народная поэма “Калевала”»):

«Всё самое прекрасное и характерное в финской литературе возникает в героические дохристианские времена. Финский народ являет свой поэтический гений в изумительных творениях. Позже он замолкает, как тот, кто разом сказал всё, что должен был сказать, и прилагает усилия лишь для сохранения традиций этих первобытных творений. Скептик мог бы подумать, что финская народная поэзия была не первоначальным творением, но адаптацией. У народа, прожившего века и века в молчании, не могло быть такой вспышки велеречивости, как та, что обнаруживается в начале его истории. Однако сама эта история частично и объясняет аномалию. Народ, подчинённый стороннему влиянию, не может развернуться в своей свободе. Шведская культура, пересаженная Финляндии, задушила в зародыше местную культуру и самый разумный возможный способ, — тот, к которому и прибегли финны: сохранить нетронутыми и спрятанными свои поэтические традиции, чтобы избежать их смешения и разложения. Знаменательно, что повторное появление финской литературной традиции и, как следствие, воскрешение финской литературы было связано с окончанием физического и политического господства Швеции.

Первобытная литература Финляндии включает разнообразные жанры. Композиции лирического характера формируют большую коллекцию, названную “Кантелетар”. Это короткие песни на различные темы собственного сочинения, они поются в сопровождении *кантеле* — струнного инструмента, в первоначальном виде изобретённого мудрым героем Вяйнямёйненом. “Loitsurunot” — песни, относящиеся к магии, которая для первобытных финнов была сродни науке, видом натуральной философии. Объектом её было знание “изначальных слов”, или магических терминов, с

³⁵ Ibid. P. 198.

помощью которых, как считалось, можно было овладеть силами природы. Но ни одно из этих поэтических творений: ни легенды, ни фантастические рассказы, также представленные в изобилии, — не смогло передать великий полёт финского духа, грубого и энергичного, вынужденного существовать в постоянном противостоянии бесчеловечному климату. Его фундаментальным, не сказать уникальным, произведением стало поэтическое повествование об этой борьбе — «Калевала».

Главным сюжетом этих первобытных эпических песен была борьба между двумя территориями страны. Одна — на юге, Калевала, представляющая Суоми, или Финляндию. Другая, на севере, в Лапландии, где располагалось царство тьмы — Похья, или Похьяла. И у всех сражений был центральный мотив: они имели отношение к мельнице Сампо, которая является символом человеческого счастья и которая, даже исчезнув в море, продолжает даровать Финляндии процветание. С этим сюжетом были связаны многие песни: песнь о сотворении мира, песни Ёукахайнена, Айно, Куллерво и т. д.».

Сегодня многое из написанного Ганиветом о «Калевале» воспринимается как нечто тривиальное. Тем не менее нужно учитывать, что он писал это для испанцев и в период, когда с момента издания «Калевалы» прошло всего чуть более полувека и эпос был ещё малоизвестен европейцам. Ганивет стал первым испанцем, обратившимся к этой поэме. «Письма из Финляндии» интересны как характерный для своего времени пример анализа финской культуры в контексте мировой цивилизации, как попытка философского осмысления бытовых и культурных сюжетов финской жизни, а также как опыт сопоставления культурных традиций Испании и Финляндии. Используя общие концептуальные начала в «Испанской идеологии» и «Письмах из Финляндии», Ганивет предлагал механизмы восприятия чужой культуры и искал объяснения особенностей «духа народов» в различиях исторических условий. Он не просто описывал, а старался осмыслить чужой историко-культурный опыт в знакомых ему координатах. Конечно, «Письма» необходимо оценивать в контексте эпохи, в которую они были созданы, тогдашнего уровня развития гуманитарного знания и методологии, а также характера межкультурных взаимодействий в конце XIX в. Можно сказать, что «Письма из Финляндии» Анхеля Ганивета — одна из первых «ниточек» в последующих культурных связях Испании и России и в построении «взаимопонимания» двух народов с различными, если даже не диаметрально противоположными, историческими судьбами.

Список литературы

Корконосенко, К. С. Анхель Ганивет, «посланник испанской культуры» / К. С. Корконосенко // Дипломаты-писатели. Писатели-дипломаты. — Санкт-Петербург : Б. и., 2001. — С. 206—223.

Пино Диас Ф., дель. Пограничье и идентичность в понимании «Поколения 1898» / Ф. дель Пино Диас // Пограничные культуры между Востоком и Западом: (Россия и Испания). — Санкт-Петербург : Институт русской литературы РАН, 2001. — С. 123—133.

Саплин, А. И. Испанский мыслитель Анхель Ганивет / А. И. Саплин // Новая и новейшая история. — 1991. — № 3. — С. 183—193.

Lopez Burgos, M. A. Literatura de viajes: las cartas finlandesas / M. A. Lopez Burgos // Estudios sobre la vida y la obra de Ángel Ganivet: a propósito de las Cartas finlandesas / ed. De Mª Carmen Díaz de Alda Heikkilä. — Madrid : Castilla, 2000. — P. 176—183.

Orriner, N. R. La vision diologista de Finlandia en cartas finlandesas / N. R. Orriner // Estudios sobre la vida y la obra de Ángel Ganivet: a propósito de las Cartas finlandesas / ed. De Mª Carmen Díaz de Alda Heikkilä. — Madrid : Castilla, 2000. — P. 197—203.

Vierikko, E. Las Cartas finlandesas de Angel Ganivet vistas por finlandesas / E. Vierikko [Электронный ресурс]. — URL: https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/aepe/pdf/boletin_18_10_78/boletin_18_10_78_15.pdf. — (10.10.2016).

LEVINSON Kirill / ЛЕВИНСОН Кирилл Алексеевич

National Research University Higher School of Economics. Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева
Russia, Moscow / Россия, Москва
klevinson@hse.ru

**‘HOMESICK TOURISTS’ AND THE CHANGING PLACE OF BALTIC GERMANS
IN LATVIA’S HISTORICAL MEMORY***

**«НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ» И МЕНЯЮЩЕЕСЯ МЕСТО ПРИБАЛТИЙСКИХ
НЕМЦЕВ В ЛАТВИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Аннотация: На примере нескольких населенных пунктов в Латвии в статье анализируются изменения исторической памяти и, в особенности, того места в прошлом страны, которое в ней отводится прибалтийским немцам. На протяжении большей части XX в. историческое присутствие немецкого населения в регионе, особенно в Новое время, фигурировало в исторических нарративах как малозначимый феномен. Немецкие дворяне и бюргеры были отнесены к эксплуататорским классам и в этом качестве получали отрицательную оценку. После того, как Латвия стала независимой от СССР, немецкое наследие стало цениться гораздо выше как символ европейскости Латвии и один из важнейших факторов, привлекающих в страну иностранных туристов. Это особенно заметно в Риге. В небольших городах, таких как Кокнесе, партнерство с германским городом может возникнуть на почве исторических уз, связывающих бывших прибалтийских немцев с родными местами их предков, но это не обязательно влечет за собой историческую политику, подчеркивающую и позитивно оценивающую их присутствие в истории города. В сельской общине Иршского погоста трансформация местной исторической памяти во многом происходит под влиянием так называемых «ностальгирующих туристов» из Германии, которые приезжают в бывшую немецкую колонию Хиршенхоф, существовавшую с 1766 по 1939 г.

Keywords / Ключевые слова: History, historical culture, Baltic Germans, Latvia, homesick tourists / история, историческая культура, прибалтийские немцы, Латвия, ностальгирующие туристы.

Factors affecting the historical consciousness of people in cities, small towns and in rural settlements are presumably different. Changes in politics, economy and society which may lead to changes in peoples’ ideas of the past are believed to be slower in rural communities. The media impact is presumably different not only in quantitative¹ but, above all,

* The research was conducted within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program.

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program.

¹ The difference between urban and country life in terms of access to and uses of the media is rapidly declining as almost every household in Europe has TV and radio sets, and in an increasing number of regions, Internet

in qualitative terms: inhabitants of large cities see ‘themselves’ and ‘their’ history on television more often than do villagers. Therefore, city dwellers have more reasons to regard themselves as the target audience of the media’s changing historical discourse, which may cause them to embrace new practices of consuming history-based infotainment products and get involved in the media-facilitated speeding-up of historical time. The intellectual construction of new understandings of history and new discourses on the relation between the past and the future seems hardly likely to be found in rural communities where the intellectual social stratum usually is rudimentary. Factors associated with the changing material environment could perhaps make villagers aware of history as transformation, but it is difficult to imagine a peasant saving, for example, an old house solely as a historical monument. Empirical studies are needed to test and adjust such assumptions.

And finally, when we talk about the ‘invention’ or ‘social construction’ of history and its specific phenomena, in a rural community we hardly assume a variety of subcultures, institutions and actors whose reflection and / or spontaneous creativity would be able provide for a process of social construction characterized by dynamics comparable to those in a city. Instead, we would expect delayed and partial borrowing of such constructs from urban culture, with the pace and specific nature of this borrowing being determined by the compatibility of the imported historical knowledge with the tradition existing in the village.

To test the viability of this view, I shall describe changes in the historical culture of residents of one small rural community in Latvia and compare them with changes in a city and in a small town with regard to one particular subject matter, namely the appraisal of Baltic Germans’ role in the history of the respective locality.

Of course, assumptions cited above cannot be proved or disproved based on one case study. Therefore, what follows is just an example showing in what ways they may have to be modified when applied to empirical material. Field material was collected during a trip to Latvia in June 2012, where I accompanied a group of German tourists visiting Riga and Irši Parish and talked to them. Before and after this trip, I interviewed via email two persons in Germany who took part in this trip and/or other similar ones, and one local activist in Latvia. For privacy reasons, all persons were interviewed on condition of anonymity.

For an adequate understanding of changes that happened in the late twentieth and early twenty first centuries in Latvians’ attitudes on Baltic Germans’ role in the history of their country, it is necessary briefly to recapitulate this history.

The coexistence of Baltic Germans and Latvians lasted for many centuries, and throughout this time their relationship was not exactly rosy. Initially, this was due to the fact that the territory, where the ancestors of Latvians lived for more than three thousand years, came to be 'colonized' by Germans since the end of the twelfth century in what was a mixture of peaceful migration and military conquest of the pagan Baltic by the Livonian / Teutonic Order. The colonists and the Crusaders came as invaders and enemies of the native faith who instilled Christianity in Latvians by force and gradually turned them into serfs. Unlike other regions of the North-Eastern Europe, such as Prussia, Poznan, Pomerania, where German colonists were mostly peasants who occupied land for agriculture, in what is now Latvia Germans were mostly warriors, noblemen, clerics, craftsmen and merchants who mainly dwelled in towns and cities. In fact, they founded many of them, including Riga. They were the largest ethnic group in the middle and upper strata of burghers as well as nobility and clergy. While German aristocrats were not numerous, they owned sizable estates and large numbers of serfs². Germans never had more than 10% of the population of Courland and Livonia but dominated the economic and cultural life of the region.

Following the periods of Polish and Swedish rule, at the end of the Great Northern War in 1721 most of Livonia became part of the Russian Empire. Livonian territories which belonged to Poland were occupied by Russia after the partitions of Poland in 1772—1795. Baltic Germans, who were subjects of Swedish and Polish kings, became Russian subjects and faithful servants of the Russian Empire, which guaranteed them their traditional rights and privileges.

Soon after her accession to the throne, the young Empress Catherine II, herself a German, launched a campaign to recruit settlers from German lands suffering from overpopulation. In her manifesto Catherine invited German peasants to settle in the vast depopulated territories in the south of Russia, where they were provided large plots with fertile soil. Tens of thousands of families followed her call. They gathered in Lübeck to be shipped to Russia where Oranienbaum near St Petersburg served as a transshipment point. While the bulk of immigrants was then sent to the Volga region and to the regions near the Black Sea, some two hundred families of peasants and artisans were ordered to settle in Livonia in order to populate two estates belonging to the crown. Colonists, who arrived in 1766, were assigned big plots of land on which farms were built. This was the beginning of what was a unique

² Maksim M. Dukhanov, *Ostzeitsy: iav' i vymysel; o roli nemetskikh pomeschchikov i biurgerov v istoricheskikh sud'bakh latyshskogo i estonskogo narodov v seredine XIX veka* (Rīga: Liesma, 1970) and Maksim M. Dukhanov *Ostzeitsy: politika ostzeiskogo dvorianstva v 50—70-kh gg. XIX v. i kritika ee apologeticheskoi istoriografii* (Rīga: Liesma, 1978).

phenomenon in Livonia: two German agricultural colonies.³ In what follows we will focus on one of these, called Hirschenhof in German and Irši in Latvian.

Germans in Hirschenhof lived side by side with Latvians, but their coexistence was not a symbiosis.⁴ The colonists enjoyed a higher legal and social status because they were nobody's serfs but direct subjects of the crown and proprietors of their land (although entail meant that their sons except for the oldest ones were landless and had to rent land from others, even from Latvian farmers), while Latvian peasants were in bondage until the abolition of serfdom in 1816—1819.⁵ Even after the emancipation, inequality and segregation were obvious to all, and no efforts were taken to smoothen them throughout the history of the colony. The Germans and the Latvians understood each other in terms of language inasmuch as it was necessary for doing business, but they were governed by separate administration bodies (up to the 1880s), and had separate schools. Not even did the common religion bring them together: they went to different churches, even though the pastors in the Latvian church were Germans. Mixed marriages were extremely rare until the beginning of the twentieth century. In the few cases reported, landless German men who were tenants or employees of wealthy Latvian farmers married their daughters, which was looked askance at by their fellow colonists but still considered less of a disgrace than a German girl marrying a Latvian man.

Despite the fact that Baltic Germans for the most part had always been loyal subjects of the Russian Empire, in 1916, as German troops entered Russia's Baltic provinces, the colonists were deemed unreliable elements and deported to the interior of Russia. In 1918, during the German occupation of Latvia, they returned to Hirschenhof and found their farmsteads

³ The principal works on the history of this colony are Werner Conze, *Hirschenhof. Die Geschichte einer deutschen Sprachinsel in Livland* (Berlin: Junker und Dünhaupt, 1934, Nachdruck Hannover: Hirschheidt, 1963) and Gustav Gangnus, *Vom Elsass hinaus in die Welt: Stammtafel und Geschichte Gangnus (auch: Gagnus, Gagnuss, Gagnuß, Gangnuss, Gangnuß, Gangus, Ganguß, Gannus u. ä.)* (Darmstadt: Deutsch-Baltische Genealogische Gesellschaft, 2003). Hereinafter I rely on these two books in my representation of the history of Hirschenhof prior to 1939.

⁴ For an analysis of tensions between Germans and Latvians, see Maksim V. Kirchanov, *Zemnieki, latvieši, pilsoņi. Identitāte, nacionālisms un modernizācija v Latvijā* (Voronezh: Nauchnaia kniga, 2009). Kirchanov points out that German barons and pastors played an ambivalent role as exploiters on the one hand and bringers of culture, on the other. This hardly applies to farmers and artisans (who aren't mentioned in this book), but otherwise the accounts cited by Kirchanov aptly describe the relationships that existed between the inhabitants of German and Latvian farmsteads in Hirschenhof. For the role of Germans in the history and culture of Baltic peoples as seen from the German point of view, see Gert von Pistohlkors, "Die Stellung der Deutschen in der Geschichte der Esten, Letten und Litauer", *Nordost-Archiv - Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde* NF 1 (1992): 89—122.

⁵ Asymmetry and distance were indicated, among other things, by the terms used by Germans: *Kolonisten* (colonists, settlers) for themselves and *Bauern* (peasants, rustics) for Latvians. The distinction was upheld well into the twentieth century despite the fact that during the second half of the nineteenth century the colonists were deprived of their special legal status and the Latvian serfs were emancipated.

devastated. This added tension to the relations between them and the Latvians, as did the fact that in those same years, against the backdrop of the rising nationalist sentiment in Latvia, plans were publicly discussed to establish on its territory a “United Baltic Duchy” under the auspices of the German occupation administration. The land that the Baltic German nobility was ready to render for this purpose was planned to accommodate a large number of new German settlers. Though the plan was never implemented, after the end of the German occupation and the proclamation of an independent Republic of Latvia, this initiative of the Baltic German aristocrats was regarded as treasonous, and even though Hirschenhof colonists had nothing to do with the project, their relationship with their Latvian neighbors further deteriorated. Indeed, by far not all Germans were as loyal to the nationalist Latvian state as they had been to the multiethnic Russian Empire: in 1919, many of them voluntarily joined the *Freikorps* fighting first against the Bolsheviks and then against the new Riga government.

In independent Latvia the life of the colonists was not easy⁶, but the Hirschenhof colony persisted and gradually recovered from the shock of the war. The colonists were lucky to retain their farmsteads, unlike German noble landowners whose estates during the land reform in 1920 were massively expropriated and redistributed in favor of landless Latvian peasants, causing many aristocrats who had relatives and/or property in Germany to emigrate. In fact, quite a few Baltic Germans left in 1920s, but Hirschenhof emigration to Germany was low in those years. This is explained not only by the fact that migrant farmers or craftsmen would not be able to provide for themselves in the post-war crisis-stricken Weimar Republic but also by the lack of affinity to Germany. The colonists were descendants of people who left Alsace, Hesse and Rhineland—Palatinate long before the emergence of a German nationalism and maintained no contact either to their former home countries or to nationalist intellectuals. After settling down in Latvia, they continued regarding themselves as ‘Alsations’, ‘Hessians’ and ‘Palatines’ until these three groups melted together. By the early twentieth century even the knowledge of where exactly their ancestors had lived effaced almost completely: one of the last living Hirschenhof-born persons now living in Germany told me he “never met anyone [of his fellow countrymen] who knew from what village their family stemmed: they vaguely remembered it was ‘from the Palatinate’ (even in families that actually came from Holstein).”⁷ It was only by way of distinction from Latvians or Russians that colonists identified

⁶ This is why Dorothea Neander compared the entire prewar generation of Hirschenhof residents to the biblical Job: cf. Dorothea Neander, *Die Hiobsgeneration. Dorothea Neander erzählt über die Kinder- und Jugendjahre ihrer Eltern. 2 Teile* (Marburg: Herder-Institut für historische Ostmitteleuropaforschung, Dokumentesammlung, 1996, 2009).

⁷ Personal email, received on September 30, 2016.

themselves as ‘Germans’. Even the idiom they spoke in Hirschenhof⁸, a unique mixture of several dialects that evolved in isolation from German-speaking areas, was not very similar to the High German written and spoken in Germany or in the German-speaking milieu of Riga and St. Petersburg in the twentieth century.⁹

Throughout the second half of the nineteenth and the first three decades of the twentieth century, many young men from Hirschenhof who inherited no land moved to cities of the Russian Empire such as Riga, St. Petersburg, Vitebsk, Mogilev, Moscow etc., establishing and strengthening ties between the colony and the rest of Russia rather than Germany. The people of Hirschenhof weren’t sensitive to the imperial German nationalist ideology, nor did they identify themselves with the German empire politically, even though they were suspected by the Russian government to be prone to act as German agents during the First World War. After Latvia separated from Russia following the 1917 revolution, the ties were largely cut off. Rather than turning to Germany, many colonists adopted a new identity as Latvian dwellers or even citizens, especially since a descendant of a Hirschenhof family, Robert Erhardt, who was a former member of the Russian State Duma, became finance minister in the second and third Latvian cabinet (1919—1920).

Some nationalist German secondary-school and university students from Riga made unsuccessful attempts to render economic aid to Hirschenhof colonists and by the same token foster their feeling of belonging to the German people. After the First World War and the ensuing collapse of the German empire and separation of territories with German population, the Association for Germanness Abroad (VdA) sent teachers to the Baltic countries so as to support German schools there. Although many of these teachers were nationally-minded and brought along textbooks and other reading materials that were designed to train nationally-minded young Germans, their activity barely reached Hirschenhof children because the colony school didn’t work regularly at that time. Most children were schooled at home and only a few of them took interest in books brought by teachers arriving from Germany.

⁸ In 1923, Walther Mitzka tried to figure out where the ancestors of Hirschenhof colonists had come from by studying the dialect they spoke in the colony at his time, and arrived at a wrong conclusion. Archival research conducted later on showed that settlers came not from one but from several different regions of western Germany. As time passed, their original dialects merged into a single mixed idiom which differed considerably from all of them. Cf. Walther Mitzka, *Studien zum baltischen Deutsch* (Marburg: N. G. Elwert'sche Verlagshandlung, 1923).

⁹ Cf. a collection of folklore texts in Hirschenhof dialect published by a daughter of a German colonist family: Elfriede Lutz, *Der alberne Hans als Freier; Deutsche Volksschnurren im Hirschenhöfer Dialekt* (Riga: Bruhns in Komm, 1927).

Before and after 1933, German National Socialists made attempts to attract the ‘racially valuable’ Baltic Germans to their movement but never achieved much success as far as the Hirschenhof colonists were concerned. In the mid-1930s, it was mainly parts of the Hirschenhof youth who, under the influence of school teachers sent from Germany, sympathized with Hitler, but young people didn’t have sway over the traditionalist peasant community.

Things changed radically in 1939, following the publication of the German—Soviet non-aggression pact and Hitler's declaration that all Baltic Germans should return “home to the Reich,” because otherwise they would be conquered by the Soviets. An agreement was reached between the German government and the governments of Estonia and Latvia on the resettlement of ethnic Germans. The attitude of Latvians is well illustrated by President Ulmanis’ sentence: “Let them go. But there shall be no return.”¹⁰ The conditions were not discussed with those subject to resettlement. They were ordered to sell all their property, livestock, agricultural machinery etc. to a specially appointed government commission at low prices in order to get a corresponding worth of land and equipment at the new location. The campaign was carried out very quickly. By the end of 1939, more than 50,000 Germans were resettled from Latvia to formerly Polish regions of Warthegau and West Prussia. Another 10,000 followed them in 1940 and 1941.

There is no reliable data as to the overall number of Germans who remained in Latvia at that time. Between 1941—1945, the situation changed several times, resulting in indefinite numbers of ethnic Germans leaving or being forced to leave Latvia for Germany or Siberia immediately after the war. As for Hirschenhof / Irši, some data could be secured, though. Germans made up 92% of the population of Irši Parish (as against 10 % or less in the rest of Latvia, except for Kuldīga) according to the 1935 census. The next census showed Germans only amounting to 4.7% per cent of the population of Aizkraukle District, which includes Irši Parish.¹¹ The total population of the parish diminished dramatically as a result of their emigration and did not recover ever since, according to official information on the website <http://www.koknese.lv/?s=88>. The former German farmsteads were partially abandoned forever, partially transferred to Latvian collective farmers resettled here from different districts of Latgale. Therefore — and this is important for a correct understanding of what follows —

¹⁰ H. Schmidt „*Laßt sie fahren..., aber eine Wiederkehr gibt es nicht*“: *Erinnerungen* (Wittingen: Selbstverlag, 1997).

¹¹ Ilmārs Mežs and Ádám Németh “1935. gada tautskaites datu pielāgojums rajonu un mūsdienų pagastu iedalījumam” *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A daļa* 68 (3/4) (2014): 68, 81, URL: http://www.lza.lv/LZA_VestisA/68_3-4/4_Ilmars%20Mezs,%20Adams%20Nemets.pdf (20.11.2016).

the majority of the new Irši population had no memories connected with this place dating back before World War II.

The three colonists who refused to follow Hitler's call were persons married to Latvians and reluctant to break up with them. Abandoning the historical isolationist attitude, they adopted Latvian citizenship and Latvian spelling for their names. I talked with two descendants of such mixed families. One family nearly broke up in 1939 when the German man who wanted to stay with his Latvian wife and children in Hirschenhof experienced a powerful pressure on the part of his German kin who urged him to leave his non-German wife and go to the Reich, while the woman was exposed to an equally strong pressure on the part of her Latvian kin who urged her to remain. After major disputes and quarrels the couple and their children emigrated together, damaging their relations with relatives on both sides. Another mixed family, on the contrary, remained in full, damaging their relations with their emigrating German relatives and fellow colonists.

After the emigration of the Germans in 1939/41, several eras came and went, including the pre-war Soviet occupation, then the Second World War, then the post-war socialist period as part of the USSR. Throughout these decades, Baltic Germans as part of Latvia's historic, cultural and economic life almost vanished from the public sphere and to a great extent from historical memory, too. Thus, according to a lady pensioner interviewed in Koknese, her German teacher told the schoolchildren about the Germans who had lived there long ago, but by and large, this subject was taboo until the early 1990's, which resulted in memories of German colonists fading away to some extent also from the unofficial, private collective consciousness of Latvians and from their kitchen table talk. While the degree of oblivion is not measurable, though, it couldn't possibly have been complete, given the abundance of German surnames all over the place.

The historically existing tensions between Latvians and Germans were stressed and strengthened by the Soviet anti-German propaganda. In the course of socialist transformation in post-war Latvia, most of the few remaining German farmers were persecuted as a 'bourgeois element,' 'landlords,' 'kulaks' and 'Nazi collaborators,' with their property being redistributed again. Some former German farmsteads were maintained well by the Latvian collective farmers moving in, while others were just used but not taken care of. Abandoned houses and household outbuildings gradually decayed, the German cemetery was unkempt, and the German church was turned into a fertilizer barn. By the turn of the 1980/90s, the image of the German colonists who had left fifty years earlier was barely present in the collective historical memory of Irši residents. During the Cold War there seem to have been no contacts whatsoever

between Latvian dwellers of Irši and the former Hirschenhof residents who had left for Germany. This comes as no surprise given the not exactly friendly relationships between the two ethnic groups and between the two political systems both sides of the iron curtain.

It might seem a bit more surprising that, at least in all cases I know of, descendants of Hirschenhof German families who had left the colony for Riga or other cities in Latvia, Byelorussia, Ukraine or Russia did not seem to be eager to visit their old home again or keep in touch with their former neighbors. For example, a Hirschenhof-born German salesman, according to his daughter (born in Kiev in 1906)¹², left the colony for good, married a wealthy Latvian farmer's daughter, then moved with her to the city of Mogilev as early as the 1880s and then lived in various Russian cities until his death in 1946. He never traveled to Hirschenhof again, although until World War I he accepted money transfers from his father-in-law and frequently hosted his own kin and relatives-in-law coming to visit him and his family. His wife, by contrast, did visit her relatives who lived scattered over several farmsteads near Irši and elsewhere. Their children, except for the oldest son (born in Mogilev in 1891), never went to Latvia, nor did they maintain any contacts with their kin there. Other descendants of Hirschenhof colonists who moved to Russian cities demonstrated, especially after World War II, a variety of avoidance patterns ranging from rejecting their Germanness (e. g. adopting new names etc.) to visiting their old home region without disclosing their identity to local residents.

As for the former colonists who left for Germany, after 1945 they lived for a long time in total isolation from their former homeland, compactly settled in the district of Gifhorn near Wolfsburg (Lower Saxony). They were well organized, having their associations of fellow-countrymen that helped them to stick together and preserve their identity. Such associations were quite numerous in West Germany in the postwar decades, as long as first and second generation displaced persons and forced migrants were alive, many of whom hoped to return. They gradually disappeared, especially after in the beginning of the 1970s treaties were signed between the Federal Republic of Germany and the socialist countries of Eastern Europe by which West Germany renounced any claims to former German territories and recognized the inviolability of existing borders. The authorities in Poland and the USSR denied exiled Germans the right to return, leaving them with memories of and nostalgia for their old homes. Hirschenhof became a reminiscence, a lieu de memoir, as it were, inaccessible

¹² Information received in a private conversation in 1988.

as a geographical destination but present in the minds of former colonists and their children and even grandchildren born in Germany. Despite the political freedom, the comparatively friendly human environment and the very favorable conditions of life in West Germany after the ‘economic miracle’ allowing former Hirschenhof farmers to enjoy a degree of wealth that was incomparable to the one they had or could have ever dreamt of in the Baltics, homesickness and the desire to again see their old homes remained strong and stable in them as in many other ex-Baltic Germans. However, the ‘Iron Curtain’ would not allow them even to visit Irši. At best, they were granted Soviet tourist visas that permitted them to travel to Riga and/or Tallinn and have guided tours there.

The situation changed quickly and radically in the late 1980s and early 1990s, especially after the declaration of Latvia’s independence from the USSR. Major changes affected many areas, but for us here two major changes are relevant. First, the borders were opened and trips from Germany to Latvia became possible (and cheap!). Secondly, a process of recalling, rethinking and revising national history gained momentum both on official and private levels.

The ways in which these changes in social historical memory were and are occurring in the capital differ from those in the province. In Riga, a purposeful historical policy has been pursued by the national government as well as by the municipal authorities and, quite visibly, it is the Western European heritage that the Latvian establishment has tended to emphasize.¹³ Therefore, considerable amounts of energy and money have been invested particularly in the restoration of monuments that are related to the Baltic German aspect of the city’s and the country’s history. Monuments and events commemorating the Hanseatic League, the German merchants and craftsmen of Riga are major attractions for tourists from all over the world and particularly from Germany, thanks to which international tourism in Riga is booming, helping the city to survive economic crisis. Restoration of dilapidated or even completely destroyed historic buildings such as the House of the Blackheads,¹⁴ exhibitions¹⁵, book publications,¹⁶

¹³ The Historic Centre of Riga was among the first architectural objects in Latvia to be inscribed on UNESCO’s World Heritage list in 1997 — cf. <http://whc.unesco.org/en/list/852> (24.11.2014). The Historic Centre of Kuldiga, which historically was linked with the Teutonic Order and with the Hanseatic League and was second to Riga as to the number of German merchants, entrepreneurs and craftsmen well into the twentieth century, was included in the UNESCO World Heritage Latvian Tentative List in 2011. Cf. <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/5609/> (24.11.2014).

¹⁴ Jörg Hackmann “Metamorphosen des Rigaer Rathausplatzes, 1938—2003. Beobachtungen zur Rolle historischer Topographien in Nordosteuropa”, P. O. Loew, C. Pletzing, T. Serrier (eds) *Wiedergewonnene Geschichte: zur Aneignung von Vergangenheit in den Zwischenräumen Mitteleuropas* (Wiesbaden: Harrassowitz, 2006), 118—144.

¹⁵ For example, the Latvian National Library in Riga hosted an exhibition on ‘German Bookprinting in Riga in the 19th and twentieth centuries’ (“Vācu Grāmatniecība Rīgā 19. — 20. gadsimtā”) in 2001.

¹⁶ Klauss Milicers, *Vācu orden, a vēsture* (Rīga: Apgāds Zvaigzne ABC, 2009), 28—35.

conferences and other activities aimed at studying and re-actualizing the history of past centuries¹⁷ bear witness of political, scientific, historical and commercial interests of Latvia, Germany¹⁸ and EU converging to one vector pointing towards creation of a new image for Riga and its past in which Baltic Germans are assigned an important and positive role. The memory of German culture dominating the city is regarded by the Latvian government today as a valuable asset since it emphasizes that the country and especially its capital were part of the Western world and not (or not only) a province of Russia. Today, Riga, with its large share of Russian-speaking and Soviet-oriented population, pursues a historical policy that instrumentalizes legacy of a German past to underscore a Latvian present and future and emphasize Latvia's being part of the European Union and not Soviet Union, or Russia, for that matter.

It is important to underscore here that the historic German presence is being reenacted in the public space without relying primarily on personal or family memory: there remained too few traces such as cultural practices and too few old people who remember their pre-war German neighbors and can contribute their memories to the newly-formed fund of social memory in Riga.

In small towns of Latvia, much more important are individual initiatives and contacts, but they only have a good chance of success if and to the extent in which they are consistent with the political agenda of local authorities. This was the case in Koknese, a township not far from Irši. Koknese is now a twin town of Wittingen, the township in Germany where many descendants of former Hirschenhof colonists live. According to a brochure¹⁹ describing the partnership, it began in 1993, when a Witting resident named Siegfried Escher, born in 1936 in Latvia, visited Koknese to take possession of the house he inherited from his grandfather, a German colonist who refused to leave back in 1939. Because the house had not been sold, the owner's grandson was entitled to it according to the Latvian restitution law. Having made acquaintance and then even friends with Escher, the mayor of Koknese suggested establishing regular contacts and eventually a partnership between Koknese and Wittingen.

¹⁷ Michael Schwidtal (ed.), *Das Baltikum im Spiegel der deutschen Literatur: Carl Gustav Jochmann und Garlieb Merkel; Beiträge des Internationalen Symposions in Riga vom 18. bis 21. September 1996 zu den kulturellen Beziehungen zwischen Balten und Deutschen* (Heidelberg: Winter, 2001); Aina Balaško, *Vācu arhitekti Latvijā = Deutsche Architekten in Lettland* (Rīga: Latvijas Vācu Savienība, 2013).

¹⁸ For German businesses' share in Latvia's economy, see *Lettland: deutsche Unternehmenspräsenz; deutsch-lettische Unternehmen. Aufl. 1–4* (Riga: Deutsch-Baltische Handelskammer in Estland, Lettland, Litauen — AHK, 2002—2005).

¹⁹ *KOKNESE — VITINGENA partneri Eiropā = KOKNESE — WITTINGEN Partner in Europa* (2006), URL: http://www.koknese.lv/doc/koknese_vitingena.pdf (20.12.2016).

Following an exchange of delegations and formal negotiations, a partnership agreement was signed in 1996. The key role in the establishment of friendship between the twin towns' residents was played, from the Latvian side, by the elderly German teacher Rasma Nowika, who had a rich stock of memories and was able to narrate them well, and from the German side by Wilhelm Rothweiler who spoke Latvian and whose surname clearly indicated that his ancestors lived in Hirschenhof, even if his grandfather or father might have moved from the colony to the nearby town of Kokenhusen / Koknese.²⁰ The brochure mentions "continuous joint projects", "exchange of delegations," and "friendly interpersonal contacts" filling the subsequent ten years. The joint activities described include folk and classical music performances, tours to the ruins of a medieval castle, picnics etc. The brochure published in 2006 fails to mention either the former German colony of Hirschenhof which was located very close to Koknese and to which some of the partnership's champions had a direct relationship, or the German name of the town (Kokenhusen), or, indeed, anything at all that has to do with the historical German presence in the area. This, of course, does not necessarily mean that this subject was never mentioned in conversations during all the time of partnership. Rather, it seems that the municipal authorities behind the brochure preferred not to tackle in it the memories of the Latvian—German relationships in the past centuries, because they were sometimes less than amicable. Instead, they concentrated on the new, trouble-free partnership between the two towns, which, according to the mayor of Koknese, facilitated the integration of Latvians into the European Union: for example, in 1999 Koknese farmers visited Wittingen for training within the framework of the PHARE—TACIS program. The people of Wittingen donated a gym to Koknese, etc. Thus, originating at least partly from nostalgic feelings of an individual, the official new relationship between the two towns (and, perhaps, the informal friendships between their people, too) is now primarily present and future-oriented. As for the past, it is represented in this dialog of twin towns either in an abstract form of traditional music that has no local bindings, or through guided tours and cosplay events against the backdrop of castle ruins and other 'medieval' activities which no person living today can associate with their own family history. By now, 10 years after the brochure under discussion was published, the relations between Koknese and Wittingen have lost that scant local historical component which used to be embodied by the elderly Rasma Nowika and Wilhelm Rothweiler, the only ones to remember the pre-war times.

²⁰ Names of Hirschenhof colonists are listed in Gustav Gangnus, *Vom Elsass hinaus in die Welt: Stammtafel und Geschichte Gangnus* (auch: Gagnus, Gagnuss, Gagnuß, Gangnuss, Gangnuß, Gangus, Ganguß, Gannus u. ä.) (Darmstadt: Deutsch-Baltische Genealogische Gesellschaft, 2003).

In the rural areas the situation is different. The government's historical policy initiatives and projects aimed at the European integration of Latvia barely reach the countryside. In areas where the presence of Germans was less marked in the past and where fewer attractions for Western tourists exist today, new efforts to revive the memory of this presence are less noticeable.

Therefore, in rural areas the 'memory work' and the transformation of historical culture are much more spontaneous, reflecting common people's feelings and wishes. Given the absence of 'elites', the intensity and direction of these processes largely depend on individuals such as heads of local self-government bodies, school teachers, museum directors, or local entrepreneurs. No pecuniary interests are involved, because the tourist trade is barely developed in rural areas of Latvia today. Such political or ideological aims as European integration, fight against the Soviet past, etc., play a much smaller role in the countryside than in the capital. To learn more about the changing attitude of Latvian and German men and women to their common past and present, it is necessary to analyze it at the grassroots level in a rural setting.²¹

The changes began when in the years of perestroika doors in the Iron Curtain began to open. For the history of Hirschenhof these changes were to a large extent associated with the activities of Mr. Gustav Gangnus²² who, having been born in the colony, was taken to Germany in 1939 as an eighteen-months-old child and at a mature age became interested in the past of his family. His family history research led him to a number of West German archives where he learned exactly where his (and not just his) ancestors had lived before emigration and how they arrived in Livonia in the mid-1760s. Members of the German—Baltic Society in Darmstadt pitched an idea for him to shift from a purely genealogical research to local history. The Baltic Historical Commission in Göttingen, where he gave a talk, supported his project, which enabled him in 1987 to make his first trip to Riga. There he gave

²¹ For the best of my knowledge, such practices haven't been studied at the level of everyday interpersonal relations in Baltic countries. For an overview of historiography, see Gert von Pistohtkors, "Baltische Geschichtsforschung in drei Generationen; Rückblick auf die baltischen Historikertreffen in Göttingen seit 1947 und die Arbeit der Baltischen Historischen Kommission", *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands* 55/2009 (2010): 243—68. Works on a related subject that deal with post-war expellees visiting their former homes in Poland, exist, though: see David Picard and Michael A. Di Giovine (eds.), *Tourism and the power of otherness: seductions of difference* (Bristol et. al.: Channel View Publishers, 2014); Sabine Marschall, "'Homesick tourism': memory, identity and (be)longing" *Current Issues in Tourism* 18/9 (2015): 876—92; Sabine Marschall, "The role of tourism in the production of cultural memory: The case of 'Homesick Tourism' in Poland", *Memory Studies* 9/2 (2016): 187—202.

²² The information in this paragraph was received from Hirschenhof-born Germans in personal conversations and letters between 1995 and 2016.

a talk at the Academy of Sciences of the Latvian SSR presenting his first findings and met his distant relatives and countrymen who lived in Latvia. One of them took him (in violation of the visa regime) to Irši and vicinity. They discovered that the German church in Liepkaļne / Lindau and the cemetery next to it still existed but were in a neglected and dilapidated state. After almost half a century, the contact between former colonists and the former colony was thus resumed.

After Latvia broke away from the Soviet Union and it became possible for Western tourists to visit the country safely and independently, choosing their destinations and routes by themselves, among the first to come were those who had left Latvia half a century earlier and their families. According to eyewitness accounts, the first appearance of German tourists in Hirschenhof caused some concern among local residents who did not know the details of the 1939 deal but had heard about the new Latvian restitution laws. The Germans (many of them still spoke some Latvian) reassured them that the farmsteads had been not requisitioned but sold voluntarily and legally, ruling out any restitution claims, and that it was not their intention to reclaim their former property. All they wanted was just see it all again and show it to their children. And they really left the same evening.

Those visits were part of a movement labeled *Heimwehtourismus* (homesick touring) that developed after the former homes of exiled or emigrated Germans became accessible again.²³ Small groups and whole busloads of homesick Germans began to come every summer. The fact that such journeys take place in the summertime is significant because it shows that people traveling all the way from Germany to see their old homes regard their trip not as ‘coming home’ but as a holiday tour for which nice weather is of importance since it makes sightseeing more pleasant and convenient: given that many country roads in Latvia are unpaved, a tourist bus can easily get stuck on them when they are covered with mud or snow.

Typically, tourist groups of 20—30 people include people from different places of Lithuania, Latvia and Estonia, and their younger relatives. Their routes are arranged so as to visit major cities, especially Riga and Tallinn, the most interesting provincial touristic attractions and, of course, all the localities where the group participants or their ancestors once lived. This gives the fellow travelers an opportunity not only to visit ‘their’ own places but also to show them to each other and share their memories and experiences.

²³ Sabine Marschall, “‘Homesick tourism’: memory, identity and (be)longing.”

What is it these homesick tourists can see when coming to Irši? Most of the buildings built by colonists are occupied by new tenants or destroyed to some extent and represent a sad picture of desolation.

What is it one can do when coming to Irši, especially given that with the dying-out of the older generation a language barrier arises between Germans and Latvians that impedes communication? Latvians usually don't invite strangers to come in, and entering strangers' homes without invitation is not common of Germans, so the tourists usually don't get into their former houses if those are inhabited, but walking around the farms is no problem. Of course, tour participants naturally take pictures of what remained of the old times and of themselves against the backdrop of houses and barns. They explore abandoned buildings, recalling and telling each other what used to be in there before. During one of his first visits to Liepkalne / Lindau church turned into a fertilizer barn, a former colonist picked up a baluster fallen off the preacher's pulpit stairs and took it to Germany as a souvenir...

Over the years, with the older generation losing mobility and the younger one acquiring mobile phones, another important activity emerged: tour participants call their elderly relatives who had to stay at home and allow them to virtually participate in the trip in real-time mode: "Aunt Erna, we have already passed the Grand Alley and are now heading for the church. Then we will go to the cemetery."

Pretty soon, however, the 'homesick tourists' realized that just visiting and seeing the place where their old home used to be was not enough for them to satisfy their homesickness. After decades of non-being and oblivion, they felt it was necessary to create a permanent sign reminding of the German colony. As one Hirschenhof-born German activist told me later, he made a point of designing a landmark which, while clearly not claiming any part of today's Irši back, would be just as clearly reclaiming the presence of German colonists in the history of this place. A fast and successful fundraising campaign within the old Hirschenhof community made it possible in August 1992 to erect a memorial stone near the former German colony administration building (now hosting apartments) that luckily was preserved better than others. The stone bears no epitaphs, appeals or images. The lapidary inscription on it merely states that for 170 years Hirschenhof was a German settlement²⁴:

HIRSCHENHOF
DEUTSCHE KOLONIE
1766—1939

²⁴ The Latvian pendant that stands not far away, on the main square, bears an even more lapidary inscription: IRŠI.

Another participant in the unveiling ceremony, though, told me that the inscription in German was meant to visually fix the spirit of Germanness (*Deutschtum*) at the place where no Germans lived anymore. This reading suggests that at least for some, the claim to presence applied not just for the distant past but also to the present day.

Who is supposed to be the target audience of this reminder? Those who can read German, of course, and that means primarily tourists themselves, not the local residents whose knowledge of German is mostly scant. By not duplicating the inscription in Latvian, the sponsors of the memorial stone deliberately or unwittingly perpetuated the memory of the colony for themselves and their descendants rather than for anybody else.

However, the unveiling of the memorial was not a ‘Germans only’ event but became an event of national scope in Latvia because it was attended by a cabinet minister (himself a descendant of Hirschenhof German colonists) and a national TV crew reported about it in the news. For residents of Irši and its surroundings this, among other things, was a signal that times had changed and the new authorities looked favorably on reviving the memory of the German colony and giving it a positive turn.

There began a gradual transformation of the historical memory of the local inhabitants — at least some of them. Two ladies who took interest in local lore now started to pay more and more attention to the history of the German colony. Because they speak German, they are the key contact persons, dialogue partners, guides and assistants on site for tourists from Germany. When asked about the source of her motivation, one of the ladies answered that she had studied German philology at the university which fostered her historical consciousness and encouraged her to restore the knowledge of the past which, for the reasons mentioned above, was lost or faded.

Over the past 25 years, the visits of ‘homesick tourists’ became an important part of the travel industry in Latvia. Guides, interpreters, owners of hotels and cafes benefit from them greatly. But the tourist traffic mainly goes to the cities, especially Riga, and famous castles rather than to poor rural areas where the infrastructure is underdeveloped and no hyped sights exist. Attracting tourists to Irši is not a goal for the time being since there are no facilities to accommodate them in Irši Parish: no hotel for tourists to sleep or even a restaurant for them to eat; there is only a tiny cafe with a couple of tables, unable to seat a tourist group of 20. The ‘experience industry’ here is represented by a couple of picture postcards on sale at the

local post office, none of them showing views of Irši itself, let alone anything associated with the former German colony. The nearest tourist center being situated 20 km away, in Koknese, guests only spend a couple of hours in Irši and don't even have an opportunity to spend money there. The activists' efforts aimed at reviving and maintaining a collective memory of the former German colony is therefore devoid of commercial component.

Inspired and powered by sheer enthusiasm, these efforts little by little lead to important results. Friendly relations have been established at the official level. Unlike Koknese and Wittingen, no delegations are exchanged, but groups of German tourist coming to Irši are received by the lady mayor in the administration building. She knows that people in front of her are neither diplomats nor potential investors but mostly lower-middle-class persons, many of them pensioners or housewives. Nevertheless, Ms. Mayor invites them to the assembly hall where chairs and tables are arranged specially for them, and delivers a welcome speech in which she emphasizes the importance of the common past. The guests are treated to tea, cheese and biscuits. By the standards of the local budget this is a banquet because Irši is not a rich municipality, lacking noteworthy tax-paying businesses. Still, in 2016 it managed to sponsor a feast on the occasion of the 250th anniversary of the German colony. The event was again attended by high-ranking officials (including the minister and a bishop) and a TV crew. This time, according to participants' accounts, the jubilee was generally perceived as a joint celebration of Latvians and Germans.²⁵

Tentative informal personal contacts are established, too. When a bus from Germany arrives, the first to meet it are charity boys from the local orphanage who approach foreigners in the hope of cigarettes, chewing gum, or even a couple of euros, but then a woman with a little boy comes up and says through an interpreter that he, too, is a descendant of a colonist and was named Edgar after his German great-grandfather. A kind of small talk ensues. Then the guests visit a farmstead now owned by the granddaughter of a colonist who refused to leave in 1939. The family has survived all the hard times, and today this farm looks prosperous compared to the neighboring ones. The lady of the house puts two huge bowls of strawberries on a large table in the garden and shows photos from the family album. She doesn't speak any German and has a Latvian flag on a flagpole in front of her house. Because her grandfather married a Latvian woman, became a citizen of Latvia and refused to resettle to Germany, opting for assimilation instead, the relations between him and the rest of the colonist

²⁵ Tellingly, only Germans from Germany: the Latvian Germans' Union (Latvijas Vācu Savienības / Verband der Deutschen in Lettland) neither attended the event nor covered it on its website www.verband.lv.

community were broken. Since the onset of ‘homesickness touring’, however, the once painful breakup seems to be slowly losing its acuteness and regular visits of German guests to her place have already become a tradition. Visitors go sightseeing about the farm as a kind of open-air museum. As many members of the group are new to this place, the team leader, himself born in Hirschenhof, offers a small guided tour through this farmstead and its surroundings, showing the typical kinds of farm buildings, recalling place names once used by the Germans and telling who lives in their homes now. His own former house, for instance, is divided to host three households. Nobody comes out or looks out the window. The old man suggests several reasons for that, animosity being not among them. He supposes that one tenant is probably drunk, another one is out, and the third one embarrassed by her poverty. It becomes clear that he knows all these people personally or has at least found out all the details about them. Although this is certainly not a full-fledged relationship, let alone friendship, it is a step towards one. According to a local resident, there are families in Irši that exchange letters with descendants of Hirschenhof colonists in Germany but I have no possibility to estimate the volume and intensity of this correspondence.

While it is the care of the memory that is behind the efforts of both the German and the Latvian activists, they have different kinds of memory. The descendants of the colonists have maintained for decades a personal, family, ancestral memory of the past life in Hirschenhof, whereas the majority of Latvians living there now have little or no memories associated with the colony because most families arrived after the Germans had left. However, some of the dwellers of Irši and neighboring settlements do have a historical consciousness and think that the past matters regardless whether one remembers it oneself or acquires the knowledge of it from without. Over the past quarter century, these people have adopted the idea that the history of the place they live has a German chapter and that this chapter is important and positive.

I asked a Hirschenhof-born German what he thought the content of this chapter should be, according to the wishes of former colonists and their families. In fact, his answer was formulated long before my question. Having learned Latvian from his mother, he was able to literally write this chapter and insert it as a historical section in the Latvian Wikipedia article on Irši Parish (Iršu pagasts), adding a photograph of the German church. The text contains no facts or appraisals that explicitly run against the established modern Latvian version of local history. Rather than offering an alternative, it merely draws the attention of Latvian readership to the internal history of the German colony that could otherwise be easily overlooked given the scarcity of literature on the topic in Latvian. Interactions between the colonists and the rest of the local population are barely mentioned, and the relationship between them is not

thematized in the text, and maybe it was precisely this inward nature of the German chapter of local history that made it so easy for the Latvian side to accept. So far, nobody seems to have tried to remove the article from Wikipedia or change it. The lawn around the memorial stone is well-groomed, there are flowers in vases. A local activist told me in an interview that residents of Irši are “proud to have such an interesting history.” While it has yet to be found out exactly what the word “interesting” means here, it seems evident from this statement that the people living in Irši have appropriated a history that includes Hirschenhof and proudly regard it as their own even though this does not seem to bring them any advantages in coping with the hardships of life in Latvia since the major economic crisis of 2008.

This new attitude leads to new action. Little by little, small, but symbolically important steps are taken to provide the material basis for the recreated historical memory. Local residents cleaned the former German church of chemical fertilizer, so that one can enter the building. We are not talking restoration, which would cost millions, and the dilapidated building is still at risk of collapsing, but it has become accessible. In front of the church residents of Liepkalne / Lindau installed a glazed plaque with a text in four languages telling about the history of the parish and the church itself. It is overgrown with bushes and the glass on it is broken, and yet it is there. Its target audience is unclear: Latvians do not need information in foreign languages, while foreigners coming here for sightseeing are the ‘homesick tourists’ who know more about the history of this place than the text on the plaque tells thanks to the family memory and the books by Werner Conze and Gustav Gangnus.²⁶ Moreover, what they seek is a different sort of information, e.g. the burial place of their ancestors.

Residents of Irši can show them where the cemetery is. "On your left is the normal cemetery, over there on your right the German one", the guide says, unwittingly showing that “German” has been excluded from “normal” for a long time and this division still lives on in the everyday language. Finding a grave is not an easy task: the German cemetery is unkempt, overgrown, most of the crosses and tombstones have collapsed or tumbled down. Having failed to find the graves of their closest kin, the visitors turn their attention to a new grave. To them, it has a symbolic meaning: if someone today buries their dead in the German cemetery, the connection is not completely broken. But the name of the deceased is not familiar to anyone in the group. It becomes clear that the cemetery in its current form is unable to serve as a place

²⁶ Werner Conze, *Hirschenhof. Die Geschichte einer deutschen Sprachinsel in Livland* (Berlin: Junker und Dünhaupt, 1934; Nachdruck Hannover: Hirschheidt, 1963) contains a map of Hirschenhof on which the individual families’ farmsteads are specified (but hard to use since the map is not georeferenced), while the book of Gangnus provides rich information on genealogy and life trajectories of colonists, allowing to trace marital ties between families over generations.

for meaningful meetings with the past, for it shows more gaps than tissue linking people who now live in Germany with their ancestors who lived in Hirschenhof. Something else is needed, some better functioning information and communication institution: a museum.

The school teachers and their pupils in Irši have long been collecting materials for a future museum of local history. Gradually, a special section devoted to the German colony began taking shape. The government wouldn't allocate money for it, private sponsors could not be found either, so the museum is being made on a pro-bono work basis.²⁷ Things are moving very slowly. Speaking of exhibits relating to the history of the German colony, the holdings of the museum include so far the aforementioned baluster (donated by the person who once took it from the church), a number of photographs and copies of books and articles about the history of Baltic Germans. Visitors from Germany keep contributing photographs and copies of documents. Some donate small amounts of money. As yet, not nearly enough money has been accumulated for the museum to be established in proper premises and with all the necessary equipment. Two potential rooms for it are being considered. One is a former barn with solid and beautiful stone walls, an authentic German building directly associated with Hirschenhof colony, which makes it look ideal for a museum at first sight. But it is filled with garbage, has neither electricity nor heating, nor sanitation, its rotten wooden roof and floor need a thorough and expensive renovation. Therefore, pragmatic considerations speak in favor of a different solution. Because of depopulation the local school has a spare classroom previously used for handicrafts lessons. It needs renovation too, but a less encompassing one. Little by little, volunteering parents work on it.

Recently, a new initiative came from a former minister in the Latvian government and now Latvia's envoy to Brussels, himself a descendant of Hirschenhof colonists, who purchased one of the extant German houses in Irši and is now establishing a sort of German—Latvian club in it, potentially offering room for a museum, too.

²⁷ For comparison, in Russia there are about 30 museums (temporary and permanent, state-run, municipal and private ones, some of them founded during the Soviet era) fully or partly dealing with the Russian Germans and/or individual German settlements or institutions. In addition, a web-based virtual museum was created in 2011 (<http://www.rusdeutsch.ru/?museum=4>) under the auspices of the Moscow Goethe Institute, the International German Culture Union, supported by the Ministry of Regional Development of the Russian Federation and funded by the federal targeted program "Socio-economic and ethno-cultural development of Russian Germans in 2008-2012." In Germany, there is a museum of cultural history of Russian Germans in Detmold, established in 1996 by immigrants from the former Soviet Union. It is funded by the Association for the Support of Christian Schools of Lippe, which was founded in 1986 also by Germans repatriating from the Soviet Union. In 2011, thanks to support from the Government of North Rhine-Westphalia, the museum received a large new building worth one million euros. Not far from Rostock (Mecklenburg-Vorpommern) there is a museum-estate of Volhynian Germans who moved here in 1939 from Ukraine. In Latvia, as far as I know, today there are no permanent museums or exhibitions dedicated specially to Baltic Germans.

Slowly but surely, information about the new developments in Irši is spreading. Individual tourists from the rest of Latvia (and at least in one case from Russia) who have ancestral or other links to Hirschenhof are now coming, asking questions and seeking for information, which confirms the necessity to institutionalize the new historical culture of this place and make it more suitable for search and exchange of information.

What kind of future might this — now joint German—Latvian — past have? Due to natural causes the number of bearers of personal memories is rapidly decreasing, but the family, ancestral and historical memory and interest are not necessarily fading as a result. In part, on the contrary, they are being strengthened by the new technologies such as email, web forums and blogs, etc. which bring the communicational side of this historical culture on a whole new level and make it more easily accessible for a broader — and younger — audience. Whether or not an onsite museum would really play a major role in supporting and spreading this historical culture, is not clear yet. But if the museum offered some printed matters such as brochures, maps, picture cards etc. dedicated to Hirschenhof, it probably would contribute a lot to visitors getting a more lasting positive experience.

Summing up, we can draw three conclusions:

First, I believe this case study has shown that a local collective historical memory can be transformed under the influence of factors other than mass media or education. New chapters (which, actually, are old but for a long time de-actualized ones) can be added to it with as well as without a purposeful historical policy of the state, with or without a material base provided by the government or private sponsors, with or without a prospect of commercial or political gain. What may be sufficient is an external factor in the form of annual visits of ‘homesick tourists’ coming in groups with varying composition, who bring along little money but great interest and care for the place, supplemented by an internal factor represented by two local activists and two public events in 25 years, attended by prominent persons and television. An important trait of the German visitors’ peculiar interest for certain pages of Irši’s past is that it is devoid of any aggressive, revanchist component or restitution claims. This goes a long way to gradually convince more and more local residents to share in a revised version of the settlement’s history, a one in which the presence of German colonists is assigned a major and positive role.

Second, the restored chapter which in chronological terms is long enough (more than 170 years), can be very succinct as regards its contents: in the case under discussion, it only says that a German colony named Hirschenhof existed between 1766 and

1939 in the territory of today's Irši and this is something good and interesting. This chapter contains no narrative, no moral, no role models, no reference points relevant for today's business or politics (the difference to Riga and Koknese cases). This makes it less disputable and facilitates its effect in bringing about a new historical culture in Irši.

Third, it is unclear yet what function this new historical culture has for the Latvian population there. Unlike the descendants of Germans colonists, they are not satisfying their *Heimweh*. Unlike the town fathers of Koknese, they cannot rely on this historical culture in establishing good relations with a German twin town to help them cope with the EU integration challenges. Unlike Riga authorities and businesses, they cannot count on revenues from tourist traffic. My supposition is that, precisely due to the lack of grand commercial and political prospects for Irši, a new historical culture allowing the locals to take a new pride in their settlement's past provides a welcome invigoration to them in the present.

List of secondary sources

Духанов, М. М. Остзейцы: явь и вымысел; о роли немецких помещиков и бюргеров в исторических судьбах латышского и эстонского народов в середине XIX века / М. М. Духанов. — Рига : Лиесма, 1970. — 378 с.

Духанов, М. М. Остзейцы: политика остзейского дворянства в 50—70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии / М. М. Духанов. — Рига : Лиесма, 1978. — 475 с.

Кирчанов, М. В. Zemnieki, latvieši, pilsoņi. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии / М. В. Кирчанов. — Воронеж : Научная книга, 2009. — 203 с.

Balaško, A. Vācu arhitekti Latvijā — Deutsche Architekten in Lettland / A. Balaško. — Rīga : Latvijas Vācu Savienība, 2013. — 249 lp.

Conze, W. Hirschenhof. Die Geschichte einer deutschen Sprachinsel in Livland / W. Conze. — Berlin : Junker und Dünnhaupt, 1934. — 131 s. — (Nachdruck Hannover : Hirschheidt, 1963).

Das Baltikum im Spiegel der deutschen Literatur : Carl Gustav Jochmann und Garlieb Merkel; Beiträge des Internationalen Symposions in Riga vom 18. bis 21. September 1996 zu den kulturellen Beziehungen zwischen Balten und Deutschen / hg. von M. Schwidtal. — Heidelberg : Winter, 2001. — 394 s.

Letland : deutsche Unternehmenspräsenz; deutsch—lettische Unternehmen / Deutsch—Baltische Handelskammer in Estland, Lettland, Litauen (AHK). — Riga : AHK, 2002—2005. — Aufl. 1—4. — 68 s.

Gangnus, G. Vom Elsass hinaus in die Welt: Stammtafel und Geschichte Gangnus (auch: Gagnus, Gagnuss, Gagnuß, Gangnuss, Gangnuß, Gangus, Ganguß, Gannus u. ä.) / G. Gangnus. — Darmstadt: Deutsch—Baltische Genealogische Gesellschaft, 2003. — 319 s.

Hackmann, J. Metamorphosen des Rigaer Rathausplatzes, 1938—2003. Beobachtungen zur Rolle historischer Topographien in Nordosteuropa / J. Hackmann // Wiedergewonnene Geschichte : zur Aneignung von Vergangenheit in den Zwischenräumen Mitteleuropas / hg. P. O. Loew, C. Pletzing, T. Serrier. — Wiesbaden : Harrassowitz, 2006. — S. 118—144.

Iršu pagasts // Wikipedia [Электронный ресурс]. — URL: https://lv.wikipedia.org/wiki/Ir%C5%A1u_pagasts. — (24.11.2016).

KOKNESE — VITINGENA partneri Eiropā. KOKNESE — WITTINGEN Partner in Europa (2006). — URL: http://www.koknese.lv/doc/koknese_vitingena.pdf. — (20.12.2016).

Lutz, E. Der alberne Hans als Freier; Deutsche Volksschnurren im Hirschenhöfer Dialekt / E. Lutz. — Riga : Bruhns in Komm, 1927. — 15 s.

Marschall, S. 'Homesick Tourism': Memory, Identity and (Be)longing / S. Marschall // Current Issues in Tourism. — 2015. — Vol. 18, issue 9. — P. 876—892.

Marschall, S. The Role of Tourism in the Production of Cultural Memory : The Case of 'Homesick Tourism' in Poland / S. Marschall // Memory Studies. — 2016. — Vol. 9 (2). — P. 187—202.

Mežs, I. 1935. gada tautskaites datu pielāgojums rajonu un mūsdienų pagastu iedalījumam / I. Mežs, Á. Németh // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A daļa. — 2014. — Vol. 68, issue 3/4. — Lp. 61—84. — URL: http://www.lza.lv/LZA_VestisA/68_3-4/4_Ilmars%20Mezs,%20Adams%20Nemets.pdf. — (20.11.2016).

Milicers, K. Vācu orden a vēsture / K. Milicers. — Rīga : Apgāds Zvaigzne ABC, 2009. — 336 lp.

Mitzka, W. Studien zum baltischen Deutsch / W. Mitzka. — Marburg : N. G. Elwert'sche Verlh. 1923. — 128 s.

Neander, D. Die Hiobsgeneration : Dorothea Neander erzählt über die Kinder- und Jugendjahre ihrer Eltern / D. Neander. — Marburg : Herder-Institut für historische Ostmitteleuropaforschung, Dokumentesammlung, 1996. — 1. Teil; 2009. — 2. Teil. — 126 s.

Pistohlkors, G. v. Die Stellung der Deutschen in der Geschichte der Esten, Letten und Litauer / G. v. Pistohlkors // Nordost-Archiv — Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde. — 1992. — N.F. Bd. 1. — S. 89—122.

Pistohlkors, G. v. Baltische Geschichtsforschung in drei Generationen; Rückblick auf die baltischen Historikertreffen in Göttingen seit 1947 und die Arbeit der Baltischen Historischen Kommission / G. v. Pistohlkors // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands : Jg. 2009. — 2010. — Bd. 55. — S. 243—268.

Tourism and the Power of Otherness : Seductions of Difference / ed. D. Picard, M. A. Di Giovine. — Bristol et.al.: Channel View Publishers, 2014. — 195 p.

ОРАВ Владимир Алексеевич / ORAV Vladimir

Юсуповский дворец на Мойке / The Yusupov Palace on the Moika River

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

v.orav@yandex.ru

ССЕЛЕНИЕ ХУТОРОВ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.

THE *KHUTORS*' ABOLISHMENT CAMPAIGN IN THE KARELIAN ISTHMUS IN EARLY 1950s

Abstract: The Karelian Isthmus had been a part of Finland for a long time and only in 1944 it was ceded to the USSR. The *khutor* (i. e. individual enclosed farm) system was the typical settlement pattern for the Karelian Isthmus. The Soviet citizens after having moved to the isthmus used the Finnish dwellings and farm buildings in the beginning. However, the decision was made in 1950 to abolish the *khutors* and resettle peasants to new collective farm villages.

This article considers the *khutors*' abolishment campaign in the Karelian Isthmus in early 1950s. It presupposed dismantling of Finnish houses and farm buildings. The houses were rebuilt then on the spots allotted for the central homesteads of new collective farms or *kolkhozes*. The article explores this campaign's pace, methods, results, essence and the peasants' attitude to it.

It is concluded that the abolishment was started on the initiative of the Leningrad region's authorities that did not take the peasants' interests into account at all. There were no any financial, material, labour, personnel or scientific prerequisites for the campaign. In fact, the abolishment became a shaky venture both socially and economically.

Ключевые слова / Keywords: Карельский перешеек, 1950-е гг., сселение хуторов, колхозы / The Karelian Isthmus, the 1950s, the *khutors*' abolishment, collective farms.

Карельский перешеек — регион со сложной судьбой. Являясь на протяжении длительного времени одним из наиболее динамично развивающихся районов Финляндии, в середине XX в. перешеек изменил свою государственную принадлежность и вошёл в состав СССР.

Ему отводилась важная роль в реализации послевоенной программы по созданию базы обеспечения Ленинграда овощами, картофелем и продукцией животноводства за счёт преимущественно внутриобластного производства. Поскольку к моменту вхождения перешейка в состав СССР в 1944 г. на нём фактически не осталось населения, одновременно решалась и проблема восполнения трудовых ресурсов, в частности, путём организации переселений колхозников из центральных областей РСФСР.

В период с 1944 по 1949 г. включительно развитие перешейка в условиях советской экономики и системы общественных отношений велось с учётом использования финской инфраструктуры, имущества и опыта ведения хозяйства. При

этом для размещения вновь прибывавших переселенцев использовалась недвижимость, оставшаяся от прежних владельцев¹.

Однако в 1950 г. было принято решение об отказе от дальнейшего использования финской недвижимости и инфраструктуры для развития сельского хозяйства перешейка в контексте создания овощекартофельной и молочно-животноводческой базы для снабжения Ленинграда². По инициативе Смольного 22 марта 1950 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О мерах по организационно-хозяйственному укреплению колхозов пограничной полосы и прилегающих к ней районов Карельского перешейка Ленинградской области». Одним из наиболее важных мероприятий, предусмотренных данным постановлением, было сселение хуторов, т. е. разборка финских домов и надворных построек на хуторах и их сооружение заново на заранее определённом месте центральной усадьбы колхоза³.

В настоящей статье рассматриваются темпы, методы, результаты и сущность мероприятий по сселению, а также отношение к ним со стороны крестьянства.

Процесс сселения хуторов на Карельском перешейке ещё не получил освещения в историографии. Фактически единственным исследователем, кто уделил внимание этой проблеме, является Г. И. Большакова. Автор утверждает, что финская хуторская система не устраивала советских переселенцев: «Финские усадьбы располагались далеко друг от друга и от центральных колхозных усадеб, что лишало советское население привычного тесного общения друг с другом. Если каждая финская семья жила самостоятельно, имела свои земельные и лесные наделы, которые поддерживались в соответствующем порядке, и порядок этот был незыблемым... то советское население эту традицию игнорировало, и обустроивались кто как мог»⁴. Из этого следует, что ликвидация хуторов произошла по инициативе колхозного крестьянства. Однако эта точка зрения не подтверждена каким-либо фактическим материалом.

Есть воспоминания современников о том, что сселение было действительно добровольным, тем не менее они, как будет показано далее, не соответствуют действительности. Бывший в то время начальником пограничной заставы Г. Я. Варварин

¹ Орав В. А. Наделение колхозников-переселенцев Карельского перешейка недвижимостью в 1945—1948 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 43—49.

² Его же. Партийно-советское руководство Ленинградской области и развитие Карельского перешейка в 1940-х — начале 1950-х годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3. С. 26—28.

³ Его же. Политика Советского государства по восстановлению и развитию Карельского перешейка : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017. С. 24—25.

⁴ Большакова Г. И. Заложники новой границы: проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940—1960-х гг. СПб., 2009. С. 96.

на вопрос о том, почему Карельский перешеек так слабо заселён, отвечал: «А нечем было заселять, кто поедет в глухомань жить? Ни электричества, ничего. Финны привыкли хуторами жить. А как ребёнка в школу? У финнов около дома зимой лыжи торчат, ребёнок встал на лыжи и в школу, опять на лыжи и домой. А у нас разве пойдёт?»⁵. Показательно, что это слова человека, который сам не жил на хуторе в качестве крестьянина, не говоря уже о том, что в рассматриваемый период многим советским школьникам приходилось преодолевать по несколько километров от дома до места обучения пешком.

Воспоминания, рисуя туманную и неясную картину, в полной мере демонстрируют в данном случае низкую степень достоверности. Некоторые утверждали, что после определённого периода активной борьбы с хуторами, когда появилась возможность оставить дома на месте, ею охотно воспользовались, ибо «на месте стоит, да стоит дом. А его перетряхивать, так и посыплется — и старые, и всякие дома»⁶. Другие респонденты на вопрос о том, перевозились ли дома по собственной инициативе, из-за нежелания жить на хуторах либо по указанию начальства, не давали четкого ответа, отговариваясь тем, что «у финнов своя система, а у нас своя»⁷.

Следует отметить, что хутор был достаточно распространённой формой хозяйствования в России. Их массовое возникновение относится ко времени т. н. столыпинских реформ, когда хутора и отруба были избраны способом решения социально-экономических проблем деревни. Революция и Гражданская война прервали процесс становления хуторских хозяйств, однако в годы НЭПа он возобновился: право выхода из общины было закреплено в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. и к 1927 г. хутора заняли 16,3 % земель сельскохозяйственного назначения. Больше всего их было в Смоленской губернии и на Северо-Западе РСФСР, значительное их количество имелось и в центральных промышленных районах⁸. В ходе коллективизации многие хуторяне, вступив в колхозы, оставались жить на прежних местах либо вовсе не вступали в колхоз и оставались единоличниками. В одном только Псковском округе Ленинградской области к концу 1930-х гг. существовало около 12 тыс. хуторов⁹. Это не могло устраивать власти по ряду причин.

⁵ *Кривошеев Ю. В.* Государственные люди. Статьи и интервью с переселенцами Карельского перешейка. СПб., 2012. С. 87.

⁶ *Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка.* СПб., 2005. С. 84.

⁷ Там же. С. 87.

⁸ *Вылцан В., Маннинг Р.* Как советская власть ликвидировала хуторские хозяйства // *Наука и жизнь*. 1997. № 4. С. 48—49.

⁹ *Кононов А.* Селение хуторов на Псковщине // *Псков*. 2006. № 2. С. 168.

При наличии хуторов и мелких населённых пунктов эксплуатация крестьянства существенно затруднялась. По авторитетному мнению В. П. Попова, государство и крестьяне «хорошо понимали, что в мелких деревнях, отдалённых от районных властей, жить при советской власти будет посвободней, чем в крупных сёлах. Крестьяне старались остаться на месте, а власти — любым способом сосредоточить их под недремлющим оком режима»¹⁰. Хутора делали невозможным организационное укрепление колхозов. Председатели и бригадиры систематически жаловались: «Каждый день чуть не до вечера ходишь по хуторам и даёшь наряд»¹¹. В то же самое время, как отмечает уральский историк В. Н. Голдин, «личный, трудолюбивый крестьянский двор, встроенный в рамки колхоза, очень быстро доказал Партии свои экономические преимущества»¹², а это с той же политической точки зрения было недопустимо. Подлинные причины, по которым Советское государство так последовательно проводило политику укрупнения колхозов и свозки хуторов, лучше всего можно передать словами приводимого тем же автором источника: «Зачем идти в колхоз, он [единоличник] около колхоза живёт значительно лучше колхозника. Это действует на колхозы разлагающе»¹³.

27 мая 1939 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», в котором содержалось положение о ликвидации хуторских приусадебных участков колхозников и их сселении на центральные усадьбы колхозов. Постановление гласило: «Все земли личного пользования колхозников, находящиеся в колхозных полях вне усадеб, изъять из личного пользования и присоединить к общественным землям колхозов»¹⁴.

Данная политика в послевоенный период была распространена и на Карельский перешеек.

Первый пункт постановления Совета Министров СССР 22 марта 1950 г. гласил: «Обязать Ленинградский облисполком сселить в течение 1950—1952 годов 2400 хозяйств колхозников, расположенных на хуторах, в колхозные селения, из них в 1950 году 660 хозяйств, в 1951 году 900 и в 1952 году 840 хозяйств»¹⁵. Следует отметить, что помимо переноса жилых и производственных построек, в ходе сселения

¹⁰ «Второй и важнейший этап». Об укрупнении колхозов в кон. 50-х — нач. 60-х гг. // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 31.

¹¹ Цит. по: Кононов А. Сселение хуторов на Псковщине. С. 35.

¹² Голдин В. Н. Взгляд из деревни, или Почему пустует земля: историко-экономический роман. Екатеринбург, 2010. Кн. 1. С. 386—387.

¹³ Цит. по: Там же. С. 388.

¹⁴ О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания. Симферополь, 1946. С. 12.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 80. Д. 1997. Л. 74.

должен был осуществляться и перенос школ, больниц и даже сельсоветов¹⁶. Сселение хуторов, строительство новых колхозных сёл было одним из главных направлений деятельности руководства Ленинградской области в рассматриваемый период. Об этом свидетельствует тот факт, что заместителю председателя облисполкома Н. Я. Панарину и заместителю заведующего сельскохозяйственным отделом обкома Р. Придеину было поручено курировать данное направление, не отвлекаясь на другие проблемы. Райкомы партии должны были письменно отчитываться два раза в месяц о проделанной работе¹⁷.

Но даже несмотря на такое внимание, работы продвигались крайне медленно. Сроки и график проведения работ, предписанные Совмином, не были выполнены. Это подтверждается следующими статистическими данными. Всего на 1 января 1952 г. было перевезено и построено 697 домов. Осталось 1724 дома, которые подлежали сселению с хуторов на центральные усадьбы. К весне было построено только 35 и строилось 278. Практически все районы не выполнили плана, ибо руководство районов и колхозов «тормозят инициативу колхозников и не освобождают их от других работ на время постройки своего дома на центральной усадьбе». Лишь в Рошинском районе руководители «правильно поняли важность проведения мероприятий по сселению хуторов, систематически контролировали и обеспечили перевыполнение установленного колхозам плана по жилищному строительству»¹⁸. Секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) В. М. Андрианов не сомневался в успехе: «в конце года [1952 г.] мы должны будем доложить товарищу Сталину, что его указание по сселению хуторских хозяйств выполнено с честью. И, мне кажется, честь для каждого коммуниста и каждой районной организации выполнить это указание своего вождя товарища Сталина»¹⁹. По состоянию на начало 1954 г. хуторским по форме продолжало оставаться 771 хозяйство колхозников²⁰. Как явствует из записки председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину 28 февраля 1955 г., «свезено с хуторов свыше 2200 семей колхозников, но эта работа не закончена и по состоянию на 1 января 1955 г. на хуторах проживает около 400 семей»²¹.

Причинами были недостаток стройматериалов, отсутствие необходимого количества рабочей силы, т. к. колхозников не освобождали от сельскохозяйственных

¹⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 49. Д. 573. Л. 36.

¹⁷ Там же. Л. 21.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 70. Д. 174. Л. 197—198.

¹⁹ Там же. Л. 34.

²⁰ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 1684. Оп. 7. Д. 837. Л. 148.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 90. Д. 56. Л. 20.

работ, чтобы они могли заняться строительством своих домов. При среднегодовой ежедневной потребности в 600 человек на строительстве работало 130. Даже те дома, которые принимались областным Управлением по делам сельского и колхозного строительства, имели недоделки²². Систематический характер носили жалобы на качество строительных материалов. Председатель Приозерского РИКа Мещеряков говорил в марте 1952 г., что следует «потребовать от поставщиков повысить качество завозимых для колхозов материалов, особенно кирпича, извести, черепицы, а то завозят такой кирпич, который совсем нельзя пускать в строительство»²³.

Главная причина, на наш взгляд, заключалась всё же не в этих недостатках, а в полном нежелании крестьян участвовать в этих мероприятиях. У них, по существу, никто не спрашивал, хотят ли они заниматься этим делом или нет. Аппарат мог сколько угодно воображать, что в каждом колхозе «сами колхозники просят: “Помогите свезти хутора...”», но не везде они находят поддержку»²⁴, но действительности это не меняло. Кроме того, для большей убедительности приводились доводы политического характера, связанные с укреплением границы. Председатель Леноблисполкома В. Н. Пономарев говорил в начале 1953 г.: «Вопрос сселения хуторов имеет большое значение, кроме того, хутора — это рассадник шпионов и вредителей, и это заставляет быстрее с этим делом покончить»²⁵.

Показателен разговор, состоявшийся на заседании 9 января 1951 г. между председателем Леноблисполкома И. П. Петровым и его заместителями: «Человек жил на этой усадьбе ряд лет, некоторые родились, а сейчас надо переезжать. По-моему, нужно дать направленность, разъяснить. Сказать в докладе о необходимости проведения разъяснительной работы, особенно среди депутатов»²⁶. Если даже политически воспитанным депутатам Леноблсовета нужны были разъяснения, то что же можно сказать о рядовых трудящихся.

Широкое распространение среди крестьян нежелания заниматься ликвидацией своих хуторов отразилось в документах. В 1950 г. в колхозной среде преобладало представление, что «мы не прочь селиться и строиться, но пусть кто-либо всё это сделает за нас, а мы в готовые дома въедем и в готовые животноводческие помещения скот поставим»²⁷. В 1952 г. в колхозе «Сталинский путь» Сосновского района к

²² Там же. Оп. 70. Д. 174. Л. 182—190.

²³ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 2. Л. 52.

²⁴ Там же. Д. 136. Л. 94.

²⁵ Там же. Л. 100.

²⁶ Там же. Оп. 33. Д. 1400. Л. 166.

²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 573. Л. 38.

строительству, «по существу, не приступали, ссылаясь на то, что колхозники, якобы, не хотят переезжать с хуторов на новые центральные усадьбы, тогда как с колхозниками по этому поводу районные организации серьёзной работы не проводили». Аналогичным образом дело обстояло и со строительством общественных построек: «Колхозники не принимают почти никакого участия в строительстве общественных помещений и заготовке местных строительных материалов»²⁸. Как отмечал начальник Отдела сельского и колхозного строительства Пикалев, зимой в колхозах на строительстве работают 6 % колхозников, меньше чем на уборке²⁹. В одном из колхозов Сосновского района стройбригада состояла из одиннадцати человек, но в полном составе она никогда не работала. Люди являлись на работу по собственному желанию и уходили рано. Инструмент не точился³⁰. По данным районов, строительные бригады были созданы в 51 колхозе, но подавляющее большинство их существовало лишь на бумаге, к работе они не приступали. Каждая бригада включала не более десяти человек³¹. По словам одного из руководителей облисполкома, невыполнение плана можно объяснить только тем, что внутри района этой работой не занимались и рассчитывали на помощь извне. По каждому колхозу составлялись графики свозки хуторов, но когда подходили сроки, всё оставалось на бумаге³².

Причина, по меньшей мере, пассивности колхозников в деле сселения хуторов заключалась в том, что работы по разборке, перевозке и сборке домов были чрезвычайно трудоёмкими, требовали огромного количества физических сил, времени и стройматериалов. Вдобавок ко всему, на время, когда дом находился в процессе разборки/перевозки/сборки, людям нужно было где-то изыскать себе жильё. Об этом говорил лектор отдела пропаганды и агитации обкома партии Агамалян на совещании в Смольном 9 августа 1950 г.: «С этим переездом нужно покончить, так как деньги, которые государство даёт, пропиваются, на радостях получают деньги и пропивают. Им нужен транспорт. Нужно выполнять план, значит[,] требуется, чтобы колхозник работал и в течение месяца за 25 км. перевез двухэтажный дом, да сам бы и собрал. Колхозник говорит: разобрать я разберу, а как я соберу? Почему бы не создать подрядчика, солидную организацию. Мы идём к коммунизму, а получается кустарщина. Колхозники переезжать не торопятся и говорят, к чему нам эти деньги. Какой-нибудь трест Ленинграда может подсобить». На это секретарь обкома Н. Д. Казьмин возразил: «Вы на

²⁸ Там же. Оп. 70. Д. 174. Л. 182—190.

²⁹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 1400. Л. 135.

³⁰ Безответственное отношение к большому делу // Сталинское слово (Сосново). 1950. 12 июля.

³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 573. Л. 34.

³² ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 136. Л. 94.

Невском проспекте были? Видели, как там отвратительно идёт дело? А там ведь тресты»³³.

За участие колхозников в работе по переносу домов и строительству производственных зданий не было предусмотрено никакой оплаты. Считалось, что энтузиазма (мнимого) самих колхозников вполне достаточно. В проекте одного из решений Леноблисполкома, относящегося к 1951 г., сказано: «Рекомендовать колхозам организовать межколхозные сквозные строительные бригады на выполнение отдельных видов строительных работ (каменные, плотничные, кровельные) для строительства животноводческих построек. Оплату работ, выполняемых межколхозными строительными бригадами, производить за счёт колхозов в соответствии с уставом сельхозартели». В утверждённом варианте текст был в точности повторён, кроме того, предложения, где речь шла об оплате. Оно было опущено³⁴.

Все же постановление 22 марта 1950 г. в известной степени облегчало положение крестьян, т. к. все налоги и поставки колхозам и колхозникам уменьшались вдвое на время сселения. Согласно п. 8, колхозам и нуждавшимся колхозникам предоставлялся кредит «на перенос, восстановление и новое строительство жилых домов и надворных построек в размере фактических денежных затрат, но не свыше 10 тыс. рублей на одно хозяйство». Половина суммы относилась на счёт государства, а остальная часть должна была погашаться заёмщиком в течение десяти лет, начиная с третьего года³⁵. Наиболее рациональным поведением для колхозников в такой ситуации было ничего не делать, пользуясь в то же время предоставленными льготами. Так оно и случилось. Это подтвердил лектор Кокарев: «На строительстве как только колхозники выполняют работу, получают деньги, так пьют. И председатель колхоза с ними. Я даже затрудняюсь сказать, что тут надо предпринять»³⁶. К началу 1953 г. выдача кредитов колхозникам на переезд с хуторов была прекращена³⁷. В документах нашёл отражение случай, когда колхозники категорически отказывались заготавливать лес. Работы производились круглый год, людей пытались заставить переезжать зимой³⁸, но также безуспешно.

Не лучшим образом работали и государственные строительные организации, на которые было непосредственно возложено возведение общественных и производственных зданий. В 1952 г. трест «Ленсельстрой» при программе 15 млн рублей

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 834. Л. 13.

³⁴ ЦГА СПб. Ф. 1684. Оп. 7. Д. 251. Л. 3, 25.

³⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 80. Д. 1997. Л. 74об.—75.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 834. Л. 24.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 136. Л. 82.

³⁸ Там же. Л. 3, 4.

фактически выполнил работ на 6,3 млн рублей, то есть 42,1 %, в том числе по районам перешейка было выполнено работ на 810 тыс. рублей или 8,1 % программы. Срыв программы по перешейку объяснялся тем, что вновь созданные в районах перешейка строительные участки треста не были обеспечены материально-техническими средствами, отсутствовала жилая площадь для размещения рабочих и в силу этого вместо потребных 3480 рабочих во втором полугодии работало только 500, не было строительных механизмов и автомобильного транспорта. В 1953 г. трест «Ленсельстрой» был объединён с трестом «Ленстрой»³⁹.

Поскольку попытка возложить на колхозников основной объём работ кончилась неудачей, работали в основном люди с предприятий и учреждений Ленинграда и области в порядке шефства. Так, в Приозерском районе в 1953 г. шесть областных организаций должны были строить 46 домов, еще 56 домов — восемь организаций района, а строительство остальных 147 домов предполагалось осуществить силами самих колхозников. На январь 1953 г. в колхозах Выборгского района имелось 400 трудоспособных, поэтому силами колхозов за год могло быть построено только 130 домов из 300. Примерно такое же соотношение было в Приморском и других районах⁴⁰. В январе 1951 г. Б. Ф. Николаев говорил о том, что по инициативе Андрианова для строительства новых домов и хозяйственных построек в порядке шефства работает 151 ленинградское предприятие и, кроме того, было разрешено использовать технику МТС для перевозки домов. Из них работало на строительстве только 25, а остальные бездействовали из-за отсутствия стройматериалов, которые должны были приобретаться колхозами, но последние этого не делали, т. к. не имели денег⁴¹. План строительства животноводческих построек 1952 г. был выполнен всеми районами на 100 % и более. Это перевыполнение плана было достигнуто за счёт строительства коровников, в то время как птичников сооружалось недостаточно⁴². Такие хорошие показатели стали возможны только потому, что скотные дворы строились в основном ленинградскими организациями, за что областные руководители получили замечание от ЦК ВКП(б)⁴³.

Районные руководители пытались привлечь к строительству военных, но эта идея также не была реализована. Секретарь Приморского райкома Д. Валдай свидетельствовал: «В отношении воинских частей я ездил в Рошинский район, они

³⁹ Там же. Ф. 1684. Оп. 7. Д. 916. Л. 170—173.

⁴⁰ Там же. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 136. Л. 76, 85, 88.

⁴¹ Там же. Оп. 33. Д. 1400. Л. 138, 148.

⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 81. Д. 89. Л. 181.

⁴³ Там же. Л. 17.

разговаривать с нами не хотят, безболезненно могли бы выделить значительное количество людей из своих строительных батальонов. Нам этого вопроса не решить»⁴⁴.

Без преувеличения можно сказать, что основной рабочей силой на строительстве были студенты. В начальный этап сселения они посылались не из промышленных, а из медицинских институтов, причём главным образом это были девушки, которых можно было определить только на подсобные работы⁴⁵. Правда, со временем указанный недостаток был преодолен. Председатель Приозерского РИКа Белоусов в январе 1953 г. выражал надежду, что «если только будут студенты в этом году, мы справимся с планом»⁴⁶. Поскольку колхозам не было до строительства никакого дела, в организации быта студентов имелось много недостатков. Их никто не встречал из председателей колхозов, зачастую последние находились в состоянии алкогольного опьянения, до места назначения студентам иногда приходилось идти пешком. Колхозы не готовили для них пищеблоки, были случаи пищевых отравлений⁴⁷. В целом, однако, положение студентов было сравнительно неплохим. Лектор Колесова рассказывала в начале августа 1950 г. о положении дел в Лесогорском районе: «Большую помощь нам оказали в организации художественной самодеятельности студенты. Студенты являются примером для колхозников. Питание исключительно хорошее, питаются как при коммунизме, кушают столько, сколько хотят. Организовано питание хорошо, из расчёта 12 рублей в день»⁴⁸. Студентам принадлежал приоритет в снабжении: «Завозимые продукты для студентов нужно вручать заведующим хозяйствами, чтобы не было недовольства населения, нужно организовать дело таким образом, чтобы лучшие продукты попадали студентам»⁴⁹.

В то же время сселение вызвало кризис в обеспечении новых партий переселенцев жилой площадью: было запрещено размещать новые партии переселенцев на хуторах. Из переселённых в 1952 г. 600 семей только 425 (70 %) получили отдельные дома⁵⁰.

Непредвиденным последствием усилий власти по реконструкции инфраструктуры перешейка явился уход выделенных для этих целей строительных материалов на сторону. Поскольку в рассматриваемый период исключительно остро стояла жилищная проблема, а эффективных мер для её решения государство не

⁴⁴ Там же. Оп. 49. Д. 573. Л. 20.

⁴⁵ Там же. Л. 12.

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 136. Л. 79.

⁴⁷ Там же. Л. 363.

⁴⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 834. Л. 44.

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 136. Л. 363.

⁵⁰ Там же. Л. 91, 100.

предпринимало, люди сами строили себе жильё. Строились как те, кто был долгое время связан с городом, так и те, кто недавно перешёл на работу в промышленность и на транспорт. Советский Союз захлестнула волна самовольного строительства, которая не считалась ни с какими планами. В этот период получила распространение перевозка колхозниками домов из деревни в город⁵¹. Тем временем на перешейке строительные материалы, завезённые в достаточном количестве по линии потребкооперации, «до сих пор колхозами выбираются слабо» либо используются не по назначению (например, «три тонны железа, предназначенные для покрытия кровника, было реализовано покупателям»)⁵². В 1950 г., по данным Отдела сельского и колхозного строительства, в области было построено 1025 домов, из них 825 — неорганизованным путём. Председатель Леноблисполкома И. П. Петров подчеркнул, что «это построено из наших материалов и этими же самыми людьми» и на кредиты от государства⁵³.

Качество новых домов оставляло желать много лучшего. Утверждалось, что «при строительстве новых домов колхозников вводятся значительные улучшения: дома строятся на каменных фундаментах, увеличиваются размеры дверей и окон. Следует особо подчеркнуть, что в целом восстановление наших деревень ведётся на более высоком культурном уровне»⁵⁴. Дома, возводившиеся для советских переселенцев после Зимней войны, по свидетельствам финнов, относящимся к периоду Войны-продолжения, отличались весьма низким качеством постройки: углы стен не были врублены, брёвна просто были положены друг на друга, полы делались без балок (половицы укладывались прямо на землю), печи были плохо сложены и дымили, двери и окна не были подогнаны и т. д.⁵⁵. В номере газеты Сосновского района «Сталинское слово» от 25 декабря 1951 г. была помещена фотография, на которой изображена счастливая колхозница артели «Знамя труда» Огородникова со своими детьми у своего нового дома. Видно, что дом совсем не велик, на два окна налицо, и что он не выдерживал никакой критики в сравнении с большими финскими домами (о размерах последних свидетельствует тот факт, что в некоторых из них в 1945—1949 гг. размещалось больше одной семьи, да и в тексте «рекламы» прямо идёт речь о преимуществах хуторских домов). Зачастую большие финские постройки делились на несколько более мелких. Управляющий

⁵¹ Бон Т. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М., 2013. С. 215.

⁵² Там же. С. 198.

⁵³ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 1400. Л. 148—149.

⁵⁴ Антонов С. Ленинградская область к выборам в местные Советы депутатов трудящихся // Пропаганда и агитация. 1947. № 21. С. 45.

⁵⁵ Молчанов А. К. На грани войны и мира: Карельский перешеек и Северное Приладожье в 1939—1948 годах. СПб., 2005. С. 24.

Леноблпроекттрестом Г. Е. Александров говорил: «Есть у нас очень много хороших построек, и там начинается делёжка этих домов на 2 дома. Если постройка хорошая, доброкачественная, то лучше использовать её на общественное здание, а не резать на два жилых дома»⁵⁶.

Проекты будущих центральных усадеб, изготовленные в 1947—1949 гг., в связи с укрупнением колхозов, были пересмотрены, и все работы по их составлению были начаты заново. При выборе районными властями местоположения центральных усадеб мнение колхозников зачастую игнорировалось. Так было в случае с колхозом «Пионер» Выборгского района⁵⁷. Так, в Лесогорском районе к июню 1950 г. было разработано девять эскизов планировки. Из них пять оказались непригодными, так как были выполнены без привязки к рельефу местности, внутриколхозному землепользованию и без учёта расположения мелиоративных сооружений. Вследствие пересечённости местности сёла проектировались на засеянной пашне⁵⁸.

Таким образом, мероприятия по сселению хуторов были инициированы властью без какого-либо учёта интересов колхозного крестьянства. Они не имели достаточных финансовых, материальных, трудовых, кадровых и научных предпосылок и, по сути, являлись социально-экономической авантюрой. Качество вновь возводимых домов уступало финским аналогам. Сама по себе динамика выполнения и результаты работ также говорят о том, что крестьяне были абсолютно не заинтересованы в данных мероприятиях. В целом им удалось успешно саботировать все начинания региональных властей, поэтому государству для выполнения поставленных задач фактически пришлось взять на себя все затраты, вызванные развёртыванием столь масштабного строительства.

Список литературы

Большакова, Г. И. Заложники новой границы: проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940—1960-х гг. / Г. И. Большакова. — Санкт-Петербург : Астерион, 2009. — 134 с.

Бон, Т. «Минский феномен»: городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / Т. Бон ; пер. с нем. Е. Слепович. — Москва : РОССПЭН, 2013. — 413 с. — (История сталинизма).

«Второй и важнейший этап». Об укрупнении колхозов в кон. 50-х — нач. 60-х гг. // Отечественные архивы. — 1994. — № 1. — С. 32—49.

⁵⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 573. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Оп. 62. Д. 469. Л. 43.

⁵⁸ Там же. Оп. 49. Д. 573. Л. 10.

Вылцан, В. Как советская власть ликвидировала хуторские хозяйства / В. Вылцан, Р. Маннинг // Наука и жизнь. — 1997. — № 4. — С. 68—76.

Голдин, В. Взгляд из деревни, или Почему пустует земля : историко-экономический роман : в 2 кн. — Кн. 1 / В. Голдин. — Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2010. — 434 с.

Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2005. — 477 с.; ил.

Кононов, А. Процесс сселения хуторов на Псковщине / А. Кононов // Псков. — 2006. — № 2. — С. 167—172.

Кривошеев, Ю. В. Государственные люди. Статьи и интервью с переселенцами Карельского перешейка / Ю. В. Кривошеев. — Санкт-Петербург : Академия исследования культуры, 2012. — 240 с.

Молчанов, А. К. На грани войны и мира. Карельский перешеек и Северное Приладожье в 1939—1948 гг. / А. К. Молчанов. — Санкт-Петербург : Курорты Петербурга, 2005. — 52 с.

Орав, В. А. Наделение колхозников-переселенцев Карельского перешейка недвижимостью в 1945—1948 годах / В. А. Орав // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — № 4. — С. 43—49.

Орав, В. А. Партийно-советское руководство Ленинградской области и развитие Карельского перешейка в 1940-х — начале 1950-х годов / В. А. Орав // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2016. — № 3. — С. 26—28.

Орав, В. А. Политика Советского государства по восстановлению и развитию Карельского перешейка : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Владимир Алексеевич Орав. — Санкт-Петербург, 2017. — 31 с.

САФРОН Елена Александровна / SAFRON Elena

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

00inane@gmail.com

ТИМОШКИНА Мария Игоревна / TIMOSHKINA Maria

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

mari.macha94@gmail.com

**ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПОВЕСТИ
А. ЛИНДГРЕН «МИО, МОЙ МИО!»**

FOLKLORE TRADITION AND ITS TRANSFORMATION IN *MIO, MY SON*
BY A. LINDGREN

Abstract: The present article throws light on the issues of the fairy-tale traditions and their transformations within Astrid Lindgren's fantasy story *Mio, My Son*. The authors identify the peculiarities of such fairy tale levels as the plot, motifs, folklore characters and images which are presented in the story. Thus, the authors note the structure of the plot and the functions of a fairy tale protagonist applied in the story.

Moreover, the article states the presence of colour contrasts between Stockholm and Farawayland which, together with the portrayal of Mio's emotions, adds depth and psychologising to the image of the protagonist. The authors come to the conclusion that, on the basis of a fairy tale, Lindgren invents a highly original literary work with more profound conflicts, issues and images than in the mentioned folklore genre.

Ключевые слова / Keywords: Фольклорная традиция, трансформация, волшебная сказка, хронотоп, мотив, сюжет, образ, фэнтези / Folklore tradition, transformation, fairy tale, chronotope, motif, plot, image, fantasy.

Фантастическое, «пересоздающее действительность»¹, — это основное связующее звено между фольклорной волшебной сказкой и литературой фэнтези. Данное утверждение петрозаводского профессора Е. М. Неёлова, исследовавшего отечественную фантастику и её связь с фольклором, применимо и к повести шведской писательницы Астрид Линдгрэн «Мио, мой Мио!»².

«Мио, мой Мио!» представляет собой самостоятельное авторское фантастическое произведение, в основе которого мы можем обнаружить традиции волшебной сказки,

¹ Неёлов Е. М. Сказка, фантастика, современность. Петрозаводск, 1987. С. 21.

² В отечественном литературоведении указанное произведение идентифицируют как сказочную повесть (См.: Брауде Л. Ю. Любить детей, любить природу, любить всё живое... // Мио, мой Мио! Повести-сказки скандинавских писателей / сост. и вступ. ст. Л. Ю. Брауде. М., 1990. С. 4—5), т. е. как жанр, сопоставимый с литературной авторской сказкой, а в Швеции — как детскую фэнтези [См.: Holmberg J.-H. Lindgren, Astrid // The Encyclopedia of Fantasy / ed. by J. Clute and J. Grant. N. Y., 1997. P. 582. URL: http://sf-encyclopedia.uk/fe.php?nm=lindgren_astrid (07.12.2017)]. Возможно, отсутствие единого мнения по этому вопросу связано с тем, что в 1979 г., когда повесть «Мио, мой Мио!» была переведена на русский язык, советское литературоведение не располагало термином «фэнтези».

Работы отечественного исследователя Е. М. Неёлова, на наш взгляд, универсальны: несмотря на национальную окрашенность интересующих нас жанров, прежде всего фольклорной и литературной сказки, а также фэнтези и фантастики, их поэтика сходна в разных национальных литературах.

перенимаемые авторами литературных сказок. Однако Линдгрэн значительно трансформирует эти традиции, отражая современное ей общество и его проблемы³ и создавая произведение с более глубокими смыслами и конфликтами. Б. Вестин, шведская исследовательница детской литературы, отмечает, что «Мио, мой Мио» в жанровом отношении представляет собой «сказание о героях»⁴. В этом, на наш взгляд, проявляется расширение границ детской литературной сказки и попытка создать произведение с большей эпичностью повествования. Целью нашей статьи является выявление фольклорных традиций, используемых автором в данной повести, и установление расширения этих традиций с помощью мотивов, конфликтов и современной автору социальной проблематики.

Для достижения нашей цели считаем необходимым обратиться к выделенным В. Я. Проппом функциям действующих лиц волшебной фольклорной сказки⁵. Как известно, учёный говорил о 31 функции (начиная с отлучки одного из членов семьи и заканчивая возвращением героя из «квеста», его преследованием, изобличением ложного героя или антагониста и свадьбой героя). Своим исследованием В. Я. Пропп доказал структурное сходство и универсальную логику сказок. Данная структура перенимается литературной сказкой и далее фантастической литературой.

Среди функций, описанных В. Я. Проппом, в «Мио, мой Мио» фигурируют *отлучка* родителей героя («усиленная форма отлучки»⁶ — Мио остаётся сиротой), *вредительство* со стороны антагониста рыцаря Като (похищение детей с последующим превращением их в птиц, губительное влияние, оказываемое на природу Страны Дальней, наделение своих слуг каменными сердцами):

«Птицы! Ведь это, значит, братья нашего друга Нонно, сестры мальчика Йри, маленькая дочка ткачихи и многие-многие другие. Всех их похитил и заколдовал рыцарь Като»⁷ (С. 89).

«Может, весь Мёртвый Лес ненавидел рыцаря Като? <...> ...Дерево не простило того, кто убил его маленькие зелёные листочки...» (С. 93).

³ Об этом см.: Линдстен К. С. Астрид Линдгрэн и шведское общество // Неприкосновенный запас. 2002. № 1 (21). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/lind.html> (06.12.2017).

⁴ Вестин Б. Детская литература в Швеции / пер. со шв. Т. Доброницкой. 3-е изд., испр. и доп. М.; Стокгольм, 1999. С. 23.

⁵ Пропп В. Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки / коммент. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой; сост., науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М., 1998.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Здесь и далее цитируется (с указанием номера страницы в скобках) по изданию: Линдгрэн А. Мио, мой Мио! // Мио, мой мио! Повести-сказки скандинавских писателей / пер. с норв. и шв.; сост. и вступ. ст. Л. Ю. Брауде. М., 1990. С. 56—124.

Рыцарь Като «вырывает сердца людей... А потом вкладывает им в грудь каменные сердца» (С. 101).

Мио узнаёт о том, что жизнь Страны Дальней омрачает зло в облике рыцаря Като, (т. е., согласно В. Я. Проппу, происходит *информирование героя о беде*), Мио соглашается на *противодействие* и *отправляется в путешествие*⁸ (квест). Кульминацией становится сражение героя и его победа над антагонистом. В развязке беда *ликвидируется*: птицы снова становятся детьми, замок Като разрушается, природа оживает, а Мио возвращается домой. Наличие счастливого конца, торжество добра над злом — неотъемлемая часть волшебной сказки, которую перенимают многие жанры фантастической литературы. В данном произведении представлены не все функции и сюжетные линии, описанные В. Я. Проппом, однако мы считаем, что привели достаточно доказательств в пользу того, что сюжет строится по традиционной волшебной-сказочной формуле.

Далее перейдём к образу протагониста. Главный герой «Мио, мой Мио!», мальчик Буссе, первоначально выступает в образе «бедного сиротки» (формулировка Е. М. Мелетинского)⁹. Образ гонимого сироты приходит в литературу ещё в эпоху распада родоплеменного строя¹⁰ и используется по сей день, особенно часто — в литературных сказках и фэнтези¹¹. Образ сиротки можно отнести к более общей категории невинно гонимых¹², излюбленной А. Линдгрена.

Одиноким мальчик Буссе не любим ни приёмными родителями, ни сверстниками:

«Я был приёмным у тёти Эдди и дяди Сикстена. Попал к ним, когда мне исполнился всего один год. А до того я жил в приюте. <...> Она повторяла без конца: “Будь проклят тот день, когда ты появился в нашем доме”. А дядя Сикстен вообще ничего не говорил, а лишь изредка кричал: “Эй, ты, убирайся с глаз долой, чтоб духу твоего не было!”» (С. 57).

В изображении Стокгольма, где живёт Буссе, доминирует мотив одиночества, передаваемый общей цветовой палитрой октябрьского вечера и настроением героя:

⁸ Там же. С. 23—44.

⁹ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.

¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹ Сходным образом бедного сиротки и невинно гонимого является Гарри Поттер из одноимённого цикла Дж. Роулинг; без родителей остался и Фродо Бэггинс из «Властелина Колец» Дж. Р. Р. Толкина. Без матери растёт и главный герой «Волшебника Земноморья» У. Ле Гуин.

¹² Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. С. 39.

«Я почувствовал себя страшно одиноким и чуть не заплакал. Пошёл и сел на скамейку в парке Тегнера. Там не было ни души. Наверное, все ушли ужинать. Смеркалось, накрапывал дождь. В домах вокруг парка зажглись огни. В Бенкиных окнах тоже горел свет. Значит, он дома, вместе с папой и мамой. Наверное, повсюду, где горит свет, дети сидят возле своих пап и мам. Только я здесь один, в темноте» (С. 58).

На наш взгляд, мотив одиночества усиливается благодаря контрасту картины октябрьского Стокгольма и освещённых окон. Автор использует серый цвет, «излюбленный цвет скандинавских народных сказок»¹³, как художественный приём для заострения внимания на чувствах героя.

Изображение волшебной Страны Дальней контрастирует с «серым Стокгольмом»:

«Да, то был остров, который плавал в море. Воздух вокруг был напоён ароматом тысяч роз и лилий. Слышалась дивная музыка, которую не сравнишь ни с какой музыкой на свете. На берегу моря возвышался громадный белокаменный замок, там мы и приземлились» (С. 60).

В волшебном мире, в отличие от реального, преобладают светлые и яркие цвета. Переход из реального мира в мир сказочный происходит, как в фольклорных сказках, с помощью волшебных существ и предметов. В «Мио, мой Мио!» волшебный предмет — золотое яблоко, волшебное же существо — дух из бутылки, благодаря которым герой и оказывается в Стране Дальней:

«Тут я взглянул на яблоко, что мне дала тётушка Лундин. Яблоко было золотое. <...> Я протянул ему [духу из бутылки] моё золотое яблоко, и дух воскликнул:

— В твоей руке волшебный знак! Ты тот, кого так долго разыскивает наш король» (С. 59—60).

Перемещаясь в волшебную страну, Буссе не только обретает «истинное» имя, полученное при рождении, — Мио, но и узнаёт о том, что он принц. Известно, что в фэнтези, наследующей традиции фольклорной волшебной сказки, «ситуация чудесного

¹³ Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка. М., 1979. С. 153.

рождения не случайный элемент, а сюжетная закономерность, обуславливающая последующее развитие событий»¹⁴. Именно осознание ответственности за свою страну заставляет мальчика сразиться с рыцарем Като.

Для героя-ребёнка, подсознательно верящего в сказку, волшебные события оказываются более реальными, чем «прошлая» жизнь:

«Имя Буссе оказалось ненастоящим, как и моя жизнь на улице Упландсгатан. Теперь всё стало на свои места» (С. 61).

Герой сказки, как и герой фэнтези, воспринимает события «изнутри» и безоговорочно верит в реальность происходящего, в то время как читатель смотрит «извне», поэтому его позиция обуславливается «установкой на вымысел»¹⁵. Писатель позволяет фантастическому проникнуть в реальную жизнь, размывая границы между миром яви и миром вымышленным.

С другой стороны, по словам Е. М. Неёлова, границы волшебного мира в сказке, в том числе и литературной, закрыты. Подтверждение данному постулату находим в исследуемом нами произведении, где чётко прослеживается запрет на проникновение чужого в волшебный мир:

«— Возьми меня с собой! О, дух, возьми меня в Страну Дальнюю. Там ждут меня!

Дух покачал головой. Но тут я протянул ему моё золотое яблоко, и дух воскликнул:

— В твоей руке волшебный знак! Ты тот, кого разыскивает наш король» (С. 60).

Волшебное яблоко становится опознавательным знаком, «ключом» к «двери» в волшебную страну и первым волшебным даром герою. Далее, уже на пути во владения рыцаря Като, Мио получает флейту, играющую старинный напев, волшебную ложечку и хлеб насущный, утоляющий голод. Эти дары позволяют Мио и Юм-Юму не потерять друг друга и выжить в замке Като:

¹⁴ Афанасьева Е. А. Эволюция сказочного героя в романе Ю. Никитина «Трое из леса» // Новейшая русская литература рубежа XX—XXI веков: итоги и перспективы: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, филологический факультет, кафедра новейшей русской литературы 23—24 октября 2006 г.). СПб., 2007. С. 198.

¹⁵ Неёлов Е. М. Волшебство-сказочные корни научной фантастики. Л., 1986. С. 39.

«Я сыграл напев до конца и прислушался. Далеко-далеко в глубине горы раздались какие-то чистые звуки. Они были чуть слышны, но я знал: Юм-Юм отвечает мне» (С. 99).

«Ложечка кормила меня! Я будто поел хлеба насущного и испил ключевой воды, утоляющих голод и жажду» (С. 112).

Также Мио получает плащ-невидимку от ткачихи, который помогает ему сбежать из темницы и добраться до покоев рыцаря Като:

«Надевая плащ, я вывернул его наизнанку. Сверкающая волшебная подкладка, которой ткачиха подбила плащ, оказалась сверху. Мы примеряли плащ и так и этак — в самом деле, он становился невидим, как только его выворачивали наизнанку» (С. 113).

Кроме того, Мио получает чудесный меч, специально предназначенный для того, чтобы пронзить каменное сердце рыцаря Като:

«— Много-много тысяч лет пытался выковать я меч, рассекающий камень, — сказал он. — И сегодня ночью мне наконец посчастливилось, только сегодня ночью. <...>

Будто частица огня передалась от меча ко мне, и я почувствовал в себе огромную силу» (С. 101).

Со всеми вышеперечисленными дарами Мио становится способным победить зло и спасти Страну Дальнюю. Важно, что при обнаружении волшебных свойств мы можем видеть чувства героя, его удивление, восхищение, прилив силы — в этом проявляется углубление характеров, присущее именно авторским литературным произведениям.

В фольклорных сказках герою часто оказывается помощь со стороны людей и волшебных существ в ответ на доброту, оказанную услугу. Помощь обусловлена верой в исключительность героя. Как и в волшебных сказках, в «Мио, мой Мио!» дарители и волшебные помощники оказывают услугу герою, в основном потому, что *знают*, кем является Мио и что именно *он* должен сразиться со злом в облике рыцаря Като:

«Птица Горюн знает. Ткачиха знает. Белоснежные лошади знают. Весь Дремучий Лес знает: деревья шепчут про это, и травы, и цветущие яблони — все это знают. <...> Каждый пастух на Острове Зеленых Лугов знает, и по ночам его флейта поёт об этом. <...> Колодец, который нашёптывает по вечерам сказки, тоже знает. Говорю тебе, все знают» (С. 83).

«Почему дерево спасло нас? Этого я не знал. Может, весь Мёртвый Лес ненавидел рыцаря Като? <...> ...Дерево не простило того, кто убил его маленькие зелёные листочки, и помогло тому, кто пришёл сразиться с ним» (С. 93).

Типичная фольклорная формула безусловной «положительности» героя дополняется часто встречающимся в литературе фэнтези мотивом избранности героя и мотивом судьбы:

«...не тебе менять то, что было предначертано много-много тысяч лет назад» (С. 84).

В мотиве судьбы проявляется мнимость выбора пути героя, т. е., по словам Е. М. Неёлова, «не он выбирает путь-дорогу, а наоборот, путь-дорога выбирает (притом однозначно) и ведёт его»¹⁶. Если герой действительно достойный «храбрый рыцарь без страха и упрёка», коим и оказывается Мио, то он исполнит предначертанное, и окружающая природа, люди, волшебные существа помогут ему в этом.

Литературная трансформация мотива судьбы выражается в изображении колебаний и переживаний героя:

«Рыцарь Като! Как я боялся его! Как я боялся! Но, стоя здесь, в этой комнате, и слушая песню птицы Горюн, я вдруг понял, зачем скакал Дремучим лесом нынче ночью» (С. 83).

«— Но я так боюсь! — признался я, плача. Только сейчас я по-настоящему понял, как боюсь. — Юм-Юм, я не отважусь на это...» (С. 84).

«Снова запела птица Горюн, и от её песни сердце замерло у меня в груди.

— Она поёт о моей маленькой дочке, — сказала ткачиха, и её слёзы жемчужинками покатались по полотну.

¹⁶ Там же. С. 102.

Я сжал кулаки.

— Юм-Юм! — сказал я. — Я еду в Страну Дальнюю!» (С. 84).

Перед нами предстаёт внутренний конфликт героя: в нём борются страх за свою жизнь, страх перед неизвестностью и благородство, чувство сострадания. Мнимость же выбора обусловлена, как уже отмечалось ранее, «положительностью» героя и мотивом судьбы: в конечном счёте, положительный герой выбирает единственно верный путь (путь-дорогу).

Путь-дорога Мио, путешествующего вместе с лошастью Мирамис и другом Юм-Юмом, проходит через Дремучий Лес и Мёртвый Лес. Хронотоп произведения обусловлен хронотопом волшебной сказки. Так, неизвестно, сколько длится квест (путешествие) героя во владения Като:

«Не знаю, сколько времени мы мчались во мраке. Быть может, одно мгновение, быть может, долгие-долгие часы. А может, много-много тысяч лет!» (С. 86).

Герой путешествует через лес — типичное пространство и одновременно препятствие для героя фольклорной волшебной сказки. Лес в волшебной сказке противопоставляется саду¹⁷ как место, враждебное по отношению к герою, и место спокойствия, счастья и благополучия. В «Мио, мой Мио!» типичное противопоставление леса саду дополняется противопоставлением чудесного леса, в котором обитают волшебные существа, и леса мёртвого, в котором не было ничего живого, кроме стражников рыцаря Като:

«Дремучий лес хранил тайну. Великая, удивительная тайна скрывалась в нём — я это чувствовал. <...> Деревья мерцали при свете луны, они знали про эту тайну, а я ничего не знал» (С. 80).

В Мёртвом Лесу «не играл ветерок, не дрожала листва. Да её и не было. Не было ни одного, даже самого маленького листочка. Лишь мёртвые чёрные стволы с чёрными узловатыми мёртвыми деревьями» (С. 92).

Следствием победы над антагонистом становится оживление природы в мёртвой стране:

¹⁷ Там же. С. 72.

— Я хочу кое-что показать тебе, принц Мио! — сказал он [старик].

Протянув свою морщинистую руку, он разжал ладонь. Там лежал маленький зелёный листочек...

— Он вырос в Мёртвом Лесу! — сказал Эно. — Я только что нашёл его на дереве в Мёртвом Лесу! (С. 120).

Кульминацией развития мотива пути-дороги в произведении становится воскрешение погибшего ребёнка с помощью волшебного плаща:

«Я завернул Милимани в плащ, подбитый волшебной тканью. Она была соткана из белого цвета яблонь, нежности ночного ветра, ласкающего травы, тёплой алой крови сердца — ведь это руки её родной матери соткали такую ткань. Я бережно закутал бедняжку Милимани в плащ, чтоб ей было мягче лежать на скале.

И тут свершилось чудо. Милимани открыла глаза и посмотрела на меня! <...> На её теле не осталось никаких следов от ожога. Как мы обрадовались, что она ожила!» (С. 120).

Как отмечает Е. М. Неёлов, «оживление — важнейшая функция чудесного предмета в сказке»¹⁸, и А. Линдгрэн использует мотив оживления, совмещая его с темой семьи. Нельзя не отметить, что девочка оживает от плаща, сшитого её матерью, т. е. её воскрешает сила материнской любви. Известно, что концентрация внимания на теме семьи и семейных ценностей характерна для авторов фэнтези¹⁹, и в данной ситуации А. Линдгрэн чётко следует этой традиции.

Кроме того, в оживлении, а также в квесте героя чётко прослеживается тема жизни и смерти, которая становится центральной в повести. Как уже говорилось ранее, герой переносится в альтернативный мир — Страну Дальнюю, которую можно трактовать и как типично фэнтезийный вымышленный мир²⁰, и как райскую страну. Если рассматривать повесть в контексте противостояния жизни и смерти, то Страна Дальняя, идеальный мир, *рай*, здесь противопоставляется Стране Чужедальной, которая может трактоваться как *ад*. Данное противопоставление является типично сказочным,

¹⁸ Там же. С. 125.

¹⁹ Сафрон Е. А. «Славянская» фэнтези: фольклорно-мифологические аспекты семантики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2012. С. 12.

²⁰ По аналогии с волшебными мирами Толкина (Средиземье), К. С. Льюиса (Нарния) и другими.

т. е. здесь Линдгрэн чётко следует традиции, добавляя лишь эпичности повествованию и описанию чувств героя.

Так, идиллическое существование райской страны омрачается угрозой — злом, исходящим из Страны Чужедальной и сосредоточенным в образе рыцаря Като. Герой, Мио, вынужден отправиться в страну смерти, ад, чтобы победить зло и саму смерть (вероятно, ценой своей жизни). Протагонист отправляется в эту страну на *белом коне* — традиционном образе спутника героя или бога, проводника «на тот свет», который в то же время является символом света и жизни²¹. В образе коня и в путешествии в страну смерти сталкиваются свет и тьма, жизнь и смерть. Герой вместе со своими спутниками оказывается на пересечении двух миров и двух состояний. На пути в Страну Чужедальную Мио слышит песнь птицы Горюн, поющей о всех тех детях, которых похитил рыцарь Като. Птица Горюн может трактоваться и как христианский, и как языческий символ небесных сил, а также как символ души. Чёрное оперение и печальная песня птицы Горюн усиливают атмосферу трагичности и неизбежности судьбы героя, что связано с вышеописанным мотивом судьбы и в целом с контекстом противостояния добра и зла, жизни и смерти в исследуемом нами произведении. К древним символам следует отнести и опознавательный знак — яблоко, с помощью которого герой переносится в Страну Дальнюю. Образ яблока можно связать и с Ветхим Заветом, и с легендами и мифами²², и с волшебными сказками.

В Стране Дальней Мио встречает отца: в более широком контексте — Отца (Бога). Кроме того, нельзя не отметить, что место встречи героем Отца описывается как прекрасный сад, то есть *райский сад*. Образ Отца важен для Линдгрэн, на наш взгляд, и с социальной точки зрения — обретения семьи и наставника, и с сакральной — обретения того же наставника, но уже в духовном плане. Трансформация в данном случае проявляется не в использовании образов и символов (многие из них Линдгрэн заимствует из фольклора и мифологии), а в расширении рамок жанра литературной сказки, что ставит произведение на границу литературной сказки и детской фэнтези.

Таким образом, при анализе произведения нами были выделены основные традиции волшебной сказки и их трансформации в рамках повести Астрид Линдгрэн «Мио, мой Мио!». Основываясь на поэтике волшебной сказки, её хронотопе, типичных сказочных образах, сюжете и мотивах и дополняя их авторским видением, Линдгрэн создаёт оригинальное произведение с более глубокими (нежели в волшебных сказках)

²¹ Иванов В. В. Конь // Мифы народов мира : энциклопедия / под ред. С. А. Токарева. 2-е изд. М., 1987. Т. 1. С. 666.

²² Например, в легенде о короле Артуре и Острове Яблок (Авалон); в греческой мифологии — золотые яблоки в легенде об Аталанте и Гиппомене и др.

конфликтами, проблематикой и образами героев. Так, к расширению и трансформации традиционных волшебных-сказочных мотивов и конфликтов мы отнесли мотив судьбы героя, который тесно связан с мотивом противостояния жизни и смерти. Мнимость выбора, схематичность характеров героев даже при наличии их внутренних конфликтов и переживаний, а также типично сказочная событийная канва не позволяют в полной мере отнести «Мио, мой Мио!» к жанру фэнтези. Большая эпичность повествования, сходная с героическими сказаниями, и использование автором отдельных черт жанра фэнтези послужили, на наш взгляд, основой для выражения острых для автора проблем одиночества ребёнка в мире и проблемы жизни и смерти.

Список литературы

Афанасьева, Е. А. Эволюция сказочного героя в романе Ю. Никитина «Трое из леса» / Е. А. Афанасьева // Новейшая русская литература рубежа XX—XXI веков: итоги и перспективы : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, филологический факультет, кафедра новейшей русской литературы 23—24 октября 2006 г.). — Санкт-Петербург : [Б. и.], 2007. — С. 196—201.

Брауде, Л. Ю. Скандинавская литературная сказка / Л. Ю. Брауде. — Москва : Наука, 1979. — 208 с.

Брауде, Л. Ю. Любить детей, любить природу, любить всё живое... / Л. Ю. Брауде // Мио, мой Мио! Повести-сказки скандинавских писателей / пер. с норв. и шв. ; сост. и вступ. ст. Л. Ю. Брауде. — Москва : Правда, 1990. — С. 3—18.

Вестин, Б. Детская литература в Швеции / Б. Вестин ; пер. со шв. Т. Доброницкой. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : журнал «Детская литература» ; Стокгольм : Шведский институт, 1999. — 72 с.

Иванов В. В. Конь / В. В. Иванов // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. — 2-е изд. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — Т. 1. — С. 666.

Линдстен, К. С. Астрид Линдгрэн и шведское общество / К. С. Линдстен // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 1 (21). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/lind.html>. — (06.12.2017).

Неёлов, Е. М. Волшебные-сказочные корни научной фантастики / Е. М. Неёлов. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. — 199 с.

Неёлов, Е. М. Сказка, фантастика, современность / Е. М. Неёлов. — Петрозаводск : Карелия, 1987. — 126 с.

Мелетинский, Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа / Е. М. Мелетинский. — Москва : ИВЛ, 1958. — 264 с.

Пропп, В. Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп ; коммент. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой ; сост., науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. — Москва : Лабиринт, 1998. — 511 с. — (Собрание трудов В. Я. Проппа).

Сафрон, Е. А. «Славянская» фэнтези: фольклорно-мифологические аспекты семантики : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Елена Александровна Сафрон. — Петрозаводск, 2012. — 21 с.

Holmberg, J.-H. Lindgren, Astrid / J.-H. Holmberg // The Encyclopedia of Fantasy / ed. by J. Clute and J. Grant. — New York : St. Martin's Griffin, 1997. — P. 582. — URL: http://sf-encyclopedia.uk/fe.php?nm=lindgren_astrid. — (07.12.2017).

ПЕРЕ Полина Сергеевна / PERE Polina

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
polina.pere@mail.ru

**О НОВОЙ СЕВЕРНОЙ ПРОЗЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ГОЛОМЯНОЕ
ПЛАМЯ» Д. Г. НОВИКОВА**

**ON THE NEW NORTHERN PROSE: A CASE OF DMITRY NOVIKOV'S NOVEL
*GOLOMYANOE PLAMYA***

Abstract: The article presents a literary study description of a contemporary literature trend called the New Northern Prose. The main principles of the new northern prose are characterised and illustrated with examples from the novel *Golomyanoe Plamy* by Dmitry Novikov. The study reveals, f. ex., such principles of the new northern prose as the continuity of the traditions, the emphasis on preserving the heritage of the ancestors, the study of man, the belief in the North which changes any person who visits it and the adherence to realism as the artistic method of the New Northern Prose. The latter's artistic world is constructed in accordance with the geographical, cultural, social and linguistic coordinates of the North. The New Northern Prose extends its limits thanks to the synthetic method.

Ключевые слова / Keywords: Новая северная проза, северный сверхтекст, неотрадиционализм, Александр Бушковский, Яна Жемойтелите, Ирина Мамаева, Дмитрий Новиков / The New Northern Prose, the northern supertext, neotraditionalism, Aleksandr Bushkovskiy, Jana Zhemoytelite, Irina Mamaeva, Dmitry Novikov.

Манифест новой северной прозы был провозглашён карельскими писателями Дмитрием Новиковым, Яной Жемойтелите, Ириной Мамаевой и Александром Бушковским в 2013 г. С этого события ведёт свой отсчёт история направления, с каждым годом прирастающего новыми именами и произведениями. Данный манифест представляет собой вербализованный документ, и его фундаментальные установки, в различной мере воплотившиеся в произведениях писателей направления, сводятся к нескольким ключевым положениям. На последних мы здесь и сосредоточим внимание, проиллюстрировав их примерами из романа «Голомяное пламя» Д. Новикова с привлечением дополнительного материала из произведений других авторов новой северной прозы (А. Бушковского, Я. Жемойтелите, И. Мамаевой). Предметом настоящего исследования, таким образом, является репрезентация сформулированной в манифесте идеологии новой северной прозы, в тексте одного из произведений её вдохновителя.

К настоящему моменту предпринималось несколько попыток систематизировать и описать явление новой северной прозы, как в публицистике, так и в научных работах отечественных исследователей. К примеру, в трудах литературоведов И. Н. Ивановой, Л. И. Мальчукова, А. С. Сазоновой, в материалах карельских журналистов В. И. Калачевой, Н. Мешковой, а также в произведениях и интервью самого

Д. Г. Новикова. Цель данной статьи — выявить релевантные положения новой северной прозы в одном из ключевых текстов. Для достижения поставленной цели в работе определяются характерные признаки этого литературного явления, и через систематизацию положений, научных и публицистических высказываний о новой северной прозе делается попытка установить её родственные связи с предшествующими литературными направлениями.

Актуальность настоящей работы обуславливается всё возрастающей популярностью произведений новой северной прозы, а в связи с этим и накоплением художественного и научного материала по теме.

Роман «Голомяное пламя» увидел свет в 2016 г. Повествование охватывает несколько временных периодов: XVI в., XVII в.; 1913—1935 гг.; 1973—1980 гг.; 2003—2005 гг. В полной мере представлен в ткани романа местный колорит Русского Севера: географию романа составляют город Петрозаводск, посёлок Пряжа, сёла Кереть и Сумской Посад, урочища Кювиканда и Гремуча, село Кола Мурманской области, упоминаются события на Карельском фронте, волей судьбы оказываются герои и в Вологодской области.

В таком эпическом по охвату материала романе сложно говорить о наличии главного героя, на страницах романа разворачивается жизнь поколений. Фрагменты и детальные описания жизненных историй нескольких семей Гриши, Фёдора, рассказчика, православного священника, монаха Варлаама Керетского, их окружения и знакомых собираются в общее полотно — о человеке на Севере.

Новиков, идеолог новой северной прозы, в предисловии к сборнику А. Бушковского «Радуйся!» (2013 г.) так описал миссию направления: «и пусть сейчас тяжёлое время для русской литературы, есть свет, есть надежда, что... она сохранит свои главные основополагающие принципы — честность, веру, красоту. И как хорошо, что принципы эти полностью укладываются, соответствуют старому и новому, живому, терпеливому, крепкому направлению — русской северной прозе!»¹.

Полагаем, акцентируя внимание на «русской северной прозе», писатель подчёркивает преемственность традиций в отечественном литературном процессе. Данную особенность всей «северной литературной традиции» отмечает и Е. Ермолин, который в предисловии к «северному» номеру журнала «Октябрь», посвящённому современной литературе Русского Севера, называет истоками этой литературы

¹ Новиков Д. Г. Предисловие // Бушковский А. С. Радуйся! : повесть и рассказы. Петрозаводск, 2013. С. 4.

«поморский, олонекский, печорский фольклор и духовную словесность»². В данном номере журнала был опубликован роман «Голомяное пламя». В произведении, безусловно, прослеживаются упоминаемые критиком фольклорные и духовные традиции, которые становятся для автора объектом пристального изучения и художественного осмысления.

Новой северной прозе в целом присуще трепетное отношение к истории, памяти и наследию предков — как семейному, так и связанному с малой родиной, гордость за богатство древних традиций и желание поведать об этом наследии читателю: «В своё время, мы все знаем об этом, драгоценные сокровища русского литературного творчества были сохранены именно на Севере. Былины, предания, плачи и жития, утраченные во всей стране, были восстановлены благодаря северянам, жителям Заонежья и Поморья, нашим предкам»³. В романе Новикова «Голомяное пламя» автор акцентирует внимание на сохранении кладезя народной мудрости: «В предыдущих походах я бывал много раз поражён в самое сердце и душу красотой здешних мест, культурой и мудростью местных стариков, живым и великим поморским языком, многие слова которого в других областях расселения русских людей уже неизвестны и даже в словаре Даля упоминаются как устаревшие. Здесь же, и это поразило меня, они по-прежнему были в общем употреблении и удивляли каким-то древним веянием, словно исходившим от истоков зарождения русской цивилизации. Много выслушал здесь я и легенд, былин, сказок и песен»⁴. Однако в XXI в. писатели против своей воли становятся в большинстве случаев свидетелями лишь упадка и опустения родных мест, поэтому в романе Новикова герои отмечают повсеместно оскудение деревень и сёл, как, например, рассказчик с братом наблюдают на месте процветавшей деревни «останки домов, еле угадываемые в высокой густой траве, разнузданно расцвеченной жёлтыми, синими, белыми пятнами роскошных луговых цветов. Лежат на погосте старые поморские кресты, сквозь белёсое древнее дерево которых проросла многолетняя брусника»⁵.

Установкой на сохранение наследия в памяти поколений до новой северной прозы характеризовалось и творчество писателей так называемой «деревенской прозы». Как отмечает Иванова, «исторически Россия сформировалась и существовала в течение многих веков как страна аграрная, крестьянская, деревенская»⁶. Продолжением этой

² Ермолин Е. Ночи и дни окном на полюс // Октябрь. 2016. № 7. С. 4.

³ Новиков Д. Г. Предисловие. С. 4.

⁴ Его же. Голомяное пламя // Октябрь. 2016. № 7. С. 72.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Иванова И. Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов, 2013. № 6 (24). Ч. I. С. 88.

богатой традиции в русской культуре стали произведения представителей деревенской прозы, для которых «деревня — это аналог национального бытия, народной жизни, это связь с историческим прошлым, “памятью земли”»⁷. «Деревенщики» позиционировали себя в качестве заступников «традиционных нравственных ценностей»⁸. Деревня, оплот и хранительница традиционных ценностей, в идеологии «деревенщиков» противопоставлялась городу с его укладом, бездуховным и безнравственным.

Новая северная проза проводит грань по схожим противопологаемым установкам, видоизменяя смысловое наполнение: «свобода» — «город», «духовность» — «растленность», «движение» — «стагнация», «традиции» — «индивидуализм» и др. Эти идеи выводятся в подтекст, неброско, но настойчиво утверждаются авторами. К примеру, в романе Новикова «жизнь в городе быстро отучает от нормальных отношений»⁹, от «мутной социальной жизни», ставшей «совсем невыносимой»¹⁰, Гриша сбегает на Север лечить душу. Так, и герой рассказа Бушковского «Мама» родом из деревни — предположим, родной Спасской Губы. Там до сих пор живут его, как и самого автора, родители и вышедшие на пенсию учителя. В «захолустном» городке, куда герой привозит мать в больницу, врача не дожидаться. Стойкая волевая женщина возвращается домой, понимая, как и герои Мамаевой в повести «Земля Гай», где её истинное место¹¹.

В упоминаемом Новиковым аспекте «честности» принципы новой северной прозы, на наш взгляд, в определённой мере близки феномену «новой искренности» в современной культуре или, осмелимся предположить, выстраивают себя в соответствии с ним. Искренность новой северной прозы проявляет себя, в первую очередь, в правдивом и беспощадном изучении человека. Продолжая традиции предшественников, названных Новиковым «старой северной прозой», писатели новой северной прозы сохраняют «симпатию и сочувствие к герою»¹². Так, сам Новиков утверждает, что пишет, в первую очередь, о человеке, человеке Севера: «мне нравятся северные русские люди. Это ведь та смесь народов — русских, карелов, москвичей, новгородцев, — из которой Север выковал идеальный русский характер»¹³.

⁷ Гурьялова В. В. «Деревенская проза» в творчестве Бориса Жилина // Вестник АГТУ. Астрахань, 2006. № 5 (34). С. 146.

⁸ Иванова И. Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе. С. 89.

⁹ Новиков Д. Г. Голомяное пламя. С. 69.

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Бушковский А. Два рассказа [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2016/7/dva-rasskaza.html> (20.09.2017).

¹² Новиков Д. Г. Предисловие. С. 4.

¹³ Его же. В сетях Твоих. Петрозаводск, 2012. С. 3—4.

Герои произведений — люди Севера: по происхождению или по любви. Поморы, карелы, коми — старшее поколение, но героями, за чьей нелёгкой судьбой наблюдает читатель, оказываются в большей степени их потомки, дети и внуки. Это дед Гриши и старик Савин в «Голомяном пламени» или, например, поморка Марьяна из сказки-были «Мир в чугунке» Жемойтелите, баба Лена и дед Андрей в «Глазах леса» Новикова.

Вера в Север, меняющий любого посетившего его человека, лейтмотивом проходит в прозе северян. Так, дед Гриши у Новикова, приехавший в карельскую деревню, где прожил всю жизнь, полюбил Север и эту теплоту к месту и природе передал мальчику. Или, как пишет Новиков, обобщая: «Кто не здоров — тот болен, не может быть в стране людей нормальных с не вылеченной Севером душой»¹⁴.

Приведём здесь рассуждения Яны Жемойтелите, охарактеризовавшей новую северную прозу так: «Она обнажает главную черту северного менталитета — с одной стороны, большая душевная хрупкость, а с другой — замкнутость человека в себе»¹⁵. В романе Новикова читаем: «На Севере всегда так — никто сразу не кинется к тебе с распростёртыми объятиями. Но и не отвергнет напрочь. Сначала присмотрится, перекинется парой слов. И, мудрый, поймёт, не скроешься, — что ты за человек. В этом тайна пронзительных голубых глаз — насквозь, прямо в душу могут смотреть поморы. Неуловимое чутьё на людей есть у них»¹⁶.

Мир человека на Севере, связь с родным краем и самоидентификация героя волнуют писателей этого направления. Северная природа оказывается, по наблюдениям исследователя И. Н. Ивановой, «одухотворённой, одушевлённой, имеющей личность, фактически замещающей Бога или представляющей Его»¹⁷. В то же время нам не близка категоричность приведённого утверждения, так как в романе «Голомяное пламя» Север и природа не замещают Бога, но наоборот, очищают и освобождают человека от сора «воли чужой», где «жизнь его, смерть его лишь от Бога да самого человека зависит, и нет никого между ними, лишь Бога внутри себя слушает человек, и нет удержания его свободному, правильному пути. Край между светом и тьмой, и пусты здесь любые словеса, любые козни — ты прозрачен, и прозрачны другие перед тобой»¹⁸.

Однако часто Новиков прибегает к приёму одушевления не только природы, но и вещественного мира: «Вот там деревня и стояла, рядом со всем этим. Вернее, не стояла,

¹⁴ *Его же*. Голомяное пламя. С. 59.

¹⁵ Цит. по: *Калачева В.* Новая северная проза как неизбывная реальность [Электронный ресурс]. URL: <https://gazeta-licey.ru/blogs/valentina-kalacheva/48870-novaya-severnaya-proza-kak-neizbyivnaya-realnost> (13.06.2017).

¹⁶ *Новиков Д. Г.* Голомяное пламя. С. 98.

¹⁷ *Иванова И. Н.* Северный текст в современной отечественной прозе: версия Дмитрия Новикова // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1—2. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20220> (12.06.2017).

¹⁸ *Новиков Д. Г.* Голомяное пламя. С. 95.

а сбегала, как девушка нарядная, с горки к воде. <...> Осенью же поздней да зимой деревня, как старуха с горы, ковыляет, кривыми домами под тяжестью снега пригибается»¹⁹. Литературоведы И. Н. Иванова и А. С. Сазонова также обращают внимание на «мифологизацию и символизацию пространственных образов»²⁰ и их противопоставление. Справедливым представляется и вывод: «...пространственность здесь выступает как то начало, которое обуславливает зарождение и смысл художественного текста»²¹, так как произведения новой северной прозы мы относим к тексту русской литературы, порождённому Севером.

Произведения не только Новикова, но и Жемойтелите, Бушковского — во многом диалог авторов с предшественниками и самими собой. Так, через последовательно реализованный приём самоцитации Новиков акцентирует внимание читателя на ключевых идеях в романе «Голомяное пламя». Писатель цитирует идеи, образы и целые части текста. Например, из сборника 2012 г. «В сетях Твоих» в десятую по счёту главу романа вошёл рассказ «Другая река». Рассказ же «Беломор» был разделён на две части и появился в одиннадцатой и тринадцатой главах под названиями «2005 год, с. Кереть» и «2005 год, Летние озёра», отражающими место действия, а часть сборника, именуемая «Вместо послесловия. Новые поморские сказы имени Шотмана, или мифы “нового реализма”», стала пятнадцатой главой в романе под заглавием «1975, Петрозаводск». Авторский свертхтекст Новикова и авторские свертхтексты других писателей, составляющие в итоге новую северную прозу, отнесём к локальному свертхтексту в классификации А. Г. Лошакова, а именно северному тексту русской литературы, определяемому А. Н. Копцовым как «пример культурно и исторически закрепившегося регионального метатекста, который представлен рядом автономных текстов и предстаёт как связанное концептуальное поле»²².

Е. Ш. Галимова выделяет в определении северного текста важную культурную составляющую. Северный текст в понимании литературоведа — это «создававшийся преимущественно на протяжении столетия (с рубежа XIX—XX веков до наших дней) в творчестве многих русских писателей северорусской вариант национальной картины

¹⁹ Там же. С. 23.

²⁰ Иванова И. Н., Сазонова А. С. Геопоэтика «новой северной прозы» в современной отечественной литературе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoetika-novoy-severnoy-prozy-v-sovremennoy-otechestvennoy-literature> (17.06.2017).

²¹ Там же.

²² Копцов А. Н. Поэтика северного текста русской литературы в рассказах А. С. Серафимовича 1889—1890-х годов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 77.

мира»²³, наделённый как индивидуально-авторскими, так и типологическими особенностями.

Художественный мир произведений новой северной прозы выстраивается в географических, культурных, социальных и даже лингвистических координатах Севера — локуса, вокруг которого выстраивается весь северный текст, а цель писателей направления, «вернуть провинции в литературу»²⁴, позволяет северному сверхтексту русской литературы пополнить свою сокровищницу интересными художественными решениями.

Так, традиционно писатели вводят в канву произведения язык народа, а именно разговорный язык, местные языки, к примеру карельский. Однако Новиков идёт дальше, органично вписывая в канву повествования романа русский разговорный язык, карельский, саамский язык и «поморскую говорю», передающие мудрость предков («ульнёшь в няшу — не отмоешься потом»²⁵), местный колорит («широкие лыжи, подбитые камусом, позволяли с лёгкостью бегать по сугробам...»²⁶) и особенности народного быта («там рыбачили серьёзно, ставили сети и катиски, удочки же брали с собой больше для забавы»²⁷).

Северный локальный (региональный) текст русской литературы наравне с уральским, сибирским и другими сверхтекстами представляет собой интересный объект изучения, активно разрабатываемый в отечественном литературоведении. В процессе научного познания этого явления вырабатывается методология изучения северного текста, поэтому, на наш взгляд, анализ типологических особенностей новой северной прозы и других литературных произведений, составляющих северный сверхтекст, оказывается перспективным направлением современной литературоведческой науки.

Обращаясь к объекту нашего исследования, выделим в качестве одного из основополагающих принципов направления «представление о Севере как о территории испытания»²⁸ и обязательный процесс духовного «перерождения» героя на Севере. Читаем в романе Новикова: «Нет в мире ничего страшнее, чем берег Белого моря. Бесстыжими пощёчинами наотмашь бьёт в лицо холодный ветер, несущий злые брызги

²³ Галимова Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 125.

²⁴ Мальчуков Л. И. Немецкая мельница, карельское Сампо // Октябрь. 2015. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2015/12/nemeckaya-melnica-karelskoe-sampo.html> (13.06.2017).

²⁵ Новиков Д. Г. Голомяное пламя. С. 21.

²⁶ Там же. С. 28.

²⁷ Там же. С. 20.

²⁸ Иванова И. Н., Сазонова А. С. Геопозитика «новой северной прозы»...

дряг и неудач»²⁹. Бесспорно, суровые климатические условия закаляют характер. Вольно или невольно попавший на Север герой обретает желанное душевное равновесие и стойкость.

Север в произведениях новой северной прозы собирается как пазл из описания героев, отрывков их историй и отношения к этому пространству, Север представлен в образах, идеях, деталях. Автор «Голомяного пламени» использует различные приёмы: к примеру, обращается к описанию природных особенностей («Берега здесь скалистые, красного гранита — это если к северу, к Чупе да Керети ближе. На юг же пойдёшь, всё меньше открытого камня, всё ниже берег, только изредка среди болотины раскинется гладкое ущелье или лоб крутой упрямо набычится»³⁰), образа жизни людей («...дед с дядьями собираются на охоту...»³¹), чувств и впечатлений рассказчика от пребывания на Севере («И ветер мгновенно высушит набежавшую на глаза слезу — ты в который раз и вновь впервые почувствовал, что такое родина, что такое — Русский Север»³²). Как место действия выступает северный пейзаж также в повести «Праздник лишних орлов» Бушковского; карельская топонимика подчёркнута в рассказе Новикова «Муки-муки», где печально звучит песнь старой карелки. «Северное название» имеет журнал («Северные зори») в повести Жемойтелите «Смотри: ласточки прилетели». Художественный метод направления, реализм, диктует авторам внимательное отношение к деталям. Писатели не стараются создавать новые фантастические миры, обращаются к реальному материалу, используют административные и природные топонимы. Новиков в романе активно играет ойконимами, щедро рассыпанными по тексту, вынесенными в названия глав (с. Кереть, с. Сумской Посад, Петрозаводск), гидронимами («Первой весело прожурчит по камням Елгамка, потом спокойно пронесёт тёмные воды Идель, мрачной красотой глянет сквозь ели широкая Тунгуда, и совсем уж душу разорвёт надвое изменчивая Поньгома»³³) и микропонимами (урочища Кювиканда и Гремуча, Шарапов мыс).

«Широта возможностей реализма», по мнению Новикова, черпается из «самой окружающей нас жизни, которая даёт неисчерпаемые возможности для словесных полётов и душевной эквилибристики»³⁴. Художник слова размышляет об основополагающих установках, главных принципах неореализма, но определяет их

²⁹ Новиков Д. Г. Голомяное пламя. С. 22.

³⁰ Там же. С. 67.

³¹ Там же. С. 9—10.

³² Там же. С. 79.

³³ Там же. С. 26.

³⁴ Новиков Д. Г. В сетях Твоих. С. 283.

неуверенно через «поиск, отыскание, работу с мифом»³⁵. Дискуссии о «неореализме» не утихают в отечественном литературоведении и литературной критике.

По Новикову, неореализму присуща «вчувствованная внимательность к жизни, ко всем её светлым и тёмным проявлениям... Предельная, а порой и запредельная искренность, тяжёлое бремя обнажения души... Сопереживание, жалость, боль, иногда через отрицание их, но всё же имея пробуждение лучших чувств как конечную цель ...Незацикленность на простой описательности»³⁶. Пытаясь выразить неореализм в формуле, писатель приходит к следующему определению: неореализм — это «Радость. Боль. Жизнь»³⁷.

Не отрицая генетическую связь неореализма с предшествующими литературными направлениями, Новиков выдвигает основополагающий тезис, характерный и для новой северной прозы: неореализм «впитает в себя и нелёгкий опыт постмодернизма, без лишней, впрочем, увлечённости формальным конструированием абстрактных смыслов, уводящих в пустыню от живой, яркой, сочной, болезненной, непредсказуемой жизни»³⁸. Таким образом, в понимании Новикова, неореализм и провозглашаемая новая северная проза вбирают в себя не только ценностные установки традиционной линии развития отечественной литературы, но и открытия постмодернистского мировидения.

Здесь уместно определить современное содержание понятия «традиция». Как верно отметил доктор филологических наук О. Н. Складаров, «в современном литературно-критическом и литературоведческом обиходе понятия “традиция”, “традиционность”, “традиционализм” зачастую употребляются нестрого и в силу этого приобретают самые разные, подчас противоположные коннотации»³⁹.

Во второй половине XX в. понятие «традиция» в литературоведении «оказалось почти полностью вытеснено всеобъемлющим понятием «интертекстуальность», поэтому в современную литературоведческую науку Складаровым внедряется представление «об особой традициональной ценностной установке, предполагающей волю к связи, единству, свободному согласию перед лицом общей Истины и к утверждению безусловной значимости духовных накоплений человечества»⁴⁰.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 281.

³⁸ Там же. С. 280.

³⁹ Складаров О. Н. Неотрадиционализм в русской литературе XX века: философско-эстетические интенции и художественные стратегии : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. URL: http://www.philol.msu.ru/~ref/2015/2015_SklyarovON_diss_10.01.08_32.pdf (16.06.2017).

⁴⁰ Его же. К вопросу о новом традиционализме в русской литературе XX в.: (Аксиологический аспект) // Известия Волгоградского педагогического университета. 2014. № 7 (92). С. 160, 161. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-novom-traditsionalizme-v-russkoy-literature-xx-v-aksiologicheskiiy-aspekt> (20.06.2017).

Топосы и художественные решения традиционалистской литературы имеют место и в нарративных стратегиях писателей новой северной прозы: переживание родных мест, тревога за их судьбу и судьбу человека и прочее. Однако в то же время писатели исследуемого нами направления отказываются от поиска идеального героя из народа, не видят «светлого будущего» Севера.

Говоря о жанровых предпочтениях авторов направления, отметим преобладание малой прозы (рассказов, повестей), однако и роман занимает в творчестве представителей новой северной прозы особое место. Новиков, признанный мастер рассказа, выпустил свой первый роман уже будучи опытным писателем. В 2016 г. он также выступил редактором «Альманаха новой северной прозы». В альманахе вошли произведения 13 писателей: из Карелии (В. Богомолов, А. Бушковский, Н. Веселова, А. Зорина, М. Каменецкая, Ю. Лугин, И. Мамаева, С. Могулов, Д. Новиков), Вологды (Н. Мелехина), Санкт-Петербурга (И. Пузырёв) и Москвы (Р. Сенчин, И. Кочергин)⁴¹. Примечательно, что особое место в альманахе отведено «Очеркам Кемского поморья» И. М. Дурова, написанным в 1924 г. и ставшим наравне со «Словарём живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» (1934 г.) источниками вдохновения и народной мудрости для автора «Голомяного пламени».

Произведения альманаха, как и зачинателей новой северной прозы, объединены идеями честности перед читателем, верой в силу языка и бережным отношением к традициям Севера и наследию предков. Полагаем, что под провокационным названием «новая северная проза», призванным привлечь внимание общественности к достойным писателям Севера и традиционным ценностям их творчества, скрывается синтетический подход к литературе, активное использование кодов других литературных направлений и текстотипологических систем. Изучение новой северной прозы показывает, что тематика, проблематика, идейное наполнение, конфликты, образная система в XXI в. «не исчезли, а лишь трансформировались в соответствии с новыми реалиями современной российской литературы и культуры начала XXI века»⁴².

Перспективным и плодотворным при этом представляется автору анализ отдельных текстов новой северной прозы, без которого картина современного отечественного литературного процесса будет не полной.

⁴¹ Альманах новой северной прозы / авт.-сост. Д. Новиков. Петрозаводск, 2016.

⁴² Иванова И. Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе. С. 94.

Список литературы

Альманах новой северной прозы / авт.-сост. Д. Новиков. — Петрозаводск : Verso, 2016. — 255 с.

Бушковский, А. С. Два рассказа / А. С. Бушковский [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/october/2016/7/dva-rasskaza.html>. — (20.09.2017).

Бушковский, А. С. Радуйся! : повесть и рассказы / А. С. Бушковский. — Петрозаводск : Verso, 2013. — 230 с. — (Библиотека северной прозы).

Галимова, Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста / Е. Ш. Галимова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 1. — С. 121—129.

Гурылёва, В. В. «Деревенская проза» в творчестве Бориса Жилина / В. В. Гурылёва // Вестник АГТУ. — Астрахань : Астраханский государственный университет, 2006. — № 5 (34). — С. 144—150.

Ермолин, Е. Ночи и дни окном на полюс / Е. Ермолин // Октябрь. — 2016. — № 7. — С. 3—7.

Иванова, И. Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? / И. Н. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2 ч. — Тамбов : Грамота, 2013. — № 6 (24). — Ч. I. — С. 88—94.

Иванова, И. Н. Северный текст в современной отечественной прозе: версия Дмитрия Новикова / И. Н. Иванова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1—2. — URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20220>. — (12.06.2017).

Иванова, И. Н. Геопоэтика «новой северной прозы» в современной отечественной литературе [Электронный ресурс] / И. Н. Иванова, А. С. Сазонова. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoetika-novoy-severnoy-prozy-v-sovremennoy-otechestvennoy-literature>. — (17.06.2017).

Калачева, В. Новая северная проза как неизбежная реальность [Электронный ресурс] / В. Калачева. — URL: <https://gazeta-licey.ru/blogs/valentina-kalacheva/48870-novaya-severnaya-proza-kak-neizbyivnaya-realnost>. — (13.06.2017).

Копцов, А. Н. Поэтика северного текста русской литературы в рассказах А. С. Серафимовича 1889—1890-х годов / А. Н. Копцов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2015. — № 6. — С. 77—81.

Лошаков, А. Г. Об авторской парадигме сверхтекстов / А. Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 12 (67). — С. 50—57.

Мальчуков, Л. И. Немецкая мельница, карельское Сампо / Л. И. Мальчуков // Октябрь. — 2015. — № 12. — URL: <http://magazines.russ.ru/october/2015/12/nemeckaya-melnica-karelskoe-sampo.html>. — (13.06.2017).

Новиков, Д. Г. В сетях Твоих / Д. Г. Новиков. — Петрозаводск : Verso, 2012. — 284 с.

Новиков, Д. Г. Предисловие / Д. Г. Новиков // Бушковский А. С. Радуйся! : повесть и рассказы / А. С. Бушковский. — Петрозаводск : Verso, 2013. — С. 3—4.

Новиков, Д. Г. Голомяное пламя / Д. Г. Новиков // Октябрь. — 2016. — № 7. — С. 8—107.

Скляр, О. Н. К вопросу о новом традиционализме в русской литературе XX в.: (Аксиологический аспект) / О. Н. Скляр // Известия Волгоградского педагогического университета. — 2014. — № 7 (92). — С. 159—164. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-novom-traditsionalizme-v-russkoy-literature-xx-v-aksiologicheskii-aspekt>. — (20.06.2017).

Скляр, О. Н. Неотрадиционализм в русской литературе XX века: философско-эстетические интенции и художественные стратегии : дис. ... д-ра филол. наук / Скляр О. Н. — Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. — 503 с. — URL: http://www.philol.msu.ru/~ref/2015/2015_SklyarovON_diss_10.01.08_32.pdf. — (16.06.2017).

БУРДАКОВА Ольга Николаевна / BURDAKOVA Olga

Нарвский колледж Тартуского университета / Narva College of the University of Tartu
Эстония, Нарва / Estonia, Narva

Olga.Burdakova@ut.ee

НЫММ Елена Юрьевна / NÕMM Jelena

Нарвский колледж Тартуского университета / Narva College of the University of Tartu
Эстония, Нарва / Estonia, Narva

Jelena.Nomm@ut.ee

ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА ГОРОДОВ ПОСТСОВЕТСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

COMPOSING LOCAL TEXT DICTIONARIES OF THE CITIES OF THE POST-SOVIET CULTURAL SPACE

Abstract: The article attempts to comprehend the tradition of anthropological studying of the local text and composing local text dictionaries of the cities of the post-Soviet cultural space. The tradition itself developed at the turn of the 20th and 21st centuries. This young research tradition is analysed on the basis of materials of the two local text dictionaries: the dictionary of Omsk, a Russian regional centre, and the dictionary of provincial Ukrainian town Mogilev-Podolsky. A project of the local text dictionary of Narva, an Estonian city located on the border between Russia and the European Union, is presented.

Ключевые слова / Keywords: Локальный текст, провинциальный город, постсоветское культурное пространство, словарь локального текста, Нарва / Local text, provincial town, post-Soviet cultural space, local text dictionary, Narva.

Зародившаяся на рубеже XX—XXI вв. антропологическая традиция изучения локальных текстов малых городов на территории постсоветского пространства и опыт составления словарей локальных текстов этих городов нуждаются в осмыслении, которое позволит наметить перспективы развития этих междисциплинарных исследований городского пространства.

1. Понятие о локальном тексте города

Традиция изучения локальных текстов провинциальных городов на территории, наследовавшей многие культурные практики советского прошлого, своими корнями уходит, с одной стороны, в литературоведческие и семиотические штудии городского текста, которые были предприняты учёными тартуско-московской семиотической школы во второй половине XX в.¹ А через изучение и конструирование «петербургского

¹ См. об этом: *Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А.* Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб., 2008. С. 179—208; *Ахметова М. В., Лурье М. Л.* Материалы бологовских экспедиций 2004 г. // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm> (17.10.2017).

текста» в работах В. Н. Топорова и других авторов этого структуралистского направления², конечно, просвечивала и традиция краеведческого изучения истории и мифологии Санкт-Петербурга в трудах А. Н. Анциферова 1920-х гг.³ С другой стороны, антропологическая школа изучения локальных текстов постсоветских городов испытала влияние со стороны исследований городского пространства в социологии города в XX в. (К. Линч, П. Бурдьё и др.)⁴.

Термин «локальный текст», который был взят на вооружение антропологами, носит условный характер и возник, по-видимому, как компромиссное решение исследовательских проблем. М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина дают следующее определение «локальному тексту»: это «система устойчивых предметных позиций, стереотипных суждений, объяснительных моделей, повествовательных мотивов и сюжетов, ментальных и речевых клише и т. п., которые имеют хождение в местной культурной традиции и посредством которых сообщество, ассоциирующее себя с данным местом, выстраивает образ этого места, характеризует его по временным, пространственным, социокультурным и аксиологическим параметрам»⁵.

Во-первых, очевидно, что термин «локальный текст» является наследником «городского текста», поскольку и тот и другой описывают реконструируемый усилиями исследователей культурный феномен. Объект и того и другого лежит прежде всего в городской культуре и является результатом освоения людьми городского пространства. Хотя в этом отношении понятие «локальный текст» несколько шире и может включать в себя не только городскую реальность, но и сельскую⁶.

² См.: Топоров В. Н. Петербург и «петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // *Его же*. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 259—367; Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Учёные записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1984. С. 30—45 (Труды по знаковым системам: Семиотика города и городской культуры. Т. 18); Минц З. Г. «Петербургский текст» и русский символизм // *Её же*. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн. СПб., 2004. Кн. 3. Поэтика русского символизма. С. 103—115; Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Сны Блока и «петербургский текст» начала XX века // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 129—135 и др.

³ Подробнее об этом см.: *Nõmm J., Burdakova O.* Materials for the “Dictionary of the Local Text of Narva City” (в печати).

⁴ См. классические работы этого направления в переводе на русский язык: Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М., 1982; Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.

⁵ Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции... С. 179.

⁶ Впрочем, здесь у антропологов нет единого мнения. М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина принципиально исключают сельский субстрат из штудий по локальному тексту (см.: Там же. С. 180). Другие исследователи, например Б. Коуп, принимая участие в дискуссии на страницах журнала «Антропологический форум», намечают перспективы изучения города и села «в рамках единой динамики» [см. его ответы на вопросы редколлегии: Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 87. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf (18.10.2017)].

Во-вторых, локального теста как текста, имеющего начало и конец, не существует, термин «текст» по отношению к умозрительному комплексу представлений горожан о городе используется весьма условно. Реконструируемый исследователем локальный текст характеризуется:

- подвижностью⁷ во времени (передается от поколения к поколению не в полном объеме, дополняется новой информацией);
- многослойностью, неоднородностью — содержит ядро и периферию, на которой находятся «подтексты», или «субтексты», имеющие хождение среди представителей разных социальных, профессиональных сообществ и возрастных групп;
- дискретностью⁸, поскольку не существует как связный текст, а бытует как набор хранящихся в памяти горожанина речевых формул, стереотипов, сюжетов, образов и т. д., по случаю извлекаемых из памяти.

Очевидно, что далеко не все элементы локального текста связаны системными отношениями, что в свою очередь порождает определённые проблемы в реконструкции и описании локального текста.

Описывая локальный текст в его синхронном срезе, мы можем предположить, что он содержит в себе ядро (центральное поле) и множество микрополей, т. е. имеет многополярную структуру. Ядро состоит из константных элементов (устойчивых на протяжении жизни не одного поколения горожан) и элементов, которые попадают в состав ядра и становятся общим знанием о городе под влиянием сегодняшнего дня. Каждое из микрополей складывается из стереотипных образов и сюжетов, актуальных для определённой группы горожан. Границы микрополей проницаемы, фрагменты субкультурных текстов могут проникать в общегородской текст, образуя ближайшую периферию ядерного текста.

В диахроническом аспекте локальный текст динамичен: с одной стороны, часть элементов ядра может утрачивать свою актуальность для горожан, с другой стороны, отдельные элементы из ближайшей периферии могут становиться константами (см. рисунок). Закрепление каких-то фрагментов локального текста в письменной традиции способствует сохранению и актуализации его в городской памяти.

Термин «локальный текст» нашел своё применение и в трудах последователей тартуско-московской традиции изучения городского текста. Например, исследовательская группа ученых из Горно-Алтайского государственного университета

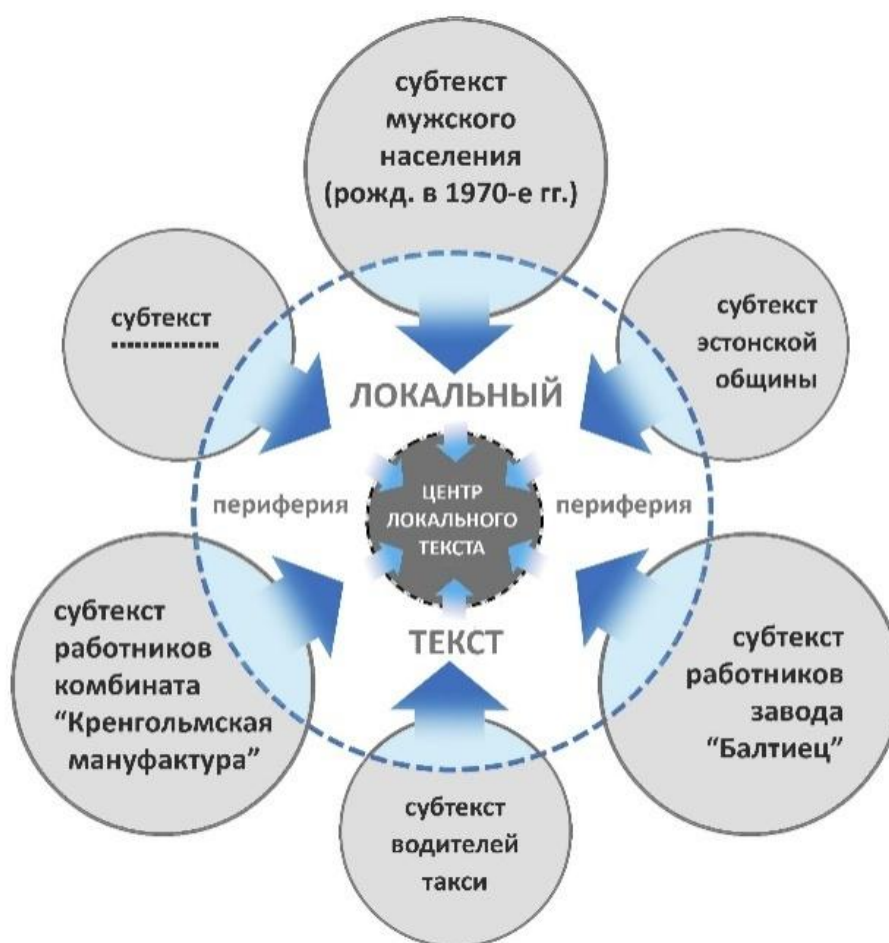
⁷ См.: Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 420. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_12_alekseevsky_et_al_k.pdf (17.10.2017).

⁸ Там же.

позиционирует себя как исследователей локального текста⁹. В то же время материалы этих публикаций вписываются в литературоведческую, а не в антропологическую традицию изучения городского текста. По-видимому, выбор в качестве ключевого термина «локальный текст» вводит оппозицию *столичный* — *провинциальный* текст, ставшую актуальной в городской культурологии на рубеже XX—XXI вв.¹⁰

Рис.

Модель локального текста на примере города Нарвы (гипотеза)
(рисунок выполнил Глеб Нечволодов)

⁹ См.: Диалог культур: поэтика локального текста: материалы IV Международной научной конференции, Горно-Алтайск, 9—12 сентября 2014 г. / под ред. П. В. Алексеева. Горно-Алтайск, 2014; Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Международной научной конференции, Горно-Алтайск, 26—29 сентября 2016 г. / под ред. П. В. Алексеева: в 2-х т. Горно-Алтайск, 2016.

¹⁰ См.: *Абашев В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. URL: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/abashev/kniga_1.pdf (8.12.2017); *Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты* / отв. ред. Л. О. Зайонц; сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М., 2004; *Пространственность развития и метафизика Саратова* / под ред. Т. П. Фокиной. Саратов, 2001 и др. Сюда же будет относиться и сравнительно поздняя по времени попытка кодификации концептов провинциального мира в словаре «Русская провинция»: *Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция» // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2012. № 2. С. 42—60.

2. Словарь как форма представления локального текста

Результаты далеко не всех антропологических экспедиций и исследований провинциальных городов постсоветского пространства нашли отражение в словарной форме, которая признается наиболее соответствующей самой идее локального текста. М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье и А. Сенькина пишут, что «наиболее адекватной и, по-видимому, оптимальной формой научного описания» локального текста, учитывая все особенности его бытования, является словарь¹¹.

Нам известны две попытки создания словарей локальных текстов постсоветских городов: крупного российского областного центра Омска и небольшого украинского провинциального города — районного центра Могилёва-Подольского, который расположен на границе с Молдавией¹². Эти попытки примечательны тем, что описывают локальные тексты разных по своему значению и территориальному расположению в пределах государства провинциальных городов. С другой стороны, что особенно важно в свете размышлений над методологическими вопросами составления подобного рода энциклопедий, словари локальных текстов Омска и Могилёва-Подольского вскрывают разные возможности в изучении и реконструкции локального текста, а также в способах его презентации читателям научно-популярного издания. Рассмотрим каждый из отмеченных словарей в отдельности.

Первая попытка составления словаря локального текста принадлежит омским исследователям Е. Груздову и А. Свешникову, которые в 2005 г. для проведения конкурса молодых художников подготовили и издали «Словарь мифологии Омска». По замыслу его авторов, словарь должен был послужить импульсом к созданию художниками своих конкурсных работ. Будучи омичами (носителями коллективных представлений), основываясь на своем знании локального текста и используя приём «самоописания» (или «самозаписи»),

¹¹ См.: Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилёва-Подольского. С. 420.

¹² См.: Словарь мифологии Омска: открытая группа // ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/club16422680> (18.10.2017); Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции...; Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилёва-Подольского; Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилёве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 275—312. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11_06_alekseevsky_lurie_senkina.pdf (18.10.2017); Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилёве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста (окончание) // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 375—420. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000000/12_alekseevsky_lurie_senkina.pdf (18.10.2017).

авторы словаря создали модель омской мифологии, а затем явили эту модель в словарных статьях. Сами авторы понимали слабые стороны такого подхода к материалу, признавая, что субъективность, «провокативность» (стремление «вызывать у читателя желание не согласиться, поспорить, предложить свое видение “мифа” или “новый миф”»¹³) и «любопытность» были основными принципами составления словаря, и они сознательно работали на «границе „научность — литературность“», «играли в жанр словаря»¹⁴, выступая порой в роли не только собирателей, но и создателей мифов.

Продуктивным для развития традиции словарей локального текста, на наш взгляд, следует признать (при всех отмеченных выше спорных моментах) принцип, положенный в основу отбора материала для словаря, — бытование городского мифа вокруг какого-то объекта или события. Этот принцип отличал омское издание от традиционных краеведческих словарей-энциклопедий и исторических справочников. В построении большинства словарных статей авторы отталкиваются от городского мифа: сначала знакомят читателя с мифом, сложившимся вокруг какого-то персонажа, события или города в целом, а затем дают исторический комментарий и вскрывают генезис этого мифа. Городской миф представлен в авторском пересказе; прямая речь горожан в словарных статьях не звучит, однако это не является показателем недостоверности передачи мифологии¹⁵.

В 2010 г. авторы вышедшего небольшим тиражом и обращённого к узкой аудитории (участникам конкурса) словаря попытались преодолеть субъективность первого издания, инициировав в социальной сети «ВКонтакте» открытую группу «Словарь мифологии Омска» и предложив омичам обсудить и дополнить статьи первого издания словаря¹⁶. Открытая группа в социальной сети стала новой формой ведения «полевой работы»: участники группы могут не только обсуждать готовые статьи, но и создавать собственные, размещать на доске объявлений ссылки на другие тематические публикации, аудио-, видео- и изобразительные тексты. Все названные выше публикации в группе

¹³ Груздов Е., Свешников А. «Хождение в народ»—2: из опыта работы над «Словарем мифологии Омска» // Новое литературное обозрение. М., 2005. № 74. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/gr26.html> (18.10.2017).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Неслучайно вышедшее позже дополненное интернет-издание словаря получило в комментариях к словарным статьям одобрение читателей-омичей.

¹⁶ См.: Словарь мифологии Омска.

должны, по мысли Е. Груздова и А. Свешникова, стать материалом для второго переработанного издания словаря.

Вторая попытка создания словаря локального текста представлена на страницах журнала «Антропологический форум», в нескольких номерах которого опубликованы материалы к «Словарю локального текста Могилёва-Подольского». Исследователи под руководством М. Л. Лурье на основе полевых экспедиций 2007—2008 гг. в украинский провинциальный город Могилёв-Подольский выделили доминанты образа города, определили тематические разделы словника будущего словаря и представили образцы словарных статей из разных разделов словаря.

Опубликованные материалы «Словаря локального текста Могилёва-Подольского» дают основание вычленять два исследовательских подхода к анализу и представлению отдельных компонентов локального текста в этом словаре. Во-первых, большинство представленных вниманию читателей статей демонстрируют синхронный подход к осмыслению материала, а отсюда описательный модус его подачи в словаре. Составителей издания интересует синхронный срез самосознания горожан, актуальный момент существования локального текста (повествующего как о настоящем, так и прошлом города). В словарных статьях такого рода находим фиксацию стереотипных представлений горожан о месте своего проживания и актуальных для освоения этого пространства ориентирах, указанные стереотипы сложились к моменту начала изучения локального текста антропологами.

Во-вторых, из корпуса словарных материалов несколько выбивается статья, посвященная легенде о памятнике Гоголю, которая опубликована отдельно и, очевидно, не рассчитана на включение в таком виде в возможное издание словаря локального текста Могилёва-Подольского отдельной книжкой¹⁷. В этой статье, представляющей собой классический тип научной публикации, исследователи локального текста Могилёва-Подольского демонстрируют возможность иного — диахронического подхода к анализу материала: детально с использованием большого количества архивных источников отслеживаются время возникновения, этапы становления и трансформации локальной легенды (в том числе под влиянием

¹⁷ Напомним, что словарь локального текста Могилёва-Подольского существует пока еще как исследовательский проект, эскиз возможного будущего издания словаря, отсюда и фрагментарность представленных на страницах научного журнала материалов словаря.

общекультурного фонда сюжетов); выясняется, что лежит в основе формирования этого нарратива; письменные варианты бытования легенды сопоставляются с устными, и вычленяется её инвариант.

Группа М. Л. Лурье сверхзадачу своей деятельности видит в создании отдельных словарей локальных текстов разных провинциальных городов, на основе которых можно будет перейти «к обобщениям более высокого порядка»¹⁸.

Таким образом, можно отметить, что омский проект и проект словаря Могилёва-Подольского противостоят друг другу как научно-популярное и научное издания¹⁹. Эти доминанты, сознательно выбранные составителями словарей, определили различие в способах сбора материала локального текста, в формах его описания и презентации читательской аудитории, а также в прагматике издания. Очевидно, что омский словарь нацелен на продуцирование локального текста и его изменение. Словарь локального текста Могилёва-Подольского стремится зафиксировать современное состояние локального текста горожан²⁰. В этом отношении строгие научные рамки исследования не позволяют авторам-составителям словаря вмешиваться в процессы локальной идентичности, диктуют деликатное обращение с объектом исследования.

3. Проект словаря локального текста города Нарвы

Под влиянием научного подхода и при непосредственном участии исследовательской группы М. Л. Лурье возникла идея составления словаря локального текста города Нарвы²¹. Сам замысел изучения нарвского текста и реконструкции городской мифологии появился у нас в 2009 г., однако реальным толчком для начала разработки словаря послужила полевая

¹⁸ См.: *Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А.* Материалы к словарю локального текста Могилёва-Подольского. С. 420.

¹⁹ Сама по себе идея словаря локального текста, конечно, вписывает такого рода словари-энциклопедии в разряд научно-популярных изданий, однако на выходе могут получаться как классические научные энциклопедии, так и действительно научно-популярные труды.

²⁰ Характерно, что указанный словарь существует только на страницах научного издания, привлекающего внимание прежде всего специалистов, а не широкий круг читателей. Этот проект, в отличие от омского, не стал достоянием горожан, не «пошёл в народ», если перефразировать использованное составителями омского словаря выражение.

²¹ Выбор нарвского локального текста в качестве объекта реконструкции и описания интересен, помимо прочего, ещё тем, что даёт возможность исследователям сопоставить динамику формирования и характер бытования локальных текстов приграничных провинциальных городов постсоветского пространства. Как и Могилёв-Подольский, Нарва занимает приграничное положение, находясь на границе России и Эстонии, это тоже русскоязычный город, переживший все перипетии советского и постсоветского развития.

экспедиция 2011 г.²², которую проводил на базе Нарвского колледжа Тартуского университета Санкт-Петербургский государственный университет (возглавлял экспедицию М. Л. Лурье).

Картотеку «Словаря локального текста города Нарвы» составляют материалы, извлеченные из различных источников.

Основным источником словаря являются расшифровки записей интервью с жителями города (уроженцами и/или старожилами Нарвы). Первые записи (71 интервью) были сделаны в июле 2011 г. в рамках экспедиции, проводившейся по инициативе Санкт-Петербургского государственного университета. В 2014 г. записи интервью были возобновлены и продолжают проводиться сегодня усилиями сотрудников лектората русского языка и литературы Нарвского колледжа.

Дополнительными источниками словаря являются:

- ответы на вопросы масштабного анкетирования, проводимого для уточнения сведений интервью;
- собранный исследователями архив писем с жизнеописаниями и рассказами нарвитян;
- материалы (статьи, репортажи, отчеты, интервью, реклама и частные объявления) местных СМИ²³: периодических печатных изданий («Нарвский рабочий», «Нарвская газета», «Нарва», «Город», «Виру Проспект»), теле- и радиоэфиров канала «ЭТВ+» и Нарвской студии «Радио 4»;
- агитационные материалы предвыборной кампании в местные органы самоуправления;
- тексты разнообразных электронных (сетевых) жанров (веб-сайт, блог, доска объявлений);
- материалы путеводителей, краеведческой и исторической литературы;
- художественные тексты о Нарве, принадлежащие как «высокой», так и «низовой» (массовой) культуре;
- тексты социальной рекламы на городских улицах, вывески, таблички с названиями улиц, тексты на досках объявлений на разных языках и т. д. (объект исследования, который в социолингвистике традиционно

²² Экспедиция проводилась в рамках Научной летней школы «Между Россией и Эстонией: граница, культура, люди (Ивангород — Нарва)» при поддержке фонда «Русский мир» (ходатайство № 2010/П-352). Руководитель Научной летней школы: М. Л. Лурье (Европейский университет, г. Санкт-Петербург).

²³ С целью реконструкции локального текста мы привлекаем и материалы республиканских СМИ, если они транслируют знания о локальном тексте (например, репортажи с места, интервью с нарвитянами и др.) или позволяют уточнить какие-то фактические данные.

используется для описания «языкового ландшафта» или представленности разных языков в городском пространстве, привлекается нами для реконструкции представлений горожан о своем городе).

Ограничение словника словаря ведется на основе анализа интервью с нарвитянами и отбора рассказов и речевых формул, которые можно признать «типовыми». Под «типовым» рассказом мы понимаем нарратив, который повторяется в интервью людей, не связанных родственными отношениями, и обладает устойчивым набором мотивов. «Речевой формулой» мы условно называем получившее распространение среди горожан, устойчивое в своем составе и воспроизводимое в речи в готовом виде высказывание об объекте локального текста.

Для вычленения из рассказов горожан о городе такого повторяющегося и актуального для большинства представителей городского сообщества знания необходимо сформировать репрезентативную выборку, которая соответствовала бы по своим характеристикам социальной стратификации городского населения. В этой выборке должны быть в пропорциональных долях представлены разные социальные группы нарвитян. Формирование такой выборки является актуальной задачей ближайшего этапа работы над словарем.

На данный момент в нашем банке данных имеется около 100 записей интервью, которые были собраны главным образом в ходе полевой работы на улицах города в течение нескольких дней. Состав информантов формировался по принципу случайной выборки, поскольку у любого горожанина был шанс попасть в их число.

4. Структура «Словаря локального текста города Нарвы» и типовой словарной статьи

Словарь локального текста как форма его презентации должен находиться в соответствии с содержанием и структурой самого локального текста. Несмотря на аморфность и дискретность бытования локального текста в культурной памяти горожан, содержание его словаря усилиями исследователей может быть структурировано. Так, изучавшие локальный текст Могилёва-Подольского М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье и А. Сенькина условно разделяют словник словаря локального текста этого города на пять предметно-тематических категорий: символы идентичности, локусы и топонимы, события, лица, сообщества и институты²⁴. В то же время

²⁴ См.: Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилёва-Подольского. С. 421.

составители словаря локального текста Могилёва-Подольского не предполагают вычленять эти предметно-тематические рубрики словарных статей в структуре самого словаря, планируя расположить статьи словника в алфавитном порядке²⁵.

На данной стадии работы над «Словарем локального текста города Нарвы» мы можем говорить лишь о предварительном видении его содержания и структуры, поскольку собирание материала для словаря ещё продолжается. Исследование пока не полностью охватило все социальные группы и сообщества внутри городского населения; частично записан локальный текст русскоязычной общины горожан, вообще не реконструирован локальный текст эстонской городской общины.

Планируя структуру будущего издания, мы полагаем возможным опираться на тематический принцип в членении содержания словаря и предварительно разбить «Словарь локального текста города Нарвы» на пять тематических разделов, выделенных исследовательской группой М. Л. Лурье в словнике словаря локального текста Могилёва-Подольского.

В то же время, понимая ненадежность использования исключительно тематического критерия при структурировании словаря, мы думаем предварить материалы пяти словарных разделов статьёй, посвящённой вопросам идентичности нарвитянина. Такая статья позволит представить во взаимосвязи объекты и понятия из разных тематических рубрик. Наши предварительные наблюдения говорят о том, что эти разные объекты стали для большинства горожан знаковыми, порой несущими символическое значение, а соответственно, представляющими своего рода точки отсчёта для формирования городской идентичности. Мы можем предположить, что они функционируют в локальном тексте как элементы единой семиотической системы, вступающие в отношения противопоставления, корреляции или взаимозаменяемости. Эта статья об идентичности горожанина поможет читателю лучше сориентироваться в содержании разделов словаря.

Открывать словарь локального текста Нарвы будет раздел «Символы идентичности». В него войдёт материал, описывающий Нарву как город, который наделён определёнными устойчивыми признаками. В качестве таких признаков могут выступать знаковые для Нарвы традиционные мероприятия и праздники (Дни города с конкурсом «Сбежавшие невесты», празднование

²⁵ Там же. С. 420.

9 Мая и Байкерский фестиваль), материальные предметы, которые обросли в сознании нарвитян ментальными ассоциациями и прочно связаны с нарвским пространством (например, «серый паспорт»), прецедентные тексты, важные для самосознания нескольких поколений горожан (например, песня «Камушки», муз. А. Морозова, сл. М. Рябинина, исп. Л. Сенчина). Статьи раздела реконструируют комплекс стереотипных представлений о Нарве и её жителях, который сложился в сознании горожан. Например, статья «Репутация города» отражает общие представления горожан о достоинствах и недостатках города, сводимые к кратким речевым формулам в виде приписываемых Нарве предикатов («Нарва — промышленный город», «Нарва — русский город», «Нарва — большая деревня», «Нарва — приграничный город», «Нарва — 101-й километр»).

В раздел «События» будут включены статьи о событиях, имеющих знаковый характер для горожан. Содержание каждой статьи отражает осмысление горожанами реального исторического события, зафиксированного в коллективной памяти и породившего городскую мифологию. Далекое не все исторические события, имевшие значение для развития города, находят отражение в локальном тексте, что определяет довольно пёстрый состав статей этого раздела. В нём будут представлены статьи о событиях разного масштаба: «Бомбежка Нарвы в 1944 г.», «Восстановление независимости Эстонии в 1991 г.» и т. п., с одной стороны, и «Приезд Иоанна Кронштадтского в Нарву», «Съемки художественного фильма “Король Лир” в Нарве», «Закрытие Кренгольма», «“Бронзовая ночь” на Петровской площади» и т. д. — с другой.

Раздел словаря «Лица» объединит рассказы нарвитян об исторических лицах, посещавших Нарву, уроженцах и жителях города, много сделавших для развития Нарвы или прославивших её, а также современниках с неоднозначной / многослойной репутацией (городские сумасшедшие, криминальные авторитеты).

Раздел «Сообщества и институты» будет включать статьи о различных формальных и неформальных объединениях людей на основании таких признаков, как возраст, профессиональная принадлежность, национальная культура, конфессия и др. Все описанные в разделе объединения в той или иной степени участвуют в порождении локального текста. Некоторые из представленных здесь организаций могут даже создавать символы городской

идентичности (например, Кренгольмский комбинат, Нарвские электростанции, завод «Балтиец»).

Раздел «Локусы и топонимы» будет реконструировать территориальное членение города Нарвы на вернакулярные (обладающие определённой репутацией) районы. Здесь будут описаны отдельные имеющие для горожан культурное, социальное и бытовое значение современные городские объекты (памятники, музеи, дома культуры, учебные заведения, кафе, бары, магазины и т. д.) и не существующие в современной Нарве, но сохранившиеся в памяти нарвитян объекты. Словарные статьи раздела представят как официальные, так и имеющие хождение среди горожан неофициальные названия городских объектов.

Словарная статья в «Словаре локального текста города Нарвы» построена как статья в словарях энциклопедического типа²⁶. Начинается с заголовочного слова, в качестве которого выступает наиболее распространённое в городской среде наименование понятия, объекта, лица или события (в скобках даются другие официальные и неофициальные названия). За заголовочным словом следует короткая историческая справка. Затем представляются бытовавшие и имеющие хождение в современности устные «мифы», легенды, нарративы о соответствующих объектах описания. После изложения городской мифологии описывается значение этого объекта в жизни горожан (в их бытовой, праздничной культуре, в поддержании гражданской и городской идентичности). Статья содержит отсылки к имеющейся краеведческой традиции изучения объекта и даёт культурологический комментарий бытования объекта в локальном тексте. Статья дополнена иллюстративными материалами и библиографической справкой.

²⁶ В материалах к словарю локального текста Могилёва-Подольского исследователи описали структуру подобной словарной статьи, и наш вариант типовой статьи немногим от неё отличается. Ср.: «В рамках небольшой и, так сказать, “пилотной” публикации мы не будем подробно описывать разработанные схемы словарных статей, посвящённых различным категориям объектов, а ограничимся далёким от полноты общим перечнем основных позиций, которые считаем значимыми при описании элементов локального текста и которые по возможности должны найти отражение в структуре содержания словарной статьи. Эти позиции таковы: 1) варианты наименования объекта и их объяснений; 2) реальный (фактологический) комментарий; 3) принадлежность к сферам существования локального текста (спонтанная городская традиция, краеведческая традиция, официальная символика и мифология, субкультурная мифология и т. д.); 4) сюжеты, мотивы, представления, ритуальные практики, связанные с объектом, их версии и варианты; 5) формы и контексты репрезентации представления об объекте: устные рассказы, речевые формулы, граффити, неформальные обсуждения в сетевом пространстве, краеведческая литература, музейная экспозиция, текст экскурсии, мемуарная и художественная литература, местная периодика, буклеты и открытки, присвоение имени, мемориальные доски, памятники, стенды, речи на празднике День города, официальный сайт города и т. д.; 6) иконография объекта, отражение в ней его характеристик и значений» (Алексеевский М., Жердева А, Лурье М., Сенькина А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции... С. 185—186).

5. Образец статьи для «Словаря локального текста города Нарвы»

ТАНК (МЕМОРИАЛ «БОЕВОЙ ТАНК Т-34», ТАНК Т-34) — памятник воинской славы на берегу реки Наровы на трассе Нарва — Нарва-Йыэсуу (см. фото 1).

Фото 1

Мемориал «Боевой танк Т-34» (автор фото — Г. Нечволодов)

Мемориал (включающий памятник и смотровую площадку) был открыт 9 мая 1970 г. в память о тяжёлых боях во время форсирования в феврале и июле 1944 г. советскими войсками под командованием генерала И. Федюнинского реки Наровы. Можно предположить, что идея увековечить место трагических событий возникла уже в 1948 г., когда один из участников боев командир роты танкового полка 8-го Эстонского стрелкового корпуса Т. Д. Белкин указал место гибели советских танкистов сотрудникам военкомата и городского музея (*Белкин 2012*). Открытие памятника было приурочено к празднованию 25-летия со Дня Победы советских войск во Второй мировой войне (*Кривошеев, Михайлов 1972: 105*).

Традиция установки танков-памятников в 1970—1980-е гг. приобрела на территории СССР массовый характер: они устанавливались как на местах реальных

военных действий, так и на «родине» танков, где производились легендарные боевые машины (Калита 2015).

На открытие мемориала «Боевой танк Т-34» на берегу реки Наровы пришли тысячи жителей города (Петров 1970: 3). Это событие освещается в местной прессе и становится темой любительской поэзии нарвитян. Уже в ней зарождается образ танка-стража, охраняющего мир на этой земле: «Пусть танк в карауле почетном стоит...», — пишет местная поэтесса О. Ходорченкова (Ходорченкова 1970: 1).

Открытие в 1970 г. памятника в Нарве мифологизируется: среди нарвитян бытует «миф» о том, что именно этот танк участвовал в освобождении города, был затоплен, поднят со дна реки и установлен в память о героических событиях. В основе этого «мифа» лежит реальная история, случившаяся 25 июля 1944 г. во время переправы через Нарову танкового полка 8-го Эстонского стрелкового корпуса. Т. Д. Белкин в своих воспоминаниях рассказывает о том, как немецкий снаряд разрушил понтонный мост и танк Т-34 вместе с механиком-водителем Гемпелем ушел под воду. По свидетельствам того же Т. Д. Белкина, в 1970-е гг. спортсмены-любители обнаружили на дне реки башню танка. Однако предпринятая в 1983 г. поисковая экспедиция аквалангистов вместо танка нашла на дне реки самолет ИЛ-2. Затонувший танк с полным боекомплектом, по мнению Т. Д. Белкина, до сих пор находится на дне Наровы (Белкин 2012).

По-видимому, сведения о затопленном танке и попытки разыскать и поднять его со дна реки и порождают миф о памятнике-свидетеле исторических событий. Устойчивость этого мифа в городском сознании можно объяснить его правдоподобностью: среди многочисленных танков-памятников, установленных на территории бывшего Советского Союза и за его пределами, есть немало примеров реальных боевых машин, которые были затоплены в годы войны, подняты в мирное время и поставлены на постаменты (Калита 2015: 101).

В постсоветское время памятник «Танк Т-34» вызывает к жизни новый «миф»: рефлексии подвергается западное направление пушки танка. Ср. Инф.: *Я только знаю, что дуло у него смотрит на Таллинн. Соб: На Таллинн? И что это значит? Инф.: <Смеётся> Не знаю, просто когда-то вот Георгиевский-то вот этот праздник был, цветы туда носили, просто что люди обсуждали, что этот танк вот смотрит на Таллинн дулом. Это значит какой-то, может быть, даже намек... <Смеётся> (ЭН 14–01). Обсуждение горожанами направления танковой пушки находит отражение в местной прессе. См., например, замечание одного читателя «Нарвской газеты»: для части нарвитян «танк с пушкой на запад... — это уже и не памятники, а символы-*

возбудители, стимулирующие резкость слов политиков» (Бессонов 2010). Ориентация городских памятников в пространстве часто становится в «локальном тексте» основой для мифотворчества. «В. Ф. Лурье приводит распространенное представление о том, что после вхождения прибалтийских республик в состав СССР местные памятники были развернуты строго на восток, в сторону Москвы: “Если в монументе присутствовало тяжелое вооружение, то его, наоборот, от востока отворачивали” [Лурье 2003: 421]» (Алексеевский и др. 2010: 410).

В постсоветские годы «Танк Т-34» сохранил свое значение памятного объекта. К нему приезжают горожане в День Победы 9 мая возложить цветы и почтить память погибших воинов. Он по-прежнему признается горожанами культурным достоянием города, хранящим память о событиях Второй мировой войны, и пользуется особым вниманием нарвитян: любые действия вокруг памятника широко обсуждаются в городе.

Так, в 2007 г. и 2010 г. неизвестные окрасили колеса танка в серебристый цвет (Вандалы 2010). «Тюнинг» боевой машины неоднозначно расценивался горожанами: одни считали его актом вандализма (Вандалы 2010), другие — движением «в сторону вживления грозной боевой машины в текущую мирную и бескровную жизнь» (Бессонов 2010).

Сами нарвитяне считают своим долгом поддерживать памятник «Танк Т-34» в хорошем состоянии и берут на себя работу по его реставрации. В кон. Апреля — нач. мая 2014 г. по инициативе нарвитянина Сергея Лобина группа из 14 добровольцев при спонсорском участии местных фирм провела реставрацию памятника «Танк Т-34» (Неравнодушные 2014; Энтузиасты 2014). Факт реставрации стал предметом многочисленных обсуждений в сети Интернет и одобрительно оценивался блогерами (Знаменитый танк 2014; Монумент 2014; Неравнодушные 2014).

Вероятно, уже в нач. 1970-х гг. мемориал «Танк Т-34» становится «свадебной достопримечательностью», включается в нарвский свадебный маршрут (см. статью **Нарвский свадебный маршрут**).

Обычай посещать памятники воинской славы существовал в СССР и продолжает существовать на постсоветском пространстве. Становление традиции посещать во время свадебной прогулки военные памятники исследователи относят к 1960–1970-м гг. (Громов 2012; Ростовская 2012; Тимофеева 2004: 111). Одни авторы связывают этот обычай с внедрением традиции комсомольских свадеб (Тимофеева 2004: 106–107); по предположению других, памятники воинской славы попали в число объектов посещения свадебного поезда как заместители могилы погибших на войне родителей молодоженов: в кон. 1960-х гг. выросло первое поколение детей, родители которых

погибли во Второй мировой войне (Громов 2012). Однако, очевидно, не только это обстоятельство определило выбор мемориалов воинской славы в качестве свадебных достопримечательностей. Определённое воздействие оказала и идеология советской эпохи, а также городские формы официальной праздничной культуры (возложение цветов к могилам воинов и памятникам воинской славы, приуроченное ко дню празднования Победы 9 мая и другим памятным дням).

В советские годы посещение танка во время свадебной прогулки сопровождалось ритуальным возложением цветов — дань благодарности павшим воинам. Ср.: *И я уверена в том, что не всегда это было, ну так, знаете, лишь бы для отписки, лишь бы танк или куда-нибудь такое... Нет! Было ещё, было эмоциональное чувство. Сразу после войны у людей зародилась эта традиция: ну, знаете, поблагодарить просто за то, что я жив. За то, что вот этот красивый праздник получился, что моя невеста такая красивая, что не... что мы... что называется... что родители живы... Понимаете? Вот, вот просто! Я не верю в то, что только, э-э-э... как это называется? По пьяной традиции. Было и это чувство тоже. Я уверена в этом. <...> Это были места, где решалась и моя судьба. Я, правда, об этом не знала, но и моя судьба там решалась. И это люди — те, которые приехали, — они все-таки это еще осознавали (ЭН 11–02).*

В 1990-е — 2000-е гг. обрядовые действия вокруг памятника «Танк Т-34» трансформируются. На смену возложению цветов приходят новые: ритуал «прощания» невесты с девичьей фамилией (невеста пишет на листе свою фамилию, жених закупоривает это «послание» в бутылку из-под шампанского и бросает в реку) и повязывание вокруг танковой пушки разноцветных лент (см. фото 2). Последняя из названных (традиция украшать пушку шёлковой лентой), по свидетельству нарвитян, зарождается уже в 1990-е гг. и получает широкое распространение в 2000-е гг.

Лента издавна являлась обязательным атрибутом свадебной обрядности: лентами украшались санные «поезда» во время катаний-смотрин невест, которые устраивали в городах купцы на масленичной неделе (Жирнова 1980: 32); ленты использовали на девичнике в украшении символического свадебного деревца («красоты») (Жирнова 1980: 45; Тимофеева 2004: 93–94), лентами украшались в купеческом «постельном поезде» с приданым живая индюшка и огромная голова сахара (Жирнова 1980: 46), которой угощали гостей в «визитную неделю» (Жирнова 1980: 61), лентами украшался во время венчания — к выходу молодых из церкви — свадебный поезд (Жирнова 1980: 53).

Фото 2

Памятник «Боевой танк Т-34», украшенный свадебными лентами
(источник фото: www.stena.ee)

Новая «мода» повязывать ленты вокруг пушки широко обсуждается горожанами. В местной прессе появляются попытки объяснить символическое значение повязывания ленты вокруг боевой пушки танка: лента трактуется как «символ надежды на создание крепкой, как броня, семьи» (Бессонов 2010). Однако многие горожане считают это действие с памятником воинской славы неуместным и вандалистским. Распространяется слух о запрете повязывания ленточек вокруг пушки. Ср. Инф.: *Ну, так как там же запретили сейчас ведь вешать же на само это дуло эти полоса..., ну, ленточки-то, да.* Соб: *Их запретили? Я не знала об этом.* Инф.: *Я так понимаю, что да, потому что не вешали. Потому что сказали, что уже нельзя. Их же уже и снимали все, эти ленточки же* (ЭН 14–01). Слух о запрете повязывания ленты вокруг пушки танка не имеет под собой реальных оснований и является проявлением городского социального контроля.

В 2000-е гг. меняется не только репертуар ритуалов, но и стиль фотографий у боевого танка, фотографии приобретают постановочный иронический характер: молодожён (супруг) или свидетель нередко на фотографии вступает во «взаимодействие с памятником» (обхватывает боевую пушку руками).

Мемориал «Танк Т-34» любим горожанами и в течение почти полувека удерживает свои позиции в каноническом свадебном маршруте. Объяснить это можно тем, что мы имеем дело не с братским захоронением, а памятником-свидетелем событий Второй мировой войны, символизирующим воинскую силу, доблесть, славу боевого оружия, охрану мирного существования нарвитян. Этот памятник оказывается более органичным в праздничной культуре и игровом свадебном действе, чем мемориалы-захоронения, которые вызывают ассоциации со смертью и навевают грустные мысли. В то же время посещение памятника, связанного с событиями Второй мировой войны, оказывается важным для современного нарвитянина, поскольку представление о роли русского народа в истории Второй мировой войны, по-видимому, является частью национально-культурного самосознания русского человека и частью гражданской идентичности россиянина (по сведениям Нарвского городского департамента развития и экономики, в 2016 г. 36% городского населения имело гражданство Российской Федерации, 14% — лица без гражданства (*Narva arvudes 2016*)).

Значение этого памятника в городском сознании становится очевидным во время предвыборной кампании в местные органы власти. Он оказывается своего рода «разменной монетой» в манипулировании мнением горожан. В предвыборной кампании в местные органы власти в 2017 г. члены союза некоммерческих организаций «Патриот» напоминали своим избирателям о том, что именно они «поставили себе цель восстановить дорогие нашим сердцам памятники» и «сделали это» (*Манифест 2017*: 11). Другие — в агитационных листовках, порочащих конкурентов, взывая к патриотическим чувствам нарвитян, писали о том, что кандидаты в депутаты выступали за снос танка. Важно, что и те и другие, играя на чувствах избирателя, использовали именно этот объект городского пространства, что неслучайно: мемориал «Танк Т-34» — индикатор и локальной, и национально-культурной идентичности нарвитянина.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. № 11. 2010. С. 275—419; Белкин Т. Д. Воспоминания // Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. 2012. URL: <http://iremember.ru/memoirs/tankisti/belkin-timofey-diomidovich/>; Бессонов О. Танк одинокий? // Нарвская газета. 15.10.2010; Вандалы осквернили памятник в Нарве // Нарвская газета. 5.10.2010; Громов Д. В. Новые обряды современного бракосочетания // ПостНаука. 15.10.2012; Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980; Как теперь выглядит наш знаменитый танк // Интернет-портал «STENA.EE». URL: <http://www.stena.ee/blog/kak-teper-vyglyadit-nash-znamenityj-tank> Проверено: 15.07.2014; Калита С. Функционирование военно-исторических памятников в

современном пространстве и их воздействие на социум (культурологический аспект) // Аналитика культурологии. 2015. № 1 (31). С. 96—102; **Кривошеев Е., Михайлов К.** Нарва. Путеводитель. Таллинн, 1972; **Лурье В. Ф.** Памятник в городе: ритуально-мифологический аспект // Современный городской фольклор. Сост. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М., 2003. С. 420—429; **Манифест** избирательного союза «Патриот» // Нарвский рабочий. 13.10.2017. № 27. С. 11; **Монумент** Танк Т-34 // Интернет-портал «STENA.EE». URL: <http://www.stena.ee/blog/monument-tank-t-34> Проверено: 15.07.2014; Как **неравнодушные** жители Ида-Вирумаа памятник отреставрировали // Интернет-портал «STENA.EE». URL: <http://www.stena.ee/blog/kak-neravnodushnye-zhiteli-ida-virumaa-pamyatnik-otrestavrirovali> Проверено: 15.07.2014; **Петров Л.** Почтим павших и живых // Нарвский рабочий. 25.07.1970. № 87 (3982). С. 3; **Ростовская Н. А.** Эволюция свадебной обрядности русского городского населения России в советский период // Известия Пензенского государственного педагогического университета: Гуманитарные науки. Пенза, 2012. № 27. С. 950—953; **Тимофеева Л. В.** Традиции и новации в русском свадебном обряде. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. философ. наук. М., 2004; **Ходорченкова О.** Памятник у переправы // Нарвский рабочий. 9.05.1970. № 54 (3949). С. 1; **Энтузиасты** реставрировали «Танк» // Город. Нарвский еженедельник. 2014. 9—15 мая. № 19 (504). С. 26; **Narva arvudes** 2016. Narva: Narva Linna Arenduse ja Ökonoomika Amet. URL: http://www.narva.ee/ee/vasakpoolsed/narva_arvudes/page:3295

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИНТЕРВЬЮ

ЭН 11–02, 2011, Narva — интервью с женщиной; около 50 лет; с высшим образованием, являющейся библиотекарем, преподавателем, экскурсоводом; в Нарве проживающей с 1980 г.

ЭН 14–01, 2014, Narva — интервью с женщиной, 1987 г.р.; со средним специальным образованием, родившейся в Нарве.

6. Выводы

Подводя итоги рассмотрения исследовательской традиции, посвящённой локальным текстам городов постсоветского пространства, можно наметить комплекс актуальных проблем, которые мы видим в изучении локального текста и составлении его словаря.

Во-первых, проблемы связаны с методикой собирания материала и реконструкции локального текста. Анализ опыта реконструкции и составления словарей локальных текстов Омска и Могилёва-Подольского выявляет проблему соотношения субъективности и объективности в подходе исследователя к объекту изучения. С одной стороны, очевидны в этой связи преимущества стороннего наблюдателя, на позициях которого находились собиратели словаря локального текста Могилёва-Подольского. Не будучи представителями местного городского сообщества, они могли максимально отстраниться от материала и продемонстрировать объективный научный подход к объекту анализа. Однако это не означает, что позиция включенного наблюдателя (которую занимали собиратели мифологии Омска) невозможна в изучении

локального текста. Будучи членом городского сообщества и носителем локального текста, при условии сохранения объективного научного подхода, исследователь может вычлени́ть в материале актуальное и неактуальное, т. н. исследовательское чутьё подсказывает в каждой ситуации верное решение, правильное «прочтение» тех или иных собранных данных.

Во-вторых, привлечение для реконструкции городского самосознания нового круга источников (например, материалы избирательной компании в органы местного самоуправления, материалы социальных сетей, письма горожан с жизнеописаниями и рассказами о городе, разнообразные единицы городского языкового ландшафта) дополняют арсенал методов изучения локального текста новым инструментарием (прежде всего психолингвистическими методиками исследования восприятия и воздействия текста).

В-третьих, очевидно, что структура локального текста еще не до конца осмыслена в исследовательской традиции, поэтому актуальны и дискуссии о способах её репрезентации в словаре. С одной стороны, тематический принцип деления и представления материала в пяти (или большем / меньшем числе) разделов поможет ориентироваться читателю в словарном издании. С другой стороны, немаловажным оказывается и принцип доминантности / периферийности описываемого в словарной статье объекта в структуре самого локального текста. Решением может стать представление внутри тематического раздела словарных статей не в алфавитном порядке, а иерархическом (от центральных объектов к периферийным).

В-четвёртых, изучение локального текста и его представление в печатном публичном слове, связано и с определенными этическими вопросами. Нам сложно прогнозировать возможное влияние популяризации знаний о локальном тексте или деконструкции городского мифа на городское сообщество и его идентичность.

Список литературы

Абашев, В. Пермь как текст : Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. Абашев. — Пермь : Издательство Пермского университета, 2000. — 404 с. — URL: http://www.psu.ru/files/docs/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/abashev/kniga_1.pdf. — (8.12.2017).

Алексеевский, М. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина // Штетл, XXI век : Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — С. 179—208.

Алексеевский, М. Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского / М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. — 2008. — № 8. — С. 419—442. — URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_12_alekseevsky_et_al_k.pdf. — (17.10.2017).

Алексеевский, М. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста / М. Алексеевский, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. — 2009. — № 11. — С. 275—312. — URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11_06_alekseevsky_lurie_senkina.pdf. — (18.10.2017).

Алексеевский, М. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста (окончание) / М. Алексеевский, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. — 2010. — № 12. — С. 375—420. — URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000000/12_alekseevsky_lurie_senkina.pdf. — (18.10.2017).

Ахметова, М. В., Лурье, М. Л. Материалы бологовских экспедиций 2004 г. / М. В. Ахметова, М. Л. Лурье // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm>. — (17.10.2017).

Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые; пер. с фр.; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. — Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. — 288 с.

Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц; сост. В. В. Абашеев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 672 с.

Груздов, Е. «Хождение в народ»—2: из опыта работы над «Словарем мифологии Омска» / Е. Груздов, А. Свешников // Новое литературное обозрение. — 2005. — № 74. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/gr26.html>. — (18.10.2017).

Диалог культур: поэтика локального текста: материалы IV Международной научной конференции, Горно-Алтайск, 9—12 сентября 2014 г. / под ред. П. В. Алексеева. — Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского университета, 2014. — 337 с.

Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Международной научной конференции, Горно-Алтайск, 26—29 сентября 2016 г. / под ред. П. В. Алексеева: в 2-х т. — Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского университета, 2016. — Т. 1. — 272 с.; Т. 2. — 303 с.

Исследования города // Антропологический форум. — 2010. — № 12. — С. 9—201. — URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf. — (18.10.2017).

Линч, К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В. Л. Глазычева. — Москва: Стройиздат, 1982. — 328 с.

Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Учёные записки Тартуского государственного университета. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. — Вып. 664. — С. 30—45. — (Труды по знаковым системам : Семиотика города и городской культуры. Т. 18).

Милюгина, Е. Г. Текст пространства : фрагменты словаря «Русская провинция» / Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2012. — № 2. — С. 42—60.

Мицц, З. Г. «Петербургский текст» и русский символизм / З. Г. Мицц // *Её же.* Блок и русский символизм : избранные труды : в 3 кн. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2004. — Кн. 3. Поэтика русского символизма. — С. 103—115.

Пространственность развития и метафизика Саратова / под ред. Т. П. Фокиной. — Саратов : Поволжская академия государственной службы, 2001. — 140 с.

Словарь мифологии Омска: открытая группа // ВКонтакте [Электронный ресурс]. — URL: <http://vk.com/club16422680>. — (18.10.2017).

Тименчик, Р. Д. Сны Блока и «петербургский текст» начала XX века / Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». — Тарту : Тартуский государственный университет, 1975. — С. 129—135.

Топоров, В. Н. Петербург и «петербургский текст русской литературы» (введение в тему) / В. Н. Топоров // *Его же.* Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического. — Москва : Прогресс—Культура, 1995. — С. 259—367.

Nõmm, J., Burdakova, O. Materials for the “Dictionary of the Local Text of Narva City” / J. Nõmm, O. Burdakova (в печати).

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

ЗАЙКОВ Константин Сергеевич / ZAYKOV Konstantin

Арктический центр стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова / Arctic Centre for Strategic Studies, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

Россия, Архангельск / Russia, Arkhangelsk

k.zaikov@narfu.ru

РЕЦ. НА КН.: Нет Севера, а есть Северá : О многообразии понятия «Север» в Норвегии и России — Net Severa, a est' Severá : The Manifold Ideas of the North in Norway and Russia / под ред. К. А. Мюклебуст, Й. П. Нильсена, В. Тевлиной и А. А. Комарова. Москва : URSS, 2016. 288 с.

REVIEW OF: Kari Aga Myklebost, Jens Petter Nielsen, Victoria Tevlina and Alexey Komarov (eds), *Net Severa, a est' Severá. O mnogoobrazii ponyatiya "Sever" v Norvegii i Rossii — Net Severa, a est' Severá : The Manifold Ideas of the North in Norway and Russia* (Moscow : URSS, 2016). 288 p.

Ключевые слова / Keywords: Российско-норвежские отношения, Север, северность, Крайний Север, регионализм, культура / Russian-Norwegian relations, North, northerness, Far North, regionalism, culture.

Сборник статей «Нет Севера, есть Северá» является итогом работы участников одноимённой научно-исторической конференции, организованной Северным (Арктическим) Федеральным университетом и университетом Тромсё (Арктическим университетом Норвегии) в Архангельске 8—9 сентября 2013 г. Эта конференция была проведена в рамках совместного норвежско-российского исследовательского проекта «Асимметричное соседство: Норвегия и Россия в 1814—2014 гг.», призванного придать новый импульс изучению истории отношений двух стран. Причём, как следует из самого названия сборника, внимание учёных фокусировалось преимущественно на «северном измерении» отношений соседей. По мнению редакторов и авторов статей, именно здесь, на Крайнем Севере, эти отношения за последние двести лет носили наиболее интенсивный характер. С другой стороны, актуальность обращения к теме «северности» естественна для народов, обладающих обширными территориями, ресурсами, а значит, и особыми интересами в обширной географической и климатической зоне, прилегающей к Арктике.

Авторы статей (их в сборнике всего 15) представляют научные учреждения и вузы Архангельска, Мурманска, Новосибирска, Киркенеса, Осло и Тромсё. Помимо них, в сборник включены работы по проблеме «северности» известных специалистов из Нидерландов и Финляндии.

Издание сопровождается вступительной статьёй специалистов университета Тромсё — профессора Йенса Петтера Нильсена (Jens Petter Nielsen) и доктора Кари Аги Мюклебуст (Kari Aga Myklebost) «Понятие о культуре и “северности” в

норвежской и русской академических традициях». Авторы предлагают читателю краткий обзор теоретических предпосылок, которые привели к появлению в западной историографии 1970-х гг. таких категорий, как «репрезентация» и «конструктивизм». В широком смысле, считают они, это стало одним из следствий «культурного поворота» (*cultural turn*) в гуманитарных и социальных науках в целом, базировавшегося на открытиях швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, который заложил основы семиологии и структурной лингвистики. Авторы указывают, что значение упомянутого «культурного поворота» состоит, в частности, в том, что в дополнение к традиционному эссенциализму историческая наука обогатилась новыми методологическими подходами (конструктивизм) и возникла целая группа субдисциплин (гендерная история, история семьи, устная история, история этнических групп и меньшинств и др.).

Согласно конструктивистскому подходу, исторические представления и доктрины представляют собой интеллектуальный конструкт, сознательно создаваемый учёными, политиками, писателями и публицистами. Конструктивизм уделяет особое внимание роли сознания, языка и идеологии как ключевого фактора, вокруг которого формируются различные представления о прошлом.

Во второй части вступительной статьи авторы раскрывают своё понимание тех путей, которыми шла эволюция исторической науки в СССР/России в до- и послеперестроечный период. К настоящему времени, считают авторы, она привела к плюралистичному с точки зрения применяемой методологии и идеологии подходу и к конкуренции различных концепций исторического прошлого.

Тем не менее авторы вступительной статьи полагают, что в отличие от западных учёных российским историкам чаще свойственно сохранение эссенциалистской (*essentialist*) философской установки, характеризующейся приписыванием некоторой сущности (в данном случае культуре и «северности») неизменного и объективного набора качеств и свойств.

Важно отметить, что приведённые во вступительной статье сведения в целом объясняют методологические различия в понимании культуры и «северности», которые в полной мере отразились в материалах сборника. Кроме того, само название сборника «Нет Севера, а есть Севера́» подчеркивает культурное разнообразие географически и территориально протяжённых российских «Северов».

Статья Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева «Северные варвары и северная цивилизация» утверждает цивилизационное единство Севера, которое находило своё выражение в различные исторические эпохи в противостоянии и диалоге с обобщённо

понимаемым Югом. За молодой цивилизацией Севера в глобальном смысле стоит, по мнению авторов, будущее мира.

Петер Стадиус (Peter Stadius), со своей стороны, в статье «Север в европейском ментальном картографировании» дал хронологический обзор изменений концепции Европейского Севера: начиная с периода борьбы Римской империи с варварами — тевтонскими племенами Севера. Позднее, в эпоху раннего Нового времени, борьба Севера и Юга Европы воплотилась в схватку римско-католического и протестантского миров. В конце концов, на рубеже XIX и XX вв. сформировалось представление о народах Северной Европы, как наиболее энергичных и дееспособных в европейском мире.

Й. П. Нильсен в статье «В поисках “северности” в русской истории» вычленил периоды, когда, по его мнению, Север играл особенно большую роль в истории России. Начиная с XVIII и до XX в., включая и постсоветское время. Поднимая вопрос о возможной взаимосвязи между культурой «северности» и интересом общественности к Северу, автор приходит к выводу о том, что такая корреляция действительно существует.

Интересна статья А. В. Головнёва «Историческая проекция северности России». По его наблюдениям, в российской историографии доминирует москвоцентристская перспектива, а Северу в большинстве случаев отводится роль периферии — недостаточно исследованной и плохо понятой. Несмотря на это, северная перспектива не раз открывалась в русской истории. Притом каждый раз она сопровождалась диалогом со Скандинавией. Начиная с истории «призвания варягов», через Смутное время, когда русско-шведские отряды изгоняли Лжедмитрия из Москвы, и спустя столетие при Петре Великом, основавшем Санкт-Петербург. И в героическую раннесоветскую эпоху, знаменитую освоением Северного морского пути.

Отто Буле (Otto Voelke), исследовавший в своей докторской диссертации русский литературный романтизм, в статье «Север как символ национальной идентичности в русской культуре» показал, как начиная с XVIII в. религиозные противоречия между Западом и Востоком утратили значительную часть своей остроты под влиянием секуляризации культуры в ходе реформ Петра Великого. Но если «северность» ещё и в эпоху Ломоносова продолжала служить сближению России с Западом, то уже в XIX столетии она, напротив, стала способом подчеркнуть «особость» России, отдаляющую её от Запада.

В статье «Формирование норвежской национальной идентичности. Этнические и национально-культурные определения» Улав Кристенсен (Olav Christinsen)

прослеживает, как на протяжении XVIII в. развивались наука и культура Норвегии. Особое внимание автор уделит историку Герхарду Шёнингу (Gerhard Shøning) и романтизации последним норвежских горных пейзажей и зимнего климата. Шёнинг, по его оценке, внёс незаурядный вклад в формирование национального норвежского самосознания и создание привлекательного имиджа, сменившего прежнее представление о Норвегии как культурно отсталой части Дании.

Т. И. Трошина в своей статье «Влияние природно-климатического фактора на формирование социальных отношений у населения северно-европейских территорий России» доказывает, что в суровых условиях Севера коллективизм жителей, сплочённых в общины, был жизненно важным условием их выживания.

В статье К. А. Мюклебуст «Бореализм и культурный национализм в норвежских и российских исследованиях северного фольклора» в сравнительном плане рассматривается деятельность российских и норвежских учёных по собиранию фольклора на Крайнем Севере. Автор пытается объяснить, почему в Норвегии Север описывался как преимущественно саамская территория. В то время как в России Север рассматривался как коренные русские земли.

Попытку выделить и охарактеризовать культурно-исторические факторы формирования «духовно-интеллектуального пространства» Баренцева Евро-Арктического региона предприняла Ф. Х. Соколова в статье «Духовно-интеллектуальное пространство Баренцева Евро-Арктического региона: сущность, факторы формирования». По её мнению, наличие общих ценностей и черт культуры обещает в будущем успешное продолжение и развитие трансграничного межкультурного диалога.

Комплексу образов, символов и ритуалов «сакральной географии» Русского Севера посвящена статья Н. М. Терехина «Сакральная география Севера России». По убеждению автора, центральное место среди них занимает образ «соборности». Специальное внимание уделено исследованию семиотических механизмов диалога между северными культурами.

Эволюцию регионализма и региональной политики рассматривает В. И. Голдин в статье «Северно-русский регионализм: Исторический опыт и сегодняшнее положение. Переоценка спустя 15 лет» (она опубликована на английском языке: «Northern-Russian Regionalism: Historical Experience and Today's Situation. A Reconsideration after 15 Years»). Наблюдающееся сегодня укрепление централизма и вертикали власти в стране происходит за счёт регионов. В том числе и северных. Однако помимо этого,

считает автор, становление регионализма на Севере ослабляется и соперничеством местных элит.

Гейр Хённеланн (Geir Hønneland) сравнивает в своём очерке «Русские в приграничье и норги как их соседи» («Borderland Russians, Bordering Norgs») самовосприятие северян — жителей Кольского полуострова и соседних областей Скандинавии. Его интервью с молодыми скандинавами показали, что при сравнительно высоком уровне жизни внутреннюю, духовную жизнь в своей среде они считают малосодержательной и бездуховной. Напротив, жизнь в Северной России видится им полной страстей, одухотворённой.

Проблему адаптации семей русских иммигрантов к жизни в Норвегии исследовала В. В. Тевлина в статье «Кому на Севере жить хорошо? Дети и их родители из России, переехавшие в Норвегию, о жизни на Севере». На материалах статистики и интервью с жителями Киркенеса она показала, как на учащуюся в норвежских школах русскую молодёжь влияет местный уровень благосостояния и образ жизни.

А. В. Репневский, опираясь на архивные материалы, продемонстрировал своеобразие повседневности норвежских консульских сотрудников в Архангельске [статья «Повседневная жизнь северного консульства. Документы Государственного архива Архангельской области (ГААО) как источник изучения деятельности консульства Норвегии в Архангельске (20—30-е годы XX в.)»].

Сборник издан на двух языках — русском и английском, но при этом все статьи снабжены аннотациями, соответственно на русском для опубликованных по-английски материалов, и наоборот.

В целом, вышеупомянутые работы международного коллектива специалистов — историков, культурологов и социологов — дают комплексную и хронологически ёмкую картину исследований по заявленной теме.

МУЛЛОНЕН Ирма Ивановна / MULLONEN Irma

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
mullonen@krc.karelia.ru

**РЕЦ. НА КН.: Patronen O. Rajakarjalaisen suku
nimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön
suomalaistumista 1818—1925. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017. 519 s.***

REVIEW OF: Outi Patronen, *Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön suomalaistumista 1818—1925* (Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017), 519 p.

Ключевые слова / Keywords: Приграничная Карелия, православное население, финнизация, становление системы фамилий / Border Karelia, Orthodox population, Finnisation, surnames system's development.

Приграничная Карелия (фин. *Raja-Karjala*) — территория, историческая судьба которой неразрывным образом связана с длившимся столетия русско-шведским противостоянием. Хейкки Киркинен писал в своё время о четырёх кризисах карельской идентичности, через которые пришлось пройти населению этой порубежной территории на протяжении столетий: Ореховецкий мир (1323), Столбовский мир (1617), далее кризис идентичности времён финляндской автономии XIX — начала XX в. и четвёртый, связанный со Второй мировой войной¹. Исследование Оути Патронен «Становление системы фамилий в Приграничной Карелии как часть финнизации карелоязычного православного меньшинства 1818—1925» привязано преимущественно к периоду автономии, когда финляндские карелы испытывали влияние, с одной стороны, русификации, с другой — финнизации, выражавшиеся в разных формах и через разные институты — государство, церковь, школу и др. Патронен рассматривает становление системы официальных фамилий как одно из проявлений финнизации приладожских карелов. При этом стоит иметь в виду, что финский термин *suomalaistuminen*, вынесенный в название работы, означает в контексте данного исследования и пришедшее извне финское воздействие (фин. *suomalaistaminen*), и восприятие местным населением этого воздействия, адаптацию к нему. Процесс закрепления фамилий рассматривается на фоне социально-политической истории, языковых трансформаций и в тесной связи с православной культурой населения.

* Работа выполнена в рамках плановой темы Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН № 01201352515.

¹ Kirkinen H. Keitä karjalaiset ovat? // Nevalainen P., Sihvo H. Karjala: historia, kansa ja kulttuuri. Helsinki, 1998. S. 38—54.

Работа Оути Патронен продолжает исследовательскую традицию, заложенную ещё в начале XX в. основателем финляндской антропоники А. В. Форсманом и развитую на протяжении прошлого столетия работами В. Ниссиля, Э.-М. Нярки, Э. Кивиниеми. Уже в наше время появились два фундаментальных труда Сиркки Пайккала и Пирьё Микконен, посвящённых становлению института фамилий в Финляндии в XIX—XX вв.² Исследование Оути Патронен подготовлено в их русле, однако автор справедливо замечает, что ситуация в Приладожье была значительно более сложной и многофакторной, ибо складывалась «на границе двух государств и трёх языков». Притом что у карелов с давних времён существовали родовые патронимы, лишь единицы из них получили вплоть до XIX в. официальный статус. Необходимость в идентификации человека по наследуемой фамилии появляется лишь по мере проникновения в традиционное крестьянское общество модернизационных процессов, когда человек оказывается в роли призывника в армию, налогоплательщика, землевладельца или, к примеру, подсудимого. Собственно, автор заостряет внимание именно на этих четырёх позициях, отмечая, что особое значение для развития системы фамилий сыграли межевые реформы, которые начались на территории шведской державы ещё в середине XVIII в. с так называемого великого передела (фин. *isojako*, шв. *storskiftet*), но происходили на территории Приграничной Карелии позднее, чем в других районах Финляндии, и завершились в большинстве волостей к рубежу XIX—XX столетий, при этом даже ко времени получения свидетельств на владение землёй в первые два десятилетия XX в. ещё не все землевладельцы имели официальную фамилию.

Структурно в исследовании выделяется две части. Первая вводит в тот историко-культурный контекст, в котором происходил процесс «фамилизации», вторая же анализирует непосредственно сам процесс становления фамилий. Самостоятельный исследовательский раздел представляет приложение — регистр фамилий приграничных карелов, включающий более 700 словарных статей, в каждой из которых содержатся сведения о происхождении фамилии, географии бытования, фиксации фамилии в документах XVII в. (в случае перехода традиционных патронимов в фамилию), время первой фиксации, а также первый носитель фамилии в метрических книгах XIX в.

В первых разделах исследования многогранное освещение получила политическая и культурно-историческая ситуация конца XIX — первых

² Paikkala S. *Se tavallinen Virtanen: Suomalaisen sukunimikäytännön modernisoituminen 1850-luvulta vuoteen 1921*. Helsinki, 2004; Mikkonen P. «Otti oikean sukunimen»: Vuosina 1850—1921 otettujen sukunimien taustat. Helsinki, 2013. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-10-9345-6> (16.11.2017).

десятилетий XX в. в Приграничной Карелии: образование учительской семинарии в Сортавале, решавшее задачу подготовки финских православных учителей и «искоренение ростков русскости», начало издания газеты «Laatokka» («Ладога»), создание сети школ — как русско-, так и финноязычных, деятельность церкви и т. д. Лейтмотив повествования — Приграничная Карелия между Россией и Финляндией, православным и лютеранским вероисповеданием, русским и финским языками. С точки зрения ономастики очень показательна ситуация с созданием своего календарного именника и постепенное закрепление финских форм календарных имён на месте русских: *Павел* заменяется на *Paavo* или *Paavali*, появляются *Johannes, Lauri, Helmi, Aili* и т. д. Процесс, начавшийся в последние два десятилетия XIX в., завершился в 1933 г. церковным указом, закреплявшим безусловное использование в православной среде Приладожской Карелии нового церковного именника. Закрытие границы в 1918 г. закономерно привело к усилению финского влияния на всех уровнях жизни населения. С ним сопряжены и две кампании по смене фамилий, из которых первая, организованная в 1933 г., проводилась целенаправленно среди карельского населения Приладожья, а вторая, пришедшаяся на 1934—1936 гг., — на всей территории Финляндии. По подсчётам автора, в ходе их проведения были изменены на финские более 700 фамилий, среди которых наряду с русскими оказались и имевшие карельские корни именованья (типа *Shemeikka* — *Шемейка, Kirnu, Bunda* и др.).

В двух отдельных разделах рассматриваются проблемы статуса карельского языка, а также этничности и этнического самосознания приграничных карелов. Автор обращает внимание на то, что вплоть до недавнего времени финляндская наука не выделяла их в отдельную этническую группу, при этом одним из главных препятствий был вопрос языка: традиционно и в финляндском языкознании, и в сознании чиновников язык приладожских карелов (за исключением ливвиковского диалекта Салми) считался либо диалектом финского языка, либо близким к нему образованием. Ситуация изменилась только в начале нынешнего века: в 2000 г. карелоязычное меньшинство признано в Финляндии политически, а в 2009 г. карельский язык получил статус языка национального меньшинства Финляндии. На рубеже XIX—XX вв. представления о собственной идентичности были у местных карелов весьма смутными, что проявилось наглядно и в ходе кампании по «фамилизации».

Во второй части исследования рассматривается «наречение» фамилиями жителей — преимущественно православных карелов — шести волостей (Суоярви, Корписелья, Суйстамо, Соанлахти, Импилахти и Салми), образывавших Салминский уезд. На самом деле, передающиеся из поколения в поколение патронимы или

неофициальные (в русской исследовательской практике используется также термин «уличные») фамилии, обусловленные особой системой права и землевладения, бытовали у карелов Приладожья уже в Средневековье, однако их фиксация в документах не носила сколько-нибудь последовательного характера. Первые фамилии в современном понимании этого слова появились в Приграничной Карелии в начале XIX в. и принадлежали перебравшимся из России церковнослужителям, мастерам и лишь в исключительных случаях местным карелам. Обзор газетного материала, приводимый в работе, свидетельствует о том, что почти столетие спустя, в начале XX в., карелы не очень понимали, что такое официальная фамилия, зато хорошо знали, что такое *haukkumanimi*, т. е. прозвище (в том числе и родовое), или *talonnimi*, т. е. название дома, в качестве которого закреплялось имя, отчество, прозвище (в том числе и родовое) владельца дома или его предка. Именно они и получали статус официальной фамилии, если только не выбиралось некое именование, предложенное в имевших тогда широкое бытование специально подготовленных списках модельных фамилий.

В проведённом исследовании по становлению системы официальных фамилий содержатся многие по-настоящему ценные наблюдения, основанные на сопоставительном анализе широкого материала: светских и церковных документов, периодической печати, целого списка изданных описаний отдельных поселений и волостей, материалов антропонимического архива, хранящегося в Центре национальных языков Финляндии, и т. д. Они убедительно доказывают, что православное население Приграничной Карелии нарекалось фамилиями по мере превращения его из земледельцев-арендаторов в крестьян, владеющих собственным земельным наделом. С позиций собственно ономастического контекста важен вывод о практической значимости процесса «фамилизации», которая ликвидировала тезоимённость и чётко идентифицировала человека как члена социума. Исследовательница останавливается также на идеологическом контексте этого процесса, ибо через выбор фамилий предпринимались попытки, с одной стороны, подчеркнуть принадлежность её носителя к финскому сообществу, с другой — сохранить карельскую идентичность. Анализ показывает, что для самого населения идеологическая и политическая сторона этого процесса была не актуальна. Об этом свидетельствует, к примеру, то, что карелы, не до конца понимавшие суть процесса, в целом индифферентно воспринимали произвол чиновников, самолично выбиравших им фамилию, однако одновременно и то, что в Приладожской Карелии очень незначителен процент искусственных фамилий типа *Virtanen* (*virta* 'течение реки'), *Laine* (*laine* 'волна'), которые предлагались как модельные в списках фамилий, разработанных в ходе кампании по наречению

фамилиями граждан Финляндии на рубеже XIX—XX столетий. При этом основная масса фамилий, как показали скрупулёзные подсчёты автора, восходит к традиционным календарным именам и прозвищам, независимо от того, имеют ли последние карельские, русские или финские истоки. Иначе говоря, результаты подтверждают основной тезис исследования Пирьё Микконен³: становление системы официальных фамилий у сельского крестьянского населения не было сопряжено с его национальным самосознанием, осознанием себя, принадлежащим к финской нации. На передний план выступали социальные и экономические причины, наречение фамилиями было обусловлено сугубо практическими нуждами. Именно этот процесс, происходивший в простонародной среде, а не более широко известная в контексте истории Финляндии смена фамилий интеллигенцией со шведских на финские, связанная с идеей национального возрождения, составлял ядро и суть «фамилизации».

Самостоятельный раздел работы посвящён составу фамильного континуума, включающего ряд подсистем, из которых наиболее значимы восходящие к неофициальным фамилиям, основанным, в свою очередь, на календарных (фин. *ristimänimet*) и некалендарных именах и прозвищах (в рецензируемой работе использован единый термин *lisänimet*).

Анализ нехристианского именованья, закрепившегося в фамилиях, позволил, в частности, подтвердить некоторые универсальные закономерности этой группы именованья, например, их пейоративный характер⁴ или метафорическое использование названий ряда кушаний для именованья умственно неполноценных людей. Однако в целом ряде случаев анализ истоков именованья ограничивается поиском первичной семантики слова, не выявляются мотивы номинации, основанные на метафорическом использовании слова. Анализируя фамилию *Komšša*, недостаточно констатировать, что в основе её соответствующая карельская лексема *komšša* ‘берестяная или сделанная из дранки корзинка’, для фамилии актуальна переносная семантика слова, которая реконструируется из *komššu/piä* ‘большеголовый’, букв. ‘такой, у которого голова как корзина’, *luu/komššu* ‘ширококостный’, букв. ‘корзина с костями’⁵. Таких интерпретаций, не доведённых до уровня мотивации, в работе многие десятки (ср. фамилии, содержащие в основе названия животных, бытовых предметов, орудий труда и др.), что ослабляет научную ценность анализа и его результатов.

³ *Mikkonen P.* «Otti oikean sukunimen».

⁴ Именно эти фамилии подверглись переименованию в ходе кампании по смене фамилий в 1933 г.

⁵ *Федотова В. П.* Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000. С. 86.

Выявляя истоки фамилий, восходящих к карельским вариантам календарных православных имён, О. Патронен опирается главным образом на известные исследования и списки таких карельских гипокористических образований, подготовленные в своё время зачинателем топонимической науки в Финляндии Вильё Ниссиля. Это, безусловно, исключительно ценный источник, однако он не единственный. В последние десятилетия в Карелии собран и проанализирован большой объём карельской антропонимии — как ливвиковской, так и собственно карельской. К сожалению, он оказался маловостребованным в рецензируемой работе. Упомяну, прежде всего, последние по времени исследования Д. Кузьмина⁶. С опорой на них могут быть внесены некоторые уточнения и дополнения в предложенные О. Патронен интерпретации. Так, для фамилии *Ahronen* важно учесть наряду с рус. *Аганий* также *Афанасей*, поскольку в олонецком именослове именно для него известен гипокоризм *Ahpoi*. Далее, фамилия *Houtsonen* может иметь в основе олонецкое *Ноицо* — рус. *Хомей*, *Jaaronen*, *Jarkkonen* и *Jaroške* восходят, очевидно, к рус. *Герасим*, которое известно в севернорусских говорах как *Яра* и *Ярасим*. Предлагаемое В. Ниссиля сопоставление с *Ярослав* — именем редким и даже чуждым крестьянскому именослову — кажется в этом случае надуманным. В *Jetsonen* и *Jetschu*, видимо, воспроизводится карел. *Ječi* ← рус. *Евсей*, а в *Kuyrönen* — карел. *Kuyrö* ← рус. *Кирилл*. Стоит принять во внимание также такие зафиксированные в ливвиковском антропонимиконе карельские соответствия русских календарных имён, как *Нека* — *Фёдор*, *Hippi* — *Филипп*, *Kot'a* — *Константин*, *Joška* — *Егор* и др., не учтённые в рецензируемой работе. Кроме того, карельские варианты православных имён могут в ряде случаев лежать и в основе тех фамилий, которые интерпретированы автором исследования как основанные на прозвищах или некалендарных именах. Опираясь на соответствующие материалы по антропонимии Российской Карелии, кажется оправданным возводить салминскую фамилию *Konttinen* не к карельскому наименованию короба или заплечного мешка (карел. *kontti*), а к народному варианту мужского имени *Кондрат* (карел. *Kontti*, или *Konti*), суйстамскую *Virsu* — не к слову *virsu* ‘лапоть’, а к *Virsu*, карельской модификации русского календарного имени *Фирс*. Салминская фамилия *Graf* вряд ли имеет отношение к дворянскому титулу, в то время как возведение её к карельскому варианту календарного имени *Евграф* (или *Ографен*) вполне оправдано и вводит её в

⁶ Кузьмин Д. В. Христианские имена карелов // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13, № 2. С. 56—86. URL: <http://onomastics.ru/content/2016-t-13-%E2%84%962-10> (25.11.2017); *Idem* (Kuzmin D.) Venäläisperäisten kristillisten etunimien adaptaatiosta karjalan kielessä // Ödagumeresuumlaisi nimeq — Läänemeresoostlaste nimed — Names of Finnic people / toimõndanuq J. Sullõv. Võro, 2016. S. 166—183. URL: <http://wi.ee/wp-content/uploads/2017/06/Vtoim16sisu.pdf> (15.11.2017).

один ряд с олонеккой фамилией *Графовы*. Список может быть продолжен — но не для того, чтобы упрекнуть автора, а чтобы констатировать сложность, неоднозначность и малую изученность этого уникального пласта традиционной карельской культуры. Знаменательно, что О. Патронен и сама осознаёт слабые места в предложенных ею этимологических интерпретациях и обращает внимание на необходимость детального исследования православного карельского именованья. Я добавила бы к этому и необходимость более детального знакомства с российскими наработками — как словарями, так и исследованиями — по карельской антропонимике.

Собственно, аналогичное замечание может быть высказано и в связи с анализом фамилий с русскими истоками — такими как салминские *Koslonen* (из *Козлов*), *Vinokiuro* (*Винокуров*), *Grommi* (*Громов*) и др. В нём автор апеллирует к высказыванию известного исследователя русских фамилий Б. О. Унбегауна о том, что истоки их номинации обычно затемнены⁷. Однако книга Унбегауна, ставшая классической, вышла в свет почти полстолетия назад (1972 г.), и за это время ситуация в значительной степени изменилась, происхождение множества русских фамилий выяснено. За пределами внимания Оути Патронен остались многочисленные русскоязычные работы, из которых я выделила бы два важных в контексте данного исследования словаря личных имён, составленных А. В. Суперанской и И. А. Кюршуновой⁸. В последнем, в частности, выявляются корни целого ряда фамильных прозваний, отмеченных в письменных документах XV—XVII вв. по территории Карелии и восходящих к некалендарному именованью. Отмечу в качестве примера некоторые интерпретации, которые, как мне представляется, допускают иные, чем предложенные в рецензируемой работе (с. 216—217) этимологии. Так, истоки фамилии *Липицин* вряд ли стоит вслед за В. Ниссиля возводить к наименованию дерева (липа), хотя бы потому, что мужское имя *Липа* — это гипокористический вариант календарных имён *Алипий*, *Филипп* и т. п.⁹ Кроме того, следует принять во внимание и карел. *Липичча* — производное от *Липти*, которое, в свою очередь, является карельским народным вариантом православного календарного *Филипп*. Фамилию *Лютиков* логичнее с позиций номинации возводить не к наименованию цветка лютик, а к производному от русской

⁷ *Unbegaun B. O. Russian Surnames. Oxford, 1972. P. 183. См. рус. пер.: Унбегаун Б. О. Русские фамилии / пер. с англ.; общ. ред. Б. А. Успенского. М., 1989. С. 146.*

⁸ *Суперанская А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005; Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. СПб., 2010.*

⁹ *Суперанская А. В. Современный словарь личных имён. С. 29, 145, 224.*

основы *лют-* (*лютый, лютовать*) с семантикой ‘злой, яростный’¹⁰, точно так же как фамилия *Сорокин* лишь опосредованно связана с лексемой ‘сорока’ — через её переносное значение ‘болтливый человек, пустоплёт’¹¹. При этом основная часть именованных интерпретирована корректно.

В книге Оути Патронен, таким образом, представлена одна из интересных и важных страниц в истории Финляндии — формирование института фамилий. Он имел свои особенности на востоке страны. Проведённое на обширном материале исследование убедительно доказало, что подавляющее большинство сформировавшегося континуума официальных именованных имело в Приграничной Карелии карельские истоки. Собственно, в значительной степени была воспроизведена, но на новом, официальном уровне, традиционная для территории восточной Финляндии, в том числе и карельского Приладожья, система родовых патронимов и названий домов. Эта «карельскость» была затем во многом разрушена в последующее десятилетие в ходе двух кампаний по смене фамилий. Финнизация же выражалась на языковом уровне в оформлении многих фамилий по восточно-финскому образцу (например, активное использование саволакского форманта *-nen*), в корректировке фонетического облика и сближении его с финским, в отказе от русских формантов *-off* и *-in*. Впрочем, как свидетельствует проведённое исследование, финнизация имела и более широкий, социальный, смысл и маркировала проникновение в достаточно замкнутое крестьянское карельское сообщество модернизационных процессов, включение его в новые общественные отношения и государственный контекст.

Список литературы

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва : Рипол классик, 2006. — Т. IV. Р — Я. — 669 с.

Кузьмин, Д. В. Христианские имена карелов / Д. В. Кузьмин // Вопросы ономастики. — 2016. — Т. 13, № 2. — С. 56—86. — URL: <http://onomastics.ru/content/2016-t-13-%E2%84%962-10>. — (25.11.2017).

Кюришунва, И. А. Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. / И. А. Кюришунва. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2010. — 667 с.

¹⁰ *Кюришунва И. А.* Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. С. 325—326.

¹¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006. Т. IV. Р — Я. С. 275.

Суперанская, А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. — Москва : Айрис-Пресс, 2005. — 375 с.

Федотова, В. П. Фразеологический словарь карельского языка / В. П. Федотова. — Петрозаводск : Карелия, 2000. — 260 с.

Унбегаун, Б. О. Русские фамилии / Б. О. Унбегаун ; пер. с англ. ; общ. ред. Б. А. Успенского. — Москва : Прогресс, 1989. — 443 с.

Kirkinen, H. Keitä karjalaiset ovat? / H. Kirkinen // Nevalainen P., Sihvo H. Karjala: historia, kansa ja kulttuuri. — Helsinki : SKS, 1998. — S. 38—54.

Kuzmin, D. Venäläisperäisten kristillisten etunimien adaptaatiosta karjalan kielessä / D. Kuzmin // Õdagumeresuumlasi nimeq — Läänemeresoomlaste nimed — Names of Finnic people / toimõndanuq J. Sullõv. — Võro : Võro Instituut, 2016. — S. 166—183. — (Võro Instituudi toimõndusõq 30). — URL: <http://wi.ee/wp-content/uploads/2017/06/Vtoim16sisu.pdf>. — (15.11.2017).

Mikkonen, P. «Otti oikean sukunimen»: Vuosina 1850—1921 otettujen sukunimien taustat / P. Mikkonen. — Helsinki : Helsingin yliopisto, 2013. — 451 s. — URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-10-9345-6>. — (16.11.2017).

Paikkala, S. Se tavallinen Virtanen. Suomalaisen sukunimikäytännön modernisoituminen 1850-luvulta vuoteen 1921 / S. Paikkala. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. — 309 s.

Unbegaun, B. O. Russian Surnames / B. O. Unbegaun. — Oxford : Clarendon Press, 1972. — 529 p.

ОСИПОВ Александр Юрьевич / OSIPOV Alexander

Университет Восточной Финляндии / University of Eastern Finland

Финляндия, Йоэнсуу / Finland, Joensuu

alexander.osipov@uef.fi

РЕЦ. НА КН.: The Finnish Civil War 1918: History, Memory, Legacy / ed. T. Tepora, A. Roselius. Leiden: Brill, 2014. 454 p.

REVIEW OF: Tuomas Tepora, Aapo Roselius (eds), *The Finnish Civil War 1918. History, Memory, Legacy* (Leiden: Brill, 2014), 454 p.

Ключевые слова / Keywords: Финляндия, гражданская война / Finland, Civil War.

За последние три года в Финляндии было опубликовано около тридцати монографий, посвящённых гражданской войне 1918 г., не считая научно-популярных и художественных произведений. Эта тема уступает по популярности только Второй мировой войне, оставаясь одной из самых актуальных и востребованных в исторической науке. В последнее время внимание исследователей привлекают недостаточно изученные ранее аспекты гражданской войны: участие в ней женщин, позиция и роль церкви, коллективная память о войне и микроистория. Эти, а также более традиционные проблемы (такие как ход боевых действий, террор, егерское движение) стали предметом исследования коллектива историков, представляющих различные университеты Финляндии. Работа, опубликованная в 2014 г. под редакцией Туомаса Тепоры и Аапо Роселиуса под названием «Финляндская гражданская война 1918 г. История, память, наследие», состоит из трёх тематических блоков: предпосылки и ход военных действий, культурные аспекты и опыт военного времени, а также интерпретации и память. Забегая вперёд, отметим, что названия блоков, не всегда соответствующие содержанию, — пожалуй, единственный серьёзный недостаток исследования.

Определённую трудность для рецензента представляет широта проблем и подходов в книге, что связано с риском значительно превысить традиционный объём текстов подобного рода. Поэтому нам представляется разумным сосредоточить внимание на наиболее интересных современных подходах к изучению гражданской войны в Финляндии, представленных в рецензируемой работе, и дать лишь краткую характеристику некоторых разделов.

Профессор Университета Тампере Пертти Хаапала — автор ряда работ по истории гражданской войны и социальной истории Финляндии¹ — открывает сборник вводной главой, посвящённой предпосылкам военного конфликта. Истоки гражданской

¹ *Haapala P., Hoppu T. Sisällissodan pikkujättiläinen. Helsinki, 2009; Hoppu T., Haapala P. Tampere 1918. Tampere, 2013.*

войны автор видит в социальном неравенстве и нестабильности политических институтов Великого княжества Финляндского, также он анализирует внешние факторы, способствовавшие эскалации конфликта (с. 27—48)².

События накануне гражданской войны, влияние русской революции и расстановка политических сил в Финляндии подробно изложены в разделе, написанном профессором Университета Хельсинки Юхой Силталой. Известный своей работой по психоистории гражданской войны³, Силтала характеризует конфликт как непреднамеренный. Автор подробно разбирает процесс поляризации общества и подготовку к войне сторон, не имевших в своём распоряжении регулярных воинских формирований. Он заключает, что война была как неизбежной, так и непреднамеренной (с. 81—89).

Ход боевых действий во время гражданской войны в Финляндии изучен достаточно хорошо, поэтому автор следующей главы, Марко Тикка, представляет лишь общую картину этих событий, сосредотачивая своё внимание на деятельности полевых судов, системе наказаний и лагерях для военнопленных⁴. Подчёркивая непрофессиональный характер белой и красной армий, хоть и усиленных шведскими и русскими солдатами соответственно, Тикка отмечает минимальные масштабы военных действий, особенно на начальном этапе войны. Поэтому террор, по его мнению, частично компенсировал слабость военной организации, становясь частью стратегии как той, так и другой стороны. В то же время автор замечает — в некотором противоречии с предшествующим утверждением, — что террор был вызван недостаточным контролем в рядах обеих воюющих сторон (с. 117).

Гражданская война в Финляндии имела все характерные признаки, присущие конфликтам этого рода: захват власти одной из сторон, разделение на два противоборствующих лагеря, террор, вмешательство иностранных вооружённых сил. Уникальность ситуации заключалась в попытке экспансии белых на территорию Советской Карелии весной 1918 г. Формально походы финских добровольцев в Карелию и Эстонию в 1918—1922 гг. не являлись частью гражданской войны в стране. Однако идеи Великой Финляндии, как демонстрирует Аапо Роселиус, оказались тесно связаны с ростом национального движения и получили широкую поддержку в стане белых и егерей. Автор рассматривает эти события в русле политики ирредентизма — помощи так называемым родственным народам и заменяет, таким образом, термин «племенные

² Здесь и далее ссылки на соответствующие страницы книги даются прямо в тексте в скобках.

³ *Siltala J. Sisällissodan psykohistoria*. Helsinki, 2009.

⁴ См. также другие работы автора о терроре: *Tikka M., Arponen A. Koston kevät: Lappeenrannan teloitukset 1918*. Porvoo ; Helsinki ; Juva, 1999; *Tikka M. Kenttäoikeudet: välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918*. Helsinki, 2004; *Tikka M. Terrorin aika: Suomen levottomat vuodet 1917—1921*. Helsinki, 2008.

войны», который вновь получил широкое распространение в финской историографии в последнее время (с. 119—120)⁵.

События, описываемые Роселиусом, получили достаточно широкое освещение в финской научной литературе, поэтому довольно странным выглядит акцент, сделанный автором на походах 1918 и 1919 гг., в то время как боевые действия зимы 1921—1922 гг., по масштабам и значению превзошедшие происходившее ранее, упоминаются вскользь. Тем более что описывая эти события, автор ссылается на монографию Си Джей Смита, опубликованную в 1958 г. (с. 148).

Рассмотренные выше главы носят обзорный характер и посвящены традиционным аспектам гражданской войны в Финляндии. В отличие от них работы, вошедшие во второй блок, представляют больший интерес, концентрируясь на малоизученных аспектах, либо же основаны на неопубликованных архивных данных. Так, например, доцент Университета Хельсинки Туомас Тепора, автор монографии «Жить и умереть за тебя»⁶, ставшей в 2011 г. научной книгой года в Финляндии, обращается к темам жертвенности и символизма в период гражданской войны. В центр своего исследования Тепора помещает понятие жертвы, которое стало важным составляющим идеологии как красных, так и белых, но приобрело различные значения в противоборствующих лагерях. Для белых это преимущественно самопожертвование, необходимый элемент свободы, павшие в борьбе за которую становились национальными героями. Для красных же жертва — скорее, инструмент в классовой борьбе, не исключавший, впрочем, и самопожертвования (с. 168—170).

Тепора отмечает, что формирование культа революционных героев для красных в ходе войны происходило через масштабные городские похороны, которые становились центром революционных церемоний, а красные командиры заменяли собой священников. Наиболее талантливые из них замещали интерпретацию Библии на классическое противостояние рабочего класса и капитала. После войны останки некоторых красных героев были перенесены с центральных кладбищ Хельсинки и Тампере и перезахоронены в более отдалённых местах, чтобы помешать превращению могил в объекты культа (с. 172—173).

В отличие от красных белые хоронили павших в соответствии с церковными ритуалами, а организацией процесса занимался, как правило, шюцкор. Впрочем, в

⁵ *Haapanen A.* Suomalaisten heimosotaretket 1918—1922. Helsinki, 2014; *Niinistö J.* Heimosotien historia 1918—1922. Helsinki, 2005; *Осипов А. Ю.* Термин «племенные войны» в финской историографии // Политическая история и историография (от античности до современности) : сб. науч. ст. Петрозаводск, 2007. Вып. IV. С. 144—148.

⁶ *Tepora T.* Sinun puolestas elää ja kuolla: Suomen liput, nationalismi ja veriuhri 1917—1945. Helsinki, 2011.

некоторых случаях, особенно в сельской местности, похороны красных также проводились по церковным обычаям. В целом позиция финской церкви в период гражданской войны была однозначной: священники, хоть и в небольшом количестве, служили на стороне белых, выполняя преимущественно свои непосредственные обязанности (в то время как некоторые вступили в ряды белых добровольцами)⁷. Формат статьи не позволяет Тепоре подробно описать взаимоотношения церкви и государства в период гражданской войны, хотя и уводит автора в сторону от основной тематики (с. 173—178).

Масштабные городские похороны красных героев не обходились без флагов исключительно красного цвета, принадлежавших в том числе и рабочим организациям. Эти флаги ассоциировались у их противников с забастовкой 1905 г. и с Россией, вызывая чувства беспокойства, ненависти и страха. Хотя, как справедливо отмечает Тепора, красный цвет (вместе с жёлтым) преобладал на гербе Финляндии, восходя корнями к эпохе шведского завоевания (с. 169—170). Впрочем, автор умалчивает о том, что в период самой гражданской войны белые также использовали красный флаг со львом, а официальное принятие сине-белых цветов произошло только в конце мая 1918 г. Эти цвета, ставшие также знаменем шюцкора, олицетворяли не только чистоту и невинность, но и являлись символом жертвы финского народа (с. 177).

Участие в гражданской войне женщин стало предметом исследования Тиины Линтунен, защитившей в 2016 г. диссертацию «Пути красных женщин»⁸. Тема женщины на гражданской войне, особенно на стороне красных, стала популярной относительно недавно⁹, что лишний раз подчёркивает актуальность этого периода в истории Финляндии. Финский опыт не был уникальным в европейском контексте: Линтунен ссылается на женские батальоны смерти, существовавшие в России, а также на события гражданской войны в Испании (с. 217—218).

Роли финских женщин в противоборствующих лагерях оказались различными: будучи обычно медсёстрами, поварами, реже контрабандистками, женщины не допускались белыми к боевым действиям (с. 208). В то же время в Красной Гвардии служили около 2000 женщин, не считая вспомогательного персонала (с. 214). Участие женщин в войне стало возможным, по мнению Линтунен, вследствие изменения их

⁷ *Huhta I.* Papit sisällissodassa. Helsinki, 2010. S. 15—16; см. также: *Sisällissota 1918 ja kirkko / toim. I. Huhta.* Helsinki, 2009.

⁸ См. монографию Т. Линтунен, изданную на основе её докторской диссертации: *Lintunen T.* Punaisten naisten tiet. Helsinki, 2017.

⁹ См. также: *Hoppu T.* Tampereen naiskaarti: myytit ja todellisuus. Helsinki, 2008; *Pekkalainen T.* Susinartut ja pikkuimmat: sisällissodan tuntemattomat naiset. Helsinki, 2001; *Lepola L.* Rohkeat punatyöt Tampereella 1918. Nokia, 2013.

социального статуса в Великом княжестве Финляндском в начале XX в. Тяжёлая работа наравне с мужчинами, в том числе и на фабриках, а также получение избирательных прав привели к изменению положения женщины в финском обществе. Красные пошли ещё дальше, сломав гендерный барьер и допустив участие женщин в боевых действиях (с. 204—205).

В конечном итоге это дорого обошлось красным: белые, придерживавшиеся традиционных позиций, нашли предосудительным участие женщин в войне, что отразилось в суровых судебных приговорах. Красные женщины были подвергнуты осуждению не только по решению суда, но и стали важным элементом белой пропаганды: пресса называла их сёстрами свободной любви, русскими невестами, тигрицами и источниками зла (с. 219).

Раздел «Война глазами детей», написанный Марианне Юнила, доцентом из Университета Оулу, очевидно, самый противоречивый в рецензируемой работе. Попытка показать войну глазами детей строится на основе неоднозначного исторического источника — школьных сочинений, написанных в сентябре 1918 г. ученицами лицея города Тампере. Инициатива создания подобных работ шла сверху, однако не все школы откликнулись на неё. Тем не менее в руках Юнила оказалось около 300 работ, которые, как подчёркивает автор, представляют только белую версию войны, не оставляя место для дискуссии (с. 233). Сочинения описывают, как рушился привычный и безопасный мир, каким его знали дети, уступая место страху перед противником и неприязни к нему (с. 236). Отношение к красным было в лучшем случае странным — как к людям, которых ввели в заблуждение, особенно непривычно воспринимались женщины в военной форме (с. 240). Следует отдать должное Юнила за введение в научный оборот новых исторических источников, хотя они и носят чрезвычайно субъективный характер.

Война всегда порождает мифы, и гражданская война в Финляндии не была исключением, создав образ нового финского героя. Доцент Академии Або Андерс Альбек демонстрирует, как егерская история стала основой для классического мифологического повествования о герое, который после странствий среди опасностей в чужих землях в критический момент вернулся домой как триумфатор и принёс с собой трофей, обновивший всё общество (с. 255). История егерского движения в Финляндии, начиная с отправки добровольцев в Германию и участия их в Первой мировой войне,

достаточно хорошо изучена¹⁰, поэтому в центре внимания Альбека находится проблема имиджа, героизация егерей.

Возвращавшиеся из Германии молодые мужчины описывались не как голубоглазые бойскауты, а как закалённые воины, прошедшие трудные испытания. Они воплощали собой военную мужественность, неизвестную до тех пор в Финляндии. После гражданской войны к имиджу победителей-триумфаторов добавился ещё и образ учителей: с одной стороны, строгих последователей прусской дисциплины, а с другой — строителей нового, национального и современного образования (с. 275—278). Впрочем, идеальный образ егерей был подвергнут критике в финской литературе, в частности в произведении Пентти Хаанпяя «Плац и казарма». Да и в действительности, как отмечает Альбек, егеря оказались исключены из рассмотрения некоторых «неудобных тем», в которых они не соответствовали сложившемуся имиджу. Так, например, образ егерей оказался не запятнан белым террором, а «потерявшиеся» егеря (не участвовавшие в гражданской войне после возвращения из Германии), егеря-калеки, душевнобольные и совершившие суицид были преданы забвению (с. 278, 285—287).

Официальная память о гражданской войне в Финляндии занимала важное место в государственной идеологии. Аапо Роселиус в разделе, посвящённом формированию памяти о войне, показывает, насколько важно было для государства выстроить логическую цепочку, где гражданская война была ключевым элементом. Официальная идеология подчёркивала освободительный характер войны, которая также связывалась с сопротивлением русификации в начале XX в. (с. 300). Закреплению официальной позиции способствовали визиты Маннергейма в различные города страны весной 1919 г., где устраивались масштабные реконструкции, парады, собрания, чествования героев (с. 304—307). По подсчётам Роселиуса, в течение пяти послевоенных лет было установлено около 400 надгробных памятников героям войны в различных уголках Финляндии (с. 316).

Заключительные части работы — главы, написанные Тауно Саарелой и Туомасом Тепорой, посвящены проблемам памяти и восприятия войны в стане левых сил. Хотя в действительности речь в этих разделах идёт в большей степени об истории социал-демократической партии Финляндии и рабочих организаций в межвоенный период. Учитывая рост правых сил и настроений в 1920—1930-е гг., а также единственно верную

¹⁰ *Lauerma M.* Kuninkaallinen Preussin Jääkäripataljoona 27: vaiheet ja vaikutus. Helsinki, 1966; *Lackman M.* Suomen vai Saksan puolesta? Jääkäreiden tuntematon historia: jääkäriiliikkeen ja jääkäripataljoona 27:n (1915—1918) synty, luonne, mielialojen vaihteluita ja sisäisiä kriisejä sekä niiden heijastuksia itsenäisen Suomen ensi vuosiin saakka. Helsinki, 2000.

идеологию, принятую в государстве, альтернативным воспоминаниям о гражданской войне не оставалось места.

В работе нет заключения, поэтому последняя глава, принадлежащая перу Тиины Киннунен, профессора Университета Оулу, резюмирует некоторые проблемы. Обращение автора к определению гражданской войны представляется весьма символичным, поскольку единого общепринятого её названия не существует и сейчас. Дополнительная сложность связана с возможностью перевода термина *civil war* на финский язык двумя словами: *kansalaissota* и *sisällissota*. Последнее несколько более нейтрально, чем первое. Подводя итог дискуссии, Киннунен предлагает ещё более нейтральный термин «война 1918 г.» (с. 408), который не имеет никакой политической окраски.

В целом следует признать, что Тепоре и Роселиусу удалось соединить в одном сборнике не только взгляды финских историков разных поколений, но и аккумулировать различные проблемы и подходы к изучению гражданской войны в Финляндии. Сборник не предлагает единого хронологически выверенного изложения событий гражданской войны, а погружает читателя в отдельные сюжеты, рассматривая события и последствия войны с различных сторон. Комментируя подобный подход, стоит отметить, что выборка сюжетов могла быть полнее, в частности, за счёт раскрытия позиции церкви в период войны. Некоторые разделы (например, написанный Линтунен) посвящены в большей степени истории красных, хотя его название не предусматривает подобного акцента. (К слову, обращение к изучению участия в гражданской войне именно женщин на стороне красных отражает современное состояние финской историографии.) Кроме того, компоновка сборника, включающего разделы, которые подготовлены различными авторами, неизбежно приводит к повторам в тексте.

Высказанные замечания, впрочем, не умаляют достоинств работы, адресованной широкому кругу читателей. Ведь тема гражданской войны в Финляндии актуальна не только среди профессиональных историков, но и в популярной культуре. В частности, она находит отражение в литературе, кинематографе и исторических реконструкциях, что лишней раз подчёркивает интерес финнов к этому периоду своей истории, а наступающая столетняя годовщина событий 1918 г., несомненно, поспособствует появлению новых исследований.

Список литературы

- Осипов, А. Ю.* Термин «племенные войны» в финской историографии / А. Ю. Осипов // Политическая история и историография (от античности до современности) : сб. науч. ст. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. — Вып. IV. — С. 144—148.
- Haapala, P.* Sisällissodan pikkujättiläinen / P. Haapala, T. Hoppu. — Helsinki : WSOY, 2009. — 502 s.
- Haapanen, A.* Suomalaisten heimosotaretket 1918—1922 / A. Haapanen. — Helsinki : Minerva, 2014. — 322 s.
- Hoppu, T.* Tampereen naiskaarti: myytit ja todellisuus / T. Hoppu. — Helsinki : Ajatus, 2008. — 272 s.
- Hoppu, T.* Tampere 1918 / T. Hoppu, P. Haapala. — Tampere : Vapriikki, 2013. — 318 s.
- Huhta, I.* Papit sisällissodassa 1918 / I. Huhta. — Helsinki : Kirjapaja, 2010. — 198 s.
- Lackman, M.* Suomen vai Saksan puolesta? Jääkäreiden tuntematon historia: jääkäri liikkeen ja jääkäripataljoona 27:n (1915—1918) synty, luonne, mielialojen vaihteluita ja sisäisiä kriisejä sekä niiden heijastuksia itsenäisen Suomen ensi vuosiin saakka / M. Lackman. — Helsinki : Otava, 2000. — 879 s.
- Lauerma, M.* Kuninkaallinen Preussin Jääkäripataljoona 27 : vaiheet ja vaikutus / M. Laurema. — Helsinki : WSOY, 1966. — 1096 s.
- Lepola, L.* Rohkeat punatyöt Tampereella 1918 / L. Lepola. — Nokia : Maaseudun maisema- ja kulttuuriperinne, 2013. — 239 s.
- Lintunen, T.* Punaisten naisten tiet / T. Lintunen. — Helsinki : Otava, 2017. — 336 s.
- Niinistö, J.* Heimosotien historia 1918—1922 / J. Niinistö. — Helsinki : SKS, 2005. — 307 s.
- Pekkalainen, T.* Susinartut ja pikkuimet: sisällissodan tuntemattomat naiset / T. Pekkalainen. — Helsinki : Tammi, 2001. — 504 s.
- Roselius, A.* Heimoaateen nuoret uhrat: suomalaisten sotilasretkikuntien henkilötappiot Itä-Karjalassa ja Petsamossa 1918—22 / A. Roselius. — Helsinki : Helsingin yliopisto, 2002. — 127 s.
- Roselius, A.* Amatöörien sota: rintamataisteluiden henkilötappiot Suomen sisällissodassa 1918 / A. Roselius. — Helsinki : Valtioneuvoston kanslia, 2006. — 167 s.
- Roselius, A.* Teloittajien jäljillä: valkoisten väkivalta Suomen sisällissodassa / A. Roselius. — Helsinki : Tammi, 2007. — 335 s.
- Siltala, J.* Sisällissodan psykohistoria / J. Siltala. — Helsinki : Otava, 2009. — 621 s.

Sisällissota 1918 ja kirkko / toim. I. Huhta. — Helsinki : Suomen kirkkohistoriallinen seura, 2009. — 308 s.

Tepora, T. Sinun puolestas elää ja kuolla: Suomen liput, nationalismi ja veriuhri 1917—1945 / T. Tepora. — Helsinki : WSOY, 2011. — 480 s.

Tikka, M. Koston kevät: Lappeenrannan teloitukset 1918 / M. Tikka, A. Arponen. — Porvoo ; Helsinki ; Juva : WSOY, 1999. — 428 s.

Tikka, M. Kenttäoikeudet: välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918 / M. Tikka. — Helsinki : SKS, 2004. — 471 s.

Tikka, M. Terrorin aika: Suomen levottomat vuodet 1917—1921 / M. Tikka. — Helsinki : Ajatus, 2008. — 239 s.

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ
КОНФЕРЕНЦИЙ**
**PAPERS OF THE ACADEMIC
CONFERENCES**

**РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СЕМИНАР ИСТОРИКОВ
«1617 / 1917: РУБЕЖИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА»
(ПЕТРОЗАВОДСК, 7—8 СЕНТЯБРЯ 2017 г.)***

**THE RUSSIAN-FINNISH SEMINAR OF HISTORIANS
1617 / 1917: LANDMARKS OF TIME AND SPACE
(PETROZAVODSK, SEPTEMBER 7—8, 2017)**

**СТОЛБОВСКИЙ МИР В ИСТОРИИ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ
TREATY OF STOLBOVO IN THE HISTORY OF RUSSIA AND FINLAND**

СЕЛИН Адриан Александрович / SELIN Adrian

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург / National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
aselin@hse.ru

СТОЛБОВСКИЙ МИР И ВЫХОД ИЗ СМУТЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ
TREATY OF STOLBOVO AND THE END OF THE SMUTA IN THE RUSSIAN
NORTHWEST**

Abstract: The article is focused on the Novgorodians' relations with both the Swedes and Moscow during the turbulent 1610s. It traces Novgorod's way out of the Smuta until the conclusion of the Treaty of Stolbovo in 1617 and the establishment of a new border between Russia and Sweden.

Ключевые слова / Keywords: Россия, Смута, Столбовский договор, 1617 г. / Russia, Smuta, Treaty of Stolbovo, 1617.

Смута, сильнейший политический кризис в Московском царстве начала XVII в., была не локальным, столичным событием, но охватила все города и уезды государства. В каждом крупном городе, в каждом большом районе наскоро сколоченного в XVI столетии и потому довольно некрепкого политического образования московских государей Смута проявлялась со своими особенностями.

Свой путь к Смуте был и у Новгорода Великого. Для этого города, одного из важнейших в Московском царстве, особенности политических битв были предопределены приграничным положением. К рубежу XVII в. вопрос о независимости города уже не стоял. Элиты города в течение более чем столетия московской власти неоднократно сменялись; социальная структура новгородского общества была сродни

* Конференция организована при поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-11-10501 РФФИ, Региональный конкурс «Русский Север: история, современность, перспективы» 2017 – Республика Карелия.

** Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ (ОГОН РФФИ) № 15-01-00205/17-ОГОН «Русско-шведская граница в Ингрии XVII века: историко-географическое исследование».

той, что существовала в других областях Московского государства. Ни о каком воспоминании о «новгородских вольнолюбивых традициях» в указанное время речи быть не может. Но вот близость к Швеции, постоянное присутствие шведских торговцев, гонцов, а иногда и дипломатов высокого уровня, заметный интерес со стороны шведских политиков — всё это накладывало отпечаток на жизнь новгородцев. И в годы Смуты роль Швеции в жизни Новгорода проявилась особенно ярко. Граница со Швецией была для его жителей банальным явлением: шведов хорошо знали, многие простые обыватели, да и наиболее активные крестьяне часто ездили в приграничные районы с торговыми целями; это было вполне легально и не преследовалось, в особенности — после Тявзинского мира 1595 г., нормализовавшего отношения между странами.

Новгород к началу XVII в. был достаточно сложно организованным обществом. В нём проживало несколько тысяч посадских людей — ремесленников, дворников, купцов, просто домовладельцев. Они имели своё самоуправление — пятиконецких старост, выбиравшихся ежегодно; старосты же назначали посадских на разнообразные земские службы-повинности. В городе и во всей огромной Новгородской земле проживали также две или три тысячи семей служилых людей — тех, кого принято называть помещиками. Но эта группа была крайне разнообразной. Будучи потомками людей, которых переселяли в Новгород многими волнами, начиная с 1480-х гг., некоторые из них уже прочно связали свою судьбу с Северо-Западом; другие же стремились вернуться «на Низ», в «московские города». Они преимущественно жили не в городе, а в своих поместьях. В Новгородской земле существовали также «пригороды» — крепости Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Ладога и Корела со своими посадскими людьми. В Новгороде и в малых крепостях, а кроме того, в некоторых монастырях стояли стрелецкие гарнизоны, частью набранные из местных «охочих людей», частью приведённые из центральных районов страны. Около ста—ста двадцати человек служило в административном аппарате.

После заключения Тявзинского мира со Швецией в 1595 г. и произошедшего затем размежевания границ одним из важнейших вопросов политической географии восточной Балтики стал вопрос о коммуникации между шведскими владениями в Ливонии (преимущественно в Эстляндии) и в Финляндии. Сухопутная дорога между указанными территориями вела через северо-западную часть Новгородской земли — через Копорье, Ям и Ивангород, отвоёванные в 1590-х гг. московскими войсками. Открытие и закрытие этого пути для шведских гонцов, торговцев, воинских

контингентов после Тязвинского мира стало во власти московских властей; шведские же политики остро нуждались в прочной коммуникации между ливонскими и финляндскими владениями: шла война между двумя претендентами на шведский престол, Сигизмундом и герцогом Карлом Сёдерманландским (принявшим вскоре имя короля Карла IX). Когда после ослабления центральной власти в 1607—1608 гг. Новгород оказался оторван от Москвы и окружён отрядами сторонников тушинского Самозванца, со стороны шведских политиков стали выдвигаться предложения о военной помощи царю Василию Шуйскому.

Я не буду здесь подробно касаться обстоятельств, в которых Новгород оказался насильем принуждён в конце июля 1611 г. ко временному политическому союзу со Швецией. Распад Московского царства после свержения Василия Шуйского был коллапсом царства, построенного царём Иваном Васильевичем. Опиравшиеся на местные элиты новгородские власти, хотя и были плотью от плоти московских служилых людей, проявляли между тем всё большую и большую самостоятельность. То же происходило и во многих других частях государства.

В 1612 г. Новгород выступил как сторона переговоров во взаимоотношениях с соседями — Псковом, Каргополом, Белозерском, Устюжной. Контакты новгородских властей с воеводами и старостами этих городов — свидетельство своего рода политического «творчества», столь характерного для Смуты XVII в. События в Новгороде в 1611—1612 гг., успешный на первых порах контакт между новгородцами и шведами имели важнейшее значение для жизни других территорий российского Северо-Запада. Политический распад Московского государства после середины лета 1610 г. создал такую ситуацию, когда отдельные города вынуждены были строить особые отношения с соседями. Такие отношения носили сложный характер и серьёзно менялись в ходе развития политической жизни и постепенного утверждения власти правительства Михаила Романова. Летом 1612 г. руководители «Совета всей земли» в Ярославле вполне искренне желали избрания на престол одного из шведских принцев, оставаясь в контакте с новгородским правительством почти до самого избрания Михаила Романова¹.

В декабре 1612 г. король Густав Адольф принял решение отправить младшего брата в Выборг для встречи с новгородскими уполномоченными. Однако было уже поздно — в Москву уже съезжались выборные от «всей земли». Надо сказать, что

¹ Подробнее: *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века: Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 31—242; *Коваленко Г. М.* Кандидат на престол: Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI—XX веков. СПб., 1999. С. 57—68.

их представительство было весьма неполным и новгородцы не имели на соборе своих выборных (как и жители многих других частей государства). Однако сведения о происходившем в Москве быстро попали в Новгород. И шведская администрация, и социально активные слои — дворяне и дети боярские узнали, что на московском соборе с помощью военного насилия (его степень сейчас сложно оценивать) была «продавлена» кандидатура Михаила Романова. Скоро эта весть дошла и до Стокгольма, но формальных сведений о царском избрании в Новгороде не было вплоть до лета 1613 г.

Принц Карл Филипп прибыл в Выборг лишь в июле 1613 г. Ожидая встретить там посланных от всего Московского государства, он увидел в Выборге только новгородцев. Миссия хутынского архимандрита Киприана, тщательно подготовившаяся к переговорам с будущим царём, не смогла, однако, найти точки соприкосновения со шведскими представителями. Карл Филипп шёл властвовать в Москве, в то же время новгородская делегация не поддержала шведских предложений о присоединении к королевству. После переговоров шведский принц 17 января 1614 г. уехал в Швецию.

Только к июлю 1613 г. новое московское правительство стало по-новому выстраивать отношения с новгородцами (и шведской властью). Летом 1613 г., несмотря на поражения под Тихвином и Гдовом, в Новгороде всерьёз готовились к встрече Карла Филиппа. В июле 1613 г. новгородцы отправили в Москву посольство отенского игумена Дионисия с предложением признать царем Карла Филиппа, но оно было задержано московским воеводой князем М. В. Белосельским по дороге, в Торжке.

В те же месяцы шведско-новгородский альянс (заодно со шведами в то время действовали ещё множество новгородцев) потерпел поражение под Тихвинским монастырём. Цепь военных обстоятельств и характер местности привели к захвату сравнительно небольшим отрядом хорошо укрепленного монастыря. Этот отряд, опираясь на поддержку некоторой части новгородцев, смог противостоять войскам Делагарди. Тихвинская победа стала, как пишет Олег Курбатов, первой победой царя Михаила Фёдоровича, а Тихвин на долгое время превратился в базу московских войск на новгородском направлении².

Второй победой, а точнее — второй удачей стал провал похода короля Речи Посполитой Сигизмунда на Москву. В тушинском стане в ноябре 1613 г. к нему приходили смоленские дворяне, сообщавшие о серьёзных ожиданиях в Москве, «лишь бы король дал нам в цари королевича». Победа, казалось, была близка, но король

² Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г.: Первая победа царя Михаила Федоровича. М., 2006.

повернул назад, потеряв под стенами Москвы своих считавшихся надёжными сторонников: в Москву отъехали князь Д. И. Мезецкий и дьяк Иван Грамотин.

Вскоре началось движение на Новгород войска князя Д. Т. Трубецкого. Это означало провал идеи об избрании на российский престол шведского принца, и активно продвигавший её Якоб Делагарди так и не стал «делателем царей». Поход боярина князя Д. Т. Трубецкого на Новгород был хорошо подготовлен идеологически. Ещё в октябре 1613 г. боярин отправил новгородцам послание, объявляя о цели похода. Именно из полевого стана князя Д. Т. Трубецкого в Новгород были посланы официальные сведения об избрании царём Михаила Фёдоровича. Точнее — не об избрании (об избирательном акте после прихода Михаила в столицу предпочитали не вспоминать, указывая чаще в качестве легитимации на его родство с прежней династией), а о том, что он — «на Москве». Новгородцам писали от князя Д. Т. Трубецкого (я позволю себе длинную цитату):

«По государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу от боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да окольного и воеводы князя Данила Ивановича Мезецкого новгородским дворяном и детем боярским и государевых дворцовых сел и чорных волостей приказщиком и крестьяном и всяким людем. По государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу идем мы на его государеву службу на очищение его царские отчины Великого Новагорода и новгородских пригородов от немецких людей со многими великого государя нашего царского величества ратьми всего Московского государства и всех великих государств с Казанскою и с Астраханскою и иных понизовых городов с князи и с мурзы и с татары и з донскими и с волскими и с яицкими и с сибирскими с атаманы и с казаки и с стрельцы со многим огненным боем и многих поморских городов с ратными людьми и мордва и черемиса и з большим огненным нарядом. А ис Торшку, прося у Бога милости, пойдем мы со многими ратьми и с нарядом к Новугороду вскоре, и государевым делом и земским учнем над неметцкими людьми промышляти, сколько милосердный Бог помочи подаст»³.

Новгородцев призывали к тому, чтобы они, «помня Бога и нашу истинную православную веру, от разорителей наших крестьянской веры, от неметцких людей отстали и целовали б есте крест великому государю нашему царю Михайлу Федоровичю всеа Русии и ему, государю, служили и прямили и добра во всем хотели и с его

³ Грамота воеводы князя Д. Т. Трубецкого новгородцам, извещающем о его походе на Новгород. Список. 1613 г., октября (?): Государственный архив Швеции, Стокгольм — Riksarkivet (далее — RA). Militaria. 1287: 13

государевыми ратными людьми над неметцкими людьми и над изменники, которые государю не служат, соопча заодно вместе промышляли, сколько милосердный Бог помочи подаст»⁴.

Взамен новгородцам обещалось полное прощение и освобождение от насилий со стороны казаков и всего двигавшегося к Новгороду войска.

Идеологические памятники, возникшие после Смуты, утверждают, что в новгородцах в это время царило «единачество», характерное для умонастроений и в других городах во время Смуты. Все они стремились якобы для виду сохранять верность прежней присяге Карлу Филиппу, в душе надеясь на скорое возвращение под власть Москвы. Однако документы показывают, что такого «единачества» среди новгородцев не было. Безоговорочной поддержки у Михаила Фёдоровича в Новгороде не было. У части новгородской элиты в те годы преобладали раздумья и сомнения; говорить о всеобщем страдании от чинимого шведами насилия или о всеобщем прагматизме (хотя, вероятно, и то и другое в новгородской жизни того времени присутствовало), по всей видимости, не приходится.

Однако удача Трубецкому не сопутствовала. Военной победы его войску достичь не удалось. Пришедшие из-под Тихвина казаки не смогли удержать блокаду Ладоги зимой 1613—1614 гг. и ушли. В июне—июле полковник Самюэль Коброн нанёс два поражения русским на Мсте. К 14 июля 1614 г. войско Трубецкого было отбито от Новгорода. Среди захваченных шведами пленных было много новгородцев, ранее бежавших в московские полки. Но тогда же, 14 июля 1614 г., большая группа новгородской элиты сумела покинуть объединённое новгородско-шведское войско и тоже вскоре оказалась на московской службе.

Осенью 1614 г. в шведские власти потребовали от новгородцев принести присягу королю Густаву Адольфу. Это вызвало резкое отторжение у значительной части новгородцев: с одной стороны, набирала популярность вроде бы укреплявшаяся в Москве власть Михаила Романова, с другой — требовалось отказаться от общей с Москвой судьбы, к чему значительная часть новгородцев не была готова. Эверт Горн, который сменил убитого в отпуск Якоба Делагарди, договорился об отсрочке принесения присяги до Пасхи. После этого было принято решение послать в Москву новую миссию. Посольство выполняло как явную (нормализация отношений с Москвой), так и тайную (установление контактов новгородской элиты с новым московским правительством) функцию. Посольство архимандрита Киприана в Москву

⁴ Там же.

в 1615 г. — один из самых важных этапов на пути замирения Московского государства и Швеции. Ожесточение предшествующего года было снято и путь к переговорам открыт.

С октября 1615 г. Москва и Швеция активно стремились к миру. Первые переговоры в Дедерине между Осташковом и Старой Руссой привели к размену пленными и временному перемирию (на три месяца, фактически военные действия не возобновлялись), окончательные переговоры о мире было намечено провести на полпути между Ладогой и Тихвином. Их назначили на конец лета 1616 г. Переговоры на Песках, а позднее — в Столбове, с московской стороны возглавили окольный князь Д. И. Мезецкий и дворянин Алексей Зюзин, со шведской — Якоб Делагарди. Делагарди, встречавшийся с князем Мезецким в канун Клушинской битвы, сперва полностью отверг его кандидатуру, ожидая в качестве партнеров по переговорам бояр Ф. И. Шереметева или князя И. С. Куракина, но был вынужден согласиться в конце концов на Мезецкого. Примерно так же московские послы поначалу отказывались от кандидатуры Делагарди, ожидая в качестве послов риксканцлера Акселя Оксеншерну или Хенрика Флеминга.

Говоря о переговорах в Дедерине, обратим внимание на повальное бегство из шведского стана в московский лагерь новгородцев, а также шведских и финских солдат. Среди бежавших был швед-переводчик Арн Бук. Единственное движение в обратном направлении — бегство в лагерь шведских переговорщиков новгородца Михаила Афанасьевича Клементьева, свойственника посольского дьяка Петра Третьякова⁵. Качество информации у Москвы было гораздо выше, чем в шведском лагере; в то же время источником этой информации были аккумулируемые разными способами слухи.

В то же время в конце 1615 г. началось насильственное приведение новгородцев к присяге королю Густаву Адольфу, отказывавшиеся же присягнуть облагались чрезвычайными денежными поборами. Борьба шла уже не за Новгород, который, как было очевидно, возвращался под власть Москвы, но за души новгородцев. В ноябре 1616 г. Делагарди послал в Новгород торговых людей «Богдашка Шорина да Сенку Игумнова да Тимоху Хахина, а велел им новгородских всяких людей вызывать

⁵ Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева: (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // Новгородский исторический сборник. СПб., 1992. Вып. 4 (14). С. 128—131.

на королевское имя, а иных правежем неволить и приводить на королевское имя к кресту, а сами они хотят жить за королем в Ругодиве»⁶.

Переговоры начались с большим опозданием, в ноябре 1616 г., при посредничестве английского представителя Джона Меррика. Спор шел о том, какую часть территории следует передать Московскому государству и какая компенсация должна быть получена Швецией. Обе стороны активно стремились к скорейшему окончанию противостояния, и вскоре компромисс был найден. В Московское царство возвращались Новгород, Порхов, Старая Русса и Ладога; Швеция удерживала за собой Корелу (по Выборгскому договору 1609 г.) и в придачу — Ивангород, Ям, Копорье и Орешек (Нотебург) с уездами. Новгородским дворянам и жителям городов разрешалось выбрать себе место жительства (в течение двух недель), крестьянскому населению покидать свои деревни воспрещалось. Москва выплачивала Швеции изрядную контрибуцию, средства на которую были получены частично от Англии, заинтересованной в мирных отношениях в данной части Европы. Надо сказать, что Столбовский мир — это одно из соглашений, в значительной степени определившее английскую политику на Востоке. Если оценивать миссию Меррика в целом, то надо признать: несмотря на то, что ему удалось переиграть представителей Нидерландов на переговорах (это было связано, вероятно, с малой компетентностью посланных в 1615 г. в качестве посредников нидерландцев), ему не удалось вытеснить Соединённые Провинции не только с московского рынка, но даже из Новгорода. Фактически сразу же после возвращения Новгорода под власть Москвы голландец Геррит фан дер Гейден получил привилегию на хлебную торговлю⁷.

К концу 1616 г. численность новгородцев заметно сократилась. Более полутысячи служилых людей бежало в московские станы. Часть служилых людей — дворян, детей боярских и подьячих присягнула королю. Князь Иван Никитич Одоевский умер, его сын князь Иван Иванович застрелился из ружья. Не присягнувшие Густаву Адольфу новгородцы были обложены чрезвычайными платежами. При этом все знали, что нужно выжидать: в Столбове начали готовиться последние решения. 4 января князь Д. И. Мезецкий с товарищами отправили в Новгород грамоту, в которой сообщали, что предварительные соглашения со шведами достигнуты и остаётся

⁶ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого в Посольский приказ об известиях от Солового Протасьева из Ладоги. 1616 г., после 9 декабря: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 10. Л. 137—140.

⁷ Кордт В. А. Очерк сношений Московского государства с Республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1902. Т. 116. С. CLXXX. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004230282#?page=1> (19.12.2017).

договориться только о размере контрибуции и о принадлежности приграничных городов и погостов. В частности, послы писали, обращаясь к новгородскому митрополиту Исидору:

«И тебе б, великому господину, ноугородцом всяким людем говорити, чтоб они на конце своего многолетнего терпения и скорбей короткими днями не потребили, и были на нашу царскую милость надежны. А как всеильного Бога десница очистит великому государю нашему Великой Новгород и иные города, и милостивой и праведной истинный благочестивый государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец вас всех, которые в неметцких податех оскудели пожалует, велит им в податех и в торговой пошлине дати лготы не на малые годы. И которые люди к неметцким людем приставали, и в том себе опасуютца от царского величества опалы, и оне бы безо всякого опасенья обратилися к царскому величеству, а от неметцких людеи отстали и, ничего не остерегаясь и никокова прещения не боясь, были на государскую милость надежны, ничто им то помяновенно не будет, все то будет покрыто царской милостью, и укорять их ничем не велети и велети им житии в любви, а никому никого не обидети и насильства не чинить, а от насильства и утеснения чтоб они на королевское имя не приставали и никуды из Великого Нова города не выходили и жен и детей не высылали и свейскому королю крест не целовали и православные крестьянские веры не отбыли»⁸.

Таким образом, засчитывались все службы, и провозглашался отказ от репрессий. Новгородцы слышали призыв послов. 20 января они отправили из Новгорода, также тайным образом, свою грамоту. В ней, в частности, они умоляли послов ускорить заключение договора, ссылаясь на то, что шведская администрация усиливает давление на них, вымогая последние средства. Вот так они описывали насилие:

«Да грех ради наших дело у вас продлилося, и стало не так, как нам вы приказывали и писали. И все люди истощали и на правежу насмерть побиты, и друг другу помочи не могут, все издалека, которые и нарочитые людцы были, а от прежних всяких податей и от салдатцких денег ништо не убыло, и пришли люди в отчаяние, дати стало нечево, а на правеже муки не перетерпеть. И пошли на их немецкую половину всяких чинов люди и попы и торговые ремесленные люди, прибралося уж болши ста человек, которые были и страдные людцы: Ивантей Сергиев, Офоня Лесовик, Степанко Соболев и прочие таковые не истерпя мучения на правежи бьют челом немцом, а иных силно емлют и тотарских жон везут, которые к государю отъехали, и посадского тяглою

⁸ Окончание статейного списка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. 1617 г., января и февраля: РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 3. Л. 41—43.

человека изневолили Ивана Воскобойникова Вязмитина: был в тягле з денги, и Ирик на нем велел правит из гроша сто сорок рублей [приписано сверху: по Томилину наученью], и не истерпя, дал челобитную им, а после тог нам бил челом и челобитную за своею рукою подал, чтоб нам его не выдати, утесня деи надо мной так зделали, а не моим хотеньем. А генваря, господа, в 17 день толмач Ирик Андреев подьячево Григорья Собакина ввечеру взял и держал ево у себя за приставы, и тот вечер перед боярином Карлом Карлусовичем ево ставил, и спрашивал ево: для деи чево ты не готовился ехать и жены соей и детей не отпускаешь в Копорью, а нам деи о том прямо ведомо учинилося, чт ты ехать к нам не хочешь. И он прошал до Монше сроку, и они ему отказали. И на другой ставке перед боярином Ирик ево ставил, бив у себя в хоромах перед Баженом толмачем и ссечь его хотел и накрепко перед боярином допрашивал, едешь ли или нет. И Григорей отказал: не еду деи, потому что по милости Божией меж государей доброе дело мроное постановление учинилося, и о том де писано от третьево князь Ивана Ульяновича к митрополиту и ко всему Священному собору и ко всяким людям, и в договоре крепком у послов то есть: которые русские люди не похотят, и их всяких людей силно не вывозить и жен и детей и животов не грабити и насилства никакова не чинити. И я де ныне государю королю и бояром о том бью челом, чтоб де мне, Грише, пожаловали, дали поволность ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии самодержцу по своей природе. А государь король, будучи подо Псковом, говорил, что он никово силно не держит, и на чем ныне доброе дело свершилося. И боярин Карло ему отказал: нам де тебя не отдаввати [так!] от себя. И в ночи к девятому на десять числу, утесня ево всякими мерами, и взяв ево, Ирик ис Каменного города к нему на двор, и живота его досмотря, з боярским дворецким да з Баженом толмачом да с Томилкою с Присталцовым, и ево велели з женоб и детми пометати в сани и отпустить в Копорью тотчас. Или крест целуй королю и живот твой там тебе отдадут, как ты съедешь к нам. И он деи сказал: век де свой невольное крестное целованье не живет. И в 19 число из утра изневолили его крест себе целовать толмачи Ирик и Бажен втайне, без русских людей. И привед его к крестному целованью того дни после стола ко мне, митрополиту, на собор приехал Карло об нем говорити, что он крест целовал бутто волею. А Григорей нам бил челом, чтоб нам за нево стать, да мочи, господа, нашей нет»⁹.

⁹ Цит. по: *Замятин Г. А.* Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года // *Новгородский исторический сборник*. Великий Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 368—372.

27 февраля 1617 г. был подписан мир, и послы из Столбова двинулись к Новгороду принимать его «под царскую руку». На Торговой стороне их встречали митрополит Исидор с оставшимися немногочисленными новгородцами. До последнего момента в российском посольском стане сохранялось опасение, что Карл Карлссон Юлленбельм, который должен был передать ключи от кремля, взорвёт «город»¹⁰. Однако шведы ушли, следуя договоренностям. Дьяк Пятой Григорьев, долгие годы возглавлявший новгородский Дворец, представил полный отчет о том, сколько он отдал «его королевско величества кормовщику Ондрею Мунку на немецкие и на русские ратные люди в роздачу сто девятого на десять году июля с шестого на десять числа сентября по первое число сто двадесеть четвертого году». Эта расписка, сохранившаяся в Государственном архиве Швеции, была дана 10 марта 1617 г.¹¹ Начиная процесс приведения к присяге новому царю в Новгороде и Новгородской земле, размежевания новой границы. Обозначились новые политические реалии, уже мирных и долгое время союзных отношений со Швецией.

После заключения мира требовалось провести новую границу между государствами. Она должна была отделить отходившие к Швеции уезды Яма, Копорья, Орешка / Нотеборга от Новгородского и Ладожского уездов, которые сохранялись в составе Московского государства. Во время переговоров сторону условились начать размежевание 1 июня (привязывались к окончанию половодья), но однако вскоре поняли, что подготовительную работу провести к этому сроку не успеть. Решено было встретиться на предполагаемой будущей границе 1 сентября 1617 г. Местом встречи выбрали устье реки Лавы (Лавуи) — там, где она впадала в Ладожское озеро.

Две комиссии — московская во главе с Семёном Жеребцовым и шведская во главе с Йоахимом Берндесом — встретились только в конце октября. Межевание шло непросто. Линия границы устанавливалась, на основании показаний местных жителей, которым отдавалось предпочтение перед документами. Спор возник сразу же: выяснилось, что в Столбове договорились, как разделить землю, но не поделили Ладожское озеро — и начались пререкания, кому должны отойти два пустынных островка Зеленца, неподалеку от устья Лавуи. За осень—зиму 1617—1618 гг. вся будущая межа была пройдена. Московским послам удалось в обход договора примежевать небольшую болотистую местность — район современных деревень Сорчкино, Луги, Пелково в Лужском районе. Границу проводили в условиях военной

¹⁰ Окончание статейного списка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. 1617 г., января и февраля: РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 3. Л. 375—378.

¹¹ Провиантская книга. 1615—1617 гг.: RA. Militaria. 1287: 36.

опасности — неоднократно, услышав о приближении литовского войска, обе комиссии отходили под защиту укреплений. Наконец, 29 марта 1618 г. межевая запись была подписана, в местечке Осиновая Горка — там, где Ивангородская дорога, соединявшая Новгород с Ивангородом, пересекала новую границу.

Вдоль линии границы были установлены межевые ориентиры, обозначавшие новые пределы государств. Это были «границы» на приметных деревьях, ямы, а также камни, на которые наносились специальные знаки. Московская сторона ставила шестиконечный крест, шведская высекала три короны (часто вместо трёх выбивалась одна корона). Границу можно было перейти, но все в округе знали, что нелегальный переход — преступление, и местные власти обязывались возвращать всех тех, кто нарушал новую пограничную черту. Новгород и шведская Нарва стали центрами местных пограничных администраций, новгородские воеводы и нарвские губернаторы должны были регулировать пограничные вопросы.

Что же можно считать основным итогом Столбовского мира? В современном дискурсе памяти крайне часто делается упор на территориальные потери, которые понесло Московское государство. Этот дискурс появился ещё в первые годы после заключения мира, в речах Густава Адольфа на риксдаге 1617 г. (неслучайно уже в 1617 г. сокращённый текст договора был издан в Гамбурге). В то же время в опубликованной более полувека назад монографии И. П. Шаскольского было показано, что экономические статьи Столбовского мирного трактата не ухудшали, а скорее развивали и регламентировали условия Тязвинского мира, на который они опирались¹² (другой вопрос заключается в том, насколько после победоносной для Москвы войны 1590—1593 г. Тязвинский мир был экономически выгоден ей).

Думаю, что территориальные потери — не главный итог Столбовского договора, бывшего важным шагом на пути Московского государства из Смуты. Главное, на мой взгляд — консервативный поворот, приведший к отказу от субъектности регионов и от широкого диалога общества с властью. Однако этот зародившийся в Смуту импульс — от казуса 1605 г. (царствование Дмитрия Самозванца) до проектов 1610-х гг. — не угас окончательно в московской политической культуре, но латентно в ней присутствовал, чтобы неожиданно проявить себя на следующей точке перехода, которая была одновременно излётом московской старинной политической культуры — в политическом творчестве начала 1730 г.

¹² Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые сношения России с Шведским государством. М.; Л., 1964. С. 212.

Список литературы

Замятин, Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века: Очерки политической и военной истории / Г. А. Замятин. — Санкт-Петербург : Издательство «Европейский Дом», 2008. — 494 с.

Коваленко, Г. М. Сообщение М. Клементьева: (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) / Г. М. Коваленко // Новгородский исторический сборник. — Санкт-Петербург, 1992. — Вып. 4 (14). — С. 128—131.

Коваленко, Г. М. Кандидат на престол : Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI—XX веков / Г. М. Коваленко. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1999. — 207 с.

Кордт, В. А. Очерк сношений Московского государства с Республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год / В. А. Кордт // Сборник Русского исторического общества. — Санкт-Петербург, 1902. — Т. 116. — С. III—CCCXLVII. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004230282#?page=1>. — (19.12.2017)

Курбатов, О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. : Первая победа царя Михаила Фёдоровича / О. А. Курбатов. — Москва : Цейхгауз, 2006. — 50 с.

Шаскольский, И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые сношения России с Шведским государством / И. П. Шаскольский. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — 215 с.

KATAJALA Kimmo / КАТАЯЛА Киммо

University of Eastern Finland / Университет Восточной Финляндии

Finland, Joensuu / Финляндия, Йоэнсуу

kimmo.katajala@uef.fi

LINE, ZONE OR SIEVE? CONCEPTUALIZING THE 1617 RUSSO-SWEDISH BORDER

ЛИНИЯ, ЗОНА ИЛИ РЕШЕТО? КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКО-ШВЕДСКОЙ ГРАНИЦЫ 1617 г.

Аннотация: Проанализировано употребление использовавшихся для указания на российско-шведскую границу 1617 г. шведских слов *gräns* и *rå*: во-первых, в тексте Столбовского договора; во-вторых, в описании границы, составленном шведскими комиссарами в 1621 г.; в-третьих, в протоколах сессий местных судов на территории Кексгольмского лена. Показано, что слово *rå* в XVII в. часто обозначало сам пограничный знак, тогда как *gräns* имело более абстрактное значение и указывало либо на (линейную) границу между двумя государствами в относительно абстрактном смысле (прежде всего в официальных документах), либо на пограничную территорию (в сохранившихся судебных протоколах). В практическом смысле, однако, эта граница— *gräns* была вполне проницаема.

Keywords / Ключевые слова: Sweden, Russia, Treaty of Stolbovo, Province of Kexholm, 17th century, border, concepts / Швеция, Россия, Столбовский договор, Кексгольмский лен, XVII в., граница, концепты.

The Russo-Swedish border moved several times during the early modern period (i. e. from the 16th to the end of the 18th century). The most important new border demarcations took place after the treaties of 1595, 1617, 1721, 1743 and finally after the Treaty of Hamina (Swedish *Fredrikshamn*, Russian *Фридрихсгам*) in 1809, when the territory of Finland was separated from Sweden and annexed to the Russian Empire as an autonomous Grand Duchy. The border defined after the treaty of 1617 (known as the Treaty of Stolbovo, named after the small village in Ingria where it was confirmed) has been especially important for Finns. The border came to separate the autonomous Grand Duchy and the Russian Empire in the 19th century, and it was the border between the independent Republic of Finland and the Soviet Union in the 1920s and 1930s.

In recent decades, there has been a lively discussion about the nature of medieval and early modern borders. Expressed in brief, the main question in the debate has been whether the early modern borders were linear in nature, enclosing defined territorial states inside their limits, or if, in many cases, they were zone-like ill-defined borderlands of rather shapeless realms. Perhaps close reading of early modern peace treaties, border descriptions and sources describing how the border was understood in practice can shed some light on this problem. This article is focused on the nature of the 1617 border. In that treaty, Russia ceded the

provinces of Kexholm and Ingria to Sweden, and they remained under Swedish rule up until the Great Northern War 1700—1721, when the border was moved again.

From border markers to the linear border

Like the nature of the borders themselves, the concepts and terms used to describe them have changed over the centuries in most languages. I have presented these terminological and characteristic changes in my previous study about the evolution of European borders from antiquity to the early modern period.¹ In brief, I concluded that while the evolution of borders from the middle ages has not been straightforward, some generalizations can be made. In many instances, the borders between medieval realms could be well defined and linear but in many other cases, especially in regions remote from the centres, borders were often zone-like frontiers. A major change occurred in the 16th century when the linear border between early modern realms emerged as a part of the state-building process. At the beginning of the 17th century, the idea and concept of the demarcating borderline between states was quite fully developed, which also becomes visible in the change in cartographic presentations of the era.² These developments can often be traced through the change in border concepts used, as well.

Alexander Tolstikov has started to focus his research on the changing conceptualization and reality of the border between the Swedish and Russian Empires.³ He has paid particular attention to medieval and 16th-century border concepts. I agree with his observation that the principal shifts in the use of border concepts occurred in the 16th century. This fits well with the results of my study about the development of border mapping: the line representing the course of the linear border in terrain appears on cartographic presentations in the latter half of the 16th century. This is linked to the development of measuring methods (triangulation, especially) and birth of the idea of the modern territorial state. The lines drawn on maps predating the 1550s were most often abstract presentations of the divisions between the realms, but it was impossible to use them to trace the exact course of the border in terrain. The first maps with a reasonable degree of accuracy in presenting the course of the Russo-Swedish border date from the first decades of the 17th century.⁴ Therefore, Tolstikov focuses mainly

¹ See Kimmo Katajala, 'Drawing Borders or Dividing Lands? The Peace Treaty of 1323 between Sweden and Novgorod in a European Context', *Scandinavian Journal of History* 37: 1 (2012).

² Kimmo Katajala, 'Maps, Borders and State-Building', Marko Lamberg, Marko Hakanen & Janne Haikari (eds), *Physical and Cultural Space in Pre-industrial Europe. Methodological Approaches to Spatiality* (Lund: Nordic Academic Press, 2011), 58—91.

³ Alexander Tolstikov, 'From Mezha and Rån to Rubezh and Gränsen: Conceptualizing the Russo-Swedish Border in the Late Middle Ages and Early Modern Period' *Revue d'Histoire Nordique — Nordic Historical Review* 19 (2015): 31—55.

⁴ Kimmo Katajala, 'Maps, Borders and State-Building', 78—83.

on the preceding centuries. My aim here is to raise some new aspects of how the Russo-Swedish border was conceptualized and understood in the 17th century.

Analysis of the source material inevitably requires a short introduction to the problems of present and past border concepts. There is a fundamental disparity in the English-language use of the terms “borders”, “frontiers” and “boundaries”. In British English, “frontier” refers to international political barriers, a line separating two countries. In American English, “frontier” has a specific meaning of the extreme limit of settled land beyond which lies wilderness. A “boundary” in British English is a line which marks the limits of an area below the state level but in American English, it means an international borderline. However, the academic use of these terms does not follow either of these principles: “borders” are set between states, “boundaries” lie between the administrative areas below the state level and the term “frontier” refers to a zone-like border region.⁵ In this presentation, I follow the latter usage of the terms.

According to Alexander Tolstikov, the introduction of the concept of *gräns* in the 16th century meant, “that the concept of frontier became noticeable in the case of Russo-Swedish border only in the beginning of the sixteenth century.”⁶ The term *gräns* was primarily associated with abstract division between the two realms. This division was understood, according to Tolstikov, not only as a line, but also as a zone-like borderland (*gränsområde*), or frontier. The medieval term for borders, *rå*, “continued to mean a specific borderline but not in an abstract sense”. According to Tolstikov “the new aspects seem to have been exactly (1) the ‘zoneness’ and (2) securing that meaning of an abstract border(line).”⁷ In this presentation, I will analyse the use and content of the concepts of *gräns* and *rå* through the peace treaty of 1617, the border description made by the Swedish border commissaries in 1621 and the local court rolls of the 17th-century province of Kexholm.

The source material and previous research

The medieval and early modern Russo-Swedish peace treaties and descriptions of defined borders have been published in several document collections. For this presentation, I have used the texts published in the journal *Suomi, tidskrift i fosterländska ämnen 1842*. The publisher used the original treaty text and the description of the border commissaries from the Swedish National Archives and compared it with a copy of the Russian original text from the

⁵ Malcolm Anderson, *Frontiers, Territory and State Formation in the Modern World* (Cambridge: Polity Press, 1996), 9; Daniel Power, “Frontiers: Terms, Concepts and the Historians of Medieval and Early Modern Europe”, Daniel Powers & Naomi Standen (eds), *Frontiers in Question. Eurasian Borderlands 700–1700* (London: Macmillan Press, 1999), 2–3; J. R. V. Prescott, *Political Frontiers and Boundaries* (London etc.: Allen & Unwin, 1987), 9.

⁶ Alexander Tolstikov, “From Mezha and Rån to Rubezh and Gränsen”, 54.

⁷ Ibid.

Archive of Foreign Affairs in Moscow. Therefore, the publication can be seen as reliable and faithful to the original text. This is most important when studying the concepts used in times gone by.

In the 1950s, the National Archives of Finland started to record the court cases in the protocols of the 17th-century local courts. The records were made in card registers, based on a long list of entries or key words. During the 1980s, it became clear that this work was proceeding very slowly and the economic depression of the early 1990s put an end to it. In the 2010s the part of the record that had been finished was transferred from the cards to digital format. One of the key words is “state border” (*valtakunnan raja*) and, luckily, the province of Kexholm, at the Russo-Swedish border, is included in the finished records. According to the digital record, there were about 100 court cases where the concept of state border was mentioned. The study of the court cases showed, however, that this was not always the case. For example, in many cases there was only a mention that a person had moved, travelled or escaped to the “Russian side” (*till Ryska sidan*). Therefore, the main corpus of mentioning the state border as a concept covers only about 50 cases between the years 1641 and 1700.

When using historical source material for conceptual history, we must always ask who “speaks” in the documents we are studying. In most cases, the court judge or his Swedish-speaking secretary wrote the court rolls. In many instances, the court roll describes the testimony of a local peasant. However, the peasant’s words are interpreted and translated into Swedish. Therefore, the concepts used in the court rolls are the conceptions of the establishment. Very seldom were the words of Finnish-speaking peasants written in Finnish — as it was spoken — on the court roll. Because of this process of interpretation, we can barely trace the concepts used by borderland peasants to describe the border. Keeping this critical view in mind, we can try to find some hints of the local understanding of the 1617 border. Nevertheless, in most cases we can see how the local establishment thought about the border concepts used.

The descriptions which the local court rolls serve about the life on the borderland are quite well-known to Finnish historical research. As early as the beginning of the 1960s, Erkki Kuujo wrote a book about life in “Border Karelia” in the 17th century.⁸ In it, he describes many of the most important and informative court cases about life in the borderland. Jukka Kokkonen’s doctoral dissertation analysed the cross-border contacts of settlers in the Karelian borderland in the latter half of the 17th century.⁹ Kokkonen has also published about the early

⁸ Erkki Kuujo, *Raja-Karjala Ruotsinvalian aikana* (Joensuu : Karjalaisen kulttuurin edistämisseätiö, 1963).

⁹ Jukka Kokkonen, *Rajaseutu liikkeesä. kaimuun ja Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650–1712)* (Helsinki: Hakapaino Oy, 2002).

modern Russo–Swedish border issue in some international journals.¹⁰ My own book about life in the Karelian borderland is devoted mostly to describing the nature of what is known as the conglomerate state and governing the borderlands of the Swedish realm in the 17th century.¹¹ The most detailed description about the work of the commissaries defining the border of 1617 is still Arvi Korhonen’s 1938 monograph.¹² In his detailed work, Korhonen used sources from Swedish and Russian archives.

Concepts in the treaty of 1617 and border letter of 1621

Firstly, I shall analyse the use of border concepts in the 1617 peace treaty between Russia and Sweden, which was made in the village of Stolbovo in Ingria.¹³ With only one important exception (which will be presented below), the peace treaty consistently uses the concept *gräns* (in the forms *Grentze*, *Grentzer*, *Gräntze*, *Gräntzer*, *Gräntzen*) to describe the planned border between the two states. The concept *gräns* is used in the peace treaty agreement in the following contexts: the King of Sweden was to give back to the Tsar of Russia the captured fortresses, towns and villages with all their belongings and old borders (*gamble Grentzer*);¹⁴ the boyars, their children and the burghers were to be allowed to move from the areas ceded to the Swedish realm to the Russian side if they arrived at the nearest borders within fourteen days (*nästa Gräntzer beledsaga skole*);¹⁵ all war prisoners were to be set free at the border (*vidh Gräntzen*) but those prisoners who resided so far away that they could not immediately come to the border (*til Gräntzen*) were to be taken to the border (*til Gräntzen*) on 1 July 1617 at the latest;¹⁶ the bailiffs in the border fortresses (*på Gräntze Befästningar*) on both sides were to hunt criminals and forest bandits;¹⁷ in the event of local disputes, the bailiffs of the nearest border fortresses (*näste Gräntze befästningar*) were to meet “up on the border” (*uppå Gräntzen*), mediate and settle the conflict;¹⁸ the legates of the rulers were to be equipped with a convoy at the border (*vidh Gräntzen*) to ensure their safe passage to Moscow

¹⁰ See for example Jukka Kokkonen, “Überlokale Kontaktflächen der Grenze. Die nördlichen Grenzgebiete zwischen dem schwedischen Reich und dem Grossfürstentum Moskau im 17. Jahrhundert” *Kirchliche Zeitgeschichte, Internationale Zeitschrift für Theologie und Geschichtswissenschaft. Thema: Grenzen als Barrieren – Grenzregionen als Chancen*, 23. Jahrgang, Heft 1 (2010); Jukka Kokkonen, “Searching back the old border. The border between Russia and Sweden in the early modern period” *Trudi Karelskovo nauksnovu tsentra RAN* 6 (2011): 66–71.

¹¹ Kimmo Katajala, *Suurvallan rajalla. Ihmisiä Ruotsin ajan Karjalassa* (Helsinki: SKS, 2005).

¹² Arvi Korhonen, *Suomen itärajan syntyhistoriaa* (Porvoo—Helsinki: WSOY, 1938).

¹³ The analysis is based on the text of the 1617 treaty published in *Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen*, 5. heftet (Helsingfors, 1842): 34–68. The publication compares the Swedish and Russian versions of the treaty.

¹⁴ “Fredz fördragh Emillan Sverige och Ryssland, oprättadh i Stolbowa then 27 Februarii årh 1617”, *Suomi*, 5. heftet (1842), 41 (article 2).

¹⁵ *Ibid.*, 47 (article 5).

¹⁶ *Ibid.*, 55–56 (article 18).

¹⁷ *Ibid.*, 56–57 (article 21).

¹⁸ *Ibid.*, 57 (article 22).

and back to the border again (*til Gräntzen igen*);¹⁹ and finally, both parties were to send their legates to meet at the border (*vidh Gräntzen*) to mark a separation in the middle with a border (*mitt oppå rätte Gräntze skillnaden*).²⁰ At the end of the treaty, these legates of the parties are called border commissaries (*Gräntze Commissarier*).²¹

What can we learn from this? At first, everything seems to point to the fact that the concept *gräns* refers to an exactly defined linear borderline. However, a closer look can raise some objections. When the Swedish king promises to return the conquered fortresses, towns and villages to the tsar, the Swedish variant of the treaty chooses the expression “with all their belongings and old borders.” It can be thought that the “old borders” are equated with the expression “all belongings” and therefore it could be interpreted as a zonal frontier or belonging to one of the parties. However, the Russian variant uses the expression “after the old borders” which refers to a linear border concept.²² In both cases, the word “border” is used in its plural form.

The plural is in use as well in the article regulating the right to move to the Russian side, if one only comes within fourteen days to the “nearest borders”. Therefore, the border of the realm was understood as series of borders: the border between the province of Kexholm and Russia was one border, the border of Ingria and Russia another. Another case which gives reason to suspect that the term *gräns* meant frontier is that of the border fortresses (*Gräntze Befästningar*) mentioned in the treaty. In the medieval border system, the demarcation between realms could be strictly defined and marked in terrain, but in practice the land between the border fortresses functioned as the border.²³ However, there is nothing confirming that this reasoning had continued up to the 17th century. Expressions such as “at the border” (*vidh Gräntzen*), “to the border” (*til Gräntzen*) and especially to “make a separation in the middle with a border” (*mitt oppå rätte Gräntze skillnaden*) clearly refer to a dividing borderline.

Then, we come to the above-mentioned exception to the rule that *gräns* (*Grenze / Gränze*) was used to mean the border of the realm. Alexander Tolstikov has noted that the medieval Swedish treaties with Novgorod and Russia from the 14th to the 16th centuries most often used the expressions *rå* and *landemärke*, that is, landmarks meaning the demarcation between the realms. Then, in the course of the 16th century, “the new loan word *gräns* increasingly displaced *rå*”.²⁴ According to Tolstikov “the former had wider

¹⁹ Ibid., 62 (article 27).

²⁰ Ibid., 63 (article 30).

²¹ Ibid., 68.

²² Unfortunately the expression is not presented in its Russian form but as a translation (“och” *star i Ryskan* “*efter*”) in the document publication, see *ibid.*, 41 (note *).

²³ Kimmo Katajala, “Drawing Borders or Dividing Lands?”, 30—31.

²⁴ Alexander Tolstikov, “From Mezha and Rån to Rubezh and Gränsen”, 50, 55.

meaning of both ‘a marked border line’ and a borderland or a frontier.” The latter continued to mean a “marked borderline”. “*Gräns* seems to have been the principal word when it was necessary to mention the people living at the Russo-Swedish border,” writes Tolstikov. The border markers were called *rå* and *rå och rör*.²⁵

Now, in the peace treaty of 1617, the use of border concepts changes in article eleven, which describes how the Tsar Vasilii Ivanovich (Shuiskii) has promised the province of Kexholm to the Swedish King Carl the Ninth for the support he gave to the tsar against the Poles. The province was given “with all its territory, land, people, riches, taxes and rights on land and water, with its all correct borders and landmarks used this far” (*här til brukelige Gräntzer och Landemärken*).²⁶ The next article gives advice on how to manage if there is some dispute about the “landmarks” (*af Landmärken*) and gives an order for the commissaries of both parties to “set division and border markers” (*upsättia skildnat och råmärken*) so that the lands of the king and the tsar will be separated “*medh Råå och Röö*” from each other.²⁷

In this part of the text of the treaty, it becomes evident that *gräns* is understood as a linear borderline, “*Landemärken*” refers to the landmarks on a somewhat abstract level and the expression “*Råå och Röö*” means the concrete separate border markers in the terrain. This reasoning can be confirmed from the document the border commissaries made in 1621, when the border was finally marked in the terrain. This detailed description of the border uses the concept “*Gräntze*” in the linear sense throughout. This becomes very clear from the verbs chosen to illuminate the course of the border. The border (*Gräntze*) “runs” (*löper*),²⁸ “follows” a road (*föllier Grentzen med vägen, föllier Grentzen med landzryggen*), “rises to the right” (*stiger Grentzen på högre handen*), “goes” through a forest and swamp (*går Grentzen igenom brukelig skog och Kärr*). When the document is referring to individual border markers, the border is described as follows: “is a birch as a border marker” (*ähr till Råmärcke en Biörck*) “a pile of burned coal to be a border marker” (*en hop kohl brände till Råmerke*), a stone... ..is raised up to a border marker (*en Steen... ..är uprest till Råmerke*), “there is on a stone a pile of stones for an old border marker” (*där är på en Steen till gammalt Råmerke Steenar ihop lagde*).²⁹

There are two exceptions to the rule described above: in two instances, the document calls stones which were raised to stand as border markers “*Grentzemerke*”.³⁰ The concept

²⁵ Ibid.

²⁶ “Fredz fördragh 1617”, 23ff. (article 11).

²⁷ Ibid., 49 (article 12).

²⁸ “Svenske Commissariernes Rågångsbreff emellan Kåxholms och Nougorodz lähn, dhen 3 Augusti 1621”, *Suomi*, 6. heftet (1842), 21—53.

²⁹ Ibid., 49.

³⁰ Ibid., 21, 30.

of border stone (*Råsten*) is mentioned once where the border stone situated “since old times” (*af ålder*) at the place where the boundary of the parish of Ilomantsi in the province of Kexholm ended against the *pogost* (parish) of Rebola of the province of Novgorod.³¹ The specially mentioned stone seems to have been a well-known old border marker in the crossing of the borders of provinces and parish boundaries. The commissaries had to define the northern part of the border in the wilderness, where the course of the previous border was unclear or perhaps had never before been marked in the terrain. It is noteworthy that in the latter part of the description of defining the border, piles of stones are twice mentioned functioning as “old border markers” (*af ålder till Råmärke Steenar ihooplagde*).³² This is quite near to the original meaning given for the expressions *rå*, *rör* and *rå och rör*. According to the medieval provincial law of Västmanland, *rör* is a border marker of five stones, four together and one in the middle. The same law defines *rå* as a stake with a stone and bone.³³ However, when borders are discussed in medieval documents, the concepts are usually used together in the form *rå och rör*, referring to the division indicated with several border markers at various points.³⁴

We have to pay attention to one more expression in description of the commissaries preparing the border of the 1617 treaty. In the latter half of the border description, the expression *rå vägen*, a “border road” appears several times. For example, “there in the border road are marked a stone in the terrain and a spruce with crowns and a cross” (*där som en jordfast Steen och en Furu i Rå vägen äre med Cronor och Korss bemärkte*) and “there is a stone in the border road marked with a crown and a cross” (*där som en Steen i Råvägen är bemärkt med Crona och Korss*).³⁵ Although it is not explicitly stated in the description of making the 1617 border, it is evident that the borderline was opened in the vegetation on the terrain and this opened line was called a *råvägen*, or border road. The border road was not very wide, which we can conclude from the correspondence of the Swedish King Gustavus II Adolphus in 1627. Six years after it was cut, the vegetation on the borderline had already grown so much that it was sometimes difficult to trace the course of the border in the terrain, wrote the king. Therefore, he gave an order to mark the border again by clearing the vegetation.³⁶ In a similar manner, the commissaries defining the border of the 1595 treaty

³¹ *Ibid.*, 45.

³² *Ibid.*, 34.

³³ Vestmanna lagen, bygninga balk, § XVIII: Carl Johan Schlyter (ed.), *Samling af Sveriges gamla lagar*, vol. 5 (Lund: Berlingska Boktryckeriet, 1841), 217—218.

³⁴ Kimmo Katajala, “Drawing Borders or Dividing Lands”, 34.

³⁵ “Rågångsbreff 1621”, 37—40.

³⁶ Gustavus II Adolphus to the Governor of province of Kexholm Henrik Månsson, 5 March 1627: Copies of the Register of the Realm (Riksregistraturet), Finnish National Archives (Kansallisarkisto). See also Kimmo Katajala,

wrote to Regent Duke Charles (later King Charles IX) that they had “made all the space between the border markers flat so that each marker could be seen from one to the next (*Gjordes och på alle ruum slett mellan råår, Szå att then ene råån syntes till den andre*).³⁷

The 17th century Russo-Swedish border in the court rolls

Next we will take a glimpse at how the concept of the border was used in the local court rolls of the Kexholm province during the 17th century. We do not have the time and space here for a thorough quantitative or qualitative analysis of the whole source corpus but we must settle for some examples which can illustrate the early modern use of border concepts. The most common expression in the court protocols is “*öfwer gräntzen/grentzen*”, that is, over the border. For example, the local court of Ilomantsi parish announced in 1641 that almost all inhabitants of the village of Riihijärvi had escaped over the border (*öfwer gräntzen*).³⁸ In 1682, at the local court of Salmi and Suistamo parishes (the parishes nearest to the border) a murder case was investigated. A maid had stuck a knife into another woman, who had died of the wounds. The killer had escaped with her husband “over the border to the Russian side” (*på Ryska sijdan med sin man Simon Mygrä öfwer grentzen första reesan förfogat*).³⁹ There are many more examples like these.

Sometimes the border was defined with the epithet “Muscovian”. For example, the 1641 protocol of the court of Kitee, Liperi and Pielisjärvi parishes described how people had escaped over the Muscovian border (*som förrymbdt hafwuer öfwer Muskofwiske grentzen*).⁴⁰ In the same year, at the court of Tohmajärvi and Ilomantsi parishes, the border bandits had “withdrawn over the Muscovian border” (*draga öfwer Muskofwiske grentzen*)⁴¹ and in Pälkjärvi parish a murderer had escaped “over the border to the Muscovian side” (*öfwer*

“Zwischen West und Ost. 800 Jahre and der Ostgrenze Finnlands”, *Kirchliche Zeitgeschichte, Internationale Zeitschrift für Theologie und Geschichtswissenschaft. Thema: Grenzen als Barrieren — Grenzregionen als Chancen*, 23. Jahrgang, Heft 1 (2010): 87—88.

³⁷ Commissaries to Duke Charles, 20 October 1595: *Diplomatica Muscovitica, Huvudsamlingen 1323—1808, Brev och handlingar ang. Sveriges gräns med Ryssland, Gränskommissioner 1595—1761, i anledning af freden i Teusina 1595*, Vol. 543: *Brev och handlingar 1595—1596, Gränsen från Finska viken till Varpavuori*. Swedish National Archives (Riksarkivet, Sverige). See also Kimmo Katajala, “Viipurin Karjala rajamaakuntana 1534—1617”, Yrjö Kaukiainen & Jouko Nurmiainen (eds), *Viipurin läänin historia III. Suomenlahdelta Laatokalle* (Lappeenranta : Karjalan kirjapaino 2010), 191.

³⁸ Local court rolls of the province of Käkisalme. Local court of Ilomantsi 15 February 1641: Finnish National Archives, Digital archives, fol. 81v—82v. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3717316> (23.12.2017).

³⁹ Local court rolls of the province of Käkisalme. Local court of Salmi and Suistamo parishes 3—4 March 1682: *ibid.*, fol. 285—286v. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3720859> (23.12.2017).

⁴⁰ Local court rolls of the province of Käkisalme. Local court of Kitee, Liperi and Pielisjärvi parishes 19 August 1641: *ibid.*, fol. 100—100v. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3717349> (23.12.2017).

⁴¹ Local court rolls of the province of Käkisalme. Local court of Tohmajärvi and Ilomantsi parishes 21 August 1641: *ibid.*, fol. 103—104. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3717355> (23.12.2017).

grentzen förrymbd hafwer in opo Muskofwiske sidan).⁴² However, this expression, referring to the medieval and 16th-century Muscovian Grand Duchy, can be found in the court rolls of the year 1641 only. Therefore, perhaps we should not emphasize this issue too much. It may be it only one district judge used these words. In the court rolls of the latter half of the century, the border is defined as “Russian”. For example, in 1684 in Pyhäjärvi parish local court, it was announced that a murderer had died in the parish of Salmi “by the Russian border” (*i Salmis sochn wed Ryska gräntzen sedan dödh blefwen*).⁴³ In turn, when two peasants were returning from the Russian side, they noticed a wooden building burning “only one *verst* from the Swedish border” (*I wirst wäg allenäst från Svenska grentzen*).⁴⁴

All these examples seem to confirm the reasoning made from the texts of the peace treaty of 1617 and the description of the border commissaries. *Gräns* seems to refer to a dividing, clearly defined borderline. However, the court rolls give evidence of a more diverse understanding of the concept of *gräns*. For example, in 1687 the court of Sortavala and Suistamo parishes was hearing a very complicated case. Soldiers who had escaped from their regiments and some other men were charged with serious crimes. They had robbed local peasants and then escaped over the border several times. During the handling of the case a local police officer said that it was quite common for such bandits to roam around the land, especially here by the border (*i synnerheet här på gräntzen*). The lay jurymen on the case concluded that they had to punish the accused man with the death penalty because “here on the border [*här opå grentzen*] it has become too common that the Finns are running over the border to Russia and letting themselves be baptized anew in the Russian faith”.⁴⁵

In these examples, the concept *gräns* seems to have the content of frontier, a “borderland”, or regions near the border. Even more clearly, this can be seen at the court roll of Pielisjärvi parish in 1684. The local lieutenant taking care of the small fort in the parish had died. It was necessary to choose a new lieutenant because “such a person there on the border is much needed because of bandits and conflicting parties” (*en sådan Person der på grentzen för*

⁴² Local court rolls of the province of Käkisalmi. Local court of Pälkjärvi 24 August 1641: *ibid.*, fol. 104v. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3717359> (23.12.2017).

⁴³ Local court rolls of the province of Käkisalmi. Local court of Pyhäjärvi 20 October 1684: *ibid.*, fol. 251—252v. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3723373> (23.12.2017).

⁴⁴ Local court rolls of the province of Käkisalmi. Local court of Joukio and Uukuniemi 29—30 October and 2 November 1686: *ibid.*, fol. 147v—152. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3724297> (23.12.2017). A *verst* (Russian: верста) is a Russian unit of length, about 1066 metres.

⁴⁵ Local court rolls of the province of Käkisalmi. Local court of Sortavala and Suistamo 21—28 February 1687: *ibid.*, fol. 43—54v. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3724622> (23.12.2017).

Röfware och ströfwande partier wäll behöfwes).⁴⁶ In these examples, *gräns* referred not only to the borderline but also to the regions near the border.

Then, we have still the concept of *rå* to consider. How do the court rolls use this? In almost all cases, *rå* refers to boundaries of landed properties or boundaries between parishes. In only one case, which I will consider last, is *rå* used to refer to the border between realms. For example, when the local court of Iломантси and Суојярви parishes was inspecting the boundaries between the Iломантси and Пелісјярви parishes, the court roll inclusively used the word *rå*, never the term *gräns*.⁴⁷ In 1679, some villages in the Суістамо parish were quarrelling about the boundaries between them. The court roll uses the word *rå*, and when the trusted men were ordered to define the uncertain boundary, this process was called “*rååläggning*”, or setting the boundary.⁴⁸ In this respect, the concept of *rå* is used in the sense of boundaries of lower administrative units such as parishes or villages. The use of the concept in the court rolls differs drastically from its use in the treaty of 1617 and in the report of the commissaries in 1621.

At last, we come to the interesting case in which the concepts of *gräns* and *rå* are used almost synonymously. In 1690, a special local court session examined the boundary disputes between the villages of Ноісніемі in Sakkola parish in the province of Kexholm and Півівіккі village in the Äyräpää parish of the province of Vyborg. Before the treaty of 1617, the Russo-Swedish border had followed the Vuoksa River at this point. The border between the realms was marked with a cross on a big stone (*Udenkiwi*) in the backwater of the river. The previous border between the realms had remained in force as the boundary between the two provinces and villages. Now, long after the treaty of 1617, some dispute had occurred about the course of the boundary line. The court had at hand an old document called a “*Grentze och råå breef*” (border and boundary letter) for defining the disputed boundary between the villages. However, it seems that the scribe of the court roll has added the word “*grentze*” to the protocol in this case in order to confirm that the document defined the border between the realms before the treaty of 1617. Later in the same protocol, the boundary letter is entitled “an old boundary letter of the year 1320” (*gambla rååbrefwet, af åhr 1320*).⁴⁹ Elsewhere in the court roll, the

⁴⁶ Local court rolls of the province of Käkisalme. Local court of Liperi and Pielisjärvi 9 September 1684: *ibid.*, fol. 170. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3723212> (23.12.2017).

⁴⁷ Local court rolls of the province of Käkisalme. Local court of Iломантси and Суојярви 1—2 March 1683: *ibid.*, fol. 63v—65. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3720396> (23.12.2017).

⁴⁸ Local court rolls of the province of Käkisalme. Local court of Суістамо 6—8 March 1679: *ibid.*, fol. 892v. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3722065> (23.12.2017).

⁴⁹ Local court rolls of the province of Käkisalme. Local court of Sakkola 19—20 September 1690: *ibid.*, fol. 180v. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3729310> (23.12.2017). If the year mentioned in the court roll is correct, it means that the court had an agreement about the border between the realm of Novgorod and Sweden

boundaries of the villages are labelled as “village boundaries and divisions” (*bye råår och skillnad*).⁵⁰ In the course of the centuries, the concept of *rå* in the sense of a border between realms had been replaced with the word *gräns*. At the end of the 17th century, the word *rå* had come to mean a boundary.

Conclusions

In the peace treaty of 1617 and in the report of the border commissaries of 1612, the use of border concepts is very consistent. “*Gränze / Grenze*” is used to mean a borderline between realms. According to Tolstikov, the concept *rå* and the word pair *rå och rör*, referring in the middle ages to the borders between realms as well as to boundaries between landholdings, had still meant a border between political entities, or states, in 1620, but in 1712 they were defined as “boundaries of lands, forests or fields”.⁵¹ In this detail, my results do not perfectly dovetail with Tolstikov’s reasoning. In early 17th-century documents, the word *rå* refers clearly to border markers. In the document of 1621, the concept “*råå väg*” refers to the concrete linear border opened in the vegetation on the terrain. The term *gräns* is used in a more abstract sense in these documents.

The concept of *gräns*, the state border, was understood in at least three ways in the used source material. First, it refers to the linear boundary between the two states. The concept is, at least to some degree, abstract. The concrete borderline opened in the vegetation on the terrain was referred to as *rå vägen*, or border road. Second, in the court rolls, *gräns* refers to the frontier, or borderland nearest to the borderline. Third, we can see from the examples above that although the border was exactly defined and marked in the terrain it really was by no means an enclosing barrier between the two states. Although a border guard and customs existed in the Salmi parish, and border guards rode along the borderline, in practice, as Jukka Kokkonen has described it, the border was like a sieve: despite the markers and guards, it was easy to cross in the wilderness. However, when we think about the border in terms of state-building, these three levels should not be mixed. *Gräns* as a concept was a well-defined border, a line. In the court rolls we find the same concept in “loose talk” referring to the frontier, or borderland. The third understanding is connected to the way in which the border functioned in practice: it was a zone-like sieve.

(Proof-reading of the English text — Kate Sotejeff-Wilson)

that was made three years before the famous Peace Treaty of Nöteborg of 1323. It is possible that the court made a mistake in interpreting the year. Perhaps the correct year is 1380.

⁵⁰ Local court rolls of the province of Käkisalmi. Local court of Sakkola 19—20 September 1690: *ibid.*, fol. 180—182v. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3729309> (23.12.2017).

⁵¹ Alexander Tolstikov, “From Mezha and Rån to Rubezh and Gränsen”, 47.

List of secondary sources

Anderson, M. Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World / M. Anderson. — Cambridge : Polity Press, 1996. — 272 p.

Katajala, K. Drawing Borders or Dividing Lands? The Peace Treaty of 1323 between Sweden and Novgorod in a European Context / K. Katajala // Scandinavian Journal of History. — 2012. — Vol. 37, No. 1. — P. 23—48.

Katajala, K. Maps, Borders and State-Building / K. Katajala // Physical and Cultural Space in Pre-industrial Europe. Methodological Approaches to Spatiality / eds. Marko Lamberg, Marko Hakanen & Janne Haikari. — Lund : Nordic Academic Press, 2011. — P. 58—91.

Katajala, K. Suurvallan rajalla : Ihmisiä Ruotsin ajan Karjalassa / K. Katajala. — Helsinki : SKS, 2005. — 265 p.

Katajala, K. Viipurin Karjala rajamaakuntana 1534—1617 / K. Katajala // Viipurin läänin historia III. Suomenlahdelta Laatokalle / K. Katajala, A. Kujala, A. Mäkinen ; ed. by Y. Kaukiainen, J. Nurmiainen. — Lappeenranta: Karjalan Kirjapaino, 2010. — P. 11—216.

Katajala, K. Zwischen West und Ost. 800 Jahre and der Ostgrenze Finnlands / K. Katajala // Kirchliche Zeitgeschichte. Grenzen als Barrieren — Grenzregionen als Chancen. Das Beispiel Karelien. — 2010. — Vol. 23, No. 1. — P. 81—110.

Kokkonen, J. Rajaseutu liikkeessä : Kainuun Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650—1712) / J. Kokkonen. — Helsinki : Hakapaino Oy, 2002. — 439 p.

Kokkonen, J. Searching Back the Old Border : The Border between Russia and Sweden in the Early Modern Period / J. Kokkonen // Труды Карельского научного центра РАН. — 2011. — No. 6. — P. 66—71.

Kokkonen, J. Überlokale Kontaktflächen der Grenze. Die nördlichen Grenzgebiete zwischen dem Schwedischen Reich und dem Grossfürstentum Moskau im 17. Jahrhundert / J. Kokkonen // Kirchliche Zeitgeschichte. Grenzen als Barrieren — Grenzregionen als Chancen. Das Beispiel Karelien. — 2010. — Vol. 23, No. 1. — P. 134—157.

Korhonen A., Suomen itärajan syntyhistoriaa / A. Korhonen. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1938. — 283 p.

Kuujo, E. Raja-Karjala Ruotsin vallan aikana / E. Kuujo. — Joensuu : Karjalaisen kulttuurin edistämisseätiö, 1963. — 253 p.

Power, D. Frontiers: Terms, Concepts and the Historians of Medieval and Early Modern Europe D. Power // Frontiers in Question. Eurasian Borderlands 700—1700 / ed. by D. Powers and N. Standen. — London : Macmillan Press, 1999. — P. 1—12.

Prescott, J. R. V. Political Frontiers and Boundaries / J. R. W. Prescott. — London etc. : Allen & Unwin, 1987 . — 332 p.

Tolstikov, A. From Mezha and Rån to Rubezh and Gränsen: Conceptualizing the Russo-Swedish Border in the Late Middle Ages and Early Modern Period / A. Tolstikov // Revue d'Histoire Nordique — Nordic Historical Review. — 2015. — No. 19. — P. 31—55.

ТОЛСТИКОВ Александр Владимирович / TOLSTIKOV Alexander
Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University
Петрозаводск, Россия / Petrozavodsk, Russia
a_tolstikov@mail.ru

**РИТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МАРКИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-ШВЕДСКОЙ
ГРАНИЦЫ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ**
RITUAL ASPECTS OF ACTULISING THE RUSSIAN-SWEDISH BORDER IN EARLY
MODERN PERIOD

Abstract: The focus of the article is on ritual aspects of making the 17th century Russian-Swedish border actual and important while either marking it on the ground or meeting foreign diplomats. The study of this issue leads, in the author's view, to a more general question of how the spatial dimension of political power was understood in the Muscovite political culture.

Ключевые слова / Keywords: Россия, Швеция, XVII в., граница, ритуал / Russia, Sweden, the 17th century, border, ritual.

Из вообразимых способов обозначить существование политических границ, актуализировать их и вообще так или иначе привлечь к ним внимание, кажется, самыми привычными в настоящее время являются, во-первых, непосредственная разметка на местности, т. е. демаркация, и, во-вторых, картографирование (оба способа можно определить как *фигуративные*). Разумеется, огромную роль играет, в-третьих, указание на границу в *речи / дискурсе* (в том числе в формулировках официальных документов, но не только). Это может быть и известное издревле, но сохраняющее своё значение перечисление пограничных пунктов (делимитация); и простое называние¹; и выделение каких-либо групп объектов, или чаще субъектов, которым в числе существенных свойств приписывается либо пребывание (проживание, рождение и т. п.) на определённой территории, либо, напротив, прибытие из-за её пределов (здесь, помимо очевидных примеров, связанных с миграцией, гражданством, паспортами, визами и т. п., можно отметить, что обычное противопоставление, скажем, товаров «отечественного производства» «импортным» тоже является одним из постоянно работающих в языке механизмов актуализации государственных границ). Наконец, в-четвёртых, маркировать политические границы можно с помощью определённых *действий*, большинство из которых — если исключить прагматически мотивированное

¹ В последнем случае особую роль приобретает специфика используемых для обозначения границ понятий и их история. См. некоторые соображения на этот счёт применительно к России и Швеции в Средневековье и раннее Новое время: Tolstikov A. From *Mezha* and *Rån* to *Rubezh* and *Gränsen*: Conceptualizing the Russo-Swedish Border in the Late Middle Ages and Early Modern Period // *Revue d'Histoire Nordique — Nordic Historical Review*. 2015. No. 19. P. 31—55. (См. также уточнения относительно ситуации в Швеции XVII в. в статье Киммо Катаялы в настоящем выпуске альманаха.)

воспрепятствование трансграничным перемещениям (например, с целью соблюдения карантина) — следует отнести к категории ритуалов.

Все указанные способы были вполне известны в раннее Новое время, но по значимости они соотносились друг с другом несколько иначе, чем сейчас. В частности, гораздо бóльшую роль играл ритуальный аспект. Именно ритуалы и будут интересовать меня в данном случае — применительно к истории российско-шведской границы в XVII в.

В рамках современных *border studies* весьма широко распространено использование подходов из арсенала культурной антропологии, для которой внимание к ритуалу было особенно характерно в XX в., хотя в начале XXI столетия исследователи, похоже, предпочитают говорить о дискурсивных / текстуальных механизмах и практиках конструирования (или, может, лучше сказать производства) границ². В любом случае понимание границ, в том числе политических, как динамичного феномена, постоянно пересоздающегося в процессе культурной коммуникации (включая, несомненно, ритуалы), ныне является банальностью. Однако представители указанного исследовательского направления, как правило, интересуются сегодняшним днём либо событиями сравнительно недавнего прошлого (обычно последних нескольких десятилетий).

С другой стороны, специалисты по истории европейского Средневековья и раннего Нового времени активно используют понятие ритуала и, шире, символической коммуникации для анализа самых разных сторон жизни обществ прошлого³. И хотя в их работах чаще всего говорится о различных метафорических границах (статуса, социальных или религиозных групп и т. д.), поскольку эти историки много занимаются церемониалом, в частности дипломатическим, периодически они касаются и роли

² См., например, результаты поддержанного Академией Финляндии большого проекта «Writing Cultures and Traditions at Borders» (2010—2014) в специальном выпуске журнала «Culture Unbound»: Culture Unbound. Journal of Current Cultural Research. 2014. Vol. 6. P. 1051—1250. URL: <http://www.cultureunbound.ep.liu.se/contents.asp?doi=10.3384/cu.2000.1525.1466> (28.08.2017). Краткий обзор истории изучения границ с точки зрения cultural studies дан во вводной статье руководителя проекта Туулики Курки: Kurki T. Borders from the Cultural point of View: An Introduction to *Writing at Borders* // Ibid. P. 1055—1070. URL: <http://www.cultureunbound.ep.liu.se/v6/a59/cu14v6a59.pdf> (28.08.2017) (о ритуалах см. с. 1060—1063). Естественно, автор обзора отдаёт должное знаменитой книге Арнольда ван Геннепа (1909), который сделал несколько важных замечаний и о так называемом материализованном переходе, т. е. об обрядах преодоления символических границ племени, жилища и т. п.: *Gennepe A., van*. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 19—28. О практическом и перформативном аспектах см., например: *Coplan D. B.* Border Show Business and Performing States // *A Companion to Border Studies* / ed. by T. M. Wilson and H. Donnan. Hoboken, 2012. P. 507—521; *Kaiser R.* Performativity and the Eventfulness of Bordering Practices // Ibid. P. 522—537.

³ Здесь стоит прежде всего назвать имена Герда Альтхофа и Барбары Штольберг-Рилингер. Из их многочисленных публикаций укажу в качестве введения лишь на две: *Althoff G.* Die Macht der Rituale: Symbolik und Herrschaft im Mittelalter. Darmstadt, 2003; *Stollberg-Rilinger B.* Rituale. Frankfurt; New York, 2013.

ритуалов, например, при пересечении политических границ — даже границ России⁴. Впрочем, число таких публикаций очень невелико. Между тем, как я намерен показать, рассмотрение ритуальных аспектов маркирования границы Московского государства в допетровский период представляет интерес как с точки зрения истории отношений России с её западными соседями (в данном случае я ограничусь Швецией, которая, однако, была одним из главных российских дипломатических партнёров), так и с точки зрения особенностей политической культуры Московии вообще⁵.

Вероятно, наиболее красочным ритуальным действием, упоминания о котором встречаются в связи с установлением российско-шведской границы раннего Нового времени, был обряд, предполагавший, что в случае возникновения при межевании споров межевальщик должен был идти вдоль верной, по его убеждению, пограничной линии, положив на голову кусок дёрна в доказательство своей правоты. Этот ритуал фигурирует, например, в документах, касающихся межевания границы после Столбовского договора (в 1617 и 1620 гг.)⁶. Он хорошо известен как по письменным источникам (впервые — в рукописи XI в., много свидетельств XVI и XVII вв., в начале XVIII в. о нём сообщает И. Т. Посошков), так и по поздним этнографическим данным. Судя по всему, он связан с зафиксированным у славян культом Матери-Земли, которая должна наказывать («задавить», «прикрыть навеки») того, кто лжесвидетельствует.

⁴ Отмечу прежде всего две статьи Клаудии Гарнье: *Garnier C.* «Wer meinen Herrn ehrt, den ehre ich billig auch»: Symbolische Kommunikationsformen bei Gesandtenempfangen am Moskauer Hof im 16. und 17. Jahrhundert // *Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte.* 2005. Bd. 7. S. 27—51. URL: http://www.steiner-verlag.de/uploads/media/JBKG_2005_7_027-051_Garnier.pdf (29.08.2017) (непосредственно о значении символической коммуникации при встрече послов на границе — с. 30—34); *Eadem.* Die Macht der Zeichen — die Zeichen der Macht: Zur Bedeutung symbolischer Kommunikation in der Politik des Großfürstentums Moskau im ausgehenden 15. und 16. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2007. Bd. 55. H. 3. S. 331—356. URL: http://daten.digital-sammlungen.de/bsb00066173/image_349 (29.08.2017) (о церемониях на границе — с. 343—345). См., кроме того, новейшее исследование российского дипломатического церемониала второй половины XVII — начала XVIII в. в сравнительной перспективе и в рамках упомянутого исследовательского направления: *Hennings J.* *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648—1725.* Cambridge, 2016. О применении того же подхода для анализа другого важнейшего аспекта, обмена дарами в дипломатической практике, см. изданный на русском сборник (в котором, кстати, приняли участие все историки, перечисленные в этой и предыдущей сноске): *На языке даров: Правила символической коммуникации в Европе. 1000—1700 гг.* / под ред. М. А. Бойцова и Г. Альтхофа. М., 2016.

⁵ Подчеркну, что некоторые важные наблюдения на этот счёт — сделанные исходя из совершенно иной перспективы — имеются также в известных трудах по истории российского дипломатического церемониала, из которых отмечу прежде всего сохраняющую своё значение работу Л. А. Юзефовича: *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведётся...»: Русский посольский обычай конца XV — начала XVIII в. М., 1988. И с некоторыми изменениями и дополнениями: *Его же.* *Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал.* СПб., 2007.

⁶ См.: *Селин А. А.* *Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). Формирование. Функционирование. Наследие: исторические очерки.* СПб., 2016. С. 56, 58, 84.

Позднее с Матерью-Землёй стала ассоциироваться Богоматерь⁷. Отсюда контаминация в обряде языческих и христианских черт: дёрн, который клали на голову (а также на плечи, спину, за пазуху, а иногда брали землю в рот — ср. клятвенные формулы: «Чтобы мне землю есть, если совру» и т. п.), мог вырезаться в виде креста, но главное — очень часто одновременно в обряде использовалась икона, как правило — Богородицы. Причём иногда источники упоминают только об «образном хождении», но контекст позволяет считать, что речь идёт о том же самом, языческом по происхождению обряде. Например, в Соборном Уложении (гл. X, «О суде»): «А будет в таких спорных землях зачем указ учинити будет не мощно, и на таких спорных землях исцу с ответчиком учинити вера, образное хождение, а со образом велети итти тому, кому в суде дано будет на душу» (ст. 236). И далее (ст. 237): «А будет на которых спорных землях будут старожилцы с обе стороны, и учинится у тех старожилцов промеж собою спор, одне старожилцы станут правити исца, а другие старожилцы станут правити ответчика, и на той спорной земле исцу с ответчиком дати жеребей, кому из них и против которые старожилцовы скаски спорная земля с образом отвести, да кому вымется жеребей, и тому та спорная земля с образом и отвести»)»⁸.

Вот отрывок из грамоты, отправленной в 1620 г. из Посольского приказа межевому послу Н. В. Вышеславцеву, занимавшемуся установлением новой границы со Швецией в Карелии: «...а будет спор и сыскать будет не мочно, и в тех местех давати старожильцом жеребьей, а жеребья старожильцем давати веру и отводить земли и угодыя с нашей стороны с образом и з дерном по земляному обычаю, а з государя их стороны, будет в их сторону жеребей выметца, отводить их старожильцам русским людем с образом же и з дерном по земляному обычаю, а немцом с евангельем и с клятвою, а в самых больших спорных землях с нашей стороны целовати нашим старожильцем крест, а с королевские стороны королевским старожильцам русским людем целовати крест же, а немцом евангилье с клятвою»⁹.

⁷ См. об этом культе и его связи с Богородицей: *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Его же.* Избранные труды. Изд. 2-е, испр. и перераб. М., 1996. Т. 2. С. 83—107.

⁸ Соборное уложение 1649 года: текст, коммент. / коммент. Г. В. Абрамовича [и др.]; руководитель авт. коллектива А. Г. Маньков. Л., 1987. С. 58. Ср. также в гл. XVII («О вотчинах»), ст. 52: Там же. С. 92. О самом обряде см.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Символизм в древнем русском праве // *Его же.* Феодализм в России / отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1988. С. 486—492; *Толстой Н. И.* Граница // *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. А—Г. С. 538; *Белова О. В., Виноградова Л. Н., Топорков А. Л.* Земля // Там же. 1999. Т. 2. Д—К (Крошки). С. 318; *Успенский Б. А.* Право и религия в Московской Руси // *Факты и знаки: Исследования по семиотике истории.* М., 2008. Вып. I / под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. С. 164 (сноска 115).

⁹ Цит. по: *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 56 (то же самое — с. 84).

Налицо, как видим, точное соответствие. В связи с процитированным фрагментом из инструкции Посольского приказа стоит сделать несколько замечаний. Во-первых, заслуживает, на мой взгляд, внимания тот факт (каким бы тривиальным он ни казался), что при установлении границы между государствами руководствовались логикой, обычной при межевании частных земель. Это позволяет рассчитывать на то, что и другие аспекты отношения к государственной границе можно прояснить с помощью аналогий из сферы частного землевладения.

Во-вторых, здесь упоминается и ещё один известный ритуал — крестоцелование. Я не намерен в данном случае рассматривать его подробно, поскольку в последнее время о нём и об отношении к нему на Руси довольно много написано¹⁰. Но отмечу, что прибегать к крестоцелованию межевому послу предписывалось лишь «в самых больших спорных землях», т. е. оно воспринималось как гораздо более серьёзный и ответственный (и значит, более опасный для лжесвидетеля) акт, чем «земляной обычай». Следовательно, и символический вес крестоцелования был выше. В частности, по этой причине, как можно думать, в 1620 г. российские межевые послы во главе с Н. В. Вышеславцевым, когда у них возник спор со шведскими коллегами относительно прохождения границы в районе Унисьярви (Унус-озера), упорно отказывались разрешить своим свидетелям-старожильцам поцеловать крест, тогда как шведы утверждали, что представленные ими старожильцы готовы прибегнуть к крестоцелованию, и настаивали на нём¹¹.

В-третьих, характерна дифференциация предписываемого ритуала (крестоцелование или клятва на евангелии) в зависимости от религиозной принадлежности: первое — для «русских людей» (т. е. православных, пусть и шведских подданных), второе — для «немцев» (лютеран). И хотя здесь выражение «русские люди» запросто используется для указания на православных, оказавшихся за пределами Московского государства и превратившихся в подданных другого монарха, у нас есть основания полагать, что в рассматриваемый период политическая и конфессиональная принадлежность часто сливались воедино и в иных контекстах Столбовская граница

¹⁰ *Филлюшкин А. И.* Институт крестоцелования в Средневековой Руси // *Клио: Журнал для учёных*. 2000. № 2 (11). С. 42—48; *Стефанович П. С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // *Средневековая Русь*. М., 2004. Вып. 5. С. 86—113; *Антонов Д. И.* Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 174—206, 213—224; *Mikhailova Yu., Prestel D. K.* Cross Kissing: Keeping One's Word in Twelfth-Century Rus' // *Slavic Review*. 2011. Vol. 70. No. 1. P. 1—22. О крестоцеловании в дипломатической практике: *Юзефович Л. А.* Путь посла. С. 280—294.

¹¹ *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 104, 106—107.

воспринималась как граница православной земли, а «православность» населения на переданных Швеции территориях могла ставиться под вопрос¹².

Косвенным указанием на это именно в сфере ритуала можно считать упоминаемый Г. К. Котошихиным обычай: «Да с послы ж, которые бывают посылаемы на посолские съезды, или воеводы в войну с полками, и с ними в такие посылки посылаются образы древняго писания, обложены золотом и серебром, з жемчюгом и с камнем: и те образы, с ыными со многими образами и со свещами, царь, и патриарх, и митрополиты, и весь священнический чин, и бояре, и всякого чину люди, из Москвы провожают пеши, до тех мест, где принимают чюжеземских послов. А провожаючи те образы, молебствуют, и по молебствовании патриарх, и царь, и власти, и бояре, и всякого чину люди, чинят перед тем образом прощение, и потом целуют того написанного образа в руку; и бывают послы, или полковые воеводы, в то время у царя на отпуске у руки; и прощався царь, и патриарх, и власти, и бояре, с ыными образами пойдут назад, до первыя своея соборныя церкви, и потом розыдутца по домом. Таким же обычаем как послы приезжают ис посолств, или воеводы ис полков, и царь, и патриарх, и власти, и бояре, и иные люди, те образы встречают в тех же местех, где чинит прощение в провожании, с образами ж и со свещами, и чин бывает против того ж, как в провожании; а встретя те образы, поставят в церквах, где они преж того стояли. А бывают те образы, Спасов, или Богородицын, или которого святаго, написаны на дереве, величиною с лист, а иной в аршин и болши»¹³. И далее ответ на вопрос «Для чего те образы посылаются?»: «Для того: когда на войне учинится над неприятелем поиск, а в посолстве вечное dokonчанье и дела учинятца помощью Божию, а они разумеют будто помощью и заступлением и молитвою Богородицыною и святых которых ис тех образов, и по такому домышлению те образы почитают и не стыдятся к бездушному глаголати и о помощи просити; понеже слепы есть: замазал им диавол очи пламенем огня негасимаго»¹⁴.

Л. А. Юзефович, упоминая, что на двух российско-шведских съездах на рубеже, в Столбове и в Валиесари (1658), побывала одна и та же икона Богоматери Тихвинской, подчёркивает — и в данном случае для нас это особенно важно, — что «такие общепризнанные святыни не должны были покидать территорию России, поэтому

¹² См. об этом подробнее: *Толстиков А. В.* Религиозный аспект понимания политических границ в допетровской России (на примере российско-шведских отношений) // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. М., 2017. Вып. 8. С. 145—163.

¹³ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. СПб., 1906. С. 53—54.

¹⁴ Там же. С. 54. Кстати, последний фрагмент в XIX в. исключали из российских изданий труда Котошихина, впервые он был восстановлен только в публикации 1906 г.

с миссиями, следовавшими не на рубежные съезды, а за границу, столь широко чтимые иконы не отправлялись»¹⁵. Обратим также внимание, что, по словам Котошихина, провожают из Москвы, а потом встречают святые образы именно там, «где принимают чужеземских послов». Судя по всему, перед нами явная параллель с дипломатическим церемониалом, предполагавшим специальный ритуал встречи иностранных послов и на самой границе, и в городах по пути, и непосредственно перед въездом в Москву.

О том, как в дипломатическом церемониале могла маркироваться и актуализироваться политическая граница, необходимо, конечно, сказать особо. Сам по себе обычай отправлять на границу к прибывающим иностранным послам дипломатического представителя был хорошо известен в Европе, например, в Венеции — уже с конца XIII в.¹⁶ Однако похоже, что в России эта первая встреча была гораздо более торжественной и важной. Так, согласно французскому церемониалу первой половины XVIII в., несомненно восходящему к предшествующему периоду, ординарным и экстраординарным послам от коронованных особ, а также папским нунциям не полагалось устраивать в городах их въезда никаких специальных церемоний (нунции вообще ехали инкогнито)¹⁷. Между тем в России уже непосредственно на границе со Швецией во встрече иностранных дипломатов обычно участвовали, как минимум, десятки служилых людей (стрельцов, казаков, детей боярских)¹⁸. Соответствующую картину мы можем себе представить по хорошо известному рисунку Эрика Пальмквиста (1674) (рис. 1). Правда, в торжествах на въезде в Новгород, и тем более в Москву, и пышности, и участников было гораздо больше (да и Котошихин в своём описании тоже основное внимание уделяет церемониям в городах по пути следования и, особенно, под Москвой¹⁹), но существенным в данном случае, на мой взгляд, является следующее. Во-первых, ритуал встречи послов на границе был обязательным. Во-вторых, именно с него начиналось включение прибывших в Московию дипломатов в символическую коммуникацию, в которой их партнёрами-оппонентами в этой игре (а её принципы были достаточно ясны иностранцам) и одновременно, по выражению К. Гарнье, «церемониймейстерами» становились

¹⁵ Юзефович Л. А. Путь посла. С. 70—71.

¹⁶ Garnier C. «Wer meinen Herrn ehrt, den ehre ich billig auch». S. 31.

¹⁷ Rousset de Missy J. Le ceremonial diplomatique des cours de l'Europe, ou collection des actes, memoires et relations qui concernent les dignites, titulatures, honneurs & prééminences; les fonctions publiques des souverains, leurs sacres, couronnemens, mariages, batêmes, & enterremens; les investitures des grands fiefs; les entrées publiques, audiences, fonctions, immunités & franchises des ambassadeurs & autres ministres publics; leurs disputes & démêlez de préséance; et en général tout ce qui a rapport au cérémonial & à l'étiquette. Amsterdam; La Haye, 1739. Т. 1. Р. 2 (о нунции: «On ne lui fait aucune reception dans les lieux de son passage: Il arrive comme un particulier, & ne paroît qu'*incognito* jusqu'au jour de son Entrée publique»), 36 («Un Ambassadeur Ordinaire ou Extraordinaire arrivé sur la Frontière du Royaume, en donne avis au Ministre Secrétaire d'Etat des Affaires Etrangères. Il est reçu sans aucune Cérémonie dans les Villes de son passage»).

¹⁸ См., например: Селин А. А. Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 292, 301, 303, 324.

¹⁹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 60—61.

приставы²⁰. Наконец, в-третьих, некоторые структурные элементы и, судя по всему, логика указанного пограничного ритуала были теми же, что и на позднейших этапах встречи послов.

Вероятно, наиболее яркой в данном отношении является деталь, постоянно описываемая, начиная с Сигизмунда Герберштейна: при встрече на границе (и потом равным образом перед въездом в Москву) российские приставы всегда настаивали на том, чтобы иностранцы ступили на землю первыми. Тот же Герберштейн хвастался, что сумел перехитрить русских, сделав вид, будто готов спешиться, а потом снова вскочив в седло²¹. В аналогичной ситуации при встрече шведского посольства в сентябре 1655 г. пристав в ходе подобной игры с ложным спешиванием вообще упал с лошади, когда лопнула подпруга, и впоследствии несколько иностранных авторов не упустили возможности позлорадствовать по этому поводу²².

Рис. 1

Встреча шведских послов российским приставом на границе в Муравейно. Из «Альбома Палмквиста» (Riksarkivet, Stockholm. 81001:0636:00001. Någre vidh sidste kongl. ambassaden till tzaren i Muskou gjorde observationer öfver Rysslandh, des vägar, pass medh fästningar och gräntzer sammandragne aff Erich Palmquist. Anno 1674. Fol. 5r)

²⁰ Garnier C. «Wer meinen Herrn ehrt, den ehre ich billig auch». S. 31. См. также: Hennings J. Russia and Courtly Europe. P. 77—82 («Pristavy, Introduteurs des Ambassadeurs, and Masters of Ceremonies»).

²¹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. I / лат. и нем. тексты, рус. пер. с лат. А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненем. А. В. Назаренко. С. 524—527 (лат. и нем. тексты и рус. пер.).

²² См. подробнее: Толстиков А. В. Испытание терпения: Поэтическое описание злоключений шведского посольства в России середины XVII в. // Одиссей. Человек в истории. 2009. М., 2010. С. 252.

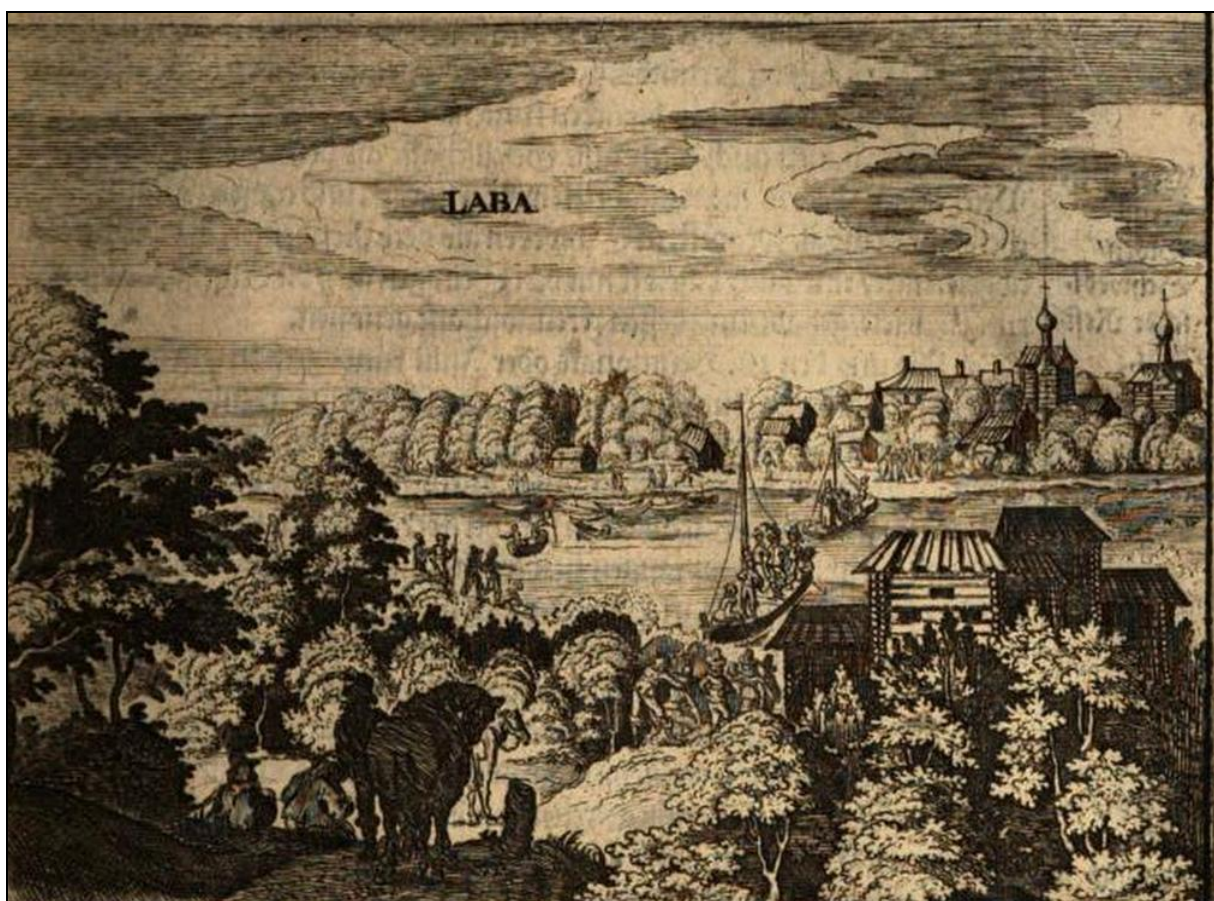
Однако в контексте рассматриваемой проблемы гораздо важнее другой элемент пограничного ритуала, описанный в книге ещё одного классика западноевропейской «россики» — Адама Олеария, который имел возможность наблюдать в конце июня 1634 г. встречу российским приставом шведского посольства на реке Лаве (или Лавуе). Позволю себе привести пространную цитату: «Наши господа провожали королевских послов целых четыре мили, я же, с их согласия, проехал с ними верхом даже до границы, чтобы видеть церемонии и обычаи русских при приёме посольств. Итак, они 27 того же месяца рано утром в четыре часа прибыли к реке, протекающей, при ширине в 40 шагов, мимо деревни Лавы и отделяющей русскую границу от шведской. Когда королевские господа послы, при прибытии своём, узнали, что на русской стороне их ждут 17 лодок, то они тотчас послали своего переводчика на тот берег к приставу, чтобы он переслал несколько лодок для своевременной загрузки их вещей: тогда они скорее смогут двинуться в путь после приёма. Однако пристав, человек старый, велел ответить, что он не смеет ничего подобного сделать до приёма послов: “Да и не думают ли они, что его царскому величеству нечем будет прокормить их, если их кормить придётся лишний день из-за возможного промедления?” Около полудня пристав прислал своего толмача, или переводчика, на тот берег с четырьмя стрельцами, или мушкетёрами (последних с ним было 30 человек), и велел сказать: ему теперь было бы очень приятно принять господ послы: не желают ли они пожаловать? Один из господ послы на это велел ответить приставу, что им уже пятую неделю приходится лежать и ждать: поэтому несколько не обидно будет приставу, если и он их теперь подождёт один лишний день. Впрочем, он-де не желает этим давать полного ответа, так как его собратья улеглись для полуденного сна, как потому, что они всю ночь путешествовали, так в особенности — вследствие усвоения ими у русской границы русских обычаев: ведь почти все русские отдыхают ежедневно в полдень.

<...> После обеда в четыре часа господа велели сообщить на тот берег, что теперь они желали бы быть приняты; пусть поэтому пристав приходит. Затем они сели со своим переводчиком в лодку, а их гофьонкеры, к которым и я присоединился, в другую. Пристав, действительно, выехал навстречу с 15 разодетыми русскими в лодке. Чтобы показать высокое положение своё, они, очень медленно и не производя особого движения лодки, опускали свои вёсла в воду, так что они еле отошли от берега; временами они останавливались совершенно, чтобы лодка господ шведов к ним приблизилась. Они подали весло в лодку послы, чтобы её потащить за собою. К этой цели подучили они и рулевого, правившего лодкою послы. Когда господа послы

заметили, к чему стремятся русские, то один из них закричал приставу, чтобы он ехал быстрее: к чему такая несвоевременная церемония? Ведь ему пристав ничего не может приобрести для великого князя, а они ничего не потеряют для своих государей. Когда теперь лодки столкнулись посередине реки, пристав выступил и сказал, что великий государь и царь Михаил Феодорович, вся Россия самодержец (с прочтением всего его титула), велел ему принять королевских господ послов и приказал их, со всем их народом, при достаточном провианте и подводах, доставить в Москву. Когда на это получен был ответ, то пристав повёл их на берег...»²³.

Рис. 2

Встреча российским приставом шведских послов на пограничной реке Лаве (Лавуе) летом 1634 г. Гравюра из второго издания книги Адама Олеария (*Olearius A. Vermehrte Neue Beschreibung Der Muscovitischen und Persischen Reyse So durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft an den Russischen Zaar und König in Persien geschehen. Schließwig, 1656. S. 17*)

Особенно же примечателен комментарий пристава относительно этого ритуала, данный им членам голштинского посольства, в составе которого следовал Олеарий:

²³ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / пер. А. М. Ловягина. М., 2003. С. 31—32 (текст издания 1906 г.).

«Когда мы велели спросить, примет ли он нас на той стороне или же на воде, как шведов, он отвечал, чтобы мы переезжали: “Нет нужды встречаться на воде, так как у нас не может быть спора о границах, из которых ничего не принадлежит вам”»²⁴.

По всей видимости, цель пристава заключалась в том, чтобы шведские послы первыми пересекли пограничную линию — середину реки. То есть граница здесь использовалась в качестве своего рода символического ресурса в соответствии с той же логикой, что и при порядке спешивания или выхода из кареты либо саней: почётнее («честнее») быть принимающей, реагирующей (а не иницирующей) стороной, адресатом (а не адресантом), завершать действие, а не начинать его. Указанный принцип вообще был характерен для российской дипломатии этого времени, что отражалось, в частности, на порядке обмена посольствами («честнее» было сперва принять иностранную миссию и только в ответ отправить свою)²⁵. Тут его стремились реализовать при пересечении границы, о чём дополнительно свидетельствует комментарий пристава — не исключено, впрочем, что несколько лукавый: ведь голштинских послов тоже должны были встретить уже на российском берегу. Очевидно, шведы не случайно стремились к тому, чтобы лодки встретились именно на середине реки — это, вероятно, символизировало равный статус сторон, что в других ситуациях могло подчёркиваться. Например, в инструкции российским послам, отправленным в 1636 г. в Карелию для размена перебежчиками, специально отмечалось, что они не должны ни сами заезжать на шведскую сторону, ни пускать на свою сторону шведов и вести переговоры строго «на рубеже». А ранее, в 1618 г., на той же Лаве российское и шведское посольства встретились сначала на мосту, а на второй день «на среди реки на конях»²⁶.

Вообще, конечно, съезд на мосту и строительство моста — тоже действия, исполненные символического смысла. Потому в 1617 г. для российско-шведских переговоров предполагалось специально построить мост через всё ту же Лаву в её устье, в месте впадения в Ладожское озеро, каким бы странным это ни казалось с практической точки зрения. Причём тогда, в 1617 г., стороны после препирательств всё же договорились о том, чтобы поставить съезжие шатры для переговоров на середине моста, хотя изначально московские дипломаты настаивали на их установке

²⁴ Там же. С. 34. См. об этом эпизоде как примере актуализации границы России со Швецией в акте символической коммуникации: *Garnier C.* «Wer meinen Herrn ehrt, den ehre ich billig auch». S. 33—34. Кстати, автор отмечает, что сам по себе ритуал встречи на лодках или плотках посередине реки известен в Европе, по меньшей мере, с раннего Средневековья (с. 48, сноска 39).

²⁵ Юзефович Л. А. Путь посла. С. 68—69.

²⁶ *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 241 (1636), 376—377 (1618).

по российскую сторону границы²⁷. То есть шведские послы в таком случае должны были бы приходиться к ним в шатёр и тем самым демонстрировать свой более низкий статус. Л. А. Юзефович привёл несколько примеров такого рода из истории посольских съездов конца XVI в., указав на вероятный символический смысл компромиссного решения, принятого шведскими представителями на съезде 1575 г., когда они — после долгих споров о том, на чьей стороне границы следует ставить шатры, и после упорного отказа русских съезжаться прямо на мосту — перенесли свою «кровлю под сукны» на тот берег реки Сестры, где стоял российский шатёр, т. е., возможно, «как бы перенесли на другой берег собственную территорию»²⁸. Он вполне справедливо, как мне кажется, подчёркивает: «Съезжий шатёр — модель пограничной территории двух сопредельных государств, не случайно он составлен из двух шатров. Предполагалось, что послы обеих сторон пребывают на своей собственной земле. Занавес — граница, своды шатра — небесный купол. Лишь на такой сцене могла быть разыграна пьеса, невозможная в другой постановке»²⁹.

Описанные способы ритуального маркирования границы между Россией и Швецией следует, на мой взгляд, связывать с символическим уподоблением её границе жилища. Понимание государя как домовладельца, а соответственно, его государства как домовладения было широко распространено в России³⁰. В случае с рассматриваемым сюжетом стоит обратить внимание на хорошо известный российский обычай (соблюдавшийся также в Речи Посполитой, но не в западноевропейских государствах) обеспечивать полное содержание иностранных посольств на территории страны³¹. Очевидно, приём посольства был равнозначен приёму гостя. Последний же в славянской культуре «фактически становится заложником определённых этикетных требований, которым он вынужден подчиниться»³². Так что с помощью ритуала можно было попытаться извлечь из факта пересечения границы символический капитал, подчеркнув с первой же встречи статус иностранных дипломатов как гостей в доме, которые

²⁷ Там же. С. 45, 50, 283.

²⁸ Юзефович Л. А. Путь посла. С. 72—73. См. также: Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Ч. 1. 1556—1586 гг. С. 325—329. См.: «И того ж часу Ягана короля послов Клауша с товарищи кровлю за рубежь на сю сторону Сестреи реки перенесли и к шетру придвинули, и послы Клаушь с товарищи за рубежь за Сестрею реку в шатер к боярину ко князю Василию Ондреевичю с товарищи пришли» (с. 329).

²⁹ Юзефович Л. А. Путь посла. С. 74.

³⁰ См., например: Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси. С. 168—174.

³¹ См. об этом: Юзефович Л. А. Путь посла. С. 108—115.

³² Агапкина Т. А., Невская Л. Г. Гость // Славянские древности. Т. 1. С. 532.

обязаны следовать соответствующим правилам поведения — ставившим принимающую сторону в заведомо более выгодное положение.

В заключение отмечу, что существовал ещё один ритуал, который мог при определённых обстоятельствах актуализировать границу, — казнь преступников. В 1621/22 г. в российско-шведском приграничье были повешены братья-разбойники из Кексгольмского лена, пойманные на российской территории. Шведская сторона выразила недовольство с связи с тем, что преступников не выдали, новгородский же воевода Д. И. Мезецкий в ответ заявил: «...где те разбойники сысканы, тут им и казнь учинена»³³. Известно, что в рассматриваемый период в России (как, впрочем, и в других странах) действовал принцип, согласно которому, по выражению Н. Ш. Коллманн, «казни должны происходить в символически заряженных точках, связанных с преступлением»³⁴. К примеру, по Соборному Уложению (гл. X, ст. 231), повреждение межи каралось битьём кнутом на самой меже: «А будет кто ни будь на государеве или на вотчинникове или на помещикове земле писцовую межу испортит и столбы вымечет, или грани высечет, или ямы заровняет, или землю перепашет, а по суду и по сыску про то сыщется допряма, и тех людей на спорных межах бити кнутём нещадно, и бив кнутом, вкинути в тюрьму на неделю, а исцу велети на нем взяти за всякую грань по пяти рублев, и велети межи и грани зделати и ямы выкопати по прежнему»³⁵. Впрочем, в упомянутом эпизоде 1621/22 г. речь шла не о порче межи, а о разбое. И всё же, на мой взгляд, в том, что казнь пришедших «с той стороны» и схваченных неподалёку от границы разбойников была демонстративно устроена здесь же, рядом с границей, можно, по-моему, усмотреть в том числе и утверждение территориальных пределов юрисдикции монарха, от имени которого наказывались преступники, явившиеся из-за этих пределов. К подобного рода языку ритуалов могли прибегать, отнюдь, не только «московиты»: в мае 1636 г. на перекрёстке, как сообщают источники, «на большой дороге новгородской от рубежа за три версты», шведами был казнён (четвертован) российский подданный — сын боярский Иван Неелов, признанный виновным в убийстве на шведской стороне. Для экзекуции его специально привезли из Нотебурга (Орешка) «на рубеж», в Ярвосольский погост, на территории которого — что важно — и произошло убийство (см. выше замечание Н. Ш. Коллманн). Тело было

³³ См. об этой истории: Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 81—82; Селин А. А. Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 189, 194, 212 (здесь приведённая цитата), 495.

³⁴ Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. С. 373 (цитируемая фраза), 374.

³⁵ Соборное уложение 1649 года. С. 57.

оставлено здесь же, «на рубеже», хотя затем его тайно выкопали, перевезли на российскую территорию и похоронили в освящённой церковной земле³⁶. Поскольку само злодеяние было совершено в приграничье, а наказание предполагало связь или с местом преступления, или с местом поимки преступника, то и ритуал казни оказывался привязанным к границе и тем самым напоминал о ней.

Итак, ритуал играл заметную роль в маркировании и актуализации границы между Россией и Швецией в раннее Новое время. Приведённый перечень самих ритуалов, разумеется, может быть расширен. Моей целью было показать важность изучения этого своеобразного языка (в широком семиотическом смысле) для более полного понимания культурного контекста, в котором осуществлялось российско-шведское трансграничное взаимодействие. Наконец, как мне кажется, представленный материал позволяет поставить вопрос о специфике восприятия в допетровской России пространственного измерения власти — в целом тех феноменов, которые мы сейчас определяем как политические.

Список литературы

Агапкина, Т. А. Гость / Т. А. Агапкина, Л. Г. Невская // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — Т. 1. А—Г. — С. 531—533.

Антонов, Д. И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века / Д. И. Антонов. — Москва : РГГУ, 2009. — 427 с.

Белова, О. В. Земля / О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, А. Л. Топорков // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. Д—К (Крошки). — С. 315—321.

Геннеп, А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. — Москва : Восточная литература РАН, 1999. — 198 с.

Жуков, А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / А. Ю. Жуков. — Великий Новгород : Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2003. — 255 с.

Коллманн, Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Н. Ш. Коллманн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 609 с.

³⁶ См. об этом инциденте: *Пересветов-Мурат А. И.* Ингерманландский криминал // Инкери: (Pietarin ja Inkerinmaan kuulumisia). 2008. Июнь / Kesäkuu. № 2 (067). С. 8—9. URL: www.inkeri.ru/wp-content/uploads/paper/inkeri2008_2.pdf (20.12.2017); *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 566—569.

На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000—1700 гг. / под ред. М. А. Бойцова и Г. Альтхофа. — Москва : РОССПЭН, 2016. — 262 с.

Павлов-Сильванский, Н. П. Символизм в древнем русском праве / Н. П. Павлов-Сильванский // *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России / отв. ред. С. О. Шмидт. — Москва : Наука, 1988. — С. 483—505.

Пересветов-Мурат, А. И. Ингерманландский криминал / А. И. Пересветов-Мурат // *Инкери : (Pietarin ja Inkerinmaan kuulumisia)*. — 2008. — Июнь / Kesäkuu, № 2 (067). — С. 8—9. — URL: www.inkeri.ru/wp-content/uploads/paper/inkeri2008_2.pdf. — (20.12.2017).

Селин, А. А. Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). Формирование. Функционирование. Наследие : исторические очерки / А. А. Селин. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2016. — 864 с.

Стефанович, П. С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси / П. С. Стефанович // *Средневековая Русь*. — Москва : Российское университетское издательство, 2004. — Вып. 5. — С. 86—113.

Толстиков, А. В. Испытание терпения: Поэтическое описание злочлукений шведского посольства в России середины XVII в. / А. В. Толстиков // *Одиссей: человек в истории* : 2009. — Москва : Наука, 2010. — С. 244—266.

Толстиков, А. В. Религиозный аспект понимания политических границ в допетровской России (на примере российско-шведских отношений) / А. В. Толстиков // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. — Москва : Институт российской истории РАН, 2017. — Вып. 8. — С. 145—163.

Толстой, Н. И. Граница / Н. И. Толстой // *Славянские древности : этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — Т. 1. А—Г. — С. 537—540.

Успенский, Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б. А. Успенский // *Успенский Б. А.* Избранные труды. — Изд. 2-е, испр. и перераб. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — Т. 2. — С. 67—161.

Успенский, Б. А. Право и религия в Московской Руси / Б. А. Успенский // *Факты и знаки : исследования по семиотике истории*. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — Вып. I / под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. — С. 122—179.

Филлюшкин, А. И. Институт крестоцелования в Средневековой Руси / А. И. Филлюшкин // *Клио : журнал для учёных*. — 2000. — № 2 (11). — С. 42—48.

Юзефович, Л. А. «Как в посольских обычаях ведётся...» : Русский посольский обычай конца XV — начала XVIII в. / Л. А. Юзефович. — Москва : Международные отношения, 1988. — 214 с.

Юзефович, Л. А. Путь посла : Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал / Л. А. Юзефович. — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2007. — 340 с.

Althoff, G. Die Macht der Rituale : Symbolik und Herrschaft im Mittelalter / G. Althoff. — Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. — 256 s.

Coplan, D. B. Border Show Business and Performing States / D. B. Coplan // A Companion to Border Studies / ed. by T. M. Wilson and H. Donnan. — Hoboken : John Wiley & Sons, 2012. — P. 507—521.

Garnier, C. «Wer meinen Herrn ehrt, den ehre ich billig auch»: symbolische Kommunikationsformen bei Gesandtenempfangen am Moskauer Hof im 16. und 17. Jahrhundert / C. Garnier // Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte. — 2005. — Bd. 7. — S. 27—51. — URL: http://www.steiner-verlag.de/uploads/media/JBKG_2005_7_027-051_Garnier.pdf. — (29.08.2017).

Garnier, C. Die Macht der Zeichen — die Zeichen der Macht: zur Bedeutung symbolischer Kommunikation in der Politik des Großfürstentums Moskau im ausgehenden 15. und 16. Jahrhundert / C. Garnier // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 2007. — Bd. 55, h. 3. — S. 331—356. — URL: http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00066173/image_349. — (29.08.2017).

Hennings, J. Russia and Courtly Europe : Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648—1725 / J. Hennings. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — XI, 297 p.

Kaiser, R. Performativity and the Eventfulness of Bordering Practices / R. Kaiser // A Companion to Border Studies / ed. by T. M. Wilson and H. Donnan. Hoboken : John Wiley & Sons, 2012. — P. 522—537.

Kurki, T. Borders from the Cultural point of View : An Introduction to *Writing at Borders* / T. Kurki // Culture Unbound : Journal of Current Cultural Research. — 2014. — Vol. 6. — P. 1055—1070. — URL: <http://www.cultureunbound.ep.liu.se/v6/a59/cu14v6a59.pdf>. — (28.08.2017).

Mikhailova, Yu. Cross Kissing : Keeping One's Word in Twelfth-Century Rus' / Yu. Mikhailova, D. K. Prestel // Slavic Review. — 2011. — Vol. 70, No. 1. — P. 1—22.

Stollberg-Rilinger, B. Rituale / B. Stollberg-Rilinger. — Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 2013. — 294 s.

Tolstikov, A. From *Mezha* and *Rån* to *Rubezh* and *Gränsen* : Conceptualizing the Russo-Swedish Border in the Late Middle Ages and Early Modern Period / A. Tolstikov // Revue d'Histoire Nordique — Nordic Historical Review. — 2015. — No. 19. — P. 31—55.

ЖУКОВ Алексей Юрьевич / ZHUKOV Alexey

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

zhukov@karelia.ru

**РУССКО-ШВЕДСКАЯ ГРАНИЦА 1621 г. В КАРЕЛИИ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ
В ЖИЗНИ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА***

**THE 1621 RUSSIAN-SWEDISH BORDER IN KARELIA AND ITS MEANING IN THE
LIFE OF THE KARELIAN PEOPLE**

Abstract: The article is focused on the role of the Russian-Swedish state border that not only divided the Karelian ethnos but at the same time, paradoxically, contributed to reuniting the Karelians within the politico-legal and cultural-religious space of Russia — the one they were used to.

Ключевые слова / Keywords: Россия, Швеция, Карелия, карелы, государственная граница, разграничение, переселение, XVII в. / Russia, Sweden, Karelia, Karelians, state border, division, migration, the 17th century.

Принято считать, что граница — это черта, которая отделяет одно целое от другого. Граница может быть абстрактной, в виде сформулированного принципа, когда разделяются понятия, но может быть и вполне физической, в виде черты — «межи», проведённой на местности. Ярким примером тому служит определение-конструкт «государственная граница»: одновременно это и понятие, и полоса местности, разделяющая территории сопредельных государств. В обоих случаях превалирует смысл «разделение», «предел», который подразумевает несовпадение отграниченных пространств.

Но что делать, когда при межгосударственном разграничении отделяется одна часть народа от другой? Именно такую ситуацию мы и наблюдаем в истории русско-шведского разграничения в Карелии в 1621 г. по условиям Столбовского мира 1617 г. Внешнюю сторону разграничения, канву событий мы описывали в отдельной статье¹. Опыту восстановления линии границы 1621 г. на Сямозерском участке посвящена работа Д. В. Кузьмина². Важные аспекты политики России и Швеции в отношении русско-шведских приграничных противоречий, особенно тему перебежчиков,

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи», № 0225-2014-0012.

¹ Жуков А. Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617—1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: сб. ст. к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 31—36.

² Кузьмин Д. В. Сямозерский участок российско-шведской границы 1621 года (топонимический комментарий) // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 107—112.

проследили ещё А. С. Жербин и А. С. Кан³. В последнее время активной разработкой проблем конфликтности в русско-шведском приграничье занимается А. И. Чепель⁴.

В данной же статье будет обращено внимание на восприятие русско-шведской пограничной черты 1621 г., бытовавшее тогда среди карелов. И здесь, как ни парадоксально, обнаруживается, что определяющим выступал вовсе не фактор отделения одной части карелов, оставшихся в России, от другой их части, перешедших в подданство Шведской короны. Нет — главным фактором стал фактор объединения. Выше мы отметили подразумевающееся в обыденном сознании несовпадение отграниченных территорий. Но на самом деле, пространства совпадают — и совпадают они всегда ровно по линии государственной границы, когда одно из них переходит в другое. Иными словами, государственная граница не только разграничивает, но обязательно объединяет, пусть это объединение и выглядит подчинённым по отношению к фактору разъединения.

Данное парадоксальное свойство границы в полной мере проявилось уже при проведении пограничного размежевания. Ещё до самой процедуры демаркации, в конце 1610-х гг., стороны решили расспросить местных старожильцев, к какой административной области относятся их земли, поскольку Столбовский мир зафиксировал отделение границей земель Корельского уезда, переходивших Швеции, от территории Новгородского уезда, остававшегося за Россией⁵. И тут выяснилось, что российские карелы-старожильцы из Поросозера и деревни Реболы в один голос заявили: их земли исстари находятся на «государевой царевой стороне», т. е. не входят в Корельский уезд, и в подтверждение своих слов настаивали на проведении процедуры жребия, предусмотренной Столбовским договором и соглашением о разграничении.

Иными словами, они совершенно не хотели отделяться границей в пользу Швеции, желая сохранять единство со своими соплеменниками, проживавшими

³ Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=469> (01.12.2017); Кан А. С. Столбовский договор 1649 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1956. Вып. 1. С. 101—117.

⁴ См., например: Чепель А. И. «Пастухов те воры били до умертвия...»: криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // *Метаморфозы истории*. Псков, 2014. № 5. С. 370—390. URL: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/metami/metami05/metami05_23.pdf (01.12.2017); *Его же*. «Твёрдые крепости отделяют нас от них...»: проблема безопасности шведско-русской границы в первые десятилетия после Столбовского мира // *Псковский военно-исторический вестник*. Псков, 2015. Вып. 1. С. 71—77; *Его же*. Преступные сообщества в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы восемнадцатой ежегодной научной конференции (12—13 апреля 2016 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2017. Вып. 18 (1—2). С. 57—66. URL: http://www.aroundspb.ru/uploads/history/sbornik_north_europe/sbornik_north_europe_2017.pdf (01.12.2017) и др.

⁵ Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII в.: сборник материалов, извлечённых из московского Главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива, и касающихся истории взаимоотношений России и Швеции в 1616—1651 годах. М., 1897. С. 19, 20.

к востоку от них. Более того, ребольцы, чья волость являлась частью Иломанского погоста Корельского уезда, о чём шведы прекрасно знали⁶, даже пошли на сознательный подлог, заявив о своей «новгородской» принадлежности. В результате ребольцы с поросозерцами тянули жребий: с церковного престола ими был вытянут «российский жребий», а не «шведский»⁷.

В споре о государственной принадлежности ситуация с Поросозером (Порозеро, как тогда называлась деревня) была противоположной. Здесь уже шведы заявляли, что эта деревня Пурозеро Корельского уезда, хотя на самом деле она принадлежала Селецкому погосту округа Лопских погостов Новгородского уезда⁸. Поросозерцы даже направили в Новгород к воеводе Данилу Ивановичу Мезецкому своего старосту Лариона Алексеева, информируя того о сложившейся ситуации и намерении шведов вести границу от Поросозера на север, к Княжей губе Белого моря, отделяя таким образом населённые карелами новгородские Лопские погосты от России⁹.

Как видим, в обоих случаях местные жители оказались в ситуации реального выбора — по какую сторону будущей границы им жить. Выбрав сторону России, они выбрали единство с карелами, жившими в России. А как же большинство тогдашних карелов, оставшихся в Корельском уезде Швеции? Они в массе своей тоже сделали выбор, но десятилетиями позже.

А пока стороны после опроса старожильцев приступили к определению линии границы — межеванию, которое закончилось 3 августа 1621 г. Сами русские межевые послы и шведские межевые комиссары имели полномочия, чётко зафиксированные их «верящими грамотами послов полномочных» от 1617 г.: «ехати на рубеж межъ Новгородцкого уезда Олонецкого погоста и межъ Корельского уезда Соломенского погоста у Ладожского озера и там починати дозирати и разлучати и размежевывати те межи и грани...[которые] в вечное время... поступлены и отданы. И на том укрепленная грамота и договор учинити [с русской стороны] крестным целованьем, [а со шведской стороны] — клятвою утвердити»¹⁰. Приведённый текст не оставляет ни малейшего сомнения в том, что для обоих государств проведение границы было процессом разъединяющим. В самом деле, послы должны были земли осматривать (дозирать),

⁶ См., например, шведскую Переписную книгу Корельского уезда со «Списком запустений» 1590 г.: *Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta* — История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 282.

⁷ Якубов К. И. Россия и Швеция... С. 67, 68.

⁸ Там же.

⁹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. 1620. Д. 1. Л. 115—119.

¹⁰ Там же. Оп. 3. Д. 32. Л. 1. Пергамен. Подлинник.

отделить (разлучить) и провести границу с помощью пограничных знаков («размежевать те межи и грани»), потому что царь отказался от власти над ними (поступился) и отдал Швеции навечно (поэтому Столбовский мир и называется «вечным»); даже процедуру предварительной ратификации послы осуществляли порознь: русские — церковной присягой, шведы — клятвой.

А как процедура происходила на деле? Она очень кратко описана в первой «укрепительной межевой записи» от 25 октября 1617 г.: межи с обеих сторон «праведно сисканы, смотрены и разлучены, и кладены по старожилцовским скаскам в правду, как истари бывали. А грани на тех межах ныне кладены: [с русской стороны] деланы кресты, [а со шведской стороны] деланы коруны, а в ыных местех копаны вопче ямы и насыпаны угольем»¹¹. Затем в архивном деле следует подлинный список «Росписи межевалной» государственной границы от 3 августа 1621 г., с описанием всей её линии¹².

Третья часть межевого дела составляет «Роспись» спорных земель Селецкого, Линдозерского и Ребольского погостов, которые в 1617—1621 гг., частями, шведы отмежевали себе самовольно — «не по договору и без государевых старожилцов». «А ныне та государева земля, которая написана в сей росписи и Реболская вся волость отмежевана в государеву сторону»¹³. Совершенно очевидно, что официальная процедура размежевания происходила в присутствии старожильцев, причём с обеих сторон; если старожильцы одной стороны не являлись на размежевание, процедура считалась незаконной.

Иначе и быть не могло. Новая государственная граница делила земли между карельскими волостями, и указать правильность пограничной черты могли только местные жители, поскольку эта граница ложилась на старинную линию волостного разграничения. Поэтому именно по этим волостным межам, от волости к волости, государственная граница и велась.

Собственно, в русской правоприменительной практике обязательное участие двух сторон-соседей было необходимо для того, чтобы не дать одной волости захватить (присоединить к себе) земли соседней. Например, в 1591 г. царь Фёдор Иванович пожаловал в вотчину Соловецкому монастырю Кемскую волость, в связи с чем было произведено размежевание волости от соседних волостей, с подробным описанием её границы. На «отделе» присутствовали не только кемляне, но и священники, старосты и целовальники, «и старожилцы тутошние и сторонние, и лучшие люди» от всех

¹¹ Там же. Д. 34. Л. 1—2.

¹² Там же. Л. 27—46.

¹³ Там же. Л. 48—62.

соседей — Шуерецкой, Шуюзерской, Тунгудской, Панозерской и Топозерской волостей; соседи выступали не статистами, а активными участниками: они «сказали, что...» — и далее в тексте идет описание кемской границы¹⁴.

А вот обратный пример — неучастия одной из сторон в размежевании. В 1582/1583 г. Клименецкий монастырь получил от царя соседние земли в вотчину. Но их «отдел» не состоялся, потому что местные кижане «не встали на межу», т. е. отказались участвовать в размежевании, считая своим небольшой лесок в пределах отводимых земель. Спор длился до 1599 г., пройдя суды всех инстанций, вплоть до высшего — Боярской думы, приговор которой утвердил царь Борис Годунов. Интересно, что признав неправоту кижан, царь и бояре их так и не наказали, а лишь потребовали провести, наконец, размежевание¹⁵. И в самом деле, по русским законам кижане имели полное право не «вставать на межу», отстаивая свои интересы в судах.

Так что проведение линии государственной границы тоже являлось обоюдной процедурой, требовавшей объединённых усилий карелов по обе стороны границы. Именно такой объединявшей все стороны процедуры требовало российское законодательство, и она применялась при размежевании.

Подобно кижанам, карелы из лопских Линдозерского и Селецкого погостов, а также Ребольской волости в 1617—1620 гг. не приходили на разграничение. Они были не согласны с первичными отводами своих земель, или части своих земель, шведскими межевыми комиссарами в пользу королевства. И в конечном итоге данные отказы привели к тому, что шведские отделы были признаны незаконными и потребовалась новая процедура осмотра земель, удовлетворившая жителей. Только после неё они «встали на межу», а послы смогли провести «отвод и отдел».

«Роспись» спорных земель, кстати, тщательно перечислила все участки несостоявшегося незаконного отторжения, с указанием их размеров. Приведём лишь три примера. В Линдозерском погосте: от Ирсты-реки по Костому-озеро четыре версты через Куймо-ручей до Леппо-ручья — по длине четыре версты, а поперёк двенадцать вёрст; в Селецком погосте: от устья Выдрика-ручья по Пялвоозерку и по Суне-реке до Пора-озерка (на нём стоит Порозерская волость) до межи меж Иванова озерка да Ловги-вары — по длине одиннадцать вёрст, а поперёк 20 вёрст; Реболы: «по скаске старожилцев поперег же вся Реболская волость верст на двесте, а инде и болши», а её новая граница с Иломанским погостом Швеции в длину 107 вёрст¹⁶. Ясно, что

¹⁴ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. / под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 319—327.

¹⁵ Там же. С. 368—377.

¹⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 34. Л. 54, 55, 62.

поставленные в условия неизбежного разграничения местные жители были вынуждены принять в нём участие. Но при этом они постарались отстоять земли своих волостей в неприкосновенности.

Разумеется, право на защиту своих земельных владений сохранялось не только за карелами, остававшимися на российской стороне приграничья, но и у карелов со шведской стороны границы. Пример тому — так называемый «Хюрсюльский выступ» на границе 1621 г., воспроизводимый затем в качестве и административной границы времён Российской империи, и советско-финляндской границы 1918—1940 гг. Надо сказать, что в целом «Межевая роспись» 1621 г. логично описывает линию границы строго по её участкам между волостями, друг за другом, с юга на север. Но вот она доходит до описания участков границы российских Тулмозера и Сямозерья, с одной стороны, и шведской Суоярвской волости (она же Шуезерская выставка) — с другой. И что же?

В тексте вдруг появляются отдельными участками границы владений двух суоярвских деревень Кайбонаволока (ныне это Кайпа, район г. Суоярви) и Гулсюлы (ныне — Хюрсюля). А именно: после окончания участка границы между волостями — российской Тулмозерской и шведской Суйстамской (Шустамской выставки) началась межа «Корелской стороны Кайбанаволока и Гулсюля-деревни» с Тулмозерской волостью Олонецкого погоста (следует её описание); затем, на Курондоском пороге на Коронде-реке, «скончалась межа» между Тулмозерской волостью и Хюрсюля, и началась «самозерских деревень межа с Корелского уезду з деревнею с Кабо же наволоком» — следует её описание до Сон-неми на Левие-озерке, — «и туто скончалась Корелского уезда Кайбонаволока межа», а началась «Шуезерские выставки межа с Олонецкого погоста Самозерскою волостью»¹⁷. Предпринятое нами с Д. В. Кузьминым исследование показало, что описание линии границы на этих трёх участках в целом повторяет линию будущих границ XVIII—XX вв., с небольшими изменениями в обе стороны — до нескольких сотен метров, не более¹⁸. (Очевидно, отмеченные территориальные изменения произошли во времена Российской империи, когда граница являлась административной чертой.)

Другими словами, «Хюрсюльский выступ» — это не что иное, как восточные границы владений двух суоярвских деревень Кайбонаволока и Хюрсюля, которые были узаконены в 1621 г. в качестве государственной границы. И вот почему сама линия

¹⁷ Там же. Л. 35об.—36об.

¹⁸ Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV—XVII веках // История и культура Сямозерья. С. 41—106; Кузьмин Д. В. Сямозерский участок российско-шведской границы 1621 года (топонимический комментарий).

границы оказалась так прихотливо изогнута: деревенские владения, конечно, имеют менее плавные очертания, чем границы волостей. Таким образом, в основе приграничного размежевания находились всё же границы деревенских владений, когда границы самых крайних деревень волостей становились волостными границами, а тем, в свою очередь, по необходимости приходилось становиться участками государственной границы. Известно, что крестьянские семьи, крестьянские дворы владели не землями волости вообще, а «своими участками деревенскими»; сумма таких участков и являлась владениями каждой деревни, владения деревень складывались в территорию волости. Поэтому право собственности (или право владения) и право отстаивания этой собственности в судах сохранялось и за крестьянским двором, и за волостью. Данный неизменный государственно-юридический порядок и был в полной мере востребован местными жителями при пограничном разграничении в 1617—1621 гг.

Где именно должна была проходить линия границы — между деревнями или между волостями, всегда решали местные жители и их соседи, т. е. заинтересованные стороны. И «Межевая роспись» 1621 г. даёт тому яркий пример. В ней имеется небольшой подраздел, в котором указаны расстояния между крайними деревнями волостей по обе стороны границы до самой пограничной черты. С российской стороны там указаны только те деревни и их земли, «в которые вступались немцы» (т. е. на которые претендовали шведы), напомним, это деревни Линдозерского погоста, Поросозерской волости Селецкого погоста и деревни Ребольской волости.

Поросозеро являлось вотчиной Валаамского монастыря, поэтому её границы были давно определены, соответственно, расстояния представлены в следующем виде: от центра волости Порозера до межи Белого озера и до Логви-вары — по 22 версты, а от Корельского уезда деревни Салма-озера — по 20 вёрст, и т. д. — везде разные расстояния, что вполне естественно: одни деревни стояли ближе к границе, другие — дальше. Но совсем иное дело — расстояния до границы от чернососшных (государственных) деревень Линдозерского погоста и Ребольской волости и от стоявших напротив них чернососшных же деревень Корельского уезда — здесь они *езде одинаковы*.

Например, от линдозерской деревни Пялвозерская волость и от корельской Шуезерской деревни до межи Каттелы-ламбы — по 26 вёрст, а до межи Тертютяева ручья — по 30 вёрст; от ребольской деревни Лендеры и от корельской деревни Кичи-на-Бору до межи Габи-озера Верхнего — по 20 вёрст, а до межи Рого-ламбы и Нагряз-

вары — по 15 вёрст¹⁹. Такая ситуация просто не могла сложиться ранее, сама собой, до размежевания. Скорее всего, именно местные жители, лендерцы и ребольцы с одной стороны и суоярвцы с иломанскими жителями — с другой, сами договорились между собой, чтобы государственная граница прошла ровно посередине между их крайними деревнями, т. е. восторжествовал объединяющий всех принцип: «поровну — значит справедливо». Вот так местные карелы на своём уровне ответили на несправедливую, по их мнению, границу 1621 г., которая разделяла этот народ.

Но раз граница была проведена, утверждена послами и ратифицирована в обеих столицах, приходилось с этим смириться и строить свою жизнь, исходя из новых реалий, в том числе реалий «приграничности». Так, Столбовский мир запретил сторонам не только «нарушать между», но и вести хозяйственную деятельность в пределах половины версты от линии границы.

И вот, 12 июня 1624 г. новгородские власти получили от шведского «державца» Кексгольма (Корелы) жалобу на незаконное возделывание подсеки на шведской стороне границы, в Суоярвской волости Кексгольмского лена. Но через год, 13 сентября 1625 г., уже олонецкие тулмозерские крестьяне жаловались на суоярвцев, обвиняя их в том же самом. Межгосударственный конфликт был разрешён выездом на место комиссий от обеих сторон, которые, в полном соответствии с традицией, договором и законами, не только взяли с собой межевальные книги, но и привлекли окрестных старожильцев. 18—19 ноября 1625 г. состоялся их «съезд» на пограничной черте 1621 г. В результате было установлено, что суоярвцы обманом поставили на российской стороне, в двух верстах от истинной линии границы, поддельные пограничные знаки, не отличимые от настоящих. Но поскольку опрашиваемые под присягой старожильцы с обеих сторон вели саму линию границы в 1621 г., то подлог был тут же обнаружен. Шведский комиссар Нильс Нильссон приказал *повесить* прямо на линии границы создателей фальшивой межи, и в *компенсацию за ущерб* признал принадлежащим российской стороне весь высеянный суоярвцами обманом хлеб. Обо всём этом 6 декабря 1625 г. доложил в Новгород возглавлявший русскую сторону Филипп Арцыбашев²⁰.

По существу, в этом конфликте стороны *имитировали «состояние войны»* — с наступлением, отступлением и даже с наказанием смертью проигравшей стороны и выплатой контрибуции победителю. Но следует подчеркнуть, что такого рода коллизии не являлись чем-то исключительным, характерным для жизни лишь в приграничье. В действительности мы имеем дело с типичным примером отстаивания

¹⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 34. Л. 44—46.

²⁰ Там же. Оп. 1. 1626. Д. 1. Л. 13—45, 141—152.

своих владельческих прав крестьянской общиной, волостным сообществом, лишь «отягощённым» приграничным антуражем, которым была продиктована суровость наказания. На самом же деле, повторим, поведение сторон по поводу нарушения межи глубоко традиционно.

В доказательство приведём пример даже не московского периода истории России, а более древнего, новгородского времени. Мы провели сравнительный анализ текстов двух юридически обязывающих документов — Ореховецкого мира 1323 г. между Новгородом и Швецией и соглашения 1375 г. между чёлмужским боярином Григорием и местной крестьянской общиной, граничившей с его вотчиной. Оба источника обнаруживают поразительную схожесть и формуляров, и юридической терминологии. Вначале стороны скрупулёзно перечисляют участников соглашения. Затем в договоре 1323 г. говорится: «докончали есмы миръ вечный», т. е. полномочные послы заключили мирный договор, а в акте 1375 г.: «докончаша миръ... миръ взяли», — *как если бы до того стороны вели между собой полноценные боевые действия*. Потом объяснялись причины конфликта и его прекращения: Ореховецкий мир прекращал войну из-за Корельской земли «по любви» — компромиссным признанием трёх западно-карельских погостов за Швецией, а крестьяне спорили с боярином из-за земель в Чёлмужском погосте и тоже «урядили» (пришли к соглашению-компромиссу). Далее оба источника перечисляли договорные условия. Корельской земле стороны дали «розвод и межу» — и следует описание линии государственной границы. Точно так же акт 1375 г. устанавливал межу, которая и описывалась. В заключение оба документа фиксировали дополнительные условия: в 1323 г. — о праве новгородской карельской знати на их вотчинные земли и воды в уступленных погостах, с запретом шведам претендовать на них («а то все к Новгороду»); «мировая» же 1375 г. прямо объявляла все «земли и воды» на вотчинной стороне собственностью чёлмужского боярина Григория и его наследников²¹. Как видим, оба источника были составлены в одном политико-правовом ключе, их однотипные клаузулы твёрдо следуют единой последовательности. Всё это отражало одинаковое отношение к самому феномену границы — что государственной, что вотчинно-волостной. Данное отношение унаследовал и московский период истории северной России.

Например, в 1535 г. игумены двух заонежских монастырей, Муромского и Палеостровского, подали друг на друга встречные иски о праве вотчинной собственности на Уносские острова на Онежском озере. Посланные для

²¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 67—68 (№ 38), 285 (№ 284); Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в. Петрозаводск, 2013. С. 179—180.

предварительного разбирательства на место судьи Третьяк Кривякин и Спиридон Михайлов 14 сентября 1536 г. провели предварительное судебное разбирательство в форме открытого судебного процесса. На нём аргументы в свою пользу выдвигали обе стороны, сторонние свидетели склонялись в пользу муромцев. И тогда обе стороны «поимались на поле», заявив судьям «лезем на поле биться, дайте нам племянника» — т. е. утвердите нам бойцов-поединщиков, которые в открытой схватке выяснят правоту: чей боец будет в поединке сильнее — та сторона и права. Таким образом, «тихие обитатели» заявили о древнем праве на «Божий суд», ордалию. Конечно, в то время Божий суд еще разрешался законодательством, но государство старалось заменить его, где только возможно, судоговорением, исключая натуральное «поле». Вот и в данном случае судьи направили истцов на разбирательство в Новгород, и в 1538/1539 г. новгородский дворецкий вынес приговор в пользу Палеостровского монастыря (взыскав с Муромского все судебные издержки), но разделил Уносские острова поровну между обителями. Затем, в 1540 г., судья Спиридон Михайлов вместе со сторонами конфликта и окрестными старостами и лучшими людьми создал новую границу-межу между вотчинами монастырей на Уносских островах и прилегающих материковых землях²².

Кстати, до сих пор мы употребляем выражения «судебный поединок», «судебное поле», «на поле судебного процесса (разбирательства)». Это реминисценция именно старинного обычая Божьего суда. Без поединка = войны — нет и мира, а воплощением мира становится граница, будь то граница между государствами или межа между владениями внутри страны. Можно предположить, что и сам конфликт 1375 г., который закончился *миром* и устройством *межи*, тоже состоял из физических стычек между местными крестьянами и вотчинными ватагами, но об этой обязательной по логике стороне дела акт 1375 г. умалчивает. Зато судебное решение «Правая грамота» Палеостровскому монастырю 1538/1539 г. (по существу, это протокол судебного процесса) прямо фиксировала обоюдные стычки, потравы, воровство добычи и порчу имущества.

Условия проживания в приграничье заставляли жителей и власти особенно ревниво относиться к защите «своего». Но столь же традиционно проявлялось и поразительное равнодушие к потерям «чужой стороны» (конечно, если при этом не задевались собственные интересы и честь своего государя). Ярко, на контрасте с предыдущим делом 1624—1625 гг., данное утверждение доказывает другое дело о порче пограничной межи, 1646 г. 5 июня Посольский приказ получил донесение от

²² Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. С. 131—141, 141—143.

оштинского воеводы И. И. Нащёкина (Ошта тогда являлась центром областного управления для Заонежских погостов) о порче пограничного знака у Кангасозерской заставы, т. е. на самом севере олонцкого приграничья. Воевода доложил о показаниях стрельца Тимофея Лукина, посланного сыщиком Матвеем Арцыбашевым, который разбирался там с делом о «корельских выходцах» (карелах, бежавших из Швеции в Россию). Сыщик услышал от местного крестьянина, что «на немецком-де рубежу дерево межевое посечено». Он лично провёл сыск и установил, что со шведской стороны «немецкой болван высечен», т. е. попорчен, а с российской — «крест Господен цел». Поэтому воевода Нащёкин тут же приказал старосте Сязозерской волости Тимофею Степанову, священникам и волостным людям произвести осмотр межевого дерева и разобраться, «кто имянем крестьян то дерево межевое посек и грани истесал?». Осмотр показал, что на дереве имелись старинные затёсы и следы от копья, но сами «грани» целы, а крестьяне не знают, когда и кто испортил шведский пограничный знак²³. Никаких мер по докладу воеводы Посольский приказ не предпринял: «государева честь» не была задета (свой пограничный знак остался невредимым), а к попраению «чести» шведской королевы Кристины посольские отнеслись вполне равнодушно, поэтому даже не сообщили шведам о порче их пограничного знака.

Вполне вероятно, кстати, что многоопытные посольские дьяки предположили, что шведский пограничный знак был испорчен каким-нибудь «корельским выходцем», что называется, в отместку. А при принципиальной неразрешимости проблемы беглецов-карелов, постоянно отравлявшей отношения между Россией и Швецией после Столбовского мира (см. ниже), сообщать про напоминавшую о ней порчу знака было дипломатически неразумным, всё равно что злонамеренно раздирать незаживающую рану оппонента.

Так, зимой 1648 г. в целях усиления своих переговорных позиций перед очередными дипломатическими встречами в Стокгольме Москва озаботилась сбором показаний местных приграничных жителей об «обидных делах», возникших из-за действий шведской стороны. Для этого в Заонежские и Лопские погосты был направлен сыщик И. В. Колобов. У олончан, которые вели широкие торговые дела в Швеции и дома со шведами, нашлось множество материала для записей в «обидные книги». В отличие от них, приграничные северяне, которые вели контрабандную торговлю со шведскими поданными, отказались сообщать об обидах, ловко сведя понятие «обида» к нарушению линии границы. Линдозерцы, например, 16 марта даже выезжали

²³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1646. Д. 1. Л. 174—175.

с сыщиком к пограничной черте «и досматривали: и межи, и рубежи, и признаки целы стоят по старому»²⁴. Их соседи семчезерцы 20 марта клялись, что им «от немецких людей... обид некоторых не было»²⁵. Тогда же крестьяне Селецкого погоста ответили сыщику: шведские подданные «насильств никаких не чинят, и сенных покосов не косят, и в чёрных лесах пашню на государевой земле самоволством не пашут, и звериных ловель не отнимают, и межевых знамён и граней... не секли»²⁶. Столь же не расположенными к сотрудничеству с властями по поводу своих «обид» оказались жители Паданского и Шуеозерского погостов. До самого северного из лопских Панозерского погоста комиссия Колобова так и не добралась, потому что шуеозерские крестьяне сказали, что погост этот от них далеко, и дорог туда не имеется (что на деле являлось явной ложью)²⁷.

К тому времени Заонежские погосты находились в стадии административного реформирования (правительство готовилось к созданию Олонецкого уезда), и, воспользовавшись этим, олончане попытались вообще ослабить контроль властей за линией государственной границы. 28 января 1649 г. назначенный заставным головой Прохор Забелин жаловался, что олончане прекратили давать ему проводников и гребцов для выезда на заставы и, более того, отказались снабжать его казаков едой и дровами (те все «голодною и холодною смертью помирают») и уже выгнали их из приграничной Видлицы, угрожая «смертным убийством» и хвастаясь: «как-де вам из Великого Новагорода перемена придёт, казаки, и мы-де тех казаков во дворы не пустим стоять». В челобитье на имя царя Прохор Забелин констатирует: «И я, государь, по се время стою на одном мисте, а по заставам ехать ни на чем, подвод и дьячка не дадут. И я не домышлю, как стало заставы крепить?»²⁸. Решили проблему пограничной службы, т. е. установили твёрдый контроль за границей, московские власти только после учреждения в том же 1649 г. Олонецкого уезда во главе с воеводами нового города-крепости Олонца, которые и стали начальниками всего олонцкого приграничья, в том числе и пограничных застав.

Очевидно, пограничные заставы появились в Олонецком крае в 1630-х гг., потому что ещё в 1630 г. (не ранее 18 июля) воеводы Новгорода напомнили Москве об их

²⁴ Там же. 1648. Д. 1. Л. 224—225.

²⁵ Там же. Л. 226—226об.

²⁶ Там же. Л. 227—227об.

²⁷ Там же. Л. 229—229об., 230—231. Ещё во времена Первой шведской интервенции, т. е. в конце XVI в., приграничные панозерцы эвакуировались в Шуеозерский погост, в Тунгуду; поэтому «Отдельную книгу» 1591 г. Семёна Юрина на Кемскую волость подписали, в ряду прочих, «Тунгудской и Панозерской волости» староста и крестьяне (Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. С. 327).

²⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1649. Д. 1. Л. 78—79об., 80—82.

отсутствии, что нивелировало усилия самих новгородских уездных властей по контролю за приграничьем. Конкретно воеводы докладывали: за исключением самого северного олонецкого и лопского приграничья в остальной приграничной полосе уезда — от Сумерской волости до Ладоги и устья Свири «о перебежчиках указы учинены крепкие... И перебежчиков, государь... не принимают, а отсылают их назад»; по новгородской границе со Швецией «по всем деревням, и по болшим, и по лешим дорогам, и по малым стежкам, и по рекам... поставлены заставы крепкие для перебежчиков» (т. е. для поимки беглецов); при этом начальник заставы с Ладоги доносил в Новгород, что перебежчики в основном идут через Олонецкий погост, а оттуда многие из них следуют на Белоозеро и Тихвин; новгородские воеводы сообщали, что уже написали воеводе Ошты Ивану Лутохину, чтобы он также учинил на своей территории, в олонецком приграничье, такие же крепкие заставы, как в Новгородской земле²⁹.

Как видим, в своём донесении воеводы предложили путь к установлению контроля за карельским приграничьем силами оштинских воевод, которые и отвечали за весь Олонецкий дворцовый округ в целом. Но из вышеприведённой жалобы заставного головы Прохора Забелина следует, что казаки на олонецкие заставы присылались не из Ошты, а из Новгорода («как-де вам из Великого Новагорода перемена придёт, казаки»). Из данного свидетельства вытекает вывод о том, что Москва утвердила иной вариант установления надзора за границей, нежели предлагали новгородские воеводы: Кремль сконцентрировал контроль за всей линией границы со Швецией в одних руках — новгородской уездной администрации. И такой порядок, напомним, существовал до создания в 1649 г. Олонецкого уезда.

На первый взгляд, может показаться, что Москва тем самым ревностно соблюдала условия Столбовского мира, который прямо запрещал сторонам отказывать в выдаче беглецов. Но наблюдая за административной практикой тех лет, мы можем с большой долей уверенности утверждать, что назначая Новгород ответственным за пограничную службу на всей линии русско-шведской границы, Москва тем самым постаралась саботировать невыгодное для себя условие мирного договора. Ведь она отлично знала, что со стороны Швеции в Россию бегут во много раз больше человек, чем из России в Швецию. Поэтому если контроль за карельскими участками границы был бы возложен на местных оштинских воевод, то охрана государственной границы была бы действительно твёрдой, вполне сравнимой с той, которая имела на

²⁹ Там же. 1630. Д. 1. Л. 45—48.

новгородских участках пограничной черты. Новгородские же власти на деле могли посылать в отдалённые карельские места лишь разъездные команды своих казаков, никак не используя главный фактор в охране границы — возможности местного приграничного населения. Последнее оставалось под властью воевод Ошты и всегда могло сослаться на отсутствие прямого оштинского распоряжения. Таким образом, Москва сама намеренно затруднила контроль за карельскими участками границы — к собственной выгоде.

А проблема карельских беженцев из Швеции в Россию действительно стояла довольно остро. Поначалу, пока в 1621 г. не была твёрдо прочерчена новая линия границы между Россией и Швецией в Карелии, российские власти даже отговаривали готовых к бегству карелов немедленно переселяться «под высокую царскую руку»; в 1610-х гг. бегство носило ещё характер единичных случаев. Но уже с 1620-х гг. карелы стали покидать Кексгольмский лен в значительных количествах. В РГАДА сохранился русский перевод шведской «Именной росписи беглых крестьян с Корелы и Корельского уезду» (перевод от 23 октября 1635 г.), в котором расписаны по годам, погостам и деревням зафиксированные шведами случаи такого «бегства»³⁰. Из росписи следует, что очень многие бежали вместе с детьми (указаны только мальчики, очевидно, как несостоявшиеся шведские налогоплательщики). По нашим подсчётам, в «Именной росписи» отмечено 1690 случаев бегства, из них 1103 случая — бегство семьями (типично: отец и двое-трое сыновей, или просто: такой-то «с семьёй», без указания состава) и 587 случая — бегство по одному. Поэтому только из указанной росписи следует, что общее число бежавших из лена карелов (мужского и женского пола) в 1620—1635 гг. составляло не менее пяти с половиной тысяч человек.

Причина бегства, как правило, не называлась, она указывалась только буквально в нескольких случаях — при совершённом на родине (в лене) преступлении. Причём такими «ведомыми разбойниками» были не только карелы, но и финны и шведы. Например, в 1628—1630 гг.: из Елгинского погоста, деревни Гонга сбежал Иван Гаву с сыном — сообщалось, что он живёт в деревне Сяси «для убийства» (т. е. сбежал из-за обвинений в убийстве), из деревни Завикумбу Гейка Песом-пойка Гирайнен с сыном — «живёт на рубеже в деревни Конду (т. е. в Погранкондушах. — *А. Ж.*) и приходит ныне за рубеж: грабит и крадёт», из деревни Сароксен — Павелко Легикойнен с сыном, сбежал «для убийства»; «из Нишлоцкого уезда из Савакса збежал кнехт Ларс Кнутсон, а по-русски ему дали имя Андрюшка (иными словами, он перешёл в православие, при

³⁰ Там же. Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. Д. 18. Л. 428—550.

котором давалось новое русское имя «по святцам». — А. Ж.), живёт на Свири в Пиркинском погосте, и приходит сюда, и крадет, и розбивает»; из Угменского погоста, из деревни Ньюкала Тихонка Романов Гай — «ныне збежал и подговорил с собой мужнину жену» (т. е. сбежал вместе с чужой женой), из деревни Колатома (в 1631 г.) Павелко Гинзерсон с сыном — живёт на Валкозере, «збежал, убив человека»³¹. Но повторим, это именно единичные случаи.

Во многих случаях шведы знали, в какой местности и даже в какой именно деревне селились беглецы-карелы. Среди этих сведений, конечно, широко представлены деревни и местности приграничных Заонежских погостов, особенно Олонецкого и присвирских («на Свири», «в Важеных», «на Ояти» и т. д.), а также почти всех Лопских погостов Новгородского уезда и Ребольского погоста Кольского уезда. Из более отдалённых местностей в основном указывались новгородские: «на Мсте», «на Тихвине», «на Боровичах», «на Сясе», «на Паше», «на Ладогe», «на Волхове», «в Сермаксе»; но также: «на Вологде», «на Белоозере», «на «Москве» и даже «в Арзамасе» (шведская разведка работала хорошо)³².

Но результат этого очередного требования шведов по соблюдению Россией условий Столбовского мира оказался почти нулевым. Москву не устраивал невыгодный для неё принцип выдачи «всех на всех». Ещё в 1622 г. аналогичное требование шведов вернуть карелов натолкнулось на контртребование Москвы об *обоюдном и одинаковом возврате беглецов — строго по принципу паритета*. Поскольку бежавших из России в Швецию всегда было в разы, а то и на порядок меньше, чем из Швеции в Россию, то тем самым Кремль политико-дипломатическим путём обезопасил себя от обвинений в злом невыполнении условия Столбовского «вечного мира» о выдаче перебежчиков. Более того, когда в результате шведского посольства в Москву в 1634 г. русская сторона все же согласилась первой начать выдавать беглецов и «на пробу» в 1636 г. отдала 300 человек (в основном обвиняемых на родине в преступлениях), она не дождалась ответного возврата «царских изменников» — и уже сама с радостью обвинила Стокгольм в нежелании выполнять условия Столбова. Так недалёковидная и своекорыстная позиция шведов освободила Россию от невыгодного ей пункта «мира» о выдаче *всех* перебежчиков.

Теперь Москва придерживалась *принципа невыдачи единоверцев*, он распространялся и на бежавших из пограничного шведского лена финнов и шведов, которые перешли в России в православие. Успешному отстаиванию Москвой своих

³¹ Там же. Л. 429, 432, 434.

³² Там же. Л. 428—550.

новых позиций помогла и общеевропейская Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.), в которой Швеция участвовала, заметно теряя силы и потому остро нуждаясь в льготных закупках в России продуктов для военных нужд.

А по окончании войны Кремль успел создать в российской Карелии корпус «полков нового строя», основать сильную крепость Олонец и образовать Олонецкий уезд, твёрдо управляя через воевод и полками, и жителями (1649 г.). Поэтому новое шведское посольство 1647 г. получило только формальное обещание вернуть беглецов-карелов, зато ответное русское посольство 1649 г. добилось *признания Швецией всех бежавших в Россию до 1647 г. «вечными подданными» царя*. Не бесплатно, конечно: за 50 тысяч человек беглецов (не только православных карелов и русских, а вообще всех, перебежавших со шведской стороны в Россию и перешедших в православие) Москва выплатила Стокгольму 190 тысяч рублей золотом³³.

Мы можем с уверенностью сказать, что с этого времени, по крайней мере с середины 1630-х гг., конкретная физическая черта государственной границы со Швецией наполнилась для официальной Москвы религиозным смыслом и понятием «рубежа веры», а обычная охрана границы стала приобретать религиозный смысл и значение «охраны веры».

За беглецов 1648—1650 гг. Россия откупилась деньгами и хлебом из псковских житниц (что, кстати, послужило поводом для мощного антиправительственного Псковского восстания 1650 г.). Но уже в 1661 г., по результатам Русско-шведской войны 1656—1658 гг., был заключён новый «вечный мир» в Кардисе, по которому *Швеция отказывалась вообще от всех своих подданных, успевших перейти в Россию с 1617 по 1661 г.* — и от православных карелов и русских, и от финнов и военнопленных-шведов, которые перешли в православие³⁴.

Местному населению российской части Карелии было выгодно привечать у себя беженцев. В соответствии с российской фискально-юридической практикой государственные налоги назначались по результатам очередных переписей населения, которые проводились примерно раз в 20—30 лет. При этом налоги распределялись не по дворохозяйствам и семьям в отдельности, а в целом по погостам (районам) и волостям, из которых состояли погосты. Но на местах местное крестьянское самоуправление всё равно собирало налоги с дворохозяйств и семей. Поэтому чем многочисленнее между переписями становились каждые погост и волость, тем, в конечном счёте, меньшая

³³ Дело о взаимобмене между Россией и Швецией перебежчиками, 1631—1651 гг.: Там же. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Д. 622. 13 л.; Кан А. С. Стокгольмский договор 1649 г. С. 116.

³⁴ Подробнее см.: Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке.

сумма налогов приходилась на каждое дворохозяство и семью. Именно по этой главной причине местное самоуправление поддерживало перебежчиков-карелов, обеспечивая их пустовавшими землями для обзаведения хозяйством.

Яркий пример находим в строках «извета» (доноса) жителя лопского Селецкого погоста Фёдора Филиппова на лендерцев (не ранее 12 января 1628 г.). Фёдор сообщал, что его отец купил в соседней Лендерской волости Ребольского погоста сенокосы, но теперь лендерцы во главе со старостой волости их у него, Фёдора, отобрали и передали во владение карелам, бежавшим из шведского Корельского уезда (Кексгольмского лена); и такая практика являлась вполне обычным делом повсюду в приграничных ребольских волостях, свидетельствовал Фёдор Филиппов³⁵.

Выше отмечалось, что Швецию покидали не только карелы, но и другие шведские подданные — лютеране, которых в России называли «латышами»³⁶. Их тоже привечали в карельских селениях. Архив сохранил рукописную книгу «Розыска» карелов и «латышей» в Двинском уезде стрелецкими головами Семёном Толбугиным, Василием Малыгиным и Яковом Тургеневым от 11 февраля — 1 марта 1650 г.³⁷ По указу царя и распоряжению Приказа сыскных дел головы переписывали в уезде «карелов и латышей». Их старания увенчались успехом только в вотчине «на Исаковой горе» местного Троицкого Антониево-Сийского монастыря. Здешние старосты подали ему «Роспись Свейские земли перебещиком кореляном и латышам, которые перешли в государеву сторону с свейские королевы стороны после вечного dokonчания Столбовского договору со 125-го году и живут на государевой стороне по 156 год»³⁸ (т. е. с 1617 по 1648 г.: напомним, Москва готовилась к переговорам в Стокгольме).

Выяснилось, что в вотчине проживали два «выходца» 1618 г. Первый — Лучка Фёдоров, «латыш» из «Шяв-городка» (он же «Шавский городок» — русское название Савонлинны в Финляндии): сначала жил в деревне Реболы шесть лет, потом три года в Суме (ныне село Сумпосад), затем смь лет на Нижмозере и в Унском усолье и, наконец, 13 лет живёт в монастырской вотчине; «а живота (т. е. имущества. — А. Ж.) из Свейские земли у Лучки с собою не было ничего»; у него был сын Кирилко десяти лет и две дочери. Второй «выходец» — Лёвка Борисов: бежав с отцом-«латышом», они 24 года жили «в Кореле в Панозере Новгородского уезду», где отец и умер, а он, Лёвка,

³⁵ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 18. Л. 146.

³⁶ Первоначально *латыши* — люди «латинской веры», т. е. католики, а с начала Реформации — и протестанты, например, шведы или финны — лютеране.

³⁷ Российская национальная библиотека (далее — РНБ). Отдел рукописей. Ф. 532. Оп. 2. Д. 864. 119 л.

³⁸ Там же. Л. 36—38.

перебрался на три года в Вологду, а затем последние три года живёт в Исаковой горе; жены и детей не имеет, «живота с собою не принёс»³⁹.

Примечателен «адрес» проживания Лёвки в Панозере, записанный, очевидно, с его слов: «в Кореле». Воспринять это название «латыш-выходец» мог только на месте, в Панозере. Это свидетельство консолидации карельского народа, когда Корелой называлась уже не только приладожская Корельская земля (как во времена Великого Новгорода), но и самая её северная окраина. И пусть московское административно-территориальное деление пока не использовало слово «Корела» как название единой области проживания карелов в России: Лопские погосты входили ещё в Новгородский уезд, Заонежские погосты — туда же, но составляли отдельное в управлении Оштинское воеводство — дворцовый округ. Однако местное карельское население само определилось с названием, распространив древнее имя на всю область своего тогдашнего проживания. Следующий этап консолидации карелов наступил в 1649 г., с образованием Олонецкого уезда, объединившего почти всех российских карелов в одну административно-территориальную единицу.

И вновь на всех представленных примерах о карелах-«выходцах» мы видим парадоксальность феномена границы. Пограничная «межа», которая была призвана «разлучить» территорию и жителей обоих государств, на самом деле *помогала воссоединению карельского народа*: она совершенно законно препятствовала шведским властям самим немедленно возвращать несостоявшихся подданных своей Короны, а российская сторона силой государства, своей политикой «охраны рубежей», в т. ч. «рубежа веры» (невыдача единоверцев), препятствовала обратной выдаче многих тысяч бежавших.

А в русско-шведской войне середины XVII в. вообще встал вопрос о ликвидации самой этой рубежной черты 1621 г., причём при активнейшем участии олонецких и кексгольмских карелов.

Вторжение русских войск в Кексгольмский лен в июне 1656 г. было поддержано местным карельским населением, с его помощью две с половиной тысячи солдат из «полков нового строя» Олонецкого уезда быстро заняли почти всю территорию лена и осадили Кексгольм. По существу, граница 1621 г. была ликвидирована. Когда осаду Кексгольма пришлось снять и спешно возвращаться в Олонецкий уезд, в который в ответ вторглись уже шведские войска, то вместе с войсками и под их прикрытием

³⁹ Там же. Л. 38.

уходили в Россию и многие тысячи кексгольмских карелов. Граница вновь была восстановлена. Такова общая канва военных событий. Но интересны подробности.

К лету 1656 г. у олонцкого воеводы П. М. Пушкина, командовавшего олонецкими полками, было всё готово к рейду на Кексгольм, в котором имелся только слабый гарнизон в 250—300 солдат; с этим рейдом и должны были начаться боевые действия в шведском лене. Но внезапно 19 мая к Олонцу пришёл отряд стрельцов под командой Енаклыча Челищева, который имел полномочия на мобилизацию 100 плотников для строительства судов (участвовать в рейдах на ладожские владения Швеции). Челищев, вопреки указу, всколыхнул местных олонецких солдат, переманивая их в свой отряд, и направил их не на Кексгольм, а в приграничное местечко Салми. Салми было захвачено, а Челищев повёл наступление вдоль берега по землям лена. Карелы — и олонецкие, и местные — горячо его поддержали. Тем самым главный, внезапный удар по крепости Кексгольм, который мог бы сразу предопределить исход войны на этом театре военных действий, был сорван. Шведы получили время для укрепления крепости; по прибытии под стены города воеводы Пушкина с олонецкими солдатами Кексгольм имел уже сильный гарнизон, и взять крепость не удалось. Так горячее желание карелов объединить свои приладожские земли и объединиться самим были использованы авантюристом Енаклычом Челищевым «для своей бездельной корысти», как охарактеризовал действие Челищева воевода Пушкин в жалобе на имя царя⁴⁰.

После войны, с массовым уходом карельского населения, оставшиеся в Кексгольмском лене карелы стали национальным меньшинством. А ушедшие карелы поселялись властями не только в Олонецком уезде, но и в Тверском, и в Новгородском. В российской Карелии они участвовали в складывании этнических групп северных карелов, карелов-ливвиков и карелов-людиков, в Тверском составили группу тверских карелов, в Новгородском — тихвинских и новгородских.

Государственная граница 1621 г. разделила целое — этнос. И история пограничного размежевания в 1618—1621 гг., и последующая история показали, что карельский этнос ответил твёрдым стремлением к воссоединению с привычным для него политико-правовым и религиозным пространством России. Неудачная попытка захвата Кексгольмского лена в середине XVII в. ярко засвидетельствовала тот факт, что ликвидация ненавистой границы по-прежнему являлась мечтой карелов, а неуспех кампании предопределил выход большого числа карелов на российскую сторону

⁴⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1656. Д. 1. Л. 68—70, 70—73.

пограничной черты. Швеция, хотя и сохранила линию границы 1621 г., была вынуждена признать очевидное: ей не удастся вернуть на свою сторону своих бывших подданных, как не удавалось сделать это и прежде, в мирные годы.

Для российских властей государственная граница 1621 г. постепенно приобрела религиозный смысл «рубежа веры», который нуждался в безусловном отстаивании и охране, даже ценой больших выплат золотом и хлебом взамен «невыдачи единоверцев» Швеции. И в этом политика государства совпала со стремлением к воссоединению двух частей карельского народа, «разлучённых» пограничной чертой. Поэтому в целом феномен русско-шведской границы парадоксальным образом способствовал не разъединению, а воссоединению карельского этноса под эгидой российской государственности.

Список литературы

Жербин, А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке / А. С. Жербин. — Петрозаводск : Госиздат КФССР, 1956. — 79 с. — URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=469>. — (01.12.2017).

Жуков, А. Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617—1621 гг. / А. Ю. Жуков // Гуманитарные исследования в Карелии : сб. ст. к 70-летию Института языка, литературы и истории. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2000. — С. 31—36.

Жуков, А. Ю. Сямозерье в XIV—XVII веках / А. Ю. Жуков // История и культура Сямозерья. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — С. 41—106.

Жуков, А. Ю. Самоуправление в политике России : Карелия в XII— начале XVII в. / А. Ю. Жуков. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. — 492 с.

Кан, А. С. Стокгольмский договор 1649 г. / А. С. Кан // Скандинавский сборник. — Таллин : Эстонское государственное издательство, 1956. — Вып. 1. — С. 101—117.

Кузьмин, Д. В. Сямозерский участок российско-шведской границы 1621 года (топонимический комментарий) / Д. В. Кузьмин // История и культура Сямозерья. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — С. 107—112.

Чепель, А. И. «Пастухов те воры били до умертвия...»: криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // Метаморфозы истории. — Псков : Псковский государственный университет, 20014. — № 5. — С. 370—390. — URL: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/metami/metami05/metami05_23.pdf. — (01.12.2017).

Чепель, А. И. «Твёрдые крепости отделяют нас от них...»: проблема безопасности шведско-русской границы в первые десятилетия после Столбовского мира / А. И. Чепель // Псковский военно-исторический вестник. — Псков : Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Псковской области, 2015. — Вып. 1. — С. 71—77.

Чепель, А. И. Преступные сообщества в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира / А. И. Чепель // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы восемнадцатой ежегодной научной конференции (12—13 апреля 2016 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. — Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2017. — Вып. 18 (1—2). — С. 57—66. — URL: http://www.aroundspb.ru/uploads/history/sbornik_north_europe/sbornik_north_europe_2017.pdf. — (01.12.2017).

КУКУШКИН Кузьма Викторович / KUKUSHKIN Kuzma

Независимый исследователь / Independent scholar

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

kkukusshkin@gmail.com

СЕЛИН Адриан Александрович / SELIN Adrian

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-

Петербург / National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

aselin@hse.ru

САБЛИН Иван Валерьевич / SABLIN Ivan

Рурский университет в Бохуме / Ruhr University Bochum

Германия, Бохум / Germany, Bochum

ivan.sablin@gmail.com

**ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ГЕОИНФОРМАЦИОННОГО
ПОДХОДА НА ПРИМЕРЕ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ГРАНИЦЫ,
УСТАНОВЛЕННОЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СТОЛБОВСКОГО МИРА 1617 г.***

**GEOINFORMATICS TECHNIQUES APPLICATION ON THE EXAMPLE OF THE
RUSSIAN-SWEDISH BORDER DRAWN ACCORDING TO THE 1617 TREATY OF
STOLBOVO**

Abstract: The history of boundaries is the subject of different sciences including history itself, geography, anthropology, sociology and many other disciplines. The correlation of the theoretical interpretations of the borders' development and the factual historical data is the most difficult problem to be solved. In order to resolve this problem in a consistent manner the modern instrument of the geoinformation systems (GIS) can be used. The article is showing how the different layers and interpretations can be consistently overlaid on the map on the case of the Russian-Swedish border history after 1617.

Ключевые слова / Keywords: ГИС, Россия, Швеция, Ингрия, Столбовский договор 1617 г., граница / Geoinformation systems (GIS), Russia, Sweden, Ingria, the 1617 Treaty of Stolbovo, border.

Границы и история их развития представляют собой сложный и многомерный предмет для изучения. В фокусе внимания исследователя — разнообразные и противоречивые факторы, которые условно можно разделить на глобальные (универсальные) и локальные (конкретно-исторические).

Под глобальными факторами будут подразумеваться подходы к интерпретации границ, а под локальными — совокупность и разнородность данных и источников по изучению границы. Различные комбинации подходов и подборка источников дают совершенно различные интерпретации истории границ и приграничья, позволяют по-разному посмотреть на причины и следствия тех или иных событий. Сложность

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ (ОГОН РФФИ) № 15-01-00205/17-ОГОН «Русско-шведская граница в Ингрии XVII века: историко-географическое исследование».

интерпретации происходит и из необходимости добавлять к универсальным методам изучения границ пространственно-географический аспект, а к конкретно-историческим — оценку того, как современники воспринимали, интерпретировали и фиксировали себя и других в пространстве.

Глобальные факторы

Основная дискуссия в литературе по истории границ за последние 200 лет исследований разворачивалась вокруг «линейности» и «фронтирности» приграничных территорий, с одной стороны, и «прозрачности» / «непрозрачности» границ — с другой. Питер Салинс предлагает идею о том, что фронтир и границы — разные явления, если «граница — чёткое деление, которое подразумевает высокую значимость политического контекста, а фронтир мыслится как определённая обусловленность развития территории, связанная с социальными факторами»¹.

Исследователи Михил Бауд и Виллем ван Схендел² рассматривают фронтир как частный случай устройства границы и предлагают использовать для изучения границ понятия «граница» (*border*) и «приграничье» (*borderland*). При этом в соответствии с их концепцией, *border*, а также *boundary* — предмет взаимодействия государств, тогда как *borderland* — зона с особой спецификой проживания, населённая элитами, которые взаимодействуют друг с другом параллельно с государственными институтами.

По мнению Анджея Янечека, «фронтир» и «границы» — это искусственно сконструированные термины. Каждый из исследователей прочитывает их через свой собственный ценностный, культурный, национальный и идеологический контекст, а также через особенности изучаемого им периода. По словам А. Янечека, «эластичность концепта является реальной угрозой, но также и преимуществом, вдохновляющим на использование компаративистских методов и на сопоставление результатов исследований различных дисциплин»³.

Наиболее интересную и изящную трактовку исторических подходов к изучению границ дал Киммо Катаяла, который призывает ставить вопрос следующим образом: чтобы понять, чем были средневековые государства, различные «силы», участвовавшие во взаимодействии, а также прочие субъекты, необходимо рассматривать границу не с позиции нынешней интерпретации событий, не с точки зрения предопределённой

¹ Sahlins P. *Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkley; Los Angeles, 1989. P. 20.

² Baud M., Schendel W. van. *Toward a Comparative History of Borderlands // Journal of World History*. 1997. Vol. 8. No. 2. P. 211—242.

³ Janeczek A. *Frontiers and Borderlands in Medieval Europe. Introductory Remarks // Quaestiones Mediaevi Novae*. 2011. Vol. 16. *Frontiers and Borderlands*. P. 5—14.

эволюции границ, а с точки зрения их восприятия самими политическими, экономическими и другими субъектами изучаемого времени (Средневековья, Нового времени и т. д.)⁴.

Различная интерпретация глобальных подходов исследователями приводит к тому, что, например, даже территория, которая становится предметом изучения, может определяться по-разному. Такая ситуация характерна и для традиции исторического изучения старинной русско-шведской границы на северо-западе современной России.

Локальные факторы: пример истории русско-шведской границы в Ингрии

Даже краткое описание истории границы фиксирует некоторые важные вопросы, на которые затруднительно дать однозначный ответ:

- 1) Где именно проходила граница?
- 2) Имели ли значение границы (влияние) на море для русской стороны до Петра I?
- 3) Насколько граница была прозрачна / закрыта?

Первый вопрос возникает уже в связи с начальным официальным размежеванием, которое было проведено на территории современной Финляндии и в Карелии ещё по результатам Ореховецкого мира 1323 г. Дискуссия по поводу локализации границы, согласно сохранившимся текстам договора, локализации приграничных меток на местах, реконструкции границы по более поздним мирным договорам и перемириям, подробно разобрана Ярлом Галленом и Джоном Линдом⁵.

В течение более чем 200 лет граница в Карелии практически не менялась. Однако уже в 1560-е гг. в ходе Ливонской войны появилась необходимость размежевания новой границы со Швецией на территории ливонских земель. Перемирие между Швецией и Русским государством, подписанное в 1564 г. в Дерпте, стало уникальным с точки зрения размежевания новой территории: «г[осуда]рь их свейский... имеет в Лифлянской земле город Колыван, город Пернов, город Пайду, город Карикус и царское бы величество те именующие города со всеми уезды по старым рубежом пожаловал, велел

⁴ *Katajala K.* Drawing Borders or Dividing Lands? The Peace Treaty of 1323 between Sweden and Novgorod in a European Context // *Scandinavian Journal of History*. 2012. Vol. 37. No. 1. P. 23—48.

⁵ *Gallén J., Lind J.* Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. Helsingfors, 1968—1991. D. 1—3.

отписать Ирику королю Свейскому. Да и перемирье бы царское величество на те города со всеми уезды велел оукрепити и рубежи положить»⁶.

Следует обратить внимание на то, что новое размежевание осуществлялось путём отбора, какие города, какой стороне отходят.

Здесь возникает вопрос о значимости моря для русского правительства. Например, по утверждению И. П. Шаскольского, документы не содержат уточнений касательно более подробных территориальных размежеваний (например, по рекам или озёрам, как в тексте Ореховецкого мира), так как города обычно «отходили» сторонам вместе с уездами, границы которых были уже определены согласно внутренним документам⁷.

По утверждению И. П. Шаскольского, именно поэтому два Плюсских перемирия России со Швецией, заключённые в 1583 и 1585 гг., не содержат информации о размежевании территории, только упоминания о городах. Так, шведская сторона получила, помимо многих ливонских территорий, ещё и города Новгородской земли: Ям, Копорье и Ивангород вместе с уездами.

Подробный разбор истории приграничных размежеваний и внутренних переписей земель позволил И. П. Шаскольскому сделать вывод по одному из важнейших вопросов истории России: с какого времени Русское государство боролось за выход к Балтийскому морю и чем была инспирирована военная кампания против Швеции в 1590—1595 гг.? Ведь по итогам Плюсских перемирий российская сторона сохраняла доступ к Финскому заливу и Балтике⁸.

В 1595 г. был заключён Тявзинский мир: на территориях Ливонии, Карелии, а также Финляндии установилось относительное равновесие вплоть до 1609 г. В договор был включён следующий пункт: шведская сторона возвращала России «его царского величества вотчину, замок Корелу (Кексгольм), со всею землею и местностью, которая изстари находилась под Великим Новгородом, в таком положении, как они взяты королем Иоанном»⁹. Договор не был ратифицирован русским правительством.

⁶ Список с записи, učinённой в Лифляндском городе Юрьеве между шведскими и российскими послами о перемирии на семь лет и о уступках в Шведскую сторону некоторых Лифляндских городов, сентябрь 1564 г.: Российский государственный архив древних актов, Москва (далее — РГАДА). Ф. 96. 1584. Д. 2. Л. 1—11об.

⁷ Шаскольский И. П. Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? // Исторические записки. М., 1950. Т. 35. С. 294—303.

⁸ Там же.

⁹ Мирный договор между Швециею и Россиею, заключенный 10 Мая, 1595 г., близ Нарвскаго озера, на стороне Иваньгорода, в Тявзине / с шведск. подлинника перевёл соревнователь А. Чумиков // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1868. Кн. 2. Апрель — июнь. С. 2.

Зимой 1609 г. был заключён Выборгский русско-шведский договор о союзе и военной помощи, который зафиксировал дипломатическую ситуацию, предшествовавшую заключению Столбовского мира: «...как нашего велеможнейшего короля и государя ратные люди за рубеж, царя и великого князя в землю придут, и про них всякие кормы, ести и пити, готовы будут и наемные денги им дадут...»¹⁰. Русское правительство Василия Шуйского обязывалось обеспечить финансирование шведского военного корпуса, высылаемого в Россию для борьбы с самозванцем и польско-литовскими отрядами, и передать Корелу, а также земли уезда шведским властям: «...город Корела очистить и отдать свейскому королю: и быти городу Кореле с уездом по старине, как было наперед сего за свейским королем и за его наследники и Свейской коруны за правители в вековечной вотчине по старым межам и гранем, как было наперед сего»¹¹.

После отказа новгородцев присягнуть «всем городом» королю Густаву Адольфу Швеция и Московское государство решили заключить мир. С лета 1615 г. спор вёлся лишь о его цене. Вопрос решился только в Ладого в конце 1616 г.: стороны договорились, что Иваногород, Ям, Копорье и Орешек отойдут к Швеции. На заключительных переговорах в Столбове речь шла о формулировке текста «вечного» мира, уточнялись и иные аспекты. В начале 1617 г. была сформирована абсолютно новая линия границы Русского государства со Швецией и заключён Столбовский мир. Окончательно мирный договор о границе был подписан 28 марта 1618 г.¹² Размежёванная граница мало охранялась вплоть до осени 1629 г.

Таким образом, даже заключение мира и окончательное размежевание не привели к значительным изменениям, и только через десять лет на новой линии границы появилась охрана.

Применение ГИС-подхода для решения противоречий подходов к изучению границы и источников по истории изменения границы

Для фиксации разнообразия интерпретаций границ могут использоваться геоинформационные системы (ГИС), основанные на синтезе географических методов исследований и инструментария информационных технологий¹³.

¹⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2. 1598—1613. С. 185.

¹¹ Там же. С. 191.

¹² Перевод королевской верительной грамоты (листы перепутаны) 1 мая 1617 г.: РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 337, 335, 338—342. Перевод шведской образцовой записи о межавании, февраль 1617 г.: Там же. Л. 343—348.

¹³ Саблин И. В. Историческая геоинформатика: от визуализации к пострепрезентативному анализу // Историческая информатика. 2013. № 1 (3). С. 10—16. URL: http://kleio.asu.ru/2013/1/hcsj-12013_10-16.pdf (27.11.2017).

Инструменты геоинформатики позволяют нанести на электронную географическую карту исторические объекты, инфраструктуру, смоделировать миграционные и иные процессы, а также создать интерактивную витрину репрезентации данных.

Данные на карте целесообразно располагать согласно пострепрезентативному подходу. В этой ситуации данные источников не делятся на «истинные» и «ложные» и не упрощаются. Цель подхода — представить интерпретации того, как была устроена граница и приграничная инфраструктура с точки зрения различных субъектов¹⁴. Этот подход позволяет не останавливаться на «единственно верной» реконструкции линии границы, а показать несколько альтернативных подходов, имеющих право на существование, на одной карте¹⁵.

Постререпрезентативный подход в отображении информации формирует синтез исторической науки и антропологии, то есть позволяет сделать о том, кто даёт интерпретацию, более полные выводы, чем о самой интерпретации. Благодаря этому появляется возможность судить не только об исторических фактах, но и о том, как историческая память локализуется в топонимах, передаётся в устной традиции из поколения в поколение местных жителей и др.¹⁶

ГИС [«Русско-шведская граница в Ингрии»](#) сформирована на открытой платформе Google-карты¹⁷.

На карте выделены следующие интерактивные слои:

- 1) Контурь границы, сформированные в соответствии с результатами Ореховецкого мира 1323 г., заключённого между Новгородом и Швецией.
- 2) Заставы, размещённые на русско-шведской границе, сформированной по итогам Столбовского мирного договора 1617 г.
- 3) Линия границы по условиям Столбовского мирного договора 1617 г., восстановленная по приграничным (межевым) камням, а также по описаниям.
- 4) Трассировка Ивангородской дороги, соединявшей Великий Новгород с Нарвой¹⁸.

¹⁴ *Саблин И. В.* Транскультурные пространства и конструирование границ в Байкальском регионе: геоинформационный анализ периода 1917—1923 гг. // *Tartaria Magna*. 2013. № 1. С. 12—69.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Селин А. А.* Русско-шведская граница 1617—1700 гг.: Формирование, функционирование, наследие : исторические очерки. СПб., 2016. С. 598—599.

¹⁷ Проекты Российского гуманитарного научного фонда: Проект 2015—2017 гг. «Русско-шведская граница в Ингрии XVII века: историко-географическое исследование» / Центр исторических исследований НИУ ВШЭ (СПб.) [Электронный ресурс]. URL: <http://sh.spb.hse.ru/chr/rgnf> (15.11.2017).

Основным историческим источником для поиска информации и локализации границы стала коллекция «Порубежные акты», которые хранятся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, материалы Российского государственного архива древних актов, а также документы Государственного архива Швеции (Riksarkivet, Стокгольм). Кроме того, для локализации населённых пунктов, монастырей и дорог были использованы материалы писцовых и дозорных книг, данные местных монастырей по имущественным вопросам, материалы Генерального межевания 1788 г. и другие документы.

Важное место в локализации границы имеют работы петербургских географов, прежде всего А. И. Резникова. Именно его статья, написанная в соавторстве с Е. С. Стёпочкиной, дала важный импульс для любительского поиска в зоне русско-шведской границы XVII в.¹⁹

Благодаря деятельности историков-любителей сегодня практически все сохранившиеся межевые камни, несмотря на труднодоступность, зафиксированы на местности, получили GPS-привязку, почти все участки границы прослеживаются в пространстве.

Кроме любителей окрестности границы «пройдены» также и православными активистами — жителями дачного посёлка Чаща, пытающимися создать мемориал в районе исчезнувшего после 1764 г. Зверинского монастыря. Серьёзные поисковые работы в районе, где граница пересекала Оредеж (деревни Слудицы и Клетно), были предприняты санкт-петербургским Археологическим клубом, возглавляемым В. Г. Пежемским. В целом, сегодня можно говорить о том, что русско-шведская граница в Ижорской земле хорошо трассирована, сохранившиеся межевые знаки полностью выявлены.

Список литературы

Проекты Российского гуманитарного научного фонда: Проект 2015—2017 гг. «Русско-шведская граница в Ингрии XVII века: историко-географическое исследование» / Центр исторических исследований НИУ ВШЭ (СПб.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://sh.spb.hse.ru/chr/rgnf>. — (15.11.2017).

¹⁸ Дорога существовала до основания Санкт-Петербурга, после чего за несколько лет потеряла значение.

¹⁹ Резников А. И., Стёпочкина Е. С. Локализация южной части русско-шведской границы 1617 г. и пограничных знаков на ней // Проблемы исторического регионоведения. СПб., 2005.

Саблин, И. В. Историческая геоинформатика: от визуализации к пострепрезентативному анализу / И. В. Саблин // Историческая информатика. — 2013. — № 1 (3). — С. 10—16. — URL: http://kleio.asu.ru/2013/1/hcsj-12013_10-16.pdf. — (27.11.2017).

Саблин, И. В. Транскультурные пространства и конструирование границ в Байкальском регионе: геоинформационный анализ периода 1917—1923 гг. / И. В. Саблин // Tartaria Magna. — 2013. — № 1. — С. 12—69.

Селин, А. А. Русско-шведская граница 1617—1700 гг.: Формирование, функционирование, наследие : исторические очерки / А. А. Селин. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2016. — 859 с.

Шаскольский, И. П. Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? / И. П. Шаскольский // Исторические записки. — Москва : Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 35. — С. 294—303.

Baud, M. Toward a Comparative History of Borderlands / M. Baud, W. van Schendel // Journal of World History. — 1997. — Vol. 8, No. 2. — P. 211—242.

Gallén, J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns / J. Gallén, J. Lind. — Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 1968—1991. — D. 1—3.

Janeczek, A. Frontiers and Borderlands in Medieval Europe. Introductory Remarks / A. Janeczek // Quaestiones Mediae Aevi Novae. — 2011. — Vol. 16. Frontiers and Borderlands. — P. 5—14.

Katajala, K. Drawing Borders or Dividing Lands? The Peace Treaty of 1323 between Sweden and Novgorod in a European Context / K. Katajala // Scandinavian Journal of History. — 2012. — Vol. 37, No. 1. — P. 23—48.

Russian-Swedish Border in the Seventeenth Century [Электронный ресурс] / A. Selin, I. Sablin, K. Kukushkin, V. Gerasimov, K. Krasilshchikov ; Center for Historical Research, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg. — URL: <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1YsDXIOG1NJ87KCCzfPyWBhxc4ZA&ll=61.385218645613925%2C30.7338770000000007&z=6>. — (27.11.2017).

Sahlins, P. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees / P. Sahlins. — Berkeley ; Los Angeles, 1989. — 351 с.

СТАРИЦЫН Александр Николаевич / STARITSYN Alexander

Институт научной информации по общественным наукам РАН / Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

profitens@rambler.ru

РУССКАЯ КАРТОГРАФИЯ НАЧАЛА XVIII в. И ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ СТАРОВОЕРЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ

RUSSIAN CARTOGRAPHY IN THE EARLY 18TH CENTURY AND THE PROBLEM OF LOCALISATION OF OLD BELIEVERS' SETTLEMENTS IN THE NORTHERN REGION OF RUSSIA

Abstract: The article attempts to justify using the early 18th century cartographic material as a source for localisation of Old Believers' settlements in the Russian North. For the first time some questions pertaining to the specificity of the mapping of territory in the beginning of the 18th century are posed and dealt with. On the basis of studying the first maps of the Olonets province a new method is proposed that allows to identify their objects on modern maps and determine their geographic coordinates.

Ключевые слова / Keywords: Россия, начало XVIII в., староверческие поселения, картография, географические координаты / Russia, early 18th century, Old Believers' settlements, cartography, geographic coordinates.

История старообрядчества Русского Севера неоднократно привлекала внимание русских, советских, современных российских и зарубежных исследователей, которыми были рассмотрены вопросы идеологии, организации, внутренней структуры, социального состава, типологии, культурных традиций различных северных староверческих общин¹. Исследователи старообрядчества в большинстве своём не пытались установить точное местоположение староверческих поселений. Между тем знание географического положения изучаемого объекта может многое дополнить и прояснить в его истории. Привлечение картографических источников расширяет возможности исследователя и позволяет поставить и решить географические вопросы в изучении староверческих поселений Русского Севера начала XVIII в. Рассмотрим

¹ См., например: *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в.: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898; *Островский Д.* Выговская пустынь и её значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914; *Соколовская М. Л.* Северное раскольничье общежитие первой половины XVIII века и структура его земель // История СССР. 1978. № 1. С. 157—167; *Пашков А. М.* Старообрядческие поселения Северо-Запада России в 1700—1917 годах // История и география русских старообрядческих говоров. М., 1995. С. 93—101; *Полетаева Е. А.* «Уход в пустыню» в древнерусской и старообрядческой традиции (на материале северо-русской агнографии и старообрядческих сочинений) // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. К 25-летию Уральской объединённой археографической экспедиции. С. 198—215; *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература / науч. ред. Н. В. Поньрко. М., 2002. Т. I; *Хрушкая Л. Н.* История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII—XVIII веках // Русский Север и архиепископ Афанасий: сб. науч. статей. Архангельск, 2003. С. 102—115; *Crummey R. O.* The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694—1855. Madison (Milwaukee); L., 1970.

возможности исследования первых опытов составления карт северной территории России с точки зрения локализации староверческих поселений. Объектом нашего внимания стали первые карты Олонецкого и Каргопольского уездов, составленные М. А. Матюшкиным, А. Ф. Клешниним и А. Жихмановым.

Прежде чем рассматривать качество картографических работ в общероссийском масштабе, необходимо несколько слов сказать о локальном проекте, предшествовавшем широкомасштабным работам и не связанном с ними. Накануне завершения Великой Северной войны в преддверии мирного договора перед русским правительством встал вопрос о присоединении к России отвоёванных у Швеции территорий. Необходимо было выяснить состояние приграничных земель². Интерес правительства царя Петра Алексеевича к пограничным территориям со Швецией проявился в посылке в Олонецкий уезд в 1718 г. генерал-майора Михаила Афанасьевича Матюшкина. В Промемории, данной ему в Санкт-Петербурге 19 сентября 1718 г., была поставлена задача проехать вдоль существовавшей до войны русско-шведской границы, описать эту территорию и составить карту: «Ехать ему из Санкт-Петербурга с приданными ему землямерными учениками на Олонец и оттуды подле Ладожского озера до границы прежняго шведцкого владения и оною границею, и описать и осмотреть, також и у тамошних жителей роспросить и записать, какие поселения и места, и заводы, и промыслы по границе, також и какие реки и озера, и погосты, и деревни тамо обретаютца, и сколь оныя людны, и велеть зделать всему тому опись и карту. А описав то, ехать оттуды Олонецким уездом и далее до Архангелогородцкой губернии уездами, которые меж Белого моря и старою шведцкою границею обретаютца. И оныя места и реки, и озера, и жильё потому ж описать, и оныя по осмотру и записке, а другие по разведыванию от тамошних жителей и где какие есть промыслы или прожиточныя и жилые места или пустота, и в каком разстоянии от моря и от прежней шведцкой границы, також и какая озера и реки тамо обретаютца, и таким образом всему учинить опись и карту до озера Колы, как о том ему господину генералу маеору от его царского величества изустно приказано и на ланткарте показывано. И то учиня, сколь скоро возможно возвратится в Санкт-Петербург»³.

Карта Олонецкого уезда (ориентирована на север), изготовленная Матюшкиным, явилась первым опытом подобной работы для данной территории⁴ (см. карты 1—4).

² *Собисевич А. В.* История географического изучения и картографирования территории Карелии (XVIII — первая четверть XX вв.) : автореф. дис. ... канд. географ. наук. М., 2013. С. 11.

³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 158. Приказные дела новых лет. Оп. 2. 1718. Д. 90. Л. 4—4об.

⁴ Там же. Л. 88. В описи указано, что к делу приложен список карты, а подлинник находится среди чертежей.

Сопутствующее карте описание уезда (возможно, полевой журнал) включило сведения о реках, озёрах, населённых пунктах и расстоянии между ними и от них до шведской границы⁵. Описанию подверглись в основном волости, не очень удалённые от границы, но на карту была нанесена территория всего уезда. Несмотря на то, что Матюшкиным не было отмечено ни одного из существовавших в то время староверческих поселений, среди топонимов и гидронимов, нанесённых им на карту, можно найти те, которые связаны со староверческой историей Олонецкого уезда (деревни Бере[зо]ва, Вонгеры, Пузамагуба, озера Тунгудское, Каменное, Топозеро). Сведения, содержащиеся в описании Олонецкого уезда 1718 г. (полевой журнал), трудно переоценить. Благодаря записям Матюшкина была установлена связь между деревнями Вонгеры и Пужамагуба, что послужило основой для локализации Пужамагубского поселения староверов.

К сожалению, неизвестно, какими средствами добывались сведения и кто были «приданные ему землямерные ученики». Однако при сопоставлении задач и методов команды Матюшкина с задачами и методами последующих общероссийских геодезических работ можно увидеть сближающие их общие черты: определение расстояний между объектами не только с помощью приборов, но и путём опроса; ведение полевого журнала; совпадение широтных показателей (долготы на карте Матюшкина не показаны); одинаковое определение количества вёрст в градусе — 104½ российских вёрст или 15 немецких миль; нанесение на карту географических объектов, мельчайших населённых пунктов, заводов, промыслов и др. Несмотря на это, карта Матюшкина осталась неизвестной геодезистам, описывавшим Олонецкий уезд в 1727 г. (обычно уже готовые карты использовались как образцы). Возможно, уровень исполнения карты, значительно уступавший ландкартам, вошедшим в Атлас Кирилова, не позволил привлечь её в качестве образца.

В процессе первой государственной геодезической съёмки (условно датируется 1715—1744 гг.) с целью составления географической карты всей России были изготовлены карты интересующих нас территорий. На них нашли отражение многие староверческие поселения. Только 14 уездных карт вошло в изданный в 1734 г. Атлас Кирилова, но большинство осталось в рукописном виде. Значительная часть рукописного картографического наследия первой геодезической съёмки России была вывезена бывшим руководителем Географического департамента Российской академии наук Ж.-Н. Делилем во Францию. Из этого собрания были сформированы две коллекции: в Париже (в Департаменте карт и атласов Национальной библиотеки)

⁵ Там же. Л. 6—88.

и в пригороде Парижа Венсене (в Историческом архиве Морского министерства)⁶. Попытаемся оценить степень репрезентативности собранных геодезистами начала XVIII в. сведений и возможность использования их для поиска нужных объектов на современных картах.

Распоряжение Сената о начале планомерной работы над составлением ландкарт было сделано 14 декабря 1720 г., но сами работы начались в 1721 г.⁷ Методы сбора информации были изложены в инструкции, выданной геодезистам и носившей название «Пункты каким образом сочинять ланткарты»⁸. Проанализировавший этот документ С. Е. Фель отметил продуманное обоснование съёмки каждого конкретного уезда с определением астрономических пунктов, что создавало прочный каркас, служивший связью со съёмкой соседнего уезда. Съёмка базировалась только на широтных пунктах (определялись при помощи квадранта), т. к. метод определения долгот ещё не был изобретён. Съёмка проводилась путём обхода по дорогам от определённого астрономического пункта до уездной межи с измерением железной цепью румбов направлений звеньев ходовой линии. Результаты измерений заносились в полевые журналы. Сведения о местах, которые геодезисты не могли посетить, записывались со слов местных жителей. В 1723 г. геодезистам была разослана дополнительная инструкция, предписывавшая наносить на ландкарту мельницы на реках, горы, леса, болота, просёлочные дороги, пустые городища. Также требовалось составлять каталоги населённых пунктов. Если широты определялись по результатам астрономических наблюдений, то долготы — путём вычисления. Нулевой исходный пункт для вычисления долгот различался: от меридианов острова Ферро или острова Даго (или Дагё — Dagö, эст. Хийумаа), часто таким пунктом становился уездный город. Масштаб для ландкарт не был единым и в каждом случае зависел от составителя карты⁹.

Для составления ландкарты в Архангелогородскую губернию в декабре 1720 г. были посланы ученики Санкт-Петербургской морской академии Архип Герасимов и Яков Филисов¹⁰. Но за три года пребывания геодезистов в губернии работа ими не была завершена: «Геодезистов послано в Архангелогородскую [губернию]: Архип Герасимов, Яков Филисов. В Архангелогороцкой губернии городов: Город Архангелской, Холмогоры, Вага, Кевроль, Мезень, Пустоозерской и Кольской остроги. Ланткарты не прислано. А в 723-м году из оной губернии доношением ответствовано.

⁶ *Постников А. В.* Новые данные о российских картографических материалах первой половины XVIII в., вывезенных Ж.-Н. Делилем во Францию // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2005. № 3. С. 21.

⁷ *Фель С. Е.* Картография России XVIII века. М., 1960. С. 83—84.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 18. Кн. 1201. Л. 53.

⁹ *Фель С. Е.* Картография России XVIII века. С. 85—91.

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 18. Кн. 1201. Л. 7.

О сочинении де геодезисты Гарасимов и Филисов о ланкартах что учинили, в Камор коллегию писано. А июля де 5 дня того ж году доношением оныя геодезисты объявили, что Архангелогороцкой губернии ланкарта к сочинению готовитца. И из оных Филисов для сочинения ланткарт оставлен у города Архангелского, а Гарасимов отпущен в Устюжскую правинцию. А как от помянутого Филисова Архангелогороцкой правинции ведомость и ланкарта поданы будут, и оныя в Сенат пришлютца немедленно»¹¹. Была ли составлена ландкарта северных уездов Архангельской губернии — неизвестно. В изданный И. Кириловым Атлас Всероссийской империи она не вошла.

Более удачной была деятельность по составлению ландкарт Олонецкого и Каргопольского уездов. Эту работу выполнили геодезии подмастер Аким Фёдорович Клешнин и его помощник геодезии ученик Алексей Жихманов. В марте 1724 г. они завершили описание Выборгского уезда, в октябре Клешнин в доношении Сенату обосновал необходимость составления ландкарты Олонецкого уезда «по смежности к Выборгской правинции»¹². Но в феврале 1725 г. он доносил в Сенат, что его ещё не выпустили из Выборгской провинции, работа в которой давно закончилась¹³. Только в 1727 г. Клешнин и Жихманов завершили описание Олонецкого уезда, а в 1729 г. — Каргопольского¹⁴. О добросовестном отношении к работе Акима Клешнина свидетельствует его доношение в Сенат из Белозерской провинции: «В указе его императорского величества июня 4-го, которой на Белеозере получен того ж июня 25-го числа сего 1729-го году, написано, что я, нижайший, Чаронского уезда ланткарту, сочиня, прислал в высокий Сенат не по образцу, которые зделаны и к нам розосланы, и чтоб учинить Чаронского уезду ланткарту з Белозерским уездом купно, буде вместятца против посланного к нам образца, по приличности с погранишными уезды. Того ради высокому Сенату доношу Чаронского уезду ланткарту з Белозерским уездом купно сочинить мошно и способнее. Разни, потому что Чаронской уезд мало не весь вдастся внутрь Белозерского уезда. А образцовую печатную ланткарту Кексголомского уезда в Белозерской канцелярии я, нижайший, принял июля 2-го дня сего 1729-го году к сочинению ланткарт прочих уездов. А Каргополского уезда ланткарту сочинил на маштапе Олонецкой ланткарты, потому что Олонецкой уезд с Каргополским уездом в смежности. Токмо сочинены ланткарты Каргополского и Чаронского уездов до получения о том его императорского величества указу и образцовой ланткарты.

¹¹ Там же. Л. 179.

¹² Там же. Л. 171—172.

¹³ Там же. Л. 188.

¹⁴ Там же. Л. 411.

А Каргополской уезд в сочинении явился равно с образцовою ланкартою, которую при сем доношении предлагаю. И высокого Сената о принятии одной ланкарты и при ней котолога всепокорно прошу, да благоволит учинить по его императорского величества указу. О сем доносит геодезист Аким Клешнин июля 5-го дня 1729-го году»¹⁵. Сопутствующий ландкарте каталог координат фиксировал географические координаты по широте и долготе всех населённых пунктов уезда, даже тех, которые на карту не были нанесены.

Равная степень участия в работе Алексея Жихманова вызывает сомнение на основании отрицательного отзыва, который о нём сделал его наставник Клешнин в январе 1731 г. Клешнин жаловался, что Жихманов ему мало помогал, без него ничего не мог самостоятельно сделать из-за «непонятия науки геодезии», просил его заменить на любого другого ученика¹⁶. Таким образом, автором рукописных карт и каталогов координат Олонецкого и Каргопольского уездов следует в полной мере признать геодезии подмастера А. Ф. Клешнина.

На ландкарте Олонецкого уезда (ориентирована на восток, представлена в двух вариантах: раскрашенном и чёрно-белом), изданной Кириловым, указано, что работа была завершена Клешниним и прислана им в Сенат 7 февраля 1728 г. (карта 5).

В титуле на ландкарте Каргопольского уезда (ориентирована на север, представлена в двух вариантах: раскрашенном и чёрно-белом) Атласа Кирилова сказано, что она составлена Клешниним в 1728 г., а гравирована в 1730 г. (карта 6).

Помимо карты Олонецкого уезда, вошедшей в состав Атласа Кирилова, известны две рукописные карты уезда, хранящиеся в Париже в Национальной библиотеке Франции в Коллекции карт и рукописей Жозефа-Николя Делиля. Первая карта, получившая название «Detail du lac d'Onega, pres ou en Finland»¹⁷, была выполнена А. Ф. Клешниним в 1727 г. (карта 7). Этот год был подписан в нижней части карты вместе с указанием имени автора. При реставрации нижняя часть слов и цифр была заклеена холстом, но по оставшейся верхней части цифр год легко угадывается. Карта (ориентирована на север) отражает южную и центральную части Олонецкого уезда с указанием мельчайших деревень, в том числе и староверческих.

Вторая карта, названная в описи «Territoire d'Olonets»¹⁸, также принадлежит руке А. Ф. Клешнина и датируется 1727 г. (карта 8). Карта (ориентирована на север) изображает северную часть Олонецкого уезда, а именно: Ребольскую волость и озёра

¹⁵ Там же. Л. 433.

¹⁶ Там же. Л. 576—576 об.

¹⁷ Национальная библиотека Франции, Париж — Bibliothèque nationale de France. GE BB-124 (20RES). URL: <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb42371496x> (09.12.2017).

¹⁸ Ibid. GE BB-124 (36RES). URL: <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb42373001s> (09.12.2017).

Верхнее, Среднее и Нижнее Куйто на западе и севере; Панозерский, Шуезерский и Ругозерский погосты на востоке и юго-востоке. Возможно, две карты (являющиеся продолжением друг друга) южной и северной частей Олонецкого уезда из Национальной библиотеки Франции были изготовлены Клешниним в качестве черновых вариантов карты, вошедшей в Атлас Кирилова.

Важной частью работы геодезистов было ведение полевого журнала и составление каталогов координат. Относительно интересующей нас территории в фонде Сената в Российском государственном архиве древних актов сохранились два каталога координат, которые были подготовлены геодезии подмастером Акимом Клешниним и геодезии учеником Алексеем Жихмановым при работе над ландкартами Олонецкого и Каргопольского уездов в 20-х гг. XVIII в.¹⁹ В каталогах координат указывались географические координаты всех населённых пунктов (по долготе и широте в градусах и минутах), о которых геодезисты смогли собрать информацию. Также в каталогах координат сообщалось о судоходных реках, мельницах, местной торговле и промыслах.

В каталоге координат Олонецкого уезда перечислено 47 староверческих поселений, расположенных в бассейнах рек Выг, Андома и Водла, а также на западном и северном побережье Онежского озера. В каталоге координат Каргопольского уезда перечислены десять поселений староверов. Все староверческие поселения в каталоге координат Олонецкого уезда названы пустынями, а в каталоге координат Каргопольского уезда — скитами. Расхождение в терминологии указывает на то, что геодезисты не различали указанные понятия, но это не снижает ценности собранных ими сведений. Большинство названных в каталогах координат поселений староверов были нанесены на карту (см. карты 9—10). Данные каталогов координат и карт позволяют уточнить (при возникновении разночтений) и дополнить информацию, содержащуюся в материалах Первой и Второй ревизий.

Ценность каталогов координат как источника заключается ещё и в том, что в них указываются населённые пункты (в том числе и староверческие деревни), не нанесённые по различным причинам на карту. Кроме того, в них зафиксированы староверческие пустыни, которые вообще не известны из других источников. Так, сведения о староверческом ските Тегра содержатся только в каталоге координат Каргопольского уезда. Ввиду того, что в Каргопольском уезде известны несколько гидронимов с таким названием (река Тегра, озеро Тегро), возникает вопрос, где находилось поселение —

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 18. Кн. 1201. Л. 234—270, 437—450. Выражаю благодарность сотрудникам РГАДА А. В. Дедуку и С. В. Сироткину, указавшим мне на этот документ.

на юге или на севере уезда? Широтные показатели скита из каталога координат ($61^{\circ} 45'$ с. ш., что соответствует $62^{\circ} 01'$ с. ш. на современной карте) позволили установить, что скит находился в южной части уезда на Тегрозере.

Широтные показатели в каталогах координат и на картах Клешина, как рукописных, так и изданных Кириловым, совпадают. Долготы в каталогах координат не совпадают с долготами, указанными в Атласе Кирилова, но совпадают с долготами на рукописных картах Олонецкого уезда. Вероятно, при издании в составе Атласа карты Клешина подверглись редакторской обработке, и долготы были приведены к общему показателю. В Атласе Кирилова долготы отсчитывались либо от Аландских островов, либо от острова Даго. Это устанавливается путём несложных арифметических действий. Известно, что город Олонец находится на меридиане $32^{\circ} 58'$ в. д. Показатели восточной долготы города Олонца на ландкарте — $11^{\circ} 20'$. Чтобы получить координаты исходного меридиана, необходимо вычесть из большей цифры меньшую. Полученную разность $21^{\circ} 38'$ накладываем на современную карту. Получается, что за исходную точку взято пространство между Аландскими островами ($20^{\circ} 05'$ в. д.) и островом Даго ($22^{\circ} 34'$ в. д.). Погрешность составляет около $1\text{—}1,5^{\circ}$.

В каталогах координат, составленных Клешиным, долготы, по нашему предположению, высчитывались от деревни Эрестфер (гж. Эрастфер, эст. Эраствере), расположенной на $26^{\circ} 47'$ в. д. от Гринвичского меридиана. Вблизи этой деревни в ходе Великой Северной войны 29 декабря 1701 г. русские войска одержали первую крупную победу (на суше) над шведами. Возможно, этот факт повлиял на выбор Клешиным исходного пункта. Нами были произведены следующие расчёты. Показатели восточной долготы города Олонца, указанные в каталоге координат, — $06^{\circ} 24'$. Разность при сопоставлении с современными показателями составляет $26^{\circ} 34'$. Если принять координаты д. Эрестфер за исходный пункт, погрешность составит всего $13'$.

Неудобство, вызванное неумением геодезистов в XVIII в. определять долготу, и отсутствие единообразия при составлении карт можно свести к минимуму при определении местоположения искомым объектов. Если использовать сведения о долготах каталога координат как индикатор, указывающий на смещение местоположения населённого пункта — в западную или восточную сторону, то можно попытаться определить нужные объекты на современной карте. В качестве реперной точки, относительно которой следует отмечать удаление объектов на восток или запад, необходимо выбрать населённый пункт, местоположение которого известно и по широте, и по долготе. Например, в каталоге координат Олонецкого уезда указано: пустынь Кодозерская — широта $62^{\circ} 21'$, долгота $10^{\circ} 02'$; пустынь Гавушезерская — широта $62^{\circ} 26'$, долгота $10^{\circ} 12'$; пустынь Куносозерская — широта $62^{\circ} 29'$,

долгота $10^{\circ} 02'$. Допустим, нам известно точное положение пустыни Кодозерской, следовательно, пустынь Гавушезерская должна находиться относительно неё на пять минут севернее и на десять минут восточнее. Пустынь Куносозерскую следует искать на восемь минут севернее от пустыни Кодозерской и на три минуты от Гавушезерской, по долготе её положение совпадает с пустынью Кодозерской, но на десять минут западнее Гавушезерской.

Сравним полученные результаты с современными показателями. Пустынь Кодозерская располагалась на $62^{\circ} 37'$ с. ш. и $36^{\circ} 14'$ в. д.; пустынь Гавушезерская — на $62^{\circ} 42'$ с. ш. и $36^{\circ} 22'$ в. д.; пустынь Куносозерская — на $62^{\circ} 45'$ с. ш. и $36^{\circ} 08'$ в. д. Видно, что широтные показатели начала XVIII в. отличались от современных на 16 минут. Это твёрдая разность, которую можно будет использовать при дальнейших расчётах. Различие в положении пустыней относительно друг друга по современным показателям следующее. Пустынь Гавушезерская находилась на пять минут севернее и на восемь минут восточнее от Кодозерской. Пустынь Куносозерская находилась на восемь минут севернее и на шесть минут западнее от пустыни Кодозерской; на три минуты севернее и на 14 минут западнее от Гавушезерской. Как видим, по широтным показателям мы добились стопроцентного совпадения, но по долготным показателям погрешность составила от четырёх до шести минут. Небольшая погрешность легко нивелируется с учётом знания местных гидронимов. Допустимо утверждать, что, пользуясь данной методикой, можно с высокой степенью точности определить на современной карте искомое место.

Подытоживая вышеприведённые наблюдения, следует отметить важность привлечения картографических материалов первой трети XVIII в. для решения проблемы локализации староверческих поселений. Во-первых, первые карты Северного региона России и соответствующие им каталоги координат — это источники, современные изучаемым событиям, содержащие очень подробную, достоверную и зачастую эксклюзивную информацию. Во-вторых, учитывая специфику составления карт и способы высчитывания географических координат, применявшиеся в начале XVIII в., можно соотносить сведения того времени с современными показателями и применять их при определении местонахождения изучаемых объектов на картах. В-третьих, картографические материалы удобно использовать при проверке достоверности письменных источников массового характера.

Карта М. А. Матюшкина. Северо-западная часть

Карта М. А. Матюшкина. Юго-западная часть

Карта М. А. Матюшкина. Северо-восточная часть

Карта М. А. Матюшкина. Юго-восточная часть

Карта южной половины Олонецкого уезда А. Ф. Клешина (1727)

Карта северной половины Олонецкого уезда А. Ф. Клешина

Карта 9

Фрагмент карты А. Ф. Клешина. Выговские пустыни

Карта 10

Фрагмент карты А. Ф. Клешина. Курженская пустынь, Андоморецкий скит

Список литературы

Островский, Д. Выговская пустынь и её значение в истории старообрядческого раскола / Д. Островский. — Петрозаводск : Олонецкая губернская тип., 1914. — 142 с.

Пашков, А. М. Старообрядческие поселения Северо-Запада России в 1700—1917 годах / А. М. Пашков // История и география русских старообрядческих говоров. — Москва : Институт русского языка, 1995. — С. 93—101.

Полетаева, Е. А. «Уход в пустыню» в древнерусской и старообрядческой традиции (на материале северно-русской агиографии и старообрядческих сочинений) / Е. А. Полетаева // Уральский сборник: История. Культура. Религия. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 1998. — Вып. 2. К 25-летию Уральской объединённой археографической экспедиции. — С. 198—215.

Постников, А. В. Новые данные о российских картографических материалах первой половины XVIII в., вывезенных Ж.-Н. Делилем во Францию / А. В. Постников // Вопросы истории естествознания и техники. — 2005. — № 3. — С. 17—38.

Собисевич, А. В. История географического изучения и картографирования территории Карелии (XVIII — первая четверть XX вв.): автореф. дис. ... канд. географ. наук / Алексей Владимирович Собисевич. — Москва, 2013. — 25 с.

Смирнов, П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в.: исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным / П. С. Смирнов. — Санкт-Петербург : Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1898. — СXXXIV, 237, 121 с.

Соколовская, М. Л. Северное раскольничье общежительство первой половины XVIII века и структура его земель / М. Л. Соколовская // История СССР. — 1978. — № 1. — С. 157—167.

Фель, С. Е. Картография России XVIII века / С. Е. Фель. — Москва : Издательство геодезической литературы, 1960. — 226 с.

Хрущкая, Л. Н. История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII—XVIII веках / Л. Н. Хрущкая // Русский Север и архиепископ Афанасий : сб. науч. статей / сост. и отв. ред. В. Н. Булатов, Л. Д. Попова. — Архангельск : Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2003. — С. 102—115.

Юхименко, Е. М. Выговская старообрядческая пустынь : Духовная жизнь и литература / Е. М. Юхименко ; науч. ред. Н. В. Поньрко. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — Т. I. — 544 с.

Crummey, R. O. The Old Believers and the World of Antichrist : The Vyg Community and the Russian State 1694—1855 / R. O. Crummey. — Madison (Milwaukee) ; London : The University of Wisconsin press, 1970. — XX, 258 p.

ЗАХАРОВА Екатерина Владимировна / ZAKHAROVA Ekaterina

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
katja.zaharova@mail.ru

**ОТЭТНОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ *КОРЕЛ-* / *КАРЕЛЬСКИЙ*
В ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА***

**THE ETHNONYMIC PLACE-NAMES *KOREL-* / *KARELSKIY* IN THE TOPONYMY OF
THE RUSSIAN NORTH**

Abstract: Toponymy has a number of properties allowing to use it for historical and cultural research purposes. Ethnonymic place-names are the names in which certain ethnonyms are fixed. The names of this type often mark the boundaries of ethnic groups' settlements or fishing grounds' belonging to different ethnic groups. They can also be associated with certain historical events that led to the outflow of the population from the original territories and its resettlement to a territory occupied by another ethnic group. The place-names with the stem *Korel-* / *Karelskiy* known on the territory of the Russian North testify to Russian-Karelian contacts dating to different periods. Most toponyms of this type have probably to do with the influx of people from the Korela district (ceded to Sweden in 1617) who was later assimilated by the Russian population. Mapping of these place-names makes it possible to trace the paths which the Karelian population took moving north and east. The study of ethnotoponyms is important for solving a number of problems pertaining to lingo- and ethnogenesis, to the ethnic history of the Russian North.

Ключевые слова / Keywords: Русский Север, топонимия, этнонимы, отэтнонимическая основа *Корел-* / *Карельский* / Russian North, toponymy, ethnonyms, the ethnonymic stem *Korel-* / *Karelskiy*.

Русский Север (далее — РС) как понятие на сегодняшний момент не имеет устоявшегося определения, а как историко-культурная территория — чётких географических и административных границ. Многие включают в зону РС территории Архангельской и Вологодской областей, ряд исследователей добавляют также восточную часть Республики Карелия и территорию Костромской области. В настоящей статье под Русским Севером понимается регион, включающий все перечисленные выше территории.

На основе исторических, этнографических и лингвистических данных известно, что до прихода русских территория РС была занята финно-угорским населением, позже ассимилированным в ходе мирной колонизации Европейского Севера. Дорусское наследие сохранилось в виде богатого субстрата, представленного в языке (топонимии и диалектной лексике) и культуре севернорусского населения региона.

Маркерами дорусского финно-угорского присутствия на исследуемой территории могут также являться фиксирующиеся здесь, в том числе и в географических названиях,

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте».

этнонимы, называющие народы финно-угорской и самодийской групп: *корела, лопь, пермь, зыряне, черемиса, весь, самоедь, югра, меря, чудь*. Примечательно, что в наименованиях географических объектов пришлое русское население использовало не самоназвания проживавших здесь народов, а внешние этнонимы: *лопь* по отношению к саамам, *пермь* и *зыряне* для обозначения коми, *черемисами* называли марийцев, *самоедами* — ненцев, *югрой* — ханты и манси. В этнонимических географических названиях зафиксированы также прозвища чуди и веси: *чухна, чухарь, чухонцы, кайваны / кайбаны, кайки*¹. Исключение в этом ряду составляет лишь этноним *корела*, который является самоназванием карельского этноса.

Считается, что топонимы с этнонимической основой возникают в зонах этнических контактов, поскольку названия такого типа играют важную роль в размежевании природных объектов, принадлежащих в хозяйственном отношении разным этноязыковым коллективам. Согласно Н. П. Барсову, «племенные названия удерживались за местностями главным образом на этнографических порубежьях»². Существует и иная точка зрения, согласно которой этнонимические топонимы, как правило, возникают на иноплеменной территории, подчёркивая отличие жителей данного селения от окружающего коренного населения³.

РС представляет собой зону, граничащую с финно-угорскими и самодийскими территориями и таким образом являющую собой этническое порубежье, с другой стороны, это та территория, где на протяжении многих веков происходили сложные процессы этнических перемещений и смешений. Таким образом, в исследуемом регионе названия с этнонимической основой могли возникать как на границе расселения разных этноязыковых коллективов, так и вследствие переселения представителей определённого этноса в иноэтническое пространство.

В настоящей статье будут рассмотрены представленные в топонимической системе РС географические названия с основой *Корел- / Карел-*. Анализ материала будет направлен на выяснение: 1) является ли предполагаемая основа в географических названиях этнонимической; 2) связан ли этноним в названиях географических объектов с пребыванием на исследуемой территории соответствующего населения; 3) к какому времени относится появление на РС топонимов рассматриваемого типа.

Источником для исследования послужили материалы картотек Топонимической экспедиции (далее — КТЭ) Уральского федерального университета (УрФУ,

¹ Попова Э. Ю. Этнонимия Русского Севера: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.

² Барсов Н. П. Очерки исторической географии: География Начальной (Несторовой) летописи. 2-е изд., испр. и доп. Варшава, 1885. С. 52.

³ Гринблат М. Я. Этническая топонимия и антропонимия Белоруссии // Всесоюзная конференция по топонимике. Ленинград, 1965 : тезисы докладов и сообщений. Л., 1965. С. 79—83.

г. Екатеринбург), Научной картотеки топонимов Карелии и сопредельных областей (далее — КТК) Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН, г. Петрозаводск). Кроме того, были использованы материалы исторических письменных памятников: писцовых книг, а также разного рода актов и грамот, которые опубликованы в изданиях «Акты Соловецкого монастыря» и «Сборник грамот Коллегии экономии», включающих документы XV—XVIII вв.

Следует отметить, что, по данным письменных источников, этноним *корела / карела* фиксируется в ряде географических названий Поморья (от Варзуги до устья Северной Двины) уже в XV в.: *Карельский монастырь*, *Карельский Наволок*, *Карельское устье*, *Карельский берег*, *Карельский погост* и др.⁴ Этот пласт топонимов свидетельствует о проживании карельского населения на этой территории до XV в., а также о том, что пришлое русское население отличало карелов от других этнических сообществ и выделяло их.

Кроме приведённых выше названий, в топонимических картотеках УрФУ и ИЯЛИ КарНЦ РАН отложилось около сотни топонимов с основой *Карел-* / *Карел-*. Они были зафиксированы в ходе топонимических экспедиций во второй половине XX — начале XXI в. в ряде районов Архангельской и Вологодской областей, на территории Республики Карелия, главным образом в восточной и северо-восточной частях (в Заонежье, Пудожье, Поморье). Несколько названий обнаружилось в Вохомском районе Костромской области. Топонимы с рассматриваемой основой помечают как макро-, так и микрообъекты:

— руч.⁵ *Карелин / Карелин* (Арх., Нянд.), бол., лес *Карелка / Карелка* (Арх., Он.), руч. *Карелов / Карелов* (Арх., Он.), дер. *Карельское* (Арх., Он.), уг. *Карелов Ручей* (Арх., Он.), уг. *Кареловщина* (Арх., Он.), оз. *Карельские* (Арх., Пин.), уг. *Карельские / Карельские* (Арх., Пин.), уг. *Карелиха* (Арх., Пин.), уг. *Карельские Холмы* (Арх., Пин.), уг. *Карельский Лог* (Арх., Пин.), дер. *Карелонины* (неофициальное название Новины) (Арх., Плес.), дер. *Карельская* (Арх., Плес.) [«её основали карелы до нас, сейчас-то русские живут» (КТЭ)], о-ва *Карельские* (Арх., Плес.), дер. *Подкарельская* (Арх., Плес.), дер. *Карелова* (Арх., Плес.), о., омут, руч., уг. *Кареловский* (Арх., Плес.), уг. *Горбочкая Карелина Новина* (Арх., Холм.), уг. *Карельские* (Арх., Холм.), р., руч., уг. *Карелка* (Арх., Холм.), оз., уг. *Карелки* (Арх., Холм.), оз. *Карельское* (Арх., Вин.), р. *Большая Карела* (Арх., Прим.), дер. *Большие Карелы* (Арх., Прим.), уг. *Большие*

⁴ Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. / сост. И. З. Либерзон. Л., 1988; Сборник грамот Коллегии экономии (далее — СГКЭ). СПб., 1922. Т. 1; Л., 1929. Т. 2.

⁵ См. список сокращений в конце статьи.

Карелки (Арх., Прим.), р. *Карелка* (Арх., Прим.) [«фамилии там всё были карельские» (КТЭ)], р., дер. *Малая Карела* (Арх., Прим.), уг. *Малые Карелки* (Арх., Прим.), дер. *Корелы* (бывш. Юриминская) (Арх., Прим.), уг. *Карельский* (Арх., Прим.) [«по фамилии Карельский» (КТЭ)], место *Карельщина* (Арх., Прим.), р. *Карела* (Арх., Прим.), оз. *Карелка* (Арх., Прим.), дер. *Корелы* (Арх., Прим.), уроч. *Карельская Чищемина* (Арх., Прим.), уг. *Карельские Избы* (Арх., Прим.), уг. *Карельские* (пять полей) (Арх., Прим.), уг. *Карельский Наволок* (Арх., Прим.), уг. *Карельский Суземок* (Арх., Прим.), уг. *Корелина пожня* (Арх., Вель.), уг. *Корелово* (Арх., К.-Б.), уг. *Корелины Заводы* (Арх., Кон.), уг. *Большая Карела / Большая Корелая* (Арх., Уст.), уг. *Корелинское* (Арх., Уст.) [«в деревне Бычье живут среди других Корелины» (КТЭ)], уг. *Под Корелинским* (Арх., Уст.), оз. *Корелинское* (Арх., Шенк.);

— дер. *Вторая Карелинская* (неофициальное название Володина) (Влг., Тарн.), р., уг. *Карела / Карела* (Влг., Тарн.), уг. *Карельские* (Влг., Чаг.), уг. *Карельское* (Влг., Чаг.), оз. *Карельское / Карельское* (Влг., Ваш.), руч. *Карелка / Карельский* (Влг., Ваш.), бывш. дер. *Карелы / Корелы* (Влг., Выт.), уг. *Кореловщина* (Влг., Выт.), оз. *Карельское* (Влг., Кир.), бол. *Карельское* (Влг., Кир.), дер. *Карелка* (Влг., Бабуш.), уг. *Корелинский Мыс* (Влг., В.-Уст.), р., бывш. дер. *Карелка* (Влг., В.-Уст.), уг. *Корелинский Ручей* (Влг., Тот.), лес *Корелуха* (Влг., Устюж.);

— бывш. дер. *Корелы* (Костр., Вохом.) [«наверное, там поселялись приезжие, Ветлуга течёт, там в старину всяких приезжало на плотах и поселялось» (КТЭ)]; «вот не знаю, почему Корелы названа, но говорили, что одна из древнейших у нас деревень, может, даже старше Кажирова, дед рассказывал» (КТЭ); «они самые первые здесь построились, может, из Корело-Финской республики» (КТЭ)], уг. *Карельские Луга* (Костр., Вохом.), перевоз на р. Ветлуга *Карельский перевоз* (Костр., Вохом.) [«прямая конная дорога была и через реку переправа на пароме» (КТЭ)]; «это на Карельские Луга был перевоз, переправа» (КТЭ)];

— о. *Карела* (К., Шунг.), уг. *Карелкина* (К., Шунг.), уг. *Карела* (К., В.-Губ.), уг. *Карельская пожня* (К., В.-Губ.) [«принадлежал семье наиболее богатых купцов Карельских» (КТК)]; «посёлок купца Карельского при д. Вигово» (КТК)], уг. *Карельская поляна* (К., В.-Губ.), пролив *Карельская Салма* (К., В.-Губ.), о-ва *Карельские острова / Карельский остров* (К., В.-Губ.), о. *Карельский остров* (К., В.-Губ.), о. *Карельский / Карельское* (К., В.-Губ.), р., уг. *Карелка* (К., Пуд.), г. *Корелова* (К., Пуд.), уроч., уг. *Корелово* (К., Пуд.), уг. *Корелово / Кореловщина* (К., Пуд.), уг. *Карельская* (К., Пуд.), уг. *Кореловщина* (К., Пуд.), о. *Карельский* (К., Пуд.), лес, уг. *Карелин Лес* (К., Пуд.), бывш. дер., уг. *Карелы / Корелово* (К., Пуд.),

уг. *Карельские* (К., Пуд.), оз. *Карельское* (К., Пуд.), уг. *Карельские Караканки* (К., Сорок.) [«поля жителей с. Нюхча, фамилия Карельские» (КТК)], уг. *Карельское поле* (К., Сорок.).

Следует полагать, что, вероятно, не все приведённые выше топонимы являются этнонимическими, поскольку часть названий может восходить не к этнониму, а к антропониму (фамилии или прозвищу) или диалектной лексеме.

Комментарии информантов к примерам показывают, что ряд названий сельскохозяйственных угодий действительно восходит к фамилиям владельцев («фамилия Карельские», «семья купцов Корельских», «по фамилии Корельский» и др.), а этнонимические имена и фамилии, в свою очередь, не всегда являются показателем этнической принадлежности их носителей. М. В. Витов отмечал, что именование *Корельский* имело географическое значение, а не этническое и обозначало не карела, а переселенца с карельской стороны, с запада⁶. По мнению Н. В. Кабининой, ряд названий с основой *Корел-* / *Карел-*, а также широко распространённая в Архангельском Поморье фамилия *Корельский* могут происходить от названия Николо-Карельского монастыря, владевшего многими окрестными деревнями⁷.

В основе отдельных топонимов также могут выступать севернорусские диалектные лексемы — перешедшие в разряд апеллятивов этнонимы, подвергшиеся семантическому переосмыслению и утратившие (частично или полностью) этническое содержание, ср.: *корелка*, *кореляк* ‘человек, который говорит непонятно’⁸, *корелка* ‘человек, который говорит на диалекте’⁹, *карелка* ‘лодка с двумя приподнятыми носами’¹⁰, *корелка* ‘вечерняя заря’¹¹, *корельщина* ‘название болотной травы’¹², *карелка* / *корелка* ‘сорт льна, который выращивали в Олонецкой губернии’¹³, *корелка* ‘пудожский лён’¹⁴; *корелка* ‘железный сошник карельского производства’¹⁵; *корелка* ‘рыболовная сеть для лова в небольших водоёмах; в детской игре — небольшой

⁶ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв.: Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 63—64.

⁷ Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011. С. 25.

⁸ Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1995. Вып. 2. Дрожжевик — Косячок. С. 422.

¹⁰ Там же. С. 329.

¹¹ Там же. С. 422.

¹² Там же. С. 423.

¹³ Словарь русских народных говоров (далее — СРНГ). М.; Л., 1977. Вып. 13. Калун — Кабза. С. 86.

¹⁴ Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. С. 41.

¹⁵ СРНГ. Вып. 13. С. 86; Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 70.

деревянный брус, который подбрасывают кверху и бьют палками¹⁶; *карелки* 'гребцы'¹⁷, *корелка* 'местная порода собаки — лайка'¹⁸ и др.

Отдельные из приведённых лексем частично сохранили этническое содержание (к таковым относятся наименования различных предметов и явлений, характерных для той или иной этнической группы, с точки зрения называющего, ср.: пудожский лён, карельская лайка, карельский сошник). Обозначения вечерней зари, болотной травы, рыболовной сети, человека, который непонятно говорит, и др. с помощью этнонимической основы *корел-* / *карел-*, на первый взгляд, кажутся полностью утратившими этническое наполнение, но их коннотация может оказаться связанной с темой запада (а территория Карелии является западной по отношению к территории РС), переселенцев, которые непонятно говорили, ловили рыбу сетями на небольших водоёмах (в отличие от поморов), косили болотную траву на корм скоту ввиду отсутствия достаточного количества сенокосных угодий и т. д. Таким образом, использование приведённых диалектных лексем в названиях географических объектов может оказаться косвенным указанием на пребывание карельского населения в обозначенном регионе.

Согласно структурному анализу, к собственно этнопонимам относятся два типа названий, которые могут указывать на места прежнего расселения определённого народа или на место его проживания в настоящее время: 1) те, которые произошли от этнического имени и совпадают с ним по форме (р. *Карела*, бывш. дер. *Карела*, бывш. дер. *Карелы* / *Карелы*, уг. *Карелы* и др.), и часть названий, образованных с помощью суффиксов *-ск-*, *-ин-*, *-ов-* со значением принадлежности (дер. *Карельское* ← карела + *-ск-*; руч. *Карелин* / *Карелин* ← карела / карела + *-ин-*; руч. *Карелов* / *Карелов* ← карела / карела + *-ов-*); 2) часть топонимов, образованных от антропонимов с этническими основами, при имеющихся указаниях исторических источников на проживание в данной местности представителей определённой этноязыковой группы (*Карелино* ← Карелин, *Карелова* ← Карелов, *Карельские* ← Карельский)¹⁹.

Географические названия, в которых присутствуют сложные суффиксы *-овск-*, *-евск-*, *-инск-*, вероятнее всего, образованы от фамилий, поэтому без прямых указаний на этническую принадлежность носителя фамилии не могут быть включены в группу

¹⁶ СРНГ. Вып. 13. С. 86.

¹⁷ Там же.

¹⁸ СРНГ. 1978. Вып. 14. Кобзарик — Корточки. С. 315; Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия... С. 41.

¹⁹ Попова Э. Ю. Этнонимия Русского Севера.

этнотопонимов (Корелов + -ск- → Кореловский: руч., уг., о., омут *Кореловский*; Корелин + -ск- → Корелинское: оз., уг. *Корелинское*).

Суффикс *-их-*, который в топонимии, по мнению В. А. Никонова, обладает пейоративным (негативным) значением²⁰, зафиксирован в единичном названии (уг. *Корелиха*) и, скорее всего, свидетельствует об антропонимической (прозвищной) природе топонима.

Среди приведённых примеров обнаруживается несколько названий с суффиксом *-щин-*: место *Корельщина*, уг. *Корельщина*. Известно, что топонимы с этим суффиксом обозначали не точку, а площадь (иногда обширные землевладения, ср. *Монастырщина*) и выражали отношение объекта к определённому лицу или группе лиц, объединённых по какому-либо признаку, например этническому²¹. Примечательно и то, что географический объект с названием *Корельщина* расположен в одном районе с дер. *Корелы* и р. *Карелка*, где, по свидетельству информантов, «фамилии все были карельские» (КТЭ) и записан топоним был от информанта по фамилии *Карельский*. Исходя из этих фактов, Э. Ю. Попова предполагает, что на данной территории проживают карелы или их обрусевшие потомки²².

Анализ структуры топонимов показывает, что не все зафиксированные в топонимических картотеках названия с основой *Корел-* / *Карел-* являются этнонимическими. Хотя большая их часть, скорее всего, восходит к этнониму, доказательством чего могут послужить свидетельства информантов и письменные источники.

Так, карельское присутствие в Архангельском Поморье подтверждается текстами документов (ср. зафиксированный в районе правобережья Северной Двины ойконим *Карелы* и там же «деревня Кобелевская, в ней кореляна»²³), легендами о происхождении названий (в документах Соловецкого монастыря имеется объяснение названия деревни Секирная Гора: «на оной жена одного насельника карельского жестоко была биема ангелами за дерзновение поселиться с мужем своим на сем месте, предназначенном для жительства иноков»²⁴). «Корелян» на территории РС фиксируют и грамоты Двинского уезда XVI—XVIII вв., в которых основа *Корел-* представлена в сложных антропонимических структурах, при этом не всегда понятно, что перед нами —

²⁰ Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 75.

²¹ Попова Э. Ю. Этнонимия Русского Севера.

²² Там же.

²³ Замысловский Е. Е. Извлечения из переписных книг XVII в. Переписные книги 1676—1682 гг. // Летопись занятий Археографической коллегии 1878—1881 гг. СПб., 1888. Вып. 8, отд. II. С. 75 (переписная книга за 1678 г.).

²⁴ Цит. по: Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. С. 25.

антропоним или этноним: «Микитка Корелянин» (1584—1585)²⁵; «Иван Афонасьев сын, Кореленик» (1586)²⁶; «Сава Никулин сын Корелина, Лудянин» (1589)²⁷; «...а с нижнюю сторону с Федоровым дворищем Михайлова кузнеца Кореляниновым...» (1605)²⁸; «...Офонасеи Леонтьев сын Корелянин...» (1608)²⁹; «Даную писал Ивашко Федоров, Корелянин»³⁰; «...при строители старцы Иване Кореленине...» (1616, 1621)³¹; «...Ивану, старцу Корелы Сергиева монастыря Николскому строителю Чюхченемской волости...» (1621)³²; «Ондреи Юрьев сын Корелянин» (1624)³³; «...Селиван Офонасьев сын, Корелянин...» (1624)³⁴; «...Федотко Матвеев сын, Корелянин, у него сын Демка; во дв. Ивашко Максимов сын, Корелянин; во дв. Кондрашко да Ондрюшка Ивановы дети, Кореляня; во дв. Клишко Иванов сын, Корелянин; бобыльских дворов: во дв. Харка Максимов сын, Корелянин; во дв. Ефимко Яковлев сын, Корелянин; во дв. Архипко Кузьмин сын, Корелянин; во дв. Петрушка Нефедьев сын, Корелянин; во дв. Еремка Ефимов сын, Корелянин...» (1627)³⁵; «...во дв. Гришка Корелянин» (1627)³⁶; «...на Матигорах в Николском приходе дер. Климовская, а в ней во дв. крестьянин Карпунка Матвеев сын, Корелянин, у него сын Степанко...» (1627)³⁷; «...Сиисково ж монастыря починки стали после писцов у их же монастырских деревень на лесех: во Емецком стану поч. Барановской, а в нем во дв. крестьянин Поздячко Алексеев сын, Корелянин... Поч. Чюхча, Чюхоцкой тож, на реке на Емце, а в нем во дв. крестьянин Олешка Игнатъев сын, Корелянин. ...Поч. Карцов на реке на Емце, а в нем во дв. крестьянин Баженко Хотенов сын, Корелянин...» (1627)³⁸; «...дер. что была пустошь Коршинская Гончарово, а Горончарово тож, а в нем крестьян: во дв. Еремка Власов сын, Корелянин, у него сын Степанко; во дв. Офонка Микитин сын Широкой, Корелянин...» (1627)³⁹; «...Гаврилко Филипов сын, Корелянин... во дв. Гришка Исаков сын Корелянин...» (1627)⁴⁰; «...Игнашко Лукьяновъ сын, Корелянин, у него же живет бобыль Ондрюшка, Корелянин...» (1627)⁴¹; «...место дворовое Тренки Корелы;

²⁵ СГКЭ. Т. 1. Ст. 275—276.

²⁶ Там же. Ст. 285—286.

²⁷ Там же. Ст. 319.

²⁸ Там же. Ст. 397—398.

²⁹ Там же. Ст. 423.

³⁰ Там же. Ст. 436.

³¹ Там же. Ст. 516, 517, 518, 561.

³² Там же. Ст. 566.

³³ Там же. Ст. 590.

³⁴ Там же. Ст. 592.

³⁵ Там же. Ст. 623.

³⁶ Там же. Ст. 625.

³⁷ Там же. Ст. 636—637.

³⁸ Там же. Ст. 637—638.

³⁹ Там же. Ст. 638.

⁴⁰ Там же. Ст. 639—640.

⁴¹ Там же. Ст. 640.

...по купчей 122-го году огородец Ивашка Корелянина...» (1627)⁴²; «Ладобережец Ортемий Ондреев сын Корелянин»¹(635)⁴³ и др.

Т. А. Бернштам отмечает, «что до второй половины XVI в. слово “корел” в письменных источниках указывало только на этническую принадлежность лиц, отличающихся от собственно русских жителей той же деревни или волости. Документы конца XVI—XVII в. “корелянами” называли сравнительно недавних переселенцев (русских и карел) из более южных и западных областей в отличие от местного населения; иногда “корелянами” называли просто жителей г. Корелы или Корельского уезда, т. е. термин “корел”, “корелянин” не всегда имел только этнический смысл»⁴⁴. Следует всё же отметить, что Корельский уезд, располагавшийся в Северо-Западном Приладожье, считается исконной этнической территорией карелов, поэтому большинство переселенцев оттуда, скорее всего, являлись карелами (что подтверждается исследованиями последних лет⁴⁵). Исторические документы показывают, что вместе с карельским населением в Россию уходили и финские семьи (емь и саволаксы)⁴⁶.

Стоит также обратить внимание на антропонимы прибалтийско-финского происхождения, засвидетельствованные письменными источниками XVI—XVII вв. Так, например, в «Сотной» «с книг описи» Двинян Якима Романова и Никиты Пятунина на волость Варзугу 1563 г. отразился целый ряд карельских антропонимов: Федотко Микуев, Ивашко Юмаланда, Матюшко, да Иванко, да Якимко, да Патрекеико Васильевы дети Кавгуева, Титко Данилов сын Соркуева, Офонька Кируев, Костя Иванов сын Кируева, Родька Нелисильмин, Гридька, да Тимошка, да Митка Чепуевы⁴⁷. В Варзужской волости в документах 1614 г. отмечается «Сенка Денисов сын Мечуев з братом || с Логинком»⁴⁸, Ермолка Васильев сын Кагач⁴⁹. В актах Соловецкого монастыря фиксируются: Василий Аланпеин, Яков Аланпеин (Аланпиин)⁵⁰, Григорий Кенгуй⁵¹, Григорий Перзьяк⁵², Иван Андреев сын Коппала⁵³, Иван Яковлев сын Илмуева⁵⁴, Иван

⁴² Там же. Ст. 644.

⁴³ Там же. Ст. 721.

⁴⁴ Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 57.

⁴⁵ См., например: *Saloheimo V. Entisen esivallan alle uusille elosijoille. Ortodoksikarjalaisten ja inkeröisten roismuutto 1500- ja 1600-luvuilla.* Tampere, 2010.

⁴⁶ Подробнее об этом см.: *Kuzmin D. Vienan karjalan asutushistoria nimistön valossa.* Helsinki, 2014. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-951-51-0068-9> (25.11.2017).

⁴⁷ СГКЭ. Т. 1. Ст. 161—169.

⁴⁸ Там же. Ст. 486.

⁴⁹ Там же. Ст. 488.

⁵⁰ Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. С. 176.

⁵¹ Там же. С. 143.

⁵² Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. / сост. И. З. Либерзон. Л., 1990. С. 93.

⁵³ Там же. С. 127, 141.

⁵⁴ Там же. С. 161, 164.

Матвеев сын Кавгуева⁵⁵, Матюшка Кавгуев⁵⁶, Патрикей Кавгуев⁵⁷, Василий Когмуев⁵⁸, Кузма Пируев⁵⁹, Семен Иванов Сулгопяев⁶⁰, Василий Спица Кетуев⁶¹, Кирилл Павлов сын Конжуев⁶², Логин Мечуев⁶³, Семен Мечюев⁶⁴ и др. Обращает на себя внимание отсутствие указания на этническую принадлежность названных лиц. Возможно, это связано с тем, что они являлись представителями «второй волны» расселения карелов на севере и, вероятно, принадлежали к местному карельскому населению («корельским детям»), в отличие от переселенцев-«корелян» «третьей волны», начавшейся в конце XVI — начале XVII в. и продолжавшейся вплоть до XVIII в.

Таким образом, рассматривая топонимы с основой *Корел-* / *Карел-*, мы, видимо, должны говорить о нескольких хронологических пластах именовании данного типа. Появление на побережье Белого моря названий, отразившихся в письменных документах XV в., вероятно, должно соотноситься со временем прихода русских, которые с помощью этнонимической основы *Корел-* / *Карел-* маркировали территории расселения местного карельского населения. Названия этого периода в большинстве своём помечают значимые географические объекты (как правило, водные), а также административные единицы.

Основной корпус названий, зафиксированных экспедициями ИЯЛИ КарНЦ РАН и УрФУ на исследуемой территории в конце XX — начале XXI в. и хранящихся в топонимических картотеках, представлен в основном в микротопонимии — в наименованиях отдельных населённых пунктов или их частей, небольших озёр, болот, ручьёв, промысловых и сельскохозяйственных угодий (т. е. тех объектов, названия которых довольно не устойчивы во времени). Их появление, вероятно, связано с историческими событиями конца XVI—XVII вв., в результате которых миграции карелов из Корельского уезда приняли массовый характер и карельское население появилось в качестве пришлого на территории РС.

Согласно А. С. Жербину, шведские власти препятствовали массовому оттоку карельского населения после перехода Корельского уезда под власть Швеции в 1617 г., поэтому, с целью сокрытия перебежчиков, воеводе поручалось отсылать карелов к Москве, на Белоозеро, Вологду и в другие отдалённые от границы места. Карелы

⁵⁵ Там же. С. 66, 217.

⁵⁶ Там же. С. 66.

⁵⁷ Там же. С. 65.

⁵⁸ Там же. С. 201.

⁵⁹ Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. С. 17.

⁶⁰ Там же. С. 18.

⁶¹ Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. С. 35.

⁶² Там же. С. 52, 85, 214.

⁶³ Там же. С. 65.

⁶⁴ Там же. С. 65, 178.

селились в монастырских владениях Белозерского края и Двинского уезда, в 1620-е гг. они встречаются во владениях Соловецкого монастыря в Каргопольском уезде. Значительное количество переселенцев жило в отдалённом северном Антониево-Сийском монастыре и на его землях по Северной Двине⁶⁵. В 1649 г. Россия выплатила Швеции выкуп за 2081 карельскую семью (около 10 000 человек), которые переселились на российские земли после 1617 г., но в действительности число переселенцев было больше⁶⁶. Анализ письменных и архивных источников позволил финляндскому исследователю В. Салохеймо выяснить, когда и куда переселялись карельские семьи. Массовое переселение происходило в течение трёх временных отрезков (1618—1630 гг., 1631—1655 гг., 1656—1660 гг.), при этом максимальное количество переселенцев приходится на 1656—1658 гг.⁶⁷ Области расселения «простирались от “Мурманского моря” до Северной Двины»; так, например, на Кольском полуострове удалось обнаружить следы переселенцев из районов Куркиёки и Сортавалы, «жители этих же районов уходили и в сторону Ладоги, селились на землях Новгорода и Тихвина»⁶⁸. Семьи, проживавшие в Корельском уезде, уходили в район Олонца, на восток к берегам Северной Двины, к Твери, селились в окрестностях Белозерска и Вологды, на южном побережье Ильмень-озера, по реке Мсте, вплоть до Боровичей и Валдая⁶⁹.

Судя по всему, карелы расселялись дисперсно: подсеялись в уже бытовавшие поселения⁷⁰, селились на месте заброшенных, осваивали окраинные земли, образуя новые деревни, при этом зона контактов с другими этноязыковыми коллективами, как правило, маркировалась. Так, например, перепись 1678 г. отмечает в Андомском

⁶⁵ Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. С. 46, 68. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=469> (1.12.2017).

⁶⁶ Saloheimo V. Entisen esivallan alle uusille elosijoille. S. 197.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid. S. 198.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ А. И. Соболев обратил внимание на то, что, по данным письменных источников, в Обонежье в XVI в. часть носителей антропонимов карельского типа являлись безземельными («бобыли», работники монастырей) или зависимыми от дворохозяев («суседи»), что свидетельствует об их вынужденном переселении с территории Северо-Западного Приладожья: Соболев А. И. Антропонимы прибалтийско-финского происхождения в писцовых книгах Юго-Восточного Обонежья XV—XVI вв. // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 1. С. 24. URL: <http://onomastics.ru/content/2017-t-14-%E2%84%961-0>. (25.11.2017). Подобные факты о «корелянах» фиксируются и грамотами Двинского уезда XVII в., ср.: «...Против Лисестрова дер. Исакова Гора на реке на Заостровке, а в ней... бобыльских дворов: во дв. Харка Максимов сын, Корелянин; во дв. Ефимко Яковлев сын, Корелянин; во дв. Архипко Кузьмин сын, Корелянин; во дв. Петрушка Нефедьев сын, Корелянин; во дв. Еремка Ефимов сын, Корелянин...» (СГКЭ. Т. 1. Ст. 623); «На Зимней стороне за Сухим морем слоботка усть реки Золотицы на Голой кошке, а в нем двор монастырской, а в нем живет старец Аркадеи; бобыльских дворов: во дв. Гаврилко Филипов сын, Корелянин..., во дв. Гришка Исаков сын Корелянин...» (Там же. Ст. 639—640); «в Варзуской волости Соловецкого монастыря дв. монастырской на приезд старцам и слугам, а в нем живут старцы и слуги для рыбного промыслу да их же монастырские бобыли: ...да у них же бобыли живут в подсоседникахъ: ...Федотко Иванов сын Корела...» (СГКЭ. Т. 2. Ст. 158); «...у него ж подсоседник Васка Тарасов сын Корелянин» (Там же. Ст. 319) и др.

погосте⁷¹ 13 семей «корельских выходцев», из них семь семей основали новую деревню Ранина Гора⁷². В окрестностях этой деревни, а также поселения Андоморецкий скит (где, по данным А. И. Соболева, присутствовал значительный карельский этнический элемент) были засвидетельствованы топонимы с основой *Venc-* / *Venu-* (ср. карел. *vepsä*, *veřšä* ‘вепс’): бол. *Vencимох*, руч. *Vencручей*, оз. *Venuезеро*, которые могли маркировать районы довольно поздних, относящихся ко второй половине XVII—XVIII вв., вепско-карельских контактов⁷³.

Следует отметить, что на территории Юго-Восточного Обонежья А. И. Соболеву удалось, кроме приведённых выше названий на *Venc-* / *Venu-*, выявить ряд топонимов с этнонимическими основами *Корел-* и *Ем-*: уроч. *Под Корелами*, поляна *Под Корелами*, покос *Под Корелами*, уроч. *У Корелы*, покос *У Корельского поля*, покос *У Корельской мельницы*, покос *Емежи* (ср. фин., карел. *häme(h)* ‘емь, емский’)⁷⁴, которые, вероятно, являются маркерами карельского и емского присутствия на этой территории.

Методы топонимических исследований последних лет позволили выявить ряд типовых топооснов, формантов, моделей, характерных для карельской системы именования географических объектов. Кроме того, были определены основные признаки, дифференцирующие карельскую и вепскую топонимию на фонетическом уровне⁷⁵. Картографирование названий карельского типа позволило реконструировать пути продвижения карельского населения, поскольку переселенцы приносили с собой на новые территории и систему номинации. Судя по картографическим данным, один путь шёл на север — из Приладожья в Поморье, его маркируют, например, топонимы с основой *Nilas-* / *Nilos-*, *Нулакса*, ср. карел. *nilas*, *nilos* (*nilakse-* / *nilokse-*) ‘подводная или омываемая водой скала’⁷⁶ (карта 1). На восток вёл другой путь, протянувшийся вдоль внутренних водных путей через Онежское озеро в Заволочье. Его помечают такие

⁷¹ Согласно современному административно-территориальному делению, село Андомский погост находится в Вытегорском районе Вологодской области.

⁷² *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. С. 64; *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998. С. 251—252.

⁷³ *Соболев А. И.* Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 52. URL: <http://onomastics.ru/content/2015-%E2%84%961-18-2> (25.11.2017).

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Подробнее см.: *Муллерен И. И.* Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008; *Захарова Е. В., Муллерен И. И.* Карельский след XVII века в топонимии Восточного Обонежья // XVII век в истории и культуре Русского Севера : материалы XII Каргопольской научной конференции [14—16 августа 2012 г.] / науч. ред. Н. И. Решетников ; сост. Н. И. Тормосова. Каргополь, 2012. С. 146—154; *Кузьмин Д. В.* К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы науч. симп. / сост. И. И. Муллерен. Петрозаводск, 2007. С. 20—89.

⁷⁶ *Кузьмин Д. В.* К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря... С. 32.

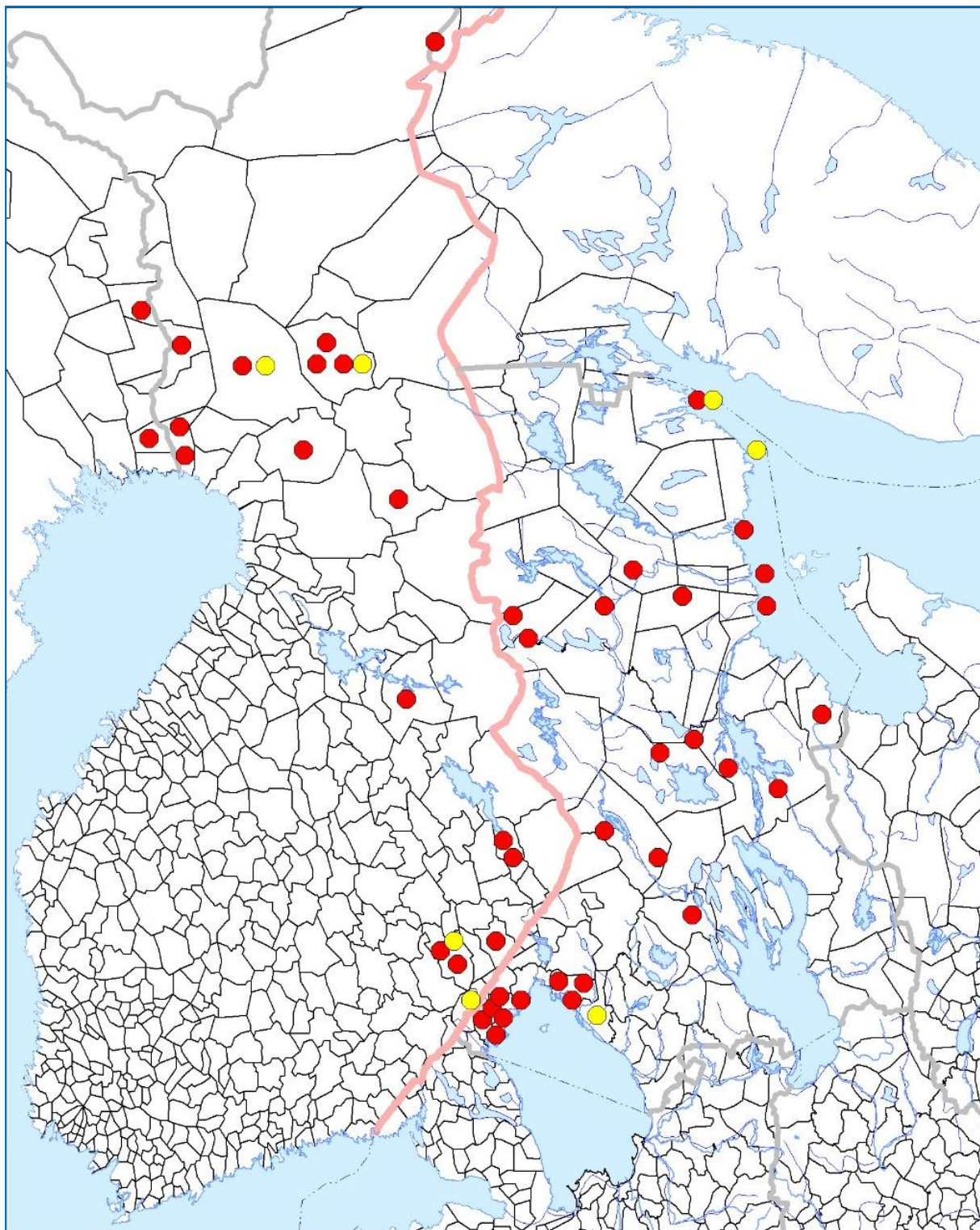
карельские топоосновы, как, например, *Jylmäkkä-* / Юлмаки (ср. карел. *jylmäkkä* ‘крутая гора, склон’), *Тереш* / *Тереж*, ср. карел. *törisijä* ‘журчащий’⁷⁷ (карта 2) и др.

Примечательно, что ареалы карельских топооснов, помечающих пути продвижения карельского населения, частично накладываются на ареал географических названий с основой *Корел-* / *Карел-*, представленных в топонимии Карелии и смежных областей (карта 3), что, в свою очередь, подтверждает этнонимический характер основ рассматриваемых названий.

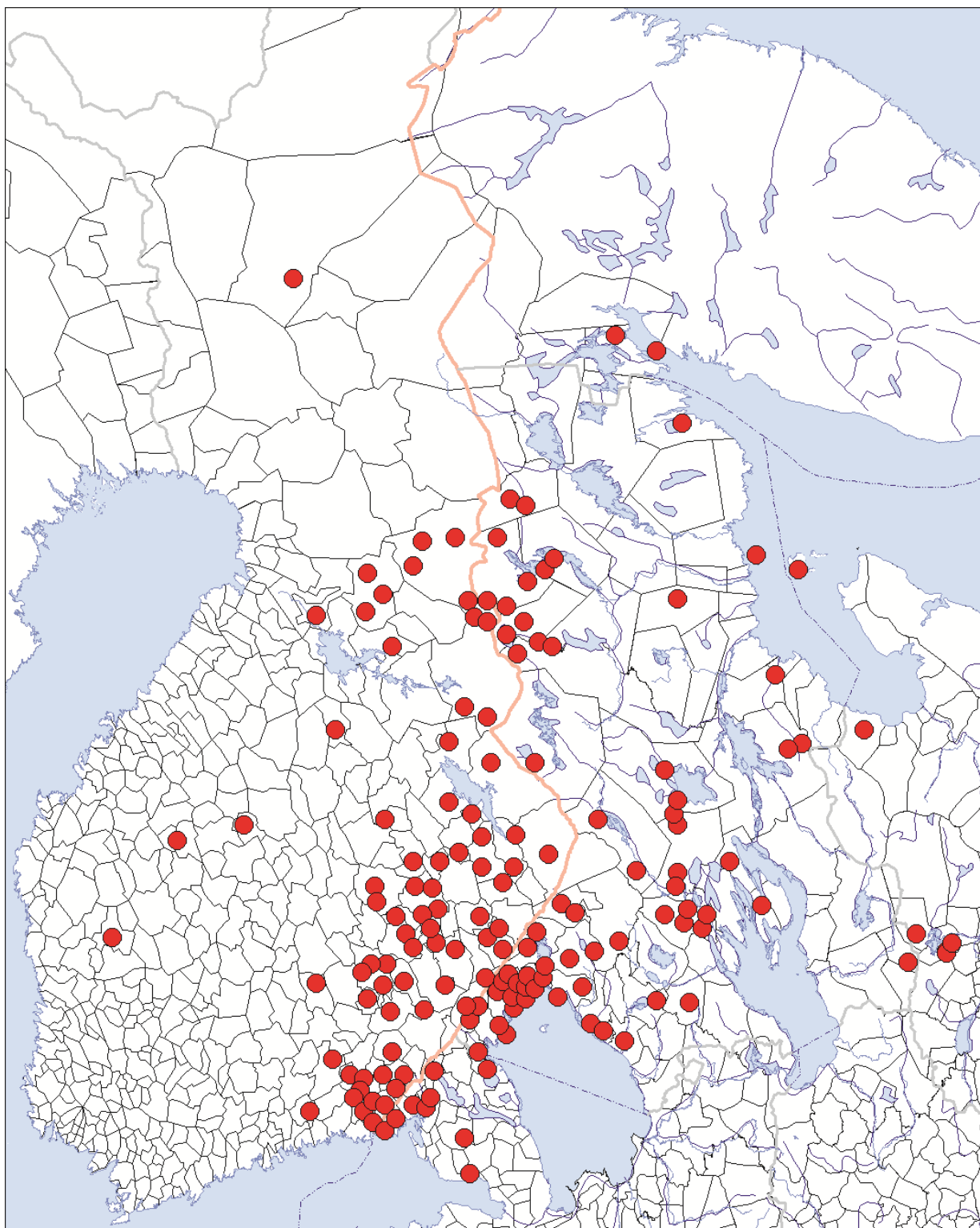
Анализ топонимов с основой *Корел-* / *Карел-* показал, что названия данного типа сконцентрированы, главным образом, в западной части РС: в низовьях Северной Двины, бассейне р. Онеги, в нижнем течении р. Пинеги (Приморском, Онежском, Плесецком, Холмогорском районах Архангельской области), в Вытегорском и Вашкинском районах Вологодской области, в восточной и северо-восточной частях Республики Карелия (в Заонежье, Пудожье и Карельском Поморье), т. е. на территориях, граничащих с той, откуда могло распространиться карельское население. При этом данные структурного анализа показывают, что не все топонимы с рассматриваемой основой являются этнонимическими. Среди названий, в основе которых представлен этноним, выделяется два хронологически разных пласта: один помечает значимые географические объекты, вдоль которых происходило освоение северных территорий русским населением, указывая на контакты русских с местными карелами, и второй, более обширный пласт названий, представленных, главным образом, в микротопонимии, маркирует места расселения карелов на территории РС, ушедших из Корельского уезда в связи с историческими событиями конца XVI—XVII вв.

⁷⁷ *Его же*. Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения — 2003». Петрозаводск, 2003. С. 306—307.

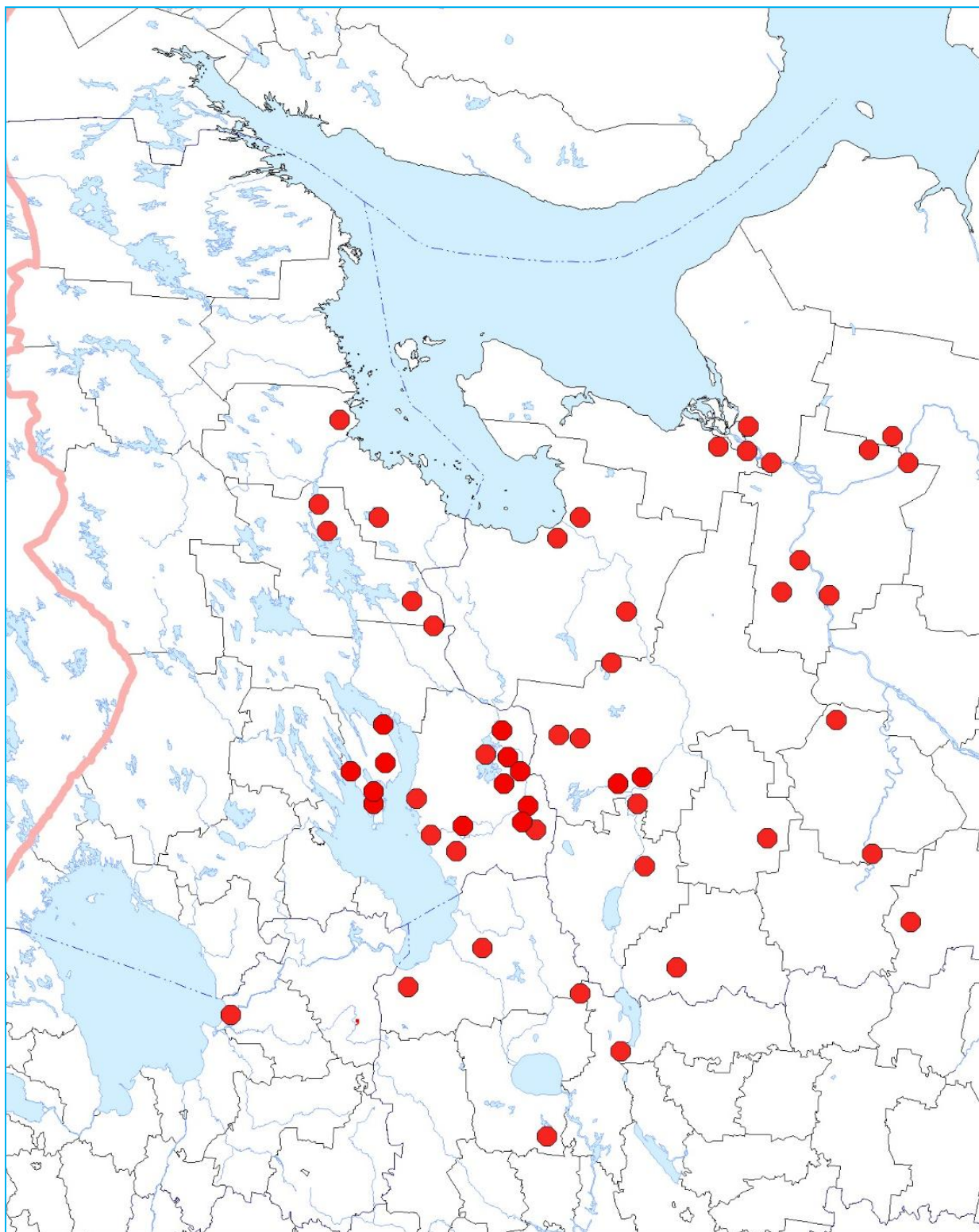
Ареал карельской топоосновы *Nilas-* / *Nilos-*, *Нилакса*

Ареал карельской топоосновы *Törisejä* / Терез-

Ареал топоосновы *Корел-* / *Карел-*

Список сокращений

Географические термины:

бывш. дер. — бывшая деревня
бол. — болото
дер. — деревня
о. — остров
о-ва — острова
оз. — озеро
р. — река
руч. — ручей
уг. — угодье
уроч. — урочище

Языки:

карел. — карельский язык
фин. — финский язык

Области, районы, сельсоветы:

Арх. — Архангельская область
Бел. — Белозерский район Вологодской области
Бабуш. — Бабушкинский район Вологодской области
Ваш. — Вашкинский район Вологодской области
В.-Губ. — Великогубский район Республики Карелия
Вель. — Вельский район Архангельской области
Вин. — Виноградовский район Архангельской области
Влг. — Вологодская область
Вожег. — Вожегодский район Вологодской области
Вохом. — Вохомский район Костромской области
В.-Уст. — Великоустюгский район Вологодской области
Выт. — Вытегорский район Вологодской области
К. — Республика Карелия
К.-Б. — Красноборский район Архангельской области
Кир. — Кирилловский район Вологодской области
Кон. — Коношский район Архангельской области
Костр. — Костромская область
Нянд. — Няндомский район Архангельской области
Он. — Онежский район Архангельской области
Пин. — Пинежский район Архангельской области
Плес. — Плесецкий район Архангельской области
Прим. — Приморский район Архангельской области
Прион. — Прионежский район Республики Карелия
Пуд. — Пудожский район Республики Карелия
Сорок. — Сорокский район Республики Карелия
Тарн. — Тарногский район Вологодской области
Тот. — Тотемский район Вологодской области
Уст. — Устьянский район Архангельской области
Устюж. — Устюженский район Вологодской области
Холм. — Холмогорский район Архангельской области
Чаг. — Чагодощенский район Вологодской области
Шенк. — Шенкурский район Архангельской области
Шунг. — Шунгский район Республики Карелия.

Список литературы

Барсов, Н. П. Очерки исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи / Н. П. Барсов. — 2-е изд., испр. и доп. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1885. — Т. IV. — 371 с.

Бернштам, Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства / Т. А. Бернштам. — Ленинград : Наука, 1978. — 175 с.

Витов, М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Из истории сельских поселений / М. В. Витов. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1962. — 289 с.

Гринблат, М. Я. Этническая топонимия и антропонимия Белоруссии / М. Я. Гринблат // Всесоюзная конференция по топонимике. Ленинград, 1965 : тезисы докладов и сообщений. — Ленинград : Б. и., 1965. — С. 79—83.

Жербин, А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке / А. С. Жербин. — Петрозаводск : Госиздат КФССР, 1956. — 79 с. — URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=469>. — (1.12.2017).

Захарова, Е. В. Карельский след XVII века в топонимии Восточного Обонежья / Е. В. Захарова, И. И. Муллонен // XVII век в истории и культуре Русского Севера : материалы XII Каргопольской научной конференции [14—16 августа 2012 г.] / науч. ред. Н. И. Решетников ; сост. Н. И. Тормосова. — Каргополь : Каргопольский гос. историко-архитектурный и художественный музей, 2012. — С. 146—154.

Кабинина, Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья / Н. В. Кабинина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 342 с.

Кузьмин, Д. В. Карельский след в топонимии Заонежья / Д. В. Кузьмин // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения — 2003». — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2003. С. 306—307.

Кузьмин, Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) / Д. В. Кузьмин // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы науч. симп. / сост. И. И. Муллонен. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007. — С. 20—89.

Куликовский, Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. академии наук, 1898. — 150 с.

Муллонен, И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями / И. И. Муллонен. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008. — 242 с.

Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. — Москва : Наука, 1965. — 179 с.

Подвысоцкий, А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. Подвысоцкий. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. академии наук, 1885. — 198 с.

Попова, Э. Ю. Этнонимия Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук / Эльвира Юрьевна Попова. — Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1999. — 176 с.

Соболев, А. И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья / А. И. Соболев // Вопросы ономастики. — 2015. — № 1 (18). — С. 45—68. — URL: <http://onomastics.ru/content/2015-%E2%84%961-18-2>. — (25.11.2017).

Соболев, А. И. Антропонимы прибалтийско-финского происхождения в писцовых книгах Юго-Восточного Обонежья XV—XVI вв. / А. И. Соболев // Вопросы ономастики. — 2017. — Т. 14, № 1. — С. 7—34. — URL: <http://onomastics.ru/content/2017-t-14-%E2%84%961-0>. — (25.11.2017).

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. — Вып. 2. Дрожжевик — Косячок / Т. Г. Доля [и др.] ; отв. ред. О. А. Черепанова. — 446 с.

Словарь русских народных говоров / АН СССР. Ин-т рус. яз. Словар. сектор. — Москва ; Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. — Вып. 13. Калун — Кабза / сост. Н. И. Андреева-Васина [и др.] ; гл. ред. Ф. П. Филин. — 358 с.; 1978. — Вып. 14. Кобзарик — Корточки / сост. О. Д. Кузнецова [и др.] ; гл. ред. Ф. П. Филин. — 376 с.

Чернякова, И. А. Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII в. / И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. — 295 с.

Kuzmin, D. Vienan karjalan asutushistoria nimistön valossa / D. Kuzmin. — Helsinki : Helsingin yliopisto, 2014. — 346 s. — URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-951-51-0068-9>. — (25.11.2017).

Saloheimo, V. Entisen esivallan alle uusille elosijoille. Ortodoksikarjalaisten ja inkeröiden poismuutto 1500- ja 1600-luvuilla / V. Saloheimo. — Tampere : Pohjois-Karjalan historiallinen yhdistys, 2010. — 218 s.

КУЗЬМИН Денис Викторович / KUZMIN Denis

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
kusmiccu@hotmail.com

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ВЫХОДЦЫ В БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ XVII—XVIII ВВ.
В СВЕТЕ ДАННЫХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ, ДОКУМЕНТОВ И ТОПОНИМИИ**
IMMIGRANTS FROM FINLAND IN THE 17TH—18TH CENTURIES
WHITE SEA KARELIA IN THE LIGHT OF LOCAL ORAL TRADITION, DOCUMENTS
AND TOPONYMY

Abstract: The article focuses on studying the recollections of the settlement history of White Sea Karelia and the possibilities of their interpretation. The goal is to understand who the immigrants from Finland were, about whom we learn from the oral history of the region. To achieve it, we use a method of the local history reconstruction. It is applied to explore the data consisting of people's remembrances recorded in 1800s, 1900s and 2000s. Most of this material has never before been collected or investigated in the historical literature. Thus, the aim of the article is to develop a new perspective on the settlement history of the region.

Ключевые слова / Keywords: Беломорская Карелия, устная история, история заселения, выходцы из Финляндии / White Sea Karelia, oral history, settlement history, immigrants from Finland.

Записанные в XIX и XX вв. в Беломорской Карелии народные предания по истории заселения данного региона отражают народное представление населения о своём прошлом, локальной истории. Из поколения в поколение передаваемые рассказы об истории рода и своего поселения давали местным жителям важные сведения о событиях и людях, упоминания о которых мы далеко не всегда можем найти в письменных источниках.

Поскольку по истории заселения Карелии в принципе существует мало письменных источников, то записанные от карельского населения устные предания являются наряду с топонимией и языковыми фактами часто единственным, а в то же время и центральным источником при освещении подобных исторических вопросов. Можно здесь также отметить, что многие письменные документы сами нередко основываются на сведениях или воспоминаниях, воспроизведённых некогда именно устно.

В Беломорской Карелии зафиксировано около 300 преданий, которые рассказывают об истории карельских родов исследуемого региона, а соответственно, и об истории заселения территории. В то же время нужно отметить, что материал в разных частях карельского Беломорья представлен неравноценно. Большая часть преданий записана в западных частях Беломорской Карелии (в бывших Вокнаволоцкой,

Контоккской и Ухтинской волостях), что связано с тем, что именно эта территория приобрела всемирную известность, благодаря богатой рунопевческой традиции и своим рунопевцам. В результате начиная с 20-х гг. XIX в. финские и российские исследователи и собиратели фольклора стали записывать также сведения об истории тех родов, в которых рунопевческая традиция была хорошо представлена. В то же время те территории, где, по мнению собирателей, традиция исполнения рун была представлена слабо¹, остались за пределами сборов подобного плана. Это же касается и более южных территорий Карелии.

На основании зафиксированных преданий можно говорить о том, что в Беломорскую Карелию на протяжении XVII—XIX вв. переселялись люди из разных регионов. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что «миграционные потоки», как правило, соответствовали направлению с запада и юго-запада на север и северо-восток. Кроме того, родовые предания свидетельствуют, что целый ряд северокарельских родов являются потомками лесных саамов-лопарей. Есть также сведения о переселении части населения из центральных частей нынешней Республики Карелия и с территории современных Архангельской и Тверской областей.

Примерно треть всех преданий, записанных в Беломорской Карелии, главным образом в её западных частях, неоднократно сообщает нам о том, что тот или иной род переселился в Карелию с территории современной Финляндии. Данный факт, по мнению целого ряда финляндских исследователей (например, такой точки зрения придерживаются Пёлля, Суорса, Ряйсянен и др.), неоспоримо свидетельствует о финских корнях значительной части северокарельских родов Вокнаволоцкой, Контоккской, Тихтозерской и Ухтинской волостей. Так, например, Матти Пёлля, ссылаясь на исследования Суорсы и Куялы, отмечает, что, согласно данным судебных книг 1717 и 1720 гг., голод стал причиной того, что сотни людей из Кайнуу были вынуждены бежать на территорию России, в данном случае, видимо, в Беломорскую Карелию, как приграничный с Кайнуу регион. Подобная ситуация наблюдалась также к северу от Кайнуу в Куусамо². Можно думать, что факт временного пребывания финнов в России имел, конечно же, место, но всё же значительная часть жителей этих двух приграничных регионов вернулась позже обратно в Финляндию³. Об этом, на мой

¹ [Borenius A. A.] A. A. Boreniuksen kertomus runonkeräyksistensä Venäjän Karjalassa v. 1871 // *Runonkerääjimmme matkakertomuksia 1830-luvulta 1880-luvulle* / julk. A. R. Niemi. Helsinki, 1904. S. 479, 488.

² Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600—1800-luvulla. Helsinki, 1995. S. 162; Kortessalmi J. J. Pohjois-Vienan poronhoito: Talonpoikien poronhoidon alue, ominaislaatu, ikä, alkuperä ja kehityslinjat vuoteen 1922. Helsinki, 1996. S. 286—288.

³ Видимо, именно об этом свидетельствует предание, записанное Шёгреном в первой четверти XIX в. Оно сообщает, что в деревне Войкула (кар. *Hämehenkylä*) ранее проживали выходцы из Саво, которые позднее сошли безвестно (Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600—1800-luvulla. S. 146).

взгляд, может свидетельствовать в том числе и тот факт, что в Беломорской Карелии не встречается большая часть фамилий, которая представлена в Кайнуу и Куусамо, а кроме того, и российские документы указанного времени не фиксируют какого-либо значительного притока⁴ населения с территории Швеции. Только в середине XVIII в. или в 1755—1763 гг. в исторических документах наблюдается некоторое увеличение случаев, которые сообщают о переселении шведских подданных в Беломорскую Карелию. Так, на территории Ребольского погоста было зафиксировано 26 человек, переселившихся из Швеции, при этом 17 из них проживали в западной части Беломорской Карелии (в Войнице, Войкуле, Ухте и Ладвозере)⁵. В шведских же документах неоднократно упоминается о переселении в Россию целых семей, однако нашими документами только изредка фиксируются случаи, когда оба супруга являлись ранее шведскими подданными.

В более ранний период, например в дозорной книге Ребольского погоста 1678 г., упоминается всего пять случаев того, когда тот или иной человек переселился сюда из-за границы⁶. При этом никто из них не проживал на территории современной Беломорской Карелии. Такое же количество новопоселенцев фиксируется в период с 1740 по 1754 г. Некоторое количество выходцев из Швеции проживало также на территории Панозерского погоста, но их там было совсем немного⁷. Ирина Чернякова отмечает, что учёт новокрещёных в то время был достаточно строгим, поэтому можно считать, что большинство «новопоселенцев» из-за рубежа было учтено переписями⁸.

Возникает естественный вопрос, кем же были те выходцы из Финляндии, о которых повествуют народные предания. Побывавший в 1825 г. в Вокнаволоке А. Ю. Шёгрэн отмечает, что за исключением двух семейств жители деревни переселились сюда некогда из финской Карелии или, другими словами, видимо, с территории бывшего Корельского уезда. При этом в то время в Вокнаволоке

Можно думать, что они вернулись на территорию Финляндии. В деревне Кентозеро также фиксируются сведения, что некогда в деревне жили два финна по фамилии Савандер и Койстинен, которые, как и в предыдущем случае, переселились в неизвестном направлении (M. A. Salmisen muistitiedot Kenttjärven kylästä : рукопись; материал, собранный автором в ходе экспедиций 1998—2013 гг.).

⁴ В одной из своих статей Матти Пёлля пишет, что на протяжении трёх веков (с XVII по XIX в.) в Беломорскую Карелию переселилось около тысячи выходцев из Финляндии: *Pöllä M. Kainuulaiset Vienan asuttajina // Kultalähteen kahta puolta: Kainuun ja Karjalan vaiheita / toim. H. Rytkölä. Kajaani, 1999. S. 78.*

⁵ Чернякова И. А. О чём не рассказал Элиас Лённрот... : К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998. С. 45.

⁶ Переписная книга Кольского уезда корельских Ребольских волостей стрелецкого головы Кольского острога Ивана Власова сына Старцова, 1678 г.: Российский государственный архив древних актов, Москва (далее — РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Л. 97—154об.

⁷ Переписная книга Лопских погостов Олонецкого уезда И. А. Аничкова, И. Н. Аничкова и подьячего И. Венюкова, 1678 г.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8573. Л. 11—110об.

⁸ Чернякова И. А. О чём не рассказал Элиас Лённрот... С. 45.

насчитывалось около 60 домов⁹. Согласно сведениям М. А. Кастрэна, записанным им в Вокнаволоцкой волости в 1839 г., целый ряд жителей волости сообщали, что их предки некогда переселились сюда с территории Финляндии¹⁰. Тем не менее исследователь всё же заметил, что основная масса населения не происходила от финнов, хотя часть населения и заявляла об обратном¹¹.

На мой взгляд, то, что в родовых преданиях карельского населения Беломорской Карелии повествуется о переселении с территории Финляндии, совсем не говорит о том, что новопоселенцами были именно финны из восточной Финляндии, Саво, Приботнии или ещё откуда бы то ни было. Для возможной интерпретации подобных сведений хочется остановиться на факте проживания карелов на территории Финляндии (в Саво, Остерботнии, Кайнуу и Куусамо) в шведский период её истории, в XVI—XVIII вв. Данный вопрос практически не освещён в исторической литературе, хотя разрозненные сведения неоднократно можно встретить в исследованиях по истории отдельных приходо́в и территорий современной Финляндии. Приведу некоторые примеры, начав с XVI в.

В 1511—1512 гг. на территорию будущего Ребольского погоста переселилась целая перева́ра, члены которой никогда не были подданными великого князя и не платили ему налогов. Другими словами, речь идёт о карелах, которые проживали до переселения не в Корельском уезде, а именно на территории шведского королевства¹². Этому мы находим подтверждение и в шведских источниках. Так, известно, например, что в 1545 г. 14 крестьян-карелов проживали на западной стороне возвышенности Маанселькя, которая отделяла Остерботнию от Московского государства, хотя более точного места их проживания документ не указывает¹³.

В наиболее ранней налоговой ведомости 1555 г. по территории Кайнуу указано около 170 топонимов, при этом четыре из них — названия полей, в числе которых, например, *Moisseenpelto* (Соткамо) и *Horkkainpelto* (Мелалахти). Названия явно свидетельствуют, что их владельцами было православное население, на что указывают имена Моисей и Харитон, закрепившиеся в наименованиях сельскохозяйственных угодий. Кроме того, данный факт также говорит о том, что выходцы из Саво

⁹ См. дневник Шёгрена за 1825 г.: *Sjögren A. J. Ephemerider. 1806—1855. S. 326—327*: Национальная библиотека Финляндии, Хельсинки — Kansalliskirjasto.

¹⁰ [*Castrén M. A.*] M. A. Castrénin kertomus runonkeruumatkastansa Venäjän-Karjalassa v. 1839 // *Runonkerääjämme matkakertomuksia 1830-luvulta 1880-luvulle. S. 9.*

¹¹ *Idem. Tutkimusmatkoilla Pohjolassa / suom. ja johdannon kirjoittanut A. J. Joki. Helsinki, 1953. S. 66.*

¹² *Жуков А. Ю., Кораблёв Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край: исторический очерк. Петрозаводск, 1999. С. 4.*

¹³ *Luukko A. Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia 2. Oulu, 1954. S. 716—717.*

не переселились на полностью свободные, никем не занятые территории¹⁴. Другими словами, здесь до них, как можно полагать, проживало карельское население. Отметим также, что на территории Кайнуу, особенно в восточных его частях, фиксируется большое количество названий карельского происхождения.

В 1554—1556 гг. в деревне Хирвилахти прихода Куопио проживал Косма Хуттойнен (*Kosma Huttoinen*)¹⁵. В 1559 г. в Сяминки суд приговорил к повешению за воровство коровы и овцы Косму Укконена (*Kosma Ukkonen*)¹⁶. Имя Косма явно указывает на карелов, другими словами, оно могло принадлежать только людям православного вероисповедания (ср. рус. *Козьма, Кузьма*).

До конца 1540-х гг. в Северную Остерботнию в Лайтасаари переселился Паавали Оллинпойка Холаппа (*Paavali Ollinpoika Holappa*, род. 1528/1530)¹⁷. Согласно исследованиям Кауко Пиринена, данный род переселился на шведские территории из Корельского уезда. Отцом Паавали был Холоп Андреев (позже Олоф Андреев), который в 1494 г. вместе с 50 другими православными карелами бежал из Корельского уезда на шведскую сторону на территорию прихода Яски¹⁸. Позднее часть его потомков переселилась на север Финляндии.

В 50-х гг. XVI в. в Кийминки в северной Остерботнии упоминается *Nils Niphatt*, который также именуется в документах *Nils Rydz* или *Niiles Venäläinen*, т. е. «Нильс / Нийлес Русский»¹⁹.

Прозвище *Ryss / Rydz*, указывающее на человека православного вероисповедания, в данном случае преимущественно на карела, фиксируется в налоговых списках XVI в. ещё в целом ряде случаев: ср. *Nils Ryss* (1543), *Nils Rydz* (1553) в Илмоле, *Eloue Ryss*

¹⁴ *Räisänen A.* Kainuun kieltä ja paikannimiä. Joensuu, 2007. S. 119—120.

¹⁵ *Nissilä V.* Karjalaista ainesta Kuopion seudun nimistöissä // *Kuopion pitäjän kirja / toim. A. Rytönen.* Kuopio, 1975. S. 132.

¹⁶ *Savon tuomiokirjat 1559 ja 1561—1565 / julk. K. Pirinen.* Helsinki, 1954. S. 10.

¹⁷ Как установила Сари Хеймонен [*Heimonen S.* Holappa suvun varhaishistoria Pohjois-Pohjanmaan alueella // *Sari Heimonen. Sukututkimus, Geneettinen sukututkimus, Vienan Karjala* [Электронный ресурс]. URL: <https://heimonensari.wordpress.com/sukututkimus/holappa-suvun-varhaishistoria-pohjois-pohjanmaan-alueella/> (30.11.2017)], он упоминается впервые в налоговом списке 1549 г. как *Pål Olson*: Национальный архив Финляндии, Хельсинки — Kansallisarkisto (далее — КА). Pohjanmaan voutikuntien tilejä. Veroluettelo 1549 (4536). Fol. 10. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=2628208> (30.11.2017). В 1566 г. к его имени уже добавлено родовое прозвание *Holappa (Påwel Holap)*: Ibid. Pohjanmaan voutikuntien tilejä. Pohjois-Pohjanmaan voutikunnan kymmenyluettelo 1566 (4687). Fol. 7v. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=2641188> (30.11.2017).

¹⁸ Результаты исследований Кауко Пиринена за 1985—1988 гг. Получено автором от Сари Хеймонен. Здесь можно отметить, что в 1526—1571 гг. только из Кирияжского погоста бежало безвестно свыше 700 человек, при этом большая часть в течение шести лет начиная с 1566 г. В качестве причин бегства упоминаются царские подати и опричнина (409 случаев) (*Жуков А. Ю.* Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в. Петрозаводск, 2013. С. 417—419). Можно думать, что подобная картина могла быть и на территории других погостов Корельского уезда. Кроме того, есть основания полагать, что многие из бежавших могли селиться на промысловых территориях приладожских карелов, которые находились в то время на территории современного северного Саво и Кайнуу.

¹⁹ *Vahtola J.* Vuosien 1570—1595 Venäjän-sodan vaikutus Iin pitäjän asutukseen // *Faravid.* 1986. Vol. 10. S. 33.

(1546) в Коройсниеме, *Hochon rydz* (1598) в Лаутиосаари²⁰, а также других местах северных частей Финляндии.

В верховьях реки Сийкаёки в Остерботнии в 1580-х гг. проживали, например, два брата *Lasse Heikinpoika* и *Matti Heikinpoika* Куронены. В 1586 г. Матти упомянут в документе как *Matz Rydz*. Он же был хозяином поместья Курола в деревне Ревонлахти в период с 1600 по 1623 г. Здесь же в Ревонлахти фиксировался также дом *Virsumtalo*, который был разделён на рубеже XVII в. В качестве владельца одной из частей упомянут в 1599 г. *Castenn Rys* [ср. ранее *Kasten Rydz* (1586), позднее *Castel Ryss* (1601)]. Сама фамилия Вирсу также указывает на православный род (ср. кар. *Virsu* — рус. Фирс)²¹. Историк Матти Лейвисья отмечает, что явные следы переселения из Корельского уезда сильнее всего представлены в деревнях Кестиля и Ревонлахти, а также в ряде других деревень этого региона Остерботнии²².

Карельское население продолжало проживать на территории Швеции и в XVII—XVIII вв. Этому также есть документальные подтверждения. Приведу также несколько примеров.

Один из документов по территории Кайнуу свидетельствует, что зимой 1611 г. из Корельского уезда в Кайнуу переселилась целая группа крестьян-карелов, правда, информации об их размещении в документе опять-таки нет²³. Известен также документ, согласно которому в том же 1611 г. крестьяне Корельского уезда (Кексгольмского лена) обратились к королю Швеции с просьбой о переселении на территорию Каянеборгского лена²⁴. В начале XVII в. в местечке Вуокки (окрестности Суомуссалми) проживало постоянно несколько карелов. Кроме того, на той же территории временно пребывало некоторое количество карелов-торговцев и тех, кто занимался здесь промыслами²⁵.

²⁰ *Idem*. Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty: nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus. Rovaniemi, 1980. S. 366.

²¹ *Leiviskä M.* Siikajokilaakson asutuksen synty: Nimistöhistoriallinen tutkimus Siikajokilaakson asutuksesta keskiajalta 1600-luvun puoliväliin: Lisensiaatintyö. Oulu, 2011. S. 70—72, 256. URL: http://www oulu.fi/sites/default/files/content/Siikajokilaakson%20asutuksen%20synty%20_lisensiaatinty%C3%B6.pdf (29.11.2017).

²² *Ibid.* S. 215. В северной Остерботнии карельские следы в топонимии можно видеть в низовьях многих достаточно крупных рек, а также на острове Хайлуото. Некоторые следы бывшего карельского присутствия отмечаются также в языке современного населения региона. В районе устья реки Сийкаёки явные следы карельского населения присутствуют в антропонимии в XVI в. Они наиболее заметны в окрестностях Кестиля и Тавасткенкя. Матти Лейвисья связывает их с карельским населением, переселявшимся сюда в XVI—XVII вв. (*Ibid.* S. 212—215).

²³ *Huurre M., Keränen J.* Kainuun historia 1: Esihistoria. Uudisraivauksen ja rajasotien kausi. Kajaani, 1986. S. 399, 658 (автор раздела Ёрма Керянен).

²⁴ *Keränen J.* Kainuun asuttaminen. Jyväskylä, 1984. S. 168.

²⁵ *Huurre M., Keränen J., Turpeinen O.* Nurgynsalmen historia. Nurgynsalmi, 1988. S. 95 (автор раздела Ё. Керянен).

В этой связи можно также упомянуть, что жителей деревни Нуасъярви к югу от озера Оулу соседи называли «рюсся», или «русскими»²⁶.

В окрестностях современного Хюрюнсальми в 1605 г. проживал *Filippus Hilparinen*, который, как считается, был карелом²⁷. В 1697 г. в доме с названием *Hilppola* жил, видимо, его сын *Jaakko Hilppa* или *Jaakko Hilppoi*²⁸. В начале 1730-х этот дом фиксировался также в форме *Hilippala*, которая уже явно указывает на то, что основатель дома был православным карелом. Ещё позднее у дома было другое название — *Haapola*²⁹, которое также свидетельствует о том, что его хозяин был карелом (ср. кар. *Huapo* — рус. *Azanum*).

Родовое предание Кемппайненов из Хюрюнсальми свидетельствует, что их род пришёл сюда из российской Карелии, и, согласно документам, первым его представителем был здесь в 1626 г. *Lauri Kemppainen*³⁰. Карелами, видимо, были и жители Хюрюнсальми с фамилией Тихинен (ср. кар. *Tihi* — рус. *Тихон*).

В XIX в. на территории прихода Хюрюнсальми было записано предание, согласно которому первыми жителями этих мест были братья карелы *Mooses* и *Mikko*. Моосес, или Моисей, проживал в местечке *Moisiovaaralla*. Микко, или, видимо, Никита, был кузнецом и проживал в доме с названием *Seppälä*. У этого дома было также второе название — *Mikittä* (ср. кар. *Mikittä* — рус. *Никита*). В 1608 г. налоги с него, судя по документам, платил *Mikko Heikkinen*, который и являлся, вероятно, тем самым Никитой. В 1650 г. хозяином дома *Seppälä* был Юхо Хейккинен³¹, который, как можно думать, был уже сыном того самого карела Микко, или Никиты.

Современный род Хуотари из Кухмо также пришёл, по преданию, из Карелии, что подтверждает и сама фамилия, в основе которой лежит имя *Фёдор*, кар. *Huotari*. Документы фиксируют упомянутый род здесь после 1605 г. От одного из его представителей было также записано, что род проживает в этих местах уже 25 поколений, что, конечно, является преувеличением. Однако данный факт может свидетельствовать, что представители рода являются финнизированными карелами, проживавшими здесь ещё, видимо, в XVI в. В исследовании по истории города Кухмо упоминается, что к карельским относится также род Тапола, который в документах фиксируется в форме *Tapolanin*. Наиболее ранним известным его представителем был Хейкки Таполан, проживавший здесь в 1605 г. Также одно из преданий, записанных

²⁶ Устное сообщение Алпо Ряйсянена.

²⁷ *Huurre M., Keränen J., Turpeinen O.* Hurgynsalmen historia. S. 105—106 (автор раздела Ё. Керянен).

²⁸ *Ibid.* S. 690 (автор раздела Ё. Керянен).

²⁹ *Ibid.* S. 277, 281 (автор раздела Ойва Турпейнен).

³⁰ *Ibid.* S. 107, 111 (автор раздела Ё. Керянен).

³¹ *Ibid.* S. 94, 108 (автор раздела Ё. Керянен).

в Кухмо, сообщает, что первым жителем местечка Кухмониemi или места, на котором стоит город, был выходец из Карелии³². Историк Карл Альфред Кастрэн зафиксировал в XIX в. также сведения о том, что на территории прихода Кухмо на берегах озёр *Lentiiranjärvi* и *Iivantiiranjärvi* раньше проживали карелы, которые неоднократно уничтожали новопоселения финнов, приходивших в эти края из окрестностей Оулуярви³³. Согласно другому преданию, поселение *Jonkeri* в приходе Кухмо также было изначально карельским³⁴.

В 1683 г. в доме *Karhulanvaara* прихода *Suomussalmi* проживал карел *Prokko*, или Прокофий, который вместе с семьёй переселился в 1711 г. на российскую территорию. Супруга Прокофия Карин была дочерью хозяина дома Пекки Курху³⁵.

В 1701 г. наёмным работником в доме Клауса Лийканена был *Tarassia*, или *Taraska Tauriainen*³⁶. Согласно документам, род Тауриайненов проживал на территории прихода Суомуссалми в период с 1625 по 1650 г.³⁷

В последней четверти XVII в. в деревне Кианта прихода Палтамо проживал *Ohvo* (рус. *Афанасий*), или *Oktavius Melentia*, который был также известен под фамилией *Vepsäläinen*. Видимо, его отец *Melentia Vepsäläinen* упоминается в 1680 г. среди торговцев-карелов на ярмарке в Каяни³⁸. В связи с рассмотрением судебной тяжбы в 1724 г. в деревне Керяля прихода Палтамо упоминается *Antti Laurinpoika*, или *Antti Lauronen*. До «Великого лихолетья» (фин. *Isoviha*), другими словами на рубеже XVII и XVIII вв., в Керяля жил *Lars Melentia*, отцом которого был, по всей видимости, проживавший ещё в XVII в. *Ohvoi Melentianpoika Vepsäläinen*. По мнению исследователя Киммо Кемппайнена, этот самый Ларс и был тем человеком, от имени которого пошла современная фамилия Лауронен³⁹. Здесь хочу отметить, что уже с конца XVII в. в деревне Аконлакша, или Бабгуба, Ребольского погоста проживал род Мелентьевых, родоначальником которого мог быть тот самый Мелентиа Вепсяляйнен. Именно здесь, в Бабгубе, записано предание, согласно которому один из родов деревни переселился сюда «с территории вепсов» (фин. *Vepsästä*)⁴⁰. Можно полагать, что здесь мы видим трансформацию сведений о родовом прозвании Мелентьевых — Вепсяляйнен, которое

³² *Wilmi J. Kuhmon historia*. Kuhmo, 2003. S. 54, 56, 58.

³³ *Castrén K. A. Kertoelmia Kajaanin läänin vaiheista vv. 1650—1750*. Helsinki, 1867. S. 12.

³⁴ *Engelberg R. Kansantietoja Pohjois- ja Itä-Suomesta ja Venäjän Karjalasta*. Helsinki, 1912. S. 82.

³⁵ *Räisänen A. Kainuun kieltä ja paikannimiä*. S. 126.

³⁶ Сообщение Матти Лунда, интернет-форум по генеалогии — Suku Forum; электронное письмо от Сари Хеймонен.

³⁷ *Huurte M., Turpeinen O. Leipä luonnosta: Suomussalmen historian kymmenen vuosituhatta*. Helsinki, 1992. S. 92 (автор раздела О. Турпейнен).

³⁸ *Kokkonen J. Rajaseutu liikkeessä: Kainuun ja Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650—1712)*. Helsinki, 2002. S. 371.

³⁹ Сообщение Киммо Кемппайнена, интернет-форум по генеалогии — Suku Forum.

⁴⁰ *Engelberg R. Kansantietoja Pohjois- ja Itä-Suomesta ja Venäjän Karjalasta*. S. 101.

за давностью лет превратилось в рассказ о месте проживания рода до его переселения в Беломорскую Карелию.

Среди жителей Каяни в 1780 г. упомянуты карелы с родовыми прозвищами *Levoska* и *Lesonen*. Видимо, карельским был также род *Hortana*⁴¹ (ср. кар. *Hortana* — рус. *Харитон*). В самом Каяни существует часть города *Terrana(nmäki)*. В 90-х гг. XVIII в. здесь построил небольшой дом карел по имени *Terrana*, или *Стенан*⁴².

Можно также упомянуть, что в роду Лесоненов, который некогда переселился из Карелии в Финляндию, существует предание, согласно которому на территорию прихода Суомуссалми из деревни *Venehjärvi* (совр. Суднозеро Костомукшского городского округа) пришло три брата. Один из них, Матвей Лесонен, основал хутор *Lesovaara*, второй поселился в Каяни, сменив позднее фамилию на *Pajarinen*, а третий «сошел безвестно»⁴³.

В начале XVIII в. в Мухосе (окрестности Оулу) в доме с названием *Kukkonen* проживал выходец из деревни Киймаваара Ребольского погоста Ховатта (*Håfwatta*) и его супруга Татьяна (*Da-Diana*). Согласно исповедальной книге, супружеская пара в 1726 г. отправилась обратно в Карелию⁴⁴. Упоминание их в исповедальной книге может свидетельствовать, на мой взгляд, о том, что они были крещены в лютеранской церкви.

Карелы переходили в лютеранство на территории Швеции в том числе и тогда, когда заключали браки с женщинами, принадлежавшими к лютеранскому вероисповеданию. Например, Матиас, или Матвей Лесонен (*Matthias Lesonen*, род. 1766), был крещён в Суомуссалми в 1790 г.⁴⁵ В одном из документов говорится, что отец Матвея был российским подданным⁴⁶. Перешёл в лютеранство и *La(u)ri Siikov*, который в 80-х гг. XVIII в. переселился на территорию прихода Суомуссалми из Шуэзера⁴⁷.

В 1736 г. был крещён в лютеранской церкви Олоф, или Охво Иванов сын Лесонен. Охво сообщил, что родился в 1699 г. в Ребольском погосте в деревне *Wenehjärvi* (совр. Суднозеро). (Интересно при этом, что сама деревня в российских

⁴¹ *Gebhard H.* Kuvaelmia Kajaanin kaupungista v. 1651—1700 ja 1723—1809. Helsinki, 1885. S. 92. URL: <http://digi.kirjastot.fi/files/original/44f8222f24242624ec9fd94883a12667.pdf> (30.11.2017).

⁴² *Räisänen A.* Kainuun kieltä ja paikannimiä. S. 137.

⁴³ Электронное письмо от Сари Хеймонен.

⁴⁴ К.А. Muhoksen seurakunnan arkisto. Rippikirja 1723—1732. IAa:2. Gestilaby. No. 14. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=5683331> (29.11.2017).

⁴⁵ См. запись в базе данных Генеалогического общества Финляндии (Suomen Sukututkimusseura): Tapahtumatunniste: 7626654 // HisKi [Электронный ресурс]. URL: <http://hiski.genealogia.fi/hiski?fi+t7626654> (29.11.2017); электронное письмо от Сари Хеймонен.

⁴⁶ *Lesonen R.* Lesosten suvun alkupiste: «Tuli-Lapista, Kuusamon takoa» // *Karjalan Heimo*. 1984. No. 9—10. S. 132. URL: http://www.karjalansivistysseura.fi/sampo/sites/default/files/kh-artikkelit/KH1984_09-10_372.pdf (29.11.2017).

⁴⁷ *Lesonen P.* Lesosen käsikirjoitus v. 1908 // *Vienan runonlaulajia ja tietäjiä / julk. ja selityksin varustanut H. Virtaranta*. Helsinki, 1975. S. 38.

источниках появляется только в 1762 г.) Кроме того, он указал, что мать его отца была родом из деревни Няльянкя прихода Палтамо⁴⁸.

Элиас Лённрот в своём дневнике о поездке 1836—1837 гг. сообщает, что встретил в деревне Контокки жителя по фамилии Салли, который бежал с военной службы на территорию Финляндии и перешёл там в лютеранство. Позднее он переселился обратно в Карелию и снова крестился в православную веру. Лённрот также отметил, что брат встреченного им человека в то время жил в Торнио⁴⁹.

Таким образом, мы можем видеть, что карелы на территории Швеции переходили в лютеранство, чтобы стать полноценными членами деревенской общины. В случае же возвращения в российскую Карелию им снова нужно было присоединиться к православию, поскольку все они в глазах местных чиновников, конечно же, являлись представителями другой веры.

Можно также отметить, что в исследовании по истории Куусамо отмечается, что русские, другими словами местные карелы, которые проживали здесь после перехода территории под суверенитет Швеции, платили налоги шведскому королю и считались, таким образом, подданными Шведской короны. Известны случаи, когда недавно переселившиеся также хотели платить налоги шведскому королю. Например, в 1705 г. такое желание выражали *Mihail Petrikov (Pestrikov?)* и *Ivan Suva (Sava?) Törröinen*⁵⁰.

В 1730-е гг. в доме Холаппа (*Hålappa*) деревни Санкиярви трудился в качестве наёмного рабочего Сава Канниайнен (*Sava Joh[an]s[son] Canniain*), который был родом из России (*Ryssland*) из деревни *Yli-Kiando (Ylä-Kianto)*. Позднее его женой стала дочь хозяина дома⁵¹. Как уже было упомянуто выше, род Холаппа переселился в Швецию из Корельского уезда. Здесь интересен тот факт, что деревня *Ylä-Kianto* в то время уже давно была частью прихода Суомуссалми. В 1887 г. Ю. В. Ювелиус зафиксировал в Беломорской Карелии предание, которое рассказывало, что самой ранней деревней

⁴⁸ Lesonen R. Vienan runosukujen suomalaiset lähtöalueet nimistötietojen valossa: Pro gradu-tutkielma. Vaasa, 1994; KA. Muhoksen seurakunnan arkisto. Rippikirja 1733—1740. IAa:3. Fol. 118. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=5660673> (29.11.2017).

⁴⁹ Путешествия Элиаса Лённрота : Путевые заметки, дневники, письма 1828—1842 / науч. ред., вступ. ст. и примеч. У. С. Конкка. Петрозаводск, 1985. С. 219.

⁵⁰ Handlingar och uppsatser angående finska Lappmarken och lapparne / saml. och utg. av I. Fellman. Helsingfors, 1912. Bok III. S. 61—62. URL: http://weburn.kb.se/metadata/961/EOD_422961.htm (29.11.2017); *Ervasti S., Vasari Y.* Kuusamon historia I. Kuusamo, 1978. S. 119—123, 856.

⁵¹ См. запись об их венчании в 1738 г. в базе данных Генеалогического общества Финляндии (Suomen Sukututkimusseura): Таpahtumatunniste: 4977136 // HisKi [Электронный ресурс]. URL: <http://hiski.genealogia.fi/hiski?fi+t4977136> (29.11.2017). Этот же Сава в нескольких других случаях назван Самюэлем (*Samuel Johansson Canniainen*), ср. в той же базе записи о крещении их с Бритой детей, где отец последних фигурирует под обоими именами: Таpahtumatunniste: 4977136 // Ibid. URL: <http://hiski.genealogia.fi/hiski?fi+t4977136> (29.11.2017) (1738); Таpahtumatunniste: 4967419 // Ibid. URL: <http://hiski.genealogia.fi/hiski?fi+t4967419> (29.11.2017) (1740); Таpahtumatunniste: 4967885 // Ibid. URL: <http://hiski.genealogia.fi/hiski?fi+t4967885> (29.11.2017) (1750). См. также: KA. Muhoksen seurakunnan arkisto. Rippikirja 1733—1740. IAa:3. Fol. 11. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=5660715> (29.11.2017).

в западной части Беломорской Карелии была Лапукка, а ближайшей соседней с ней была деревня Кианто, находившаяся на территории Финляндии⁵². Таким образом, можно полагать, что на рубеже XVII—XVIII вв. в пределах Шведского государства существовало поселение, в котором проживали православные карелы и которое возникло до перехода этих земель к Швеции.

В период с 1745 по 1763 г. в деревню Ладвозеро Ребольского погоста переселились трое мужчин из Швеции, которые приняли православие. Одним из них был Андрей Петров (род. 1723). Его внуки Степан Лукин и Филат Стафеев переехали позднее из Ладвозера в деревню Нискозеро, и в 1834 г. они, судя по ревизской сказке, носили фамилию Пертуевы, позднее Андреевы⁵³. По всей видимости, это означает, что Андрей Петров, или скорее его отец, был родом из Беломорской Карелии, возможно из Ладвозера, но проживал какое-то (или даже долгое) время на территории Швеции. В середине XVIII в. Андрей Петров вернулся на родину предков в Ладвозеро, туда, где жили другие Перттунены, в частности, род рунопевца Архипа (Архиппы) Перттунена.

Другим выходцем из Швеции был Фёдор Табалиев. Тут нужно заметить, что в 1678 г. здесь в Ладвозере проживали две семьи рода Табоевых, т. е. можно думать, что и в данном случае на родину предков вернулся тот же самый род. Напомню также, что в Кухмо в начале XVII в. проживал карельский по происхождению род Таполан, или Таполанин (см. выше).

Поскольку известны факты бегства подданных Швеции в Россию, то естественно, что карелы неоднократно переселялись и на шведские территории. Известно, например, что когда в 1654 г. кольский воевода И. Соловцов отправил в Ребольский погост стрельцов для набора солдат для войны с Польшей, население погоста их прогнало, пригрозив, что в случае повторения подобных требований местное население бежит «за рубеж в свийские немцы»⁵⁴.

В роду костомукшских Вадаевых, или Ватаненов, бытовало предание, согласно которому их род также пришёл в Карелию с территории Финляндии после какой-то войны. При этом упоминается, что родоначальником рода является *Akima Ontreinpoika*, или Аким Андреев сын. Архивный же материал свидетельствует, что Аким родился

⁵² *Juvelius J. W.* Muistoja Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta // Finska förminnsföreningens tidskrift — Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikakauskirja. Helsinki, 1889. Vol. X. S. 66. URL: <http://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/handle/10024/89941> (30.11.2017).

⁵³ *Heimonen S.* Oliko Vienan Karjalassa kaksi Perttusen sukua? // Karjalan heimo. 2017. No. 5—6. S. 94.

⁵⁴ Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII век / под ред. А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова. М., 1955. С. 775.

в 1757 г. в Костомукше, так же как и его отец — Андрей Кондратьев⁵⁵. Кроме того, сам род Вадаевых проживал в Костомукше уже в 1678 г.⁵⁶ Таким образом, факт, закрепившийся в предании, свидетельствует, что или сам Аким, или, скорее, его отец (либо даже дед) проживал какое-то время на территории Швеции, но вернулся обратно в Беломорскую Карелию.

Кроме того, в российских документах есть случаи, когда люди, переселившиеся из Швеции, названы «зарубежными выходцами», хотя и не было упомянуто об их крещении. Другими словами, они были, видимо, православного вероисповедания, но какое-то время жили опять-таки в Швеции. Это, например, Игнатей Симанов из Войкулы⁵⁷ и Якушко Пардурев из Хайколя⁵⁸.

Стоит также отметить, что даже финская фамилия может ничего не говорить об этнической принадлежности человека. Так, в доме Juugus No. 5 в окрестностях Оулу проживал в первой трети XVIII в. *Polykarpus (*Karppa) Juhonpoika Hämmäläinen*. Известно также его прозвище, полученное им в шведской армии: *Polikarp Juhonpoika Gallberg* (род. между 1707 и 1716 гг.). В подушном списке населения в 1734 г. он именуется *Ryssgässen Polycarpus*, т. е. «русским молодым человеком Поликарпусом»⁵⁹. Таким образом, хотя его фамилия явно указывает на принадлежность к финскому населению, в частности к родам провинции Саво⁶⁰, его имя явно свидетельствует о том, что он был карелом. Его потомки могли позже вернуться в Беломорскую Карелию⁶¹. Известно, что род Хямяляйненев проживал в нескольких деревнях Беломорской Карелии, в частности, в Бабгубе и Каменном Озере Ребольского погоста.

Подтверждением того, что финских новопоселенцев в Беломорской Карелии было не так много, может служить также топонимия. Здесь фиксируется лишь несколько

⁵⁵ *Paajaste K. Vatasten laaja suku on osa vanhan Kostamuksen historiaa // Karjalan heimo. 2003. No. 1—2. S. 11—12. URL: http://www.karjalansivistysseura.fi/sampo/sites/default/files/kh-artikkelit/KH2003_01-02_600.pdf (29.11.2017).*

⁵⁶ Переписная книга Кольского уезда корельских Ребольских волостей стрелецкого головы Кольского острога Ивана Власова сына Старцова, 1678 г.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Л. 138об.

⁵⁷ Сказки о государственных черносошных крестьянах Ребольского погоста Олонецкого уезда, 1762—1763 гг.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2412. Л. 121.

⁵⁸ Переписная книга Лопских погостов Олонецкого уезда И. А. Аничкова, И. Н. Аничкова и подьячего И. Венюкова, 1678 г.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8573. Л. 70об.

⁵⁹ KA. Pohjanmaan läänin tilejä. Tositekirja 1734 (9311). S. 1285. URL: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=10668661> (29.11.2017).

⁶⁰ *Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki, 2000. S. 143.*

⁶¹ Ср. также: в 30-х гг. XVII в. в деревне Лиекса бывшего Корельского уезда проживали *Homa* (рус. *Фома*) *Timoskanpoika Ruotsalainen* и *Simana* (рус. *Семён*) *Ruotsinen*, а в местечке Виэнсуу жил *Terpana* (рус. *Степан*) *Everikinpoika Ruotsalainen* [*Kilpeläinen A. S., Hintikka A. L., Saloheimo V. A. Pielisjärven historia I. Kuopio, 1954. S. 85, 89* (раздел написан Вейо Салохеймо)] (ср. *ruotsalainen, ruotsi* ‘финн, лютеранин’). Данные люди могли быть как карелами, переселившимися с территории Финляндии, так и финнами, которые приняли православие, переселившись на территорию бывшего Корельского уезда. Последнее выглядит несколько странным, поскольку в то время уезд был уже частью Шведского королевства.

топонимных типов, которые могут быть свидетельством миграции населения из Швеции, преимущественно с территории Саво. Все они встречаются, главным образом, в западной части Беломорской Карелии и не являются многочисленными. Практически нет в Карелии и этнонимических названий на *Savo(n)- / Savolainen-* ‘саволак(кий)’ (или ‘савоский’), которые, как правило, появлялись в местах контактирования различных этносов. В Карелии зафиксировано всего три названия данного типа: ср.: покос *Savonurmi* в Кибошнаволоке в Ребольской волости, а также скала у порога *Savo(n)kallivo* в Толлореке и мыс *Šavoniemi* в Войнице⁶² в Беломорской Карелии. Распространение названий на *Savo(n)-* в Финляндии характеризует, по моему мнению, этническую ситуацию рубежа XVI—XVII вв. (карта). Ареал свидетельствует, что саволакская экспансия на север не перешла ещё северных пределов губернии Саво того времени. Тем самым, можно предполагать, что современное Кайнуу было в тот период истории промысловой территорией, прежде всего, для карелов, а также на западе — для финского населения Северной Остерботнии. Карта также свидетельствует, что Пиен-Саво было некогда тем регионом, где происходило активное карело-саволакское контактирование⁶³. Отметим также, что, согласно записанным в Беломорской Карелии родовым преданиям, часть населения, переселившегося в Карелию из Финляндии, была родом именно из Пиен-Саво.

Нельзя, конечно же, отрицать, что в Беломорской Карелии проживало и финское население. Однако, как мне представляется, большая его часть — это переселенцы XIX в. После того как Финляндия была присоединена к Российской империи, часть финнов в силу разных причин могла более свободно переселяться на территорию Карелии. В конце XIX в. в Олонецкой губернии насчитывалось до 3000 финнов, переселившихся, главным образом, из Восточной Финляндии⁶⁴. Проживали финны и в разных деревнях Беломорской Карелии, так, например, в Юшкозере числилось в 1895 г. 14 лютеран⁶⁵. О финских корнях свидетельствует и целый ряд фамилий местного населения в начале XX в., ср.: *Kovalainen, Lehtolainen, Pa(a)talainen, Väiryinen* (**Väiryinen*), *Хянинен, Seppänen* в Ухте, *Кемтунен* в Нурмилакше, *Grangrutov*

⁶² В основе данного названия мог закрепиться и антропоним, поскольку в документе 1678/1679 г. в Войнице упоминается род *Шавуевых* (**Савуев*) (Переписная книга Кольского уезда корельских Ребольских волостей стрелецкого головы Кольского острога Ивана Власова сына Старцова, 1678 г.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Л. 148об.), ср. кар. *Savo(i)* — рус. *Савва*. Отметим, что мыс притом находится непосредственно в самой деревне Войница, т. е. полуостров *Šavoniemi* мог быть местом жительства (однодворной деревней) представителей указанного рода.

⁶³ *Kuzmin D. V. Savolaisten osuus Venäjän Karjalan asuttamisessa paikkannimitietojen valossa // Historiallinen aikakauskirja. 2012. No. 3. S. 305—319.*

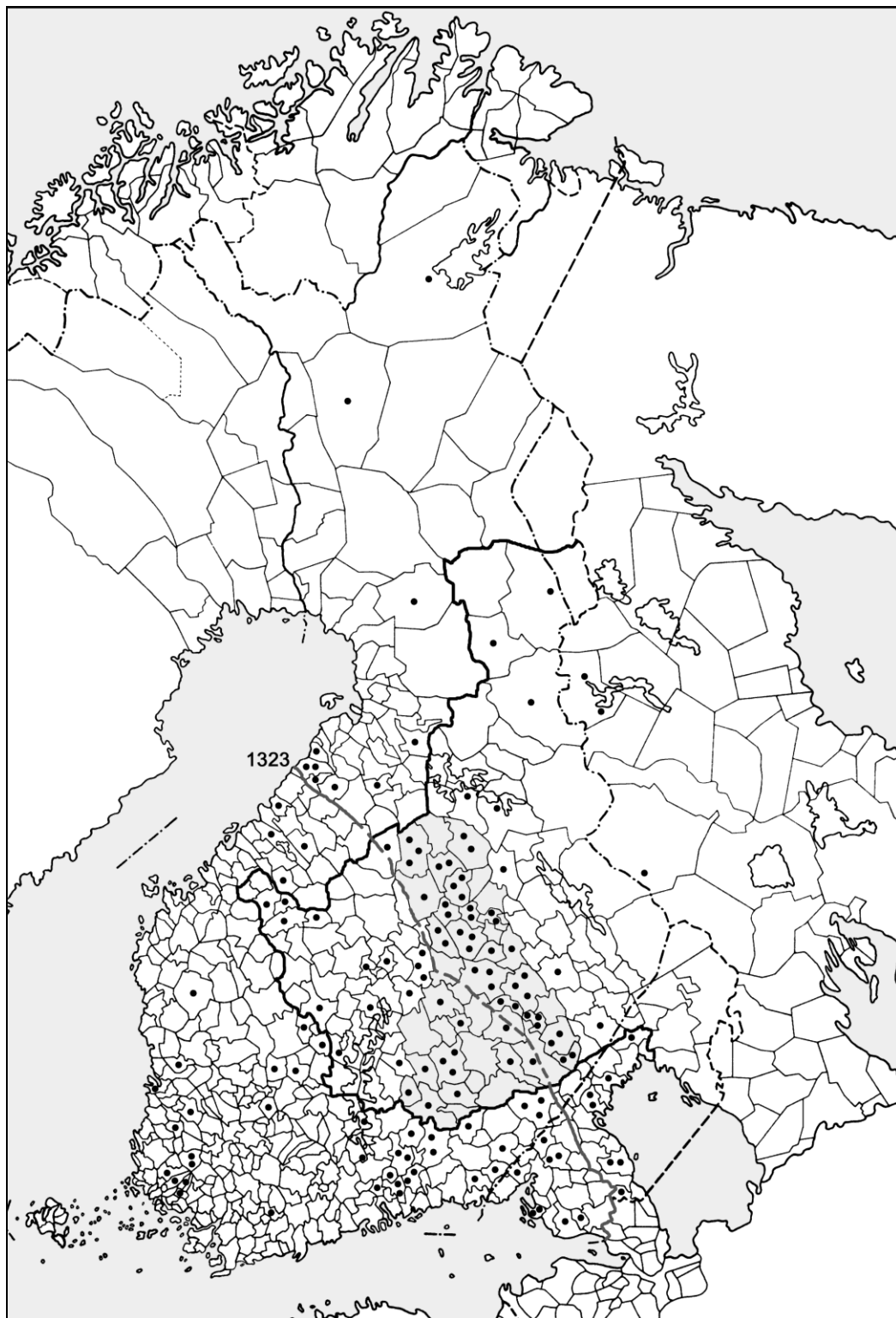
⁶⁴ *Ruutu M. Suomesta 1800-luvulla siirtyneet luterilaiset Aunuksessa. Helsinki, 1936. S. 8—21.*

⁶⁵ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. III. Уезды: Онежский, Кемский и Кольский. С. 156. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/12231-vyp-3-uezdy-onezhskiy-kemskiy-i-kolskiy-1896#page/1/mode/grid/zoom/1> (30.11.2017).

(**Granroth*) в Чикше, *Moilanen* в Лапукке, *Kemiläinen* в Юшкозере; *Nevalainen* в Келлогоре, *Kurvinen* в Ковдозере, *Helminen* в Панозере, *Пякконен* в Костомукше и др. Об этом свидетельствуют также топонимы с топоосновой *Ruočči- / Ruočin-* ‘финн, лютеранин’, которые появлялись в тех местах, куда подсеялись финны. Ср., например, хутора *Ruočin-Pekanniemi* (Ювалакша), *Ruočinpää*, *Ruočinkohta* (Лехта). Можно также отметить здесь, что в западных частях Беломорской Карелии в среде торговцев-карелов были не редки случаи, когда супруга происходила с территории Финляндии.

Подводя итог, отмечу, что предания и местные легенды имеют большое значение для изучения истории любого региона. В то же время необходимо принимать во внимание тот факт, что все они являются всё же вспомогательным источником, который должен быть использован с осторожностью, и по возможности необходимо искать подтверждающие им факты и свидетельства из других источников, на материале других научных дисциплин. Связано это с тем, что предания далеко не всегда передают сведения в их первоначальном виде. Часть из них может, например, представлять собой определённое смешение различных исторических фактов, а также историй из жизни местного населения или конкретных семей. Используя предания в качестве научного источника, необходимо понимать, что чем дальше в истории происходили некие события, тем более фрагментарны и скудны устные рассказы о них. Этим, в частности, объясняется то, что человек может помнить историю своего рода или поселения лишь фрагментарно. В таких случаях исследователю следует принимать во внимание устные предания, сохранившиеся в других семьях этого рода и описывающие историю других родов этого же поселения, а кроме того, все возможные другие источники и материалы. Есть вероятность, что именно сравнительный анализ позволит выявить те крупницы существенной информации, с помощью которой удастся восстановить в той или иной степени достоверную картину произошедших событий.

Ареал топонимии Savo- / Savon-

Список литературы

Жуков, А. Ю. Ребольский край : исторический очерк / А. Ю. Жуков, Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. В. Пулькин. — Петрозаводск : Институт языка, литературы и истории КНЦ РАН, 1999. — 19 с.

Жуков, А. Ю. Самоуправление в политике России : Карелия в XII — начале XVII в. / А. Ю. Жуков. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. — 492 с.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. — Архангельск : Издание Архангельского епархиального церковно-археологического комитета, 1896. — Вып. III. Уезды: Онежский, Кемский и Кольский. — III, II, 267 с. — URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/12231-vyp-3-uezdy-onezhskiy-kemskiy-i-kolskiy-1896#page/1/mode/grid/zoom/1>. — (30.11.2017).

Очерки истории СССР : Период феодализма. XVII век / под ред. А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. — 1032 с.

Чернякова, И. А. О чём не рассказал Элиас Лённрот... : К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа / И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. — 65 с.

Engelberg, R. Kansantietoja Pohjois- ja Itä-Suomesta ja Venäjän Karjalasta / R. Engelberg. — Helsinki : Suomalaisen kansan kirjapaino, 1912. — 182 s.

Ervasti, S. Kuusamon historia I / S. Ervasti, Y. Vasari. — Kuusamo : Kuusamon kunta, 1978. — 999 s.

Handlingar och uppsatser angående finska Lappmarken och lapparne / saml. och utg. av I. Fellman. — Helsingfors : Finska litteratursällskapet, 1912. — Bok III. — 437 s. — URL: http://weburn.kb.se/metadata/961/EOD_422961.htm. — (29.11.2017).

Gebhard, H. Kuvaelmia Kajaanin kaupungista v. 1651—1700 ja 1723—1809 / H. Gebhard. — Helsinki : [Kajaanin valtuuskunta], 1885. — 96 s. — URL: <http://digi.kirjastot.fi/files/original/44f8222f24242624ec9fd94883a12667.pdf>. — (30.11.2017).

Heimonen, S. Oliko Vienan Karjalassa kaksi Perttusen sukua? / S. Heimomen // Karjalan heimo. — 2017. — No. 5—6. — S. 94—95.

Heimonen, S. Holappa suvun varhaishistoria Pohjois-Pohjanmaan alueella / S. Heimonen // Sari Heimonen. Sukututkimus, Geneettinen sukututkimus, Vienan Karjala [Электронный ресурс]. — URL: <https://heimonensari.wordpress.com/sukututkimus/holappa-suvun-varhaishistoria-pohjois-pohjanmaan-alueella/>. — (30.11.2017).

Huurre, M. Kainuun historia 1 : Esihistoria. Uudisraivauksen ja rajasotien kausi / M. Huurre, J. Keränen. — Kajaani : Kainuun maakuntaliitto, 1986. — 696 s.

Huurre, M. Hyrynsalmen historia / M. Huurre, J. Keränen, O. Turpeinen. — Hyrynsalmi : Hyrynsalmen kunta ja seurakunta, 1988. — 716 s.

Huurre, M. Leipä luonnosta : Suomussalmen historian kymmenen vuosituhatta / M. Huurre, O. Turpeinen. — Helsinki : Otava, 1992. — 500 s.

Juvelius, J. W. Muistoja Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta / J. W. Juvelius // Finska förminnsföreningens tidskrift — Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikakauskirja. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1889. — Vol. X. — S. 1—89. — URL: <http://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/handle/10024/89941>. — (30.11.2017).

Keränen, J. Kainuun asuttaminen / J. Keränen. — Jyväskylä : Jyväskylän yliopisto, 1984. — 282 s. — (Studia Historica Jyväskyläensis. — Vol. 28).

Kilpeläinen, A. S. Pielisjärven historia I / A. S. Kilpeläinen, A. L. Hintikka, V. A. Saloheimo. — Kuopio : Pielisjärven seurakunta, 1954. — 420 s.

Kokkonen, J. Rajaseutu liikkeessä : Kainuun ja Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650—1712) / J. Kokkonen. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2002. — 439 s. — (Bibliotheca Historica. — Vol. 79).

Kortessalmi, J. J. Pohjois-Vienan poronhoito : Talonpoikien poronhoidon alue, ominaislaatu, ikä, alkuperä ja kehityslinjat vuoteen 1922 / J. J. Kortessalmi. — Helsinki : Suomen muinaismuistoyhdistys, 1996. — 566 s. — (Kansatieteellinen arkisto. — Vol. 41).

Kuzmin, D. V. Savolaisten osuus Venäjän Karjalan asuttamisessa paikannimitietojen valossa / D. V. Kuzmin // Historiallinen aikakauskirja. — 2012. — No. 3. — S. 305—319.

Leiviskä, M. Siikajokilaakson asutuksen synty : Nimistöhistoriallinen tutkimus Siikajokilaakson asutuksesta keskiajalta 1600-luvun puoliväliin : Lisensiaatintyö / M. Leiviskä. — Oulu : Oulun yliopisto, 2011. — 270 s. — URL: http://www oulu.fi/sites/default/files/content/Siikajokilaakson%20asutuksen%20synty%20_lisensiaatinty%C3%B6.pdf. — (29.11.2017).

Lesonen, P. Lesosen käsikirjoitus v. 1908 / P. Lesonen // Vienan runonlaulajia ja tietäjiä / julk. ja selityksin varustanut H. Virtaranta. — Helsinki : [Helsingin yliopisto] ; Suomalais-ugrilainen seura, 1975. — S. 13—42. — (Castrenianumin toimitteita. — Vol. 12).

Lesonen, R. Lesosten suvun alkupiste : «Tuli-Lapista, Kuusamon takoa» / R. Lesonen // Karjalan heimo. — 1984. — No. 9—10. — S. 132—133. — URL: http://www.karjalansivistysseura.fi/sampo/sites/default/files/kh-artikkelit/KH1984_09-10_372.pdf. — (29.11.2017).

Lesonen, R. Vienan runosukujen suomalaiset lähtöalueet nimistötietojen valossa : Pro gradu-tutkielma / R. Lesonen. — Vaasa : Vaasan yliopisto, 1994. — 195 s.

Luukko, A. Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia 2 / A. Luukko. — Oulu : P.-P. Maakuntal, 1954. — 845 s.

Nissilä, V. Karjalaista ainesta Kuopion seudun nimistössä / V. Nissilä // Kuopion pitäjän kirja / toim. A. Rytönen. — Kuopio : Kuopion kaupunki, 1975. — S. 127—136. — (JYY:n Kotiseutusarja. — Vol. 10).

Paajaste, K. Vatasten laaja suku on osa vanhan Kostamuksen historiaa / K. Paajaste // Karjalan heimo. — 2003. — No. 1—2. — S. 11—18. — URL:

http://www.karjalansivistysseura.fi/sampo/sites/default/files/kh-artikkelit/KH2003_01-02_600.pdf. — (29.11.2017).

Pöllä, M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600—1800-luvulla / M. Pöllä. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. — 353 s. — (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. — Vol. 635).

Pöllä, M. Kainuulaiset Vienan asuttajina / M. Pöllä // Kultalähteen kahta puolta : Kainuun ja Karjalan vaiheita / toim. H. Rytkölä. — Kajaani : Oulun yliopisto ; Lönnrot-instituutti, 1999. — S. 63—79.

Ruutu, M. Suomesta 1800-luvulla siirtyneet luterilaiset Aunuksessa / M. Ruutu. — Helsinki : Suomen kirkkohistoriallinen seura, 1936. — 108 s.

Räisänen, A. Kainuun kieltä ja paikannimiä / A. Räisänen. — Joensuu : Joensuun yliopiston humanistinen tiedekunta, 2007. — 200 s. — (Studia Carelica Humanistica. — Vol. 21).

Mikkonen, P. Sukunimet / P. Mikkonen, S. Paikkala. — Helsinki : Otava, 2000. — 895 s.

Vahtola, J. Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty : nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus / J. Vahtola. — Rovaniemi : Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1980. — 563 s. — (Studia Historica Septentrionalia. — Vol. 3).

Vahtola, J. Vuosien 1570—1595 Venäjän-sodan vaikutus Iin pitäjän asutukseen / J. Vahtola // Faravid. — 1986. — Vol. 10. — S. 25—58.

Wilmi, J. Kuhmon historia / J. Wilmi. — Kuhmo : Kuhmon kaupunki, 2003. — 605 s.

1917 ГОД: НОВЫЕ РУБЕЖИ

1917: NEW FRONTIERS

ШИКАЛОВ Юрий Геннадьевич / SHIKALOV Yuri

Университет Восточной Финляндии / University of Eastern Finland

Финляндия, Йоэнсуу / Finland, Joensuu

yury.shikalov@uef.fi

**ТИХИЙ УГОЛОК:
ФИНЛЯНДИЯ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ТУРИСТОВ ПО ОПИСАНИЯМ
ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.**

A SILENT NOOK: FINLAND IN RUSSIAN FIN-DE-SIÈCLE TOURIST GUIDEBOOKS

Abstract: The purpose of this article is to find out what image of Finland was formed by the guidebooks published for Russian travelers in the late 19th and early 20th century. As a source material, more than two dozen books of this genre have been analysed. Particular attention is paid to the transformations of the content of guidebooks, as well as descriptions of the city of Vyborg, as a clear example of “Finnish reality”.

Ключевые слова / Keywords: Финляндия, Выборг, Россия, конец XIX — начало XX в., путеводители, туризм / Finland, Vyborg, Russia, late 19th — early 20th century, guidebooks, tourism.

По определению, данному в учебной литературе по туризму, туризмом называются «временные выезды людей в другую страну или местность, отличную от места постоянного жительства... в развлекательных, оздоровительных, спортивных, гостевых, познавательных, религиозных и иных целях...»¹. Поскольку цель туристического путешествия «отлична от места постоянного жительства», то туристы, естественно, стремятся заранее получить хоть какое-нибудь представление о том месте, куда они направляются, дабы их деньги не пропали даром. Именно это стремление и привело к созданию книг, называемых туристическими путеводителями. Путеводители как жанр литературы сформировались в 1830-х гг., когда немецкий издатель Карл Бедекер (Karl Baedeker) начал издавать описания стран с советами, призванными облегчить жизнь любителей путешествий².

Финляндия начинает привлекать российских туристов уже в 1830-е гг. Особенно она интересовала жителей Северной столицы, стремившихся хоть на время избавиться от шума и суеты мегаполиса. Во второй половине XIX в. поездки в великое княжество с «оздоровительными целями», а также аренда дач в «чухонских» посёлках

¹ Биржаков М. Б. Введение в туризм : учебное пособие. СПб., 2004. С. 37.

² Киселёва Л., Пильд Л., Степанищева Т. Некоторые итоги «путеводительного» проекта // Путеводитель как семиотический объект : сборник статей. Тарту, 2008. С. 8. URL: <http://www.ruthenia.ru/vademecum/ITOGI.pdf> (12.12.2017).

на Карельском перешейке стали весьма популярными. Путешественники и дачники, разумеется, стремились получить как можно больше сведений о стране, чтобы наилучшим образом спланировать поездку или дачный отдых. Так появились путеводители по Финляндии, написанные именно для туриста из России.

Как отмечал автор одного из таких путеводителей, изданных в Выборге в 1914 г., он писал свою книгу для того, «чтобы *Русский турист*, который посетит Финляндию, получил бы как можно больше удовольствия и, следовательно, возмещение за те рубли, которые он оставит в стране»³. Говоря современным языком, путеводители являлись и являются своего рода рекламной литературой, создающей определённый товарный бренд того места, о котором они рассказывают. В последнее время много пишут и о различных «образах Финляндии»⁴. Цель настоящей статьи — выяснить, какой «бренд» или «бренды» Финляндии формировали путеводители, издававшиеся для российских подданных, которые собирались посетить эту страну или арендовать там дачу во второй половине XIX — начале XX в. Можно сказать, что данная статья также дополняет обширную «галерею образов» Финляндии.

Путеводители начали привлекать внимание исследователей лишь в последние десятилетия⁵. Историки пока не уделили особого внимания этим источникам. Если говорить об исследованиях именно русскоязычных путеводителей по Финляндии, то здесь можно найти лишь две-три статьи, написанных историками и краеведами⁶, хотя путеводители как источники для исторических исследований, несомненно, представляют большой интерес. Русскоязычные путеводители по Финляндии издавались на протяжении многих десятилетий, и в них, кроме советов путешественникам, можно найти сведения по всем различным сторонам жизни великого княжества. Массив этих

³ Гейкель С. М. Как путешествовать по Финляндии? Железнодорожные и пароходные расписания, маршруты, советы для туристов, объявления первоклассных магазинов и гостиниц и пр. Выборг, 1914. С. 2.

⁴ Так, например, в 2004 г. был выпущен сборник статей, посвящённый различным «образам Финляндии в России»: Многоликая Финляндия: Образ Финляндии и финнов в России / под ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. Великий Новгород, 2004.

⁵ Например, в 2007—2008 гг. на Филологическом факультете Тартуского университета был осуществлён проект по изучению путеводителей, в котором приняли участие и историки. Результатом проекта явился сборник: Путеводитель как семиотический объект. URL: <http://www.ruthenia.ru/vademecum/Soderzhanie.html> (12.12.2017).

⁶ Витухновская-Кауппала М. Русские путевые заметки и путеводители по Финляндии: от романтической идиллии к политическому противостоянию // Там же. С. 195—218. URL: <http://www.ruthenia.ru/vademecum/VITUHNOVSKAJA.pdf> (12.12.2017); Смирнова М. «Места восхитительные для глаза и поучительные для ума»: русскоязычные путеводители по Финляндии второй половины XIX — начала XX в. // Гельсингфорс — Санкт-Петербург: Страницы истории (вторая половина XIX — начало XX века) / под ред. Т. Вихавайнена, С. Кашенко. СПб., 2012. С. 69—84. URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/ce57028b3fea5778f70aba2d489ef17968685e7e.pdf> (12.12.2017); Волкова Л., Федорова М. Из истории развития туризма и экскурсионных услуг в Выборге за два последних века // Инновационные процессы как интегрирующий фактор развития туризма: материалы международной научно-практической конференции памяти Микаэля Агрикола. Выборг, 2014. С. 175—198.

источников достаточно велик. Мария Смирнова, исследовавшая русскоязычные путеводители по Финляндии, пишет, что ей удалось «выявить» более 70 книг подобного рода, опубликованных в период с 1851 по 1917 г. По её мнению, первые издания таких путеводителей появились уже в 1830-х гг., а наиболее активно они издавались в последнее десятилетие XIX в. и перед революцией, в 1911—1917 гг.⁷ При написании данной статьи было использовано всего 22 путеводителя, изданных в период с 1862 по 1915 г.

От романтизации — к политизации

Финляндия начала интересовать российского обывателя в начале XIX столетия, после присоединения её к Российской империи, однако более-менее активно эта страна начала осваиваться туристами из России несколько позже. Профессор-филолог Яков Грот писал, что после присоединения Финляндии понадобилось почти четыре десятилетия, прежде чем с этой страной «завязалось ближайшее знакомство». По наблюдениям Грота российские подданные стали активно посещать Гельсингфорс после того, как на Балтийском море в 1830-х гг. начало работу новое пароходство, а особенно после 1838 г., когда в городе открылось «заведение минеральных вод и купален»⁸.

Импульсами для дальнейшего развития российского туризма в Финляндии послужило завершение строительства Сайменского канала в 1856 г.⁹, а затем открытие железной дороги, соединившей Санкт-Петербург и станцию Риихимяки в 1870 г. От Риихимяки уже существовало железнодорожное сообщение до Гельсингфорса, и отныне путешественники могли ездить из столицы в столицу на поезде. Особенно сильное влияние железная дорога оказала на «дачный» туризм. Петербуржцы начали активно снимать дачи в финляндских посёлках, расположенных вдоль железной дороги вплоть до Выборга¹⁰. Резко возросший интерес к великому княжеству незамедлительно сказался на выпуске путеводителей. Марина Витухновская-Кауппала утверждает, что первый русский путеводитель по Финляндии был издан именно в 1862 г.¹¹

Исследователи, занимавшиеся изучением путеводителей по Финляндии, отмечают, что в первых выпусках этих книг страна представлялась путешественникам

⁷ Смирнова М. «Места восхитительные для глаза и поучительные для ума». С. 70—72.

⁸ Грот Я. Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео. СПб., 1847. С. XI.

⁹ Ваттулайнен П. Сайменский канал как туристический объект [Электронный ресурс]. URL: <http://karelkurs.narod.ru/files/saima.en.html> (28.07.2017).

¹⁰ Железная дорога: история. 1870—1941 годы / материал подг. И. Лапиным // Зеленогорск СПб: История и современность [Электронный ресурс]. URL: http://terijoki.spb.ru/railway/rw_history.php (28.07.2017).

¹¹ Витухновская-Кауппала М. Русские путевые заметки и путеводители по Финляндии. С. 199

в романтическом свете, навеянном творениями русских писателей и поэтов¹². Особое влияние на «романтическое» содержание путеводителей, очевидно, оказали и труды профессора-филолога Якова Грота, впервые посетившего Финляндию в конце 1830-х гг., а затем и переселившегося в Гельсингфорс. Особенно много Грот путешествовал по Финляндии в 1845 и 1846 гг. Часть пути он провёл совместно со своим коллегой «Ильёй» — Элиасом Лённротом. Описание его путешествий вышло в свет в 1847 г. и отличалось, прежде всего, замечательной информативностью¹³.

Первые российские путеводители по Финляндии действительно насыщены романтикой. Например, автор одного из первых таких изданий (1862) пишет: «Материк её состоит преимущественно из гранитных масс, обнажённых, или покрытых дремучими лесами. Дикость и оригинальность финляндской природы — восхитительны»¹⁴. Подобного рода описания Финляндии были своего рода стереотипом в русской художественной литературе¹⁵.

Романтизировались и жители этой страны. Вот как описывает финнов Владимир Майнов в своём путеводителе: «Отличаясь очень мускулистым и крепким телосложением, средним ростом, несколько угловатым, хотя и брахицефальным черепом, с плоским лицом и выдающимися скулами, бледным и не редко желтоватым цветом кожи, с бедною на ней растительностью, с белокурыми волосами на юге и тёмными на севере, где финны мало, а иногда и вовсе не смешивались с покорителями (имеются в виду шведы. — Ю. Ш.), со вздёрнутым, широконоздреватым носом и бледносиними... глазами, финны честны, гостеприимны, верны, храбры, выносливы, трудолюбивы до упрямства; тёмные стороны их характера составляют непреодолимое упрямство, которое можно сравнить разве лишь с упрямством малоросса, вспыльчивость, выражающаяся в ударах ножом (пуукко) лучшего своего друга, и мстительность; сильно выраженная религиозность не мешает им быть суеверными»¹⁶.

Майнов был этнографом, и он одним из первых в России начал заниматься антропологическими исследованиями¹⁷. Это наложило свой отпечаток на его описание финнов, однако романтический оттенок при этом сохранился. Как видно из приведённого текста, положительные черты в финском характере, по мнению автора, явно преобладают над отрицательными. Майнов вообще называет финнов

¹² Там же. С. 196—198; *Смирнова М.* «Места восхитительные для глаза и поучительные для ума». С. 73.

¹³ *Грот Я.* Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео.

¹⁴ *Г. Л.* Путеводитель по Финляндии. СПб., 1862. С. 69—84.

¹⁵ *Витухновская-Кауптала М.* Русские путевые заметки и путеводители по Финляндии. С. 196—198.

¹⁶ *Майнов В.* Путеводитель по Финляндии. СПб., 1887. С. 19—20.

¹⁷ Майнов // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890—1907. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/063/63137.shtml> (08.08.2017).

«гениальным» народом. Он пишет, что изначально предки финнов проживали в «центральных частях Азии» и назывались в «кирпичных библиотеках Ассирийского и Вавилонского царств» народом «Сумир». По излагаемой версии, именно благодаря «гениальности» этого народа и появились «клинообразные письма»¹⁸.

Авторов путеводителей поражала всеобщая грамотность населения Финляндии. Тот же Майнов пишет, что среди финляндцев «редко можно встретить крестьянина, который не получал бы местной газеты; ежегодно издаётся целая масса книг по всем отраслям знания, и вообще Финляндия живёт в настоящее время чисто лихорадочную жизнью»¹⁹. В несколько неожиданном окончании этой фразы прослеживается то нестабильное состояние в политической жизни Финляндии, которое начало активно проявляться в конце 1880-х гг. В тот период в стране наблюдался активный рост национального самосознания, и росло недовольство по отношению к политике российского правительства.

Так, в путеводителях стали проявляться отдельные приметы политизации текстов. Владимир Майнов, например, представляет российский взгляд на позицию Финляндии в составе России: «Финляндия... состоит в личной унии с Российской империей, так как государь император Всероссийский есть в то же время и великий князь Финляндский»²⁰. Однако эта позиция была приемлема отнюдь не для всех авторов путеводителей. Как справедливо замечает М. Витухновская-Кауппала, в конце XIX — начале XX столетия путеводители активно вовлекались «в разыгравшийся тогда политический конфликт между метрополией и великим княжеством». Особенно заметной эта политизация была в путеводителях, издаваемых финляндскими авторами на русском языке. Финляндцы стремились противостоять политике русификации, проводившейся империей в т. н. периоды угнетения, и «внедрить в России финскую точку зрения на статус Финляндии», тогда как российские авторы делали акцент на том, как неблагоприятно финляндцы отнеслись к исключительному положению своей страны в составе Российской империи²¹.

Замечательным примером политизации путеводителей по Финляндии могут служить путеводители Карла Грэнхагена (или Гренгагена; согласно современным правилам, шведскую фамилию *Grönhagen* правильнее было бы передавать как *Грёнхаген*). По подсчётам М. Смирновой, путеводители этого автора переиздавались

¹⁸ Майнов В. Путеводитель по Финляндии. С. 1.

¹⁹ Там же. С. 19.

²⁰ Там же. С. 1.

²¹ Витухновская-Кауппала М. Русские путевые заметки и путеводители по Финляндии. С. 208—212.

15 раз, по количеству изданий его превосходил только Н. Фёдоров (29 изданий)²². Карл Грэнхаген являлся тем самым финляндским автором, который в своих описаниях великого княжества отразил политические коллизии, потрясавшие отношения между империей и Финляндией в последние десятилетия перед Октябрьской революцией.

Несмотря на то, что первое издание путеводителя Грэнхагена вышло уже в период правления Н. И. Бобрíkова, т. е. в начале первого «периода угнетения», в нём автор ещё восхваляет имперскую власть; пишет о «подвигах ратных людей», которые сменились «подвигами мирных граждан на поприще развития отечественной культуры, достигшей высокой ступени в XIX веке под сенью мощных крыльев двуглавого орла»; упоминает о «русском торговом флаге», который «гордо взвился на мачтах многочисленного флота» Финляндии, «призванной к свободе и процветанию её великодушным завоевателем»²³.

В последующих изданиях путеводителей у Грэнхагена уже нет и намёка на положительное влияние России. От «русского торгового флага» остаётся только «торговый флаг», который «красуется на мачтах коммерческого флота, созданного трудами финского народа». «Мощные крылья двуглавого орла» и «великодушный завоеватель» уже не упоминаются. В описании истории Выборга русские представляются завоевателями, а их деятельность в городе заслуживает только презрительных анекдотов²⁴.

Особенно ярко политизированность проявляется в третьем издании путеводителя Грэнхагена, вышедшем в 1907 г. Здесь автор прямо обвиняет Россию в дурном влиянии на Финляндию. Сравнивая финское население, проживавшее в «зоне влияния» России, в дачных местах недалеко от Петербурга, с населением, проживавшим в глубине страны, автор отмечает, что если в дачных местах царили «страшная бедность, поразительное неряшество, пьянство, разврат, лень и полное убожество», то в глубине Финляндии, в провинции Саво например, «крестьянин имеет достаток, отличается чистоплотностью, трезвым поведением и прилежанием». Причину столь «огромной разницы» Грэнхаген видит в «тесном соприкосновении» дачных мест Финляндии с империей и в «русском бюрократическом иге». «Что иное, как не это вековое иго отравило существование восточного карела, какая иная сила могла погасить в последнем священный пламень

²² Смирнова М. «Места восхитительные для глаза и поучительные для ума». С. 72.

²³ Грэнхаген К. Б. Поездка на Иматру. Выборг, Вильманstrand и Сайменский канал. СПб., 1899. С. 46.

²⁴ Его же (Грэнхаген К. Б.). Спутник по Финляндии: Курорты, дачные и живописные местности Карелии, Саволакса, Нюландии, Коренной Финляндии, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботнии. Изд. 10-е. СПб., 1914. С. 46, 50—51. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003815302#?page=1> (12.12.2017).

разума, склонить его к пьянству и привести к полному убожеству?» — патетически восклицает автор²⁵.

Вообще, путеводитель Грэнхагена 1907 г. может обескуражить читателя резкими перепадами в повествовании, когда обычные для изданий такого рода справочные сведения о ценах на банные услуги и описания достопримечательностей вдруг сменяются пространными экскурсами в политику. Текст нередко напоминает политическую прокламацию, призывающую к избавлению от власти российского императора. Особенно гневных эпитетов удостоивается генерал Бобриков, называемый «диктатором», а также российские чиновники, «впавшие в состояние явного безумия» и принёсшие финскому народу только «беззаконие, хищения, предательство, доносы, сыск, аресты и ссылки»²⁶.

Карл Грэнхаген придерживался крайне политизированной линии и в последующих изданиях своих путеводителей. Автор подробно описывает деятельность финляндских политических партий и не устаёт нахваливать свою страну, законодательство, систему образования и т. п. Грэнхаген пишет о финском народе, «могучим потоком» хлынувшего «из Урала» на берега Волги и Балтики, о «глубокой любви финна к своей родине», которая проявляется «с младенческих лет и фиксируется в школах»²⁷. Политика же России в Финляндии характеризуется как «обрусительная деятельность больших и малых сатрапов», стремящихся «стереть с лица земли вековые устои общественно-государственного строя Финляндии». Все эти высказывания заканчиваются крайне патетическими строками о «твёрдости и стойкости финского народа», мечтающего «видеть свою родину счастливой»²⁸.

Политика прослеживается даже в описании дачных мест. Так, в описании города Териёки (ныне г. Зеленогорск) львиная доля текста посвящена убийству профессора и депутата Государственной думы Герценштейна, случившемуся здесь в 1906 г.²⁹, а в описании Выборга автор уделяет большое внимание «политической жизни края» и подробно характеризует политические партии Финляндии, которые занимали «ведущее место в минувшей борьбе с обрусителями»³⁰.

²⁵ *Его же (Грэнхаген К. Б.).* Спутник на Иматру, Выборг, Вильманstrand и Сайменский канал. Изд. 3-е. СПб., 1907. С. 17—18.

²⁶ Там же. С. 46, 77.

²⁷ *Его же (Грэнхаген К. Б.).* Спутник по Финляндии. Изд. 10-е. С. 10.

²⁸ *Его же (Грэнхаген К. Б.).* Спутник на Иматру, Пунка-Харью и в Нюслот. Выборг, Вильманstrand и Сайменский канал. Изд. 5-е. СПб., 1911. С. 57—59; *Его же (Грэнхаген К. Б.).* Спутник по Финляндии. Изд. 10-е. С. 11—30, 57—59.

²⁹ *Его же (Грэнхаген К. Б.).* Спутник по Финляндии. Изд. 10-е. С. 34—35. Подробно об этом событии см.: *Витухновская-Кауппала М.* Финский суд vs «чёрная сотня»: расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906—1909). СПб., 2015.

³⁰ *Грэнхаген К. Б.* Спутник по Финляндии. Изд. 10-е. С. 54—58.

В политизированных текстах путеводителей Грэнхагена совершенно теряются вкрапления справочного характера, должны составлять главное содержание изданий такого рода. Своего рода упрёком такой политизации путеводителей можно считать слова, приведённые в путеводителе под редакцией Карелина, изданном в начале 1913 г. Автор этой книги справедливо отмечал, что неперемненными условиями для изданий такого рода должны были быть «полнота, точность и разносторонность сведений»³¹. Издаваемые в то время Грэнхагеном путеводители отнюдь не отвечали этим условиям, погружая читателя в политическую полемику, бывшую абсолютно бесполезной при решении проблем практического плана.

Карелин в своём издании тоже не удерживается от политики, хотя и утверждает, что в его книге представлены только «фактические данные исторического характера», а политические выводы «совершенно отброшены». Так, говоря о «культурной внешности» финляндских городов, он называет её «насаждением запада, которое совершалось в течение последнего столетия при исключительно благоприятных для страны исторических условиях»³². Под «благоприятными» условиями здесь, несомненно, подразумевается та политика, которую российское правительство вело по отношению к Финляндии.

В путеводителе Карелина отмечается и то, что население Выборга, «особенно среди интеллигенции», относится со скрытой неприязнью к русским. Правда, чтобы заметить эту неприязнь, надо находиться в городе хотя бы пару недель. Притом плохие взаимоотношения замечаются и между шведскими и финскими жителями города. Корни неприязни финнов и шведов автор видит в «национально-партийной почве», а что касается неприязни к русским, то она, по мнению автора, зародилась в 1860-е гг. и усилилась в период «лихолетья» 1899—1905 гг., во время правления генерал-губернатора Финляндии Николая Бобрикова. «В политике рассчитывать на признательность — дело последнее», — заключает автор с некоторой иронией, после чего следует экскурс с высказываниями некоего «серьёзного исследователя», который считает, что «финляндцы за своё благоденствие» должны были быть обязаны, прежде всего, России³³.

Карл Грэнхаген не оставил без внимания этот «проимперский» путеводитель и обвинил автора в плагиате. В своём «Спутнике по Финляндии», вышедшем на следующий год после путеводителя Карелина, Грэнхаген желает «некому

³¹ Путеводитель по Финляндии под редакцией Карелина. СПб., 1913. С. 1.

³² Там же. С. 2.

³³ Там же. С. 76—79. Далее в тексте путеводителя в постраничном примечании даётся пространный анализ всего положительного, что Россия сделала для великого княжества в период автономии.

Карелину», чтобы тот «на будущее время» «не черпал справочных сведений» из его книг, а также не использовал его карты и планы³⁴. Ещё раньше Карл Грэнхаген обвинил в плагиате и известнейшего в России издателя путеводителей Григория Москвича. Москвича называли «русским Бедкером» за то, что он ещё в 1888 г. начал выпускать путеводители, сходные по структуре и содержанию с известными европейскими «бедкерами»³⁵. Грэнхаген в пятом издании своего путеводителя, вышедшем в 1911 г., т. е. на следующий год после книжки Москвича, пишет, что путеводитель Москвича «является сплошным повторением моего издания за 1899 г.», в котором сделаны лишь «незначительные дополнения». Москвич называется «книжным хищником», обнаруживающим «полную бездарность», поскольку он позаимствовал «всё устарелое, не исключая даже явных ошибок и опечаток»³⁶.

Действительно, сравнение двух путеводителей показывает, что Григорий Москвич использовал путеводитель Грэнхагена, изменив структуру текста и сократив его, но сохранив при этом некоторые выражения и даже целые предложения. Вообще, Григорий Москвич, будучи владельцем крупной издательской фирмы, вряд ли сам писал этот путеводитель. Обычно на него работали многие авторы, и выпускавшиеся им путеводители, как правило, являлись плодами коллективного труда³⁷.

Как уже говорилось выше, путеводители, издаваемые Москвичом, носили название «практических» и предлагали сведения именно практического характера. Таким образом, Москвич действительно просто «очистил» путеводитель Грэнхагена, выбросив из него бесполезную для путешественника политическую составляющую. При этом путеводитель Москвича характеризует Финляндию только с положительной стороны, называя ее частью России, непревзойдённой по тем впечатлениям, которые она предлагает туристам. Страна получает эпитеты «прекрасной и интересной», с «высокой культурой, прекрасными условиями жизни, удобными путями сообщения», населённой народом с высокой культурой и «поголовной» грамотностью³⁸.

Григория Москвича не смутили обвинения в плагиате, и он успешно продолжил печатать свою версию путеводителя. В 1912 г. вышло уже четвёртое его издание. Некоторым ехидством по отношению к Грэнхагену выглядит надпись, помещённая

³⁴ Грэнхаген К. Б. Спутник по Финляндии. Изд. 10-е. С. 1.

³⁵ Лысова Л. И. Неизвестные страницы жизни автора первого путеводителя по Крыму Г. Г. Москвича // Запад — Восток. 2016. № 9. С. 118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neizvestnye-stranitsy-zhizni-avtora-pervogo-putevoditelya-po-krymu-g-g-moskvicha> (12.12.2017).

³⁶ Грэнхаген К. Б. Спутник на Иматру... Изд. 5-е. Оборот титульного листа.

³⁷ Лысова Л. И. Неизвестные страницы жизни автора первого путеводителя по Крыму Г. Г. Москвича. С. 118.

³⁸ Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Финляндии. Изд. 2-е. Одесса, 1909. С. 11—13.

на титульном листе книги: «Продаётся во всех лучших магазинах столиц и провинции»³⁹. Ехидство здесь в том, что сам Грэнхаген в десятом издании своего путеводителя (1914) сетует, что книжный ларёк на Финляндском вокзале отказался от продажи его книг, поскольку «перешёл в другие руки и от него повеяло духом охраны»⁴⁰.

О финских дорогах и русских «дураках»

Что должно было интересовать российских подданных, желавших снять дачу в «чухонской» деревне, либо просто познакомиться с Финляндией воочию? Прежде всего, это дороги и, конечно же, обслуживание. Посмотрим, как указанные аспекты преподносились русскому туристу.

Пути сообщения в Финляндии для жителей России, привыкших к невероятно плохому состоянию российских трактов, представлялись совершенно идеальными. «Дороги по всей Финляндии, за исключением некоторых, весьма немногих участков, — более чем превосходны; они содержатся в удивительном порядке...» — писал автор путеводителя 1862 г. Дороги были настолько хороши, что на них, как на современных автобанах, существовал лимит минимальной скорости, по крайней мере, для почтовых упряжек. Если путешественник желал насладиться неспешной ездой на казённой упряжке, то за это взималась дополнительная плата: «По почтовому уложению края, проезжий... имеет право требовать тихой езды, но в таком лишь размере, чтобы ехать не менее как десять верст в час, иначе он должен платить прогоны по раскладке времени»⁴¹.

Авторы путеводителей сообщали, что в Финляндии традиционное путешествие на лошадях через почтовые станции предоставляет туристу «высокое наслаждение». По описаниям Майнова, путешественники могли смело «разъезжать по самым укромным уголкам Финляндии», и везде им была обещана встреча «радушных, добрых, честных и умных хозяев» почтовых станций, «чистая и удобная постель» и непритязательная, «но весьма порядочная еда»⁴². Ему вторил Карл Грэнхаген, отмечавший, что «финляндские почтовые дороги содержатся в образцовом порядке». При этом автор не забыл и здесь кинуть камень в сторону империи, отмечая, что российские дороги по осени «обращаются в сплошную грязь», и не жалея хвалебных

³⁹ *Его же*. Иллюстрированный практический путеводитель по Финляндии. Изд. 4-е. СПб., 1912. Титульный лист.

⁴⁰ *Грэнхаген К. Б.* Спутник по Финляндии. Изд. 10-е. С. 1.

⁴¹ *Г. Л.* Путеводитель по Финляндии. С. 2, 4.

⁴² *Майнов В.* Путеводитель по Финляндии. С. 20—21, 26—27.

слов в адрес финляндской государственной системы, благодаря которой дороги страны пребывали в столь замечательном состоянии⁴³.

Путешествовать по Финляндии было не только удобно, но и безопасно «относительно грабежа». В путеводителе 1862 г. отмечалось, что «отрезание и подмен чемоданов... здесь вещь неслыханная». Более того, забытые на станции вещи или деньги тотчас отправлялись с ездовым «вслед за их хозяином». Кучерам строго запрещалось выпрашивать у путешественников денег «на водку» «под опасением огромного штрафа»⁴⁴. Честность финляндцев расхваливал в своих путевых заметках и профессор Яков Грот, правда отмечая в то же время, что нет правил без исключений и, например, в районе города Ваза «на некоторых станциях опасно даже оставлять вещи свои у окна», поскольку прохожие могли выломать стекло и унести то, «что можно было достать рукой»⁴⁵. О честности и порядочности финляндцев говорилось и в путеводителе, предназначенном для любителей дачного отдыха. Коренное население дачных мест характеризовалось только с положительной стороны: «Честность, трудолюбие, строгое и беспрекословное исполнение законов и предписаний городских, полицейских и сельских властей, взаимное уважение друг к другу... — суть характеристические черты финляндца»⁴⁶.

После открытия железной дороги, соединившей Санкт-Петербург со столицей Финляндии, авторы путеводителей начали отводить основное внимание описаниям путешествий на поездах. И здесь они не смогли обойтись без превосходных степеней. Так, путеводитель Майнова характеризует путешествие в Финляндию «по железным путям» самым замечательным образом. По наблюдениям автора, в финляндских поездах вагоны второго класса «обставлены очень удобно и хорошо», и даже можно смело путешествовать в вагонах третьего класса, поскольку финляндская «чёрная публика» отличается «приличностью». Нахваливаются станционные буфеты, в которых «везде можно найти простой обед (довольно дорогой)» и изобильный стол закусок с водкой⁴⁷. Карл Грэнхаген опять же остаётся верным себе и, расписывая прелести путешествий в финляндских поездах, не забывает поругать «г. г. обрусителей», стремившихся ввести на железных дорогах Финляндии те же порядки, что и во всей России, но к счастью, не преуспевших в своих начинаниях⁴⁸.

⁴³ *Гренгаген К. Б.* Путеводитель по водолечебным, дачным и живописным местам Восточной Финляндии (Карелия и Саволак). СПб., 1898. С. 5; *Его же (Грэнхаген К. Б.)*. Спутник на Иматру... Изд. 3-е. С. 6—7.

⁴⁴ *Г. Л.* Путеводитель по Финляндии. С. 5.

⁴⁵ *Грот Я.* Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео. С. 73.

⁴⁶ *Федотов Н.* Дачные местности по финляндским железным дорогам от С.-Петербурга до Гельсингфорса включительно, с подробными планами Выборга, Вильманстранда и Гельсингфорса. СПб., 1888. С. 7.

⁴⁷ *Майнов В.* Путеводитель по Финляндии. С. 26—27.

⁴⁸ *Грэнхаген К. Б.* Спутник на Иматру... Изд. 3-е. С. 6—8.

Российские путеводители подробно информировали читателя, как покупать билеты, где лучше обменять деньги, давали описания станций и непременно — станционных буфетов. Так, путеводитель Анникова не рекомендовал туристам станции, располагавшиеся между Петербургом и Выборгом, поскольку летом они заселялись дачниками, причём чем дальше от Петербурга — тем «требовательнее и состоятельнее» были жители дач⁴⁹. А господин Майнов в своём путеводителе советовал использовать стоянку поезда в Териёки для того, чтобы «закусить, т. е. выпить рюмку водки у буфета и сесть за стол к тарелке с тем блюдом, которое более по вкусу»⁵⁰.

Возможность «закусить» на станции Териёки обеспечивалась тем, что поезда там стояли довольно продолжительное время в связи с таможенными формальностями. Хотя Финляндия и входила в состав Российской империи, тем не менее с 1812 г. на границе между великим княжеством и Россией вновь были введены таможенные ограничения и путешественники подвергались досмотру как со стороны российских, так и со стороны финляндских таможенников. На железной дороге российские таможенники работали на станции Белоостров, являвшейся последней российской станцией перед границей, а их финляндские коллеги проводили досмотры багажа на станции Териёки, первой финляндской станции после границы.

Если российские таможенники ограничивались лишь формальным опросом пассажиров, то финляндские чиновники относились к своим обязанностям крайне дотошно. Искали, прежде всего, излишки табака и алкоголя⁵¹. Это не могло не раздражать путешественников из России. Так, в путеводителе Федотова, написанном для любителей дачного отдыха в Финляндии, автор напрямую высказывает своё негативное отношение к такому положению дел: «Нам, русским, конечно, не нравятся эти досмотры, проводимые как русской, так и финляндской таможнями... также не нравится, что в Финляндии, хотя она и принадлежит России, мы уже не находимся под защитой наших законов...»⁵². Однако подобное недовольство не помогало, поскольку таможенные правила приносили существенный доход финляндской экономике, и досмотры сохранялись, несмотря на рост количества дачников и туристов.

Почти в каждом из просмотренных путеводителей имелись своего рода советы путешественникам из России относительно правил поведения в отношениях с финляндцами. Большинство из них призывало российского туриста вести себя

⁴⁹ *Анников А. А.* Новый путеводитель (четыре пути) на Иматру: По Ладожскому озеру, по Финскому заливу, по Сайменскому озеру, по железной дороге. СПб., 1887. С. 13.

⁵⁰ *Майнов В.* Путеводитель по Финляндии. С. 26—27.

⁵¹ Там же.

⁵² *Федотов Н.* Дачные местности по финляндским железным дорогам от С.-Петербурга до Гельсингфорса включительно... С. 6—7.

корректно, не выказывать излишнего апломба и не кичиться положением или деньгами. Так, в путеводителе 1862 г. содержится предупреждение о том, что «проезжий, — за всякую брань, или самовольную расправу с гастгебером (содержателем станции. — Ю. Ш.), или подводчиком, подвергается большому денежному взысканию»⁵³. Особенно сильно критиковал российских путешественников Карл Грэнхаген. Даже в первом издании своего путеводителя, ещё относительно свободном от политики, он пишет о том, как путешественники из России грубо обращаются с финляндскими «простолюдинами», поскольку они не знакомы с «положением гражданина в этой свободной стране, где личность каждого высоко уважается...», хотя и отмечает в то же время, что таких грубиянов было лишь «незначительное меньшинство»⁵⁴.

В последующих «политизированных» изданиях автор подчёркивает независимость финляндцев и их сильно развитое человеческое достоинство. Он распекает российских туристов за то, что те очень часто «оказываются чересчур требовательными даже в мелочах и рискуют выразить свое неудовольствие хозяевам в самой грубой форме, нередко переходящее в возмутительное оскорбление личности», и призывает путешественников «вести себя прилично», поскольку именно от этого зависит «радушный приём хозяев и готовность народа услужить». Грэнхаген пишет, что «финн ни за что не согласится быть полезным чем либо, если просьба или обращение к нему были выражены в недостаточно деликатной форме», а с обращающимися «почеловечески», напротив, ведёт себя услужливо «и даже по-своему предупредительно»⁵⁵.

По словам Карла Грэнхагена, в финляндских поездах, отличавшихся «безукоризненной чистотой в вагонах и опрятностью пассажиров», ежегодно повторялись «недоразумения русских пассажиров со служащими при дороге». Российские пассажиры нарушали действовавшие на финляндской железной дороге правила, а исполнение требований кондукторов считали для себя унижительным. Этим особенно отличались именно господа «высокого ранга», которых затем ещё неприятно поражало то, что «сиятельных особ» выводили из вагона «наравне с сермяжником». Автор подчёркивал, что «финляндский закон карает всех одинаково» и не признаёт чинов и прочих отличий⁵⁶.

Авторы путеводителей постоянно призывали российских туристов воздерживаться от хамского поведения. Так, господин Майнов в своём путеводителе

⁵³ Г. Л. Путеводитель по Финляндии. С. 4.

⁵⁴ Грэнгаген К. Б. Путеводитель по водолечебным, дачным и живописным местам Восточной Финляндии... С. 6.

⁵⁵ Там же. С. 6, 10—11; *Его же (Грэнхаген К. Б.). Спутник на Иматру...* Изд. 3-е. С. 12.

⁵⁶ *Его же (Грэнгаген К. Б.). Путеводитель по водолечебным, дачным и живописным местам Восточной Финляндии...* С. 8—9; *Его же (Грэнхаген К. Б.). Спутник на Иматру...* Изд. 3-е. С. 8—9.

отмечал «услужливость» финляндских городских, предупреждая при этом читателей, что к городским не следует обращаться «с начальническим видом и с общерусским “эй, городской, ты!”», а полагается говорить вежливо «вы» и называть их *herr polisunderofficer*. Так же вежливо следовало обращаться ко всем жителям Финляндии, включая извозчиков и крестьян, поскольку это гарантировало, что «и с вами будут вежливы и любезны» и сделают «для удобства вашего всё, что только возможно». Любопытно ещё одно предупреждение Майнова, сделанное от лица «всех финляндцев», а именно: автор путеводителя просит туристов «не развращать народ и не подавать никому милостыни», добавляя при этом, что всю заботу о неимущих в Финляндии берут на себя общины⁵⁷.

Часто встречающиеся наставления и напоминания по «правильному поведению» говорили, скорее всего, не о каком-то особо развитом человеческом достоинстве финляндцев, а более о повсеместно развитом в России хамстве, определявшем отношения между «господами» и «простолюдинами». Привыкшие к хамству и чиновничеству российские туристы в Финляндии, таким образом, оказывались в дураках и вынуждены были расплачиваться за своё поведение, как минимум, плохим обслуживанием, а нередко и денежными штрафами.

«Дурацкое» поведение туристов из России в Финляндии прослеживалось и в актах вандализма. Судя по некоторым заметкам в путеводителях, туристы и в XIX в. грешили тем, что стремились «увековечить» свои имена на стенах достопримечательностей. Так, в путеводителе Георгия Москвича при описании парка Монрепо отмечается: «...на вершине одной из скал устроена беседка, которую не преминет посетить ни один из туристов. Стены её, как обыкновенно бывает, сплошь испещрены надписями и подписями многочисленных посетителей, ничего, конечно, кроме своего собственного вандализма этим не увековечивших»⁵⁸. Иногда вандализм достигал и крайних степеней. Например, в том же парке Монрепо в 1870-е гг. была разбита оригинальная мраморная статуя Вяйнямёйнена, и её вынуждены были заменить бронзовой копией. Кроме того, был прекращён доступ для публики к фамильной гробнице фон Николаи, «благодаря неоднократному нарушению порядка» этой самой публикой⁵⁹.

⁵⁷ Майнов В. Путеводитель по Финляндии. С. 37.

⁵⁸ Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Финляндии. Изд. 4-е. С. 35.

⁵⁹ Анников А. А. Новый путеводитель (четыре пути) на Иматру. С. 16—17.

«Витрина» Финляндии — Выборг

Первым крупным городом Финляндии, в который ехавшие через Карельский перешеек российские туристы прибывали после пересечения границы, был Выборг. Для туристов этот город являлся своего рода «витриной» страны, и именно здесь у многих из них складывалось первое впечатление о Финляндии. В Выборге останавливались практически все путешественники, ехавшие проездом вглубь Финляндии, сюда можно было приехать из Санкт-Петербурга и на один или несколько дней, город был популярен и у дачников, снимавших дачи в окрестностях Выборга.

Географическое положение Выборга послужило причиной того, что в городе уже в первой трети XIX в. начала развиваться туристская инфраструктура, достигшая к концу столетия значительного размаха. К тому времени в Выборге действовало туристическое общество, имелось полтора десятка гостиниц разных уровней, изрядное количество ресторанов и кафе. В путеводителях по Финляндии Выборгу отводилось не менее двух-трёх страниц, и кроме того, имелись отдельные путеводители по городу, в которых содержалась масса справочной информации⁶⁰. Помимо указаний, как нанять извозчика или где лучше перекусить («советуем вообще нигде не конфузиться и подольше стоять около закусок...»), в путеводителях обычно публиковался исторический очерк Выборга, а также предлагался наиболее информативный и интересный маршрут для ознакомления с городом. Примером такого издания может служить путеводитель Майнова⁶¹.

Старинный европейский город, заложенный шведами ещё в конце XIII столетия, поражал российских туристов своей непривычной для их взора архитектурой, узкими улицами и старинной крепостью. Кроме этого, авторы путеводителей особенно отмечали чистоту и спокойную атмосферу городской жизни. Так, фотограф Геронтин Вольперт писал, что улицы в Выборге, «хотя и узки и довольно неправильны, но за то город имеет большею частью красивые каменные здания и содержится в удивительно опрятном виде»⁶².

Николай Федотов в своём путеводителе по Выборгу представляет его уютным патриархальным городом с «чистенькими домами», «замечательной тишиной и чистотой

⁶⁰ Волкова Л., Фёдорова М. Из истории развития туризма и экскурсионных услуг в Выборге за два последних века. С. 175—179.

⁶¹ Майнов В. Путеводитель по Финляндии. С. 31—36.

⁶² Одним из первых таких путеводителей был альбом некоего Геронтина Вольперта: *Вольперт Г. Описание г. Выборга с окрестностями Мон-Repos и водопадами Иматри, Нейц-Ниemi и Кирен-Коски с Саймовским каналом. Выборг, 1874.*

на улицах», на которых совершенно нет пьяных и нищих⁶³. В путеводителе «по дачным местностям» Финляндии Федотов пишет, что финляндским городам и посёлкам вообще присущи «образцовый порядок и чистота», а по их улицам можно без опаски прогуливаться в любое время суток, несмотря на почти полное отсутствие полиции: «...вас никто не тронет и не оскорбит, потому что за порядком и спокойствием в городе, кроме полиции, следят и сами жители». Особенно подчёркивалось, что в финляндских селениях дачники могут проводить «дачный сезон совершенно покойно, не опасаясь, что слух ваш, так, в особенности, и детей ваших будет оскорблён той российской бранью, которая так часто и свободно раздаётся не только в русских деревнях, но даже в Петербурге... В Финляндии большая редкость встретить пьяного или нищего...»⁶⁴. Ему вторит и путеводитель Майнова, в котором отмечается, что в Финляндии вообще «уши путешественника» будут «совершенно уволены от ругани, которая слышится в России при всякой спешной работе и суете»⁶⁵.

О «безукоризненной чистоте и отсутствии пьяных» на улицах Выборга писал и Карл Грэнхаген. При этом трезвость выборжан он объясняет принятым в Финляндии законом о продаже вина, запрещавшим продавать водку в малых количествах, а также стремлением «общества» к избавлению от этого порока: «Торговцам запрещено продавать водку менее канны (мера в 3,5 бут.), вследствие чего рабочий класс, более тяготевающий к ней, вынужден поневоле часто отказываться от употребления этого напитка... Кроме этой правительственной меры само общество ведёт энергичную борьбу; есть надежда, что в недалёком будущем Финляндия станет страной трезвости, в которой уже теперь относятся с полным презрением к пьянству не только люди интеллигентных классов, но и сами крестьяне...»⁶⁶.

Любопытно, что эти высказывания о трезвости и порядочности жителей Финляндии совершенно не совпадали с образом финляндских подданных, который рисовался, например, в российской прессе в период обострения политических дискуссий о статусе страны. Так, Александр Осипов, проанализировавший в своей статье выпуски «Олонецких губернских ведомостей» начала XX в., отмечает, что в этой газете финляндцы представлялись людьми невежественными, склонными к пьянству

⁶³ Федотов Н. Выборг и парк Монрепо с планом и рисунком. СПб., 1894. С. 7; Федотов Н. Иллюстрированный путеводитель по Финляндии. Курорты, санатории, дачные и живописные местности. СПб., 1908. С. 33—34.

⁶⁴ Федотов Н. Дачные местности по финляндским железным дорогам от С.-Петербурга до Гельсингфорса включительно... С. 7—8.

⁶⁵ Майнов В. Путеводитель по Финляндии. С. 43.

⁶⁶ Гренгаген К. Б. Поездка на Иматру. С. 67—68; *Его же (Грэнхаген К. Б.) Спутник на Иматру...* Изд. 3-е. С. 74.

и преступлениям, и подобное безобразие объяснялось именно исключительным положением великого княжества в составе Российской империи⁶⁷.

Вообще же Выборг, по мнению Карла Грэнхагена, не представлял особого интереса. В его представлении это был «обыкновенный губернский город», не отличающийся «изыществом построек», всего лишь с десятком примечательных зданий, с маленькими площадями и невзрачными деревянными домами, который только в последние годы начал «застраиваться красивыми каменными домами»⁶⁸. Очевидно, здесь на восприятие города влияло то, что Грэнхаген постоянно жил в Финляндии и Выборг для него был лишь частью привычной среды обитания.

Обращает на себя внимание то, что в российских путеводителях много внимания уделялось парку Монрепо. Нередко его описания превышали по объёму тексты, посвящённые собственно городу. Это неудивительно, поскольку фамильная усадьба баронов фон Николаи, расположенная непосредственно вблизи Выборга, действительно являлась истинной жемчужиной Финляндии и, несомненно, заслуживала внимания путешественников. Господин Анников писал в своём путеводителе, что в этом парке «можно найти всю Финляндию в миниатюре», и посему путешественника, побывавшего в Выборге, но не посетившего Монрепо, он сравнивал с человеком, побывавшим в Кунсткамере и «не приметившим слона»⁶⁹.

Авторы российских путеводителей отмечали, что самым большим «неудобством» для путешественника из России в Выборге и в Финляндии вообще было незнание местными жителями русского языка. Например, господин Федотов обращает внимание на эту проблему уже на первых страницах своего путеводителя для дачников, а при описании Выборга отмечает, что здесь «шведы и финны, за небольшим исключением, вовсе не говорят по-русски и даже совершенно не понимают этого языка», а в гостиницах и ресторанах, выписывающих «массу газет для посетителей», нет ни одной русскоязычной газеты⁷⁰.

По текстам путеводителей, описывающим Выборг, можно заметить, что городские предприниматели быстро осознали выгоду, которую несло с собой развитие российского туризма, и постарались устранить имевшиеся в этой области недостатки.

⁶⁷ *Осинов А. Ю.* Финляндский вопрос на рубеже XIX—XX вв. в освещении провинциальной периодической печати (на примере «Олонецких губернских ведомостей») // Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX — начале XX в. / сост. и науч. ред. А. А. Кожанов, В. В. Волохова, А. В. Голубев. Петрозаводск, 2008. С. 144—149. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=13037> (12.12.2017).

⁶⁸ *Грэнхаген К. Б.* Спутник на Иматру... Изд. 3-е. С. 67.

⁶⁹ *Анников А. А.* Новый путеводитель (четыре пути) на Иматру. С. 14—15.

⁷⁰ *Федотов Н.* Дачные местности по финляндским железным дорогам от С.-Петербурга до Гельсингфорса включительно... С. 7, 49.

Исчезали, например, «неудобства», связанные с языком. Так, в описании Выборга, составленном неким господином Б. А. в 1895 г., отмечается, что, например, в отеле «Бельведер» «прислуга говорит по-русски»⁷¹. В первом десятилетии XX в. в Выборге можно было уже найти не одну гостиницу с обслуживанием на русском языке. Кроме «Бельведера», русскоязычное обслуживание предлагали, например, гостиницы «Континенталь», «Карелия». В «Бельведере» же к тому времени уже имелся и читальный зал с газетами на русском. Кроме обслуживания на родном для российских туристов языке, выборгские гостиницы привлекали путешественников чистотой, электрическим освещением, «приличной обстановкой» и покрытыми линолеумом полами⁷². В путеводителе Григория Москвича, вышедшем в 1912 г., сказано, что даже вокзальные носильщики в Выборге говорят по-русски. В начале XX столетия в городе уже имелись русский книжный магазин, русская библиотека, телефон для связи с Санкт-Петербургом, а телеграф принимал «по особому тарифу» телеграммы в «дачные местности». В многочисленных банках и даже в русских магазинах можно было обменять деньги «бесплатно»⁷³.

Вообще Выборг перед началом Первой мировой войны трудно было уже считать тихим провинциальным городом. Григорий Москвич характеризует его как город бурно развивающейся торговли, следствием чего явилось «благоустройство... высокая постановка учебного дела, широкое развитие периодической прессы и всё прочее, что не может не способствовать культурному развитию». Теперь это был город туристов, «довольно оживлённый, в особенности в летнее время»⁷⁴. Туристов временами было столько, что не хватало мест в гостиницах. Путешественникам, направлявшимся в Выборг, советовали заранее «заботиться приисканием места ночлега», поскольку особенно в праздничные дни «наплыв туристов» был очень велик⁷⁵.

Авторы путеводителей по Финляндии, вышедших в последние годы перед Октябрьской революцией, больше не отвлекались на политику, а старались представить читателю как можно больше сведений практического характера. Так, путеводитель Гейкеля, изданный в 1914 г., даёт лишь самую необходимую справочную информацию. При этом три четверти объёма этой книги занимают рекламные объявления⁷⁶. Не несёт в себе никакой политической окраски и путеводитель Тимофеева, вышедший в 1915 г.

⁷¹ Б. А. Выборг, Иматра, Гельсингфорс, Ганге, Стокгольм, Гётеборг, Готский канал, Тролльгатан, Марштранд. СПб., 1895. С. 7–8.

⁷² Путеводитель по Финляндии под редакцией Карелина. С. 66–68.

⁷³ Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Финляндии. Изд. 4-е. С. 26–27.

⁷⁴ Там же. С. 25, 29.

⁷⁵ Путеводитель по Финляндии под редакцией Карелина. С. 66–68.

⁷⁶ Гейкель С. М. Как путешествовать по Финляндии?

Он содержит массу информации об истории, экономике, образовании, культуре и прочих сторонах жизни Финляндии, а кроме того, в нём можно найти необходимые для туриста справочные сведения и краткие описания городов с рекомендациями обзорных экскурсий⁷⁷. Российские путеводители по Финляндии 1910-х гг. всё больше напоминали по стилю и структуре современные издания этого жанра, отказываясь от излишней политизированности и эмоциональности в описаниях.

Заключение

Знакомство с путеводителями по Финляндии, издававшимися для российских туристов в период финляндской автономии, показывает, насколько многоплановую информацию содержали эти книги. Авторы путеводителей чутко реагировали на политические и экономические изменения, происходившие в великом княжестве. Как справедливо отмечает Марина Витухновская-Кауппала, путеводители эволюционировали, и некоторые из них превращались «в идеологическое оружие», выходя за рамки своего жанра⁷⁸.

Основной целью путеводителей было, тем не менее, не участие в политической полемике, а, говоря современным языком туристической индустрии, создание «туристического бренда» великого княжества. Этот «бренд» в основном выглядел крайне привлекательно. Разумеется, редкий путеводитель представляет страну в неприглядном свете, поскольку основной целью изданий подобного рода является привлечение путешественников. При этом обычно ищутся или даже придумываются особые привлекательные черты, присущие только описываемой стране. Для Финляндии авторам путеводителей не пришлось придумывать ничего особенного. Достаточно было и того, что туристам предлагалась страна с дикой, но крайне «романтической» природой, населённая мрачноватыми, но трезвыми, честными и спокойными людьми. Финляндские города были чисты и спокойны, дороги удобны, а гостиницы и рестораны предлагали приличное обслуживание.

Причём все эти замечательные вещи, описываемые в путеводителях, находились практически в двух шагах от Северной столицы. Финляндия для российских туристов — это тихий уголок, в котором было так приятно отдохнуть от грязи, суеты и хамства, процветавших в империи. Путеводители создавали свой стереотип Финляндии, который разительно отличался от стереотипов, создаваемых, например, российской прессой или

⁷⁷ Тимофеев Л. К. Путеводитель по Финляндии. Гельсингфорс, 1915. С. XXI.

⁷⁸ Витухновская-Кауппала М. Русские путевые заметки и путеводители по Финляндии. С. 218.

описаниями путешественников. Этот «образ Финляндии» представляется одним из самых привлекательных в галерее всех прочих образов.

Список литературы

Биржаков, М. Б. Введение в туризм : учебное пособие / М. Б. Биржаков. — Санкт-Петербург : Герда, 2004. — 192 с.

Ваттулайнен, П. Сайменский канал как туристический объект [Электронный ресурс] / П. Ваттулайнен. — URL: <http://karekurs.narod.ru/files/saima.en.html>. — (28.07.2017).

Витухновская-Кауппала, М. Русские путевые заметки и путеводители по Финляндии: от романтической идиллии к политическому противостоянию / М. Витухновская-Кауппала // Путеводитель как семиотический объект : сборник статей / под ред. Л. Киселёвой [и др.]. — Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press, 2008. — С. 195—218. — URL: <http://www.ruthenia.ru/vademecum/VITUHNOVSKAJA.pdf>. — (12.12.2017).

Витухновская-Кауппала, М. А. Финский суд vs «чёрная сотня» : расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906—1909) / М. А. Витухновская-Кауппала. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета, 2015. — 220 с.

Волкова, Л. Из истории развития туризма и экскурсионных услуг в Выборге за два последних века / Л. Волкова, М. Фёдорова // Инновационные процессы как интегрирующий фактор развития туризма : материалы международной научно-практической конференции памяти Микаэля Агрикола. — Выборг : СПбГЭУ, 2014. — С. 175—198.

Железная дорога: история. 1870—1941 годы / материал подг. И. Лапиным // Зеленогорск СПб: История и современность [Электронный ресурс]. — URL: http://terijoki.spb.ru/railway/rw_history.php. — (28.07.2017).

Киселёва, Л. Некоторые итоги «путеводительного» проекта / Л. Киселёва, Л. Пильд, Т. Степанищева // Путеводитель как семиотический объект : сборник статей / под ред. Л. Киселёвой [и др.]. — Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press, 2008. — С. 7—14. — URL: <http://www.ruthenia.ru/vademecum/ITOGI.pdf>. — (12.12.2017).

Лысова, Л. И. Неизвестные страницы жизни автора первого путеводителя по Крыму Г. Г. Москвича / Л. И. Лысова // Запад — Восток. — 2016. — № 9. — С. 107—125. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neizvestnyye-stranitsy-zhizni-avtora-pervogo-putevoditelya-po-krymu-g-g-moskvicha>. — (12.12.2017).

Многоликая Финляндия: образ Финляндии и финнов в России / под ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. — Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. — 404 с. — (Научные доклады. — Вып. 1).

Осипов, А. Ю. Финляндский вопрос на рубеже XIX—XX вв. в освещении провинциальной периодической печати (на примере «Олонецких губернских ведомостей») / А. Ю. Осипов // Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX — начале XX в. / сост. и науч. ред. А. А. Кожанов, В. В. Волохова, А. В. Голубев. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2008. — С. 129—151. — URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=13037>. — (12.12.2017).

Путеводитель как семиотический объект : сборник статей / под ред. Л. Киселёвой [и др.]. — Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press, 2008. — 319 с. — URL: <http://www.ruthenia.ru/vademecum/Soderzhanie.html>. — (12.12.2017).

Смирнова, М. «Места восхитительные для глаза и поучительные для ума»: русскоязычные путеводители по Финляндии второй половины XIX — начала XX в. / М. Смирнова // Гельсингфорс — Санкт-Петербург : Страницы истории (вторая половина XIX — начало XX века) / под ред. Т. Вихавайнена, С. Кашенко. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. — С. 69—84. — URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/ce57028b3fea5778f70aba2d489ef17968685e7e.pdf>. — (12.12.2017).

ДУСАЕВА Мария Ростиславовна / DUSAEVA Maria

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

ДУСАЕВ Ростислав Науфальдович / DUSAEV Rostislav

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

СЮНБЕРГ Кари / SYNBERG Kari

Министерство социального обеспечения и здравоохранения Финляндии / Ministry of Social Affairs and Health of Finland

Финляндия, Хельсинки / Finland, Helsinki

kari.synberg@stm.fi

ИЗМЕНЕНИЯ В СЕНАТЕ ФИНЛЯНДИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

CHANGES IN THE FINNISH SENATE INFLUENCED BY THE FEBRUARY REVOLUTION IN RUSSIA

Abstract: The article deals with the state building process in Finland after the Russian February Revolution and analyses the powers that the Russian Provisional Government granted Senate of the Grand Duchy of Finland in 1917 — first, by a manifest issued on March 7 by Georgy Lvov's cabinet, then by a decree issued on September 12 by Alexander Kerensky's cabinet.

Ключевые слова / Keywords: Великое княжество Финляндское, Февральская революция, Временное правительство, Финляндский Сенат / Grand Duchy of Finland, February Revolution, Provisional Government, Finnish Senate.

Различные части Российской империи подвергались влиянию Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. В частности, оно коснулось и автономного Великого княжества Финляндского. Хотя название самого этого государственного образования первоначально осталось прежним¹, тем не менее наименование его правительства было изменено. Из Императорского Финляндского Сената оно превратилось в Финляндский Сенат, поскольку император отрёкся от престола в пользу своего младшего брата Михаила Александровича, а последний отказался принять престол в условиях революции. Юридически вопросы правопреемства и формы правления как для России, так и для Финляндии должно было решить Учредительное собрание².

¹ Согласно «Собранию постановлений Великого княжества Финляндского» («Suomen Suuriruhtinaanmaan Asetuskokoelma») за 1917 г., такое официальное наименование сохранялось вплоть до 7 ноября того же года: Suomen Suuriruhtinaanmaan Asetuskokoelma. 1917. No. 1—108. Со 109-го же номера упоминание о «великом княжестве» исчезло, и указанная серийная публикация стала называться «Suomen Asetuskokoelma», т. е. «Собрание постановлений Финляндии». Форма правления не определялась, поскольку новая конституция ещё не была принята, а диапазон общественного мнения был широк: от монархии до республики (см., например: Suomen Asetuskokoelma. 1917. No. 109).

² *Закатов А. Н.* Революция 1917 года — капкан российской истории // Славяне. Журнал Международной славянской академии. 2016/2017. Зима. № 4. С. 7—8.

Также изменился порядок комплектования Финляндского Сената: внепарламентский способ назначения сенаторов императором с подачи кандидатур председателем Сената — генерал-губернатором княжества по представлению прежнего состава сенаторов сменился квазипарламентским, а с сентября 1917 г. — парламентским. Дело в том, что избранный в 1916 г. новый финляндский парламент, в котором стали доминировать социал-демократы, ещё не начал проводить свои заседания до Февральской революции. Поэтому предложение и обсуждение новых кандидатур сенаторов исходило от образованной в первые дни революции в Гельсингфорсе т. н. большой комиссии парламента нового созыва, состоявшей из представителей буржуазных партий в парламенте и фракции социал-демократов там же³. [Ещё 16 марта 1917 г., когда весть о революции 28 февраля (12 марта) 1917 г. дошла до Гельсингфорса, старый состав Сената был отправлен в отставку, а его вице-председатель Михаил Боровитинов и генерал-губернатор княжества Франц-Альберт Зейн — формальный председатель обоих департаментов Сената — были арестованы и отправлены в Петроград⁴.]

Никаких возражений со стороны представителей партийных фракций финляндского парламента в связи с переходом прежних императорских полномочий в отношении великого княжества к Государственной думе и Временному правительству не последовало. Ибо по появившимся в то время финляндским правовым теориям именно к представителям российского народа, собранным в Государственной думе и образовавшим её Временный (исполнительный) комитет, трансформированный чуть позже во Временное правительство, перешли правомочия отрёкшегося от власти российского императора⁵.

Теоретические истоки подобной концепции появились в Финляндии ещё в 1912 г. Так, в немецком издании своего учебника по государственному праву Великого княжества Финляндского знаменитый финляндский юрист и политический деятель того времени Рафаэль Эрих утверждал, что возможные изменения государственного строя России не нарушили бы союз между нею и Финляндией, но потребовали бы, чтобы были

³ *Расила В.* История Финляндии. Изд. 2-е, перераб. и доп. Петрозаводск, 2006. С. 167, 171.

⁴ *Туунила М.* Senaatti: Tutkimus hallituskonselji-senaatista 1809—1918. Helsinki, 1992. S. 340; *Torvinen T.* Autonomian ajan senaatti: Itsenäistymisen ja valtiomuototaitelun aika 1917—1919 // *Valtioneuvoston historia 1917—1966.* Helsinki, 1977. O. I. S. 119—120. Ф.-А. Зейн занимал пост генерал-губернатора с 3 октября 1909 г. по 16 марта 1917 г., а М. Боровитинов был главой Хозяйственного департамента с 16 мая 1913 г. по 16 марта 1917 г. См.: *Tiihonen S., Tiihonen P.* Suomen hallintohistoria. Helsinki, 1984. S. 102, 110.

⁵ То есть первый состав Временного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым воспринимался тогдашними финляндскими юристами как коллективный правопреемник верховных полномочий прежнего великого князя Финляндского — российского императора. Подробнее об этом см.: *Klami H. T.* Oikeustaistelijat: Suomen oikeustiede Venäjän vallan aikana. Porvoo, 1977. S. 153.

внесены соответствующие новеллы в основные законы последней⁶. К тому же профессор Роберт Германсон указывал, что носитель (единоличный или совокупный) государственного суверенитета России одновременно обладал правом на верховное управление Финляндией⁷.

Следует также выделить другую особенность в комплектовании Сената. Под влиянием революции, согласно изданному Временным правительством под руководством князя Г. Е. Львова 7 (20) марта 1917 г. (после переговоров депутатов парламента и Госдумы) «Манифесту о подтверждении Основных законов (Конституции) Великого княжества Финляндского, а также о восстановлении их полноценного применения», был реанимирован прежний порядок зачисления на государственную гражданскую службу Финляндии (сверху донизу) исключительно финляндских граждан. Этот порядок существовал в 1809—1912 гг. и был нарушен одобренным Государственным советом и Государственной думой и высочайше утверждённым «Законом об уравнении в правах с финляндскими гражданами других русских подданных» от 20 января 1912 г., в соответствии с которым на государственную службу княжества был открыт доступ российским подданным царя⁸.

Мартовским манифестом законодательно гарантировалось возвращение «внутренней независимости» (фин. *sisällinen itsenäisyys*), т. е. внутреннего суверенитета, о котором упоминалось ещё в работах финляндских юристов царствования Александра III⁹. Этот внутренний суверенитет должен был реализовываться

⁶ *Erich R.* Das Staatsrecht des Großfürstentums Finnland. Tübingen, 1912. S. 285—292.

⁷ *Hermanson R. F.* Finlands statsrättsliga ställning. Helsingfors, 1892. S. 266—278. Более определённо Германсон сформулировал концепцию в своей брошюре: *Idem.* 1917 års landtdag: Några anmärkningar. Helsingfors, 1917. Он высказал в ней мнение, что даже при изменении формы правления в России будущий президент Российской республики мог бы одновременно действовать и в качестве президента Финляндии как субъекта будущей федерации, в которую постепенно превращалась бывшая Российская империя (*Ibid.* S. 8—9). Вдобавок юристы-представители буржуазных партий Финляндии пытались на теоретическом уровне бороться за власть и искали поддержки у российского буржуазного Временного правительства против доминирования финляндских социал-демократов в Сенате. Последние же старались всячески укрепить своё положение (в том числе в Сенате и парламенте), утверждая, что права отрёкшегося великого князя Финляндского (российского императора) перешли к финскому народу, являвшемуся теперь носителем государственного суверенитета. Эту идею впервые выдвинул в своей статье один из функционеров партии социал-демократов Суло Вуолиёки. Но кроме социал-демократов, её никто в тот момент не поддержал (см.: *Klami H. T.* Oikeustaistelijat. S. 154). Однако именно данная теоретико-правовая концепция подтолкнула социал-демократов к принятию 18 июля 1917 г. Закона о власти, ибо при прекращении власти одной династии, согласно форме правления 1772 г., парламент (в XVIII в. — шведский риксдаг) должен был избрать правителя — основателя новой династии великих князей Финляндских [Kuninkaallisen Maj:tin ja Valtakunnan Säätyjen vahvistama Hallitusmuoto, annettu Tukholmassa 21 p:nä elokuuta 1772 // Suomen perustuslait ja järjestyvät asetukset / toim. G. Schybergson. Helsinki, 1907. S. 26 (§ 3), 39 (§ 38)]. Получалось, что социалисты, реагируя на политическую конъюнктуру, готовы были поступиться своими республиканскими убеждениями.

⁸ Julistuskirja Suomen Suuriruhtinaanmaan valtiosäännön vakuuttamisesta sekä jälleen saattamisesta täysin toteutetuksi // Suomen Suuriruhtinaanmaan Asetuskokoelma. 1917. No. 20. S. 2 (7. osa).

⁹ См., например: *Ibid.* (8. osa). *Danielson J. R.* Suomen sisällinen itsenäisyys: Jatkuvien hyökkäyksien toijumiseksi. Porvoo, 1892. S. 15—16. Подробнее о теории внутреннего суверенитета одного из лидеров

Хозяйственным департаментом Финляндского сената, ставшим отныне полноправным правительством Финляндии. Финский язык отныне занял ведущее место в её деловом и судопроизводстве. Кроме того, отменялись прежние ограничения законодательной и исполнительной власти Финляндии, введённые в годы контрреформ начала XX в.¹⁰ Таким образом, восстанавливался национальный суверенитет (исключительное представительство финляндских граждан в государственных и судебных органах Финляндии) и ограниченный (без образования воинских формирований, подчинённых финляндскому правительству) внутригосударственный суверенитет. *De jure* внутригосударственный суверенитет Финляндии был ограниченным. *De facto* — нет: командование финляндскими частями белых принадлежало «активистам», а Красной гвардии — левым социал-демократам, но все они являлись финляндскими гражданами. (Так на деле частично произошла реализация теории народного суверенитета, о которой писал ещё проф. Р. Германсон.)

Вышеназванным манифестом Временного правительства от 7 (20) марта 1917 г. была восстановлена прежняя дореформенная соподчинённость государственных органов Финляндии: почтовая служба княжества была выведена из подчинения МВД России и снова попала в ведение Финляндского Сената (в лице его Гражданской экспедиции), как было до издания знаменитого Почтового манифеста от 31 мая (12 июня) 1890 г. Государственная железная дорога Финляндии опять оказалась в подчинении Экспедиции транспорта Сената, как прежде, до появления «Временных правил о порядке надзора Министерства путей сообщения за Финляндскими железными дорогами» от 30 сентября 1909 г.¹¹

Что касается политической ориентации новых «революционных» членов финляндского правительства (Хозяйственного департамента Сената), то половина его членов (шесть человек) состояла из представителей социал-демократической партии Финляндии, а другая половина — из членов различных буржуазных партий. Председателем Хозяйственного департамента (вице-председателем Сената) стал правый социал-демократ Антти Оскари Токой¹². Впервые в Европе было образовано

фенноманов Я. Даниельсона см.: Дусаев Р. Н., Ревнова М. Б. Финляндия от Александра I до Александра III. СПб., 2012. С. 224—229.

¹⁰ Julistuskirja Suomen Suuriruhtinaanmaan valtiosäännön vakuuttamisesta... S. 1—2 (osat 1.—7.).

¹¹ Ibid. S. 2. См. также: Статьи Свода законов Российской империи, относящиеся до Великого княжества Финляндского. СПб., 1913. С. 120—121. О Транспортной и Гражданской экспедициях Сената (последняя затем превратилась в МВД Финляндской республики) см.: *Tiihonen S., Tiihonen P. Suomen hallintohistoria. S. 132.*

¹² См.: *Torvinen T. Autonomian ajan senaatti. S. 126.* О. Токой исполнял свои обязанности с 23 марта 1917 г. по 6 сентября 1917 г. После его добровольной отставки в знак протеста против роспуска парламента Финляндии, принявшего 18 июля 1917 г. Закон о власти, его сменил младофинн профессор Эмиль Нестор Сетяля, пробывший на своём посту с 8 сентября 1917 г. по 27 ноября 1917 г. Последним же руководителем

коалиционное правительство под руководством социал-демократа, в котором доминировали социалисты, имевшие большинство в парламенте. (Старый состав финляндских сенаторов был отправлен в отставку 26 марта 1917 г., технический состав Сената остался прежним.) Новый состав коалиционного Сената был утверждён Временным правительством тогда же¹³.

В Сенате произошли и другие изменения: Судебный департамент всё более отдалялся от Хозяйственного и в июле 1918 г. превратился в Верховный суд Финляндии¹⁴. В связи с этим перестали созываться общие собрания обоих департаментов (*plena plenorum*). На первое место вышли т. н. малые пленумы Хозяйственного департамента (всех его экспедиций). Этот департамент превратился в полноправное правительство княжества. В Хозяйственном департаменте по его собственному решению (ранее это входило в исключительную компетенцию монарха) появилась новая, двенадцатая экспедиция — социально-трудоува¹⁵. Она стала заниматься улучшением условий труда наёмных работников в промышленности и сельском хозяйстве, повсеместным введением восьмичасового рабочего дня, согласно принятому финляндским парламентом в 1917 г. закону, способствовать установлению формально-паритетных отношений между трудом и капиталом (профсоюзами и предпринимателями) и т. п.¹⁶ В 1918 г. (27 ноября) в связи с образованием Государственного совета — правительства независимой Финляндской Республики эта экспедиция была преобразована в Министерство труда¹⁷.

В соответствии с Мартовским манифестом Временного правительства под руководством князя Г. Е. Львова произошло некоторое расширение функций Финляндского Сената. Законопроекты, которые прежде последний готовил от имени монарха, более не должны были отсылаться на экспертизу профильным российским министрам, как повелось по одобренному Государственным советом и Государственной Думой и высочайше утверждённому закону «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» от 13 (30) июля 1910 г.

Хозяйственного департамента был Юхо Кусти Паасикиви с 27 мая 1918 г. до 27 ноября 1918 г., когда на смену этому органу пришёл Государственный совет Финляндии. Между ними (с 28 декабря 1917 г. по 26 мая 1918 г.) Сенатом руководил его бывший прокурор Пер Эвинд Свинхувуд (см.: *Tiihonen S., Tiihonen P. Suomen hallintohistoria. S. 110*).

¹³ *Tyynilä M. Senaatti. S. 340*.

¹⁴ См. Закон о Верховном суде от 22 июля 1918 г.: *Laki Korkeimmasta oikeudesta 74/1918 // Suomen laki / toim. M. Näsänen. Helsinki, 2000. O. I. S. 2018—2019 (§§ 1, 16)*. См. также: *Violainen J. Rikosprosessioikeus I. Rovaniemi, 1998. S. 18*.

¹⁵ *Tyynilä M. Senaatti. S. 349*.

¹⁶ *Kuisma M. Valtion yhtiöt. Helsinki, 2016. S. 25; Meinander H. Itsenäisyys ja demokratia: Parlamentaariikkojen rooli Suomen historiassa 1917—1920. Helsinki, 2016. S. 11*.

¹⁷ *Tiihonen S., Tiihonen P. Suomen hallintohistoria. S. 132; Numminen J. Valtioneuvosto // Oma hallinto: Kansakuntaa rakentamassa 1809—2009 / toim. R. Savolainen. [Helsinki], 2009. S. 74; Tyynilä M. Senaatti. S. 353*.

Так же следовало поступать по данному нормативному акту с проектами решений Сената и законопроектами парламента, затрагивавшими одновременно интересы Финляндии и России¹⁸. Тот же Манифест расширил права Сената по самостоятельной подготовке проекта новой конституции (формы правления) Финляндии и законопроекта о демократических правах и свободах финляндских граждан¹⁹. В проекте формы правления 1917 г., разработанном Сенатом, не предусматривалось раздела о правах граждан Финляндии. Поэтому Н. Некрасов (последний генерал-губернатор Финляндии) 7 ноября 1917 г. повёз в Петроград наряду с проектом формы правления и проект закона о правовом статусе финляндских граждан. В каком-то отношении данная ситуация была несколько схожа с принятием Билля о правах 1791 г. в США.

Хозяйственный департамент собственной властью ещё более повысил самостоятельность своих экспедиций (будущих министерств) по окончательному (без отправки на утверждение в Петроград) рассмотрению управленческих вопросов согласно их компетенции, чего ранее он не имел права делать по регламентам 1809 и 1892 гг.²⁰

Таким образом, правительству Финляндии (по манифесту от 7 марта 1917 г.) отошли прежние права конституционного монарха (Великого князя Финляндского):

- 1) по определению структуры Сената и созданию новых административных подразделений;
- 2) по возможности самостоятельно полностью и окончательно разрешать все управленческие вопросы (без последующего их утверждения высшей властью России);
- 3) по подготовке законопроектов, над которыми прежде Сенат начинал работу лишь по указанию монарха (или Временного правительства), так как они входили ранее в исключительную компетенцию царя (в том числе и те, которые затрагивали обоюдные интересы России и Финляндии).

Причём все эти законотворческие мероприятия не требовали более утверждения их итогов в российских министерствах. В нормотворчестве по вопросам исключительной компетенции бывшего монарха и по вопросам, затрагивавшим обоюдные интересы Финляндии и России, законопроекты, подготавливаемые Финляндским Сенатом, отныне были полностью выведены из-под контроля Временного

¹⁸ Julistuskirja Suomen Suuriruhtinaanmaan valtiosäännön vakuuttamisesta... S. 1 (3. osa); Одобренный Государственным советом и Государственной думой и высочайше утверждённый закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» // Сборник постановлений Великого княжества Финляндского на 1910 г. Гельсингфорс, 1911. № 45. С. 2—3.

¹⁹ Julistuskirja Suomen Suuriruhtinaanmaan valtiosäännön vakuuttamisesta... S. 2 (7. osa).

²⁰ *Ståhlberg K. J.* Suomen hallinto-oikeus: Yleinen osa. Helsinki, 1928. S. 53.

правительства. Последнее можно было оценить как очередной шаг трансформации автономных взаимоотношений между Финляндией и Россией в конфедеративные.

Особенно возросла самостоятельность Сената после того, как он выступил против Закона о власти, принятого 18 июля 1917 г. Сеймом. В нём финляндский парламент (в соответствии с теорией народного суверенитета) провозгласил себя носителем государственного суверенитета Финляндии, обладающим всей полнотой законодательной и исполнительной власти в княжестве (через подконтрольный ему и формируемый им Сенат), за исключением контроля за вооружёнными формированиями и командования ими и осуществления внешнеполитических функций, поскольку вопрос об отделении от России ещё не поднимался Сеймом²¹.

В благодарность за проявленную Финляндским Сенатом преданность новый премьер Временного правительства А. Ф. Керенский прислал Сенату повсеместно опубликованный в Финляндии указ «О некоторых делах, передаваемых Финляндскому Сенату для окончательного их решения» от 30 августа (12 сентября) 1917 г.²² В соответствии с ним Сенату отныне передавались полномочия: самостоятельно созывать Сейм, открывать, прерывать и закрывать его заседания, объявлять о роспуске парламента Финляндии и о сроках проведения выборов нового состава его депутатов. Кроме того, непосредственно от финляндского правительства теперь должны были исходить законопроекты, которые прежде передавались от имени монарха Сейму. Сенат получил правомочия проводить экспертизу всех законов, принимаемых Сеймом, и решать их судьбу. Даже тех, которые прежде санкционировались монархом, а затем Временным правительством²³. Всё это прежде составляло исключительные правомочия монарха в законодательной сфере. Если учесть, что ещё Мартовским манифестом Сенату было передано право на подготовку и издание нормативных актов в области т. н.

²¹ Финляндские левые социал-демократы, поддерживавшие тесные связи с большевиками, были уверены в успехе намеченного на 18 июля выступления революционных солдат и матросов в Петрограде. Поэтому Сейм не счёл нужным информировать Временное правительство о принятии Закона о власти. В ответ Временное правительство распустило Сейм, назначив новые выборы. Социал-демократические сенаторы проголосовали против опубликования в княжестве этого решения. Но присутствие на судьбоносном заседании генерал-губернатора М. Стаховича (имевшего право голоса в качестве формального председателя Сената) помогло буржуазным сенаторам одержать верх. Сейм был распущен, а социал-демократические сенаторы в знак протеста вышли из состава Сената. Их места временно заняли технические работники. В таком виде «охвостье» Сената просуществовало до 27 ноября 1918 г., успев в начале декабря 1917 г. (после Октябрьского переворота в России) принять «Декларацию о независимости», одобренную в том же месяце новым составом Сейма, работавшим с октября 1917 г. В соответствии с ней и с обращением к СНК РСФСР правительства и парламента Финляндии, которые привёз в Петроград тогдашний руководитель Сената младофинн П. Э. Свинхувуд, советское правительство под руководством В. И. Ленина предоставило Финляндии государственную независимость. На этом закончился 109-летний союз Финляндии и России.

²² Avoin Kirje eräiden asiain siirtämisestä Suomen Senaatin lopullisesti ratkaistaviksi: Annettu Pietarissa elokuun 30 / syyskuun 12 päivänä 1917 // Suomen Suuriruhtinaanmaan Asetuskokoelma, 1917. No. 69. S. 1—2.

²³ Ibid. S. 2 (2. osa, momentti a).

административного законодательства²⁴, то получается, что финляндский парламент попал под контроль Сената. Вдобавок к последнему перешли права монарха (а затем и Временного правительства) по назначению генерал-губернатора Финляндии и его помощника, министра-статс-секретаря и его помощника, вице-президента Сената (т. е. фактического его руководителя), прокурора, а также чиновников канцелярии генерал-губернатора²⁵. При этом не разъяснялось, будут ли генерал-губернатор и чиновники его канцелярии по-прежнему назначаться из граждан России или в будущем их заменят финляндцами. Отныне комплектование всего государственного аппарата Финляндии переходило в ведение её правительства. Вероятно, генерал-губернатором всё же должен был остаться российский гражданин, так как за этой должностью было закреплено право опротестования решений Сената у высшей правительственной власти России. Кроме того, генерал-губернатора должны были информировать обо всех решениях Сената, принятых в его отсутствие на заседаниях последнего²⁶. К Сенату также перешло право монарха на разрешение тех дел, которые касались взаимоотношений России и Финляндии, правового статуса российских граждан и учреждений в этой стране. Единственное ограничение состояло в том, что новые решения не должны были менять *status quo*, установленный прежде в отношении вышеперечисленных лиц и органов²⁷.

Также к правительству Финляндии перешло право полностью и окончательно определять монетарную политику²⁸ и осуществлять помилование преступников²⁹. Всё это прежде также являлось исключительной прерогативой отрѣкшегося монарха, а затем перешло к Временному правительству.

Внутри же самого Хозяйственного департамента одновременно произошло смещение основного бремени принятия управленческих решений от пленума всех его экспедиций к самим экспедициям. Последнее повысило их самостоятельность, поскольку почти все вопросы стали решаться ими полностью и окончательно. Всё отмеченное способствовало переходу правительства Финляндии к министерской системе управления, что окончательно завершилось в 1918 г. после образования Государственного совета независимой Финляндской Республики³⁰. Таким образом, семена, посеянные выдающимся финляндским юристом Л. Мехелином ещё в 70-е гг. XIX в. в его программе перехода к министерской системе управления в Финляндии, дали

²⁴ Ibid. S. 1 (1. osa).

²⁵ Ibid. S. 2 (2. osa, momentti d).

²⁶ Ibid. (3. osa).

²⁷ Ibid. (2. osa, momentti e).

²⁸ Ibid. (2. osa, momentti a).

²⁹ Ibid. (2. osa, momentti b).

³⁰ *Ståhlberg K. J. Suomen hallinto-oikeus pääpiirteittäin*. Porvoo, 1934. S. 31.

всходы после Февральской революции 1917 г.³¹ Но претворить в жизнь эти новые подходы, напоминающие систему «сдержек и противовесов» в США, удалось лишь после обретения Финляндией государственной независимости.

Самим Сенатом были приняты дополнительные меры, направленные на совершенствование деятельности его должностных лиц: был разработан законопроект о введении их юридической и политической ответственности³². Последнее должно было усилить судебный и парламентский контроль за правительственной властью Финляндии. Сенатом в октябре 1917 г. был разработан законопроект о новых принципах государственного строительства, который должен был устранить прежние монархические и полуфеодальные государственные институты и изменить процесс функционирования государственных органов³³. Всё это показывает, что к осени 1917 г. назрело изменение взаимоотношений между Россией и Финляндией.

Условно изменения, произошедшие с Финляндским Сенатом (с марта по ноябрь 1917 г.), можно подразделить на два этапа. Первый связан с изданием Временным правительством во главе с князем Г. Е. Львовым 7 марта 1917 г. манифеста «О подтверждении Основных законов Великого княжества Финляндского и о восстановлении их полноценного применения». Манифестом отменялись все контрреформы правления Николая II, полностью восстанавливалась государственная автономия Великого княжества Финляндского — *de jure*. *De facto* же — завершилось государственное структурирование финляндской нации гарантированием «внутренней независимости Финляндии» и на территории княжества устанавливалась (но полностью не установилась) парламентская республика, в которой правопреемником великого князя стал Сенат. Второй этап связан с принятием Закона о власти 18 июля 1917 г. и последовавшим затем разгоном Сейма и изданием новым главой Временного правительства А. Ф. Керенским указа «О некоторых делах, передаваемых Финляндскому Сенату для окончательного их решения» 12 сентября 1917 г. Согласно этому указу, в Финляндии *de jure* должно было установиться что-то вроде президентской республики, но с коллективным носителем внутреннего суверенитета — Сенатом. Тем самым резервировалась возможность для установления в будущем диктатуры без формального

³¹ Дусаева М. Р., Дусаев Р. Н. Административная система Великого княжества Финляндского. Петрозаводск, 2015. Ч. 2: Реформы высших правительственных органов Финляндии 80-х гг. XIX в. С. 29; Туунилä М. Mecheliniin suunnitelma senaatin uudistamiseksi vuodelta 1887 // Lakimies. 1989. Vol. 87. S. 952.

³² Ehdotus laiksi Suomen eduskunnan oikeudesta tarkastaa hallituksen jäsenten virkatoimien lainmukaisuutta // Perustuslakikomitean mietintö No. 2. Helsinki, 1917; Ehdotus laiksi 20:nä heinäkuuta 1906 annetun valtiopäiväjärjestyksen 32, 46 ja 51. §:n muuttamisesta toisin kuuluviksi // Perustuslakikomitean mietintö No. 3. Helsinki, 1917.

³³ Ehdotus laiksi Suomen valtiontalouden oikeusperusteista // Perustuslakikomitean mietintöjä No. 5. Helsinki, 1917.

образования президентской республики. *De facto* — произошло установление доминирования исполнительной власти над законодательной в Финляндии; восстановление полного внутреннего суверенитета. Финляндскому Сенату были переданы все права великого князя (и Временного правительства) по разрешению всех дел, касавшихся взаимоотношений между Россией и Финляндией и по подготовке новой финляндской конституции и законопроекта о взаимоотношениях с Россией. Но окончательно форму государственного устройства бывшей Российской империи должно было решить Учредительное собрание. Временное правительство само отказалось от контроля за деятельностью Сената, выказавшего ему свою верность 18—19 июля 1917 г., и от права на абсолютное вето в отношении решений Финляндского правительства. Последнее привело к трансформации связи между Россией и Финляндией: от асимметричной автономии в формально унитарном государстве к конфедеративным (правда, ещё не оформленным договором) связям, когда две части бывшей Российской империи объединяли совместные внешнеполитические дела и наличие в Финляндии соединений бывшей царской армии (с каждым днём революции разлагавшейся и слабеющей). Всё это способствовало установлению явочным порядком (*de facto*) конфедерации между Россией и Финляндией (пока без права выхода последней из неё). То есть в отличие от Швейцарии и США процесс создания новой формы социального устройства шёл в обратном направлении: от укрепления связи между субъектами к их истончению и ослаблению. Большевики объективно и правильно оценили этот процесс и не стали противодействовать ему, предоставив государственную независимость Финляндии в ответ на привезённое П. Э. Свинхувудом обращение Сената и Сейма в декабре 1917 г.

Список литературы

Дусаев, Р. Н. Финляндия от Александра I до Александра III / Р. Н. Дусаев, М. Б. Ревнова. — Санкт-Петербург : Издательство Юридического института, 2012. — 277 с.

Дусаева, М. Р. Административная система Великого княжества Финляндского / М. Р. Дусаева, Р. Н. Дусаев. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2015. — Ч. 2: Реформы высших правительственных органов Финляндии 80-х гг. XIX в. — 50 с.

Закатов, А. Н. Революция 1917 года — капкан российской истории / А. Н. Закатов // Славяне. Журнал Международной славянской академии. — 2016/2017. — Зима. — № 4. — С. 4—8.

Rasila, V. История Финляндии / В. Расила ; пер. с фин. и науч. ред. Л. В. Суни. — Изд. 2-е., перераб. и доп. — Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 2006. — 358 с.

Danielson, J. R. Suomen sisällinen itsenäisyys: jatkuvien hyökkäysten torjumiseksi / J. R. Danielson. — Porvoo : W. Söderström, 1892. — 130 s.

Erich, R. Das Staatsrecht des Großfürstentums Finland / R. Erich. — Tübingen : J. C. B. Mohr, 1912. — 243 s.

Hermanson, R. F. 1917 års landtdag: några anmärkningar / R. F. Hermanson. — Helsingfors : Söderström & c:o, 1917. — 39 p.

Hermanson, R. F. Finlands statsrättsliga ställning / R. F. Hermanson. — Helsingfors : G. W. Edlund, 1892. — 318 p.

Klami, H. T. Oikeustaistelijat. Suomen oikeustiede Venäjän vallan aikana / H. T. Klami. — Porvoo : Söderström, 1977. — 168 s.

Kuisma, M. Valtion yhtiöt / M. Kuisma. — Helsinki : Kustannusosakeyhtiö Siltala, 2016. — 333 s.

Meinander, H. Itsenäisyys ja demokratia: parlamentaarikkojen rooli Suomen historiassa 1917—1920 / H. Meinander. — Helsinki : Eduskunta, 2016. — 26 s.

Numminen, J. Valtioneuvosto / J. Numminen // Oma hallinto : Kansakuntaa rakentamassa 1809—2009 / toim. R. Savolainen.. — [Helsinki] : Edita, 2009. — S. 70—121.

Ståhlberg, K. J. Suomen hallinto-oikeus: yleinen osa / K. J. Ståhlberg. — Helsinki : Otava, 1928. — 493 s.

Ståhlberg, K. J. Suomen hallinto-oikeus pääpiirteittäin / K. J. Ståhlberg. — Porvoo : WSOY, 1934. — 332 s.

Tiihonen, S. Suomen hallinnonhistoria / S. Tiihonen, P. Tiihonen. — Helsinki : Valtion painatuskeskus, 1984. — 351 s.

Torvinen, T. Autonomian ajan senaatti : Itsenäistymisen ja valtiomuototaistelun aika 1917—1919 / T. Torvinen // Valtioneuvoston historia 1917—1966. — Helsinki : Valtioneuvosto, 1977. — Osa I. — S. 7—272.

Tyynilä, M. Mechelinin suunnitelma senaatin uudistamiseksi vuodelta 1887 / M. Tyynilä // Lakimies. — 1989. — Vol. 87. — S. 948—966.

Tyynilä, M. Senaatti : tutkimus hallituskonselji-senaatista 1809—1918 / M. Tyynilä. — Helsinki : VAPK-Kustannus, 1992. — 460 s.

Virolainen, J. Rikosprosessioikeus I / J. Virolainen. — Rovaniemi : Pandecta, 1998. — 485 s.

КАУППАЛА Пекка / KAUPPALA Pekka
Университет Хельсинки / University of Helsinki
Финляндия, Хельсинки / Finland, Helsinki
pekka.kauppala@saunalahti.fi

ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И ПЛАНОВ КАЯ ДОННЕРА В 1917 г.

CHANGES OF KAI DONNER'S POLITICAL VIEWS AND PLANS IN 1917

Abstract: The author traces how the events in Russia and Finland around 1917 affected the political views and plans of a Finnish linguist, ethnographer and political activist Kai (Karl Reinhold) Donner (1888—1935), who from being a pro-democracy and pro-socialist adherent of the Finnish Left and Right uniting to support the independent Finland's stance in the face of the post-revolution Russia became an anti-Bolshevik.

Ключевые слова / Keywords: Кай Доннер, Финляндия, Россия, 1917 г. / Kai Donner, Finland, Russia, 1917.

Исследователь финно-угорских языков и путешественник Кай (Карл Рейнгольд) Доннер вплоть до своей смерти в 1935 г. оставался одной из ключевых теневых фигур финской политики периода Первой мировой войны. Его личность обычно рассматривают в контексте либо его научных достижений, либо политической деятельности. Но я предлагаю рассматривать Кая Доннера как деятеля, чей жизненный путь был на редкость цельным¹. Мне кажется, что Доннера можно считать единственным значительным политическим деятелем независимой Финляндии, для которого финно-угорская тематика являлась центральным мотивом. Но его позиция была слишком специфической для того, чтобы создать политическую финно-угорскую группу. Он был вынужден искать союзников из другого лагеря, в первую очередь из среды финских националистов. Они обычно более или менее позитивно относились к идеологии финно-угризма, к которой, несомненно, примыкала финская национальная идея².

¹ Единственную, хотя и не вполне состоявшуюся попытку представить политическую и научную деятельность Доннера в их совокупности см.: *Louheranta O. Siperiaa sanoiksi — uralilaisuutta teoiksi: Kai Donner poliittisena organisaattorina sekä tiedemiehenä antropologian näkökulmasta*. Helsinki, 1993. URL: <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/val/sosio/vk/louheranta/siperiaa.pdf> (17.11.2017). О. Лоухеранта в принципе хорошо понимает единство научной и политической деятельности Доннера, однако он неясно и недостаточно представляет себе его политические планы и дела.

² Основопологающим для идеологии финно-угризма является известное сочинение Цахриса (Цахариаса, или Захариаса, Сахариаса, Сакари) Топелиуса «Книга о нашей стране» (*Topelius Z. Maamme kirja: Lukukirja alimmaisille oppilaitoksille Suomessa*. Toinen jakso / suom. J. Väckwall. Helsinki, 1876). В этом произведении, которое было обязательным к прочтению в финских средних школах до 1940-х гг., Топелиус писал, что национальная задача финской нации предопределена свыше божественным провидением. Финляндия должна поднять до своего уровня процветания все разбросанные по разным местам малоразвитые группы финно-угорских народов России. Впрочем, после обретения Финляндией независимости этот фрагмент текста перестали включать в новые переиздания «Книги о нашей стране». Причина, очевидно, заключалась в том, что Топелиус полагал: Финляндия вошла в состав Российской империи для выполнения этой предопределённой Богом задачи. Автор настоящей статьи предполагает,

У слишком разносторонних исследователей всегда существует угроза сесть между двух стульев. В каждой сфере научной деятельности это происходит именно тогда, когда не хватает времени довести какую-то часть своего научного наследия до определённого логического конца, завернуть в красивую упаковку и талантливо разрекламировать. В этом случае упомянутое наследие отправляют на хранение в шкаф с диковинками. К категории таких исследователей и принадлежит Кай Доннер. Изначально он занимался языком селькупов, но затем расширил сферу своих интересов, которая стала охватывать историю, антропологию и этнографию народов Сибири, а также, в дополнение к уральским языкам Сибири, и с трудом поддающийся классификации язык кетов³. Смерть Доннера наступила сравнительно рано. На её приближение повлияли в том числе и длительные переохлаждения во время научных экспедиций, в результате ему так и не представилась возможность осуществить мечту последних лет жизни и завершить свои самые важные научные исследования⁴. Филологические изыскания Доннера продолжило научное общество, об остальных же его материалах благополучно забыли.

Кай Доннер родился в 1888 г. Он был сыном основателя финно-угорского общества Финляндии Отто Доннера. Его семейство принадлежало к числу профински настроенной элиты, но дома больше говорили по-шведски. Получив высшее образование в области лингвистики, Доннер осуществил в 1911—1914 гг. две очень долгие поездки к самодийским народам России. Основной группой, привлекавшей его внимание, были селькупы. Когда началась Первая мировая война, Доннер находился в Сибири, но вскоре вернулся в Финляндию.

что именно изучение в школе «Книги о нашей стране» вдохновило как Кая Доннера, так и председателя совнаркома КАССР Эдварда Гюллинга.

³ Опубликованный недавно сборник статей отражает разнообразие интересов Доннера как учёного: Kai Donner. *Linguist, Ethnographer, Photographer* / ed. J. Donner and J. Janhunen. Helsinki, 2014. Однако мне кажется, что самое значительное его научное достижение — коллекция фольклорных материалов селькупов, в частности посвящённых богатырю Итте эпических сказаний, которые Доннер начал объединять в единое эпическое сочинение, но не успел завершить работу. Я думаю, решающую роль в этом научном успехе сыграло то, что Доннер не ограничился исследованием южных селькупов в их главном ареале обитания в Томской губернии, а расширил свой исследовательский интерес на группы, обитавшие в Красноярской губернии, преодолев внутреннюю границу между губерниями. Здесь, в Красноярской губернии, традиционная культура селькупов в то время находилась в лучшей сохранности, однако оставалась за пределами интересов местных томских исследователей, концентрировавшихся на изучении селькупов своей губернии. Доннер называл регион обитания красноярских селькупов, по аналогии с Калевалой, «Селькупской Карелией». *Kauppa P. Selkuppien Itte-eepoksesta ja muinaiskiinalaisesta mytologiasta: Huomautuksia Kai Donnerin tehtyihin ja tekemättömiin töihin* // *Alkukoti*. 2004. No. 6. S. 21—26.

⁴ Биография Доннера до сих пор не написана. Источниками сведений о нём служат: [Ramstedt G. J.] Karl Reinhold Donner: Muistopuhe, jonka Suomen Tiedeseuran kokouksessa 16 p:nä joulukuuta 1935 piti G. J. Ramstedt // *Societas Scientiarum Fennica. Årsbok — Vuosikirja*. Helsinki, 1935—1936. Bd. XIV. No. 6. S. 1—12 (отдельный оттиск); *Donner J. Miksi olen*. Helsinki, 1998 (автобиографическая книга сына Кая Доннера — Йорна).

В годы войны он стал самым важным связующим звеном между финскими егерями в Германии и другими финскими «активистами» в Финляндии. После получения Финляндией независимости и окончания гражданской войны Доннер успешно выполнял миссию посредника между егерями и генералом Карлом Густавом Маннергеймом. Благодаря Доннеру удалось преодолеть существующие между ними серьёзные противоречия и антипатии и наладить сотрудничество. Планы позднего Доннера сделать из Маннергейма полуавторитарного сильного президента при его жизни успехом не увенчались, но реализовались в 1944 г., уже после его смерти.

В этом кратком представлении я не могу больше останавливаться на всех интересных деталях жизни Кая Доннера, поэтому мы перейдём к 1917 г.

1917-й стал переломным в политической жизни Доннера. До этого он стремился к политическому объединению финских левых и правых сил и сам был настроен демократически и просоциалистически. Происходя из состоятельной семьи, он, однако, не был заинтересован в увеличении семейного материального благосостояния. Можно сказать, что Доннер являлся оптимистическим романтиком. Так, он не испытывал отвращения к социализму как идеологии, но никогда не был и революционером, ни в семье, ни в политике.

Политическая стратегия Доннера, сформировавшаяся во время Первой мировой войны, основывалась на убеждениях, которые сложились у него в ходе поездок по Сибири. Из своего опыта общения в этих поездках он сделал вывод, что революционные настроения в России настолько сильны, что они непременно увенчаются революционным успехом. Революцию в России он считал неизбежной. Она, по его мнению, дала бы Финляндии возможность получить полную государственную независимость. Однако революция сама по себе всё же не могла решить проблемы Финляндии. Доннер считал, что накал страстей и взаимной ненависти настолько велик, что всё, вероятно, закончится страшным взрывом, ударная волна от которого пойдёт во всех направлениях. Едва ли в таких условиях можно будет гарантировать, что новая, освобождённая Россия в конечном итоге захочет понимать и учитывать интересы Финляндии. И потому Финляндии следовало продемонстрировать национальное единство и преодолеть внутренние конфликты между левыми и правыми путём реализации наиболее разумных пунктов из программ обеих партий.

Исходя из этого Доннер делал ставку на сотрудничество со всем спектром финляндских и российских антимоноархических сил. Но уже к концу 1917 г. в его взглядах начинают преобладать новые тенденции, которые окончательно сформируются в период гражданской войны. Кай Доннер начал чувствовать «дух революции» и стал

замечать, что не все социалисты заинтересованы в национальном подъёме Финляндии. Он ощутил опасность в чисто интернациональном по духу социализме, который был направлен на тотальное уравнивание и неуважение к позитивным традициям⁵. Его начали одолевать сомнения в целесообразности широкой демократии, которая, по его мнению, могла привести к хаосу и победе этого опасного типа социализма. Социализм и рабочее движение начали в его глазах выглядеть всё наивнее, а их цели — всё недостижимее. Его стали одолевать сомнения в возможности успешного сотрудничества между новой Финляндией и Советской Россией.

Каковы были последствия указанных изменений в сознании Кая Доннера для финляндско-российских отношений? В 1917—1918 гг. сформировались его антибольшевистские взгляды, которые привели его к негативному отношению к Советской России. Это подозрительное отношение проявлялось в ходе его деятельности в качестве коменданта Финляндии на пограничной станции Раяёки в 1919 г., а также во время его работы главным редактором националистического журнала «Суунта» («*Suunta*», т. е. «направление, курс»)⁶. Дальнейший путь привёл Доннера к политическому союзу с К. Г. Маннергеймом, который отличался решительным антибольшевизмом⁷.

Правда, можно заметить, что опыт НЭПа поспособствовал некоторой переоценке Каем Доннером своего отношения к Советской России. В тот период он полагал, что «Россия откажется от большевизма»⁸. Такое мнение было редким в тогдашней белой Финляндии. Автор настоящей статьи пока не смог найти ни одного подобного примера среди других финляндских политических деятелей. Но это новое отношение могло сохраняться лишь до «великого перелома», когда угрозы, которые Доннер в 1917 г. только предчувствовал, начали обретать реальную форму.

⁵ Наиболее отчётливо этот страх «интернационального» социализма прослеживается в рассказах, написанных Доннером на основе сибирских впечатлений: *Donner K. Sibiriska noveller*. Helsingfors, 1919.

⁶ О деятельности Доннера в качестве коменданта пограничной станции Раяёки см.: *Engman M. Gränsfall: Utväxlingar och gränstrafik på Karelska näset 1918—1920*. Helsingfors, 2008.

⁷ *Ahti M. Aktivisterna och «Andersson»: Konspirationer och krigsplaner 1919, skyddkårskonflikten 1921, Mäntsäläupproret 1932*. Helsingfors, 1991.

⁸ В 1921—1922 гг. Доннер, заинтересованный новым политическим поворотом в России, который, с его точки зрения, вёл Советский Союз в правильном направлении, планировал вновь отправиться в экспедицию в Сибирь. В этом предприятии он рассчитывал на помощь своего старого учителя Г. Й. Рамстедта, который был в то время послом Финляндии в Японии. Доннер предполагал попасть в Сибирь через Японию. Из их переписки, однако, становится ясно, что Рамстедта не особенно заинтересовал проект [Национальный архив Финляндии, Хельсинки (*Kansallisarkisto*). Kai Donnerin kokoelma. Kirjeenvaihto. Kotelot 5, 7]. Отметим также, что Кай Доннер, как и большинство старых егерей, негативно относился к идее организации карельского восстания в Советской Карелии в 1921 г. Это, впрочем, не означало, что Доннер отказался от идеи присоединения Российской Карелии к Финляндии, просто на тот момент он считал его несвоевременным.

Список литературы

- Donner, J.* Miksi olen / J. Donner. — Helsinki : Otava, 1998. — 350 p.
- Ahti, M.* Aktivisterna och «Andersson»: Konspirationer och krigspaner 1919, skyddkårskonflikten 1921, Mäntsäläupproret 1932 / M. Ahti. — Helsingfors : Schildt, 1991. — 456 p.
- Donner, K.* Sibiriska noveller / K. Donner. — Helsingfors : Söderström, 1919. — 131 p.
- Engman, M.* Gränsfall: Utväxlingar och gränstrafik på Karelska näset 1918—1920 / M. Engman. — Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland ; Stockholm : Atlantis, 2008. — 539 p. — (Skrifter utgivna av Svenska litteratursällskapet i Finland. Bd. 696).
- Kai Donner. Linguist, Ethnographer, Photographer / ed. J. Donner and J. Janhunen. — Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura ; Museovirasto, 2014. — 174 p. — (Suomalais-ugrilaisen seuran kansatieteellisiä julkaisuja. Vol. 21).
- Kauppala, P.* Selkuppien Itte-epoksesta ja muinaiskiinalaisesta mytologiasta: Huomautuksia Kai Donnerin tehtyihin ja tekemättömiin töihin / P. Kauppala // Alkukoti. — 2004. — № 6. — P. 26—31.
- [*Ramstedt G. J.*] Karl Reinhold Donner: Muistopuhe, jonka Suomen Tiedeseuran kokouksessa 16 p:nä joulukuuta 1935 piti G. J. Ramstedt / G. J. Ramstedt // Societas Scientiarum Fennica. Årsbok — Vuosikirja. — Helsinki : Societas Scientiarum Fennica, 1935—1936. — Bd. XIV. — No. 6. — S. 1—12 (отдельный оттиск).
- Louheranta, O.* Siperiaa sanoiksi — uralilaisuuttateoiksi: Kai Donner poliittisena organisaattorina sekä tiedemiehenä antropologian näkökulmasta / O. Louheranta. — Helsinki : Helsinki University Printing House, 2006. — XII, 420 p. — URL: <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/val/sosio/vk/louheranta/siperiaa.pdf>. — (17.11.2017).
- Topelius, Z.* Maamme kirja: Lukukirja alimmaisille oppilaitoksille Suomessa. — Toinen jakso / Z. Topelius ; suom. J. Bäckwall. — Helsinki : Edlund, 1876. — 497 p.

ДУБРОВСКАЯ Елена Юрьевна / DUBROVSKAIA Elena

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
dubrovskaya@krc.karelia.ru

**МНОГОМЕРНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ: РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ
В ФИНЛЯНДИИ, «СОЛДАТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И СОЦИАЛЬНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ ФИНЛЯНДЦЕВ В 1917 г.***

MULTIPERSPECTIVED RADICALIZATION: THE RUSSIAN MILITARY IN FINLAND,
“THE SOLDIERS’ REVOLUTION” AND THE FINNS’ SOCIAL MOVEMENTS IN 1917

Abstract: The article deals with the events of the 1917 Russian Revolution in Finland. On the basis of both published documents and the Russian and Finnish archival material the author shows to which degree the Russian military in Finland were involved in the Finnish national revolution and, in turn, came themselves under the radicalizing influence of the Finnish social democrats, who attempted to affect the Russian military organisations’ activists. Some aspects of military anthropology are studied and the political culture of the participants of the revolutionary events at the World War I final stage is characterised.

Ключевые слова / Keywords: Российская революция 1917 г., Финляндия, российские военные, радикализация, финляндские социал-демократы, социальные движения / The 1917 Russian revolution, Finland, the Russian military, radicalization, the Finnish social democrats, social movements.

В годы Первой мировой войны и российской революции 1917 г. резко изменились взаимоотношения между имперским центром и автономным Великим княжеством Финляндским. Уже с началом войны к существовавшему ранее конфликту вокруг прерогатив верховной и местной власти в Финляндии добавился новый, связанный с необходимостью тотальной мобилизации, а значит, и с усилением государственного вмешательства в местные дела, с расширением роли армии и военной администрации в государственном управлении. Последовавшая в 1917 г. российская революция, в которую были вовлечены российская армия и гарнизоны и которая сопровождалась волной национальных революций, ещё более обострила и запутала существовавший конфликт. Цель настоящей статьи — проследить за развитием «солдатской революции» в Финляндии на протяжении марта — октября 1917 г. и исследовать, как она повлияла на развитие «национальной» революции финляндцев.

Хотя финляндская политика российского имперского и Временного правительств и революционные события в Финляндии в 1917 г. уже привлекали внимание историков¹,

* Переработанный вариант публикации: *Dubrovskaja E.* The Russian Military in Finland and the Russian Revolution // *Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914—22*. Bloomington (Indiana), 2015. Book 1. *Russia’s revolution in Regional Perspective* / S. Badcock, L. G. Novikova, A. B. Retish. P. 247—266. (*Russia’s Great War and Revolution, 1914—22*. Vol. 3.)

¹ *Dubrovskaja E., Solomeshch I.* Russia and Finland During the World War I in *Russian Historiography* // *Norden och Kriget i Finland och Baltikum, 1918—19* / red. L. Westerlund. Helsingfors, 2004. S. 185—193.

взаимосвязь между революцией в российской армии и на флоте и национальным движением в Финляндии изучена слабо. В отличие от советских авторов, которые ранее подчёркивали «дружбу» финляндского пролетариата с российскими матросами и солдатами, сейчас историки чаще отмечают различные цели и разную динамику революции солдат и финской национальной революции². Исследователи отмечают, что, несмотря на существовавшие «коммерческие» отношения между гарнизонами и жителями княжества, русские военнослужащие в Финляндии были изолированы от местного общества. Это объяснялось различиями в конфессиональной принадлежности, в языке и культуре, а также неприязненным отношением финляндцев к представителям российской власти и армии, наблюдавшимся в дореволюционный и революционный периоды³. По мнению исследователей, в 1917 г. революция в армии и национальная революция финляндцев развивались параллельно и во многом независимо друг от друга. Революционное движение в финляндских гарнизонах было, в первую очередь, частью российской солдатской революции, отличавшейся здесь даже большим радикализмом, чем, например, в петроградском гарнизоне⁴. Тем временем национальная революция в Финляндии, по мнению многих исследователей, развивалась не столько в связи с восстаниями в воинских частях, сколько в ответ на распад российской центральной власти в 1917 г. На её динамику повлияла противоречивая политика Петроградского Временного правительства, а затем — приход к власти большевиков, облегчивший получение Финляндией независимости⁵. Таким образом, хотя финляндская революция и революция в гарнизонах изучались достаточно активно, попытки выявить их взаимосвязь и взаимовлияние пока не предпринимались.

² Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914—1918). Петрозаводск, 2008. С. 63.

³ Luntinen P. The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808—1918. Helsinki, 1997; Karemaa O. Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä: venäläisviha 1917—1923. Helsinki, 1998; Eadem. Moraalisesta närkästyksestä kansalliseksi ohjelmaksi // Venäjän kahdet kasvot: Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä / toim. T. Vihavainen. Helsinki, 2004. S. 226—254; Ketola E. Kansalliseen kansanvaltaan: Suomen itsenäisyys, ssiaali-demokraatit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki, 1987; Idem. Suomen sotilaskapina — Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // Historiallinen arkisto. Helsinki, 1987. Vol. 91. S. 45.

⁴ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 276—281. См. также работы, рассматривающие армейскую и флотскую повседневность и особенности политической культуры русских гарнизонов в Финляндии: Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 119—139, 145; Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001. С. 26—33; Чистиков А. Н. Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // Интервенция на Северо-Западе России: 1917—1920. СПб., 1995. С. 159—174; Hoppu T. Joki ja sen väki II. Kokemäen historia 1870—2010. Tallinn, 2011. S. 135—148. URL: <http://digi.kirjastot.fi/items/show/124944> (05.12.2017); Manninen O. Kapina, kansalaissota, vapaussota // Itsenäistymisen vuodet: 1917—1920. Helsinki, 1993. Osa 2. S. 8—21; Tanskanen A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978; Venäläissurmat Suomessa 1914—22 / toim. L. Westlund. Helsinki, 2004. Osat 1—2.

⁵ Кеттола Э., Черняев В. Ю. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27—45; Вихавайнен Т. Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание. Петрозаводск, 2009. С. 11—12, 23.

Как будет показано в этой статье, финляндская революция и революция в российских гарнизонах были тесно переплетены между собой. События в Финляндии в 1917 г. можно понимать как процесс «двойной радикализации». Несмотря на отсутствие тесных контактов между российскими военными и гражданским населением Финляндии, в период революции наблюдалось взаимное радикализирующее воздействие, которое, в свою очередь, ещё более обостряло политическую обстановку в регионе. Весной — осенью 1917 г. усилившееся движение финляндцев за расширение автономных прав бывшего княжества содействовало радикализации настроений русских солдат и матросов в Финляндии. В свою очередь, движение чинов гарнизонов и морских команд, преследовавших собственные цели в революции, также влияло на радикализацию социальных и национальных требований финляндцев. Хотя многие чины гарнизонов видели своей главной целью содействие общероссийской революции, солдаты и матросы нередко участвовали в совместных с финляндцами политических акциях и высказывались в поддержку финских национальных требований. Тем самым они непреднамеренно способствовали усилению финского национального движения, которое в итоге привело к объявлению Финляндией независимости в декабре 1917 г. Следует отметить, что радикализация солдатской революции и соответственное ослабление контроля Временного правительства над положением в регионе также подталкивали финляндцев к тому, чтобы всё более решительно добиваться национальной независимости.

Данная статья опирается на опубликованные и хранящиеся в архивах письма российских военнослужащих в Финляндии, на материалы военной цензуры и многочисленные протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей. Эти материалы позволяют проследить, насколько сложным в обстановке продолжавшейся войны оказалось отношение русских военнослужащих к российскому правительству, финляндской политике и местному населению. Они также проливают свет на то, в какой мере российские военные в Финляндии стали соучастниками финской национальной революции и, в свою очередь, сами испытали радикализирующее влияние финляндских политиков и, в частности, социал-демократов, стремившихся воздействовать на активистов российских военных организаций.

Русские гарнизоны в Финляндии и Первая мировая война

Финляндия, присоединённая к Российской империи в начале XIX в. и имевшая уникальный статус автономного великого княжества, к началу Первой мировой войны

сохраняла многие атрибуты собственной государственности: своё правительство (сенат) и однопалатный парламент (сейм), свои законы, денежную систему, почту и систему органов управления. В то же время российский император в качестве великого князя Финляндского выступал с законодательной инициативой, обладал правом созыва сейма и исключительным правом решения вопросов внешней политики и обороны. Представителем верховной власти в Финляндии был генерал-губернатор, который одновременно являлся председателем Финляндского сената⁶. Начиная с рубежа XIX—XX вв., отношение финнов к имперской власти стало более критическим. Отчасти это было связано с ростом национального самосознания, с экономическим подъёмом в великом княжестве, а также с последовавшим с 1909 г. широкомасштабным наступлением имперских властей на политические свободы и автономные привилегии княжества⁷.

Важным фактором, повлиявшим на отношение населения Финляндии к российской власти, а также на события революции 1917 г. в регионе, стал роспуск национальных военных формирований в великом княжестве. В 1901 г. император Николай II, желая унифицировать воинскую службу, распорядился упразднить финляндские войска; финляндцы должны были проходить военную службу в российских частях. Последовавший протест финляндской молодёжи и отказ от явки на призывные участки привели к тому, что в 1905 г. подданные княжества были полностью освобождены от воинской службы. Взамен Финляндия должна была выплачивать в российский бюджет денежную компенсацию — так называемые военные миллионы, которые шли на нужды обороны империи⁸. Таким образом, начиная с 1905 г. оборона великого княжества лежала исключительно на российской армии и флоте, части которых расположились на территории Финляндии и входили в состав Петербургского военного округа⁹.

Численность российской армии в Финляндии значительно увеличилась с началом Первой мировой войны. Российские власти ожидали здесь высадки германского десанта, а также допускали возможность сепаратистских выступлений внутри великого княжества. В годы войны в Финляндии наблюдался всплеск германофильских симпатий,

⁶ *Мейндер Х.* История Финляндии: Линии, структуры, переломные моменты. М., 2008. С. 126—131; *Суни Л. В.* Великое княжество Финляндское. Первые шаги автономии. Петрозаводск, 2009. С. 67; *Черняев В. Ю.* Петроград и обретение Финляндией государственной независимости // Санкт-Петербург — Хельсинки. Хельсинки — Санкт-Петербург. 1809—2004. СПб., 2005. С. 89—95.

⁷ *Бобович И. М., Китанина Т. М.* Финляндия: создание основ экономической независимости // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 232—238; *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 318; *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 118—134.

⁸ *Расила В.* История Финляндии. С. 105; *Luntinen P.* Sotilasmiljoonat. Helsinki, 1984. S. 176—180.

⁹ *Ошеров Е. Б., Суни Л. В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX—XX вв. Петрозаводск, 1986. С. 63; *Расила В.* История Финляндии. С. 136; *Соломец И. М.* Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). Петрозаводск, 1992. С. 20.

выразившихся в развитии «активизма», то есть движения сторонников установления взаимоотношений с Германией для объединённых действий против России¹⁰. Именно с целью обезопасить Петроград с севера в случае выступления Финляндии на стороне Германии российский штаб направлял в княжество российские воинские пополнения, преимущественно ополченские дружины. Весной 1915 г. войска были введены во все прибрежные приходы. Летом того же года из частей X корпуса Государственного ополчения был сформирован 42-й армейский корпус, составивший основу российских войск в Финляндии¹¹. На территории княжества расположились также воинские части, находившиеся в распоряжении командующего Балтийским флотом, в частности, гарнизон Свеаборгской крепости, которая прикрывала с моря Гельсингфорс (Хельсинки), и гарнизоны ряда других крепостей¹².

К началу 1917 г. вместе с различными воздушными, автомобильными, велосипедными и радиоподразделениями численность 42-го корпуса достигала 40 тысяч человек¹³. Только в Гельсингфорсе и крепости Свеаборг численность сухопутных войск составляла до 20 698 человек, размещавшихся в военных казармах и зданиях финских народных школ¹⁴. Численность российских войск в Финляндии достигла своего максимума в конце августа — сентябре 1917 г., когда из-за угрозы германского десанта дополнительные силы были введены в Свеаборг и Гельсингфорс. Общее количество сухопутных войск, размещённых в Финляндии, составило около 100 тысяч человек; вместе с личным составом команд Балтийского флота численность солдат и матросов достигала 125 тысяч¹⁵.

¹⁰ *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 45—46.

¹¹ *Соломец И. М.* Финляндская политика царизма... С. 20; *Westerlund L.* Mannerheim toimi liitossa venäläisten upseerien kanssa // *Carelia*. 2003. № 2. S. 116—122; Национальный архив Финляндии, Хельсинки — Kansallisarkisto (далее — КА). Venäläiset sotilasasiakirjat (Русские военные бумаги, далее — VeSA). 7682; *Heikkinen S.* Den ryska soldatsken och österbottningarna // *Blod på drivan. Händelserna 1917—1918 ur ett österbottniskt perspektiv*. Vasa, 1999. S. 25.

¹² *Иоффе А. Е.* Морской гарнизон Гельсингфорса в Февральской революции // Падение империй и новая организация Европы после Первой мировой войны. СПб., 1993. С. 26; *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 12—16; *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 21; *Mawdsley E.* The Russian Revolution and the Baltic Fleet: War and Politics, February 1917 — April 1918. L.; Basingstoke, 1978; *Его же (Модсли И.).* Солдаты и матросы // Критический словарь Русской революции: 1914—1921. СПб., 2014. С. 558—564.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 8260. 92-я бригада государственного ополчения. Пояснительная справка к описям 1 и 2; *Rauanheimo U.* Venäläiset joukot Suomessa maailman sodan 1914—1918 aikana: Niiden yleisryhmitykset ja toiminta suunnitelmat // *Tiede ja ase*. 1950. No. 9. S. 157, 160. См. также: *Соломец И. М.* Финляндская политика царизма... С. 20.

¹⁴ *Eerola J.* «Siunattu olkoon turvamme tuoja...»: Upseereihin kohdistunut väkivalta Helsingin venäläisessä varuskunnassa helmikuun vallankumouksen 1917 aikana. Helsinki, 1995. Liite 7 (Helsingin yliopisto, pro gradu-tutkielma); *Звонарев Г.* Наши пехотные части в Гельсингфорсе: (Из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского). Гельсингфорс, 1917. С. 23.

¹⁵ *Клинге М.* Имперская Финляндия. С. 586; *Luntinen P.* The Imperial Russian Army. С. 274—275; *Nahri M.* Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana // *Historiallinen arkisto*. Helsinki, 1984. Vol. 83. Venäläiset Suomessa: 1809—1917. S. 161—180; *Turpeinen O.* Venäjänkielisten määrä Suomessa vuonna 1900 // *Ibid*.

Среди военнослужащих были представлены разные народы империи. Например, в 421-м пехотном Царскосельском полку, охранявшем побережье Ботнического залива в районе Пори — Раума, в конце 1917 г. из 3205 военнослужащих украинцев было 250 человек, поляков и эстонцев — по 65, латышей — 33, евреев — 28, татар — 23 человека; преобладающее большинство военнослужащих, а именно 2721 человек, или 84,9 %, были русскими¹⁶. Неудивительно, что усиление российского военного присутствия в Финляндии воспринималось финляндским общественным мнением как возобновление прежней политики русификации в великом княжестве¹⁷.

Тем временем в среде российских гарнизонов ввод дополнительных войск в Финляндию нередко интерпретировался как мера, вызванная нежеланием самих финляндцев защищать свою территорию. Несмотря на то, что Финляндия была тесно вовлечена в военные усилия России (многие финляндцы были привлечены к выполнению военных заказов, проводились мобилизации гражданского населения на строительство оборонительных сооружений¹⁸), чины гарнизонов полагали, что финляндцы не желают прилагать достаточные усилия для обеспечения обороны империи и даже не хотят «копать укрытия русским»¹⁹. Финнов упрекали в том, что, будучи освобождены от воинской повинности, они надеются уцелеть за чужой счёт. Подозрительность усиливалась и распространившаяся шпиономания, и опасения предательского удара со стороны «сепаратистов»²⁰. Масла в огонь подливало то, что в Германии из финнов-добровольцев формировался 27-й Королевский Прусский егерский батальон, в связи с чем российское командование Северного фронта даже запретило выезд за границу из Финляндии мужчин в возрасте от 19 до 35 лет, чтобы не допустить их вступления в батальон²¹.

S. 21—28; *Ketola E.* Suomen solitaskapina. S. 44; *Баумакофф Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии. 1917—1939 // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 1990. Т. VII. S. 100.

¹⁶ Подсчитано по: *КА. VeSA.* 342:1. 6107 (Военно-революционный отдел 106-й пехотной дивизии. Сведения о национальном составе частей).

¹⁷ *Suomen historian pikkujattiläinen / toim. S. Zetterberg.* Porvoo, 1987. S. 545—583.

¹⁸ *Правилова Е. А.* Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801—1917. М., 2006. С. 233—244; *Соломещ И. М.* Особые органы государственного управления Российской империи и Финляндия в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории Европейского Севера*. Петрозаводск, 2007. С. 161; *Лунтинен П.* Разлука без печали: Как на карте Европы появилось независимое финское государство // *Родина*. 1995. № 12. С. 28; *Новосёлова З. А.* Выборг на переломе истории // *Страницы Выборгской истории: краеведческие записки*. Выборг, 2000. С. 257—258; *Nahri M.* Venäläiset juokot Suomessa autonomian aikana. S. 170.

¹⁹ *Korkama E., Roudasmaa S.* Tapparasta Tankkeihin: Hämeenlinnan varuskunnan historia. Joensuu, 1988. S. 257.

²⁰ *Булдаков В. П.* Война империй и кризис имперства: к социокультурному переосмыслению // *Россия и Первая мировая война*. СПб., 1999. С. 406—418; *Клинге М.* Имперская Финляндия. С. 550—564; *Расила В.* История Финляндии. С. 138—141.

²¹ *Новикова И. Н.* «Финская карта»... С. 124—134; *Jääkarimuistelmia / toim. M. Lackman.* Helsinki, 1994; *Соломещ И. М.* Финляндская политика царизма... С. 34—35.

Вместе с тем отношение российских военнослужащих к финляндцам отнюдь не было однозначным. В автономном княжестве, сохранявшем некоторую независимость от имперских административных органов, было распространено влияние социалистических партий, активисты которых здесь меньше подвергались политическим преследованиям. Российские социалисты вели агитацию в войсках, выступая в том числе за расширение финляндской автономии и против попыток использовать войска для репрессий. Например, в воззвании местного комитета партии эсеров к российским военным, выпущенном в самом начале 1917 г., отмечалось: «Вам говорят, что финляндцы — злостные и вздорные бунтовщики и что ваша обязанность — штыком, пулей и шашкой усмирить их, если они пошевельнутся... Долг вашей совести перед Отечеством в том, чтобы защищать родину от чужого нашествия, не делать ничего во вред чужому народу и честно блюсти непорочным русское имя»²².

В целом, в годы Первой мировой войны отношение чинов российских гарнизонов к вопросу автономии Финляндии оставалось противоречивым. С одной стороны, многие чины гарнизонов и флотских команд, численно увеличившихся с началом войны, обвиняли финляндцев в «уклонении» от военной службы и даже подозревали их в «симпатиях» к врагу. Но с другой стороны, существовало и более сочувственное отношение (особенно в левых кругах) к финским национальным требованиям. В результате последовавшая в 1917 г. революция не привела к взрыву насилия между российскими военными и гражданским населением Финляндии. Однако, как будет показано ниже, взаимоотношения гарнизонов и финляндского населения продолжали оставаться сложными и противоречивыми на протяжении всего 1917 г.

Февраль 1917 г. в финляндских гарнизонах

Начало революции 1917 г. ознаменовалось резким всплеском насилия и кровопролитными стычками на базах Балтийского флота²³. Февраль 1917-го также вызвал рост надежд финляндцев на восстановление автономных прав Финляндии²⁴.

Первоначально командование флотом и армейскими частями при поддержке финляндского генерал-губернатора Ф. А. Зейна попыталось скрыть от военнослужащих

²² К солдатам войск, расположенных в Финляндии. Гельсингфорс, 1917. С. 1—4.

²³ *Бажанов Д. А.* Щит Петрограда: служебные будни российских дредноутов в 1914—1917 гг. СПб., 2007. С. 223; *Kalleinen K.* Helsingin upseerisurmat maaliskuussa 1917 // *Venäläissurmat Suomessa 1914—22 / toim. L. Westerlund.* Helsinki, 2004. Osa 1. Sotatapahtumat 1914—22. S. 149—183; *Longley D. A.* Officers and Men: A study of the development of political attitudes among the sailors of the Baltic Fleet in 1917 // *Soviet studies.* 1973. Vol. XXV. P. 28—50; *Saul N.* Sailors in Revolt: The Russian Baltic Fleet in 1917. Lawrence, 1978.

²⁴ *Старцев В. И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 году // *Россия и Финляндия в XX веке.* СПб., 1997. С. 6—32; *Черняев В. Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 308—323.

известия о революционных событиях в Петрограде. Солдаты оказались фактически заперты в казармах, им было запрещено общаться с посторонними лицами²⁵. Командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин запретил матросам выходить на любые манифестации, мотивируя это тем, что в Финляндии «население нерусское» и демонстрации военных могут «послужить соблазном для населения»²⁶. Показательно, что в первые мартовские дни 1917 г. именно матросы, а не финляндские граждане воспринимались офицерами как главная угроза порядку и спокойствию.

Когда стало очевидно, что революцию сдержать не удастся, Непенин не стал препятствовать аресту (по решению Временного комитета Государственной думы) непопулярного в Финляндии генерал-губернатора Зейна²⁷ и также поддержал командующих другими фронтами, настаивавших на отречении Николая II от престола. 3 марта он приказом по флоту объявил о своей поддержке Временного правительства²⁸, надеясь таким образом стабилизировать обстановку и не допустить волнений в войсках. Однако его планы опрокинуло восстание на линкоре «Андрей Первозванный» в ночь на 4 марта. Среди жертв последовавших массовых расправ над офицерами оказался и сам Непенин²⁹.

В начале марта 1917 г. население Финляндии выступало преимущественно сторонним наблюдателем восстаний гарнизонов и флотских команд, воспринимая происходившее как российскую солдатскую революцию. Как записала в своем дневнике 4 марта Текла Хултин, депутат финляндского парламента, описывая события в Гельсингфорсе: «Странно выглядели ночью корабли, на всех мачтах и на носу которых горели красные огни... С утра вместо огней были подняты красные флаги. По словам жителей домов, расположенных по дороге к морским казармам, у них до поздней ночи никто не мог заснуть из-за проезжавших мимо военных автомобилей, проходивших толп буйствующих военных и выстрелов»³⁰. Но финляндцы постепенно стали понимать, что крушение самодержавия имеет последствия, важные и для самой Финляндии. Так, уже 7 (20) марта 1917 г. Петроградское Временное правительство отменило прежние

²⁵ РГВИА. Ф. 3049. Оп. 1. Д. 17. Л. 156об.—157; *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 121.

²⁶ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции : сб. докл. М. ; Л., 1957. С. 29.

²⁷ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. С. 122.

²⁸ *Longley D.* Officers and Men. P. 35.

²⁹ *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914—1917. М., 2016. С. 52—134; *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917—1918 гг. М. ; СПб., 2017. С. 181—188; *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе 3—4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы восьмой ежегодной международной научной конференции (13—14 апреля 2006 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2007. С. 22—33. URL: http://www.aroundspb.ru/uploads/history/sbornik_north_europe/sbornik_north_europe_2007.pdf (06.12.2017).

³⁰ *Hultin T.* Päiväkirjani kertoo: 1914—1918. Helsinki, 1938. Osa 2. S. 177—178.

постановления, ограничивавшие автономию Финляндии³¹. А 16 марта прибывший в Гельсингфорс министр юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский заявил «о полной амнистии финским гражданам, которых царизм преследовал за политические преступления»³².

Тем временем на местах шло формирование выборных органов революционной власти, причём разделение сфер компетенции между военными и гражданскими, российскими и финляндскими органами далеко не всегда было достаточно чётким. В войсках, дислоцированных в Финляндии, как и по всей стране, уже в марте стали возникать выборные войсковые организации. За ними сразу утвердилось название «комитеты», хотя встречались и «советы». Показательно, что первоначально не существовало ясного разделения полномочий между финляндскими властями и российскими военными организациями³³. Поэтому армейские и флотские советы не только распоряжались в армии, но и занимались проблемами русского населения в Финляндии, и часто даже брали на себя поддержание порядка среди финляндцев.

Характерным примером был Совет депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта, созданный уже 4 марта (позже переименованный в Гельсингфорсский совет депутатов армии, флота и рабочих). Совет, являвшийся наиболее влиятельным среди русских советов в Финляндии, объединил свыше 500 депутатов от моряков и армейцев, но также и от рабочих гельсингфорских оборонных предприятий. Уже 7 марта по решению совета были выставлены караулы из состава морских команд для охраны казённых и общественных учреждений, заводов и банков. Охрана железной дороги и мостов от Гельсингфорса до Выборга также оказалась в руках русских военных, её осуществляла 32-я пешая Смоленская дружина³⁴.

Уже в первые недели революции Совет пытался взаимодействовать с представителями Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ) и рабочими организациями. Делегат от СДПФ Г. Ровио вошёл в состав исполкома Совета³⁵. В свою очередь, совет согласился участвовать в организации городской милиции, состоявшей в основном из финляндских рабочих и находившейся под управлением комитета по поддержанию порядка³⁶. В состав комитета наряду с представителями от Гельсингфорского сейма рабочих организаций и городского муниципалитета должны

³¹ Журналы заседаний Временного правительства. Март — октябрь 1917 года : в 4 т. Т. 1. Март — апрель 1917 года. М., 2001. С. 49.

³² Известия Гельсингфорского совета. 1917. 19 и 21 марта.

³³ *Ketola E. Suomen solitaskarina. S. 66.*

³⁴ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 42; Известия Гельсингфорского совета. 1917. 21 марта.

³⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

³⁶ РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 2. Л. 4об. Гельсингфорсский совет депутатов армии, флота и рабочих.

были войти по два депутата от российских революционных организаций и от исполкома Гельсингфорского совета³⁷.

В других городах Финляндии, где располагались гарнизоны и флотские команды, в марте также были созданы выборные комитеты, которые взаимодействовали с рабочими организациями или самостоятельно брали в свои руки охрану порядка. Например, 8 марта начал работать Совет депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции, делегировавший троих представителей в Гельсингфорский совет³⁸. В дни революции в Або (Турку) матросы совместно с финляндскими рабочими участвовали в освобождении из тюрьмы политических заключенных³⁹. В городе Николайстаде (Вааса) созданный не позже 5 марта гарнизонный исполнительный комитет выслал в город патруль и конные разъезды; финляндской полиции было предложено сдать оружие и патроны под охрану комитета⁴⁰. Комитет предостерегал нижние чины от нарушения «неприкосновенности личности своих сограждан-финляндцев и их собственности», нападений «с грубыми словами или действиями», запрещал требовать спиртное «под угрозой оружия», забирать без денег товары и продовольствие в лавках и магазинах⁴¹.

Наиболее заметной совместной акцией чинов гарнизонов и финляндского населения — преимущественно рабочих — стала грандиозная манифестация в Гельсингфорсе 17 марта, в День памяти борцов за свободу. По примеру Петроградского совета, объявившего 23 марта Днём похорон жертв революции, здесь были устроены торжественные похороны двух матросов, погибших в дни Февральской революции. Церемония была настолько многолюдной, что в день её проведения в городе было даже приостановлено движение трамваев. По сообщению газеты финских социал-демократов, исполком Гельсингфорского совета разработал маршрут шествия, по которому финляндцы и российские военные должны были двигаться совместными колоннами. Над процессией развевались финские и красные флаги, а у могилы был выставлен почётный караул из солдат⁴². Как сообщал адмирал А. С. Максимов, в церемонии погребения приняли участие до 120 тысяч человек. Он расценил это как проявление «полного единения всего местного населения и воинских частей»⁴³. Ещё

³⁷ Сюкияйнен И. И. Гельсингфорский Сейм рабочих организаций в 1917—1918 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1962. Вып. 5. С. 58.

³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

³⁹ Киуру М. Х. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г.: из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск, 1965. С. 9.

⁴⁰ Приказ № 18 по гарнизону г. Николайстада 9 марта 1917 г.: КА. VeSA. 465.

⁴¹ Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 22 марта.

⁴² Vallankumous uhrien juhlallisten hautajaisten johdosta // Työmies. 1917. 29., 31. maaliskuuta, 1. huhtikuuta.

⁴³ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 23, 24 марта.

одно совместное шествие по Гельсингфорсу состоялось в день пролетарского праздника 1 мая (18 апреля старого стиля)⁴⁴.

В весенние месяцы российские военные и финляндские рабочие совместно доминировали на улицах Гельсингфорса. Участвуя в митингах и демонстрациях, матросы и чины гарнизонов нередко выражали солидарность с требованиями финляндских рабочих. Например, 5 апреля на Сенатской площади состоялся 20-тысячный митинг в поддержку требования профсоюза финляндских рабочих-металлистов о немедленном введении в Финляндии восьмичасового рабочего дня. По свидетельству одного из руководителей большевиков В. Н. Залезского, среди участников митинга преобладали матросы и после речей ораторов началось «братание русских с финнами»⁴⁵. Как писала газета финляндских социал-демократов «Тюэмиес» («Tuömies», т. е. «Рабочий»), поддержка требований рабочих со стороны русских матросов и солдат имела важнейшее значение⁴⁶. Делегация от рабочих, избранная на митинге, добилась от предпринимателей уступок металлистам⁴⁷. Затем Центральная организация профессиональных союзов Финляндии (ЦОПФ), у руководства которой стояли социал-демократы, вынесла на утверждение сейма законопроект о восьмичасовом рабочем дне для всех категорий рабочих. Разрешение вопроса должно было проходить парламентским путём под контролем ЦОПФ и исполкома Гельсингфорского совета⁴⁸.

Как показывают приведённые выше примеры, российские военные в Финляндии после февраля 1917 г. уже не считали своей обязанностью обеспечивать подчинение финляндцев центральной власти. Представители воинских организаций заявляли об уважительном отношении к местным законам и требованиям⁴⁹. Более того, российские войсковые и флотские комитеты вмешивались в отношения финляндских работодателей и рабочих, поддерживая, в частности, требование восьмичасового рабочего дня. В свою очередь, СДПФ также находилась в контакте с войсковыми организациями и представителями левых партий. В результате не только гарнизоны оказывали революционизирующее воздействие на финляндскую политику, но и финляндские рабочие и социал-демократы также, в свою очередь, втягивали в революционные

⁴⁴ Дубровская Е. Ю. Русский Гельсингфорс весной — летом 1917 года (политическая топография города) // *Культуры городов Российской империи на рубеже XIX—XX веков*. СПб, 2009. С. 245—258.

⁴⁵ Залезский В. Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. // *Пролетарская революция*. 1923. № 5. С. 115—189.

⁴⁶ Soikkanen H. Kansalaissota dokumentteina: valkoista ja punaista sanankäyttöä v. 1917—1918. Helsinki, 1967. Osa 1. S. 19.

⁴⁷ Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917—1920. Helsinki, 1967. Osa 1. Helmikuu 1917 — toukokuu 1918. S. 47—48.

⁴⁸ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 7 апреля.

⁴⁹ См., например: Любимов В. Финны и закон // *Известия Совета депутатов Або-Оландской укрепленной позиции*. 1917. 2 мая.

действия российских военнослужащих, многие из которых прежде были далеки от политики. Эта динамика стала ещё более явной летом 1917 г. в связи с обострением конфликта между Временным правительством и финским сеймом относительно статуса Финляндии.

Российские гарнизоны в Финляндии, Петроградское Временное правительство и движение в пользу финской национальной независимости

В течение 1917 г., в условиях развала имперских государственных институтов и обострения военного и политического положения страны, финляндские политические элиты всё более активно стали выдвигать требования закрепления прав автономии посредством международных гарантий, а позже и вовсе полного отделения от России⁵⁰. Характерно, что войсковые комитеты и российские советы в Финляндии, первоначально поддерживавшие Петроградское Временное правительство, в итоге встали на сторону финского сейма в его конфликте с имперским центром.

Отношения между Петроградом и финляндской политической элитой обострились уже в конце весны 1917 г. 31 марта финляндский сенат учредил Конституционный комитет, который подготовил проект государственно-правового договора между Россией и Финляндией. Согласно проекту, финляндскому правительству передавались значительные права, принадлежавшие ранее российскому императору, включая созыв и роспуск сейма; Временному правительству предполагалось оставить только право назначения высших должностных лиц в Финляндии и вопросы обороны и внешней политики⁵¹. Временное правительство не пошло на уступки, пытаясь отстоять за собой право созыва и роспуска сейма. Обеспокоенность центральной власти положением в Финляндии отразилась в выступлениях А. Ф. Керенского, вновь прибывшего 9 мая в финляндскую столицу, теперь в качестве военного и морского министра. Выступая в Народном доме перед солдатами и матросами, Керенский подчеркнул: «Здесь, в Финляндии, нам надо быть особенно осторожными, потому что наше великодушие и нашу любовь не только немцы могут понять как слабость... ..Революция — это власть, и пусть не думает никто, что русский революционный народ слабее старого царизма и с ним можно не считаться. Нет, вы посчитайтесь!»⁵². Поясняя свою позицию по возвращении в Петроград, Керенский подчеркнул, что «до созыва Учредительного

⁵⁰ Лунтинен П. Разлука без печали. С. 27—31; Новикова И. Н. «Финская карта»... С. 157.

⁵¹ Новикова И. Н. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны // Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 1. С. 210.

⁵² Известия Гельсингфорского совета. 1917. 11 мая; Черняев В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии. С. 313.

собрания Финляндии не может быть дарована независимость»⁵³. В имперских столицах не только либералы из Временного правительства, но умеренные социалисты стремились отложить решение вопроса о статусе Финляндии до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

Тем временем финляндские социал-демократы, ставшие главной силой финского национального движения, всё более активно выступали за скорейшую независимость страны⁵⁴. Они опирались на сейм, в котором после выборов 1916 г. имели 103 из 200 депутатских мандатов⁵⁵. Члены СДПФ видели в независимости Финляндии необходимое условие для проведения социальных преобразований, сдерживаемых, с их точки зрения, центральными российскими властями⁵⁶. Уже в начале июня на внеочередном съезде партии они провели резолюцию о государственной самостоятельности Финляндии и о недопустимости пребывания здесь российских войск⁵⁷. Им также удалось отчасти заручиться поддержкой I Всероссийского съезда Советов в Петрограде, где присутствовала делегация СДПФ. Прошедший в июне съезд поддержал требование независимости Финляндии, передав, впрочем, вынесение окончательного решения о статусе бывшего княжества всероссийскому Учредительному собранию⁵⁸.

Опираясь на резолюцию Петроградского съезда советов, сейм принял в июне законопроект, по которому к финляндскому парламенту должны были отойти верховные права великого князя финляндского; за правительством России предполагалось сохранить право решать военные и внешнеполитические вопросы, а также право созывать и распускать сейм⁵⁹. Но уже 5 (18) июля 1917 г., получив известия о вооружённых столкновениях в Петрограде в ходе июльского восстания гарнизона, сейм посчитал Временное правительство вовсе низложенным и принял так называемый закон о верховной власти. В соответствии с ним к парламенту переходила вся власть, включая

⁵³ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 25 мая.

⁵⁴ *Суни Р.* Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 288.

⁵⁵ *Клинге М.* Имперская Финляндия. С. 565.

⁵⁶ *Новикова И. Н.* «Финская карта»... С. 151.

⁵⁷ На съезде присутствовала представитель ЦК большевиков А. М. Коллонтай, которая поддержала требование независимости Финляндии. См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 118; *Кетولا Э.* Русская революция и независимость Финляндии // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* С. 296; *Черняев В. Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии. С. 314.

⁵⁸ *Старцев В. И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 году. С. 13—14.

⁵⁹ *Юссила О.* Великое княжество Финляндское: 1809—1917. Хельсинки, 2009. С. 749; *Черняев В. Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии. С. 316; *Журналы заседаний Временного правительства.* Март — октябрь 1917 года. Т. 3. Июль — август 1917 года. М., 2004. С. 89; *Новикова И. Н.* Война и общество... С. 210.

прежние полномочия сената⁶⁰. Впрочем, Временное правительство, после того как ему удалось вновь взять ситуацию в Петрограде под свой контроль, отреагировало ответным демаршем: 18 (31) июля оно приняло манифест о роспуске финляндского парламента⁶¹. Одновременно Керенский, уже в качестве главы правительства, распорядился о проведении новых выборов в сейм. Он приказал финляндскому генерал-губернатору М. А. Стаховичу опираться в случае необходимости на российские воинские части и флот и направил в Гельсингфорс в виде пополнения казачьи части⁶². В результате летом 1917 г. российские гарнизоны и флотские команды в Финляндии оказались непосредственно втянутыми в разгоравшийся конфликт между Временным правительством и сеймом.

Последовавшие события конца лета — осени 1917 г. ярко отражают колебания, а затем отход российских гарнизонов в Финляндии от поддержки политики центра. Немалую роль в развитии событий играла утрата популярности Временным правительством; тем временем финляндские социал-демократы успешно позиционировали себя не только как борцы за независимость страны, но и как последовательные сторонники революции и дальнейших социальных преобразований. Столкнувшись в начале августа с необходимостью выбирать между поддержкой Петрограда и финляндских политических сил, российские гарнизоны ответили противоречивыми резолюциями. Так, Гельсингфорсский совет на своём заседании 6 августа высказался за необходимость следовать распоряжениям Временного правительства. Возражения со стороны финляндских социал-демократов и А. Вастена, представлявшего партию в исполкоме совета, не были приняты во внимание, и резолюция в поддержку Временного правительства была одобрена 59 голосами против 9 при 14 воздержавшихся⁶³. Однако некоторые войсковые и флотские комитеты выступили против Временного правительства. Уже 7 августа депутаты Гельсингфорсского совета от линейного корабля «Севастополь» извинились перед командой за подписание такой резолюции и выразили недовольство приказом Петрограда о роспуске сейма⁶⁴.

В этих условиях финляндские социал-демократы активизировали агитацию в войсках и флотских командах, пытаясь заручиться поддержкой российских выборных

⁶⁰ Новикова И. Н. Война и общество... С. 210; Юссила О. Великое княжество Финляндское. С. 750—751; Клиnge М. Имперская Финляндия. С. 568—570.

⁶¹ Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917—1920. Osa 1. S. 93.

⁶² Старцев В. И. Временное правительство и Финляндия в 1917 году. С. 18.

⁶³ РГА ВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 3. Л. 89.

⁶⁴ Дрезен А. Балтийский флот накануне Октября: (Из дневника И. И. Ренгартена) // Красный архив. 1929. № 4. С. 9.

революционных органов на территории Финляндии. Они пытались убедить чинов гарнизонов, что наступая на права сейма, Временное правительство проводит «реакционную» политику». Члены СДПФ распространяли среди чинов российских гарнизонов резолюцию I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, а также переведённый на русский язык текст закона о верховной власти в Финляндии и адрес финляндского сейма Временному правительству от 12 (25) июля. В адресе разъяснялось, что закон нацелен, в первую очередь, на обеспечение внутренней свободы и что принят он был в условиях кризиса власти в Петрограде⁶⁵. Наконец, 11 августа социал-демократическая фракция финляндского сейма обратилась с открытым письмом к российским социалистическим партиям. «Разве русская реакция, — говорилось в нём, — не одержала бы самой большой победы, если бы добилась того, чтобы часть из вас стала бы поддерживать политику угнетения в Финляндии?». Финляндские социал-демократы напрямую обращались к российским солдатам и матросам: «Мы не просим от вас никаких мер к защите нашего права... Мы просим от вас, русские товарищи, лишь чтобы вы заявили своё отрицательное отношение к угрожаемому применению насилия против нашего сейма... чтобы ваше молчание никто не мог клеймить одобрением насилия»⁶⁶.

Риторические утверждения, что действия Временного правительства в Финляндии контрреволюционны и что требование независимости страны является законным демократическим требованием масс, возымела эффект. 16 августа, на которое (вопреки официальному запрету Петрограда) было намечено очередное заседание сейма, большинство гарнизонов отказались применять силу против финляндского парламента. Накануне созыва сейма, 15 августа, 20-тысячный митинг на Сенатской площади, на котором присутствовало много солдат и матросов, выступил против распоряжения генерал-губернатора о выставлении войск к зданию сейма. Митинг осудил действия российского правительства как «контрреволюционный шаг» и потребовал не мешать созыву сейма⁶⁷. В тот же день общее собрание Гельсингфорского совета, по сути отменив своё прежнее решение, выступило в поддержку сейма. В резолюции совета говорилось: «Роспуск финляндского сейма не соответствует принципам демократии... вмешательство военных сил, имеющих представительство в местном совете депутатов, в

⁶⁵ Черняев В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии. С. 318; Дубровская Е. Ю., Колоницкий Б. И. Русская политическая книга в Финляндии в 1917 году // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 2000. Вып. 10 / ред. И. И. Фролова. С. 141; Россия и Финляндия. Гельсингфорс, 1917. С. 1—8.

⁶⁶ Социал-демократическая фракция финляндского сейма: Открытое письмо к русским социалистическим партиям. Гельсингфорс, 1917. С. 5—7.

⁶⁷ Старцев В. И. Временное правительство и Финляндия в 1917 году. С. 21.

разгон сейма, считать недопустимым... Все русские граждане, стоящие на платформе местного совета, не должны вмешиваться в финские дела в связи с открытием заседаний сейма»⁶⁸. Резолюция была принята значительным большинством — 150 голосов против 90 и при 22 воздержавшихся⁶⁹. На следующий день Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии также заявил, что роспуск сейма противоречит принципам демократии, и осудил вмешательство российских военных частей в разгон сейма⁷⁰.

Гельсингфорским советом была создана специальная исполнительная комиссия, которая должна была не допустить участия гарнизонов в разгоне сейма. Она отменила увольнение матросов и солдат из частей, расставила патрули по городу и запретила частям выходить из казарм без распоряжения комиссии⁷¹. Когда 2-й Свеаборгский артиллерийский полк получил приказ выслать наряд к зданию сейма, полковой комитет во главе с депутатом Гельсингфорского совета подполковником Н. И. Бальзамом отказался выполнить это распоряжение⁷². В результате ни одна из воинских частей, имевших представительство в совете, не участвовала в разгоне финляндского парламента. В оцеплении около здания сейма оказались выставлены только недавно прибывшие в город казачьи части⁷³. Это был последний случай, когда российская армия защищала имперские интересы на территории Финляндии. На следующий день Гельсингфорский совет на общем собрании 17 августа осудил действия генерал-губернатора Стаховича, который не подчинился распоряжениям исполнительной комиссии совета. Таким образом, совет окончательно принял сторону финляндцев в их противостоянии с центральной российской властью и генерал-губернатором⁷⁴.

Конфликт вокруг созыва сейма стал поворотным моментом в развитии революции в гарнизонах в Финляндии и ускорил дальнейшую радикализацию воинских частей и флотских команд, находившихся под растущим влиянием агитации со стороны финляндских социал-демократов. Когда в сентябре была предпринята новая попытка собрать сейм, российские гарнизоны уже всецело поддержали финляндцев. 9 сентября ЦК СДПФ обратился к представителям российских социалистических партий за поддержкой, известив о предстоящей попытке вновь собрать сейм⁷⁵. 13 сентября в поддержку сейма высказалось объединённое заседание Гельсингфорского совета,

⁶⁸ Революционное движение в России в августе 1917 г.: разгром корниловщины : сб. докл. М., 1959. С. 347.

⁶⁹ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 24 августа.

⁷⁰ Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 615.

⁷¹ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 24 августа.

⁷² Там же. 18 августа.

⁷³ Дубровская Е. Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март — октябрь 1917 г.). Петрозаводск, 1992. С. 116—125.

⁷⁴ Лунтинен П. Разлука без печали. С. 29.

⁷⁵ Маннер К., Туркия М. Финляндская социал-демократическая партия. Центральный комитет: Представителям русских социалистических партий. Гельсингфорс, 1917.

Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии с представителями судовых и ротных комитетов Балтийского флота. Присутствовавшие 336 голосами против 91 поддержали резолюцию, предложенную депутатом Гельсингфорского совета большевиком В. А. Антоновым-Овсеенко, которая признавала право наций на самоопределение, осуждала финляндскую политику Временного правительства и от лица русских революционных организаций выражала готовность совета «поддержать всеми средствами финляндскую демократию», если она решит возобновить работу сейма⁷⁶. В середине сентября общее собрание Гельсингфорского совета также подтвердило, что «не только войска, представленные в местном совете, но никакие вообще революционные войска не должны принимать участия в разгоне или недопущении заседаний сейма»⁷⁷.

Кульминация наступила 15 сентября, когда депутаты сейма опять попытались открыть заседание парламента. В этот день все войсковые части, включая казачьи, отказались исполнить приказ Временного правительства и распоряжение генерал-губернатора, требовавшего не допустить открытия парламента. Сейм возобновил свою работу при поддержке 20-тысячного митинга на Сенатской площади, обвинившего Временное правительство в попытке совершить «незаконный и явно контрреволюционный акт»⁷⁸, запрещая работу сейма.

Поддержка гарнизонов облегчила дальнейшие шаги финляндцев на пути к независимости. Участие солдат и матросов в развитии национальной революции было настолько заметным, что некоторые издания в Финляндии даже выражали недовольство тем, что добывать независимость финляндцам приходилось под воинские марши российских гарнизонов. Так, издававшаяся в Або газета партии младофиннов «Турун саномат» («*Turun sanomat*», «Туркуские известия») в статье «Народ, идущий на выборы с солдатами во главе» описала демонстрацию финляндских социалистов в Гельсингфорсе перед предстоящими выборами в сейм. По словам автора публикации, во главе процессии 19 сентября шёл «оркестр русских моряков». Автор был возмущён тем, что толпа марширует по улицам столицы «следом за войсками покорителей и угнетателей страны», и что финляндцы идут «на сеймовые выборы рука об руку с теми, от которых мы хотели бы отделиться»⁷⁹.

⁷⁶ *Соболев Г. Л.* Октябрьская революция и независимость Финляндии // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков: Россия и Финляндия 1700—1917. Л., 1980. С. 27; Известия Гельсингфорского совета. 1917. 24 сентября.

⁷⁷ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 23 сентября.

⁷⁸ Прибой. 1917. 18 сентября. Впрочем, заседание сейма не имело законодательных полномочий, так как его бойкотировали депутаты от несоциалистических партий. См.: *Кеттла Э.* Русская революция и независимость Финляндии. С. 297.

⁷⁹ Обзор финляндской периодической печати, 20 сентября: KA. VeSA. 342:6. 3943. Fol. 11.

Тем временем в сентябре 1917 г. российские войска в Финляндии уже не представляли имперскую власть, фактически перестав подчиняться распоряжениям Петрограда. 19 сентября ЦКБФ вынес постановление о том, что Балтийский флот больше не признаёт распоряжений Временного правительства⁸⁰. На следующий день на совместном заседании ЦКБФ и Гельсингфорского совета было принято решение о переходе власти в Финляндии в руки Областного комитета армии, флота и рабочих, без согласия которого не должно было исполняться ни одно распоряжение Временного правительства. Руководящие военные организации взяли под свой контроль российские правительственные учреждения в Финляндии⁸¹. Гарнизонные собрания и комитеты один за другим выносили постановления с требованием передать всю власть советам — такие постановления были приняты гарнизонами Улеборга (Оулу), Гамлакарлебу (Коккола), Бьёрнеборга (Пори) и Свеаборгской крепости⁸². Провозглашение власти советов в российских гарнизонах в Финляндии фактически предшествовало установлению власти большевиков в Петрограде 25 октября 1917 г., пришедших к власти под знаменем советов.

Несмотря на то, что большевики в гарнизонах в Финляндии имели влиятельные позиции, они отнюдь определяли политику гарнизонных комитетов и морских команд. В целом ряде резолюций подчеркивалось, что власть советов, устанавливаемая в стране, должна быть многопартийной. «Власть должна принадлежать Советам, но отнюдь не какой-либо одной партии», — говорилось в постановлении общего собрания офицеров и солдат Свеаборгской артиллерии, призвавшем к созданию однородного социалистического правительства⁸³. Но после утверждения в Петрограде правительства большевиков и левых эсеров власть в Гельсингфорсе также утратила прежний демократический и многопартийный характер: она перешла от Гельсингфорского совета, ЦКБФ и Областного комитета Финляндии к президиумам этих организаций, а затем — к «революционной тройке» в составе их представителей. Советы, объединявшие сторонников разных социалистических партий и в подавляющем большинстве состоявшие из беспартийных депутатов, не могли являться опорой для новой власти, которая всё более ориентировалась на чрезвычайные органы, неподконтрольные советам.

Финляндские социал-демократы не признали петроградское большевистское правительство, и 6 декабря 1917 г. парламент Финляндии провозгласил независимость

⁸⁰ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 24 сентября.

⁸¹ Там же. 7 октября.

⁸² Социалист-революционер. 1917. 31 октября, 3 ноября; Известия Гельсингфорского совета. 1917. 2 ноября.

⁸³ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 9 ноября.

страны. Финская национальная революция обрела собственную динамику, развивавшуюся под влиянием новых факторов.

Российские войска оставались в Финляндии до середины марта 1918 г., когда по условиям Брестского мира с Германией Советская Россия должна была вывести из страны армейские части и Балтийский флот. На последнем этапе своего пребывания в Финляндии гарнизоны оказались свидетелями разгоравшейся в стране гражданской войны, жертвами которой стали десятки тысяч человек. Облик финляндских красногвардейцев, сохранённый фотографиями периода гражданской войны, отражает влияние политической культуры революционных российских гарнизонов: полувоенное облачение, папиросы в зубах и пулемётные ленты через плечо⁸⁴.

Большинство служивших в российских гарнизонах не принимали участия в этой фазе гражданского противостояния в Финляндии. Однако роль российских военных в предшествовавшей финской национальной революции в 1917 г. была значительно более существенна, чем принято считать в современной историографии. Дислоцированные в Финляндии флотские и армейские части участвовали в политических акциях финляндцев. Они поддерживали выдвинутые финляндскими рабочими требования, в частности, о введении восьмичасового рабочего дня, а позже обеспечили возобновление работы финляндского сейма. Возможность заручиться поддержкой со стороны гарнизонов вела к радикализации как социальных, так и национальных требований финляндских социал-демократов и политических элит в целом.

В течение 1917 г. финляндские политические круги перешли от попыток сохранить лояльность новому российскому правительству (в надежде на разрешение вопроса о судьбе Финляндии законодательным путём) ко всё более отчётливому курсу на конфронтацию с российской властью и полное отделение Финляндии от России. Примечательно, что СДПФ, левая партия парламентского толка, часто находила точки соприкосновения не с лидерами местных организаций российских партий, ориентированных на парламентскую деятельность, а с гельсингфорскими большевиками и левыми эсерами, имевшими растущее влияние в российских советах и комитетах в Финляндии и готовыми идти наиболее далеко в признании финляндской независимости. Своей поддержкой более радикальных политических сил внутри

⁸⁴ Itsenäistymisen vuodet. Osa 2. S. 65; Tampere 1918: A Town in the Civil War / ed. T. Hoppu [et al.]. Tampere, 2010. P. 63, 66, 73, 87—88.

гарнизонов умеренные финляндские политики также содействовали усилению российской солдатской революции. Нараставшее противостояние власти Временного правительства гарнизонных и флотских комитетов и советов в Финляндии, в свою очередь, обусловило ослабление влияния центральной власти в регионе и во многом проложило путь к финляндской независимости. В итоге солдатская революция и национальная революция в Финляндии, несмотря на разную динамику и различные цели, усилили друг друга.

Список литературы

Бажанов, Д. А. Щит Петрограда: служебные будни российских дредноутов в 1914—1917 гг. / Д. А. Бажанов. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 223 с.

Башмакофф, Н. Из истории и быта русских в Финляндии. 1917—1939 / Н. Башмакофф, М. Лейнонен // *Studia Slavica Finlandensia*. — Helsinki : Neuvostoliittoinstituutti, 1990. — Т. VII / ed. V. Melanko, A. Mustajoki and E. Peuranen. — S. 1—100.

Бобович, И. М. Финляндия: создание основ экономической независимости / И. М. Бобович, Т. М. Китанина // *Россия и Финляндия в XX веке* / ред. С. Б. Коренева, А. В. Прохоренко. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 1997. — С. 232—238.

Булдаков, В. П. Война империй и кризис имперства : к социокультурному переосмыслению / В. П. Булдаков // *Россия и Первая мировая война*. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. — С. 406—418.

Булдаков, В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН, 1997. — 373 с.

Бурджалов, Э. Н. Вторая русская революция : Восстание в Петрограде / Э. Н. Бурджалов. — Москва : Наука, 1967. — 407 с.

Вихавайнен, Т. Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание / Т. Вихавайнен. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2009. — 27 с.

Дрезен, А. Балтийский флот накануне Октября : (Из дневника И. И. Ренгартена) / А. Дрезен // *Красный архив*. — 1929. — № 4. — С. 5—36.

Дубровская, Е. Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март — октябрь 1917 г.) / Е. Ю. Дубровская. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1992. — 173 с.

Дубровская, Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914—1918) / Е. Ю. Дубровская. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2008. — 128 с.

Дубровская, Е. Ю. Русский Гельсингфорс весной — летом 1917 года (политическая топография города) / Е. Ю. Дубровская // *Культуры городов Российской империи на рубеже XIX—XX веков* / ред. Б. И. Колоницкий, М. Стейнберг. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2009. — С. 245—258.

Дубровская, Е. Ю. Русская политическая книга в Финляндии в 1917 году / Е. Ю. Дубровская, Б. И. Колоницкий // *Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века.* — Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2000. — Вып. 10 / ред. И. И. Фролова. — С. 129—145.

Залежский, В. Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. / В. Н. Залежский // *Пролетарская революция.* — 1923. — № 5. — С. 126—127.

Иоффе, А. Е. Морской гарнизон Гельсингфорса в Февральской революции / А. Е. Иоффе // *Падение империй и новая организация Европы после Первой мировой войны.* — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский научный центр РАН, 1993. — С. 26—27.

Кетола, Э., Черняев, В. Ю. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости / Э. Кетола ; В. Ю. Черняев // *Отечественная история.* — 1993. — № 6. — С. 27—45.

Кетола, Э. Русская революция и независимость Финляндии / Э. Кетола // *Анатомия революции : 1917 год в России: массы, партии, власть* / ред. В. Ю. Черняев. — Санкт-Петербург : Глагол, 1994. — С. 292—307.

Киуру, М. Х. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г.: из истории русских большевистских организаций в Финляндии / М. Х. Киуру. — Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1965. — 223 с.

Клинге, М. Имперская Финляндия / М. Клинге. — Санкт-Петербург : Издательский Дом «Коло», 2005. — 616 с.

Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Б. И. Колоницкий. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. — 347 с.

Колоницкий, Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году / Б. И. Колоницкий. — Санкт-Петербург : Острова, 2001. — 82 с.

Лунтинен, П. Разлука без печали : Как на карте Европы появилось независимое финское государство / П. Лунтинен // *Родина.* — 1995. — № 12. — С. 27—31.

Мейнандер, Х. История Финляндии: линии, структуры, переломные моменты / Х. Мейнандер. — Москва : Весь мир, 2008. — 248 с.

Модсли, И. Солдаты и матросы / И. Модсли // *Критический словарь Русской революции : 1914—1921* / ред. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 558—564.

Назаренко, К. Б. Балтийский флот в революции : 1917—1918 гг. / К. Б. Назаренко. — Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Яуза, 2017. — 447 с.

Новикова, И. Н. Великое княжество Финляндское в годы Первой мировой войны: от автономии к независимости / И. Н. Новикова // Война и общество в XX веке : в 3 кн. — Москва : Наука, 2008. — Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / ред. С. В. Листиков. — С. 186—231.

Новикова, И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе : Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны / И. Н. Новикова. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. — 298 с.

Новосёлова, З. А. Выборг на переломе истории / З. А. Новосёлова // Страницы Выборгской истории : Краеведческие записки / ред. С. А. Абдуллина. — Выборг : Европейский дом, 2000. — С. 254—262.

Ошеров, Е. Б. Финляндская политика царизма на рубеже XIX—XX вв. / Е. Б. Ошеров, Л. В. Суни. — Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1986. — 71 с.

Петраш, В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября / В. В. Петраш. — Москва ; Ленинград : Наука, 1966. — 265 с.

Правилова, Е. А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801—1917 / Е. А. Правилова. — Москва : Новое издательство, 2006. — 453 с.

Расила, В. История Финляндии / В. Расила. — Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1996. — 294 с.

Соболев, Г. Л. Октябрьская революция и независимость Финляндии / Г. Л. Соболев // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков : Россия и Финляндия 1700—1917 / ред. Ю. С. Кукушкин, И. П. Шаскольский. — Ленинград : Наука, 1980. — С. 20—35.

Смолин, А. В. Восстание в Гельсингфорсе 3—4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина / А. В. Смолин // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы восьмой ежегодной международной научной конференции (13—14 апреля 2006 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. — Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2007. — С. 22—33. — URL: http://www.aroundspb.ru/uploads/history/sbornik_north_europe/sbornik_north_europe_2007.pdf. — (06.12.2017).

Соломещ, И. М. Особые органы государственного управления Российской империи и Финляндия в годы Первой мировой войны / И. М. Соломещ // Вопросы истории Европейского Севера / ред. А. М. Пашков. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2007. — С. 161—166.

Соломещ, И. М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917) / И. М. Соломещ. — Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1992. — 90 с.

Старцев, В. И. Временное правительство и Финляндия в 1917 году / В. И. Старцев // Россия и Финляндия в XX веке / ред. С. Б. Коренева, А. В. Прохоренко. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 1997. — С. 6—32.

Суни, Л. В. Великое княжество Финляндское. Первые шаги автономии / Л. В. Суни. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2009. — 67 с.

Суни, Р. Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. / Р. Суни // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / ред. В. Ю. Черняев. — Санкт-Петербург : Глагол, 1994. — С. 278—291.

Сюкияйнен, И. И. Гельсингфорский Сейм рабочих организаций в 1917—1918 гг. / И. И. Сюкияйнен // Скандинавский сборник. — Таллин : Эстонское государственное издательство, 1962. — Вып. 5. — С. 115—133.

Хесин, С. С. Октябрьская революция и флот / С. С. Хесин. — Москва : Наука, 1971. — 487 с.

Черняев, В. Ю. Петроград и обретение Финляндией государственной независимости / В. Ю. Черняев // Санкт-Петербург — Хельсинки. Хельсинки — Санкт-Петербург. 1809—2004 / ред. А. В. Прохоренко. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2005. — С. 89—95.

Черняев, В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии / В. Ю. Черняев // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / ред. В. Ю. Черняев. — Санкт-Петербург : Глагол, 1994. — С. 308—323.

Чистиков, А. Н. Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией / А. Н. Чистиков // Интервенция на Северо-Западе России : 1917—1920. — Санкт-Петербург : Наука, 1995. — С. 159—174.

Юссила, О. Великое княжество Финляндское : 1809—1917 / О. Юссила. — Хельсинки : Ruslania, 2009. — 844 с.

Dubrovskaja, E. Russia and Finland During the World War I in Russian Historiography / E. Dubrovskaja, I. Solomeshch // Norden och Krigen i Finland och Baltikum, 1918—19 / red. L. Westerlund. — Helsingfors : Statsrådets kansli, 2004. — S. 185—193. — (Statsrådets kanslis publikationsserie. — Vol. 7).

Eerola, J. «Siunattu olkoon turvamme tuoja...»: Upseereihin kohdistunut väkivalta Helsingin venäläisessä varuskunnassa helmikuun vallankumouksen 1917 aikana : Pro gradu-tutkielma / J. Eerola. — Helsinki : Helsingin yliopisto, 1995. — 178 s.

Heikkinen, S. Den ryska soldatsken och österbottningarna / S. Heikkinen // Blod på drivan : Händelserna 1917—1918 ur ett österbottniskt perspektiv. — Vasa : Österbottens museum, 1999. — S. 25—36.

Hoppu, T. Joki ja sen väki II. Kokemäen historia 1870—2010 / T. Hoppu. — Tallinn : Tallinna Ramattutrukikoda, 2011. — S. 135—148. — URL: <http://digi.kirjastot.fi/items/show/124944>. — (05.12.2017).

Kalleinen, K. Helsingin upseerisurmat maaliskuussa 1917 / K. Kalleinen // Venäläissurmat Suomessa 1914—22 / toim. L. Westerlund. — Helsinki : Valtioneuvoston kanslia, 2004. — Osa 1. Sotatapahtumat 1914—22. — S. 149—183.

Karemaa, O. Moraalisesta närkästyksestä kansalliseksi ohjelmaksi / O. Karemaa // Venäjän kahdet kasvot : Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä / toim. T. Vihavainen. — Helsinki : Edita, 2004. — S. 226—254.

Karemaa, O. Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä : venäläisviha 1917—1923 / O. Karemaa. — Helsinki : SHS, 1998. — 221 s.

Ketola, E. Kansalliseen kansanvaltaan : Suomen itsenäisyys, ssaali-demokraatit ja Venäjän vallankumous 1917 / E. Ketola. — Helsinki : Tammi, 1987. — 520 s.

Korkama, E. Tapparasta Tankkeihin : Hämeenlinnan varuskunnan historia / E. Korkama, S. Roudasmaa. — Joensuu : Kanta-Hämeen sotaveteraanipiiri, 1988. — 755 s.

Longley, D. A. Officers and Men : A study of the development of political attitudes among the sailors of the Baltic Fleet in 1917 / D. A. Longley // Soviet studies. — 1973. — Vol. XXV. — P. 28—50.

Luntinen, P. Sotilasmiljoonat / P. Luntinen. — Helsinki : SHS, 1984. — 186 s.

Luntinen, P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808—1918 / P. Luntinen. — Helsinki : SKS, 1997. — 486 s.

Manninen, O. Kapina, kansalaissota, vapaussota / O. Manninen // Itsenäistymisen vuodet : 1917—1920. — Helsinki : Valtionarkisto, 1993. — Osa 2. — S. 8—21.

Mawdsley, E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet: War and Politics, February 1917 — April 1918 / E. Mawdsley. — London ; Basingstoke: The Macmillan Press LTD, 1978. — 213 p. — (Studies in Russian and East European History).

Polvinen, T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917—1920 / T. Polvinen. — Helsinki : WSOY, 1967. — Osa 1. Helmikuu 1917 — toukokuu 1918. — 323 s.

Rauanheimo, U. Venäläiset joukot Suomessa maailman sodan 1914—1918 aikana : Niiden yleisryhmytykset ja toiminta suunnitelmat / U. Rauanheimo // Tiede ja ase. — 1950. — No. 9. — S. 157—160.

Nahri, M. Venäläiset juokot Suomessa autonomian aikana / M. Nahri // Historiallinen arkisto. — Helsinki : SHS, 1984. — Vol. 83. Venäläiset Suomessa : 1809—1917. — S. 161—180.

Saul, N. E. Sailors in Revolt : The Russian Baltic Fleet in 1917 / N. E. Saul. — Lawrence: Regents Press of Kansas, 1978. — 312 p.

Suomen historian pikkujättiläinen / toim. S. Zetterberg. — Porvoo : WSOY, 1987. — 963 s.

Tampere 1918 : A Town in the Civil War / ed. T. Hoppu [et al.] — Tampere : Vapriikki, 2010. — 203 p. — (Tampereen museoiden julkaisuja. — Vol. 113).

Tanskanen, A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918 / A. Tanskanen. — Tampere : Tampereen yliopisto, 1978. — 222 s.

Turpeinen, O. Venäjänkielisten määrä Suomessa vuonna 1900 / O. Turpeinen // Historiallinen arkisto. — Helsinki : SHS, 1984. — Vol. 83. Venäläiset Suomessa : 1809—1917. — S. 21—28.

Venäläissurmat Suomessa 1914—22 / toim. L. Westerlund. — Helsinki : Valtioneuvoston kanslia, 2004. — Osa 1. Sotatapahtumat 1914—22. — 283 s. — (Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja. Vol. I); Osa 2.1. Sotatapahtumat 1918—22. — 283 s. — (Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja. Vol. II); Osa 2.2. Sotatapahtumat 1918—22. — 301 s. — (Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja. Vol. III).

Westerlund, L. Mannerheim toimi liitossa venäläisten upseerien kanssa / L. Westerlund // Carelia. — 2003. — № 2. — S. 116—122.

НОВИКОВА Ирина Николаевна / NOVIKOVA Irina

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
i.novikova@spbu.ru

**«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ
(ФЕВРАЛЬ — ОКТЯБРЬ 1917 г.)***

**THE “FINNISH QUESTION” IN GERMAN EASTERN POLICY FROM FEBRUARY
TO OCTOBER 1917**

Abstract: The article deals with the international context of Finland gaining independence. The author attempts to show Finland's role in the eastern policy of Germany in the period between the February and October revolutions in Russia. It was at this time that Finland was finally included in the sphere of Germany's interests. Compared with other great powers, Germany played most significant role in the process of Finland's exit from the Russian state. However, Finland's independence was limited to the conditions dictated by Berlin. Subsequently, Finland managed to establish its independence and prove its viability, which contributed to the defeat of Germany in the First World War.

Ключевые слова / Keywords: Германия, Россия, Финляндия, финляндская политика Германии, Февральская революция, Октябрьская революция / Germany, Russia, Finland, Finnish policy of Germany, February revolution, October Revolution.

6 декабря 2017 г. исполняется 100 лет независимости Финляндии. Юбилейная дата — прекрасный повод заглянуть в прошлое, вспомнив некоторые аспекты рождения нового государства. Выход малой страны, не имевшей ни дипломатического опыта, ни собственной армии, из состава великой империи многие современники воспринимали как мистический акт, пытаясь найти разгадку этого «чуда» в воздействии внешних сил. Ещё в 1920-е гг. в финском обществе сформировалось представление о достижении Финляндией независимости благодаря поддержке Германии. В финской историографии наибольшее распространение получила концепция «благородной немецкой помощи в освобождении от русского гнёта»¹. Подобная точка зрения также господствовала в немецкой историографии². В настоящее время историография германо-финских отношений периода Первой мировой войны является довольно обширной³. В данной

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-01-50115 а(ф).

¹ Suomen Vapaussota vuonna 1918. Helsinki, 1921. Osa I; *Gummerus H.* Jääkärit ja aktivistit. Porvoo, 1928; *Pakaslahti A.* Suomen politiikkaa maailmansodassa. Porvoo, 1933—1934. Osat I—II.

² *Beyer F.* Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtmässige Intervention. Braunschweig, 1928; *Hubatsch W.* Unruhe des Nordens. Göttingen, 1956; *Aspelmeier D.* Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege. Hamburg, 1967; *Ronsdorf C.* Maximilian Bayer: Ein Wegbereiter zu Finnlands Unabhängigkeit. Helsinki, 1973.

³ *Кяйвярйнен И. И.* Истоки германо-финского антисоветского блока // Учёные записки Карело-Финского государственного университета. Петрозаводск, 1948. Т. 3. Вып. 1. С. 41; *Его же.* Финляндия накануне революции 1918 года // Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1949. Вып. 1. С. 55—78; *Его же.* О деятельности финских активистов в 1914—1916 гг. // Учёные записки Карело-Финского государственного университета. Петрозаводск, 1955. Т. 5. Вып. 1. С. 57—66; *Холодковский В. М.* Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М., 1967; *Baumgart W.*

статье планируется рассмотреть «финляндский вопрос» в восточной политике Германии в период, последовавший после Февральской революции и предшествовавший провозглашению Финляндией независимости. Это было время, когда Финляндия окончательно вошла в сферу влияния кайзеровской Германии.

Прежде всего, следует отметить, что в начале XX в. даже образованные слои немецкого общества имели весьма смутное представление о Финляндии как о территории, которая находится так же далеко, как Болгария или Португалия, хотя географически Гельсингфорс был расположен значительно ближе к Данцигу или Любеку, чем Гамбург или Кёльн к Софии⁴.

Немецкое общество «открыло» Финляндию в период обострения российско-финляндского конфликта в конце XIX — начале XX в. «Февральский манифест» 1899 г. Николая II вызвал к жизни появление в Западной Европе огромного количества обращений в защиту автономных прав Финляндии. Причём именно в Германии было собрано наибольшее количество подписей выдающихся учёных в защиту финляндской автономии⁵. Обращения западной общественности к российским властям были выдержаны в предельно корректной и вежливой форме. Авторы, по их признанию, «не хотели вмешиваться во внутренние дела России». Они выступали «против разрушения или причинения ущерба политической самостоятельности Финляндии», сожалея о том, что в ходе финляндской политики П. А. Столыпина могла пострадать самобытная финская культура⁶.

Что касается политического руководства Германии, то оно не проявляло особого энтузиазма относительно вмешательства в российско-финляндские противоречия. В период быстро сменявшихся друг за другом международных кризисов 1900—1914 гг. ожесточённая борьба велась вокруг таких регионов, в которых ещё не утвердилось влияние великих держав. Болезненными точками соприкосновения между Германией и Россией являлись Балканы и Турция, но не европейский северо-восток. В Балтийском регионе с начала XX в. преобладала тенденция к сохранению статус-кво⁷. Накануне Первой мировой войны в германском Генштабе отсутствовали военные планы захвата

Deutsche Ostpolitik 1918. Wien ; München, 1966; *Менгер М.* Финляндия в военной политике германского империализма в начале Первой мировой войны // Скандинавский сборник. Таллин, 1972. Вып. 17. С. 110—127; *Idem (Menger M.)* Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. 1917—1918. Berlin, 1974; *Nurmio Y.* Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo, 1957; *Apunen O.* Suomi keisarillisen Saksan politiikassa. 1914—1915. Helsinki, 1968.

⁴ *Hagen M.* Die «Entdeckung» Finnlands in der deutschen Öffentlichkeit seit 1899 // *Finnland-Studien.* Wiesbaden, 1990. S. 152.

⁵ Материалы по финляндскому вопросу. Берлин, 1901. С. 84.

⁶ Заявление европейских и финляндских учёных о финляндском вопросе. СПб., 1910. С. 5—7.

⁷ *Hovi O.* The Baltic Area in British policy, 1918—1920. Helsinki, 1980. Vol. 1. P. 28.

Великого княжества Финляндского или высадки туда военно-морского десанта⁸. В данном смысле Финляндия являлась для Германии периферийным регионом. В предвоенный период интересы Германии в Финляндии ограничивались в основном экономической активностью — завоеванием дополнительного рынка сбыта продукции и источника ресурсов. То, что Финляндия сумеет достичь государственной независимости, накануне мировой войны даже трудно было предположить. Кайзер Вильгельм II вообще считал малые страны «смехотворным явлением», функция которых заключалась в том, чтобы в случае международного конфликта встать «под зонтик» той или иной великой державы.

Первая мировая война заставила изменить отношение военно-политической элиты Германии к «финляндскому вопросу». Спустя несколько дней после её начала, 6 августа 1914 г., глава германской дипломатической миссии в Стокгольме Франц фон Райхенау получил поручение от рейхсканцлера Теобальда фон Бетман-Гольвега вступить в контакт с влиятельными политическими деятелями Финляндии с целью создания благоприятного для Германии настроения, пообещав финнам, в случае успешного исхода войны, «создание автономной буферной республики Финляндии»⁹.

Этот внезапно вспыхнувший интерес немецкого руководства к национальным проблемам финляндцев был обусловлен комплексом великодержавных противоречий, в фокусе которых стояла Российская империя. Финляндия представляла собой удобный инструмент для давления на главного восточного противника Германии. Во-первых, в силу своего географического и стратегического положения Великое княжество Финляндское выполняло функцию прикрытия российской столицы. Здесь размещалась база Балтийского флота. Любые проявления недовольства со стороны местного населения ощутимо отражались бы на Петербурге, способствуя отвлечению вооружённых сил с Восточного фронта. Во-вторых, сепаратизм финляндцев, по сравнению с другими национальными меньшинствами империи, за исключением поляков, имел более прочные формы и глубокие основания. Великое княжество Финляндское обладало сильными традициями внутренней самостоятельности, было географически единым и в национальном отношении более целостным, чем, к примеру, Прибалтийские провинции. В начале XX в. Финляндия также приобрела первый опыт борьбы с унификационной политикой имперского правительства. Наконец, в-третьих, в Германии, Швеции и других европейских странах проживало

⁸ *Apunen O.* Suomi keisarillisen Saksan politiikassa. S. 61.

⁹ Reichskanzler an Reichenau vom 6. August 1914: Политический архив МИД Германии, Берлин — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее — ПА АА). Der Weltkrieg 11c. Geh. Unternehmungen und Ufwiegelungen gegen unsere Feinde in Russland, besonders in Finnland und den russischen Ostseeprovinzen. Bd. 1. Erlass No 48.

значительное количество финляндских эмигрантов, вынужденных в «периоды угнетения» покинуть родину. Причём среди них имелась внушительная прослойка сторонников выхода Финляндии из состава Российской империи, так называемых «активистов». Враждебность финляндской эмиграции по отношению к российскому царизму, мечты об образовании независимого государства создавали предпосылки для сотрудничества между германскими властями и финляндскими эмигрантами.

Поэтому в Берлине в начале Первой мировой войны было принято решение о превращении Финляндии в один из полигонов для «политики революционирования» России. Разрабатываемая в германском МИД «политика революционирования»¹⁰ являлась своеобразной стратегией распространения глобального хаоса в странах Антанты. Она имела три уровня. Первый — социальный, который проявился в разжигании социальной напряжённости во враждебных странах, противопоставлении «низов» «верхам», для чего было необходимо сотрудничество с крайними революционерами. Второй уровень — национальный, предполагавший стимулирование межнациональных конфликтов, поддержку сепаратистских движений в странах Антанты. Наконец, третий уровень — религиозный, который выразился в идее подъёма мусульманского мира под священным знаменем джихада в английских и французских колониях и мусульманских регионах России.

Сотрудничество Германии и финляндских националистов нашло своё воплощение в практике егерского движения. Однако к концу 1916 г. германское руководство разочаровалось в их деятельности. В январе 1917 г. в Берлине даже обсуждалось предложение о том, чтобы расселить бывших финляндских егерей на территории Восточной Пруссии или Померании, создав условия для их перехода к гражданской жизни¹¹. Но Февральская революция в России осветила новые перспективы финского национального движения и сняла с повестки дня вопрос о расселении финляндских егерей на немецкой земле.

Февральская революция в России стала для руководства Германии большой неожиданностью. В первые дни революции в Берлине не было ясной картины положения дел в России. Так, руководитель отдела России в германском внешнеполитическом ведомстве, бывший посол Германии в Петербурге граф Ф. Пурталес, был уверен в том, что в России произошёл государственный переворот, организованный Англией. Падение монархии объяснялось результатом интриг

¹⁰ См. подробнее: *Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1994; Idem. Deutsche Kriegsziele: Revolutionierung und Separatfrieden im Osten 1914 bis 1918 // Historische Zeitschrift. 1959. Bd. 188. S. 249—311.*

¹¹ Schwerin an AA vom 12. Januar 1917: PA AA. Der Weltkrieg 11 c. Bd. 18. Fol. 28—31.

английского посла в Петрограде Дж. Бьюкенена, который таким образом сорвал якобы намечавшиеся германо-русские сепаратные переговоры о мире¹².

В целом, известие о русской революции было встречено в Берлине с нескрываемым воодушевлением, поскольку революционные события предполагали существенное ослабление боеспособности главного восточного противника. Генерал Э. Людендорф заметил по этому поводу: «Революция... означала, ввиду неизбежно связанного с ней понижения боеспособности России, значительное ослабление Антанты. Сколько раз я мечтал о том, что русская революция облегчит наше военное положение»¹³. Революция в России принесла оптимизм и политическому руководству Германии. Помощник рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега Курт Рицлер отметил в своём дневнике: русская революция — это «единственная возможность действительно хорошего исхода»¹⁴.

Февральская революция открыла германским стратегам новые перспективы на востоке. По мере ослабления российского военного потенциала Верховное командование убедилось в том, что военный разгром России являлся вполне возможным. Пока Верховное командование мечтало вырвать победу из рук противника на полях сражений, дипломаты придумывали более хитроумные комбинации, чтобы выбить Россию из Антанты. Вообще стремление «отщепить» Россию от своих союзников стало идеей фикс для германской дипломатии на протяжении войны. В Берлине полагали, что вследствие немецкой поддержки всякого рода деструктивных движений, революционных и сепаратистских, Россия окажется под двойным давлением: с внешней стороны — немецкое наступление на фронте, внутри — революционная пропаганда и сепаратистские выступления инородцев. Всё это заставило бы Россию быстрее заключить выгодный для Германии сепаратный мир.

Февральская революция придала новый импульс «политике революционирования» России. Так, в день формирования Временного правительства, 15 марта 1917 г., госсекретарь по иностранным делам А. Циммерман потребовал от проживавших в Стокгольме финляндских эмигрантов «использовать современное положение для энергичных действий» в Финляндии, заявив, что «момент для провозглашения независимости, кажется, наступил»¹⁵.

Наряду с германским МИД в программу «революционирования» России активно включился политический отдел Генерального штаба. 20 марта 1917 г. его глава

¹² Ланник Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в её развитии. Саратов, 2012. С. 261.

¹³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 10, 16.

¹⁴ Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. K. D. Erdmann. Göttingen, 1972. S. 83.

¹⁵ Zimmermann an Lucius vom 15. März 1917: PA AA. Der Weltkrieg 11 c. Bd. 19.

Э. фон Хюльзен обратился во внешнеполитическое ведомство с просьбой поддержать ходатайство о выделении для финского национально-освободительного движения одного миллиона немецких марок¹⁶. Примечательно, что эта сумма составила пятую часть средств, которые германское внешнеполитическое ведомство запросило у имперского казначейства в марте 1917 г. для революционной пропаганды в России. Как показывают документы Политического архива МИД ФРГ, имперское казначейство с целью реализации упомянутой задачи предоставило 3 апреля 1917 г. пять миллионов марок¹⁷.

24 марта 1917 г. в Берлине было подготовлено якобы одобренное кайзером заявление по «финляндскому вопросу». В нём, в частности, прозвучали следующие слова: «Немецкое правительство заинтересовано в том, чтобы Финляндия по возможности продвигалась в направлении обретения полной самостоятельности. Вследствие этого, немецкое правительство желало бы при заключении мира действовать в соответствующей обстановке для достижения этой цели. Если же какой-либо государственный союз между Россией и Финляндией сохранится, Германия готова выступить в пользу получения последней гарантий автономии»¹⁸. Финляндские сторонники независимости в своих воспоминаниях утверждали, что слух о подписании кайзером Вильгельмом мартовского меморандума по финляндскому вопросу «существенно содействовал тому, чтобы сориентировать Финляндию к решительному образу действий против России»¹⁹. Однако, как представляется, не следует преувеличивать данный факт. Радикализация национальных стремлений населения княжества являлась всё-таки результатом российско-финляндских противоречий и внутренней готовности политической элиты взять на себя ответственность за судьбу Финляндии.

Между тем 23 апреля 1917 г. в Кройцнахе состоялось совещание германского руководства, посвящённое определению ближайших задач Германии в области ведения войны. В ходе дебатов было принято решение о продолжении наступления в Балтийском регионе. Кроме Курляндии и Литвы предполагалось завоевать территории Лифляндии, Эстляндии и Моозундских островов²⁰. На совещании в Кройцнахе германское руководство отклонило просьбу финляндских «активистов» о прямой военной

¹⁶ Hülsen an AA vom 20. März 1917: Ibid. Fol. 104.

¹⁷ AA an Staatssekretär des Reichsschatzamt vom 21. März 1917: Ibid. Fol. 107; Rödern G. an Reichsschatzamt vom 3. April 1917: Ibid. Fol. 191.

¹⁸ Цит. по: Ibid. Fol. 136 (Denkschrift vom 24. März 1917); *Gummerus H.* Jääkärit ja aktivistit. S. 391; *Aspelmeier D.* Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege. S. 19.

¹⁹ *Gummerus H.* «Die Unabhängigkeitsbewegung Finnlands» vom 18. August 1917: PA AA. Der Weltkrieg 11 c. Bd. 22. Fol. 22.

²⁰ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. S. 290.

поддержке в виде высадки военно-морского десанта в княжество. Однако были обещаны поставки оружия. В мае 1917 г. германская подводная лодка «UC 78» доставила в княжество его первую партию²¹.

Кроме того, ещё в конце марта 1917 г. немецкое командование приняло окончательное решение о выводе 27-го егерского батальона с фронта и размещении его в Либаве. Новый учебный план предусматривал более глубокое специализированное военное образование. Особое значение придавалось подготовке офицерского и унтер-офицерского состава, чтобы финляндцы оказались в состоянии руководить крупными воинскими подразделениями. В пользу подобного обучения ратовал новый командир батальона капитан Эдуард Аусфельд²². С лета 1917 г. увеличилось количество финляндских егерей, отправляемых в княжество с целью создания там военной организации (шюцкора). А. Циммерман в одной из телеграмм генералу Э. Людендорфу указывал: «Мы сейчас многих получивших военное образование финляндцев по возможности отправляем в Финляндию и поддерживаем страну в создании военной организации. Правда, о нашей помощи не должно быть известно»²³.

Провал июньского наступления Временного правительства, внутренняя нестабильность в России, снижение боеспособности её армии и флота способствовали тому, что немецкое Верховное командование убедилось в безнаказанности расширения аннексий на востоке. Постепенно его планы простирались дальше — от Прибалтики к Финляндии и Украине, к ожидаемому распаду Российской империи.

9 августа 1917 г. в Кройцнахе состоялось второе совещание имперского руководства, посвящённое определению германских военных целей, с участием канцлера Г. Михаэлиса. В отношении России военные цели Германии были распределены по двум направлениям: юго-восточному — на Украину, где предполагалось использовать украинское сепаратистское движение «для молчаливого присоединения Украины к Германии», и северо-восточному — на Прибалтийские провинции и Финляндию²⁴.

На августовском совещании впервые за годы мировой войны германское руководство посчитало целесообразным включить Великое княжество Финляндское в свою сферу влияния. С августа 1917 г. курс на отделение его от России получил официальное признание и стал составной частью программы немецких военных целей на востоке. Всё же материалы Кройцнахского совещания не давали конкретного ответа

²¹ Luntinen P. Saksan keisarillinen laivasto. Helsinki, 1987. S. 130.

²² Denkschrift AGL vom 31. März 1917: PA AA. Der Weltkrieg 11 c. Bd. 19. Fol. 194 —196.

²³ Zimmermann an Lersner vom 4. August 1917: Ibid. Grosses Hauptquartier. Finnland. Bd. 1.

²⁴ Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges / hrsg. von W. Bihl. Darmstadt, 1991. Dok. No. 153; Fischer F. Griff nach der Weltmacht. S. 348.

на вопрос: каким будет статус Финляндии в случае победы Германии и выхода княжества из состава Российской империи — немецкий протекторат или независимое государство? В Берлине на протяжении войны предпочитали рассматривать Финляндию изолированно от Прибалтийских провинций, подчёркивая при этом её особое положение и наличие существенных предпосылок для создания внутренне самостоятельного государства. Отсюда можно с определённой долей вероятности утверждать, что немецкие политики не отрицали возможности обретения Финляндией самостоятельности во внутренних делах. Но она была бы связана союзническими обязательствами с Германией и могла бы стать северным крылом прогерманского блока государств, так называемой Срединной Европы²⁵.

Курс на включение Финляндии в немецкую сферу влияния сразу же нашёл отражение на страницах немецкой прессы. Увеличилось количество статей, посвящённых «финляндскому вопросу». О возможности создания при помощи Германии независимого финляндского государства писали в сентябре 1917 г. на страницах журнала «Дойче Рундшау» («Deutsche Rundschau», т. е. «Немецкое обозрение») В. Штида и Г. Штенберг²⁶. Определённую популярность приобрела идея закрытия с помощью Финляндии «окна в Европу» для России. Рихард Поле, один из защитников аннексионистской восточной политики Германии, выразил подобную мысль в короткой формуле: «Тот, кто господствует в Финляндии, может господствовать на Балтике»²⁷. Он представлял княжество составной частью протянувшегося от Турции через Балканы, Прибалтийские провинции до Северного Ледовитого океана пояса создаваемых под эгидой Германии вассальных государств. При этом «молодое, культурное Финляндское государство с его первозданной природой» рассматривалось им как «поле деятельности для немецкого капитала»²⁸. Показателен сам факт возрастания интереса немецкой публицистики с августа 1917 г. к Финляндии.

В конце августа 1917 г., чтобы выявить степень поддержки Германией идеи выхода Финляндии из состава Российского государства, в Стокгольм выехал профессор

²⁵ О проектах создания под эгидой Германии нового государственного объединения «Срединной Европы» см. подробнее: *Науман Ф.* Срединная Европа. Пг., 1918; *Ерусалимский А. С.* Германский империализм: история и современность. М., 1964. С. 478; *Садовая Г. М.* Ф. Науман: от «промышленной демократии» к «Срединной Европе» // Первая мировая война: политика, идеология, историография. Куйбышев, 1990. С. 97—112; *Греков Б. И.* Вальтер Ратенау и Россия: эволюция внешнеполитических взглядов. 1914—1922 // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С. 105; *Fischer F.* Deutsche Kriegziele. S. 235; *Idem.* Weltmacht oder Niedergang: Deutschland im Ersten Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1965. S. 71; *Gutsche W.* Mitteleuropaplanungen in Aussenpolitik des deutschen Imperialismus vor 1918 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1972. H. 5. S. 292—301.

²⁶ *Stieda W.* Die Engländer in Ostsee // Deutsche Rundschau. 1917. Bd. 172. S. 159—174; *Stenberg H.* Die ugrofinnischen Völkerschaften // Ibid. 1917. Bd. 173. S. 292—301.

²⁷ Цит. по: *Menger M.* Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. S. 36.

²⁸ Ibid.

Э. Ельт. Перед отъездом П. Э. Свинхувуд рекомендовал ему: «Неприменно раздобудь сюда немцев, иначе мы не станем действовать» («Hanki nyt vain saksalaiset tänne, muuten me emme tule toimeen»)²⁹. В шведской столице Ельт встретился с тайным советником МИД Германии Куртом Рицлером и сотрудниками политического отделения Генерального штаба Г. Штейнвахсом и К. Гранцем. В своих воспоминаниях профессор химии Гельсингфорского университета отметил тёплое отношение немецких военных и дипломатических кругов к стремлению Финляндии отделиться от России. Единственное, что не совсем удовлетворяло Э. Ельта, — это то, что не прозвучало столь желанного для «активистов» обещания немецкой высадки на Аландских островах. Представители Германии дали понять, что финляндцы должны сами приложить максимум усилий для подготовки восстания в княжестве. Германия готова оказать помощь оружием и отправкой егерей для организации шюцкора³⁰.

В целом, «финляндский вопрос» в Восточной политике Германии по-прежнему преломлялся сквозь призму германо-российского противостояния и рассматривался Берлином как один из факторов ослабления России. После Февральской революции значение Финляндии в глазах немцев заметно возросло. С августа 1917 г. Германия взяла курс на включение её в свою сферу влияния.

Захват власти большевиками в Петрограде рассматривался в Берлине как «чудо», посланное для спасения Германии³¹. Октябрьская революция вызвала также надежды германского руководства на выход России из войны. С другой стороны, в Финляндии в целом умеренная, консервативная элита после Октябрьского переворота пришла к окончательному убеждению: отделение от революционной России является единственным средством спасения страны. Убеждение в том, что петроградский сценарий не должен повториться в Финляндии, придавало правящей элите необходимую смелость.

Проживавший в это время в Берлине профессор Р. Эрих подготовил меморандум, где попытался обосновать право Финляндии на независимость. По его мнению, поскольку Россия скатилась в состояние анархии, она не могла больше осуществлять в какой-либо форме управление Великим княжеством. К тому же у неё не было правительства, признанного как иностранными государствами, так и внутри страны. Эрих предлагал воспользоваться ситуацией, пока у власти в Петрограде находились большевики³².

²⁹ Цит. по: *Hjelt E. Vaiherikkailta vuosilta: Muistelmia*. Helsinki, 1919. Osa II. S. 61.

³⁰ *Ibid.* S. 58—59.

³¹ *Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente*. S. 454.

³² *Enckell C. Poliittiset muistelmani*. Porvoo ; Helsinki, 1956. Osa I. S. 157—159; *Nurmio Y. Suomen*

Среди сторонников выхода Финляндии из состава Российского государства возросла в этот период популярность видного финляндского оппозиционера П. Э. Свинхувуда, вернувшегося после Февральской революции из ссылки в Сибири и не скрывавшего своих симпатий к Германии. В ноябре 1917 г. он возглавил новое финляндское правительство, выступая за скорейшую изоляцию Финляндии от революционной анархии в Петрограде.

С его санкции Э. Ельт вновь выехал в Берлин, чтобы прозондировать перспективы немецкой поддержки выхода Финляндии из состава Российского государства. Финляндские представители сначала отправились в МИД Германии. Согласно воспоминаниям курировавшего финляндское сепаратистское движение советника МИД Р. Надольны, финляндские делегаты обратились с просьбой содействовать провозглашению независимости Финляндии. Р. Надольны ответил им, что об этом не может быть и речи, ибо страна, «которая желает стать полностью свободной и самостоятельной, должна сама заявить о своей независимости»³³. Он посоветовал финляндцам решиться на такой шаг, после чего с немецкой стороны можно было ожидать поддержки³⁴.

26 ноября 1917 г. финляндская делегация была принята в немецкой Ставке в Кройцнахе. Накануне своего визита Э. Ельт отправил генералу Э. Людендорфу доклад, в котором говорилось о «дружеской привязанности и чувстве симпатии к Германии со стороны Финляндии». Э. Ельт придерживался мнения, что княжество «желало отделиться и его необходимо отделить от России. Тогда оно теснейшим образом примкнуло бы к Германии. Финляндия заняла бы место северного звена в цепи государств, которые Германия формирует в Европе в качестве защитного барьера против Востока»³⁵. Для реализации этого плана автор обратился с просьбой о высадке немецкого морского десанта в Финляндии. Провозглашение полной государственной независимости Финляндии ставилось в зависимость от того, готова ли Германия её признать³⁶.

Ответ Э. Людендорфа был весьма многословным. Его речь длилась 35 минут. Основная её идея заключалась в том, что после подписания перемирия между Россией и Германией Финляндии следовало прямо и как можно скорее сделать заявление о независимости и потребовать вывода русских войск. Э. Ельт в своих воспоминаниях отметил факт давления на финляндскую делегацию со стороны Людендорфа в пользу

itsenäistyminen ja Saksa. S. 14.

³³ *Nadolny R. Mein Beitrag*. Wiesbaden, 1955. S. 109.

³⁴ *Ibid.*

³⁵ *Hjelt E. Vaiherikkailta vuosilta*. S. 67—68.

³⁶ *Ibid.*

скорейшего заявления о независимости³⁷. В данном случае генерал обещал Финляндии дипломатическую поддержку на мирных переговорах с Россией, а также продолжение поставок немецкого оружия и содействие в возвращении на родину служивших в германской армии финляндских добровольцев³⁸.

Вероятно, информация о поддержке генералом Людендорфом стремления финляндских националистов к выходу Великого княжества из состава Российского государства ускорила появление Декларации о государственной независимости, принятой финляндским парламентом 6 декабря 1917 г. Финляндская политическая элита чувствовала за своей спиной поддержку практически не знавшей военных поражений великой державы, что прибавляло её действиям решительности. Несмотря на это, итоги голосования показали, что значительное количество парламентариев сомневались в возможности существования Финляндии как независимого государства. Перевес у сторонников независимости был всего в 12 голосов (100 — «за», 88 — «против»).

Подведём итог. Для мировой истории процесс формирования нации, а затем образования независимого государства, скорее, является исключением, чем правилом, так как нарушает наиболее распространённую логику развития событий: государства создавали нации, а не наоборот. Между тем Финляндия очень достойно прошла этот путь. Включение нескольких восточных шведских провинций в состав Российской империи по Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г. создало условия для складывания финляндской идентичности и формирования политической нации. За более чем 100-летний российский период Финляндия «заработала» упорным трудом право на независимость. И в тот момент, когда история предоставила малой стране шанс стать независимым государством, она этим шансом умело воспользовалась.

По сравнению с другими великими державами Германия сыграла существенную и наиболее значимую роль в процессе выхода Финляндии из состава Российского государства. Однако обретенная Финляндией независимость оказалась ограниченной в рамках условий, диктуемых из Берлина. Германия действительно проявляла заботу о финляндской независимости, но это немецкое содействие осуществлялось в той мере, в какой сама Финляндия была способна взять на себя роль проводника немецкого влияния в Балтийском регионе. Нейтральная и подлинно суверенная Финляндия Берлину была не нужна. Впоследствии Финляндии удалось утвердить свою независимость и доказать жизнеспособность, чему способствовало в том числе и поражение Германии в Первой мировой войне. Октябрьская революция открыла двери

³⁷ Ibid. S. 72.

³⁸ *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 11; Hubatsch W. Unruhe des Nordens. S. 111.*

для независимости Финляндии, поражение Германии в войне позволило укрепить её суверенитет.

Список литературы

Греков, Б. И. Вальтер Ратенау и Россия: эволюция внешнеполитических взглядов. 1914—1922 / Б. И. Греков // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. — Москва : Наука. — С. 102—113.

Ерусалимский, А. С. Германский империализм: история и современность / А. С. Ерусалимский. — Москва : Наука, 1964. — 664 с.

Кяйвяряйнен, И. И. О деятельности финских активистов в 1914—1916 гг. / И. И. Кяйвяряйнен // Учёные записки Карело-Финского государственного университета. — 1955. — Т. 5. — Вып. 1. — С. 57—66.

Кяйвяряйнен, И. И. Истоки герmano-финского антисоветского блока / И. И. Кяйвяряйнен // Учёные записки Карело-Финского государственного университета. — 1948. — Т. 3. — Вып. 1. — С. 26—50.

Кяйвяряйнен, И. И. Финляндия накануне революции 1918 года / И. И. Кяйвяряйнен // Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР. — Петрозаводск : Госиздат Карело-Финской ССР, 1949. — Вып. 1. — С. 55—78.

Ланник, Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в её развитии / Л. В. Ланник. — Саратов : Саратовский государственный технический университет, 2012. — 536 с.

Менгер, М. Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны / М. Менгер // Скандинавский сборник. — Таллин : Ээсти раамат, 1972. — Вып. 17. — С. 110—127.

Садовая, Г. М. Ф. Науман: от «промышленной демократии» к «Срединной Европе» / Г. М. Садовая // Первая мировая война: политика, идеология, историография : (К 75-летию начала войны). — Куйбышев : Куйбышевский государственный университет, 1990. — С. 97—112.

Холодковский, В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция / В. М. Холодковский. — Москва : Наука, 1967. — 386 с.

Apunen, O. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa 1914—1915 / O. Apunen. — Helsinki : Tammi, 1968. — 293 s.

Aspelmeier, D. Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege / D. Aspelmeier. — Hamburg : Christoph von der Ropp, 1967. — 178 s.

Baumgart, W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges / W. Baumgart. — Wien : Oldenbourg, 1966. — 462 s.

Beyer, F. Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtmässige Intervention / F. Beyer. — Braunschweig : Georg Westermann, 1928. — 159 s.

Fischer, F. Deutsche Kriegsziele: Revolutionierung und Separatfrieden im Osten 1914—1918 / F. Fischer // Historische Zeitschrift. — 1959. — Bd. 188. — Heft 1. — S. 249—311.

Fischer, F. Weltmacht oder Niedergang: Deutschland im Ersten Weltkrieg / F. Fischer. — Frankfurt am Main : Europäische Verlagsanstalt, 1965. — 117 s.

Fischer, F. Griff nach der Weltmacht / F. Fischer. — Düsseldorf : Droste, 1994. — 575 s.

Gutsche, W. Mitteleuropaplanungen in Aussenpolitik des deutschen Imperialismus vor 1918 / W. Gutsche // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — 1972. — Heft 5. — S. 533—549.

Hagen, M. Die «Entdeckung» Finnlands in der deutschen Öffentlichkeit seit 1899 / M. Hagen // Finnland-Studien. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1990. — S. 151—165.

Hovi, O. The Baltic area in British policy, 1918—1921 / O. Hovi. — Helsinki : Finnish Historical Society, 1980. — Vol. 1. From the Compiègne armistice to the implementation of the Versailles treaty, 11.11.1918 — 20.1.1920. — 231 p.

Hubatsch, W. Unruhe des Nordens: Studien zur deutsch-skandinavischen Geschichte / W. Hubatsch. — Göttingen : Musterschmidt, 1956. — 243 s.

Luntinen, P. Saksan keisarillinen laivasto Itämerellä: aikeet, suunnitelmat ja toimet / P. Luntinen. — Helsinki : Suomen historiallinen seura, 1987. — 262 s.

Menger, M. Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus 1917—1918 / M. Menger. — Berlin : Akademie-Verlag, 1974. — 242 s.

Nurmio, Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa / Y. Nurmio. — Porvoo : WSOY, 1957. — 376 s.

Pakaslahti, A. Suomen politiikka maailmansodassa / A. Pakaslahti. — Porvoo : WSOY, 1933. — Osa I. — 216 s.; 1934. — Osa II. — 315 s.

Ronsdorf, C. Maximilian Bayer: ein Wegbereiter zu Finnlands Unabhängigkeit / C. Ronsdorf. — Helsinki : Suomen historiallinen seura, 1973. — 283 s.

Suomen vapaussota vuonna 1918. — Helsinki : Otava, 1921. — Osa I. — 388 s.

РУПАСОВ Александр Иванович / RUPASOV Alexander

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук / St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
rupasov_ai@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИМИТАЦИИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ГРАНИЦЫ И ДИСКУРС БЕЗОПАСНОСТИ (1918—1922)

THE PROBLEMS OF DELIMITATION OF THE SOVIET-FINNISH BORDER AND SECURITY DISCOURSE (1918—1922)

Abstract: The article traces the relationship between, on the one hand, the ideas of World Revolution and the right of nations to self-determination declared by the Bolsheviks and, on the hand, the solution of specific problems related to the demarcation of the state border between Finland and Soviet Russia in 1918—1922. There were significant differences in the perception of various aspects of security issues by the political leadership of Soviet Russia and the representatives of the military high command.

Ключевые слова / Keywords: Большевики, Финляндия, Россия, демаркация, граница, мировая революция, право наций на самоопределение / The Bolsheviks, World Revolution, Finland, Soviet Russia, border, demarcation, 1918—1922.

Нельзя не согласиться с мнением известного специалиста по истории Коминтерна Я. С. Драбкина, что понятие «мировая революция» «нередко трактуется не только как иллюзия или утопия, но и как сознательный обман, как символ стремления коммунистов к мировому господству посредством войны и агрессии». Он обоснованно подчёркивал, что необходимо определить методологические принципы использования понятия «мировая революция» и различать три фактора: 1) саму идею мировой революции, 2) расхожий лозунг первых революционных лет, доныне сохраняющийся в обыденном сознании, и 3) попытки реализации идеи¹. О возможности реализации идеи глава Совнаркома заявил по прошествии всего недели после октябрьского переворота. 1 ноября 1917 г. на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) от Ленина услышали: «...мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать. Теперь только соц[иалистическая] револ[юция]»². Для Григория Зиновьева заключение мира с Германией («тяжёлая хирургическая операция») было равнозначно усилению шовинизма в этой стране и ослаблению («на некоторое время») революционного движения в Европе³. Три года спустя, исходя из собственных представлений о последствиях капповского путча в Берлине, Ленин в телеграмме Сталину указывал на вероятность гражданской войны в Германии, которая «может заставить нас двинуться на

¹ Драбкин Я. С. *Идея мировой революции и её трансформация // История Коммунистического Интернационала. 1919—1943 : документальные очерки.* М., 2002. С. 25.

² Ленин В. И. *Неизвестные документы. 1891—1922.* М., 1999. С. 217.

³ *Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918.* М., 1958. С. 171—172.

Запад на помощь коммунистам»⁴. Параллельно с размышлениями о мировой революции и гражданской войне как некой гарантии успешного завершения предпринятого эксперимента (не только в России) в риторике большевиков присутствовал и тезис о праве наций на самоопределение. Совокупность указанных идей не могла не повлиять на формирование подходов к проблеме государственных границ, а частичное снятие заключённых в ней противоречий, чётко выявлявшихся в практике под влиянием быстро менявшейся ситуации, достигалось за счёт действий, носивших тактический и далеко не всегда публичный характер. Это особенно проявилось в решении проблем делимитации границ, например, с Финляндией и Эстонией. Что касается Финляндии, то изначально наиболее дискуссионными стали вопросы территориальных вод в Финском заливе, граница на Карельском перешейке и в Петсамо (Печенге). По сравнению с этими вопросами решение вопроса о Ребольской и Поросозерской волостях носило маргинальный характер.

Заключённым 1 марта 1918 г. между РСФСР и Финляндской социалистической народной республикой (в лице Совета народных уполномоченных — СНУ) договором Финляндии передавалась (*«если на то будет изъявлено согласие свободно опрошенным местным населением»*) территория в Петсамо: линия границы должна была идти от Корватунтури по прямой линии к источникам р. Печенги, оттуда по восточному водоразделу этой реки через Мотовский залив и Рыбачий Нос к Ледовитому океану у Зубова⁵. В отличие от района Печенги изменение границы на Карельском перешейке договором не предусматривалось. Однако 30 марта 1918 г. из Оперативного отдела Военного совета Петроградского района обороны⁶ в адрес наркомата по иностранным делам поступила записка за подписью военного руководителя района А. В. Шварца, комиссара А. И. Ковригина и начальника штаба, профессора Генерального штаба Б. В. Геруа. Отталкиваясь от условий подписанных Россией договоров с Центральными державами и финляндским Советом народных уполномоченных, они констатировали, что российская граница к северу от Петрограда будет проходить всего в двух-трёх переходах «от очага русской и всемирной революции», а такая «близость государственной границы представляет прямую угрозу Петрограду и всему его району». Они признавали, что «хотя ввиду заключённого мира не приходится говорить о каком-либо противнике, по крайней мере в ближайшее время, но принимая во внимание слабость России в настоящий момент, которая открывает всем соседям нашего

⁴ Ленин В. И. Неизвестные документы. С. 331.

⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 509.

⁶ Был образован постановлением Комитета революционной обороны Петрограда от 3 марта и директивой Высшего военного совета Республики от 5 марта 1918 г.

государства весьма заманчивые перспективы обогащения за наш счёт и ту угрозу, какую представляют собой для них, как зараза, социальные реформы, проводимые в настоящее время у нас, и, как результат этих реформ наше будущее усиление — станет ясно, что борьба возобновится с новой силой. Так как нашим врагам не выгодно давать нам такой “передышки”, которую мы могли бы использовать к своей выгоде, то следует думать, что возобновление борьбы не заставит себя долго ждать». В силу этого, считали авторы письма, «задача военных и политических органов сводится к созданию наивыгоднейшей обстановки к моменту возобновления борьбы. В целом вопрос сводится к удалению района вероятных столкновений от Петрограда»⁷.

Ссылаясь на некие весьма широкие политические возможности в этой области, но не рискуя формулировать их, авторы документа сочли уместным затронуть только те, «которые непосредственно и тесно связаны с вопросом защиты Петрограда и его района с севера». Решение проблемы облегчалось, по их мнению, тем, что новое финляндское правительство (СНУ), несомненно, являлось сторонником России, что и обуславливало необходимость оказания ему всяческой поддержки. Эта поддержка должна была сводиться к следующему: 1) принятие мер для «усиления средств борьбы советской власти в Финляндии» и 2) ослабление противника — «белой гвардии» и способствование обострению шведско-немецких интересов. Что касается первой группы мер, то в неё включались: а) агитация в пользу усиления борьбы; б) снабжение деньгами и оружием; в) снабжение Финляндии продовольствием с целью приобретения таким образом симпатий к России, г) создание закона, облегчающего переход в финляндское гражданство тех лиц, которые необходимы для фактического усиления отрядов Красной гвардии. Вторая группа необходимых мероприятий сводилась к следующим: а) агитация в тылу белой гвардии (в северной Финляндии) и, как результат, создание для неё осложнений; б) поддержание шовинистических течений как в Германии, так и в Швеции по вопросам Финляндии и, в частности, Аландских островов; в) обострение продовольственного кризиса в Северной Финляндии.

Не забывая о необходимости использования революционной риторики, авторы записки обращали внимание руководства НКВД на следующее: «Революция сама по себе является носителем активных идей[,] и всякое революционное правительство будет вести активную политику. В этом отношении революционная политика аналогична со стратегией, которая, допуская иногда активную оборону[,] совершенно отвергает оборону в чистом виде. Если теперь обратиться к вопросу о защите

⁷ Записка Оперативного отдела Военного совета Петроградского района обороны в НКВД, 30 марта 1918 г.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0135. Оп. 1. П. 101. Д. 6. Л. 1.

Петрограда с севера, необходимо признать, что граница, принятая по соглашению с Финляндией, исключает возможность активной обороны Петрограда не только с севера, но как со стороны моря, так и со стороны Нарвы». Развивая данный тезис, авторы документа подчёркивали: «С точки зрения стратегии и военного искусства было бы ошибочно не использовать те топографические условия, какие даёт территория Выборгской губернии, которая представляет собой ряд естественных стратегических рубежей. Это обстоятельство вызывает необходимость политически подготовить обладание территорией Выборгской губернии к моменту возобновления борьбы. Военный совет полагает, что на пути к осуществлению этой задачи встретятся серьёзные препятствия, и потому считает необходимым наметить ту линию к северу от Петрограда, как предел уступок, по которой должна пройти граница с Финляндией в том случае, если не удастся отстоять дипломатическим путём всю территорию Выборгской губернии. Линия эта указана на прилагаемой карте красной чертой. Установление указанной границы дало бы возможность прочно организовать оборону Петрограда на линии Кексгольм — Выборг, пользуясь особыми условиями местности, даже при наличии тех слабых сил, какими Республика может располагать в ближайшее время»⁸.

На записке сохранилась резолюция члена Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевича от 4 апреля 1918 г.: «Ходатайствую перед Советом Народных Комиссаров о принятии мер к тому, чтобы оборона подступов к Петрограду с севера была вынесена на фронт Выборг — Кексгольм. Оборона должна быть поручена финской красной армии, поддерживаемой с нашей стороны». Однако уже в разговоре 9 апреля по прямому проводу с главой Мурманского совета А. М. Юрьевым Сталин констатировал: «Но теперь положение таково (я имею в виду несомненную победу Сената), что социалистического правительства в Финляндии не будет». Более того, Сталин прямо сказал, что подписанный с СФУ договор от 1 марта можно признать упразднённым, а следовательно, эвентуальная уступка территории в Печенге утрачивала какой-либо смысл⁹.

Приближавшееся поражение красных гвардий в Финляндии побудило советскую сторону к поиску контактов с победителями, но при этом подчёркивалась настоятельная желательность учёта сугубо военно-стратегических аспектов решения территориальных вопросов. Тезис «об *изъявлении согласия свободно опрошенным местным населением*» более не упоминался, в дальнейшем стремились избегать даже намёков на любого рода плебисцит. 21 апреля 1918 г. Л. Д. Троцкий телеграфировал начальнику Морских сил

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Ленин В. И. Неизвестные документы. С. 234.

об установлении неофициальных контактов старшего морского начальника в Гельсингфорсе с белым правительством Финляндии. Помимо прочего, в результате этих контактов следовало выяснить: рассматривает ли правительство Финляндии острова Родшер, Гогланд, Тютерсы, Лавенсаари, Сескар, Соммерс и Нерва как входящие в состав Финляндии или нет¹⁰. Явно слабо информированный о складывавшейся в Финляндии ситуации «временный замнаркома НКВД» Г. В. Чичерин, в свою очередь, писал 4 мая 1918 г. начальнику Морского генерального штаба: «Согласно отношению за № 166/М от 28 апреля с. г. нами получено принципиальное согласие красного Финляндского правительства определить дополнительным протоколом наши права на указанные Вами острова Финского залива в объёме и форме, которые будут нами предложены. <...> Ввиду изложенного НКВД просит сообщить формулировку дополнительного договорного пункта, необходимого с точки зрения интересов нашей морской обороны»¹¹.

Обострение в июле — августе 1918 г. отношений Германии и России, несмотря на подготовку к переговорам в Берлине по заключению Добавочного договора и договора с Финляндией, определённое истаивание надежд на подъём революционного движения в Европе и развёртывание в России гражданской войны обусловили содержание письма Л. Д. Троцкого в НКВД, направленного 22 июля: «Ввиду предстоящих в ближайшее время мирных переговоров в Берлине с Финляндским правительством, на которых один из важнейших вопросов является вопрос о наших будущих морских границах, НК по М[орским] делам вошёл по сему вопросу с докладом в Высший Военный Совет... [который заключил]: “Положить в основу переговоров тот территориальный “status”, какой имелся в отношении Финляндии ранее, и потому: а) отказаться от включения в состав Российской Республики территории бывшего форта Ино и района Райвола, при условии сохранения за Российской Республикой всей территории Мурмана и Мурманского побережья и с возложением на Финляндию обязательства не иметь и не строить никаких сооружений и устройств военного характера в районе, прилегающем к Невской губе; б) установить морскую границу на Финском заливе возможно западнее Кронштадта... в) потребовать от Финляндии возвращения захваченного военного имущества... г) до начала мирных переговоров установить в заливе демаркационную линию западнее Кронштадта”»¹².

Советско-финляндские переговоры в Берлине в 1918 г. остались безрезультатными. Дискутировавшиеся на них вопросы стали актуальными два года

¹⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 249. Д. 53373. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 15.

¹² Там же. Л. 18—18об.

спустя при подготовке переговоров по заключению мирного договора¹³. Глава советской делегации А. Я. Берзин писал Г. В. Чичерину 9 июня 1920 г.: «На последнем заседании территориальной комиссии мы... подняли вопрос о Финском заливе, который до сих пор обе стороны обходили молчанием. Финны не касались его по той причине, что считали... его решённым... (мы его обходили потому, что считали его наиболее деликатным)... наше предложение сводится к тому, что мы требуем свободы движения для судов всех назначений в Финском заливе, чтобы Финский залив был объявлен открытым морем, кроме того, мы должны выдвинуть требование срыть крепости Ино и Пумало, мы требуем в виде территориальных вод всё пространство к югу от линии Сторсуден, южная оконечность островов Сескар, Лавенсари. Спорный вопрос — о нейтрализации островов в заливе»¹⁴. Единства взглядов по вопросу об уступке Печенги у советской стороны, судя по всему, не имелось. Чичерин высказывался против такой уступки, ссылаясь на мнение командующего морскими силами Республики, «мечтающего о морской базе там». Берзин же полагал, что следует учитывать возможность возникновения серьёзных трудностей при создании в Печенге морской базы, «тогда как Балтфлот заперт, нам нужно добиться открытия Финского залива»¹⁵. Представитель морского ведомства в советской делегации на переговорах Е. А. Беренс, ссылаясь на военного эксперта В. Н. Егорьева, утверждал, что Полевой штаб не особенно заинтересован в Печенге и придаёт первенствующее значение вопросу о Карелии, но сам Беренс считал недопустимым предоставление Финляндии выхода к Ледовитому океану¹⁶. Однако глава НКВД настаивал: Печенга является лучшей частью всего севера, если даже отдать небольшой участок побережья, — англичане создадут там морскую базу, все наши усилия упрочиться на Рыбачьем и вообще на севере будут сведены к нулю¹⁷. В отличие от Чичерина, склонного учитывать позиции финской стороны в вопросе о территориальных водах вокруг островов в Финском заливе, командующий морскими силами Республики отрицал за Финляндией право «иметь даже минимальные территориальные воды вокруг островов, а также чтобы нашей была часть залива до Бьорке»¹⁸. Уступки «гиперборейским троглодитам»

¹³ Впрочем, в это время понятие «граница» фактически было вытеснено понятием «демаркационная линия». Получавшие разрешение на выезд в Финляндию или въезд в Советскую Россию пересекали именно демаркационную линию.

¹⁴ Письмо Я. А. Берзина Г. В. Чичерину, 9 июня 1920 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 3. П. 1. Д. 103. Л. 3.

¹⁵ Письмо Я. А. Берзина Г. В. Чичерину, копии В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, Н. Н. Крестинскому, 3 июля 1920 г.: Там же. Л. 20, 22.

¹⁶ Письмо Е. А. Беренса Э. М. Склянскому, 27 июня 1920 г.: Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 629. Л. 51.

¹⁷ Письмо Г. В. Чичерина Я. А. Берзину, 8 июля 1920 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 3. П. 1. Д. 103. Л. 7.

¹⁸ А. Я. Берзин — Г. В. Чичерину, копии В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, Н. Н. Крестинскому, Г. Е. Зиновьеву, конец июля 1920 г.: Там же. Л. 32.

(выражение Ю. Мархлевского), на которые пошла советская сторона в Тарту, и в дальнейшем вызывали противоречивые оценки как у советских дипломатов, так и в возглавлявшемся Троцким наркомате по военным делам.

Достижение компромисса было сторонами найдено согласием финской делегации на сужение территориальных вод в Финском заливе к востоку от Стирсудена с трёх до полутора миль, а у южных мысов ряда островов до одной мили, что было зафиксировано в соглашении о перемирии, подписанном 13 августа. Демаркационная линия на Ладоге и от норвежской границы до параллели Линдозера проходила по линии границы 1917 г.¹⁹ Однако статьёй десятой оговаривалось, что «демаркационная линия не должна рассматриваться как будущая государственная граница между Россией и Финляндией»²⁰. Иными словами, вопрос о Печенге оставался открытым. Дальнейшее обсуждение территориальных вопросов, проходившее на фоне провала наступления РККА в Польше, повлекло уступку Печенги Финляндии. Завершение дискуссии по территориальным вопросам привело к началу работы созданной соглашением о перемирии Центральной русско-финляндской комиссии «для разъяснения и разрешения вопросов, возникающих на местах». Кроме того, «для участков: а) Финского залива, б) Карельского перешейка, в) Ладожского озера, г) участка фронта к северу от него и до параллели Линдозера, д) участка фронта от параллели Линдозера до Норвежской границы» создавались местные комиссии²¹.

За подписанием 5 октября 1920 г. мирного договора наступил период работ по демаркации границы, которые должны были завершиться осенью 1921 г. Особые сложности при проведении этих работ изначально возникли при разграничении в Петсамо и в Финском заливе. На основании пункта второго статьи 29 мирного договора финская сторона должна была получить копии новейших топографических и морских промерных карт и материалы незаконченных триангуляционных работ, проводившихся в Финляндии, но, судя по всему, получила далеко не всё. Крайне негативно к передаче копий карт Финского залива, на которых был зафиксирован русский «стратегический фарватер», ещё зимой 1921 г. отнеслось военно-морское командование²².

В конце июня 1921 г. в соответствии с достигнутой с советской стороной договорённостью о времени начала работ в Петсамо финские уполномоченные во главе с бывшим сотрудником Пулковской обсерватории И. Бунсдорфом прибыли на

¹⁹ Ребольская и Поросозерская волости оставались на территории Финляндии.

²⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 126.

²¹ Там же. С. 127—129.

²² Переговоры по прямому проводу между штабом Морских сил и Управлением Гидрографии, 10 февраля 1921 г.: РГА ВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 247. Л. 7, 9, 9об.

полуостров Рыбачий — в Вайда-губу, но, так и не дождавшись советских представителей, в одностороннем порядке начали работы по демаркации сухопутной границы на полуострове Рыбачий. Г. В. Чичерин писал по этому поводу заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому: «Получилось весьма странное явление — проведение односторонне одной финской частью Пограничной комиссии границы Печенги... проведённая финнами граница не соответствует мирному договору. Весь восточный берег с важными для нас постройками отошёл к финнам. Нам же оставлены два барака»²³. Спустя месяц глава Наркоминдела, обращаясь к начальнику Штаба РККА П. П. Лебедеву, настойчиво указывал на необходимость направления в Петсамо чекистов и небольшого военного отряда, чтобы в дальнейшем не возникало схожих ситуаций²⁴. Недовольство наркома было бы не столь сильным, если бы в то время ему стало известно, что причиной утраты некоторых «ценных местностей» послужили неточные российские карты, приложенные к тексту мирного договора. Финская делегация в своей работе по демаркации, начатой без участия советской делегации, решила руководствоваться именно картами, а не формулировкой статьи договора. Чичерин готов был видеть во «внезапной агрессивности Финляндии в Вайда-губе» часть общего агрессивного плана империалистических государств. Настойчивость финской стороны побудила советскую делегацию к поискам компромисса. 14 октября обе делегации отправились проверять установленную финнами линию границы от Петсамо до Корватунтури. Компромисс был всё же достигнут. При проведении демаркации в Петсамо была составлена новая карта, которая впоследствии рассматривалась сторонами как наиболее достоверная (в отличие от карт других участков границы), поскольку была подготовлена с использованием новейших для того времени методов картографии. Работы по проверке линии границы на остальном её протяжении были бы также в основном проведены, если бы не события зимы 1921—1922 гг. в Восточной Карелии, на несколько лет прервавшие процесс демаркации советско-финляндской границы.

События в Восточной Карелии подтолкнули стороны к подписанию 21 марта 1922 г. в Москве членом коллегии НКВД Я. С. Ганецким и финским поверенным в делах *ad interim* А. Хакцелем «соглашения», которое предусматривало «в соответствии с п. 20 ст. 9 Наказа Центральной Смешанной Русско-Финляндской Комиссии, учреждённой на основании ст. 37 заключённого в Юрьеве Мирного договора» поручение этой комиссии приступить к обсуждению мер, «признаваемых необходимыми для обеспечения

²³ Письмо Г. В. Чичерина Э. М. Склянскому, 9 июля 1921 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 4. П. 104. Д. 5. Л. 34.

²⁴ Письмо Г. В. Чичерина П. П. Лебедеву, 4 августа 1921 г.: Там же. Л. 35.

и сохранения неприкосновенности границ». Сразу выявилась разница в целевых установках сторон. В Москве стремились к скорейшему созданию условий для устранения возможности проникновения на территорию РСФСР «нежелательных элементов», чтобы избежать повторения недавних событий в Восточной Карелии. Оборонительные аспекты фактически оказались отодвинутыми на задний план, поскольку сама возможность активных военных действий со стороны Финляндии представлялась маловероятной. 13 апреля 1922 г. в переданном финской стороне «Проекте положения о работе пограничной подкомиссии Центральной смешанной русско-финляндской комиссии и об организации и работе контрольно-исполнительных органов этой комиссии» предлагалось создать четыре местных контрольных комиссии (Северную — от Вайда-губы до Алакурти, среднюю — от Алакурти до пос. Лендеры, Южную — от пос. Лендеры до Ладоги, а также Морскую комиссию). Создание комиссии на Карельском перешейке не предполагалось, что фактически было признанием наличия нерешённых вопросов. Кроме того, предлагалось создание особого нейтрального приграничного пояса, в который, в частности, советская сторона желала включить районы Лиексы, Салми, Кухмониemi, Нурмеса, Лоймолы, Куусамо, «являвшихся во время карельской авантюры опорными базами бандитского движения»²⁵. Начальник Генштаба генерал-майор О. Энкель направил главе правительства Ю. Х. Венноле обстоятельный доклад, большая часть которого была посвящена именно вопросу создания вдоль границы нейтрального пояса. Генерал соглашался с тем, что максимальная ширина пояса должна быть около 20 км с каждой стороны границы, поскольку требование пояса шириной в 150 км с российской стороны (что, в принципе, отвечало бы интересам Финляндии, если учитывать соотношение площадей обоих государств) повлекло бы выдвижение Москвой аналогичного требования, и тогда в отдельных местах советский контроль стал бы доходить почти до середины страны. Согласие на двадцатикилометровый пояс означало, что результатом соглашения с русскими стало бы только обеспечение неприкосновенности самой границы и не более, тогда как важнейшей целью переговоров должно было быть устранение для обоих государств возможности внезапного нападения. Нейтральный пояс в 20 км, по мнению О. Энкеля, такой гарантии не предоставлял, поскольку пехота противника могла преодолеть его всего за пять часов марша, а конница — за три часа. За это время подготовить и успешно провести необходимые контрмеры было просто невозможно. Генштаб предлагал отказаться от нейтрального пограничного пояса, вести переговоры о «пограничных территориях» и численности расквартированных в них

²⁵ Доклад А. С. Черныха Я. С. Ганецкому, 20 апреля 1922 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 2. Л. 17.

войск. Считалось желательным добиться, чтобы в приграничных районах было разрешено иметь только такое количество солдат, которое необходимо для поддержания внутреннего порядка в мирное время. При этом следовало настаивать на учёте «естественного соотношения площадей территорий Финляндии и России». Исходя из этого принципа, Генштаб считал желательным отнесение к «пограничной территории» Карельского перешейка вплоть до р. Невы (включая в эту «пограничную территорию» запад перешейка, где расположен г. Петроград с пригородами), а также перешейка между Онегой и Белым морем, Белого моря, побережья Ледовитого океана. Мурманская железная дорога к северу от р. Свири также должна была бы войти в «пограничную территорию». В мирное время у Москвы не было никакой необходимости (и возможности) размещать здесь крупные воинские соединения. Генштаб считал, что на переговорах можно согласиться на то, чтобы к северу от Ладоги русские могли разместить одну дивизию мирного времени (по финским оценкам — 18 498 чел.) и одну дивизию в Петрограде и на Карельском перешейке. Со своей стороны, финское правительство могло согласиться на включение своей части Карельского перешейка (ограниченной линией Выборг — Кексгольм) и ряда территорий к северу от Ладоги в подобную же «пограничную территорию». Если Москва стала бы настаивать на создании «нейтрального пояса», финская делегация, по мнению Генштаба, могла согласиться на таковой к северу от Ладоги, но не на Карельском перешейке. На перешейке опасность нападения русских была очень велика, поэтому связывать себя обязательствами вывода батальонов самокатчиков не следовало²⁶. В конце апреля Черных переслал Ганецкому перевод раздобытого им письма О. Энкеля премьеру Финляндии. Выдвинутое финской стороной предложение о включении Карельского перешейка в особую зону, а также об установлении особого режима в Южной Карелии в 100-вёрстной, а в Северной Карелии — в 150-вёрстной зоне было отклонено советской делегацией. Против подобного предложения выступил Штаб РККА²⁷.

1 июня 1922 г. сторонами всё же был подписан ряд документов: «Соглашение между Россией и Финляндией о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы»; «Протокол, приложенный к соглашению»; «Инструкция Пограничной подкомиссии и местным Контрольным Комиссиям Центральной Смешанной Русско-Финляндской Комиссии». Демаркационные работы продолжались все 1920-е гг. и в начале 1930-х гг. Формально этот процесс был завершён только в 1938 г., когда

²⁶ O. Enckell — Pääministerille J. H. Vennolalle, 7. huhtikuuta 1922: Архив МИД Финляндии, Хельсинки — Ulkoministeriön arkisto (далее — UMA). 12 G1:1.

²⁷ Письмо начальника Штаба РККА П. П. Лебедева, военкома Штаба РККА Баранова Я. С. Ганецкому, 11 апреля 1922 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 14. Л. 47.

в апреле был подписан «Заключительный протокол Смешанной Союза Советских Социалистических Республик и Финляндской Республики пограничной комиссии по определению государственной границы между СССР и Финляндией». Однако даже упомянутый протокол не свидетельствовал о том, что претензии сторон к прохождению линии границы исчерпаны. 30 августа 1938 г. замещавший министра иностранных дел В. Войонмаа предложил посланнику А. А. Юрье-Коскинену вручить в НКВД ноту, в которой извещалось о желательности проведения демаркационных работ в восточной части Финского залива, поскольку граница там установлена с ненадлежащей точностью²⁸. Советской нотой от 25 января 1939 г. это пожелание финской стороны было отклонено.

Список литературы

Драбкин, Я. С. Идея мировой революции и её трансформация / Я. С. Драбкин // История Коммунистического Интернационала. 1919—1943 : документальные очерки. — Москва : Наука, 2002. — С. 25—73.

²⁸ V. t. ulkoasiainministeri V. Voionmaa — Moskovan lähetystölle, 30. elokuuta 1938: UMA. 12 G2:2.

АНДРОСОВА Татьяна Владимировна / ANDROSOVA Tatiana

Институт всеобщей истории Российской академии наук / Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

androsovat@mail.ru

ПОТЕРЯ, КОТОРОЙ МОГЛО НЕ БЫТЬ

THE LOSS THAT MIGHT HAVE NOT HAPPENED

Absrtact: The article is focused on the causes and consequences of the loss of the Finnish market for political relations between the USSR and Finland in 1920s—1930s. On the basis of archival materials the author shows the role of the first trade mission in Finland (1921—1925), which worked under the guidance of Alexander Ignatieff. The first Soviet trade representative in Finland was one of the architects of the new economic strategy, which finally took shape by the summer of 1944 and provided lasting political cohesion of the USSR and Finland in the postwar period.

Ключевые слова / Keywords: Финляндия, СССР, 1920—1930-е гг., А. М. Игнатъев, автономия, независимость, национальная безопасность, внешняя торговля, торговая политика, торговый договор, торговые переговоры, торговое представительство / Finland, USSR, 1920s—1930s, Alexander Ignatieff, autonomy, independence, national security, foreign trade, trade policy, trade agreement, trade negotiations, trade mission.

Предыстория

В XIX столетии Финляндия пользовалась широкой автономией со своей административной машиной, законами и казной. С 1869 г. правительствующий Сенат получил доступ к решению вопросов, связанных с местным управлением. В 1886 г. право законодательной инициативы было закреплено за четырёхсословным сеймом. Обучение в средней и высшей школе проводилось на родном языке, шведском и финском. От России Финляндию отделяла таможенная граница. В 1865 г. результате денежной реформы в оборот была введена финская марка.

Манифест 1899 г. уничтожал все гарантированные финляндским подданным «свободы», собственные воинские формирования упразднялись. Правительство России узурпировало право издавать обязательные для Финляндии законы, на что финляндцы выставили ответное требование о предоставлении Сенату права проводить самостоятельную внешнюю политику. В 1903 г. генерал-губернатор Н. И. Бобриков был наделён чрезвычайными полномочиями, начались обыски, аресты, дело доходило до высылки в Сибирь. На пике революции 1905—1907 гг. в Финляндии был сформирован однопалатный парламент с правом решать самостоятельно дела, в том числе относящиеся к сфере внешнеторговой политики. Стараясь не допустить сближения Финляндии с Германией и Швецией, Россия с 1909 г. планомерно расширяла своё военное присутствие в крае.

Попытки теснее привязать Финляндию к России военно-административными мерами нарушили десятилетиями поддерживаемый статус-кво. В результате, вопрос о доверии стал основным вопросом взаимоотношений. Первая мировая война и пролетарская революция в России сделали возможным окончательное институциональное оформление Финляндии как самостоятельного государства. 15 ноября 1917 г. парламент принял на себя полномочия, принадлежавшие до того российскому императору, а затем временному правительству. 6 декабря парламент в одностороннем порядке провозгласил Финляндию независимым государством. Большевистское правительство признало независимость Финляндии Декретом Совнаркома и ВЦИК от 31 декабря 1917 г. Граница между Россией и Финляндией была закрыта в конце декабря 1917 г.

Отношения двух стран в 1920—1930-е гг. отличала взаимная подозрительность, как следствие трений, характерных для последнего этапа финляндской автономии, идеологических расхождений, усилившихся в результате подавления в Финляндии рабочей революции 1918 г. и раскола рабочего движения, сталинской национальной политики, методов коллективизации и пр. Не способствовали взаимопониманию также военные конфликты 1918—1922 гг.¹

Территориальная близость обоюдно воспринималась как фактор, подрывающий национальную безопасность, а не как предпосылка для развития нормальных взаимоотношений. Настроения в финляндском обществе на всех уровнях были откровенно русофобскими. Нападение с востока считали неизбежным. Москва руководствовалась в политике по отношению к Финляндии, прежде всего, интересами неприкосновенности западной границы, неизменно считая финляндскую территорию плацдармом для развязывания агрессии западных государств против СССР. Внешняя лояльность скрывала фактическую неспособность сторон договориться ни по одному мало-мальски серьёзному вопросу взаимных и международных взаимоотношений².

По сути, торговля была единственным рычагом, рациональное использование которого могло при обоюдном желании выправить ситуацию — как ни крути, бытие определяет сознание, а не наоборот.

¹ Вопрос о Восточной Карелии был поднят финляндской стороной на переговорах 1918 г. в Берлине. Вопреки ожиданиям Германия сочла за лучшее не вмешиваться. Финляндия официально объявила войну России 15 мая 1918 г. 14 октября 1920 г. стороны подписали Тартуский мирный договор. Пограничные инциденты возобновились спустя год. 21 марта 1922 г. Финляндия и Россия подписали Соглашение о принятии мер по обеспечению неприкосновенности советско-финляндской границы.

² *Андросова Т. В.* Элиты и лидеры в международных отношениях: неиспользованные возможности финляндской восточной внешней политики в 1920-е — 1930-е годы // Элиты и лидеры: Традиционализм и новаторство. М., 2007. С. 125—150.

Экономические отношения до 1918 г.

Хозяйственная независимость была гарантирована Финляндии изначально, с момента присоединения к России в 1809 г. Защищённая общеимперскими таможенными законами Финляндия уже в середине XIX в. успешно конкурировала с российскими товаропроизводителями, у которых практически не было никаких шансов завоевать сколько-нибудь прочные позиции на финляндском рынке. Монополизировать удалось хлебный и сахарный рынки, и то в силу неблагоприятных для занятия земледелием местных климатических условий. В 1885—1895 гг. на Россию приходилось 96,8 % всей импортируемой ржаной и 61 % пшеничной муки³. В 1906—1913 гг. из России ввозили 40 %⁴ всего закупаемого зерна. Причём доля Финляндии в российской хлебной торговле была мизерной, не более 2,5—3 %. Несмотря на свою относительно небольшую потребительскую способность (к началу 1920-х гг. численность населения Финляндии не превышала 3,5 миллионов человек), финляндский рынок был ближайшим для России западным рынком, а потому самым выгодным.

Усиление протекционизма в торговой политике России во второй половине XIX в. подталкивало Финляндию к расширению хозяйственных связей с западными контрагентами. Ввиду поэтапного повышения ввозных пошлин и падения спроса на общероссийском рынке на запад вначале был перенаправлен финляндский экспорт мясомолочной продукции, с 1880-х гг. — продукции деревообработки. Расширение географии внешнеторговых связей способствовало ускоренному усвоению законов рыночной конкуренции и общему укреплению финляндской экономики. Благодаря развитию внешней торговли в двух направлениях экономическая структура постепенно приобрела диверсифицированный характер, учитывавший особенности потребительского спроса на различных рынках.

За период с 1860 по 1910 г. доля России во внешней торговле Финляндии сократилась с 41 до 31 % при одновременном повышении доли Германии и Англии (основные импортёры пиломатериалов) с 18 до 28 % и с 13 до 20 % соответственно⁵. В 1909—1913 гг. Финляндия вывозила в Россию преимущественно необработанный лес и изделия деревообработки (70 % всего экспорта). Несмотря на все попытки ограничить

³ *Bobovits I.* Venäjän ja Suomen taloudelliset suhteet 1800- ja 1900-luvun vaihteessa // Historiallinen arkisto. 1973. Vol. 66. S. 50. В 1906—1913 гг. 40 % импортного хлеба поступало в Финляндию напрямую из России: *Ahvenainen J.* Suomen ja Neuvostoliiton väliset kaupassuhteet 1920- ja 1930-luvulla // Turun historiallinen arkisto. 1986. Vol. 41. VIII suomalais-neuvostoliittolainen yhteiskuntahistorian symposiumi Turussa 2.—6.9.1984. S. 171.

⁴ Российский хлеб также ввозился через Германию как «иностранный»: *Pihkala E.* Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860—1917. Helsinki, 1970. S. 149—151.

⁵ *Piskulov J.* Suomen ja Venäjän / Neuvostoliiton taloudelliset suhteet 1800- ja 1900-luvuilla // Turun historiallinen arkisto. 1986. Vol. 41. S. 190.

поступление на российский рынок товаров иностранного производства, финляндские промышленные изделия успешно конкурировали с аналогичными товарами российского производства (металлообрабатывающая, текстильная и бумагоделательная отрасли).

До 1918 г. импорт из Финляндии на 59 % состоял из бумаги, писчебумажная промышленность размещала в России 80—90 % своей продукции. В Финляндии также покупали необработанный мрамор, дикий камень, строительный песок, листовое стекло, неглазурованный кирпич, прокат чёрных металлов, сырьё для химических и кожевенных предприятий, дорожно-строительные машины и мелкие суда. На российском рынке пользовались спросом обувь, одежда, галантерейные и другие изделия финляндского производства. Российскими заказами были обеспечены две трети всех производственных мощностей. Россия экспортировала в Финляндию продовольствие по широкой номенклатуре, а также корма, удобрения и сырьё для пищевой промышленности, стройматериалы, каменный уголь и кокс, металлические руды, железо, сталь, чугун, нефть и нефтепродукты и прочее, включая товары массового спроса, меха, табак, мыло и т. д. Доля России во внешней торговле Финляндии составляла 30—40 %.

Машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия были в числе главных исполнителей российских военных заказов. Доля России в финляндском экспорте, которая в 1910 г. равнялась 27,4 %, увеличилась в 1914 г. до 44 %. В 1916 г. практически весь экспорт из Финляндии (92,3 %) направлялся на восток⁶.

Сильные позиции финляндских промышленников помешали планам центральных властей по упразднению общей таможенной границы (1905 г.) и присоединению к России Выборгской губернии (1911 г.). В этот период доля продукции финляндских бумажных фабрик в экспорте в Россию уже достигла 40 %, причём на предприятиях Выборгской губернии производилось до 50 % всей продукции, выпускаемой бумагоделательными предприятиями Финляндии. Российские заводчики были крайне обеспокоены перспективой проиграть финляндцам в конкурентной борьбе. Собственно, их протесты и стали главным основанием для отказа от унификационных проектов⁷.

⁶ Архив Министерства экономического развития и торговли РФ (далее — Архив МЭРТ РФ). Ф. «Торгпредство СССР в Финляндии». Оп. 10874. Д. 36 (без пагинации); Там же. Ф. 1. Оп. 12832. Д. 92. Л. 6; Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3863 (без пагинации); Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ). Ф. 0135. Оп. 33. П. 50. Д. 181. Л. 235; Архив МИД Финляндии, Хельсинки — Ulkoministeriön arkisto. 58B2. К. 236 («После первого шага». Финский торговый журнал, Хельсинки, 1945).

⁷ Kauppalehti. 1912. No. 25; Uotinen M. Uhatut pitäjät. Viipuri, 1911. S. 99, 100, 107, 155; Pihkala E. Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860—1917. S. 88—94.

В поисках новых рынков

Экономика Финляндии не пострадала от военных действий настолько же сильно, насколько экономика Австрии, Польши или Германии. Тем не менее многие отрасли оказались в состоянии затяжного кризиса, в особенности работавшие на привозном сырье, — металлообработка, текстильная и табачная промышленность. Экспортная промышленность находилась на подъёме с 1919 г. ввиду низкого курса марки и повышавшегося спроса на лес, бумагу и продукцию деревообработки в связи с послевоенным строительным бумом. Благодаря успешно развивавшемуся экспорту древесины, бумаги и целлюлозы удалось достаточно быстро реанимировать лесную и деревообрабатывающую промышленность, которая стала основной экспортной отраслью и фундаментом экономического подъёма. В 1919 г. в Финляндии начался период устойчивого роста.

В 1919—1921 гг. из России прекратился ввоз не только хлеба, но и других продовольственных товаров, в том числе сахара-сырца, который до войны практически полностью насыщал финляндский рынок. В 1918—1919 гг. Финляндия начала покупать на западе то, что традиционно импортировали с востока, — фураж, сырьё для ткацкой промышленности, табак и топливо. Хлеб ввозили из США, Дании, Нидерландов и Англии, параллельно выстраивая планы восстановления хозяйственных контактов с Россией.

В первые годы независимости торговая политика Финляндии находилась в зачаточном состоянии. К организации внешней торговли были привлечены частные экспортёры, получившие полуофициальные полномочия правительства на скорейшее отыскание способа решения продовольственной проблемы. Прямых контактов с большевиками всячески избегали. Политику новой власти, в особенности отказ от практики свободной рыночной конкуренции и монополизацию государством права выступать единолично на рынке, считали противоестественной, абсурдной и чреватой неизбежными финансовыми и другими потерями для тех, кто взял бы на себя смелость торговать с Новой Россией.

Полагая, что советская власть долго не продержится, предпочли для начала завязать отношения с бывшими российскими регионами. Летом 1918 г. было заключено бартерное соглашение о поставках бумаги в обмен на сахар и прочие сельскохозяйственные товары с Украиной⁸. По причине внутривосточной нестабильности транспортировка грузов оказалась практически невозможной. Попытки

⁸ *Ahvenainen J. Paperitehtaista suuryhtiöksi: Kymin Osakeyhtiö vuosina 1918—1939. Kuusankoski, 1972. S. 74—76.*

организовать экспорт бумаги в Грузию, Армению и Азербайджан (через Стамбул) также провалились после установления там большевистской власти в 1921 г.⁹

Возрождение внешней торговли

Торгово-экономическая блокада¹⁰ вкуче с экономической политикой военного коммунизма ограничила внешнюю торговлю России размерами госзаказов и незначительными экспортными фондами. С укреплением международного положения страны и развитием НЭПа внешний товарообмен приобрёл характер внешней торговли. Оживление экономики требовало масштабного, широкого по номенклатуре ввоза фабрично-заводского оборудования, отдельных видов сырья и полуфабрикатов, удобрений и сложных сельскохозяйственных машин.

Государственная внешняя торговля стала важнейшим источником укрепления советской экономики и советской власти, позволявшим аккумулировать ограниченные экспортные ресурсы в «одних руках». Монополия внешней торговли была введена декретом Совнаркома РСФСР от 22 апреля 1918 г. «О национализации внешней торговли». Экономической основой внешнеторговой монополии стало обобществление всех основных средств производства и транспорта. Внешняя торговля для Новой России не была самоцелью, имея «значение работы передового авангарда всемирного пролетариата»¹¹. Иными словами, успешное конкурентное участие на внешних рынках понималось как средство подрыва капиталистической системы и практического осуществления идеи мировой революции.

Изначально предпочитали переносить торговые сделки в места производства товаров, исключив всяких посредников, осуществляя закупки через своих уполномоченных, чтобы вызвать свободную конкуренцию среди покупателей и тем самым сбить цену. Лишь в крайнем случае, по разрешению наркомата внешней торговли (НКВТ), допускалось создание внутри страны товарных складов, магазинов и лавок, принадлежащих иностранцам, равно как и деятельность иностранных комиссионеров, аквизиторов и коммивояжёров. Эти ограничения не распространялись на смешанные общества с участием Советского государства. Первый нарком внешней торговли Л. Б. Красин как идеолог монополии внешней торговли и сторонник привлечения

⁹ Архив Союза финляндских писчебумажных фабрик (Finnpap), Хельсинки — Suomen paperitehtaiden yhdistyksen (Finnpapin) arkisto. Helsinki, Finnrapin hallitus, 27. syyskuuta 1919.

¹⁰ США и европейские страны Антанты в конце 1917 — начале 1918 г. объявили торгово-экономическую и морскую блокаду против Советской России, которая была особенно эффективной на Балтике. В начале 1920 г. Верховный совет Антанты отменил блокаду.

¹¹ Заключительное слово Л. Б. Красина на Первом совещании уполномоченных наркомата внешней торговли, бюллетень № 7, Москва, 23 июня 1922 г.: Архив МЭРТ РФ. Ф. «Торгпредство СССР в Финляндии». Оп. 2. Д. 24. Л. 41.

в Россию иностранного капитала особое внимание обращал на «точное и своевременное исполнение... обязательств по торговым, финансовым и другим сделкам»¹².

Структура советско-финляндской торговли

Торговые связи с Финляндией, законсервированные на уровне приграничной торговли, были возобновлены в июне 1921 г. по решению, достигнутому на мирных переговорах в Тарту (октябрь 1920 г.), на которых были выработаны временные торговые правила (изложены в ст. 32). Первые импортные сделки были связаны с закупками дров для нужд Петрограда (1921—1922 гг.). Дрова покупали в Финляндии и в дореволюционное время. Закрытие границы с Россией привело к накоплению громадных запасов, которые лесопромышленники готовы были уступить по сходной цене. Помимо продажи в Швецию высших сортов берёзовых дров (рост вывоза наблюдался в 1921 г. вследствие сильного падения финляндской марки), а также экспорта в Эстонию, существовала лишь одна возможность сбыта дров — на восточном рынке. Так что общие условия торговли были для России в целом благоприятны.

Кроме того, в 1921—1922 гг. в Финляндии закупалось продовольствие для Центральной комиссии помощи голодающим (Помгола) и Карельской Трудовой Коммуны. До 1918 г. Петроград был важным для Финляндии рынком сбыта продовольствия, от молока до устриц и реэкспортных товаров (лимоны, перец, кофе и какао)¹³. В январе 1921 г. финляндское правительство предложило Внешторгу купить 4500 т пищевых продуктов. Образцы были признаны Наркомпродом удовлетворительными и цены приемлемыми. Однако на месте было установлено, что предложенные цены существенно превышали внутренние, вызывало также сомнение качество продуктов. Из приобретённых на пробу 50 000 кг большинство продуктов оказались не пригодными к употреблению. Чтобы сбыть залежалый товар, финляндское правительство снизило цену более чем в четыре раза, с двенадцати марок за килограмм до двух с половиной марок, но сделка всё же не состоялась, несмотря на установление итоговой ценовой вилки в пределах от 70 пенни до 1 марки 70 пенни.

¹² Доклад наркома внешней торговли Л. Б. Красина «Внешняя торговля РСФСР и деятельность НКВТ», бюллетень № 1 Первого совещания уполномоченных НКВТ (Приложение к еженедельнику «Внешняя Торговля»), Москва, 17 июня 1922 г.: Там же. Л. 14.

¹³ После восстановления торговых отношений представители Финляндии неоднократно ставили вопрос о возобновлении экспорта сельскохозяйственной продукции, мясных и молочных товаров. Однако закупки продовольствия за границей рассматривались советским правительством не иначе, как торгово-политический акт. Некоторое расширение ввоза из Финляндии молочной продукции произошло не ранее середины 1930-х гг.

В 1922 г. было закуплено примерно 5750 т ржаной муки для Помгола. Мука покупалась нефинляндского происхождения: местная мука ввиду высокой ввозной пошлины была значительно дороже иностранной.

Ввиду территориальной близости к Петрограду, в отдельных случаях, когда требовалась быстрая доставка товара, было удобно закупать через Финляндию транзитные товары. В начале 1920-х гг., например, закупали австралийскую и южноафриканскую шерсть и др. В 1924 г. ввоз шерсти достигал 70 % всего импорта из Финляндии. Закупалось также некоторое количество финляндских промтоваров, например катушки, шпульки и бобины для швейных предприятий (более 8 % всего импорта из Финляндии), а также серпы, мотыги, бороны, плуги и другой мелкий сельскохозяйственный инвентарь¹⁴.

В 1921—1924 гг. из Финляндии импортировали в основном бумагу, целлюлозу, древесную массу и картон. Ввиду относительной дешевизны национальной валюты купить бумагу дешевле, чем в Финляндии, можно было только в Эстонии и Германии. В 1921 г. закупки целлюлозно-бумажных изделий составляли более 60 % всего импорта из Финляндии, в 1922—1923 гг. — немногим более 30 %.

Были также закуплены топоры, всегда отличавшиеся относительно более высоким качеством в сравнении с топорами шведского и германского производства, притом что были дороже последних. Производство топоров русского производства в Финляндии к тому времени почти сошло на нет. Однако, к примеру, заводы «Бильнес» и «Мариефорс» имели станки для производства топоров русского образца и готовы были возобновить производство в случае размещения крупных заказов.

За первый год работы торгпредству удалось продать только стальной лом — 7000 т. Сказывалось длительное отсутствие России на финляндском рынке. В 1922 г. экспорт металлолома составил около 60 % всего экспорта в Финляндию, 17 % приходилось на лён, доля нефтепродуктов достигала 4 %. Сохранялся также спрос на пеньку, щетину, чугунный и стальной лом, костяную муку и табак.

Такая структура вывоза не была типична для СССР, поскольку основные экспортные контингенты, хлебпродукты и корма, в Финляндию не вывозились. В 1920—1930-е гг. место поставщика традиционных товаров российского экспорта (зерновые, корма и нефтепродукты) заняла Америка¹⁵. Только с 1923 г. начал определяться характер структуры советского экспорта в Финляндию. Масштабы внешней торговли были несравнимы с дореволюционными. Доля России / СССР

¹⁴ Архив МЭРТ РФ. Ф. «Экономика Финляндии». Д. 5. Л. 1—13.

¹⁵ США также являлись крупнейшим кредитором финляндской экономики. На рубеже 1920—1930-х гг. половина внешнего долга Финляндии приходилась на США.

во внешней торговле Финляндии в 1920-е гг. снизилась до 3 %, составляя в 1930-е гг. менее 1 %.

Причины отсутствия торгового договора

На мирных переговорах 1920 г. была достигнута принципиальная договорённость о незамедлительном начале переговоров с целью подписания торгового договора. Кроме того, для обеспечения нормальной торговой деятельности необходимо было заключить ряд конвенций, железнодорожную, почтово-телеграфную и др. Этим было поручено заняться Смешанной комиссии, образованной сторонами согласно ст. 31 и 32 Мирного договора¹⁶. Торговые переговоры, начавшиеся осенью 1922 г., как и последующие попытки подписать торговый договор, не дали результата. Камнем преткновения стал вопрос о статусе советского торгпредства, которое существовало «в силу молчаливого признания финнами его прав, зафиксированных в многочисленных договорах СССР с другими странами». В середине 1920-х гг. со стороны Финляндии прекратились выпады по поводу монополии внешней торговли.

Торговый договор не удавалось подписать также ввиду взаимного нежелания снизить таможенные пошлины. Финляндия, настаивая на увеличении экспорта бумаги и на поставках мясомолочной продукции, одновременно ограничила ввоз, прежде всего, балансов и других лесоматериалов, а также пшеницы, нефтепродуктов. СССР тоже добивался отмены ввозных пошлин на соль, горчицу, сухофрукты и другие товары.

Сближению, в котором на первых порах советская сторона стремилась на чисто коммерческих основаниях, руководствуясь планами изыскания источников скорейшего насыщения внутреннего рынка необходимыми товарами, мешали опасения финляндских торгово-политических кругов, не желавших оказаться в политической зависимости от Советской России через развитие регулярных торговых отношений. В 1920-е гг. всё же удалось подписать ряд технических конвенций — железнодорожную, почтово-телеграфную, по вопросам рыболовства, сплава леса, которые отчасти облегчали торговые контакты.

С началом мирового экономического кризиса представители торгово-промышленных и банковских кругов Финляндии «помногу раз зондировали почву о возможности посылки в СССР делегаций для изучения возможностей расширения товарооборота с целью заключения в конечном итоге торгового договора». Ввиду «сжатия объёма рынков Западной Европы» к развитию деловых связей с СССР

¹⁶ Ст. 32 была денонсирована обменом нотами 3 апреля 1922 г. ввиду предполагавшегося немедленного начала переговоров о заключении торгового договора.

призывала «не только оппозиция (социал-демократы), но и официозная печать Финляндии». В 1930-е гг. при финляндской миссии в Москве была учреждена должность коммерческого атташе, впоследствии заменённая на должность экономического советника.

Главными статьями советского экспорта стали лесоматериалы, зерновые злаки и корма, а также нефтепродукты. Лес вывозился, главным образом, из тех пограничных районов Советской Карелии, которые не были освоены советской промышленностью ввиду отсутствия хороших подъездных путей. Финны использовали этот лес для реэкспорта в Англию, Голландию, Германию, Францию и другие европейские страны. Начиная с 1939 г. СССР приступил к сокращению лесного экспорта ввиду роста внутреннего спроса (таблица).

Таблица

Годы	Экспорт (млн. зол. руб.)	Импорт
1928	6,3	13,4
1929	5,9	10,3
1930	6,5	12,1
1934	4,7	2,9
1935	3,5	1,4
1936	7,3 (млн. сов. руб.)	3,6
1937	9,3	3,8
1938 (9 месяцев)	6,2	2,6

С 1934 г. советский экспорт значительно опережал ввоз из Финляндии¹⁷.

Развитие товарооборота упиралось не только в причины общего характера. Спонтанное выступление на финляндском рынке, отсутствие продуманной стратегии, общее невнимание московского начальства к финляндскому рынку — всё это не позволяло организовать нормальные торговые отношения. Советское торгпредство изначально указывало на важность закрепления на финляндском рынке ввиду не только экономической выгоды, но также политической значимости торговых связей с Финляндией.¹⁸

¹⁷ Краткая справка «Торговые взаимоотношения между СССР и Финляндией», 2 марта 1939 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 22. П. 145. Д. 12. Л. 4—8.

¹⁸ Записка за подписью заведующего хлебным отделом торгпредства СССР в Финляндии Н. Р. Кастря, 22 июня 1927 г.: Архив МЭРТ РФ. Ф. «Торгпредство СССР в Финляндии». Оп. 1359. Д. 10 (без

Первое советское торгпредство в Финляндии

Первым советским торгпредом в Финляндии (ТПФ) Совнарком назначил в ноябре 1920 г. Александра Михайловича Игнатъева¹⁹, известного изобретателя. Во время войны Игнатъев служил в артиллерии в звании поручика, сконструировал и испытал в боевых условиях оптический прибор для ведения огня по аэропланам. Командование царской армии изобретением заинтересовалось. Однако из-за проволочек опытный образец был собран только к концу 1916 г. Главное артиллерийское управление (ГАУ) признало его самым лучшим из всех существующих в то время зенитных прицелов. Запустить прибор в массовое производство на Петроградском артиллерийском заводе смогли уже после Октябрьской революции.

В воспоминаниях М. Горького «В. И. Ленин» описана встреча в ГАУ с неким «изобретателем И.». Судя по всему, Ленин до этого уже был знаком с Игнатъевым (возможно, заочно)²⁰ и считал, что тот «звёзд с неба не хватает». Оптический прибор, однако, произвёл большое впечатление на вождя пролетариата²¹. Реввоенсовету было поручено создать Игнатъеву все условия для работы²².

На должность торгпреда в Финляндии Игнатъева рекомендовал Л. Б. Красин. Игнатъев познакомился с Красиным и с теми, кто впоследствии составил костяк ТПФ,

пагинации). Документ «Обзор деятельности финляндского торгпредства по продаже хлебопродуктов, основы работы и перспективы по хлебоэкспорту в Финляндии»: Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 1—14.

¹⁹ А. М. Игнатъев (12 ноября 1879—1936) был сыном действительного статского советника, генерала Михаила Александровича Игнатъева, родившегося в крестьянской семье и получившего потомственное дворянство за заслуги в области развития ветеринарии. Мать, Аделаида Фёдоровна, происходила из дворянского рода Казимирских. Александр Михайлович окончил естественное отделение математического факультета Петербургского университета, инженер-изобретатель. Свободно говорил на финском, немецком и французском языках. Член РСДРП с 1904 г., участник Свеаборгского восстания. По поручения ЦК большевиков работал в Финляндии, Швейцарии и Франции. В 1920—1925 гг. торгпред СССР в Финляндии, затем сотрудник советского торгпредства в Германии (с 1926 до 1929 г.). Одновременно с дипломатической работой занимался изобретательством, разработал самозатачивающийся режущий инструмент, на изготовление которого получил патенты семи стран (включая СССР). На собственные средства, полученные от продажи имения в Финляндии, основал лабораторию, на базе которой в 1929 г. была создана Государственная союзная научно-исследовательская лаборатория режущих инструментов и электросварки, которой впоследствии было присвоено его имя (ЛАРИГ). В 1943 г. на базе лаборатории Игнатъева создали институт ВНИИИнструмент. А. М. Игнатъев был арестован во время «большого террора», расстрелян без суда.

²⁰ Игнатъев был человеком авантюрного склада. Он предлагал похитить Николая II из Нового Петергофа с целью открыть ему глаза на происходящее в России. Царя предполагалось спрятать в Финляндии, на даче некоего анархиста по фамилии Денисов, недалеко от имения Ахи-Ярви, принадлежавшего матери Игнатъева. Проект был отвергнут Лениным как ненужная авантюра (*Буренин Н. Е.* Памятные годы. Л., 1967. С. 45).

²¹ «...Если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!» (*Горький М.* В. И. Ленин. М., 1976. С. 63).

²² *Буренин Н. Е.* Памятные годы. С. 45.

в 1904 г., когда большевистский ЦК поручил ему заняться транспортировкой оружия в Россию через Финляндию в составе боевой технической группы²³.

Игнатьев окружил себя интеллигентными, проверенными, достаточно образованными людьми. Заместителем торгпреда был назначен Николай Евгеньевич Буренин²⁴. Профессиональный революционер, соратник Красина, Буренин окончил в своё время коммерческое училище.

Обязанности секретаря ТПФ поначалу исполнял Иван Иванович Березин, который до поступления на работу в НКВТ занимался административно-хозяйственной, планово-финансовой и экономической работой. С сентября 1921 г. и до февраля 1927 г. Березин находился на должности заместителя торгпреда в Финляндии²⁵.

Одним из немногих, кто работал в ТПФ по специальности, был Григорий Иванович Болдырев. Юрист по образованию, он занимался вопросами внешней торговли с 1912 г. В ТПФ был взят консультантом по финансово-экономическим вопросам и заведующим Статистическо-информационным отделом (личное заявление на имя Игнатьева от 22 декабря 1920 г.). Для работы в Финляндии его рекомендовал тесть, Сергей Григорьевич Горчаков, начальник Административного управления НКВТ²⁶. Болдырев был не единственным протеже в торгпредстве. Сын генерала царской армии, инженер, подполковник Владимир Александрович Крит был старинным знакомым М. Горького, который и порекомендовал его для работы в Финляндии. До этого Крит служил в Совете военной промышленности. Был взят на должность управляющего делами ТПФ с января 1921 г. В том же году возглавил Выборгскую торговую агентуру. По характеристике Игнатьева, «честный, прямой, энергичный человек. К делу относится в высшей степени добросовестно, аккуратно, хороший товарищ»²⁷.

Дудаков Илья Степанович, из крестьян, хозяйственник с большим стажем, был рекомендован для работы в НКВТ Красиным. В торгпредстве в Финляндии занимал

²³ Боевая техническая группа была создана вскоре после январских событий 1905 г. по решению Петербургского комитета РСДРП. Действовала под контролем большевистской фракции РСДРП. Поначалу группу возглавлял секретарь Петербургского комитета Сергей Иванович Гусев. Она устанавливала связь с рабочими, создавала боевые отряды в районах и на предприятиях, добывала и распределяла оружие. После Третьего съезда РСДРП Боевая техническая группа перешла в непосредственное ведение ЦК партии. Во главе группы был, по предложению Ленина, поставлен член ЦК Леонид Борисович Красин. При Петербургском комитете после этого был создан боевой комитет, который подчинялся Боевой технической группе. Почти всё оружие, которое большевики приобретали за границей, шло в Россию через Стокгольм и Финляндию, тем же путём, каким доставлялась ранее нелегальная литература. Имение Игнатьевых находилось вблизи российско-финляндской границы. В окрестных лесах в многочисленных тайниках были припрятаны оружие и взрывчатые вещества (Буренин Н. Е. Памятные годы. С. 14, 43).

²⁴ Имение Буренина Кириасалы, которое находилось вблизи почтовой и таможенной станции Коркиямякки, было использовано в 1905 г. для организации тайных складов оружия.

²⁵ Архив МЭРТ РФ. Личное дело. Березин Иван Иванович св. 54/2270.

²⁶ Там же. Личное дело. Болдырев Григорий Иванович 84/3450.

²⁷ Там же. Личное дело. Крит Владимир Александрович св. 183/7010.

должность товароведа. По оценке Игнатъева, Дудаков «знаком хорошо с психологией мелкого и среднего торговца, вследствие чего может вести всякого рода предварительные переговоры о тех или иных коммерческих сделках, исполнять всякого рода агентские поручения торгового характера, обследовать... рынок и пр. ...Любит всякое дело торгово-хозяйственной сферы и выполняет его всегда хорошо и с большим интересом. По психологии — “службист” старого времени... дорожит местом и отношением начальства. Очень полезный и необходимый ТП сотрудник»²⁸.

Рождественский Николай Яковлевич был приписан к ТПФ с 19 декабря 1921 г., заведовал хлебным отделом. Ранее, с апреля 1916 г., жил в Финляндии безвыездно в качестве агента Особого совещания по топливу, занимаясь заготовкой дров, а также хозяйственной отчётностью. По оценке Игнатъева, Рождественского отличали «трудолюбие, честность и добросовестность, бесхитрость, открытость и скромность»²⁹.

Оперативную часть ТПФ³⁰ (с 8 февраля 1921 г.) возглавлял Сергей Фёдорович Гарденин, который вскоре (с 19 февраля 1921 г.) был назначен заведующим финансово-учётным и статистическо-экономическим отделом. В апреле 1922 г. Гарденина перевели на должность торгпреда в Швеции (с 26 апреля 1922 г.). Игнатъев «крайне сожалел» о том, что ТПФ лишилось хорошего работника³¹.

В октябре 1923 г. для работы по хлебным операциям Игнатъев пригласил Николая Ричардовича Кастья, агронома и землемера. До командирования в Финляндию Кастья работал в Главснабпродарме и Наркомпроде и обладал «значительным практическим опытом, правильным анализом современной экономической конъюнктуры и специфических особенностей работы государственных хозяйственных органов в её условиях». Осенью 1923 г. Кастья³² был назначен заведующим хлебным отделом ФТП и стал ближайшим помощником Игнатъева.

Ещё один сотрудник из числа ближнего к Игнатъеву круга, Николай Фёдорович Верещагин служил в своё время в Финляндии на миноносце «Сибирский стрелок». Поначалу личный шофёр Игнатъева, Верещагин вскоре стал торговым агентом.

²⁸ Там же. Личное дело. Дудаков Илья Степанович 53/2226.

²⁹ Там же. Личное дело. Рождественский Николай Яковлевич 36/1374.

³⁰ Торгпредства разделялись на две части — регулирующую и коммерческую. Регулирующей части вменялось изучение экономики и рынков сбыта и распространение за границей информации об экономической жизни СССР. Коммерческая часть должна была заниматься реализацией экспортного сырья и закупкой импортных товаров по заданиям НКВТ; выполнением комиссионных поручений Госторгов и других государственных органов и кредитных организаций, предприятий и лиц, получивших на то соответствующее разрешение. См. Приложение к Приказу по НКВТ СССР 37. Положение о торговых представительствах СССР за границей: Там же. Ф. 1. Оп. 12832. Д. 110 (без пагинации).

³¹ Там же. Личное дело. Гарденин Сергей Фёдорович 16/641.

³² Там же. Личное дело. Кастья Николай Ричардович 44/1714 (ошибочно назван Николаем Рехардовичем).

Таким образом, костяк первого советского торгпредства в Финляндии составили те, кто так или иначе был связан с «финской темой», с кем Игнатъев был хорошо знаком. Это была команда единомышленников. Человеческие качества своих сотрудников Игнатъев ценил в не меньшей степени, чем деловые, предпочитая работать с теми, кого мог считать «хорошими товарищами». Важно отметить, что в ближнем окружении Игнатъева не было ни одного члена РКП(б), что определило характер взаимоотношений торгпредства и полпредства, а также отношение руководства НКВТ к ТПФ и лично к Игнатъеву³³.

Общие условия работы

Практически с самого начала ТПФ было вынуждено бороться на два фронта, стараясь преодолеть препятствия, чинимые финляндскими властями, и отстаивая перед руководством НКВТ право на то, чтобы единолично представлять профессиональную точку зрения, которой не только полпредство, но также московское внешнеторговое начальство далеко не всегда интересовались.

Штат торгпредства начали формировать осенью 1920 г. В начале ноября торговая делегация в составе семи человек³⁴ была готова выехать в Финляндию. Однако въездные визы в середине января 1921 г. получили только трое из числа членов Торговой делегации (так поначалу назывались торгпредства): А. М. Игнатъев, С. Ф. Гарденин и К. М. Шведчиков. На границе им было предложено остаться на определённый срок в карантине. Советская делегация запросила на этот счёт инструкции НКВТ и вскоре, в качестве протеста, вернулась обратно в Россию. Вторая попытка открыть торгпредство в Хельсинки была предпринята во второй половине февраля, когда в Финляндию отправилось полпредство РСФСР. На этот раз удалось выхлопотать визы для четырёх человек.

Для постоянной коммерческой деятельности этого было совершенно недостаточно. Настаивая на пропуске в Финляндию конторских служащих, ТПФ воздерживалось от заключения серьёзных сделок, пытаясь тем самым перетянуть на свою сторону местных предпринимателей и торговцев, заинтересованных в возобновлении торговли с Россией. Тактика давления, которая впоследствии не раз использовалась, в этот раз не сработала, и потому, «в целях более решительного воздействия на правительство и общественное мнение», в начале апреля 1921 г.

³³ Переброска беспартийных в другие торгпредства, замена их коммунистами.

³⁴ А. М. Игнатъев, С. Б. Красина-Лушникова, С. Ф. Гарденин, Б. М. Горчаков, В. А. Крит, И. С. Дудаков, А. А. Виганд; Архив МЭРТ РФ. Личное дело. Игнатъев Александр Михайлович св. 19/726. С. 66.

торгпредство в полном составе вернулось в Москву³⁵. Демарш возымел действие. Разрешению конфликта способствовали в том числе перестановки в правительстве, в результате которых правый кабинет Р. Эриха (Национальная коалиционная партия) сменился правительством Ю. Х. Веннолы (Национальная прогрессивная партия). Последнее пошло на уступки. В начале мая торгпредство в составе 23 человек прибыло в Хельсинки и с июня 1921 г.³⁶ приступило к работе. Таким образом, для того, чтобы организовать в Хельсинки торгпредство, потребовалось четыре месяца. Противостояние с финляндским правительством на этом не закончилось, но вошло в норму.

Для начала необходимо было наладить регулярное железнодорожное сообщение. В отсутствие соответствующего соглашения грузы перегружались на границе. Торгпредство сосредоточилось на достижении временного соглашения с железнодорожным ведомством о бесперегрузочной доставке грузов в Петроград в финляндских вагонах. Местные власти выдвинули встречные требования, в частности настаивая на внесении залога за использование финляндских вагонов³⁷. К разрешению конфликта подключили Трест финляндских писчебумажных фабрик, с которым 18 июня 1921 г. ТПФ заключило крупный договор на поставку в Россию бумаги. ТПФ имело дело преимущественно с Союзом, объединявшим почти всё писчебумажное производство (31 фабрика с производительностью в 240 000 т в год; вне Союза находились только три фабрики с общей годовой производительностью 6500 т; у торговцев, не входивших в Союз, было куплено только 1522 т). Некоторые уступки в цене торгпредству удалось получить, т. к. Союз был заинтересован в развитии отношений. Тяжба продолжалась почти три месяца. В итоге 7 сентября 1921 г. удалось заключить договор о бесперегрузочной доставке в Петроград бумаги. Впоследствии это соглашение было распространено и на другие товары.

Смешанная комиссия параллельно работала над заключением между Россией и Финляндией временного железнодорожного соглашения, которое предусматривало использование на всём пути собственных вагонов с целью ускорения и удешевления транспортировки грузов. Только во второй половине декабря соглашение было

³⁵ Там же. Ф. «Экономика Финляндии». Д. 5. Л. 1.

³⁶ Торгпредство в Финляндии (справка): Там же. Ф. 1. Оп. 12832. Д. 67. С. 82—83.

³⁷ Не лучше обстояло дело и с морским транспортом. Финляндские власти применили, по сути, запретительную систему по отношению к РСФСР, установив строгие карантинные правила для прибывавших из РСФСР судов — как русских, так и иностранных, а также финляндских, возвращавшихся в Финляндию. Эти правила настолько повышали фрахт, что морской доставкой пользовались крайне редко. Летом 1923 г. в ответ на введённые финляндским правительством карантинные правила для судов из России было принято решение ввести аналогичные для финнов: Записка в Коллегию НКВД за подписью зав. экономическо-правовым отделом Колчановского и зав. 2-м отделением Канторовича от 20 июля 1923 г.: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 18. Л. 41.

подписано³⁸, одновременно заключили несколько договоров о поставке в Петроград дров и о продаже Финляндии металлолома.

Министерство торговли и промышленности блокировало все попытки ТПФ развернуться на финляндском рынке. В отношении РСФСР действовала разрешительная (основанная на выдаче лицензий на коммерческую деятельность) система. При выдаче лицензий на ввоз министерство требовало от торговцев представления подробных сведений об условиях сделок, не пропуская «невыгодные» для Финляндии.

Оставив торговлю бумагой на откуп Тресту писчебумажных фабрик, правительство всячески охраняло интересы торговцев дровами: был образован Трест дровяников, сделки не входящих в него торговцев не утверждались. Торгпредство заключило контракт на поставку дров для Петрограда с фирмой «Хозяинов и К°», но тогдашний министр торговли и промышленности Э. Макконен пригрозил уйти с поста министра, если частным фирмам будет позволено действовать в обход треста на поставку дров в Россию. Отказ на выдачу лицензии был официально подтверждён письмом отдела торговли министерства от 16 сентября 1921 г. В результате предложения от частных фирм сократились, цены на дрова резко выросли.

Отказ в выдаче лицензии фирме «Хозяинов и К°» был первым в торговой практике с Финляндией. До этого было заключено более 20 договоров на самые разнообразные товары на сумму в несколько десятков миллионов марок. Гарденин³⁹ предлагал припугнуть финнов тем, что Россия вовсе не будет покупать дрова, и начать покупать каменный уголь и заготовливать дрова в России силами Главтопа⁴⁰. На отказ от закупок, по мнению Гарденина, имелись все основания: осеннюю кампанию водным путём провести не удалось, зимнюю, посуху, по чисто техническим причинам было возможно выполнить не более чем на 50 % от запланированных НКВТ объёмов⁴¹. Договор с нетрестированной фирмой «Хозяинов и К°» так и не подписали, но цель была достигнута — Трест дровяников вскоре распался. Уже через год, по свидетельству Игнатьева, выдача лицензий финляндским правительством свелась к простой формальности⁴².

³⁸ Конвенция о прямом железнодорожном сообщении с Финляндией была подписана в 1924 г., отдельные статьи изменены в 1936 г.

³⁹ Гарденин был сторонником жёсткой линии в отношении Финляндии: если ставят препоны — значит, нужно и вовсе отказаться от отношений.

⁴⁰ Главный топливный комитет с 1918 по 1921 г., после Главное управление по топливу, ГУТ ВСНХ.

⁴¹ Копия доклада С. Гарденина зам. Наркома НКВТ И. И. Радченко от 4 октября 1921 г. о ходе дровяных операций: АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 4. П. 105. Д. 28. Л. 2.

⁴² Архив МЭРТ РФ. Ф. «Экономика Финляндии». Д. 5. Л. 1—13.

А. М. Игнатъев о работе на финляндском рынке

Географическая связанность делала неизбежной расширение деловых контактов с Финляндией. Игнатъев считал, что торговый договор одинаково важен для обеих стран, называя сложившуюся ситуацию «висением в воздухе», поскольку временные сделки не могли «вызвать правильной торговли». Только торговый договор мог обеспечить «правильную торговлю и правильное развитие капитала».

Некоторые товары невозможно было вывозить из России никуда, кроме Финляндии. Это касалось, прежде всего, поставок железного лома, опилок, стружки — материала слишком тяжёлого, транспортировка которого могла быть выгодна только на относительно короткие расстояния. Говоря о перспективах активизации двусторонней торговли, Игнатъев обращал внимание руководства на разворачивавшееся в Финляндии промышленное строительство, в частности, планы электрификации региона Иматра, на реке Вуоксе в северной части Карельского перешейка⁴³.

Игнатъев призывал увеличить кадровый состав ТПФ. Притом что далеко не все работники владели финским языком — многие вообще не знали языков либо говорили недостаточно хорошо, — при Игнатъеве ситуация с кадрами была не настолько уж плохой, если иметь в виду профессионализм работников, которые при необходимости могли охватить самую широкую номенклатуру товаров⁴⁴.

На финляндском рынке необходимо было закрепиться, именно на это Игнатъев неизменно обращал внимание, призывая НКВТ присылать в Хельсинки людей не на отдых, а для работы, причём в тесном контакте с торгпредством. Отсутствие «живой связи» между торгпредством и Москвой Игнатъев считал главным отрицательным моментом в работе на финляндском рынке. Торгпредство не привлекали к решению принципиальных вопросов и даже вовремя не информировали о стратегических планах. Такая практика шла вразрез с политикой НКВТ и теми задачами, которые были поставлены перед торговыми представительствами.

Политика НКВТ состояла в «борьбе за здоровую государственность, за централизованную, планомерную внешнюю торговлю с капиталистическим миром и против спекулянтского сепаратизма лиц, учреждений и ведомств, по близорукости или своекорыстию стремящихся к разрозненным обособленным выступлениям на внешнем

⁴³ «О некоторых наболевших вопросах в работе Торгпредства в Финляндии» — устный доклад торгпреда А. М. Игнатъева 22 ноября 1922 г.: Там же. Оп. 11057. Д. 12. Л. 7.

⁴⁴ В 1924 г. регулирующая часть ТПФ состояла из семи человек [Торгпредство в Финляндии (справка): Там же. Ф. 1. Оп. 12832. Д. 67. Л. 82—83]. В 1927 г. торгпредство в Финляндии было одним из самых дешёвых по уровню торговых расходов на содержание аппарата (Там же. Личное дело. Трифонов Валентин Андреевич св. 45/1788). Для сравнения: в январе 1930 г., когда заключение сделок было временно переведено из Хельсинки в Ленинград, численность штата торгпредства сократилась до трёх человек [Справка о штатах Торгпредства СССР в Финляндии: Там же. Д. 110 (без пагинации)].

рынке»⁴⁵. Положение о торговых представительствах СССР за границей⁴⁶ (август 1923 г.) закрепило роль торгпредств НКВТ в качестве органов, осуществлявших контроль за соблюдением торгующими организациями монополии внешней торговли. В числе задач указывались следующие:

1. надзор и наблюдение за торговой деятельностью государственных, общественных и кооперативных организаций и иных юридических и физических лиц;
2. наблюдение за точным осуществлением торговых договоров и исполнением учреждениями и гражданами СССР в стране пребывания законов и распоряжений правительства СССР, относящихся к внешней торговле; подготовка представлений полпреду о дипломатических и иных распорядительных мерах в случаях, если в таковых окажется надобность;
3. контроль за деятельностью смешанных обществ, выдача разрешений на ввоз в пределы СССР товаров на основании общих инструкций или отдельных лицензий НКВТ;
4. участие в выработке торговых договоров.

Если не все, то большинство пунктов на практике нарушались. Торгпреду сообщался минимум информации, планы и стратегия не обсуждались. Ситуацию, в которой торгпред был вынужден узнавать из местных газет или из бесед с финляндскими официальными лицами о том, что происходит в отношениях Финляндии и СССР, Игнатьев считал ненормальной. Его даже не поставили в известность о готовившемся подписании торгового договора. В конце ноября 1922 г. он ещё не имел на руках никаких официальных проектов Совнаркома.

Медленное освоение финляндского рынка Игнатьев связывал не с одним лишь противодействием финляндских властей, но также с «недостаточной организацией не только местного аппарата НКВТ, но и центрального управления». Репутация торгпредства подрывалась неаккуратным выполнением коммерческими организациями торговых сделок, опозданиями по поставкам, поставками некондиционного товара и т. п. Наименование товара, указанное в накладных и на упаковках, зачастую не соответствовало содержанию, качественные характеристики не соблюдались. Присылался товар, который по определению не мог найти спроса в Финляндии (валенки, граммофонные пластинки и т. п.)⁴⁷.

⁴⁵ Из доклада наркома внешней торговли Красина «Внешняя торговля РСФСР и деятельность НКВТ» на Первом совещании уполномоченных НКВТ (15 мая — 23 июня 1922 г.): Там же. Ф. «Торгпредство СССР в Финляндии». Оп. 2. Д. 24. Л. 15.

⁴⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 12832. Д. 110 (без пагинации).

⁴⁷ Там же. Ф. «Экономика Финляндии». Д. 5. Л. 14.

Настаивая на том, что торгпредство должно принимать непосредственное участие в разработке конкретных планов в отношении Финляндии и что вмешательство полпредства в практические вопросы организации торговых отношений только мешает делу, Игнатъев был непримирим. Из его доклада, подготовленного для Первого съезда уполномоченных НКВТ, становится ясным, что ситуация, сложившаяся в Финляндии, вовсе не была исключением. Ратуя за интересы дела, Игнатъев предлагал разграничить сферы деятельности органов НКИД и НКВТ, указывая на то, что НКВТ и его органы за границей лучше знают экономическую ситуацию на местах, чем полпредства. Органы НКИД не должны были предпринимать ни одного шага в экономических вопросах, не согласовав своих действий с представительством НКВТ. Этот принцип Игнатъев считал основным, подчёркивая, что его нарушение может иметь нежелательные последствия, прежде всего для Советской России, о чём со всей определённостью свидетельствовал экономический бойкот, объявленный Финляндии в декабре 1921 г. (до марта 1922 г.) по инициативе НКИД в связи с очередным вооружённым конфликтом в Восточной Карелии.

Подчёркивая легковесность и непродуманность экономической политики в отношении Финляндии, Игнатъев напирал на то, что бойкот произвёл бы ожидаемый эффект в том случае, если бы был заранее продуман во всех деталях. Будучи уверенным в провале с самого начала, Игнатъев сетовал на то, что его мнения как торгпреда никто не запросил. Действия советской стороны были непоследовательными и половинчатыми: притом что заключать новые сделки запретили, торгпредство отозвано не было. В результате бойкот не был воспринят всерьёз. Игнатъев расценил как стратегический просчёт то, что в период бойкота советские газеты сообщали о топливном голоде в России: иных вариантов закупить дрова, кроме как в Финляндии, не было. Металлические заводы, которые оплатили поставку из России 5000 т металлолома, возможно, и были недовольны задержкой, но эта потеря, как считал Игнатъев, не являлась настолько значительной, чтобы менять политические взгляды.

Бойкот фактически никак не затронул интересы Финляндии, чего нельзя было сказать об интересах России. Железнодорожный транспорт, с помощью которого предполагалось в срочном порядке доставить закупленные за границей семенные и продовольственные грузы, особенно остро нуждался в топливе, равно как и вся петроградская промышленность. Пришлось даже покупать дрова в Эстонии по завышенным ценам. Закупка дров в Финляндии была приостановлена на два месяца, причём в зимний период, когда простаивали российские и финляндские вагоны; весной и летом вагоны было получить труднее. В итоге в весенний период транспортировка

дров в Петроград оказалась особенно интенсивной, что не позволило использовать вагоны, в частности, для своевременной перевозки муки для Помгола. Не говоря уже о том, что задержка экспорта в Финляндию металлолома уменьшила поступления в российскую казну иностранной валюты.

Другим подтверждением неудавшейся тактики экономического бойкота явилась отправка через НКВД ноты исполкома Карельской Трудовой Коммуны, который ко времени прекращения карельского конфликта возбудил вопрос о том, чтобы финляндское правительство разрешило доставку продовольствия в Восточную Карелию. Это дало повод финнам поднять вопрос о гарантиях, тогда как прежде продовольствие для Карельской коммуны закупалось на общих основаниях⁴⁸.

Одним из самых болезненных был вопрос спекулятивных торговых сделок. Практика заключения таковых разными производственными организациями, трестами и пр. самостоятельно, в обход Госторга и НКВТ, угрожала самому существованию монополии внешней торговли⁴⁹. Игнатьев был убеждён, что торговать нужно на местах, напрямую, а не через посредников или специальных агентов, периодически посылаемых за границу. Только так можно было быть уверенным в целесообразности приобретения того или иного товара, не прогадать ни в качестве, ни в цене.

Все сделки, заключённые с разрешения НКВТ и Петровнешторга в обход торгпредства, всегда означали бы переплату. Торгпредству только за первый год работы на финляндском рынке удалось сохранить для государства восемь миллионов марок путём пересмотра условий заключения сделок.

При больших массовых сделках все равно приходилось открывать временные агентства, к примеру, в Выборге было открыто агентство для доставки дров в Петроград. В любом случае, организовать торговлю на месте было проще и дешевле, для чего Игнатьев просил создать в том числе аппарат, заведующий транспортировкой грузов, что позволило бы существенно удешевить их доставку⁵⁰.

Особого внимания заслуживала торговля хлебом. Первые операции на финляндском хлебном рынке указывали на хорошие перспективы его завоевания. До 1913 г. Россия была в числе крупнейших экспортёров зерна. Поставки в Финляндию возобновились в 1923 г. в условиях острого дефицита «отдельных элементов народного достояния», в том числе хлеба, и сохранения содержания сделок вплоть до подписания

⁴⁸ Архив МЭРТ РФ. Оп. 11057. Д. 11. Л. 1—4.

⁴⁹ «О некоторых наблевших вопросах в работе Торгпредства в Финляндии» — устный доклад торгпреда А. М. Игнатьева 22 ноября 1922 г.: Там же. Ф. «Экономика Финляндии». Оп. 11057. Д. 12. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Д. 5. Л. 1—19.

контрактов в строжайшей тайне⁵¹.

За 1925-й и шесть месяцев 1926 г. из СССР было ввезено в Финляндию ржи 15 % общего ввоза, из Америки — 33,9 %, из Германии — 31,6 %, из Польши — 12,3 % и из прочих стран — 7 %. Таким образом, СССР был на третьем месте среди экспортёров. Констатируя продолжавшийся рост населения в Финляндии и традиционную нехватку ржи, ячменя, пшеницы и прочих культур, торгпред указывал на хорошие перспективы хлебной торговли, считая «единственной помехой к значительному ввозу ржи и овса (был подвержен сильным колебаниям в зависимости от местного урожая) недостаток предложения с нашей стороны». С экспортом ржаной муки дело обстояло сложнее. В 1923 г. торгпредство выбросило на рынок пробную партию. В результате «настолько всполошили аграриев и мельников, что они через печать, сейм и правительство сделали из этого большой политический вопрос, надолго взволновавший правящие сферы Финляндии».

В 1913 г. ввоз пшеничной муки равнялся 114 000 т (из них 14 550 т из России), в 1925 г. из России поступало 107 000 т из общего объёма 399,7 миллиона финляндских марок, причём основными поставщиками были США (61 000 т) и Англия (31 000 т). При почти полном отсутствии в Финляндии собственного производства пшеницы не было иных препятствий для экспорта муки, помимо цены, которая на 20—25 % превышала цену внутреннего рынка. По мнению Игнатьева, в интересах увеличения запродаж цену следовало снизить, тем более что превышение было незначительным.

Игнатьев обращал внимание на высокое качество российского зерна (его пускали в переработку вместе с американским или местным, чем достигалось «лучшее качество и большее единообразие муки»), а также накопленный положительный опыт ведения хлебной торговли: за всё время существования торгпредства СССР в Финляндии с 1921 г. не было ни одного арбитража по экспортно-хлебным делам. Следовало также принять во внимание наличие для хлебных грузов удобного транспортного сообщения, а именно: расстояние от Выборга до Куопио составляет всего 500 км.

Уже в первый год (1923 г.) удалось завоевать ржаной рынок на 60—70 %. Достигнуто это было благодаря демпинговой политике. Цена поднималась по мере того, как советская рожь завоёвывала покупателей, пока не сравнялась в цене с американской рожью. «Лучшим способом конкуренции, — подчёркивал Игнатьев, — является высокое качество нашего зерна, а также аккуратность в отношении сроков поставки». Он был

⁵¹ Циркуляр № 22/с, Торговому Представительству НКВТ в Финляндии, тов. Игнатьеву, 18 августа 1923 г.: постановления СТО (Совет труда и обороны) от 16 мая 1923 г.: Там же. Ф. «Торгпредство СССР в Финляндии». Оп. 1357. Д. 40 (без пагинации).

убеждён в том, что можно легко «полностью удовлетворить потребности рынка главным нашим продуктом — рожью».

При этом «общей мерой улучшения хлебоэкспорта оставалась... необходимость исполнения равномерности и сроков поставок, максимального соблюдения кондиций; серьёзного учета особенностей данного рынка (географические, экономические и др. условия); наконец, самое главное, — создание собственного хлебного торгового аппарата, по типу как у наших контрагентов»⁵². Лишь при соблюдении перечисленных условий было возможно «с максимальными выгодами размещать наш хлеб».

Несмотря на все существовавшие, по мнению экспертов ТПФ, предпосылки для развития хлебной торговли, доля СССР в общем ввозе хлебопродуктов в Финляндию по сравнению с 1923 и 1924 гг. сильно уменьшилась, составив лишь 7,5 % общего ввоза в 1925 г. и 5,1 % за шесть месяцев 1926 г.⁵³ СССР был готов удовлетворять максимально потребности Финляндии в хлебе не ранее чем в начале 1930-х гг. К тому времени Финляндия уже практически отказалась от ввоза зерна.

Попытки убрать Игнатьева с должности торгпреда в Финляндии

ЦК РКП неоднократно поднимал вопрос о том, чтобы убрать беспартийного Игнатьева с поста торгпреда в Финляндии. В феврале 1924 г. ему в очередной раз официально напомнили о необходимости согласованных действий с полпредством⁵⁴. В конце декабря в ТПФ по распоряжению Красина с инспекцией выехал замнаркома НКВТ М. И. Хлопьянкин, который характеризовал общее положение как удовлетворительное, сочтя состояние аппарата, постановку работы, достижения и использование возможностей средними. Якобы такого мнения придерживались и «некоторые специалисты, ближайшие помощники А. М. Игнатьева». Что касается взаимоотношений Игнатьева с полпредом и полпредством, то они были «ниже среднего, но не окончательно плохи», опять-таки, по мнению безымянных «помощников».

Хлопьянкин предлагал в качестве программы минимум оставить на месте Игнатьева и его заместителя Березина, заменив «некоторых работников» коммунистами. Программа максимум предполагала назначение на должность торгпреда в Финляндии

⁵² Хлебная торговля в силу многочисленных причин, в том числе противодействия местных властей, отсутствия собственного, достаточно гибкого торгового хлебного аппарата (отдельной бухгалтерии и т. п.), общей нехватки специалистов-хлебников, велась через крупную оптовую фирму «Пеуса и Мордух», имевшую постоянную контору в Хельсинки (двенадцать человек плюс руководитель) и отделение в Выборге. Всего 16 человек различной квалификации, часть из них — с большим стажем по торговле хлебом.

⁵³ Ввоз в Финляндию хлебопродуктов за 1923—1925 г. и шесть месяцев 1926 г. По вопросам Расширенного Совещания Правления «Экспортхлеба» с руководителями Хлеботоргов, 10 июля 1926 г.: Там же (без пагинации).

⁵⁴ Там же. Оп. 4. Д. 27. Л. 18.

«авторитетной и для Полпредства, и для коллектива коммунистов фигуры». По мнению замнаркома НКВТ, партийный торгпред и его заместитель были бы «условием нормального положения вещей». Поскольку поиск подходящей кандидатуры затянулся, Хлопьянкин предлагал «разбить пару» Игнатъев — Березин, определив последнего на должность заместителя торгпредства и коммерческого директора в каком-либо другом торгпредстве.

Красин в своих возражениях указывал на то, что Игнатъев — «весьма близкий нам человек, бывший большевик, которого хорошо знают наши ответственные партийные работники» и который «по-деловому поставил внешнеторговую работу в Финляндии»; торгпредство в Финляндии было третьим по оборотам после лондонского и берлинского торгпредств.

Игнатъев был освобождён от должности торгпреда в Финляндии и откомандирован в распоряжение НКВТ 6 апреля 1925 г.⁵⁵ По ходатайству Красина, он с 1926 г. был приписан к берлинскому торгпредству в качестве руководителя НИР в отделе Металлоимпорта.

И после Игнатъева торгпреды, работавшие в Финляндии в 1920—1930-е гг., продолжали сетовать на то, что остаются на вторых ролях. Это в принципе было оправдано формулировкой упомянутого выше Положения о торговых представительствах СССР за границей (1923 г.): «Торгпредство является непременной составной частью соответствующего Полпредства»⁵⁶. Торгпреды, в свою очередь, считали полпредство «лишним учреждением, только мешавшим практической работе», которой было занято торгпредство⁵⁷.

Вместо заключения

Уже в конце 1930-х гг. сотрудники НКВД в служебных записках осмеливались высказывать соображения о том, что политика в отношении Финляндии, торговая в частности, была «неправильной и даже вредной». Правда, вина за это перекладывалась на тех, кто уже не мог опровергнуть обвинения в том, что «не поддержал стремлений финляндской стороны к сближению». В справке «Торговые взаимоотношения между СССР и Финляндией», подготовленной 2 марта 1939 г. накануне торговых переговоров, имеется ссылка на циркуляр по Импортному управлению НКВТ (ноябрь 1934 г.)

⁵⁵ Там же. Личное дело. Игнатъев Александр Михайлович св. 19/726.

⁵⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 12832. Д. 110 (без пагинации).

⁵⁷ Мнение В. А. Трифонова, назначенного на должность Торгпреда в Финляндии после Игнатъева: Там же. Цитата из личного дела Рудановского Л. Я. 55/2094.

за подписью наркома ВТ А. П. Розенгольца⁵⁸: «Впредь не размещать заказов в Финляндии без моего личного разрешения».

Отмечалось, что такая политика сдерживания инициативы стала причиной «крайне слабого развития внешнеторговых отношений». Доля СССР в 1935 г. в экспорте Финляндии составила 0,8 %, в 1936 г. — 0,5 %. Доля СССР в импорте Финляндии равнялась 3 и 2 % соответственно.

В 1939 г., в частности, припомнили, что Ветеринарное управление Наркомзема (Народный комиссариат земледелия СССР) ещё в 1926 г. предлагало заключить ветеринарную конвенцию ввиду планов закупки в Финляндии свиней, рогатого скота и лошадей и что переговоры тогда оказались безрезультатными. НКЗем несколько лет подряд ставил перед НКВД вопрос о желательности отмены практики представления советскими органами финляндским властям санитарных сертификатов на пшеницу и корма, мотивируя это тем, что таковые сертификаты другими странами не запрашивались. Чем дело в итоге закончилось, в документе не сказано. Есть только пометка, что финны настаивали на сертификатах из боязни заражения ящуром.

Содержание справки ввиду схематичности изложенных в ней фактов не вызывает особого исследовательского интереса, за исключением одной фразы: «СССР имеет возможность выйти на одно из первых мест во внешнеторговом обороте Финляндии»⁵⁹. Возможно, это косвенная отсылка к тому, что почти двадцатилетняя работа на финляндском рынке не прошла даром и что накануне войны начала приобретать очертания новая внешнеторговая стратегия, окончательно оформившаяся к лету 1944 г. Торговля и широкое экономическое сотрудничество стали основой тесной политической связанности Финляндии и СССР.

Список литературы

Андросова, Т. В. Элиты и лидеры в международных отношениях: неиспользованные возможности финляндской восточной внешней политики в 1920-е — 1930-е годы / Т. В. Андросова // Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство. — Москва: Наука, 2007. — С. 125—150.

Ahvenainen, J. Paperitehtaista suuryhtiöksi: Kymin Osakeyhtiö vuosina 1918—1939 / J. Ahvenainen. — Kuusankoski: Kymin OY, 1972. — 352 s.

Ahvenainen, J. Suomen ja Neuvostoliiton väliset kauppasuhteet 1920- ja 1930-luvulla / J. Ahvenainen // Turun historiallinen arkisto. — 1986. — Vol. 41. VIII suomalais-

⁵⁸ Один из обвиняемых на Третьем московском процессе. Расстрелян в марте 1938 г.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 22. П. 145. Д. 12. Л. 4—10.

neuvostoliittolainen yhteiskuntahistorian symposiumi Turussa 2.—6.9.1984. — S. 168—185. — (Turun historiallisen yhdistyksen julkaisuja. — Vol. 41).

Boboviš, I. Venäjän ja Suomen taloudelliset suhteet 1800- ja 1900-luvun vaihteessa / I. Boboviš // Historiallinen arkisto. — 1973. — Vol. 66. — S. 47—61.

Pihkala, E. Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860—1917 / E. Pihkala. — Helsinki : Finska vetenskaps-societeten, 1970. — 261 s.

Piskulov, J. Suomen ja Venäjän / Neuvostoliiton taloudelliset suhteet 1800- ja 1900-luvuilla / J. Piskulov // Turun historiallinen arkisto. — 1986. — Vol. 41. VIII suomalais-neuvostoliittolainen yhteiskuntahistorian symposiumi Turussa 2.—6.9.1984. — S. 186—196. — (Turun historiallisen yhdistyksen julkaisuja. — Vol. 41).

ВИТУХНОВСКАЯ-КАУППАЛА Марина / VITUHNOVSKAJA-KAUPPALA Marina
Университет Хельсинки / University of Helsinki
Финляндия, Хельсинки / Finland, Helsinki
kauppala@saunalahti.fi

**КАРЕЛЫ В 1917 ГОДУ: ВЫБОР НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ.
ОТ КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ФИНЛЯНДИИ**

**KARELIANS IN 1917: THE CHOICE OF NATIONAL STRATEGY.
FROM CULTURAL AUTONOMY TO JOINING TO FINLAND**

Abstract: During the ten months of 1917, from March to December, several nationalistic projects replaced each other in Russian Karelia, and the degree of their radicalism increased with time. After the February Revolution, the wishes of the Karelian population were limited to long-established national and cultural needs: school education and service in local languages. However, the weaker the central power became, the greater was the desire to separate from it. National regions began to put forward projects of national-territorial self-governing autonomies. In the summer of 1917 a project of the Karelian administrative region appeared. The most radical project of national self-determination of the Karelian region including secession from Russia received the strong support of the population only after the Bolshevik coup.

Ключевые слова / Keywords: Российская Карелия, Февральская революция, национальный вопрос, национальная автономия, Финляндия, Карельское просветительское общество, большевистский переворот / Russian Karelia, February Revolution, nationality issue, national autonomy, Finland, the Karelian cultural society, Bolshevik coup.

Февральская революция 1917 г. стала катализатором многих политических процессов, развивавшихся в России в предшествующий период. Наряду с преобразованием политического устройства страны не менее бурно и стремительно шло развитие национальных движений и обособление национальных регионов. Толчком к эмансипации национальных окраин послужили принятые Временным правительством политические реформы: отмена дискриминационных ограничений для меньшинств и уравнение всех граждан страны в их правах. Изменение политического климата в стране, обретение гражданских свобод наряду с ослаблением легитимности власти привело высвобождению центробежных сил. Меньшинства начали проявлять тягу к эмансипации. Не случайно национальный вопрос обсуждался как на «низовом», региональном, уровне, так и в Петрограде. Каждая из значимых партий сформулировала свои подходы к национальному вопросу и грядущему региональному и национальному устройству России. Причём весной и летом 1917 г. ведущие партии высказались по преимуществу за предоставление меньшинствам культурно-национальных автономий, хотя региональное устройство России виделось различным политическим силам по-разному.

Так, меньшевики до октября 1917 г. выступали за централизованную Российскую республику и культурно-национальные автономии¹. Видный кадетский специалист по праву, профессор Московского университета Ф. Ф. Кокошкин на VIII съезде партии в мае 1917 г. доказывал, что немедленный переход к федеративному устройству в настоящий нестабильный период невозможен, но считал необходимым предоставить народностям широкую культурно-национальную автономию². III съезд эсеров в мае — июне 1917 г. высказался за введение в России «формы федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей»³. Позиция большевиков по национальному вопросу не была единой: на проходившей в апреле VII Всероссийской конференции РСДРП(б) мнения разделились. Ленин выступил за предоставление национальным регионам государственности в форме республик, Сталин в принципе выступал за осуществление — в особых случаях — права наций на самоопределение, однако только при наличии политической целесообразности. Георгий Пятаков вообще выступал против права на национальное самоопределение. Большинство голосов была принята резолюция Сталина, предполагавшая весьма вольное решение национального вопроса⁴.

Повсеместно активизировалась деятельность националистических организаций. Как отмечает Т. Ю. Красовицкая, «общероссийским партиям пришлось столкнуться с лавинообразно возникающей массой “этнических” партий». Общее количество национальных партий в три раза превосходило количество общероссийских. Основная часть национальных партий выдвигала требования разных форм децентрализации управления и автономий⁵. Причём национальные движения каждого региона, как правило, не были однородными. Так, одна группа чеченских активистов стояла за светское национальное самоуправление, а другая агитировала за шариат для Чечни. Подобные же процессы происходили в Дагестане⁶. Грузинские меньшевики и большевики выступали за сохранение России как унитарного государства, отрицая идею автономизации, а грузинские национал-демократы требовали воссоздания грузинской государственности.

¹ Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля — октября 1917 г.: Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015. С. 18.

² Там же. С. 19—21.

³ Протоколы Третьего съезда Партии социалистов-революционеров, состоявшегося в Москве 25 мая — 4 июня 1917 г.: (Стенографический отчёт). Пг., 1917. С. 481. Цит. по: Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте... С. 25.

⁴ Там же. С. 30—33.

⁵ Там же. С. 34—35.

⁶ Там же. С. 38—40.

В июне 1917 г. украинская Центральная Рада провозгласила автономию Украины. Такое же требование выдвинули молдавская национальная партия и мусаватистское движение Азербайджана, а в июле 1917 г. в Казахстане была создана партия Алаш, выступавшая за национально-территориальную автономию. О национально-культурной автономии заявляли народы Поволжья и Сибири. В самых разных частях империи созывались национальные съезды. Центробежные тенденции коснулись и армии. Деникин вспоминал: «С началом революции и ослаблением власти, проявилось сильнейшее центробежное стремление окраин, и наряду с ним, стремление к национализации, то есть, расчленению армии. <...> Начались бесконечные национальные военные съезды. Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане — требуя провозглашённого “самоопределения” — от культурно-национальной автономии, до полной независимости включительно»⁷.

Карельские регионы Олонецкой и Архангельской губерний не остались в стороне от мощных центробежных процессов, охвативших империю. Однако если взлёт национальных движений многих народов России был подготовлен их элитами в предшествующие годы, то в карельских районах к 1917 г. националистической активности почти не существовало. Как показывает один из крупнейших специалистов по теории нации и национализмов Мирослав Хрох, процесс формирования нации делится на три стадии. На первой и второй стадиях основную роль играют национальные элиты, и лишь к третьему этапу национальное движение обретает широкую массовую поддержку. В карельских регионах до наступления третьей фазы в начале 1917 г. было ещё далеко⁸. Первые попытки карельских и финских националистов развернуть национальное наступление были задушены к 1909—1910 гг. Расскажем об этих попытках подробнее.

Симптомы зарождения национального движения в карельских районах появились в годы первой русской революции. Толчком к первым робким действиям карельской национальной элиты стали события 1905 г. и беспрецедентные свободы, дарованные гражданам России царским манифестом. Финские национальные активисты, считавшие

⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917 г.). Париж, 1921. Т. 1. С. 196—197.

⁸ Как показывает Хрох, национальное становление делится на три стадии: А, В, С. На первом этапе действуют национальные активисты, которые изучают родной язык и культуру. На этом этапе осознаются национальные корни и формируется один из столпов каждой нации — историческая память. На стадии В в борьбу вступает новое поколение национальных активистов. Они начинают вести целенаправленную пропаганду среди населения, которое должно стать нацией. И только в третьей фазе С национальное движение приобретает массовый характер, то есть нацию представляют не только интеллектуалы, но само население становится нацией (Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / ред. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. М., 2002. С. 121—145).

Российскую Карелию⁹ (в Финляндии этот регион принято называть Восточной Карелией) ирредентой Финляндии, активизировали свою деятельность, объединив усилия с проживавшими в Финляндии российскими карелами. В 1906 г. в г. Тампере (Таммерфорс) была создана первая карельская националистическая организация «Союз беломорских карел», основными задачами которой были просвещение карелов, внедрение финской культуры и экономическая помощь региону (речь тогда шла только о Беломорской Карелии¹⁰). Как это часто бывало с национальными движениями крестьянских народов, почти не имевших своей интеллигенции, Союз создавался в большой степени силами финских национальных активистов — самый широкий слой населения Карелии, крестьянство, почти не был в него вовлечён. Большинство членов Союза (почти 80 %) проживали в Финляндии и/или были финнами по национальности¹¹. Именно поэтому деятельность «Союза беломорских карел» рассматривалась как российской властью, так и большей частью самих карелов как «панфинская», имеющая целью в конечном итоге перетянуть карелов на сторону Финляндии — сначала идейно, а потом и политически.

Хорошо иллюстрирует тогдашнее отношение олонецких карелов¹² к деятельности Союза письмо жителя села Реболы, крестьянина Феодора Васильевича Нечаева, его председателю Алексею Митрофанову. В 1917 г. Нечаев играл важную роль в жизни Ребольской волости — он был гласным губернского земского собрания, членом Повенецкой уездной управы (позже, с сентября 1917 г. — председателем Ребольской волостной земской управы), занимался продовольственным вопросом и даже в декабре 1917 г. был выбран в Ребольский совет, который заменил собою земство¹³. В длинных письмах, написанных хорошим слогом и по-русски, Нечаев летом 1917 г. объясняет, почему он сам и многие его соплеменники раньше выступали против деятельности

⁹ Российской Карелией мы называем здесь регион проживания компактной группы карелов, населявших приграничные с Финляндией регионы Архангельской и Олонецкой губерний (территорию современной Республики Карелия). По переписи 1897 г., численность этой группы карелов составляла чуть более 75 тысяч человек. В России было ещё два региона компактного проживания карелов, которые не будут затронуты в этой работе. Наиболее значительной по численности группой карельского населения России были т. н. тверские карелы, проживавшие в отдельных уездах Тверской губернии. По переписи 1897 г., их численность составляла почти 118 тысяч человек. Существовала ещё группа новгородских карелов, проживавшая в Новгородской губернии и составлявшая по той же переписи почти десять тысяч человек.

¹⁰ Беломорской Карелией в Финляндии называли заселённую карелами западную часть Кемского уезда Архангельской губернии.

¹¹ Ranta R. Vienan Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906—1922. [Kangasala], 1997. S. 25—45.

¹² Т. е. карелов, проживавших на территории Олонецкого, Петрозаводского и Повенецкого уездов Олонецкой губернии.

¹³ Мы почерпнули сведения о деятельности Нечаева из его писем Митрофанову [Национальный архив Финляндии, Хельсинки — Kansallisarkisto (далее — КА), Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31] и из воспоминаний ребольского общественного деятеля, главы продовольственной комиссии в 1917 г. Пекки Кюёттинена (Ibid. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Muistelmät. Kot. 112).

Союза, воспринимая его как финского агента влияния. «Когда поднялась после 1905/07 гг. шумиха о панфинской пропаганде, о присоединении Карелии к Финляндии, — пишет Нечаев, — на горизонте нашей серенькой карельской тиши часто стали упоминать Вашу фамилию. Читали появившуюся в обращении газету “*Karjalaisten rakinoita*”, возник пресловутый союз “Карельское Братство”¹⁴. Не знаю, как отнеслись к этому движению архангельские братья карелы, но мы, т. е. повенецкие, отнеслись отрицательно. Хотя я, говорю лично за себя и многих моих знакомых в уезде, не сочувствовали Братству, но не сочувствовали и идее присоединения Карелии к Финляндии. Как-никак, а всё же русское влияние сильно проявило себя здесь у нас в Карелии...»¹⁵.

Деятельность Союза в Российской Карелии была довольно скоро сведена на нет: с одной стороны, часть карелов отнеслась к ней настороженно, а с другой — активные полицейские мероприятия местных властей уже через три года сделали финскую национальную и религиозную деятельность в карельских районах невозможной¹⁶. Следует, однако, отметить и ещё одну важную причину — почти тотальную аполитичность местного населения. Крестьянское население карельских деревень по преимуществу не обладало ещё отчётливо выраженным политическим и национальным сознанием. Как отмечается в обобщающем труде Д. В. Ольшанского по политической психологии, для крестьянства в целом характерны «наибольшие сложности с выработкой социально-группового сознания и, тем более, групповой идеологии. Сами условия их образа жизни, постоянная трудовая загруженность укрепляют крестьянскую индивидуалистическую психологию, не давая ей выйти на более высокий уровень развития, препятствуя формированию осознания себя как большой социальной группы»¹⁷. Эта специфика крестьянской ментальности хорошо видна и при изучении карельского материала. Скучные источники — немногочисленные письма, дневники или воспоминания крестьян, как правило, разочаровывают: они обычно предельно конкретны, их авторы сосредоточены на жизненных реалиях и совершенно не готовы увидеть «за деревьями леса» — за единичным событием или фактом цельное явление или процесс. Основная масса карелов не была готова

¹⁴ Карельские православные братства были созданы в 1906 г. деятелями Русской православной церкви для борьбы с «панфинской» и лютеранской пропагандой в Карелии. Полные названия братств: Архангельское православное беломорско-карельское братство во имя св. Михаила и Карельское братство во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Георгиевское братство действовало на территории Олонецкой и Финляндской епархий, а братство Архангела Михаила — в епархии Архангельской.

¹⁵ Ibid. *Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto*. Sidos 31.

¹⁶ См. об этом подробно: *Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905—1917. СПб., 2006.

¹⁷ *Ольшанский Д. В.* Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001. С. 129—130.

в предреволюционный период высказывать определённые политические или национальные предпочтения.

Тип национального самосознания карельского крестьянина, как мы пытались показать в предшествующих публикациях¹⁸, наиболее точно определяет предложенный Эриком Хобсбаумом термин «народный протонационализм». Исследователь понимает под протонационализмом «определённое чувство коллективной принадлежности», основанное на различных формах массовой идентификации. Хобсбаум отмечает всю сложность анализа крестьянской ментальности — это предполагает проникновение в мысли и чувства людей неграмотных, не способных отчётливо осознать и сформулировать свою принадлежность к той или иной общности¹⁹. При этом Хобсбаум высказывает предположение, что в основе такого типа коллективной идентичности может лежать массовая культурная идентификация с определённым языком, идея общего происхождения, то есть единства некой этнической группы («чувство племени»), общие обряды и ритуалы, а также религия²⁰. Те немногие свидетельства о характере идентичности карелов, которыми мы располагаем, позволяют делать вывод о том, что в основе сплочённости этой группы лежало несколько факторов: культурная и языковая общность, «чувство племени», а также ощущение цельности своего региона, окружённого «чуждыми» по вере (финны) или по культуре и языку (русские) народами²¹.

Карельский регион не был однороден ни в экономическом, ни в культурном, ни в этническом отношении²². Эту неоднородность необходимо учитывать, пытаясь анализировать специфику составляющих его национальных территорий и их населения. Важную роль в каждом конкретном случае играл уровень экономических связей с финляндскими либо с российскими центрами. Так, в Карелии сформировались экономические зоны, тесно связанные с Финляндией. В качестве примера можно назвать пограничные районы Кемского уезда и северной части Олонецкой губернии (Олангская, Тихтозерская, Вокнаволоцкая, Кондокская и Ухтинская волости Кемского уезда и Ребольская и Поросозерская волости Повенецкого уезда Олонецкой губернии).

¹⁸ См., например: *Витухновская-Кауппала М.* «Карелия для карел!»: Гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. 2010. № 4. С. 245—282; *Её же.* Национальное самосознание восточных карел до и после Октябрьской революции // *Народ, разделённый границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809—2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка / предисл. Т. Хямюнена. Петрозаводск, 2011. С. 156—172; Eadem (Vitukhnovskaya-Kauppal M.). The Eastern Karelians in the Russian Civil War of 1917—1922 // Nation split by the border: Changes in the ethnic identity, religion and language of the Karelians from 1809 to 2009 / ed. Т. Hämynen, А. Pashkov. Tampere, 2012. P. 86—114.*

¹⁹ *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 74—77.

²⁰ Там же. С. 84, 101, 110—111, 115.

²¹ См. об этом: *Витухновская-Кауппала М.* «Карелия для карел!». С. 260—262.

²² Об этническом структурировании карельского населения см.: Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 160—197.

Отсюда карельские разносные торговцы — коробейники сотнями уходили торговать в Финляндию²³. Для огромного числа карелов источником заработка были лесные работы на финляндские фирмы; жители приграничных районов, почти не связанных инфраструктурно с Россией, приобретали в Финляндии продукты и повседневные товары. Кроме того, великое княжество становилось образцом для подражания для живущих по соседству карелов — оно предлагало передовые модели хозяйствования — такие как, например, организация хуторских хозяйств (особенно актуальная после столыпинской реформы), молочное животноводство, осушение болот по финляндскому образцу. Министерство финансов так резюмировало многочисленные обращения олонецкого губернатора Н. В. Протасьева: «согласно уведомлению олонецкого губернатора, карельское население... поставлено, ввиду отсутствия удобных путей сообщения, в полную экономическую зависимость от Финляндии»²⁴.

Однако не стоит забывать, что значительная часть карельского населения была экономически ориентирована на Петрозаводск и Петербург. Это относится, прежде всего, к населению Петрозаводского и Олонецкого уездов Олонецкой губернии. Проживавшие здесь карелы в массе своей лучше знали русский язык и были хорошо знакомы с российскими реалиями. В следующей части нашей статьи, посвящённой тому, как в 1917 г. карельское население Северо-Запада России выбирало свои национальные стратегии, мы будем неоднократно сталкиваться с тем, что различные группы карельского населения делали этот выбор по-разному, в том числе и в зависимости от специфики их экономической и культурной ориентации.

К 1917 г. ситуация в и без того отсталых карельских регионах резко ухудшилась. Причиной была война, которая за три года сильно изменила к худшему ситуацию во всём регионе. Сельское хозяйство Карелии страдало от нехватки рабочих рук — в результате массовых мобилизаций деревня лишилась 47 % трудоспособного мужского населения. Посевные площади в Карелии сократились к 1917 г. на 38 % в сравнении с 1913 г. Были закрыты или работали с недогрузкой многие лесопильные заводы, сворачивались лесозаготовки, а значит, крестьяне теряли возможность получить необходимый им дополнительный приработок. Деревня нищала. Единственной возможностью приработка для многих жителей близлежащих районов стало

²³ О коробейничестве и его истории см.: *Joustela K. Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809—65. Helsinki, 1963; Naakka-Korhonen M., Keynäs M. Halpa hinta, pitkä matka: Vienan-karjalainen laukkukauppa. Helsinki, 1988; Hämynen T. Raja ei erottanut — karjalaisen laukkukaupan monta vuosisataa // Kainuussa ja Vienassa: Näkökulmia naapurusten elämään. Joensuu, 1997. С. 55—75; Базегский Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998.*

²⁴ Мероприятия, предпринятые Олонецким губернатором: Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106/61. Л. 128.

строительство Мурманской железной дороги. Однако и здесь условия жизни ухудшались, рабочий день часто превышал десять часов, а заработная плата постоянно задерживалась²⁵.

Резкое ухудшение уровня жизни карельского населения фиксируется в различных чиновничьих рапортах и отчётах. Так, жандармский унтер-офицер П. Соколов, командированный весной 1915 г. в Кондокскую и Вокнаволоцкую волости Кемского уезда, сообщал, что «население Корелы весьма бедствует в продовольственном отношении. Весь скот закуплен на железнодорожную линию, ржаная мука доходит до 15,5 руб. за мешок и её весьма трудно достать, провизия почти вся на исходе»²⁶. Учитель М. И. Бубновский в начале 1917 г. писал, что в карельском крае крестьяне «по неделям живут без хлеба» и питаются «мякиной, сосновой толчёной корой и мелко раскрошенной сухой соломой, примешанной с горстью муки»²⁷.

Всё вышесказанное позволяет понять, почему после Февральской революции наступил новый подъём активности в карельских регионах. Те проблемы, которые были сформулированы и внесены в политическую повестку ещё в 1905—1906 гг., за истёкшее время не только не были разрешены, но и в большой степени даже усугубились. Напомним, с какими требованиями обращались в 1906 г. к первому российскому парламенту карельские активисты²⁸.

Эти насущные проблемы были сформулированы на съезде беломорских карелов, состоявшемся в декабре 1905 г. в «столице» Беломорской Карелии селе Ухта. Его резолюция, впоследствии многократно подтверждённая в разных волостях Беломорской Карелии, включала экономические, социальные и национальные требования. Жители карельских регионов требовали улучшения экономического быта населения, предоставления права на приобретение земельной собственности, сооружения новых путей сообщения и упорядочения торговли лесом. Важным экономическим требованием было упразднение таможи на границе между Беломорской Карелией и Финляндией. Из национальных требований выдвигались языковые — обучение в школе и богослужение на местных языках, а также знание чиновниками языка населения. Наконец, значительным был пакет социальных требований, ибо здравоохранение и школьное дело находились в этих краях в плачевном состоянии²⁹.

²⁵ История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 316—317, 321.

²⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 437. Л. 121об. Цит. по: История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 322.

²⁷ Бубновский М. В бане // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. Вып. 7/8. С. 289. Цит. по: История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 322.

²⁸ Ranta R. Vienan Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi. S. 18—20.

²⁹ Протокол митинга, состоявшегося в с. Ухта Кемского уезда на основании Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб., 2007. № 10.

Указанные проблемы не были решены вплоть до 1917 г. Поэтому, как только вследствие революционных изменений исчезло административное давление на общественных деятелей, карельские и финские национальные активисты возобновили свою работу. Вскоре после петроградских революционных событий председатель «Союза беломорских карел» Алексей Митрофанов (Митро) написал писателю и национальному активисту, секретарю Союза Ииво Хяркёнену: «Теперь пришло время вновь начать ковать Сампо Беломорской Карелии, продвигая дело нашей красивой и убогой Карелии. Нужно незамедлительно созвать собрание находящихся в Финляндии беломорских карел и занимающихся этим делом финнов, чтобы обсудить, каким образом нужно было бы начинать продвигать дело Беломорской Карелии»³⁰. Митро разослал приглашения небольшой группе живших в Финляндии беломорских карелов, которые в числе 22 человек должны были собраться в Тампере, — символически встреча была назначена на день рождения Элиаса Лённрота, 9 апреля³¹.

Накануне этого дня собравшееся руководство Союза определило новую стратегию: распространить деятельность Союза не только на Беломорскую, но и на Олонецкую Карелию, создав новое общество, соответствующее этой задаче. Во избежание конфликтов и недоразумений с новой российской властью было решено направить депутацию к Временному правительству, обозначив тем самым свои намерения. В эту депутацию были первоначально избраны четверо из руководителей Союза [А. Митрофанов (Митро), Т. Ремшуев (Маннер), И. Естоев (Таннер), С. Дорофеев (Аланко)], к которым потом присоединился известный активист Павел Афанасьев (Пааво Ахава). На следующий день на собрании «Союз беломорских карел» был преобразован в «Карельское просветительское общество». Таким образом, карельские активисты дали понять, что воспринимают карельский регион как единый и цельный, поскольку, как пояснял присутствующим Ииво Хяркёнен, здесь везде и в одинаковых условиях проживает «один народ, одна кровь и дух». Карельский национальный проект обновился, приобретя общенациональный масштаб. Проект устава Общества был утверждён позже, 28 мая 1917 г.³² Он немногим отличался от устава «Союза

Финно-угорские народы России: (Проблемы истории и культуры). Источники, исследования, историография. С. 22—23.

³⁰ Цит. по: *Ranta R. Vienen Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi*. S. 111.

³¹ О деятельности «Союза беломорских карел» и позже «Карельского просветительского общества» в 1917 г. см.: *Ibid.* S. 110—123. См. также: *Дубровская Е. Ю.* Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917—1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов // *Исторические судьбы Беломорской Карелии*. Петрозаводск, 2000. С. 88—97; *Её же.* Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы российской революции и Гражданской войны (1917—1920) // *Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза*. М., 2005. С. 141—143.

³² *Ranta R. Vienen Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi*. S. 111—112.

беломорских карел», однако стоит отметить одну существенную особенность: члены Общества подразделялись на активных (готовых действовать) и пассивных, при этом две трети активных членов должны были составлять карелы, проживавшие в Архангельской и Олонецкой губерниях³³. Так выразилось стремление Общества сделать его деятельность массовой и приблизить к жителям Российской Карелии.

В первой половине мая 1917 г. депутация Общества более недели находилась в Петрограде. Временному правительству был доставлен пространный адрес «За Карелию Архангельской и Олонецкой губерний». Адрес начинался словами: «Мы явились сюда по делам живущих в России карел Архангельской и Олонецкой губерний. Мы, члены этой депутации, не живём среди названного народа, а в Финляндии, но мы все по рождению и родству оттуда и большая часть из нас русские подданные»³⁴. Далее, сообщив о создании и целях «Карельского просветительского общества», авторы адреса перешли к характеристике тяжёлых условий жизни Карелии, подчёркивая, что «бывшее, теперь низвергнутое правительство так же мало заботилось об этой области, как и о многих других частях Русского государства... и не помогало им ни словом, ни делом». Рассказывая о совершенном упадке земледелия, скотоводства «и иных промыслов», о почти полном отсутствии путей сообщения, авторы адреса особенно подчёркивают отсутствие в крае просветительской и духовной работы, ибо карелы не понимают русских книг и церковных служб. При этом «поездки и прочие экономические сношения с Финляндией принесли в область финскую грамоту и просвещение» — так что, намекали деятели Общества, именно из Финляндии «проникает немного просвещения в Карелию».

Карелы, сообщают авторы адреса, с нетерпением ожидают Учредительного собрания и разрешения своих проблем. «На этот раз мы ещё не представители всего народа, — признаются они, — но мы знаем, что наша деятельность, наши желания основаны на народной воле». Они ждут от Временного правительства помощи карелам и предлагают способствовать в выполнении предлагаемой программы. Первым пунктом программы выступают уже знакомые языковые требования — «введение родного языка местного населения в церквах и школах», а также назначение чиновников, знающих язык народа. Для осуществления этого требования в карельских районах (предлагались сёла Ухта, Реболы, Паданы, Сямозеро и г. Олоонец) должны быть учреждены духовная и учительская семинарии, а также два средних учебных заведения. Должна быть начата

³³ КА. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Karjalan aseman parantaminen 1917—1920. Sidos 105.

³⁴ Ibid.

прокладка дорог в регионе, а кроме того, учреждены комиссии для подготовки местных экономических реформ, издания богослужебных книг и учебников и пр.

Адрес завершался географическими, демографическими и этническими сведениями о карелах, причём авторы явно пытались нивелировать как языковые, так и этнические различия между различными группами карелов, стремясь подчеркнуть единство народа. Кривя душой, авторы сообщали: «Язык повсюду тоже одинаков и отличается только тем, что на севере согласные выговариваются потвёрже и окончания совершеннее, чем на юге. Кроме того, на юге много слов, заимствованных из русского языка...»³⁵. Отдельные прошения были переданы министру народного просвещения (с просьбой о создании школ и училищ) и обер-прокурору Святейшего Синода — с просьбой о создании отдельной Карельской епархии и переводе служб на карельский язык³⁶.

Как видим, на начальном этапе своей деятельности вновь созданное Общество действовало осторожно, и в целом держалось линии, выработанной в 1905—1906 гг. Речь шла об элементах национально-культурной автономии для карелов, но ещё не было ни намёка на более глубокий национально-территориальный статус. Неопределённая ситуация в стране, непонимание будущего курса Временного правительства обусловили первые, робкие шаги карельских националистов. В Петрограде состоялись встречи с министрами просвещения и обер-прокурором Святейшего Синода (обещанное свидание с министром внутренних дел так и не произошло из-за занятости последнего), которые отнеслись к карельским посланцам доброжелательно. Министр народного просвещения А. А. Мануйлов сообщил, что правительство не будет препятствовать просветительской деятельности Общества. Оно может основывать в Карелии свои школы. Обер-прокурор Синода пообещал позаботиться о священниках, знающих карельский язык³⁷.

Получив эти ответы, Общество начало действовать самостоятельно — на реальную поддержку Временного правительства рассчитывать не приходилось. Переписка членов Общества показывает, что действовали в нескольких направлениях³⁸. Прежде всего, осуществлялась подготовка народного собрания представителей карельских волостей в селе Ухта. С этой целью велась агитация — были отпечатаны тысячи агитационных листов на южнокарельском (ливвиковском) диалекте, на русском и финском языках. Их рассылали по почте в самые разные карельские поселения. Кроме

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ranta R. Vienan Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi. S. 116.

³⁸ См.: КА. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Sihteerin ja toimiston kirjeenvaihto. 1917. F Sidos 32.

того, приступили к подготовке агитаторов-эmissсаров, которые должны были проводить беседы с народом в различных карельских деревнях, а заодно собирать сведения о настроениях в обществе. И наконец, отбирали учителей для открытия в Карелии передвижных школ. В письме Митрофанова Ииво Хяркёнену от 14 июля перечисляются предполагаемые агитаторы и учителя. Первых было отобрано шестеро (из двенадцати, пославших заявления). В списке учителей — десять карельских девушек. Школы начали работать с осени 1917 г.³⁹

Как показывает Елена Дубровская, активисты Общества открывали в крупных сёлах библиотеки и читальни. 13 мая вышел первый номер газеты «*Karjalaisten sanomat*» («Карельские новости»), в которой печатались заметки на финском языке в переводе на карельский. В сёлах Ухта, Вокнаволок и Реболы стали создаваться местные комитеты «Карельского просветительского общества». Дубровская справедливо отмечает, что их деятельность далеко не всегда встречалась в этих регионах с одобрением. Так, 21 мая 1917 г. съезд крестьянских депутатов Повенецкого уезда, «выслушав сообщение об активизации работы просветительского общества, вынес постановление принять решительные меры по пресечению подобной деятельности»⁴⁰. В дальнейшем мы покажем, что даже в Ребольской волости Повенецкого уезда, наиболее тесно связанной с Финляндией экономически и культурно, звучали серьёзные возражения относительно внедрения финского языка, сближения с Финляндией, и тем более присоединения к ней.

Самое знаковое событие, съезд представителей карельских волостей, состоялось 12—13 июля 1917 г. К тому времени ситуация в стране изменилась, и стало ясно, что власть Временного правительства ослабла. Помимо политических оппонентов в лице Советов этим воспользовались и национальные организации окраин. Одной из первых бросила вызов центральной власти украинская Центральная Рада, принявшая в одностороннем порядке 10 (23) июня Первый Универсал, провозгласивший национально-территориальную автономию Украины в составе России. 2 (15) июля Рада получила правительственную декларацию о том, что правительство благосклонно отнесётся к разработке проекта национально-политического статута Украины. Генеральный секретариат был признан высшим распорядительным органом Украины. Это привело к кризису внутри самого Временного правительства — три министра-кадета (Д. И. Шаховской, А. А. Мануйлов и А. И. Шингарёв) покинули его в знак

³⁹ Ibid. Елена Дубровская отмечает, что в 1917/18 учебном году в приграничных с Финляндией карельских волостях было открыто более десятка школ с преподаванием на финском языке в приграничных с Финляндией карельских волостях; общее количество учащихся в них превысило 400 человек (Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии. С. 89).

⁴⁰ Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии. С. 89.

протеста против уступок автономистским требованиям Рады. На следующий же день в Петрограде началось вооружённое восстание анархистов и большевиков.

Серьёзный кризис разразился и в отношениях Временного правительства с Финляндией, являвшейся колыбелью карельского национального движения. 5 (18) июля, в разгар июльского кризиса, когда не ясен был ещё исход восстания большевиков в Петрограде, сейм одобрил (136 голосов «за» и 55 «против») социал-демократический проект «закона о верховной власти», суть которого сводилась к тому, что парламент Финляндии явочным порядком присваивает себе право принимать решения, касающиеся внутренних дел Великого княжества. Сейм решил не направлять этот «закон о верховной власти» на утверждение Временному правительству. Это привело к кризису в отношениях между Великим княжеством и Временным правительством и роспуску парламента Финляндии.

Как видим, Ухтинский съезд проходил, можно сказать, под аккомпанемент различных грозных событий, которые не могли не повлиять на радикализацию требований его организаторов. Однако прежде, чем мы обратимся к ходу и резолюциям самого съезда, вникнем в те настроения, которые в тот момент царили в карельской деревне. Историк Стэйси Черчилль обобщил наблюдения эмиссаров «Карельского просветительского общества», отражённые в их рапортах⁴¹. Он констатирует, что хотя политические позиции жителей различных регионов Карелии сильно различались, эти различия не касались экономических проблем. Здесь царил единодушие: крестьян везде объединяло требование раздела земли и государственных лесных угодий.

Сравнивая рапорты из Беломорской и Олонецкой Карелий, Черчилль приходит к выводу, что если в первой преобладал «уверенный карельский дух» и ненависть к царским чиновникам, священникам и полиции, которых изгоняли из ряда мест, то жителям Олонецкой Карелии было, наоборот, присуще недоверчивое отношение к политической деятельности Финляндии в регионе. И хотя и здесь можно было найти людей, надеявшихся на присоединение Олонецкой Карелии к Финляндии, гораздо больше встречалось таких, кто жёстко противостоял этой идее. Эмиссар В. Петров, проехавший по волостям Олонецкой Карелии, в рапорте от августа 1917 г. подчёркивал, что «большая часть народа — ничего не знающий элемент, цепляется за своё прежнее состояние и верит в “Великую Россию”, каким бы положение ни было»⁴².

⁴¹ Рапорты содержатся в следующем архивном собрании: КА. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Karjalan aseman parantaminen 1917—1920. Sidos 105.

⁴² Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922: Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917—1922. Porvoo ; Helsinki, 1970. S. 35—36.

Черчилль подчёркивает, что Олонецкая Карелия, тем не менее, не была однородным регионом. Население её северо-западных уездов, Ребольского и Поросозерского, было более подвержено финскому влиянию. Посланные сюда два агента сообщали, что многие жители выступали за создание здесь финской школы. Однако в других районах Олонецкой Карелии, по донесениям эмиссаров, жители даже стеснялись своего языка и стремились говорить с чужими по-русски, как бы демонстрируя свою «культурность». Поэтому агенты «Карельского просветительского общества» в этих регионах не имели успеха⁴³.

Черчилль выражает уверенность в том, что население Беломорской Карелии, как и жители Ребольского и Поросозерского уездов, в целом положительно относилось к «панфинской» идее, то есть идее единства (духовного, культурного, а в будущем, возможно, и политического) финского и карельского народов. Однако наши наблюдения выявляют более противоречивую картину: мы не можем утверждать, что чувство национальной близости к финнам (профинская идентичность) господствовало во всей Беломорской Карелии. Отношение к Финляндии варьировалось в её различных волостях и зависело от многих обстоятельств, в частности, от близости к финляндской границе.

Например, сторонник «Карельского просветительского общества», житель Панозера Матти Вассанен в письме от 8 июля 1917 г. резко различал по степени приверженности «финской идее» жителей «верхних» и «нижних» деревень Беломорской Карелии. «Почтительно интересуюсь, — писал он Алексею Митрофанову, — как Просветительское общество собирается пробудить этих карел из нижних деревень, которые почти поголовно русскоязычные?» В письме выясняется, что «нижними деревнями» (alakyvät) он называет поселения восточных волостей Беломорской Карелии, таких как Юшкозерская, Панозерская, Маслозерская и Подужемская. Автор письма негодует, что в отличие от Вокнаволоцкой, Кондокской, Тихтозерской и Ухтинской волостей (перечисленные волости располагались вдоль финляндской границы), где «народ знает, что нам нужно делать и чего единодушно требовать», и уверен, что в Финляндии находятся «наши братья карелы, которые вновь подняли флаг в защиту карельских интересов», жители «нижних деревень» ничего этого не осознают. «Это, наверно, происходит от того, — горько сетует Вассанен, — что здесь не было никакого (национального. — *М. В.*) пробуждения», а местное население в основном обучалось в русских школах⁴⁴.

⁴³ Ibid. S. 36.

⁴⁴ KA. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31.

Интересно, что о подобном же ментальном разделении между восточными и западными волостями Беломорской Карелии свидетельствует и другой респондент Митрофанова, вновь избранный (вместо изгнанного после Февральской революции) староста Ухты Лео Панкконен. Уже после Ухтинского съезда, в конце июля 1917 г. он, перечисляя в письме те же волости — Юшкозерскую, Панозерскую, Маслозерскую и Подужемскую, сообщает, что их жители всё-таки, в отличие от ухтинцев, склоняются в вопросе языка к русскому, хотя в школьном вопросе стоят, скорее, на позиции обучения на карельском или финском⁴⁵.

Существуют источники, показывающие, что и в селе Реболы далеко не все жители были носителями «профинского» духа. Уже упоминавшийся ребольский земский деятель Феодор Васильевич Нечаев объяснял в письме Митрофанову: «Как-никак, а всё же русское влияние сильно проявило себя здесь у нас в Карелии и присоединившись бы к финнам, [мы] должны бы были снова ломать всю жизнь, а что создали бы? Нужно понять карел, и я думаю, что уже между финнами и карелами образовалась большая брешь, заделать которую пришлось бы много потрудиться». Нечаев вспоминает о массовом и фактически принудительном переходе в лютеранство финляндских карелов, поскольку «православным карелам стало невыносимо жить в Финляндии». Приводит в качестве аргумента и уничижительное отношение финнов к карелам: «Как финны смотрят на православных финских кореляков? Смотрят как на животных. А на нас русских кореляков, как они величают нас “*Ryssä*”, “*Pitkätukka*”⁴⁶, и т. д. подоб.» «Да! — констатирует Нечаев, — повторяю, между финнами и карелами большая пропасть, и думается, что заделывать её не напрасный ли труд?»⁴⁷.

Важно отметить, что при этом Нечаев положительно относился к идее карельской автономии. Он пишет: «Да, уважаемый А. Митрофанов, теперь Вы взяли правильный курс! Выйдет или не выйдет что-либо из этого движения, пока судить преждевременно, но знайте, что Ваше имя станет дорогим всем карелам! Идея о самоуправлении Карелии очень скоро стала здесь распространяться и нашла массу сторонников. <...> Разъезжая часто по Повенецкому уезду, я много веду с жителями беседы по волнующему меня вопросу, и часто нахожу людей, сочувствующих Вашей идее»⁴⁸.

О том, насколько популярна была среди беломорских карелов идея национальной автономии, можно судить и по воспоминаниям финского национального активиста Юхо Альфреда Хейкинена (более известного по прозвищу «дед из Халла»). Он, в частности,

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ *Ryssä* — уничижительное название русских в Финляндии. *Pitkätukka* — «длинноволосый», очевидно, намёк на длинные бороды и волосы православных.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

описывает дискуссии, которые летом 1917 г. вели финские национальные активисты, стоявшие за присоединение Карелии к Финляндии, и представители беломорских карелов. Большинство карелов выступало за объединение Беломорской и Олонецкой Карелий в отдельную автономию и не одобряли идеи присоединения к Финляндии⁴⁹.

Были, однако, и такие карелы, которые уже на этом этапе поддерживали идею присоединения своего края к Финляндии. Письмо одного из них мы встречаем среди материалов Митро — председателю «Карельского просветительского общества» писал солдат М. Воронов, уроженец Святозера Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Его короткое послание написано на ливвиковском диалекте (кириллицей) 9 июня 1917 г.: «Товарищ Митрофанов! Случайно в мои руки попала газета (“Карьялайстен саномат”)⁵⁰, которую я воспринял очень сочувственно. Я очень хочу, чтобы вся Карелия соединилась с народом Финляндии, да и от многих кареляков я сам слышал, большинство хотело бы соединиться с народом Финляндии, все знают финские порядки и новости. <...> Я же сам со своей стороны, когда буду дома, буду всем растолковывать начатые вами дела. Солдат М. Воронов. Почтовая станция Пюхарви (Святозеро) Олонецкой губернии Петрозаводского уезда»⁵¹.

Как видим, в карельских регионах существовал значительный разброс мнений по отношению к национальным и административным перспективам развития Российской Карелии. Поэтому Ухтинский съезд, состоявшийся 12—13 июля, не был единодушен в принятии решений. По подсчётам организаторов, в съезде участвовала, лично или через депутатов, треть населения Беломорской Карелии — до девяти тысяч человек. Здесь были делегаты от всех поселений Ухтинской волости, а также от Вокнаволоксской, Тихтозерской, Кондоксской и Панозерской волостей. Прислали своих представителей и карелы, работавшие на строительстве Мурманской железной дороги. Съезд был приурочен к традиционному православному празднику — Петрову дню (дню Петра и Павла), который начинали отмечать 29 июня (12 июля), и празднование обычно продолжалось два-три дня.

Записи прений участников съезда, увы, не сохранились, поэтому нам невозможно представить себе, как проходило обсуждение насущных для карелов вопросов. По косвенным свидетельствам можно судить о том, что дискуссии были бурными: Пааво Ахава, вернувшись со съезда, писал Митро, что речей было много и прения были

⁴⁹ *Kokko A. Hallan ukko: Piirteitä maanviljelijä J. A. Heikkisen elämästä ja elämäntyöstä. Porvoo ; Helsinki, 1939. S. 246—247.*

⁵⁰ «Karjalaisten sanomat», т. е. «Карельские новости» — газета «Карельского просветительского общества».

⁵¹ KA. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31. Выражаю глубокую благодарность А. Левкоеву за перевод этого письма.

живыми⁵². Обратимся к содержанию решений съезда. Они показывают, что «Карельское просветительское общество» и собравшиеся в Ухте карельские представители перешли от планов национально-культурной автономии к идее национально-территориальной автономии, то есть создания самоуправляющегося карельского региона внутри России.

Будущему Учредительному собранию адресовались следующие заявления съезда. На основе Архангельской и Олонецкой Карелий должна быть создана особая административная область под названием Карельская административная область или Карельско-Северная административная область. Её границы предлагалось определить следующим образом: на юге по реке Свири, на востоке по Онежскому озеру, Выгозеру, реке Выг и Белому морю, на севере — по линии, соединяющей Кандалакшский залив и финляндскую границу, а на западе — по границе с Финляндией и Ладожскому озеру. Впрочем, допускалось в будущем и специальное решение по границам области, которое разработала бы особая комиссия, назначенная Учредительным собранием (в комиссии должно было быть одинаковое число карелов и русских). Разграничение полномочий предлагалось такое: общими с Россией будут финансовые, почтовые, военные и судебные дела, тогда как все остальные стороны жизни будут подчиняться областной администрации. К ним были отнесены административные, аграрные и инфраструктурные вопросы, сфера образования, здравоохранения, торговли, промышленности и налогов. Автономизация должна была коснуться и дел церкви: на той же территории предполагалось создать Карельскую епархию.

В резолюции съезда подробно описывалась система органов управления будущей карельской автономией — от деревенской сходки как низшего звена до Главного совета (промежуточные звенья — волостной совет, уездный совет и сейм). Несомненно, в этой схеме проглядывают как черты системы земского самоуправления, так и структура финляндских органов власти. Однако самые насущные вопросы обнаруживаются в конце протокола. Во-первых, давно ставший для крестьян болезненным земельный вопрос. В протоколе говорится: «...необходимо, чтобы внутри области все земли с лесами и со всеми возможными природными богатствами и все озёрные и речные воды с порогами как и прибрежные части морей уступались бы без вознаграждения на вечные времена в народное владение в этой проектируемой административной области». Половина всей обобществлённой земли должна быть передана «в вечное потомственное владение» местному населению, четверть делится между волостями, и оставшаяся четверть остаётся во владении области. Анализируя суть указанного проекта земельной реформы, Стейси Черчилль справедливо замечает: обобществление земель и лесов

⁵² Письмо Митро от Пааво Ахава от 25 июля 1917 г.: Ibid.

Карелии сделало бы невозможным для финнов, если Карелия присоединится к Финляндии, завладение этой землёй, а значит, объективно проект был направлен против «панфинской» идеи⁵³.

Отдельно выделялись проблемы, решения которых участники съезда ожидали от Временного правительства незамедлительно. Это тот набор экономических и национальных требований, который уже прозвучал в 1905—1906 гг. и был повторён в адресе к Временному правительству: введение обучения и церковных служб на местном языке (для чего, в частности, следовало создать соответствующие учебные заведения и школы с обучением на родном языке), сооружение дорог из Финляндии и от Мурманской железнодорожной линии в Российскую Карелию и улучшение судоходных путей, устранение таможенных пошлин между Финляндией и Россией, а также организация почтового, телеграфного и телефонного сообщения с Беломорской Карелией⁵⁴.

Таким образом, как видим, несмотря на подробно расписанный проект национально-территориальной автономии, наиболее насущными проблемами карелы по-прежнему считали нерешённые экономические вопросы, из-за которых, как они прекрасно сознавали, не осуществлялось развитие их региона и ухудшалось их благосостояние. Нет сомнения, что и проект автономной области и стремление перейти к самоуправлению имели своей конечной целью облегчить возможность проведения реформ. В способность ослабевающей центральной власти хоть в чём-то улучшить сложившуюся тяжёлую ситуацию верилось всё меньше.

Необходимо напомнить, что аналогичные съезды с похожими решениями проходили в 1917 г. почти во всех национальных регионах России. «Требования автономизации, — пишет исследователь аналогичных процессов в Молдавии, — становились привлекательны по мере того, как массы уставали от политической смуты, от некомпетентности и неповоротливости Центра»⁵⁵. При этом, как справедливо отмечает Т. Ю. Красовицкая, именно этнос выступал в условиях нестабильности как аварийная группа поддержки, как группа обеспечения экономических и политических преимуществ. Принадлежность к группе соплеменников давала человеку чувство защищённости⁵⁶. Однако вплоть до большевистского переворота национальные регионы

⁵³ Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922. S. 49.

⁵⁴ Протокол, составленный на народном собрании в селе Ухтуа: Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 61; или: KA. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Karjalan aseman parantaminen 1917—1920. Sidos 105. Финноязычная версия хранится в архиве Министерства иностранных дел Финляндии в Хельсинки: Ulkoministeriön arkisto (далее — UMA). Ryhmä 11. Osasto A I. Asia 4.

⁵⁵ Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 220. Цит. по: Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный курс в революционном контексте... С. 59.

⁵⁶ Там же. С. 68—69.

(за редким исключением) не ставили вопроса об отделении от России. Так, член оргкомитета Всероссийского съезда мусульман, сторонник культурной автономии мусульман в составе России осетин Ахмед Тембулатович Цаликов писал в сентябре 1917 г.: «Можно удивляться той беспримерной лояльности, тому тяготению к русской государственности, которое обнаружило мусульманское население... Можно удивляться... отсутствию центробежных сил на мусульманских окраинах...»⁵⁷. Об отсутствии интереса представителей меньшинств к сепаратистским идеям писали в то время представители украинцев, белорусов, молдаван, караимов, татар и других народов России⁵⁸. «Ни один из национальных съездов не ставил целью разрушить общероссийский территориальный комплекс, ни один из них не заявлял о национальной исключительности, но повсеместно выделялись проблемы развития культуры, родного языка, школы»⁵⁹.

Поэтому не должно удивлять, что идея национальной автономии вызывала интерес в разных карельских регионах — и не обязательно в русле предлагаемой «Карельским просветительским обществом» политики. Об этом, в частности, писал А. Митрофанову упоминавшийся здесь земский деятель из села Реболы Феодор Нечаев. Известно, что за месяц до Ухтинского съезда, 14 июня, вопрос об автономии Карелии был вынесен на чрезвычайное заседание Олонецкого губернского земства и вызвал «большие прения», захватившие и следующий день. Настроения гласных были в целом единодушными: они выступали против раздела губернии по национальному признаку и считали карелов не готовыми к самостоятельной государственности (гласный Кищенко пространно аргументировал это тем, что у Карелии нет «ни письменности, ни литературы, ни культуры, ни истории, ни государственных деятелей — карел»). После дальнейшего обмена мнениями пришли к заключению, что карелы не склонны к автономии, желают жить вместе с русскими и составлять с ними единое целое. Была принята следующая резолюция:

«1) Карелия должна быть тесно связана с Россией.

2) В культурно-просветительном отношении губернное земство должно широко идти навстречу карелам»⁶⁰.

Мы не можем судить, каков был процент карелов в составе губернского земства, но судя по публикации, своей альтернативной позиции они не высказали. Поэтому интересно посмотреть, как шло обсуждение вопроса об автономии в карельских

⁵⁷ Известия Всероссийского Мусульманского Совета. 1917. 8 сентября. Цит. по: Там же. С. 71.

⁵⁸ См. об этом: Там же. С. 64—77.

⁵⁹ Там же. С. 77.

⁶⁰ Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. № 16. С. 20.

регионах. Сохранились воспоминания ребольского общественного деятеля и главы продовольственной комиссии в 1917 г., сторонника «панфинской» линии Пекки Кюёттинена, которые могут дать некоторое представление о дискуссиях, происходивших в 1917 г. в селе Реболы. Не называя, к сожалению, конкретных дат, он сообщает, что вопрос карельской автономии неоднократно ставился на обсуждение на общих и земских собраниях и вызывал сильные споры. Речь, несомненно, идёт о весне, лете и осени 1917 г.

Так, на втором из земских собраний, состоявшихся здесь после Февральской революции (первое было признано не соответствующим новым законам), обсуждался вопрос о введении финского языка в школьную программу. Для села Реболы этот вопрос был актуален — волость была тесно связана с Финляндией экономически. Тем не менее состоялась бурная дискуссия, в ходе которой «русские и их компаньоны» противостояли этому предложению. Было, однако, принято решение преподавать финский язык во всех школах по часу в день. Кюёттинен прокомментировал: «Мы добились первой победы на национальном фронте».

Вопрос карельской автономии обсуждался в селе Реболы постоянно, и сформировалась группа её сторонников (помимо Кюёттинена, в неё входили ещё четыре активиста). Жёстко противостояли этому сторонники «прорусской» линии, и одновременно на политическую арену стали выдвигаться большевики, которые «начали потихоньку сеять бурю». Они заявляли, что идея Карельской автономии — капиталистическая «буржуазная» инициатива. Начали звучать голоса о том, что «моржей» — буржуев нужно убивать, они только и хотят, что отдать карельский народ в новое рабство. Добиться настоящей свободы можно только в союзе с большевиками, внушали их сторонники. «В конце концов, — замечает Кюёттинен, — обе эти группы нашли друг друга и слились вместе против нас, национально мыслящих карелов». Хотя народ, по словам мемуариста, относился к «национально мыслящим карелам» с симпатией, коммунисты и черносотенный священник действовали активно. Листовки и агитационная литература поступали бесперебойно, и многие слабые духом подпали под обаяние «свободы» и больших обещаний⁶¹.

Между тем ситуация не только в селе Реболы, но и во всей Карелии становилась всё более тяжёлой. Учитель Исаак Пирхонен, прибывший осенью в Ухту, с ужасом писал 5 октября: «Я не верил, приехав сюда, что это та самая прежде богатая Ухта — теперь она бедна всем. Здесь нет в продаже совсем ничего...»⁶². Поступления хлеба

⁶¹ К.А. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Muistelmat. Kot. 112.

⁶² Ibid. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31.

в Олонецкую губернию в 1917 г. были в несколько раз меньше необходимого минимума⁶³. Пекка Кюёттинен посвящает большую и весьма драматическую часть своих мемуаров катастрофической ситуации с продовольствием, которая сложилась к декабрю в селе Реболы. Урожай был плохим, а помощи от властей никакой не было, поэтому над некоторыми семьями уже нависла угроза голода. Продовольственная комиссия села Реболы с огромным трудом добилась доставки в волость через Петроград и Лиексу 40 вагонов муки; исполнителем этого сложного дела был уже знакомый нам Нечаев. Вагоны несколько раз арестовывали, пытались конфисковать, от всего состава осталась половина, но их всё-таки удалось доставить в Реболы. Кюёттинен описывает посвящённое продовольственному вопросу бурное народное собрание, на котором звучали угрозы расправы с продовольственной комиссией (главой которой был он сам)⁶⁴.

Постоянно и безнадежно ухудшавшаяся ситуация, понимание того, что в управлении государством царит полный хаос, приводили ко всё более отчётливому стремлению обособиться от летящей в пропасть страны, найти свой, отдельный выход из тупика. В декабре 1917 г. гласными в губернское и уездное земские собрания были избраны в селе Реболы Г. П. Григорьев и Ф. В. Нечаев. Им были даны указы — при подходящем случае поднять вопрос о Карельской автономии. Кюёттинен утверждает, что Повенецкое земство решило как можно энергичнее работать на осуществление этого плана⁶⁵. Однако ситуация вновь изменилась — после большевистского переворота стало ясно, что стратегию и политическую линию нужно менять.

К декабрю 1917 — январю 1918 г. советская власть довольно широко распространилась в населённых карелами уездах. Были распущены губернские и земские учреждения, которые повсеместно заменялись комиссариатами и Советами. Уездные земские управы прекратили свою деятельность к лету 1918 г.⁶⁶ При этом, как справедливо подчёркивает Сергей Яров, «многие крестьяне не воспринимали Советы как некие совершенно новые органы. Они оценивались ими, скорее, как преемники прежних структур власти»⁶⁷. Это объясняет ту лёгкость, с которой многие крестьянские общества заменяли земства Советами.

Поначалу Советы даже приветствовались карельскими крестьянами, т. к. они обещали дать и дали землю. На третьем Олонецком губернском съезде Советов, проходившем в конце января — начале февраля 1918 г., была принята резолюция

⁶³ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 363.

⁶⁴ KA. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Muistelmat. Kot. 112.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 365—368.

⁶⁷ Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917—1920-е гг. М., 2014. С. 15.

по земельному вопросу, согласно которой вся земля объявлялась общенародным достоянием и только крестьянам присваивалось право перераспределения земель⁶⁸. С весны 1918 г. в уездах и волостях начался уравнительный передел земли.

Однако ситуация была взорвана политикой классовой сегрегации, которую принялись осуществлять большевики в деревне, и дальнейшим ухудшением продовольственной ситуации. В разных местах началось стихийное изъятие хлеба, после чего новые власти приступили к реквизициям⁶⁹. В интервью карельского беженца из д. Пяльозеро А. Ольшина (Ольшайнена) читаем: «Революция пришла и грабежи. Тогда стали облагать сильно, [мы] платили и платили, пока не содрали всё. [Мы] противились большевикам. [Нам] угрожали посадить в тюрьму. Было собрание, на котором опять угрожали. <...> Предстояло собрание — деньги отнимать. [Мы] сопротивлялись, не будем платить. Угрожали винтовкой...»⁷⁰. Последней каплей стала проводившаяся зимой — весной 1918 г. принудительная мобилизация, против которой в волостях с карельским населением (Ведлозерской, Поросозерской, Рыпушкальской и Сямозерской) произошёл ряд протестных крестьянских выступлений⁷¹.

Большевистский переворот и его последствия сыграли роль детонатора в и без того перенасыщенной недовольством атмосфере карельской деревни. Настроения начали склоняться к идее полной независимости карельского региона или присоединения его к Финляндии — иного спасения, по мнению многих, не было. 17 января 1918 г. в Ухте было созвано собрание, принявшее решение о поддержке полного самоопределения беломорских и олонцевских карелов и вепсов. Финляндскому парламенту был направлен адрес, содержащий решения собрания. Присутствовавший здесь заместитель председателя «Карельского просветительского общества» Тимо Маннер писал 23 января 1918 г.: «Решения следующие: решили со всей энергией продвигать присоединение к Финляндии. В Олонце и Реболах в особенности стоят за присоединение»⁷².

Десять дней спустя, 27 января 1918 г., в аккурат в день начала финляндской гражданской войны, в Ухте состоялся народный съезд, принявший решение «об отделении карельско-вепсской Восточной Карелии от России — вместе с Кольским полуостровом, с древних лет принадлежавшем карелам». На съезде шли бурные дебаты. Главным образом, участники высказывались за создание независимой Карельской

⁶⁸ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 374.

⁶⁹ Там же. С. 363, 375.

⁷⁰ К.А. Heimosota-asiakirjat. P-Aunus 48.

⁷¹ *Осипов А. Ю.* Финляндия и гражданская война в Карелии : дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 95—96.

⁷² *Ranta R.* Vienan Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi. S. 123.

республики. Как подчёркивает историк Раймо Ранта, под влиянием большевистской революции мнения ряда участников, прежде всего членов «Карельского просветительского общества», склонились к идее присоединения Карелии к Финляндии. В его пользу высказались Пааво Ахава, Ииво Каукониemi и Алексей Митро⁷³.

О настроениях населения села Реболы повествует в своих воспоминаниях Пекка Кюёттинен: как только здесь получили известие, что местные большевики ожидают поступления 250 винтовок из Поросозера, «взгляды всех наиболее разумных обратились к Финляндии, поскольку единственное спасение было там». Запросив помощи от финляндского пограничного коменданта и командира батальона пограничников и получив заверение в том, что в случае необходимости помощь будет оказана, ребольские жители обратились к Совету с требованием созвать общеволостное собрание для того, чтобы обдумать, есть ли возможность немедленно присоединиться к Финляндии⁷⁴. Как мы знаем, Ребольская волость осуществила это намерение несколько позже. В августе 1918 г. жители села Реболы на общем собрании приняли решение о присоединении к Финляндии на условиях самоуправления, и их примеру позже (в 1919 г.) последовала Поросозерская волость⁷⁵. Формально Ребольская и Поросозерская волости были независимыми образованиями под протекторатом Финляндии.

На этом историческом этапе Финляндия представлялась многим противникам большевиков единственно возможной защитой — однако там шла гражданская война. Тем не менее общественные настроения склонялись в сторону обособления от России, а часто и присоединения к Финляндии. Этот вопрос поднимался даже на I съезде Советов Повенецкого уезда в феврале 1918 г., провозгласившем установление Советской власти на территории уезда. Представители карельских волостей выдвинули на этом съезде предложение о необходимости административного объединения карельских волостей Олонецкой и Архангельской губерний, а некоторые делегаты выступили с предложением отделения Карелии от России и присоединения к Финляндии⁷⁶. И хотя их предложение было отвергнуто, сам факт такой попытки следует считать симптоматичным.

⁷³ Ibid. S. 124.

⁷⁴ КА. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Muistelmat. Kot. 112.

⁷⁵ Кауппала П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918—1929 гг. : Забытый успех раннесоветской национальной политики // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 317. О выделении села Реболы: Aunuksen Repola / toim. H. Tarma. Joensuu, 2001. S. 175—218.

⁷⁶ Машезерский В. И. Победа великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 33—35.

Из разных регионов Карелии в правительство Финляндии хлынул поток писем с просьбами о помощи и о присоединении к Финляндии⁷⁷. Настроение части беломорских карелов было выражено в письме жителей Ухтинской волости финскому правительству от 29 марта 1918 г. Там, в частности, говорилось: «Нам, нижеподписавшимся беломорским карелам, живущим в Ухтинской волости, надоела русская власть, в какой бы форме она ни проявлялась, и прежде всего нам, до глубины наших сердец, надоело поддерживающее развал и всяческую анархию большевистское правительство и его насилие...». На этом основании, и выражая всяческую симпатию к Финляндии и её народу, авторы письма просили, чтобы законное правительство Финляндии приняло всё население Беломорской Карелии под защиту отрядов щюцкора и присоединило бы весь регион к Финляндии. Под письмом стоят 303 подписи⁷⁸.

Подведём итог сказанному. За десять месяцев 1917 г., с марта по декабрь, в Российской Карелии сменили друг друга несколько националистических проектов, причём степень их радикальности раз от раза возрастала. После Февральской революции пожелания карельского населения (как и многих других меньшинств) ограничивались удовлетворением давно сформулированных национально-культурных потребностей: обучение в школе и богослужение на местных языках, а также знание чиновниками языка населения. Однако чем более ослабевала центральная власть, чем менее явной становилась её легитимность, тем большим было стремление к обособлению от Петрограда. Национальные регионы в поиске способов спасения от наступавшего хаоса начали, уповая на этническую сплочённость, выдвигать проекты национально-территориальных самоуправляющихся автономий. На этом этапе, летом 1917 г., зародились многочисленные планы национальных автономий, в том числе поддержанный большой частью населения Карелии проект Карельской или Карельско-Северной административной области.

Однако самый радикальный проект национального самоопределения карельского региона, вплоть до отделения от России, получил серьёзную поддержку населения только после большевистского переворота. Ища защиты и спасения, многие активисты обратили свои взоры на Финляндию, которая представлялась им политической и военной опорой. Именно в то время «Карельское просветительское общество», поддержанное антибольшевистски настроенными карелами, начало разрабатывать новую стратегию — отделения Карелии от России и присоединения к Финляндии. Однако она была в конечном итоге реализована только для двух волостей — Ребольской

⁷⁷ Vahtola J. Nuorukaisten sota. Suomen sotaretki Aunukseen 1919. Helsinki, 1997. S. 21—23.

⁷⁸ UMA. Ryhmä 11. Osasto A1. Asia 1.

и Поросозерской. Судьбы других регионов Российской Карелии складывались более причудливо — на протяжении нескольких лет регион разрывали несколько противостоявших друг другу политических и военных сил, от интервенционных войск Антанты до белого правительства Северной области, от финского Мурманского легиона до Карельского отряда, от финских добровольческих отрядов до большевистских подразделений. В это насыщенное событиями время те сценарии развития и самоопределения карельского народа, которые сформировались в 1917 г., получили дальнейшее развитие.

Список литературы

Базегский, Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Дмитрий Васильевич Базегский. — Петрозаводск, 1998. — 22 с.

Витухновская, М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905—1917 / М. А. Витухновская. — Санкт-Петербург : Норма, 2006. — 381 с.

Витухновская-Кауппала, М. «Карелия для карел!» : Гражданская война как катализатор национального самосознания / М. Витухновская-Кауппала // *Ab Imperio*. — 2010. — № 4. — С. 245—282.

Витухновская-Кауппала, М. Национальное самосознание восточных карел до и после Октябрьской революции / М. Витухновская-Кауппала // *Народ, разделённый границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809—2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка : сб. науч. ст. / предисл. Т. Хямюнена.* — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2011. — С. 156—172.

Дубровская, Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917—1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов / Е. Ю. Дубровская // *Исторические судьбы Беломорской Карелии / отв. ред. Ю. А. Савватеев.* — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2000. — С. 88—97.

Дубровская, Е. Ю. Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы российской революции и Гражданской войны (1917—1920) / Е. Ю. Дубровская // *Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза.* — Москва : Социально-политическая мысль, 2005. — С. 141—143.

История Карелии с древнейших времён до наших дней / Ю. А. Савватеев, А. Ю. Жуков, М. В. Пулькин [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Кораблёва [и др.]. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 943 с.

Кауппала, П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918—1929 гг.: забытый успех раннесоветской национальной политики / П. Кауппала // *Ab Imperio*. — 2002. — № 2. — С. 309—337.

Кораблёв, Н. А. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическую жизнь населения Карелии / Н. А. Кораблёв, Е. Ю. Дубровская // Труды Карельского научного центра РАН: гуманитарные исследования. — 2015. — № 8. — С. 28—35.

Красовицкая, Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля — октября 1917 г.: стратегии, структуры, персонажи / Т. Ю. Красовицкая. — Москва : Новый Хронограф, 2015. — 415 с.

Машезерский, В. И. Победа великого Октября и образование советской автономии Карелии / В. И. Машезерский. — Петрозаводск : Карелия, 1978. — 139 с.

Ольшанский, Д. В. Основы политической психологии / Д. В. Ольшанский. — Екатеринбург : Деловая книга, 2001. — 496 с.

Осипов, А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии : дис. ... канд. ист. наук / Александр Юрьевич Осипов. — Петрозаводск, 2006. — 241 с.

Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. — Москва : Наука, 2003. — 671 с.

Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — 305 с.

Хрох, М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм / ред. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. — Москва : Праксис, 2002. — С. 121—145.

Шорников, П. М. Молдавская самобытность / П. М. Шорников. — Тирасполь : Издательство Приднестровского университета, 2007. — 400 с.

Яров, С. В. Человек перед лицом власти : 1917—1920-е гг. / С. В. Яров. — Москва : Политическая энциклопедия, 2014. — 375 с.

Aunuksen Repola / toim. H. Tarma. — Joensuu : Repola-Seura r. y., 2001. — 334 s.

Churchill, S. Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922 : Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917—1922 / S. Churchill. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1970. — 218 s.

Hämynen, T. Raja ei erottanut — karjalaisen laukkukaupan monta vuosisataa / T. Hämynen // Kainuussa ja Vienassa : Näkökulmia naapurusten elämään. — Joensuu : Joensuun yliopiston humanistinen tiedekunta, 1997. — S. 55—75.

Joustela, K. Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809—65 / K. Joustela. — Helsinki : [SHS], 1963. — 376 s.

Kokko, A. Hallan ukko : Piirteitä maanviljelijä J. A. Heikkisen elämästä ja elämäntyöstä / A. Kokko. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1939. — 312 s.

Naakka-Korhonen, M. Halpa hinta, pitkä mitta : Vienan-karjalainen laukkukauppa / M. Naakka-Korhonen, M. Keynäs. — Helsinki : SKS, 1988. — 294 s.

Ranta, R. Vienan Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906—1922 / R. Ranta. — [Kangasala] : [R. Ranta], 1997. — 229 s.

Vahtola, J. Nuorukaisten sota : Suomen sotaretki Aunukseen 1919 / J. Vahtola. — Helsinki : Otava, 1997. — 637 s.

Vahtola, J. «Suomi suureksi — Viena vapaaksi» : Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918 / J. Vahtola. — Rovaniemi : Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1988. — 476 s.

Vitukhnovskaya-Kauppala, M. The Eastern Karelians in the Russian Civil War of 1917—1922 / M. Vitukhnovskaya-Kauppala // Nation Split by the Border : Changes in the Ethnic Identity, Religion and Language of the Karelians from 1809 to 2009 / ed. T. Hämynen, A. Pashkov. — Tampere : Suomen yliopistopaino Oy, 2012. — P. 86—114.

СОЛОМЕЩ Илья Мотелевич / SOLOMESHCH Илья

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

isol@petsu.ru

ОБРЕТЕНИЕ ФИНЛЯНДИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

FINLAND'S INDEPENDENCE IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Abstract: Analyzing established narratives of Finland's independence in Soviet and post-Soviet history writing, the article addresses key issues in construction of basic interpretative models of this turning point in the history of Finland and Russian-Finnish relations. Accordingly, the article aims at recognizing basic patterns and paradigms of these narratives, focusing on their interdependence with the changing political and ideological environment.

Ключевые слова / Keywords: Независимость Финляндии, российско-финляндские отношения, российская историография / Finland's independence, Russian-Finnish relations, Russian historiography.

Не ставя перед собой целью дать исчерпывающее изложение того, что, кем и когда было написано к настоящему времени в СССР / России об обретении Финляндией независимости, постараемся сосредоточиться на формировании основных моделей историографической интерпретации событий 1917—1918 гг., на вопросе о том, как эти интерпретации контекстуализировались в зависимости от не раз менявшейся политической и идеологической атмосферы советской и постсоветской эпохи.

С точки зрения формирования подходов к освещению темы, с известной долей условности хронологических границ можно выделить три крупных периода: с начала советской эпохи до 1950-х гг.; 1950-е — начало 1990-х гг.; с начала 1990-х гг. до наших дней.

Казалось бы, первый период, бóльшая часть которого в политическом плане была окрашена конфронтационностью государства победившего социализма и буржуазной Финляндии, не должен был оставлять пространства для недосказанностей и вопросов с точки зрения формирования оценки независимости Финляндии. Эти оценки, бесспорно, определялись канонами марксистско-ленинской истории, с одной стороны, и динамикой советско-финляндских отношений, с другой. Тем не менее по данному поводу уместно сделать несколько замечаний.

Традиционно принято считать, что история Финляндии стала всерьёз изучаться советскими авторами лишь после Второй мировой войны. В строго академическом смысле это действительно так — лишь во второй половине XX в. вышли первые

основанные на архивных изысканиях монографические труды, сложились исследовательские школы в Москве, Ленинграде и Петрозаводске.

Однако тот факт, что первые попытки интерпретации финляндской истории с марксистских позиций были предприняты значительно раньше, в 1920-х — начале 1930-х гг., как правило, упоминается в лучшем случае лишь на уровне констатации. Между тем первые «советские» публикации по истории Финляндии связаны с именем Лаури Летонмяки (1886—1935), известного деятеля социал-демократического движения в Финляндии, а также довольно заметной фигуры политической и интеллектуальной элиты советской Карелии первых полутора десятилетий ее существования. И если вклад Л. Летонмяки в литературную жизнь Карелии довольно хорошо освещён, то его исторические труды, напротив, практически не известны¹. Между тем их объём, круг затрагиваемых проблем и общий уровень вряд ли даёт основание для того, чтобы отнести эти публикации лишь к разряду незначительных историографических эпизодов начального периода «новой эры».

В своём кратком обзоре истории Финляндии и Карелии² Лаури Летонмяки характеризует события 1917 г. как триумф ленинской национальной политики и с сожалением отмечает, что в результате гражданской войны 1918 г., последовавшей практически сразу после обретения Финляндией независимости, трудящиеся Финляндии вновь оказались под гнетом капиталистов. Не концентрируясь на детальном изложении событий, Л. Летонмяки впервые в советской историографии ставит вопрос о взаимозависимости исторического развития Финляндии и Карелии. В вышедшей позднее более объёмной публикации по истории Карелии он пишет, что карельская социалистическая государственность, образованная трудящимися под руководством советской власти, не имеет ничего общего с капиталистической Финляндской республикой, кроме формального признака — общности литературного языка. И напротив, с революционным пролетариатом и его освободительной борьбой у трудящихся Карелии есть много общего, прежде всего общий враг — капитализм³.

Скорое окончание «финской эпохи» советской Карелии, продлившейся лишь полтора десятилетия, повлекло за собой забвение своеобразного историографического старта. Редкие ссылки на публикации Л. Летонмяки будут спонтанно появляться лишь

¹ В новейшем финляндском историографическом исследовании, посвящённом опытам историописания красных финнов в 1920-е — 1930-е гг., в центре внимания автора оказались преимущественно красные финны, обосновавшиеся в Петрограде / Ленинграде. См.: *Viljanen L. "On hauskempi tehdä kumousta kuin siitä kirjoittaa": Neuvostosuomalainen historiankirjoitus ja -tulkinnat Suomen sisällissodasta 1920- ja 1930-luvuilla // Historiallinen aikakauskirja. 2015. Vol. 113, No. 2. S. 160—178.*

² *Letonmäki L. Piirteitä Suomen ja Karjalan historiasta. M., 1925.* Книга использовалась в качестве учебного пособия в финноязычных школах советской Карелии.

³ *Idem. Karjalan historia. Leningrad, 1931. S. 254—255.*

в послевоенный период. Таким образом, эта фаза в истории исторической науки осталась «недописанной страницей».

Казалось бы, исчерпывающее и «директивное» определение независимости Финляндии читатель должен был бы найти в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Загадкой и предметом возможного обсуждения тем не менее, остается тот факт, что признание большевистским правительством независимости Финляндии в этом труде практически обходится стороной. В главе VII, освещающей события 1917—1918 гг., Финляндия вообще упоминается лишь как место, откуда Ленин прибыл в Петроград в апреле, а затем в октябре 1917 г.⁴ Это «умолчание» тем более удивительно, что, как известно, реализация концепции «права наций на самоопределение вплоть до отделения», как и все остальные достижения революции, нераздельно связывалась с именем народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина.

Характер взаимоотношений СССР и Финляндии коренным образом изменился после Второй мировой войны. Теперь его начали определять реалии Парижского мирного договора 1947 г. и Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. Новая эпоха потребовала внесения существенных коррективов в её идеологическом обеспечении. Главная новация заключалась в актуализации признания правительством большевиков независимости Финляндии как базового элемента мирного сосуществования двух государств. Постепенно выстраивалась модель интерпретации, согласно которой мирное сосуществование изначально имело все предпосылки быть реализованным на практике, если бы не активное противодействие буржуазных правительств Финляндии, приведшее, в конце концов, к советско-финляндским войнам 1939—1940 и 1941—1944 гг. Именно такая логическая цепочка легко обнаруживается в более или менее очевидной форме в справочно-энциклопедической и учебной литературе вплоть до 1990-х гг.

Таким образом, тема «Ленин и Финляндия», тема признания / предоставления независимости Финляндии в этот период входила в разряд «приветствуемых». Немногочисленные монографические исследования⁵, безусловно способствуя формированию научного знания, по понятным причинам вынужденно оставались скованными идеологическими рамками и устоявшимися клише.

⁴ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1945. С. 196. URL: http://lib.thewalls.ru/vkpb/kurs_07.htm (30.11.2017).

⁵ См.: *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962; *Холодковский В. М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1962; *Его же.* Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М., 1975; *Коронен М. М.* Дружба, рожденная Великим Октябрем. Л., 1977; *Его же.* Ленин и Финляндия. Л., 1983.

В концентрированном виде эту модель можно обнаружить в работе В. Г. Фёдорова: «С первых же дней своего существования Советское государство приступило к выполнению коренных требований народных масс, жаждавших мира, социальной и национальной свободы... Советское правительство осуществило его (признание независимости Финляндии. — *И. С.*) немедленно... без околичности, без всяких условий... В силу определенных исторических условий суверенная Финляндия возникла как буржуазное государство...»⁶.

Несколько более развёрнутую трактовку находим у Ю. Комиссарова (Ю. С. Дерябина). Он отмечает, что «к моменту обретения независимости Финляндия, в отличие от многих других государств, ставших самостоятельными после Первой мировой войны, обладала целым рядом довольно развитых атрибутов государственности...». Как нам представляется, здесь впервые акцентируется внешнеполитическая составляющая обретения независимости: «...одними из главных задач, которые встали перед Финляндией после получения независимости, были выработка целей, направлений и методов внешней политики, поиски такой внешнеполитической ориентации, которая превращала бы в реальность предпосылки для подлинной государственной самостоятельности... Тем не менее уже в первые годы после обретения Финляндией независимости в её политике возобладали недоверие, подозрительность и вражда к Советской стране, одержали верх антирусские, антисоветские тенденции»⁷.

Своеобразной иконой, каноническим кинорядом признания независимости Финляндии стал советско-финляндский художественный фильм «Доверие» (1976) с блестящим актерским коллективом и Кириллом Лавровым в роли Ленина. Создание фильма пришлось на кульминационный этап разрядки международной напряженности, процесс, в котором Финляндии общепризнанно отводилась значимая роль.

Таким образом, вплоть до новейшего этапа развития российской историографии «доброй традицией» было укорять Финляндию за упущенные ею возможности мирного сосуществования с восточным соседом, реализованные лишь после Второй мировой войны⁸.

⁶ Фёдоров В. Г. Советский Союз и Финляндия: добрососедство и сотрудничество. М., 1988. С. 23—29.

⁷ Комиссаров Ю. «Линия Паасикиви — Кекконена»: история, современность, перспективы. М., 1985. С. 9—11.

⁸ Эту же логическую цепочку развивает и В. В. Похлебкин: Похлебкин В. В. СССР — Финляндия: 260 лет отношений. М., 1975. С. 192—208. Собственно, этот автор будет последовательно придерживаться своей концепции и в дальнейшем (см.: *Его же*. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. М., 1999. Т. 2. Ч. 3. С. 131 и далее. URL: <http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/pohleb1/pohleb1.htm#2> (21.12.2017).

Эта проблематика регулярно обсуждалась на конференциях, включая первую Всесоюзную конференцию по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии в 1963 г. (доклад П. И. Ихалайнена с «разоблачением фальсификации финских реакционных буржуазных ученых»), и становившихся регулярными встречах советских и финских исследователей (доклад Г. Л. Соболева на советско-финляндском симпозиуме историков в 1977 г.).

Наступление нового этапа, связываемого с перестройкой и гласностью в СССР, вызвало существенные подвижки в исторической науке. Однако рассматриваемые нами сюжеты далеко не сразу оказались в числе тех, на примере которых можно было бы проследить стремительность процессов переосмысления не только исторического прошлого, но и самих подходов к его изучению. Во всяком случае, признание независимости Финляндии не вошло в список «белых пятен» истории и, соответственно, не попало в число исторических событий и сюжетов, бурно обсуждаемых не только в профессиональной печати, но и на страницах массовых общественно-политических изданий⁹.

Однако позитивный опыт ставших к тому времени традиционными встреч советских и финских историков привел в новых условиях к появлению публикации, сразу же привлечшей внимание специалистов. Выяснилось, что участие в диалоге с западными коллегами не обязательно должно облекаться в форму «разоблачений зарубежных фальсификаций». Это показало появление статей петербургского исследователя В. Ю. Черняева и его финского коллеги Э. Кетола под общим названием «Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему»¹⁰. Собственно, эта публикация выявила и некоторые новые тенденции в рассмотрении событий конца 1917 г., которым ещё предстояло закрепиться в дальнейшем. Во-первых, обнаружилось стремление не только отказаться от «большевистского гранд-нарратива», но и существенно расширить контекст изучаемых проблем. Это неизбежно выводило авторов на постановку проблемы исторических альтернатив и вариативности, взаимозависимости развития России как государства с общемировыми процессами, соотношения идеологических конструкций и реальной политической практики.

⁹ К юбилейному 1987 г. перестройка ещё не успела принести серьезные плоды в сфере идеологии и регламентации исторических исследований. Публикации, подобные статье П. В. Волобуева, были скорее исключением в своем стремлении адаптировать традиционные схемы к новым политическим реалиям (*Волобуев П. В.* Историческое место финляндской революции 1918 года // *Новая и новейшая история.* 1988. № 5. С. 15—24).

¹⁰ *Кетола Э., Черняев В. Ю.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // *Отечественная история.* 1993. № 6. С. 27—45. В расширенном виде опубликовано в: *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 292—307 и 308—323.

Дальнейшее приращение знания по этой проблематике шло в русле контекстуализации финляндской независимости в истории международных отношений периода либо предшествовавшего 1917 г., либо последующего отрезка. Это можно проиллюстрировать примерами публикаций и диссертаций И. Н. Новиковой¹¹, А. И. Рупасова, А. Н. Чистикова¹², В. И. Мусаева¹³, Е. Ю. Дубровской¹⁴ сегодня составляющих неотъемлемую часть современной российской исторической финнистики. О той же тенденции свидетельствуют и некоторые диссертационные исследования, появляющихся в исследовательских центрах, в которых прежде финляндская проблематика не была замечена¹⁵.

Было бы упрощением утверждать, что смена исследовательских парадигм обуславливалась исключительно «проблемой поколений». В 1997 г. петербургский историк В. И. Старцев в докладе и статье «Временное правительство и Финляндия в 1917 году» сформулировал серьезнейшую проблему функционирования и самовоспроизводства моделей имперской политики, проблему, как многие считают, не утратившую новизну и в новом тысячелетии. «Революционная демократия России и ее вожди... не могли подняться выше имперского понимания национальных интересов страны. А главная финская политическая сила 1917 г. — социал-демократы — нашли единственного союзника только в лице крайних экстремистов, большевиков... Будучи... свидетелями продолжающегося распада Российской Федерации, мы должны помнить, что тот процесс начался с неудачной попытки Временного правительства удержать Финляндию в составе новой, демократической России»¹⁶.

Среди специфических и не всегда очевидных тенденций современной российской исторической науки, проиллюстрировать которые можно, в том числе, и на примере рассматриваемой проблематики, хотелось бы выделить следующее.

Всеобщее и вполне понятное внимание к сюжетам политической истории привело к тому, что социально-экономические обстоятельства обретения и становления финляндской независимости остаются в России за пределами внимания

¹¹ См., например: *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

¹² См., например: *Рупасов А., Чистиков А.* Советско-финляндская граница, 1918—1938. СПб., 2007.

¹³ См., например: *Мусаев В. И.* Политические аспекты взаимоотношений России и Финляндии в период Первой мировой войны // *Международные отношения и диалог культур*. 2014. № 2. С. 196—228.

¹⁴ См., например: *Дубровская Е. Ю.* Многомерная радикализация: российские военнослужащие, национальные и социальные движения финляндцев в 1917 г. Петрозаводск, 2016.

¹⁵ См., например: *Лоскутов А. Н.* Антибольшевистские силы в Гражданской войне в России: самооценка причин поражения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004; *Его же.* Национально-государственные образования и разгром Северо-западной армии (1918—1920 гг.). URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/10090/026.pdf> (30.11.2017); *Страхова Н. В.* Становление и развитие советско-финляндских отношений 1917—1940: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003.

¹⁶ *Старцев В. И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 году // *Россия и Финляндия в XX веке: К 80-летию независимости Финляндской Республики*. СПб., 1997. С. 31—32.

исследователей¹⁷. Между тем, интерпретация политической борьбы на протяжении 1917 г. в случае с Финляндией «повисает в воздухе» без анализа развития национальной экономики Финляндии во взаимозависимости с имперскими интеграционными процессами, поскольку обнаруживается, что в экономическом плане Финляндия стала выступать как «внешний субъект» по отношению к экономике империи еще до 1917 г.

Во-вторых, степень присутствия проблемы обретения Финляндией независимости в современном российском информационном потоке блестяще характеризует ситуацию с историческим знанием в целом. После кратковременного всплеска интереса к «белым пятнам истории», практически иссякшего во второй половине 1990-х гг., вакуум публикаций «для широкой публики» быстро заполнился литературой псевдопопулярного жанра, как правило, весьма сомнительного научного качества, но широко продаваемой. И к тому же доступной в Интернете, на ресурсы которого всё больше ориентируется современный потребитель информации¹⁸.

Список литературы

Волобуев, П. В. Историческое место финляндской революции 1918 года / П. В. Волобуев // Новая и новейшая история. — 1988. — № 5. — С. 15—24.

Дубровская, Е. Ю. Многомерная радикализация: российские военнослужащие, национальные и социальные движения финляндцев в 1917 г. / Е. Ю. Дубровская. — Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. — 65 с.

Кетола, Э., Черняев, В. Ю. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему / Э. Кетола, В. Ю. Черняев // Отечественная история. — 1993. — № 6. — С. 27—45.

Комиссаров, Ю. «Линия Паасикиви — Кекконена»: история, современность, перспективы / Ю. Комиссаров. — Москва : Международные отношения, 1985. — 176 с.

Коронен, М. М. Ленин и Финляндия / М. М. Коронен. — Ленинград : Лениздат, 1983. — 319 с.

Коронен, М. М. Дружба, рожденная Великим Октябрем / М. М. Коронен. — Ленинград : Лениздат, 1977. — 205 с.

¹⁷ Исключение составляют публикации И. М. Бобович, Т. М. Китаниной, Г. Д. Корнилова и И. М. Соломеща.

¹⁸ Запросы о независимости Финляндии и российско-финляндских отношениях в российском сегменте Интернета легко выведет вас на труды А. Б. Широкограда и Н. И. Уткина. Российская «Википедия» в статье о российско-финляндских отношениях предлагает в качестве литературы по теме книгу 1980-х гг. (*Петров И. А.* *Добрые соседи: Краткий очерк дружественных советско-финляндских отношений.* Изд. 2-е, испр. и доп. Петрозаводск, 1984), но, правда, содержит ссылку на критику книги А. Б. Широкограда. См. Российско-финляндские отношения // Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Российско-финляндские_отношения (30.11.2017).

Мусаев, В. И. Политические аспекты взаимоотношений России и Финляндии в период Первой мировой войны / В. И. Мусаев // *Международные отношения и диалог культур*. — 2014. — № 2. — С. 196—228.

Новикова, И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе : Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны / И. Н. Новикова. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2002. — 300 с.

Петров, И. А. Добрые соседи : краткий очерк дружественных советско-финляндских отношений / И. А. Петров. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Петрозаводск : Карелия, 1984. — 125 с.

Похлёбкин, В. В. СССР — Финляндия. 260 лет отношений / В. В. Похлебкин. — Москва : Международные отношения, 1975. — 408 с.

Рупасов, А. Советско-финляндская граница, 1918—1938 / А. Рупасов, А. Чистиков. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2007. — 222 с.

Старцев, В. И. Временное правительство и Финляндия в 1917 году / В. И. Старцев // *Россия и Финляндия в XX веке : к 80-летию независимости Финляндской Республики*. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 1997. С. 6—33.

Сюкияйнен, И. И. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии / И. И. Сюкияйнен. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1962. — 309 с.

Фёдоров, В. Г. Советский Союз и Финляндия: добрососедство и сотрудничество / В. Г. Фёдоров. — Москва : Мысль, 1988. — 304 с.

Холодковский, В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция / В. М. Холодковский. — Москва : Наука, 1962. — 387 с.

Холодковский, В. М. Финляндия и Советская Россия. 1918—1920 / В. М. Холодковский. — Москва : Наука, 1975. — 266 с.

Letonmäki, L. Karjalan historia / L. Letonmäki. — Leningrad : Kirja, 1931. — 284 s.

Letonmäki, L. Piirteitä Suomen ja Karjalan historiasta / L. Letonmäki. — Москва : Центральное издательство народов СССР, 1925. — 124 с.

Viljanen, L. ”On hauskeempi tehdä kumousta kuin siitä kirjoittaa” : Neuvostosuomalainen historiankirjoitus ja -tulkinnat Suomen sisällissodasta 1920- ja 1930-luvuilla / L. Viljanen // *Historiallinen aikakauskirja*. — 2015. Vol. 113, No. 2. — S. 160—178.

ПО ИТОГАМ СЕМИНАРА
SUMMING UP THE RESULTS OF THE SEMINAR

ТАЛВИТИЕ Хейкки / TALVITIE Heikki

Общество Финляндия — Россия, Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке) /
Finland — Russia Society, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (Emeritus)
Финляндия, Эспоо / Finland, Espoo

КАРЕЛЬСКИЙ ВОПРОС
KARELIAN QUESTION

7—8 сентября 2017 г. в Петрозаводске прошёл семинар финляндских и российских историков, на котором рассматривались две основные даты: 1617 и 1917 гг. В 1617 г. был заключён Столбовский мир, в результате чего процесс расширения Швеции на восток, начатый в 1150 г., достиг своего апогея. Граница, проведённая по Столбовскому миру, за исключением Ингерманландии, позже, с 1812 г., стала восточной границей Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. В дальнейшем граница между Финляндией и Советской Россией, установленная по Тартускому миру 1920 г., фактически воспроизводила границу Столбовского мира и границу времён Великого княжества. Как в 1617, так и в 1920 г. положение России было довольно слабым.

Начало XVII в. именуется в России Смутным временем. Для меня было неожиданностью узнать, в какой степени ослабление царской власти приводило в регионах к контактам с соседними народами и к требованиям права самоопределения. Так произошло в Новгороде в 1611 г., когда Швеция и Россия вступили в союзнические отношения. Этому способствовал захват Новгорода шведами под командованием Якоба Делагарди. Он вывез из Новгорода большое количество документов, в том числе переписных книг, на случай, если Швеции удастся в дальнейшем удержать эти территории под своей властью. Такое же положение сложилось в 1917—1920 и затем в 1991—2000 гг. Распоряжения Москвы утратили своё значение в отношении регионов, и начались разрывы отношений.

1917 г., естественно, связан с Первой мировой войной, с обретением Финляндией независимости, с её признанием Советской Россией и с Российской революцией. В известной степени эти события были взаимосвязаны. На протяжении прошедшего столетия их интерпретации сильно различались — даже внутри самих стран, не говоря уже о противоречиях между интерпретациями на международном уровне. Петрозаводский семинар был очень плодотворным благодаря разнообразию обсуждавшихся аспектов.

Меня лично интересовал карельский вопрос в его комплексной постановке. Ведь этот вопрос не ограничивается лишь последним столетием, он относится также к истории Швеции и России, по меньшей мере начиная с Ореховецкого мира (1323). Шведы захватили Кексгольмский лен в 1580 г., однако возвратили его России по Тявзинскому миру 1595 г. По Столбовскому миру Кексгольмский лен вновь перешёл к Швеции, получившей также бóльшую часть Ингерманландии. На этой стадии часть православного населения Кексгольмского лена перебралась в район Твери и на Валдай, часть погибла, а часть осталась на захваченных Швецией землях, при этом, к примеру, вопрос о положении православных священников и их подготовке длительное время оставался неопределённым. Кексгольмский лен наряду с Ингерманландией и Лифляндией вошёл как трофей в генерал-губернаторство с центром в Нарве. Существенное значение Нарвы для Швеции проявилось уже при заключении Тявзинского мира, по которому Швеция потеряла Кексгольмский лен, но сохранила свои владения в Эстонии — Нарву и Ревель.

В 1700 г. молодой Карл XII одержал победу над русскими под Нарвой, затем повернул на запад, оголяя восточную границу. Пётр Великий основал в 1703 г. Санкт-Петербург, а после разгрома шведской армии под Полтавой в 1709 г., в следующем году захватил Ригу, Ревель, Выборг и Кексгольм. Благодаря этим победам в 1712 г. Пётр провозгласил Санкт-Петербург столицей России. По Ништадтскому миру 1721 г. Швеция признала потерю Карельского перешейка и Ладужской Карелии. После того как в 1808—1809 гг. Россия захватила остальные принадлежавшие Швеции лены Финляндии, Александр I возвысил Финляндию до уровня нации и образовал Великое княжество Финляндское, обладавшее широкой автономией. В 1812 г. так называемая Старая Финляндия, включая Ладужскую Карелию и Карельский перешеек, была передана в состав Великого княжества Финляндского.

Финны приступили к строительству нации в 1820-е гг., когда появилась первая версия «Калевалы». Руны записывались в Финляндии, однако основная коллекция рун, лёгшая, в частности, в основу «Калевалы», происходила из Беломорской Карелии, в меньшей степени — из Олонецкой Карелии. Карелианизм и панфеннизм стали основой для идеи Великой Финляндии, требовавшей для Финляндии естественных границ по мере расширения автономии и актуализации идеи независимости. Таким образом зародился так называемый восточно-карельский вопрос.

Ленинское советское правительство признало независимость Финляндии в последний день 1917 г., поскольку на этом настаивала Германия, а боевые действия, возглавляемые Троцким, шли к миру в Брест-Литовске. Согласно подписанному 3 марта

1918 г. мирному договору, Россия должна была вывести свои войска из Финляндии к моменту, когда немецкая дивизия высадится в Финляндии и войдёт в Хельсинки. Последнюю партию оружия большевики отправили красным финнам как раз накануне подписания мира. После этого в отношении Финляндии у Ленина руки были связаны. Финляндию оставили как часть восточногерманской империи.

Финляндия обрела действительную независимость с поражением Германии в мировой войне, при этом Россия была погружена в революцию. На мирных переговорах в Тарту Финляндия требовала себе Кольский полуостров и всю Восточную Карелию, включая Беломорскую и Олонецкую Карелии. Финляндия энергично содействовала стремлению местного населения добиться права на самоопределение. В качестве решения в Тарту рассматривалась автономия Восточной Карелии, для укрепления которой в 1920—1922 гг. в Беломорской и Олонецкой Карелиях Финляндия вела так называемые племенные войны.

Финны имели в виду автономию местного населения в отношении России. Советская Россия также планировала автономию, но на совершенно других основаниях. Ленин пригласил в Петрозаводск Эдварда Гюллинга для создания Карельской Трудовой Коммуны. С помощью красных финнов, а затем и финнов, иммигрировавших из Америки, создавалась автономия, позже провозглашённая как Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика.

Ленин и Сталин поддерживали Гюллинга под международным давлением. Финская элита под руководством Гюллинга (около 1 % от общей численности населения) строила финско-карельскую Карелию, в которой финский и карельский языки должны были стать официальными в ущерб русскому. К такой Карелии по мере продвижения революции должны были быть присоединены недавно обретшая независимость Финляндия, а также скандинавские страны Швеция и Норвегия. По мере ослабления международного давления со стороны Сталина началось противодействие. Убийство Кирова привело в Карелии к масштабному террору. Гюллинг был отстранён в 1935 г., а в 1937—1938 гг. финские переселенцы в Карелии подверглись массовым ликвидациям. Приход Гитлера к власти и проводимая Финляндией политика привели к возникновению так называемого финского фактора со всеми его последствиями. Местному населению больше не доверяли.

Договор между Сталиным и Гитлером в 1939 г. вновь переместил Финляндию в сферу интересов СССР. В ходе Зимней войны СССР стремился обеспечить себе на финляндском направлении безопасную границу. Финляндия успешно сражалась, но великая держава одержала победу, и по Московскому мирному договору Финляндия

потеряла Карельский перешеек и Ладужскую Карелию. Население этих земель было полностью эвакуировано. Около 400 тысяч карелов было расселено в Финляндии. В ходе Войны-продолжения Финляндия опиралась на Германию. Необходимо было вернуть утраченные территории и присоединить к Финляндии Восточную Карелию.

В 1941 г. Финляндия отвоевала утраченные территории и частично оккупировала Восточную Карелию в пределах своей зоны фронта. Наступление в Восточной Карелии было также требованием немецкого военного руководства для обеспечения блокады Ленинграда. Во время оккупации Финляндия проводила в Восточной Карелии своего рода политику этнических чисток. По сравнению с другими национальностями (например, русскими, украинцами и белорусами) финно- и карелоязычное население было на особом положении в отношении питания, возможности работы и образования. Довольно скоро после начала оккупации военное руководство Финляндии осознало, что возможности Финляндии удержать Восточную Карелию почти ничтожны. Уже в начале 1943 г. стали разрабатываться планы эвакуации.

Война-продолжение не завершилась безоговорочной капитуляцией Финляндии, как того требовали члены антигитлеровской коалиции. Было заключено сепаратное перемирие, после чего Финляндия изгнала с территории страны немцев. В годы холодной войны Финляндия заключила с СССР Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, основная идея которого заключалась в том, что Финляндия не станет предоставлять свою территорию противникам СССР и будет сама защищать от них свою территорию.

СССР изменил названия населённых мест на Карельском перешейке, однако к северу от Хийтолы финско-карельские названия были сохранены. Территории, потерянные Финляндией, были заселены населением из Украины и Белоруссии. Лишь позднее в родные места смогли возвратиться российские карелы.

С распадом СССР между Финляндией и Республикой Карелия были установлены новые связи в области торговли и культуры. Так, существенным был экспорт леса из Карелии для нужд промышленности Финляндии. Из Республики Карелия в Финляндию эмигрировало значительное количество финноязычного населения. В частности, Карелия потеряла большое число преподавателей финского языка. Предпринимаются попытки компенсировать эту потерю за счёт отправки преподавателей из Финляндии. В Карелии есть финноязычные театр и пресса, однако ресурсов не хватает.

В 1995 г. Финляндия стала членом Европейского союза. Как говорится, Финляндия — часть Запада. Однако судьба Финляндии главным образом зависела

от Востока и его силы в сравнении с Западом. Финляндия и НАТО участвуют в проводимых Швецией военных учениях, цель которых заключается в обеспечении безопасности Швеции в случае возможной кризисной ситуации. В какой степени это связывает территорию Швеции с защитой стран Балтии? Это имеет значение и для нас. В свою очередь, Россия начинает совместно с Белоруссией учения «Запад», целью которых является обеспечение стратегических интересов России в регионе Балтийского моря. Речь идёт о Финском заливе, Санкт-Петербурге и Калининграде.

С обострением ситуации на Балтике становится жизненно важным, чтобы Финляндия сотрудничала с Республикой Карелия. Вместе с тем следует учитывать те тяготы, которые приносил финский фактор карелам Финляндии и России.

Эспоо, 13 сентября 2017 г.
(Пер. с фин. И. М. Соломеща)

ЖУРАВЛЁВ Сергей Владимирович / ZHURAVLEV Sergey

Институт российской истории Российской академии наук / Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

zamdirectora_iriran@mail.ru

ЧТО ДАЁТ КОНЦЕПЦИЯ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ ФИНЛЯНДИИ?*

**WHAT DOES THE CONCEPT OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION ADD TO THE
STUDY OF THE PROBLEM OF FINLAND'S INDEPENDENCE?**

В современной российской историографии всё большее распространение приобретает трактовка событий революционной эпохи как единой Великой российской революции, которая прошла в своём развитии ряд ключевых этапов¹. Началом послужили революционные события в феврале 1917 г., заметный резонанс имели волнения в Петрограде в начале июля, большевистский переворот в конце октября, разгон Учредительного собрания в начале января 1918 г., фронтовая фаза Гражданской войны с весны — лета 1918 г. примерно до рубежа 1921—1922 гг. Применительно к разным регионам бывшей империи в хронологии и «точках бифуркации» революции были свои нюансы. В полной мере это относится и к Финляндии, которая после Февраля 1917 г. начала процесс «развода» с Российской империей, в которой и до того она находилась на особом положении.

Что даёт обозначенный выше подход вообще и для истории обретения Финляндией независимости в частности? На наш взгляд, важно смещение центра тяжести в сторону динамики революционных процессов, что тут же ставит в повестку дня изучение причинно-следственных связей и последствий тех или иных исторических событий, их воздействие на ситуацию в Петрограде и на периферии.

Всё это заставляет обозреть с иного ракурса, казалось бы, уже известные проблемы и одновременно обратить внимание на новые вопросы. По-иному — в более длительной перспективе — осмыслить роль ключевых деятелей революционной эпохи: почему одни личности сходили с исторической арены и волна революции возносила на свой гребень других, как и почему политические лидеры меняли свои взгляды, как они

* Тезисы выступления на историческом семинаре XVIII Российско-Финляндского культурного форума 22 сентября 2017 г.

¹ Этот вопрос особенно активно обсуждался в научной среде в связи с подготовкой в 2013 г. Историко-культурного стандарта, ставшего основой для написания современных учебников по истории России для средних школ. Обоснование такого подхода см., например, в первой части научно-методического пособия, опубликованного в электронном журнале Государственного академического университета гуманитарных наук: Бахтурина А. Ю., Журавлёв С. В., Петров Ю. А. Трудные вопросы истории России: Причины, последствия и оценка падения монархии в России, революции 1917 г., прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне // История. Электронный научно-образовательный журнал. М., 2015. Вып. е7. URL: <https://history.jes.su/s207987840001283-0-1> (28.11.2017).

вливали на менявшуюся революционную ситуацию, а изменение в политической обстановке, в свою очередь, влияло на смену их воззрений и т. д. Перечисленные аспекты важны для изучения деятельности не только Керенского, Ленина и Сталина, но и финляндских лидеров — Куусинена, Токоя, Свинхувуда, Маннергейма.

При таком подходе, между прочим, более рельефно выступает тема исторических альтернатив в 1917—1921 гг. Вопрос «что было бы, если бы...» относится к разряду вечно дискуссионных и интригующих, но, тем не менее, он очень полезен для осмысления событий революционной эпохи.

Указанный подход позволяет показать обретение Финляндией независимости как сложный, динамичный процесс (так и было на самом деле), в котором были рывки вперёд и откаты назад. Выявить интересы и роль разных социальных и политических сил в финляндском и российском обществе на разных этапах революции. Показать позицию структур власти Финляндии, Временного правительства, Петросовета, большевиков и др. Оценить результативность стратегии и тактики национальных и политических сил, преследовавших в тех условиях собственные интересы.

Концепт Великой российской революции заставляет по-новому оценить тесную связь и безусловную взаимную зависимость российской и финляндской истории 1917—1920 гг. С полным основанием можно сказать, что вне российского контекста невозможно изучение событий в Финляндии в это время. И наоборот, в российской историографии порой недоучитывается роль революционных событий в Финляндии для общего хода Великой российской революции. Между тем события в Финляндии, окрашенные идеями национальной независимости (по большому счёту, тема соотношения социального и национального факторов, определения границы между национализмом и демократическим национальным движением на разных этапах финляндской революционной эпохи всё ещё ждёт своего исследователя), не просто были — особенно в 1917—1918 гг. — важнейшей частью общероссийского революционного процесса, но и нередко оказывали на него весьма заметное влияние.

Не мешало бы более чётко определиться и с хронологией. Началом тернистого пути Финляндии к независимости, по большому счёту, стало отречение Николая II (носившего титул Великого князя Финляндского) от российского престола 3 марта 1917 г. Оно с новой силой всколыхнуло надежды и стремление к национальной независимости в финляндском обществе и одновременно породило так и не разрешённые при Временном правительстве юридические коллизии относительно статуса Финляндии в составе России в условиях продолжавшейся российской революции (неопределённость статуса Финляндии стала особенно вопиющей после

объявления России республикой 1 сентября 1917 г., но несмотря на это, Временное правительство не отказалось от назначения в Финляндию русского генерал-губернатора, как при царе).

В финляндской историографии сложилось мнение, что уже к осени 1917 г. (то есть до большевистского переворота в Петрограде и, тем более, до формального признания финляндской независимости большевиками) Финляндия стала *de facto* независимым от России, самостоятельным государством. И вопрос заключался лишь в том, чтобы зафиксировать независимость юридически. Представляется, однако, что всё обстояло не так уж просто и однозначно, ведь международные и военные вопросы продолжали находиться в компетенции России, да и по вопросу верховной власти в Финляндии сохранялись разногласия с Временным правительством.

Судьбоносным для становления независимой Финляндии и, как никогда ранее, насыщенным альтернативами можно назвать период с осени 1917 по осень 1918 г. В январе 1918 г. финляндские социал-демократы, вдохновлённые примером российских большевиков и рассчитывая на обещанную ими поддержку (в итоге серьёзная помощь из России так и не пришла), попытались совершить переворот. Большевики признали революционное правительство Финляндии и 1 марта 1918 г. заключили с ним договор. И здесь тоже невооружённым глазом видна тесная связь с событиями Великой российской революции. Итогом восстания стали кровопролитная Гражданская война в Финляндии, рост русофобских настроений и поворот в сторону Германии как к защитнице от казавшегося тогда неминуемым большевистского вторжения.

Именно на этом фоне произошёл добровольный отказ финляндского руководства от, казалось бы, столь долгожданной и выстраданной независимости от России. Теперь Финляндия перешла под германскую корону (при регентстве Свинхувуда и позже Маннергейма). Трудно сказать, чем бы всё закончилось для временно утратившей независимость страны, если бы не новая революция, на сей раз — в ноябре 1918 г. в Германии. Она привела к краху Германской империи, к окончанию Первой мировой войны и тем самым — к освобождению Финляндии от данных ею обязательств. Но ведь не секрет, что ноябрьские события 1918 г. в Германии тоже состоялись в той или иной мере под влиянием Великой российской революции.

Окончательно же завершился процесс обретения Финляндией независимости, на наш взгляд, закреплением международно-правового статуса страны и демаркацией границ по Тартускому мирному договору с РСФСР, заключённому осенью 1920 г.

Подводя итоги сказанному, можно отметить следующее. В 1917—1920 гг. Финляндия переживала крайне сложный, противоречивый и трагический период своей

истории, совпавший по времени с не менее сложным периодом войн и революций в России. Процесс обретения независимости Финляндией был сложным, поэтапным, он занял не один год. Главным фактором этого процесса стало растущее стремление нации к формированию независимого государства. Однако указанное стремление не смогло бы реализоваться без Великой российской революции, которая создала решающие условия для независимости Финляндии.

И, наконец, еще несколько соображений. Нам представляется актуальным написание общей истории Финляндии и России применительно к революционной эпохе, силами российских и финляндских учёных. Идея в принципе не нова, она была популярна в 1960—1970-е гг., однако сейчас есть возможность сделать это на ином уровне, исходя из значительно более широкой источниковой базы и современных исследовательских подходов.

Список литературы

Бахтурина А. Ю. Трудные вопросы истории России: Причины, последствия и оценка падения монархии в России, революции 1917 г., прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне / А. Ю. Бахтурина, С. В. Журавлёв, Ю. А. Петров // История. Электронный научно-образовательный журнал. — Москва, 2015. — Вып. е7. — URL: <https://history.jes.su/s207987840001283-0-1>. — (28.11.2017).

ВИХАВАЙНЕН Тимо / VIHAVAINEN Timo

Профессор-эмеритус / Professor Emeritus

Финляндия, Хельсинки / Finland, Helsinki

timo.vihavainen@helsinki.fi

ВСТРЕЧИ ИСТОРИКОВ

THE MEETINGS OF HISTORIANS

История, несомненно, является самой предвзятой из гуманитарных наук, поскольку, как минимум, одна из важных её задач служит пониманию, прежде всего, наций и их взаимоотношений. Понятно, что разные нации не воспринимают явления и события одинаково. Это не обязательно проблема, но коль скоро относительно одних и тех же событий начинают возникать совершенно противоположные воззрения, параллельные истории, есть основания для беспокойства. Некоторое время назад в Финляндии была создана специальная общественная организация «Историки без границ», миссией которой является содействие диалогу между историками в тех случаях, когда, как представляется, такой диалог оказался прерванным и стороны предлагают совершенно различные нарративы одних и тех же событий.

Если говорить о важности двусторонних встреч, то уже в конце XIX в. между Финляндией и Россией возникли разногласия по поводу определённых событий в истории, особенно о том, каким образом Финляндия была включена в состав Российской империи и какие права ей были предоставлены. После революции в России и выхода Финляндии из состава империи российская историография по своей природе полностью изменилась, но остались глубокие разногласия касательно отношений между Финляндией и Россией. Кроме того, возникли новые разногласия. На практике в обеих странах было довольно мало информации о состоянии историографии в соседней стране. Вероятно, в Советском Союзе такой информации было даже больше, чем в Финляндии, поскольку в СССР так называемые скандинавские исследования проводились систематически, хотя и в рамках, заданных идеологией и политикой.

Ситуация существенно изменилась с началом проведения советско-финляндских симпозиумов историков, первым из которых можно считать семинар, состоявшийся в Хельсинки в 1966 г.¹ Позднее начиная с 1969 г. эти симпозиумы стали проводиться каждые два года, поочерёдно в обеих странах. Организаторами выступали Национальные комитеты историков. Кроме того, в 1971 г. было инициировано проведение серии семинаров по сравнительной социально-экономической истории, их

¹ Об истории симпозиумов см.: *Вихавайнен Т.* Сотрудничество финских и российских историков до и после Второй мировой войны. Проблемы и направления // Северная Европа. Проблемы истории. М., 2007. Вып. 6. С. 348—358.

организовывали Университет Турку, Академия наук Эстонской ССР и Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР. Эти семинары также проводились раз в два года, таким образом, сложилась практика, когда каждый год проходила значимая встреча российских и финляндских историков.

Важно, что эти встречи проводились при государственной поддержке. В Финляндии секретариат Комитета по научно-техническому сотрудничеству при Министерстве иностранных дел брал на себя значительную нагрузку по техническому обеспечению мероприятий, включая проезд, размещение, устный и письменный перевод. Он также обеспечивал финансирование публикаций докладов. Поскольку доклады, как правило, издавались в обеих странах, сформировалась полезная историческая библиотека. В составивших её трудах лучшие специалисты с обеих сторон анализировали национальную историографию по рассматриваемым вопросам и публиковали тщательно выполненные исследования. В результате за два десятилетия существенно улучшилась степень осведомлённости о состоянии исторических исследований и историографии противоположной стороны. Прогресс был не только количественным, но и качественным.

До наступления Перестройки на этих семинарах было невозможно рассмотреть все предлагавшиеся темы. В 1960-х гг. профессор Лаури Пунтила предложил такие темы, как Зимняя война и судьба финских коммунистов в Финляндии и Советском Союзе в период между двумя мировыми войнами. Эти предложения были отклонены на том основании, что исследований по указанным темам не проводилось. Когда же такие исследования стали появляться, в том числе и по Зимней войне, стало очевидно, что существенных разногласий относительно фактической стороны дела не так и много.

Семинары помогали уточнить или изменить многие неправильные представления, но их наиболее важным вкладом, скорее, была сама возможность встречи, содействие диалогу между исследователями. Благодаря этому зародилось много личных дружеских контактов, встречи и подготовка к ним способствовали обоюдному интересу к истории соседней страны.

Проблемой в изучении истории соседней страны для Финляндии и России всегда было слабое знание языков. Вплоть до 1990-х гг. русских в Финляндии было довольно мало, и лишь немногие исследователи владели русским языком. В России в отношении финского и шведского языков ситуация была такой же. Однако для изучения истории Финляндии зачастую необходимо знать оба этих языка. В советский период, в особенности в Петрозаводске, финский и шведский преподавались относительно

широко. В других городах также были историки, знавшие эти языки. Так называемые Скандинавские конференции и «Скандинавский сборник», публиковавший статьи по соответствующей проблематике, значительно способствовали деятельности в этой области.

С распадом Советского Союза продолжать регулярную работу по проведению симпозиумов и семинаров стало трудно. Министерство иностранных дел более не оказывало поддержку этим мероприятиям автоматически, также была отменена система регулярных квот по обменным поездкам исследователей. Историкам, сотрудничавшим с Россией, теперь приходилось искать поддержки на «свободном рынке», главным образом со стороны Академии Финляндии. Академия, однако, поставила себе задачу содействовать, прежде всего, наиболее передовым исследованиям, и, как показал опыт, нормальное, повседневное сотрудничество между историками в ходе заявочных конкурсов рисковало оказаться в тени модных исследовательских тем.

В первое десятилетие XXI в. удалось провести несколько финляндско-российских симпозиумов историков, и иногда рассматриваемые темы были очень важны для обеих стран, как, например, симпозиум, состоявшийся в Хамине в 2009 г., главной темой которого был Фридрихсгамский мир 1809 г. Однако на практике, вследствие прекращения централизованной государственной поддержки, сотрудничество сегодня стало фрагментарным. Вместо масштабных симпозиумов в настоящее время проводятся небольшие, тематические, иногда даже «камерные» семинары, на которых встречаются эксперты в конкретной области.

При проведении подобного рода встреч государство оказывало поддержку финляндской стороне, особенно через посольство Финляндии в Москве и Генеральное консульство в Санкт-Петербурге. В частности, неоценимой помощью было предоставление помещений и обеспечение перевода. С российской стороны содействие оказывала, главным образом, Академия наук, прежде всего Институт Российской истории РАН. Среди учреждений, содействующих таким встречам, также необходимо упомянуть Институт Финляндии в Санкт-Петербурге и университеты, особенно Петрозаводский государственный университет, который в настоящее время следует считать ведущим научным центром изучения истории Финляндии в России. Это можно утверждать хотя бы по той причине, что только в ПетрГУ готовят специалистов-историков, знающих как финский, так и шведский языки.

Однако финляндско-российские двусторонние симпозиумы в настоящее время испытывают серьёзные трудности. Некоторые неосведомлённые в сути проблемы люди считают, что в каких-то специальных финляндско-российских симпозиумах вообще нет

необходимости и что якобы следует проводить только тематические семинары на английском языке с приглашением экспертов со всего мира. Это может показаться разумным, но в таком случае за пределами внимания остаётся то обстоятельство, что в соседних странах в интерпретации своей истории есть специфические, касающиеся лишь противоположной стороны интересы, нуждающиеся в обсуждении, а «преодоление границ» означает нечто большее, чем просто выявление и интерпретацию источников.

Для историков важно встречаться и знать друг друга. Я думаю, что только таким образом можно также добиться доверия и понимания того, что противоположная сторона действует искренне, даже если это идёт вразрез с собственными взглядами. Так и должно быть. Хорошо, что сегодня в области исторических исследований есть полная свобода, что существует такая организация, как «Историки без границ». Однако если сотрудничество между историками соседних стран останется только на уровне случайных встреч и не будет приводить к публикации высококачественных печатных (или опубликованных в интернете) исследований, это будет означать шаг назад даже в сравнении с советскими временами.

В обеих странах, как в Финляндии, так и в России, есть основания вновь попытаться восстановить институт регулярных исторических симпозиумов с достаточным целевым финансированием. Это не означает, что речь идёт об исторических исследованиях под контролем государства. Выше были изложены очень большие и в настоящее время утраченные или находящиеся под угрозой исчезновения преимущества такого сотрудничества. Ослабление связей, не говоря уже об их разрыве, стало бы большой потерей. Кроме того, всегда следует поддерживать интерес к прошлому страны-соседа, вне зависимости от конъюнктуры.

Список литературы

Вихавайнен, Т. Сотрудничество финских и российских историков до и после Второй мировой войны. Проблемы и направления / Т. Вихавайнен // Северная Европа. Проблемы истории / отв. ред. О. В. Чернышёва. — Москва : Наука, 2007. — Вып. 6. — С. 348—358.

**КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ 2017
(ПЕТРОЗАВОДСК, 16—17 ФЕВРАЛЯ 2017 г.)**

**LOCAL HISTORY CONFERENCE 2017
(PETROZAVODSK, FEBRUARY 16—17, 2017)**

СОЙНИ Елена Григорьевна / SOINI Elena

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

soini@onego.ru

**ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИННОЯЗЫЧНОЙ
ПОЭЗИИ КАРЕЛИИ 1920—1930-х гг.***

**THEME OF REVOLUTION AND CIVIL WAR IN THE FINNISH-LANGUAGE POETRY
OF KARELIA, 1920s — 1930s**

Abstract: The article deals with the theme of revolution and civil war in the 1920s — 1930s works of Finnish poets of Karelia. The author proves that each of these poets was a bright individuality. Some of them are characterised by their psychologism, others — by using the theme of deeds and hunger for bloody fight. It had nothing to do with agitation or declarativity, but was dictated by sheer belief to justice.

Ключевые слова / Keywords: Россия, Финляндия, иммиграция, революция, гражданская война, финноязычная поэзия Карелии, 1920—1930-е гг. / Russia, Finland, immigration, revolution, civil war, the Finnish-language poetry of Karelia, 1920s — 1930s.

Исследователи справедливо считают, что для финских писателей-иммигрантов было характерно стремление интегрироваться в советскую литературу, быть подлинными интернационалистами. Финские литераторы в Карелии работали в разных жанрах, обращаясь к общим темам молодой советской прозы и поэзии. Э. Л. Алто, отмечает в поэзии финнов излишнюю агитационность, декларативность, песенно-маршевый стиль¹. Н. В. Чикина, автор книги «Детская литература Карелии на финском, карельском и вепсском языках», подчёркивает, что приехавшие писатели продолжали «традиции советской детской литературы 1920-х годов, одной из тем которой была судьба юношества, потерявшего во время гражданской войны родину»².

На наш взгляд, исключительно важным в поэзии финнов было отстаивание своей «финскости», обращение к исторической памяти.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Место литературы Карелии и Финляндии в художественном контексте XX — начала XXI веков», № 115022540013.

¹ История литературы Карелии: в 3 т. / редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.) [и др.]. СПб., 1997. Т. 2. Финноязычная литература Карелии. С. 42—48.

² Чикина Н. В. Детская литература Карелии на финском, карельском и вепсском языках. Петрозаводск, 2012. С. 20.

Поэты Лаури Летонмяки (1886—1936), Микаэль Рутанен (1883—1932), Сантери Мякеля (1870—1937) приехали в Карелию после поражения рабочей революции 1918 г. в Финляндии сформировавшимися литераторами. Они смогли передать драму целого поколения финнов, связывавших с Советской Россией свою мечту о социализме. Если одни спасались от белофинских тюрем, то другие жили и состоялись как революционеры в России.

Фото 1

Лаури Летонмяки

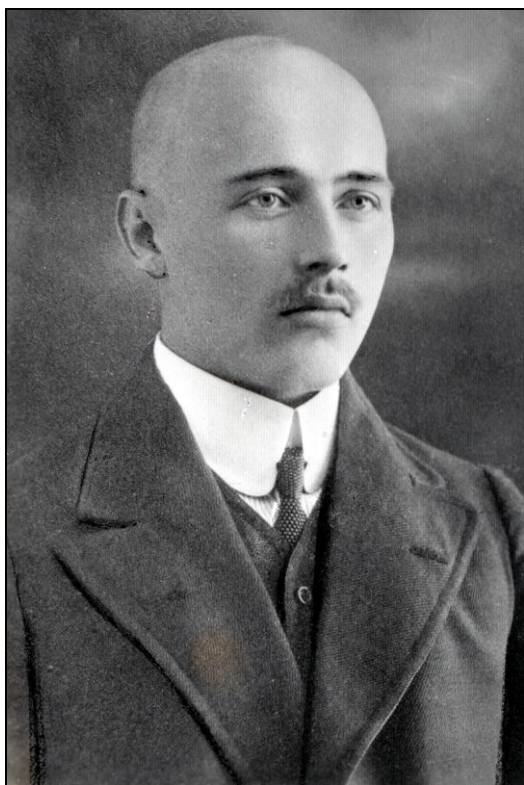

Фото 2

Ялмари Виртанен на отдыхе на Кавказе

Как известно, первый поэтический образ В. И. Ленина в советской литературе был создан Ялмари Виртаненом еще в 1917 г. до революций и Гражданской войны. (Ялмари Виртанен, будучи председателем революционного комитета станции Белоостров, встречал там В. И. Ленина.) Поэт только предчувствует надвигающиеся перемены, связывая их с Лениным. В стихотворении «*Leninin saaruessa*» («Возвращение Ленина») революция ещё не называется революцией, она посылает через Ленина, «душа которого как огонь... <...> Привет борьбы» («*mies, jonka on sielu kuin tulta... <...> Taisteluterveiset...*»)³, что в цитируемом отрывке хрестоматийных строк не очень точно переведено как «привет революционный»:

³ *Laulu Lokakuulle — Песнь Октября : стихотворения / сост. Р. Е. Коты. Петрозаводск, 1987. С. 25 (на фин. и рус. яз.).*

Уже на гребне радостных событий
Он, провозвестник будущего дня...
— Солдаты и рабочие! Примите
Привет революционный от меня!

(Перевод М. Тарасова)⁴

Участники финляндского революционного движения, спасшиеся в России от тюрем белофиннов, сражались на фронтах Гражданской войны. Тойво Вякя приводил данные, что «финские красногвардейцы... выставили... четыре стрелковых полка — 1, 3, 164 (6) и 480-й и множество отдельных батальонов и отрядов»⁵. Потерпев поражение на родине, не одержав победы, финские поэты внесли в литературу «мощный заряд нравственной энергии»⁶, ничего общего не имеющей с показной декларативностью. Это была мужская поэзия с жаждой кровавой борьбы, гибели в бою за свободу. Личное переплеталось с историческим. «Красный партизан» Ялмари Виртанена, «В пути» Германа Лаукканена, «Молчаливым борцам» Сантери Мякеля, «К оружию, люди» Лаури Летонмяки. Герои их стихотворений под стать фольклорным персонажам. Хлеб в сумке, желание мстить господам и принести себя в жертву напоминают фольклорного героя раба-пастуха Куллерво. Образ Куллерво — своеобразный код к пониманию «неудержимой жажды борьбы»⁷ пролетарских поэтов.

Прочь из тесных избушек, друзья!
С хлебом сумку на плечи.

До свиданья, мой дом и семья,
А вернусь ли — не ведаю я,
Только слёз вы не лейте....

(Перевод О. Мишина)⁸

Э. С. Киуру видит в сюжете этого стихотворения «К оружию, люди!» Лаури Летонмяки и «фольклорный мотив “ухода из дома”, встречающийся в финских народных песнях самого различного содержания»⁹:

Остаются в избушках глухих
Только нищие дети.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Цит. по: Руханен У. Н. В вихрях века: воспоминания и очерки / пер. с фин. яз. Э. Топпинен. Петрозаводск, 1991. С. 21.

⁶ Коты Р. Е. [Вступительная статья] // Laulu Lokakuulle — Песнь Октября. С. 15.

⁷ Там же.

⁸ Летонмяки Л. К оружию, люди! // Антология карельской поэзии. Петрозаводск, 1963. С. 119.

⁹ Киуру Э. С. Народно-поэтические традиции в творчестве финских пролетарских писателей-эмигрантов // Скандинавский сборник. Таллин, 1965. Вып. X. С. 208.

Это битва большая — для них.

Ухожу я в рядах боевых

Только слёз вы не лейте...¹⁰

Первый поэтический сборник «*Kumouksen kuohuista*» («Из бурных волн революции»), объединивший стихи трёх поэтов — С. Мякеля, Г. Лаукканена и В. Викмана, вышел в ленинградском издательстве «*Kirja*» («Книга») в 1925 г. К этому времени Сантери Мякеля уже успел опубликовать отдельной книжкой рассказ «*Linda*» («Линда») о войне 1808—1809 гг. и роман «*Elämä ikuisessa yössä*» («Жизнь в вечной ночи», 1911) в США.

Поэзия Мякеля была изначально социальна. В 1903 г., по свидетельству критика Калле Леполы, среди американских финнов приобрела огромную популярность «Песня шахтёра» Мякеля, где поэт говорит для шахтёров и от имени шахтёров. Поэт уже готов пожертвовать жизнью, «тоскует по горячей борьбе», жаждет видеть «красавые розы»:

Vapaus, vapaus, vapaus suur

Sun nimies on jumalainen!

Jos verelläin sinut vain ostaa voisiin

Pomielin sen uhraisin...¹¹

О свобода, свобода, свобода великая,

Твоё имя божественно!

Если бы я мог тебя выкупить кровью,

Я бы с радостью принёс её в жертву.

Мякеля удачно избегает прозаизации поэтического текста, его песня потому и была любима среди финских шахтёров, что её нельзя было спутать с газетной агиткой.

В «Песне шахтёра» есть привычная для пролетарской поэзии тех лет лексика: «пролетарий», «тиран», «борьба», «свобода»:

Oi luoja, oi luoja, sua kiroa en,

En kiroa kohtaloain.

Minä kiroan valtoja tyrannien

Ja vapauttain ikävöitsen ...

Minä ikävöin vapautta ihmiskunnan,

Proletaarien sorrettujen.

Minä ikävöin taistohon kuumimpahan,

Veriruuksija katsomahan!¹²

¹⁰ Антология карельской поэзии. С. 119.

¹⁰ *Mäkelä S. Kaivostyömiehen laulu // Lepola K. Kynätyösaralla, puhujalavalla ja apajilla // Kevätvyöry. 1934. No. 6. S. 144—145.*

¹² *Ibid.*

О создатель, создатель, я не клянусь ни тебя,
Ни свою судьбу.
Я поднимаю голос на тиранов...

И тоскую по свободе человечества,
Угнетённых пролетариев.
Я тоскую по горячей борьбе,
Я хочу видеть кровавые розы.

Но при всей жажде борьбы и «кровавых роз» Мякеля мечтает, чтобы свобода пролетариата была достигнута не ценой разрушения. Трагизм классовой борьбы преодолим. Мякеля ещё не осуждает Бога, не осуждает бледнолицую любимую за её видимое благополучие. Калле Лепола и позже Тайсто Сумманен¹³ верно писали, что на мирозерцание поэта влияла его принадлежность к древнему крестьянскому роду с вековыми традициями и незыблемыми идеалами.

Поражение финляндской революции, участником которой был поэт, оставило тяжёлый след в его душе. В его поэтическом словаре всё чаще появляется слово «проклятье» (*kirous*). В стихотворении «*Taistelua ja kuolemaa*» («Борьба и смерть», 1919), посвящённом финским красногвардейцам, поэт с проклятьем и благословением одновременно вспоминает родную землю, где они погибли:

Kiroten muistamme maata...
Missä on kruunattu rikos
Ja veljien murha.

Siunaten muistamme maata,
Missä on veljiemme hauta,
Joidenka keralla kerta,
Nojaten olkahan olka
Riveissä seisoiimme
Uhmaten lahtarivaltaa!¹⁴

¹³ Очерк истории литературы Советской Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 63—74.

¹⁴ *Mäkelä S. Taistelua ja kuolemaa // Kumouksen kuohuista. Leningrad, 1925. S. 11.*

С проклятьем вспоминаем землю...
Где короновано преступление
И братоубийство.

И всё же с благословением вспоминаем землю,
Где могилы наших братьев,
Где плечом к плечу
Стояли в рядах,
Сопrotивляясь власти лахтарей.

Болью и душевной горечью пронизаны строки «Jaakko Pkan kirous» («Проклятье Яакко Илкки», 1924). В этом стихотворении не осталось места ни прощению, ни благословению, только гнев и вера, «жгучая вера... в Правду». Подобно Илерми (герою стихотворения классика финского неоромантизма Эйно Лейно), Яакко Илкка бросает вызов мирозданию, отвергая религию, устоявшийся порядок вещей:

К чёрту речи поповские
и перезвон колокольный!
Нам не в братской могиле лежать,
а в холодном песке.
(Перевод Р. Такалы)

Лирический герой проклиная землю, «что несёт бедняку лишь оковы», проклиная «генералов, сборщиков разных налогов», «тюрьмы и мрачный топор палача». Что же остаётся идеальным? В чём видит неизменные ценности автор «Проклятья Яакко Илкки»? В чём, наконец, истина? И во имя чего происходили сражения, столь образно описанные Мякеля?

Мы сшибались с врагом —
так сшибается пахарь с камнями,

Что встают из борозд
и о лемех скрежещут стальной.
Мы громили господ всем народом, а не в одиночку.
Не страшны кандалы нам,
ни холод,
ни голод,
ни смерть.

(Перевод Р. Такалы)¹⁵

¹⁵ Мякеля С. Проклятье Яакко Илкки // Антология карельской поэзии. С. 124.

На эти сложные вопросы поэт даёт простой, но, пожалуй, единственно верный ответ: неизменной ценностью для поэта остаётся труд землепашца, и вообще труд, который не обманет, не предаст; и награда за него должна принадлежать самому человеку труда:

Мы — рабы. Но сильны мы одною заветною верой.
Что прекраснее утра и чище багряной зари.
Тот хозяин лесов, что стволы заскорузлые валит,
Хлеб — того, кто его своим потом растит.

(Перевод *Р. Такалы*)¹⁶

Из всех стихотворений Мякеля, написанных в Карелии, наибольшую известность получило его поэтическое обращение «Молчаливым борцам» («*Mukille joukoille*», 1922). Оно было востребовано, переводилось, о нём тепло отзывалась современная поэту критика. «...Молчаливые массы говорили языком своих великих дел», — писал о стихотворении Калле Лепола¹⁷.

Оппозиция слова и дела у Мякеля приобретает новый смысловой оттенок — словам противопоставляются не только подвиги и великие дела, но шрамы и могилы бойцов («Молчите — но раны за вас говорят»¹⁸, перевод *М. Тарасова*) («Могилы среди бесконечных снегов / Холмов неподвижные волны»). Повествуя о судьбе «молчаливых бойцов», поэт останавливает своё внимание на событиях Гражданской войны в России:

Громил ты и Врангеля и Колчака,
И шёл ты неутомимо
В снегу по колени и в тучах песка,
Почти без одежды, почти без пайка
Под небом Сибири и Крыма.

(Перевод *М. Тарасова*)

Создаётся впечатление, что на вопрос, поставленный в самом начале стихотворения, поэт не может найти ответа:

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Lepola K.* Kynätyösaralla, puhujalavalla ja arajilla. S. 148.

¹⁸ *Мякеля С.* Молчаливым борцам // Антология карельской поэзии. С. 121.

О люди, кто был молчаливым в борьбе,
Откуда вы — кто вы, ответьте?
И кто нам расскажет о вашей судьбе,
О том, что давно вы храните в себе,
Что вы повидали на свете.

(Перевод М. Тарасова)¹⁹

Т. Сумманен высказывает предположение, что Мякеля адресует вопрос, скорее, себе, чем погибшим финским красногвардейцам. И то, что вопрос остаётся открытым, придаёт стихотворению драматичность и пророческое трагическое звучание. Мякеля не сказал и не мог сказать всего, что тревожило его сердце. Пафос его лирики уступает место поэзии полунамёков с чертами обречённости.

Широта литературных взглядов Мякеля обнаруживается в его статье «О пролетарском искусстве», опубликованной в журнале «Сойхту» («Soihtu», т. е. «Факел»): «Писателю нельзя... упрямо отвергать всякое произведение буржуазного искусства. Надо не бояться учиться у буржуа. ...Если классовое чувство, точнее, классовая ненависть станет столь слепой, что мы безоговорочно осудим всё, произведённое буржуазией, как мусор, как ересь, достойную костра, то это будет равносильно выплёскиванию ребёнка из ванны вместе с водой»²⁰.

Другой автор сборника «Из бурных волн революции», Герман Лаукканен, представлен двумя стихотворениями «Inkerin kuntäjä» («Ингерманландский пахарь», 1923) и «Käy juhlaan» («Настал твой праздник», 1923). Герман Лаукканен — выходец из Савонлинны, жил с 1915 г. в Петрограде, участвовал в боях с армией Колчака, в 1929 г. переехал в Петрозаводск. Здесь в 1931 г. он выпустил поэтический сборник «Elettyä» («Прожитое»). Поэзия Лаукканена — ярко жизнеутверждающая и молодая по мироощущению, каждое стихотворение наполнено ожиданием будущего, которое представлялось поэту почти исключительно в розовых тонах. Если он пишет о мученической жизни раба, то непременно обещает, что будет возмездие, придёт час отмщения («Te kuuletteko», «Вы слышите», 1926), что старый мир будет разрушен и наступит новое утро:

Silloin

Syksy-yöhön

orjantyöhön

Karjahtaa kutsu kerran...

Iskee kuin teräs terävä,

¹⁹ Там же.

²⁰ *Mäkelä S.* Proletaarisesta taiteesta // *Soihtu*. 1929. No. 10. S. 10.

И открылась мне тайна колдовства:
Тогда было время господ.
А мы, понятное дело, были глупым народом.

(«Viisaat ja hullut», «Глупые и умные», 1920)²²

Микаэль Рутанен приехал в Карелию в 1931 г. из Соединённых Штатов Америки, где жил с 1908 г., меняя в поисках работы Детройт на Нетанн, Миннесоту на Пенсильванию, и успел прославиться как рабочий поэт. Рутанен прожил в Карелии всего около двух лет, но ему довелось стать певцом этого края. Даже его трагическая смерть на лесоповале от удара упавшего дерева была окрашена в некие символические карельские тона. Романтическое мироощущение характерно для его ранних стихотворений. Образы света, вестника, звёзд — реалии поэтического мира молодого Рутанена. Поэт был всего на пять лет моложе Эйно Лейно, лидера финского неоромантизма. И часто цитируемые стихи Лейно «Когда стоят часы» («Kun kello seisoo», 1896), несомненно, были известны молодому Рутанену, бравшему книги в рабочей библиотеке²³. Лейно пишет о той неразберихе, что возникла в народе, когда остановились часы на городской башне; поэт верит, что, наконец, должно быть восстановлено истинное время:

Jos tääll ois mies, jos yksikin
Niin itse nousis tornihin
Ja voiman oikeudelle hän
Sen kellon vetäis käymähän
Ja huutais: «Häin on aika maan!»²⁴

Если бы нашёлся хоть один мужчина
И сам поднялся на башню
И со всей силой
Пустил бы ход часов
И крикнул бы: «Вот какое время на земле!»

²² Ibid. S. 5—6.

²³ См. об этом: *Luoto L. Joonas Mikael Rutanen // Rutanen M. Työn laulu*. Leningrad, 1933. S. 3—5.

²⁴ *Leino E. Tarina Suuresta Tammesta y. m. runoja*. Porvoo, 1896. S. 62.

Стихотворение Рутанена «Глашатаю счастья» («Onnen airueelle», 1908) — это такой же, в традиции неоромантиков, поиск человека, героя, вестника, который мог бы предсказать великий день, мог бы восстановить истинное время:

Suomen taivas synkkä, musta,
poissa kevät, eessä syys,
sydamessä kansan tuska,
raivoo ajan kylmekkuys.

<...>

Saavu tänne onnen airut,
Päivää suurta ennusta,
joka poistaa surun vairut
pohjolan taivaalta²⁵.

Мрачное тёмное небо Финляндии.

Ушла весна. На подходе осень,
В сердце народа тоска,
Холод времени тревожит небо.

<...>

Прибуди сюда, глашатай счастья,
Предскажи великий день,
Когда исчезнет
С моего северного неба печаль.

Неоромантическая традиция отразилась на внимании поэта к внутреннему миру человека, на некотором психологизме и мягкости его политической лирики. Мягкость и условность в ранней поэзии Рутанена отметил и Лаури Летонмяки. В своей статье «О творчестве Микаэля Рутанена» Летонмяки писал, что эти качества «будут характерны для поэта в течение десятилетий»²⁶.

В 1930 г. в Америке, в Сьюпериоре, где жил Рутанен, вышел сборник его стихов «Песни борьбы» («Taistelun säveliä»). Для него характерны темы рабочего движения, Гражданской войны в Финляндии и революции в России. На этом материале Рутанен

²⁵ *Rutanen M.* Työn laulu. S. 10.

²⁶ *Letonmäki L.* Mikael Rutasen tuotannosta // Ibid. S. 11.

пытается решить вечные вопросы бытия, братской любви (в её романтическом, а не экспрессионистском освещении).

Книга Рутанена начинается стихотворением «Памяти русской революции» («Venäjän vallankumouksen muistolle»), в котором воспоминания о «кричаще нищенском существовании» простого человека в царской России, завершаются призывом, звучащим как мистическое послание высших сил:

Näki kansa kuin ilmestyksen
Ja HUUTAVAN ÄÄNEN kuuli:
— Jo nouskaa...²⁷

Увидел народ явление
И услышал ТРУБНЫЙ ГЛАС:
— Вставайте...

И хотя «трубный глас» убеждает угнетённых людей, что им поможет не «жалость богов, а только сила и воля массы», всё же именно богиня счастья проявляет благосклонность к рабочему люду и берёт под свою опеку.

В стихотворении «Братья» («Veljekset») поэт пытается разобраться в чувствах красноармейца, встретившего на поле боя родного раненного брата, сражавшегося на стороне белых. О близких людях, оказавшихся по разные стороны баррикад, написано в мировой литературе немало.

Вспомним хотя бы Михаила Булгакова и Михаила Шолохова. Каждый писатель предлагает свой вариант человеческого поведения в сложнейшей ситуации. Рутанен ставит красного героя перед мучительным выбором между идеей революции и братской любовью. Финал стихотворения остаётся открытым, незавершённым, красногвардеец отказывается быть судьёй собственному брату, «добрые чувства заполняли сердце героя... и представил он себя в детстве».

Поэту важнее раскрыть психологию своих героев, показать, что любовь к родному дому, к матери, к братьям — это абсолютная нравственная ценность, которая не может быть забыта ни при каких социальных, политических разногласиях:

Taistelu se oli sisäisintä
Kahden voiman: vihan, rakkauden.<...>

²⁷ *Rutanen M. Taistelun säveliä. Superior, 1930. S. 4.*

Muistui mielehensä äiti raukka,
Äiti köyhä, äiti surusilma,
Ryppyhuuli, puutteen näännyttämä.
Sama sydän sykki molemmille,
Molempia ruokki sama rinta,
Sama kohtu molempia kantoi²⁸.

Внутри у него кипела битва
Между ненавистью и любовью. <...>
Вспомнил он свою мать,
Мать бедную и печальную,
Не знавшую радости.
Одно сердце билось навстречу братьям,
Одна грудь кормила обоих,
Одно чрево вынашивало...

В Карелии лира Рутанена зазвучала по-новому. Можно говорить если не о разных поэтах в лице Рутанена, то о разных подходах Рутанена к творчеству. Исчезает психологизм, главными героями стихов Рутанена становятся топоры, гвозди, машины, пилы, порой создаётся впечатление, что всё это приходит в действие само по себе, без участия человека. Поэт обращается к внешнему миру и воспеваает его.

В отличие от Микаэля Рутанена Людвиг Косонен (1900—1938) был профессиональным политиком, революционером. Почти все стихи Косонена были созданы в тюрьме. «Тюрьма вынуждала прибегать к большому количеству сравнений, использовать метафорический язык»²⁹.

Но в какую бы метафорическую форму ни пытался облечь их поэт, его стихи были яркими, откровенными призывами к борьбе — призывами пролить кровь:

Tulkaa, tulkaa taistelun päivät
Jo jälleen miehelle mulle.
Ah, miten rakkaina rintaan jäivät
Haavanne haavoitetulle!

²⁸ Ibid. S. 18.

²⁹ *Kosonen L.* Marssimme eteenpäin. Leningrad, 1932. S. 3.

Lyökää, lyökää leveät miekat,
Niinkuin löitte jo kerta.
Viekää, juokaa heleät hiekat
Pois multa liikaa verta!

Tulkaa, tulkaa voittojen teitä
Työläiset miljoonaluvut.
Нумыilkää huoletti hulluja meitä
Tulevat sankarisuvut!³⁰

(«Mies kuolemanpataljoonasta», «Человек из батальона смертников»)

Придите, придите, ко мне дни борьбы!
О, как любимы ранеными ваши раны!

Бейте, бейте, мечи,
Как вы уже однажды били.
Уносите, ясные песни,
Из меня лишнюю кровь!

Пройдите, пройдите победной дорогой,
Миллионы рабочих.
Улыбнитесь беспечно над нами, глупыми,
Будущие героические поколения!

Часто в стихах Косонена кто-либо погибает, проливается чья-либо кровь: «...jokainen askele / taistoa tuskien tiellä»³¹ («...Каждый шаг был полон борьбы на пути испытаний») — «Kumpi on suurempi» («Кто величественнее?»); «Ja sankariveri se kasteli Neuvosto-Venäjän multaa»³² («Героическая кровь окропляла землю Советской России») — «Trotski» («Троцкий»).

И не умирать естественной смертью, а погибать советует поэт пролетарию:

Elämänarvoitus
On selvä proletaarille,
Joka on ratkaissut kantansa

³⁰ Ibid. S. 7.

³¹ Ibid. S. 8.

³² Ibid. S. 19.

Luokkien väliseen taisteluun:

Elä iloisesti,

Tee paljon työtä,

Kaadu kuin mies!

(«Elämänprobleemi», «Проблема жизни») ³³

Открылась тайна жизни пролетарию...

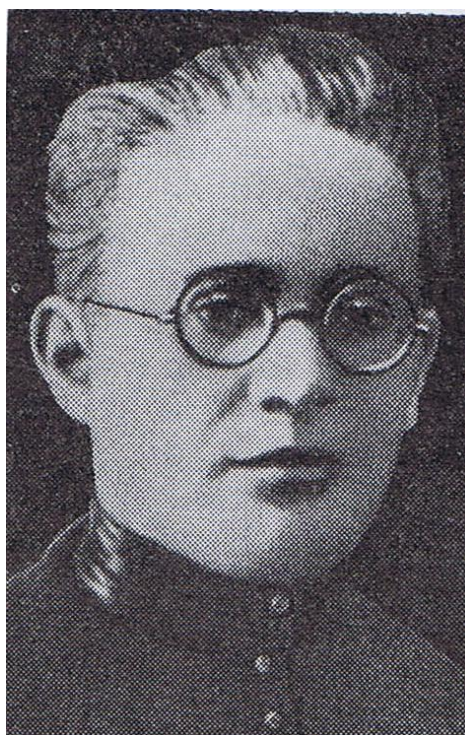
Живи весело,

Много работай,

Погибай, как мужчина!

Фото 3

Людвиг Косонен

В изданном в СССР сборнике «Шагаем вперед» («Marssimme eteenpäin») жажда боя, стремление пролить свою или чужую кровь совмещались у поэта с чисто философским отношением к жизни. Сказать: «Живи весело и... погибай» мог человек, который не очень дорожил жизнью, или жизнь не дорожила им.

В стихах Косонена много пессимизма и даже отчаяния. Некоторые его стихи не совсем вписываются в поэзию 1920—1930-х гг. с её пафосом, незыблемыми идеалами.

³³ Ibid. S. 25.

Niin monta epäilystä, arvoitusta,
Niin monta sieluntuskaa, suurta hätää.
Niin vähän miestä, miehen uskallusta,
Niin paljon alhaisuutta, saastaa, mätää.

<...>

Ei yhtä tuumaa lahjaks kuljettua,
Viimeiseen pennin maksoit koko hinnan.

(«Erään rajaryykin vierrellä», «У веги»)³⁴

Так много сомнений, загадок,
Душевной боли, больших несчастий,
Так мало людской веры,
Так много низкого, мерзкого, гнилого.

<...>

Ничто не давалось даром,
Всё оплачено полной ценой.

Однако выводы, к которым приходит поэт в итоге своих размышлений, оставляют надежду. Душевной боли, сомнениям Косонен противопоставляет борьбу:

Näin vuodet ahjossansa aina miestä
Ne taistotehtäviä varten valaa.
Ain yhä tietoisammaks tulet tiestä,
Ain yhä polttavammin rintas palaa.

(«Erään rajaryykin vierrellä», «У веги»)³⁵

Так годы в своём горне
Отливают человека для борьбы.
И всегда более знающим становится он на этом пути,
И всё сильнее пылает огонь в твоей груди.

³⁴ Ibid. S. 9.

³⁵ Ibid.

Финская революционная поэзия Карелии стала своеобразным знаменным маршем. Она не была деталью исторического сюжета. Всё было продиктовано искренней верой. Каждый поэт был яркой индивидуальностью. В то же время темы подвига, кровавой борьбы за справедливость в какой-то мере опустошали душу поэтов.

Через поэзию финских иммигрантов русские читатели познакомились с финским менталитетом, финским национальным характером. Финская поэзия Карелии 1920—1930-х гг. — достаточно яркая страница в литературе России, но надо признать, что до сих пор она по достоинству не оценена.

Список литературы

История литературы Карелии : в 3 т. / редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.) [и др.]. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 2. Финноязычная литература Карелии / Э. Л. Алто. — 245 с.

Киуру, Э. С. Народно-поэтические традиции в творчестве финских пролетарских писателей-эмигрантов / Э. С. Киуру // Скандинавский сборник. — Таллин : Ээсти Раамат, 1965. — С. 205—222.

Очерк истории литературы Советской Карелии / ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. — Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1969. — 373 с.

Руханен, У. Н. В вихрях века : воспоминания и очерки / У. Н. Руханен ; пер. с фин. яз. Э. Топпинен. — Петрозаводск : Карелия, 1991. — 263 с.

Чикина, Н. В. Детская литература Карелии на финском, карельском и вепском языках / Н. В. Чикина. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2012. — 147 с.

Laulu Lokakuulle — Песнь Октября : стихотворения / сост. и авт. вступ. ст. Р. Е. Коты. — Петрозаводск : Карелия, 1987. — 207 с. (на фин. и рус. яз.).

Lepola, K. Kynätyösaralla, puhujalavalla ja apajilla / K. Lepola // Kevätvyöry. — 1934. — No. 6. — S. 141—148.

Letonmäki, L. Mikael Rutasen tuotannosta / L. Letonmäki // Rutanen M. Työn laulu. — Leningrad : Kirja, 1933. — S. 9—14.

Luoto, L. Joonas Mikael Rutanen / L. Luoto // Rutanen M. Työn laulu. — Leningrad : Kirja, 1933. — S. 3—5.

ЧИКИНА Наталья Валерьевна / CHIKINA Natalya

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
tchikina@krc.karelia.ru

РЕВОЛЮЦИЯ В ПОЭЗИИ И СУДЬБЕ ВЕЙККО ЭРВАСТИ*

REVOLUTION IN THE POETRY AND FATE OF VEIKKO ERVASTI

Abstract: The article presents the biography of Veikko Ervasti, a Finn who escaped from Finland to Soviet Russia in search for better life in 1931. Here he found everything he had sought for: education, profession, creative realisation. V. Ervasti developed his talent for lyrical poetry, so that his name has taken its place in the history of the Finnish-language literature of Karelia.

Ключевые слова / Keywords: Литература Карелии, финский язык, революция, поэзия / Literature of Karelia, Finnish language, revolution, poetry.

В литературе Карелии 1920—1930-х гг. отмечалось положительное влияние революции 1917 г. в России на все сферы жизни. О позитивной роли Октябрьской революции в жизни народа писали не только карелы-сказители в своих биографиях¹, но и финны-эмигранты. В качестве примера приведём творчество В. Эрвасти.

Вейкко Эрвасти (1913—1947) родился в семье заготовителя в Финляндии, в губернии Оулу, местечке Куусамо. В сборниках «Писатели Карелии» за разные годы указывались разные даты рождения и смерти поэта. В выпусках за 1994 и 2006 гг. Ю. И. Дюжев писал: «Точная дата рождения (В. К. Эрвасти. — Н. Ч.) установлена В. И. Вальякка по церковным книгам г. Куусамо (Финляндия)»². Однако в посвящённом Эрвасти очерке «Elämää ja runoutta» («Жизнь и поэзия»), опубликованном самим В. Вальякка, указаны иные даты рождения и смерти поэта³.

Согласно Вальякка, Эрвасти родился в 1913 г. Кроме него в семье было ещё четыре брата и сестра. В детстве Вейкко приходилось вместе с отцом уходить в леса на заработки. Мальчику не удалось окончить даже начальную школу. Уже в одиннадцать лет он начал работать на лесозаготовках.

* Исследование выполнено в рамках плановой темы Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН № 115022540013.

¹ *Иванова Л. И.* Особенности фиксации и интерпретации биографических материалов о сказителях Карелии // Культура повседневности карельской семьи (конец XIX — первая треть XX в.) / сост. и ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2014. С. 377—398.

² Эрвасти Вейкко Карлович (Ervasti Veikko; Vuoksi Valter) (18.04.1914—4.3.1947) // Писатели Карелии: биобиблиографический словарь / сост. Ю. И. Дюжев; ред.-библиограф Н. В. Чикина. Петрозаводск, 2006. С. 275. URL: http://avtor.karelia.ru/view/biobibliograficheski_slovar.html (18.11.2017).

³ *Valjakka V.* Elämää ja runoutta: muistelmia // Neuvosto-Karjala. 1985. 18. syyskuuta.

Старший из братьев Вильям, как вспоминал Вейкко, входил в какую-то подпольную революционную организацию. Он тайно распространял политическую литературу и попал под наблюдение полиции. Ему пришлось уйти из дома. И летом 1931 г. Вильям пересёк границу и бежал в Советскую Карелию. Позднее он напишет младшему брату: «В Советском Союзе есть все возможности для учёбы. А так как у тебя есть большое желание учиться, попытайся перебраться сюда»⁴.

В 1931 г. восемнадцатилетним юношей Вейкко Эрвасти бежал из Финляндии и нашёл в Советской Карелии свою новую родину. Сначала он работал в совхозе, затем учился на рабфаке Петрозаводского педагогического института на отделении языка и литературы, после окончания которого работал несколько лет учителем.

Фото

Вейкко Эрвасти

Еще учась в институте, он попробовал свои силы в поэзии и прозе. Первые стихи и рассказы Вейкко Эрвасти были опубликованы в 1935 г. под псевдонимом Валтер Вуокси⁵. Их и можно считать началом его творческого пути. Они получили хорошие отзывы читателей и критики. В 1940—1941 гг. Эрвасти работал в редакции литературно-художественного журнала «Punalippu» («Красное знамя»).

⁴ *Valjakka V. Lehdenlähtö : kertomuksia ja hupailuja. Petroskoi, 1988. S. 39.*

⁵ *Hetki karjalaisessa kylässä : kertomus // Kevätvyöry. 1935. Osa 7. S. 132—135; Kevätvyöry : runo // Kevätvyöry. 1935. Osa 7. S. 151—152; Sua odotan : runo // Rintama. 1935. No. 12. S. 54; Rakennuksella : runo // Nuori kaarti. 1935. 9. syysk.; Tikkipojan laulu // Nuori kaarti. 1935. 18. lokak.*

В начале Великой Отечественной войны Эрvasti эвакуировался в Пермскую область. Но вскоре возвратился в Карелию, в прифронтовой Беломорск, где был назначен литературным сотрудником республиканской газеты «Totuus» («Правда»).

Несмотря на тяжёлое состояние здоровья (туберкулёз лёгких), он выезжал в журналистские командировки в прифронтовые районы, работал в ударной бригаде лесорубов, заготавливающих лес для нужд железной дороги. В эти годы Эрvasti написал много патриотических стихов. В его поэзии звучала твёрдая уверенность в победе правого дела.

В 1944 г. Эрvasti продолжил учебу в госуниверситете Карело-Финской ССР и был принят в члены Союза писателей СССР после выхода его первой книги. К сожалению, нам не удалось найти информацию об этом издании. В 1948 г. уже после смерти поэта вышла его вторая книжка стихов «Laulu onnesta» («Песня о счастье»), а третий сборник «Säteitä» («Лучи») был издан в 1964 г. Многие произведения Эрvasti переведены на русский язык.

Эрvasti занимался и переводами художественной литературы на финский язык. Он переводил стихи А. С. Пушкина, Т. Г. Шевченко, С. Михалкова, М. В. Исаковского, а также поэму Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Пробовал он свои силы в прозе и драматургии.

Карельская тема звучит в целом ряде стихотворений Вейкко Эрvasti. Это и «Soi, kanteleeni» («Пой, моё кантеле»), «Synnyinmaa» («Родина»), «Karjalalle» («Карелии») и другие. Интересно, что в издании 1964 г. из стихотворения «Пой, моё кантеле» исчезли последние четыре строки:

Soi, kanteleeni, heläkämmin, rauhaa,	Пой, моё кантеле, звени, шуми,
Ja Kansan kuulla sointujasi anna,	и услышать народу твои аккорды дай,
Kun onnen sampo kultajyvää jauhaa,	как сампо счастья золотое зерно мелет,
Sä Stalin-taatollemme suuri kiitos kannan! ⁶	Ты Сталину, отцу нашему, большое спасибо носи! ⁷

Также имя Сталина исчезло и из других стихотворений этого сборника. Можно предположить, что это было связано с развенчанием культа личности. Однако В. К. Кельмаков указывал на недопустимость такого «редактирования» произведений,

⁶ *Ervasti V. Laulu onnesta: runoja.* Petroskoi, 1948. S. 6. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте.

⁷ Здесь и далее без дополнительного указания подстрочный перевод с финского Н. В. Чикиной.

поскольку оно ведёт к «запутыванию» и читателей, и исследователей творчества поэта⁸. Даже по небольшому процитированному отрывку можно увидеть лирический талант Эрвасти, которому удавалось соединить гражданское и лирическое в одном стихотворении.

Интересно в этом отношении и стихотворение «Lokakuu» («Октябрь») (с. 10):

Lokakuu.	Октябрь.
Ma silloin synnyin.	Я тогда родился.
Ma silloin ensi kerran päivävalon näin,	Я тогда первый раз увидел дневной свет,
Kun ruudinsavu peitti suuren maamme	когда пороховой дым накрыл нашу большую страну
Ja kuula kaatoi isän, kalleimpamme,	и пуля убила отца, нашего дорогого,
Ja minä maailmahan orvoks' jäin.	И я остался в мире сиротой.
<...>	<...>
Lokakuu.	Октябрь.
Ma sulle laulan.	Я тебе пою.
Ma kasvatti oon Suuren Lokakuun.	Я вырос в Великий Октябрь.
Vaikk' isä kaatui, orpo ole en,	Хоть отец погиб, я не сирота,
Oon lapsi maamme suurten sankarten.	Ребёнок нашей земли великих героев.
Siks sydän puhkee riemulauleluun.	Поэтому сердце разрывается радостной песней.

Можно предположить, что Эрвасти родился в октябре 1913 г. Но может быть, здесь поэтом использована аллегория и под словом «родился» он понимает «родился как поэт» вместе с Октябрьской революцией 1917 г. Его возможности для учёбы, работы и жизни реализовались именно в СССР. Идеи революции прочно вошли в сознание поэта и нашли отражение в творчестве. Своё «рождение» Эрвасти связывает с революцией, и здесь позиция художника совпадает с позицией гражданина, т. е. когда бы ни родился

⁸ См.: Кельмаков В. К. К текстологии Герда VI: неточности в воспроизведении стихотворений удмуртского поэта в трудах литературоведов // Филологические исследования — 2014: источники, их анализ и интерпретация в филологических науках: сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (14—17 окт. 2014 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2014. С. 101—106.

поэт, своё настоящее рождение он связывает с революцией. С неё начинается его жизнь и до конца принадлежит именно ей. Завершается стихотворение четверостишием:

On maamme parhaat minun veljiäni	Лучшие нашей страны мне братья
Ja muusat mulle siskoiks sopeuu.	И музы годятся мне в сёстры.
On Lenin-puolue mun isäni	Партия Ленина — мой отец,
Ja äitini on Suuri Lokakuu.	И моя мать — Великий Октябрь.

В поэзии Эрвасти звучит тема страны, декларирующей равенство народов и наций. Он уже не чувствует себя сиротой. Семью ему заменили товарищи, партия и Октябрь. Внимательный читатель заметит, что Эрвасти пишет: партия — отец, Октябрь — мать. Хотя в действительности, по нормам русского языка, как раз партия (существительное женского рода) должна быть «матерью», а Октябрь (существительное мужского рода) — «отцом».

Возможно, такое словоупотребление обусловлено отсутствием в финском языке родовых окончаний, что нередко приводило к комичным ситуациям. Финноязычные писатели в своих произведениях не раз отмечали это. Например, О. Степанов в романе «Максима, сын Прокко» так написал о своём герое: «С русским он был не в ладах. ...Поэтому Лесонен вполне мог сказать: “он хорошая девушка”, “она — хороший парень”»⁹.

Элли Алто, анализируя сборник стихов В. Эрвасти «Песня о счастье», отмечала: «Будучи, как и всё общество, “у времени в плену”, поэт воспевал девушку-лесоруба (“Nastja” (“Настя”)), жизнерадостных колхозников (“Syksyn sanelmia” (“Осенние слова”)), славил моральную стойкость советских людей (“Yhdymme suureen kuoroon...” (“Включаемся в общий хор...”)). <...> Но в карельской поэзии имя Эрвасти связывается, прежде всего, с его вкладом в лирику»¹⁰. Действительно, лиризм, естественность, звучность — вот главные характеристики его поэтического слова.

Социально-идеологические и классово-политические условия 1930—1940-х гг. предполагали стихи, посвящённые вождям (Ленину, Сталину), изображению подвига советских людей на полях сражений и в деле социалистического строительства. Все эти темы присутствуют и в поэзии Эрвасти, однако он уделял внимание и братьям нашим меньшим («Vargunen» («Воробей»)), и неброской красоте северной природы:

⁹ Степанов О. Максима, сын Прокко : роман / пер. с фин. В. Машина и Э. Машиной. Петрозаводск, 1990. С. 154.

¹⁰ История литературы Карелии : в 3 т. / редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.) [и др.]. СПб., 1997. Т. 2. Финноязычная литература Карелии. С. 129—130.

«Kotiseudulla» («В родном краю»), «Syksyn piirteitä» («Штрихи осени»), «Marraskuu» («Ноябрь»).

Ему удавалось совместить христианский гуманизм и пафосную гражданственность. В стихотворении «Карелии» он уверял читателя, что именно в семье народов страны Советов можно найти новую жизнь.

Рис.

Портрет Вейкко Эрвасти
(имя художника установить не удалось)

Революционная поэзия 1920—1930-х гг. использовала фольклорные слова-эмблемы, обладающие метафоричностью. Э. Алто писала: «В образно-семантическом отношении названные словесные единицы со временем также оскудевают, т. к. именно

повторяемость мотива превращает их в штампы, содержащие обедневшую, “статичную” метафору»¹¹. К сожалению, такие символы носят лишь характер стилизации под фольклор.

Из публикаций В. Эрвасти в XXI в. следует отметить включение отрывка из стихотворения «Карелии» в хрестоматию на карельском, вепсском и финском языках для учащихся 5—11-х классов «Поэзия родного края» (Петрозаводск, 2016).

Похоронен Вейкко Эрвасти в Петрозаводске на Зарецком кладбище (ул. Правды). Могила с четырёх сторон обнесена многоступенчатым бетонированным поребриком, образующим небольшой цветник в центральной части. В изголовье на бетонированном основании укреплен тщательно отшлифованный цилиндр, изготовленный из малинового мрамора. Текст мемориальной надписи отсутствует¹².

В некрологе, который подписали Т. Гуттари, Н. Клименко, Ф. Трофимов и другие, отмечалось: «Смерть вырвала из наших рядов молодого талантливое поэта карело-финского народа — Вейкко Эрвасти. Только в советской стране ему удалось удовлетворить свою страстную жажду к знанию. Эрвасти был поэтом, который со всей душой отдался делу социалистического строительства в нашей республике. В стихах В. Эрвасти карельский лесоруб находил вдохновляющие на самоотверженный труд слова, колхозник чувствовал прилив новых сил и родные поля казались ему ещё более близкими его сердцу»¹³.

В эпоху революционных потрясений меняются человек, общество и власть. Девизом поэзии Эрвасти звучит мысль «о дивный новый мир», что совершенно обоснованно, т. к. именно в СССР реализовались все его мечты, связанные с учёбой, работой и счастливой жизнью. Его взгляд на мир всегда был оптимистичным, он чувствовал себя полноправным членом советского общества, а идеи революции глубоко вошли в его сознание.

Список литературы

История литературы Карелии : в 3 т. / редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.) [и др.]. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 2. Финноязычная литература Карелии / Э. Л. Алто. — 245 с.

Иванова, Л. И. Особенности фиксации и интерпретации биографических материалов о сказителях Карелии / Л. И. Иванова // Культура повседневности

¹¹ Там же. С. 189.

¹² *Руханен У. Н.* Могила поэта В. К. Эрвасти // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР. М., 1977. С. 97.

¹³ *Гуттари Т. и др.* Вейкко Эрвасти // Ленинское знамя. 1947. 5 марта.

карельской семьи (конец XIX — первая треть XX в.) / сост. и ред. О. П. Илюха. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — С. 377—398.

Кельмаков, В. К. К текстологии Герда VI: неточности в воспроизведении стихотворений удмуртского поэта в трудах литературоведов / В. К. Кельмаков // Филологические исследования — 2014: источники, их анализ и интерпретация в филологических науках : сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (14—17 окт. 2014 г., Сыктывкар). — Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014. — С. 101—106.

Писатели Карелии : биобиблиографический словарь / сост. Ю. И. Дюжев ; ред.-библиограф Н. В. Чикина. — Петрозаводск : Острова, 2006. — 303 с. — URL: http://avtor.karelia.ru/view/biobibliograficheski_slovar.html. — (18.11.2017).

Руханен, У. Н. Могила поэта В. К. Эрвасти / У. Н. Руханен // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР. — Москва : Б. и., 1977. — С. 97.

Valjakka, V. Elämää ja runoutta : muistelmia / V. Valjakka // Neuvosto-Karjala. — 1985. — 18., 20., 29. syyskuuta; 4., 9., 13., 25. lokakuuta; 15., 17., 22., 27., 29. marraskuuta; 1., 4. joulukuuta.

Valjakka, V. Lehdenlähtö : kertomuksia ja hupailuja / V. Valjakka. — Petroskoi : Karjala, 1988. — 119 s.

ЧЕБАКОВСКАЯ Александра Вячеславовна / CHEBAKOVSKAYA Aleksandra

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
chebakovskaja@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАРЕЛИИ)*

**A SOCIAL PORTRAIT OF A 1920s JUVENILE OFFENDER
(BASED ON THE ARCHIVAL RECORDS OF KARELIA)**

Annotation: In the first decade of the soviet regime a rapid growth of juvenile crime took place that resulted from the events of the previous period. This article attempts to introduce a social portrait of a 1920s juvenile offender on the basis of the documents from the Juvenile Affairs Commission of the Autonomous Karelian Soviet Socialist Republic. The characteristics of juvenile offenders as well as their social types are presented on the basis of the analysis of questionnaires.

Ключевые слова / Keywords: Советская Карелия, 1920-е гг., социальная история, детская беспризорность, несовершеннолетние правонарушители, Комиссия по делам несовершеннолетних АКССР / Soviet Karelia, 1920s, social history, homelessness among children, juvenile offenders, the Juvenile Affairs Commission of the Autonomous Karelian Soviet Socialist Republic.

Следствием Гражданской и Первой мировой войн, голода, эпидемий и разрухи стала детская преступность, которая в молодом Советском государстве приняла огромные размеры. К 1920 г. по сравнению с 1913 г. она возросла более чем вдвое и продолжала увеличиваться¹. Около 75 % преступлений несовершеннолетних совершались беспризорниками. Детская преступность в сложившихся условиях определялась смещением моральных ценностей у детей вслед за взрослыми и необходимостью самостоятельно добывать средства к существованию. Архивные материалы Автономной Карельской Советской Социалистической Республики (АКССР с 1923 г., в 1920—1923 гг. — Карельская Трудовая Коммуна) дают представление об уровне и динамике детской преступности на этой территории. Если принять число правонарушений в 1920 г. за 100 %, то движение этого показателя в последующих годах выразится следующим образом: 1922 г. — 82 %, 1923 г. — 44 %, 1924 г. — 100 %, 1925 г. — 114 %². Из отчёта Отдела социального воспитания Наркомпроса АКССР следует, что резкое понижение детской преступности в 1923 г. было связано с изъятием из ведения этого ведомства дел о несовершеннолетних с 16 до 18 лет. В свою очередь,

* Исследование выполнено в рамках плановой темы Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН № 115022540014.

¹ Детская дефективность, преступность и беспризорность: По материалам I Всероссийского съезда 24/VI — 2/VII 1920 г. М., 1922. С. 19. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005523916#?page=1> (13.12.2017).

² Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10. Л. 62.

повышение числа правонарушений в 1924—1925 гг. было вызвано разрешением свободной торговли спиртными напитками³. Как видим, при некотором снижении числа зарегистрированных правонарушений в начале 1920-х гг., к середине десятилетия наблюдается рост их численности.

Эта картина в общих чертах совпадала с отразившейся в исследованиях историков ситуацией в стране. Показательно, что число работ по социальной истории детей за последние годы значительно возросло, при этом остаётся ряд неразработанных вопросов, одним из которых является социокультурная характеристика малолетнего правонарушителя, беспризорника, ребёнка-сироты и определение региональных особенностей, специфических черт общего «портрета» этого социокультурного типажа.

Первые штрихи социокультурного портрета советского малолетнего правонарушителя были обозначены в публикациях правоведов, педагогов и специалистов по социальной работе, обратившихся к теме охраны детства уже в 1920-е гг. Большое количество работ «по свежим следам» событий было связано с практической деятельностью тех, кто решал проблему ликвидации беспризорности, преступности, с желанием привлечь к ней внимание общества. Отметим публикации М. Н. Гернета⁴, В. И. Куфаева⁵, П. И. Люблинского⁶, в которых раскрыты факторы появления детской беспризорности и преступности. В трудах Е. С. Лившиц⁷, Маро (М. И. Левитиной)⁸, Л. М. Василевского⁹ показана связь детской безнадзорности с ростом преступности. Стоит отметить, что ещё в 1920-е гг. развернулась дискуссия по поводу причин детской безнадзорности и преступности. Одни считали, что поведение детей связано с врождённой дефективностью и психологическими отклонениями, другие усматривали причину в материальной и воспитательной заброшенности.

В дальнейшем в советской историографии речь уже шла о трудностях, с которыми столкнулась новая власть в борьбе за спасение детей, об успешной ликвидации детской беспризорности и преступности. Появлялись работы юристов, которые описывали развитие пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних

³ Там же. Д. 98. Л. 62.

⁴ Гернет М. Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России. М., 1924.

⁵ Куфаев В. И. Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних в РСФСР за 1921 г. // Народное просвещение. 1924. № 105. С. 4—5; *Его же*. Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. М., 1927. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008473706#?page=1> (13.12.2017); *Его же*. Юные правонарушители. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1925.

⁶ Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: (социально-правовые очерки). М., 1923. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003179687#?page=1> (13.12.2017); *Его же*. Методика социального обследования детства. М., 1928.

⁷ Лившиц Е. С. Детская беспризорность и новые формы борьбы с нею. М., 1924; *Её же*. Социальные корни беспризорности. М., 1925.

⁸ Маро (Левитина М. И.). Беспризорные: Социология. Быт. Практика работы. [М.], 1925. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005523816#?page=1> (13.12.2017).

⁹ Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. Изд. 2-е, доп. и испр. Харьков, 1925.

преступников, изменения государственной политики по отношению к ним¹⁰. Эти подходы задавали определённую рамку для советской художественной литературы, где создавался стереотипный портрет ребёнка-правонарушителя, беспризорника, которого советская власть вывела «в люди».

В историографии постсоветского периода заметно постепенное смещение исследовательского интереса в сторону комплексного анализа политики Советского государства и практической педагогической работы с малолетними правонарушителями. В 1990-х гг. наметилось возрождение внимания к проблемам беспризорности, которая вновь стала социальным бедствием для России. В исследовании Н. А. Рябиной¹¹ на материалах губерний Верхнего Поволжья рассмотрены вопросы, связанные с ликвидацией детской беспризорности и преступности в 1920-е гг. Автор отмечает, что усилия государства позволили значительно снизить уровень детской беспризорности к 1928 г. в отличие от детской преступности, которая сохранялась на высоком уровне.

Исследователи определяют источники, масштабы и причины детской преступности, характеризуют различные формы борьбы с ней, деятельность государственных и общественных организаций в этом направлении, но не касаются вопросов социальных характеристик детей-правонарушителей¹².

Применительно к Карелии проблема социокультурного облика малолетних правонарушителей не изучалась. Вместе с тем заслуживают внимания следующие вопросы. Каковы были социальное происхождение этих детей, их половозрастной состав? Какой была среди них доля беспризорников и сирот? Как подходили к оценке поведения детей сотрудники учреждений, работающих с этими категориями детей? В архивных поисках ответов на эти вопросы мы пока не получили исчерпывающих сведений, однако определённое продвижение в понимании проблемы дают документы Комиссии по делам несовершеннолетних 1920-х гг. Нами были проанализированы материалы за 1920—1929 гг., в общей сложности протоколы около 60 заседаний.

¹⁰ *Астемиров З. А.* Трудовая колония для несовершеннолетних. М., 1969; *Болдырев Е. В.* Меры предупреждения правонарушений несовершеннолетних. М., 1964; *Миньковский Г. М.* Основные этапы развития советской системы мер борьбы с преступностью несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. Вып. 6. С. 37—74.

¹¹ *Рябина Н. В.* Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы: (По материалам губерний Верхнего Поволжья). Ярославль, 1999.

¹² *Бехтерева Л. Н.* Уголовная преступность в Удмуртии в условиях нэпа: факторы роста и меры противодействия // Новый исторический вестник. 2016. № 2. С. 45—59; *Блинов М. Л.* Из истории социальных отношений в Ижевске в 1920-е гг.: борьба с хулиганством, пьянством и детской преступностью // ЛОКУС: Люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 3. С. 31—42; *Маслова О. Б.* Система правового воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в советской России в начале 1920-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 11. С. 96—101; *Шабельникова Н. А.* Особенности профилактики преступности несовершеннолетних в 1920-е гг.: исторический опыт // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 33—37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-profilaktiki-prestupnosti-nesovershennoletnih-v-1920-e-gg-istoricheskiy-opyt> (13.12.2017).

Специалисты 1920-х гг. отмечали, что в центре внимания Комиссии стояло не деяние-правонарушение, а именно личность несовершеннолетнего, его воспитание и общественно-полезное развитие¹³. Дела Комиссии содержат заявления потерпевших, протоколы задержания и допросов несовершеннолетнего, постановления инспекторов Отдела уголовного розыска и Комиссии по делам несовершеннолетних. Во время расследований сотрудники Комиссии вели записи в форме опросного или статистического листа, в которых описывали малолетних преступников и их правонарушения. Эти документы отличались по форме. Если в опросный лист ответ заносился в свободные графы, то в статистическом листе необходимо было выбрать подходящий вариант готового ответа или кратко вписать недостающие сведения. Целью данных листов было, прежде всего, установление обстоятельств, имеющих значение для изучения личности несовершеннолетнего и условий его жизни. В инструкции по заполнению листов говорилось, что они служат материалом для ознакомления с деятельностью Комиссии по делам несовершеннолетних. Вопросы, которые фиксировались в опросных листах, можно объединить в смысловые группы: путь малолетнего правонарушителя к девиантному (асоциальному) поведению; влияние семьи и школы на его поведение; половозрастные характеристики, физическое состояние и внешний вид ребёнка; круг интересов; подходящие пути и методы исправления малолетнего правонарушителя. В целом этот вид документа позволяет выявить в общих чертах социальный облик малолетнего правонарушителя в Карелии в 1920-х гг., что и является целью данной статьи.

Специалисты Комиссии после задержания правонарушителя начинали заполнение документов с описания внешнего вида ребёнка: каковы одежда и вещи, имелись ли при себе деньги. Чаще всего отмечалось, что одежда поношенная, старая, нередко рваная. При этом встречаются такие варианты: «рваное пальто, солдатская серая шапка, рваные отцовские сапоги»¹⁴, «поношенный пиджак, такие же штаны, старая ситцевая рубашка, поношенные сапоги»¹⁵. Денег и вещей у детей при себе не было.

Правонарушения совершались в основном детьми школьного возраста. Так, в 1920—1929 гг. малолетними преступниками, проходившими через рассмотрение Комиссии в г. Петрозаводске, были дети в возрасте от восьми до семнадцати лет. Анализ гендерного состава несовершеннолетних правонарушителей показывает, что подавляющую часть прошедших Комиссию за 1920—1929 гг. составили мальчики. Так, за 1920 г. через Олонецкую губернскую комиссию прошло 84 дела

¹³ Куфаев В. И. Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. С. 47.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-282. Оп. 3. Д. 187. Л. 12.

¹⁵ Там же. Д. 112. Л. 7.

о 155 несовершеннолетних, из них 120 мальчиков, 35 девочек. За 1921 г. через Комиссию прошло 283 несовершеннолетних, из них 222 мальчика и 61 девочка. Количество правонарушений, совершённых девочками, составляло примерно треть на протяжении всего десятилетия, существенных статистических отклонений скачков в этом отношении не наблюдалось. Л. М. Василевский беспристрастно отмечал, что у девочек часто не хватает необходимых для преступного акта свойств — активности и самообладания, энергии и инициативы, изобретательности и даже просто воображения¹⁶.

Опросные листы содержат весьма скудные сведения о состоянии здоровья. В основном отмечалось, что правонарушитель здоров или что физическое и психическое состояние его удовлетворительное. В отдельных случаях выявлялись такие болезни, как малокровие и истощение, что было связано, прежде всего, с отсутствием нормальных условий жизни.

Показательной характеристикой является уровень образования малолетних правонарушителей. Сами по себе грамотность и образование не являются решающими факторами, влияющими на преступность, но отсутствие образования, а тем более грамотности, говорят о тех условиях, в которых ребёнок рос и воспитывался. В 1920 г. треть задержанных несовершеннолетних была неграмотна, к числу грамотных относили даже тех, кто плохо читал и писал. Такая же ситуация отмечалась и в 1922 г., а вот в 1925 г. зафиксировано около половины неграмотных правонарушителей. Школьники бросали учебные заведения по различным причинам: одни приостанавливали занятия по болезни, другие — «по собственному легкомыслию и лени», третьи — ввиду бедности и отсутствия одежды, четвёртые — по болезни или смерти родителей, в результате чего им приходилось помогать вести домашнее хозяйство или идти на заработки. Высокий процент ухода из школы связан с тем, что дети понимали необходимость своей помощи семье. Единичный случай ухода в 1922 г. был вызван, по словам ребёнка, тем, что в школе плохо учили. Отношение детей к книге во многом зависело от их умения читать. Большинство читающих брали в руки книги, которые находились дома или в школьной библиотеке, читали романы, стихи, фантастические рассказы, сказки, рассказы о путешествиях.

Специалисты фиксировали информацию о владении ребёнком тем или иным ремеслом. Единицы правонарушителей могли похвастаться умением что-либо производить своими руками (вязание чулок, слесарное или столярное ремесло, крестьянские работы).

¹⁶ *Василевский Л. М.* Беспризорность и дети улицы. С. 21.

Среди малолетних преступников были выявлены такие вредные привычки, как курение, распитие алкогольных напитков, азартные игры. В 1920 г. треть правонарушителей отметили, что курят, этот показатель увеличивался к 1925 г. и составлял около 50 %. Распитие алкогольных напитков происходило, со слов правонарушителей, только в отдельных случаях: либо в праздник, либо при угощении отцом или братом. В качестве азартных игр фигурировали карты.

Около половины малолетних правонарушителей любили посещать киносеансы, другие совсем не ходили в кино, и это было связано с отсутствием или денег, или — в некоторых местностях — соответствующих заведений. Власти были обеспокоены вредным влиянием отдельных фильмов на состояние детской нравственности. 19 октября 1920 г. вопрос о посещении детьми кинематографа обсуждался на заседании Комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей при Губернском подотделе охраны детства. Было решено не допускать детей на фильмы, программы сеансов которых не имели для них воспитательного значения¹⁷. Однако на практике эта задача решалась с большим трудом, поскольку притягательная сила кино для детей была велика. Некоторые подростки-правонарушители посещали театральные представления и танцевальные вечера.

Детская преступность в значительной мере определялась условиями жизни детей. Не случайно имущественные преступления, в основном кражи и соучастие в них, лидировали в общем кругу преступлений. В 1920 г. Олонецкой Губернской Комиссией по делам несовершеннолетних были рассмотрены материалы по обвинению в совершении 103 краж разного характера: кражи (иногда со взломами) продуктов, денег, одежды, топлива. С целью кражи несовершеннолетние подделывали документы личности и ордера. Малолетними правонарушителями совершались и другие преступления: порча инвентаря, «саботаж по службе» (отказ от работы), спекуляция, оскорбление личности, нелегальный переход государственной границы; 5 % всех правонарушений составляли убийства людей или животных, но они чаще всего носили случайный характер. Например, дети совершали убийства по неосторожности из заряженных ружей, которые были оставлены охотниками или красноармейцами. Единичными случаями нарушений закона являлись картёжная игра, «шпионаж и контрреволюция»¹⁸, «национальные выступления»¹⁹, выразившиеся в высказываниях и

¹⁷ НА РК. Ф. Р-282. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

¹⁸ Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 906. Л. 49.

¹⁹ Там же.

оскорбления личности. В отчётах Комиссии отмечалось, что «шпионаж и контрреволюция» являлись «необоснованным недоразумением»²⁰.

С 1920 по 1921 г. количество краж увеличилось в два раза, что было связано в большинстве случаев с голодом, нуждой и ненормальными семейными условиями. Только два случая были признаны проявлением kleptomании²¹. Со второй половины 1920-х гг. имущественные преступления пошли на убыль в связи с улучшением экономического состояния края.

В графе опросного листа «Жизнь обвиняемого до совершения общественно-опасного действия» со слов правонарушителей отмечались те трудности, с которыми они столкнулись. Многие остались без матери или отца ещё в дошкольном возрасте, перестали ходить в школу либо по причине болезни, либо в связи с необходимостью помогать семье. Больше половины малолетних правонарушителей воспитывались в неполных семьях, жили с отцом или матерью. Это ситуация чаще была вызвана смертью одного из родителей. Гибель кормильца приводила к тому, что за ребёнком не осуществлялся должный надзор, так как матерям приходилось выходить на работу. В итоге ребёнок оказывался предоставлен сам себе. В целом любая неполная семья способствовала совершению правонарушений несовершеннолетними, особенно если она была материально не обеспечена. Были случаи, когда одинокие отец или мать вступали во второй брак или дети воспитывались старшими братьями или сёстрами, бабушками и дедушками, иногда крёстными родителями.

Для второй половины 1920-х гг. характерно изменение состава несовершеннолетних преступников: детей беспризорных, как правило сирот, сменили дети безнадзорные, дети из семьи. Это связано с проведением в жизнь целой системы мероприятий воспитательного и профилактического характера в борьбе с детской беспризорностью. Тенденция уменьшения уличной беспризорности сказалась и на уменьшении беспризорных среди правонарушителей.

Как следует из документов Комиссии, в полных семьях, как правило, отец работал, а мать занималась домашним хозяйством. Инспекторы при описании семьи обращали внимание на возраст родителей, род их занятий, вредные привычки, материальное положение, отношение к ребёнку, приводили сведения о братьях, сёстрах и родственниках, их судимости. Возраст родителей несовершеннолетних преступников в рассматриваемых документах колеблется от 45 до 60 лет. Малолетние правонарушители происходили, в основном, из семей крестьян и рабочих, это

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Д. 70. Л. 2.

подтверждается данными исследований, опубликованных в 1920-х гг. Специалисты, используя общероссийские материалы, отмечали, что большинство детей-правонарушителей являлись выходцами из классов рабочих и беднейших крестьян, как экономически необеспеченных, что подтверждает влияние социально-экономических причин на развитие детских правонарушений. Имущественное положение родителей отражалось на характере и качестве детских правонарушений. Например, у детей необеспеченных слоёв населения более частыми являлись такие правонарушения, как кражи, в то время как для детей более или менее обеспеченных типичными являлись такие правонарушения, как хулиганство, оскорбления словами или действиями, то есть правонарушения, которые не связаны с необходимостью добывания средств к существованию²². Согласно материалам по АКССР, у большинства юных правонарушителей родители были ремесленниками, чернорабочими, рабочими на заводах, служащими рабочего труда, т. е. людьми низкооплачиваемых профессий. Материальное положение таких семей характеризовалось как удовлетворительное или бедное. Несовершеннолетние содержались на средства своих законных представителей, но некоторые дети, ввиду материальных трудностей семьи, шли работать. Подростки помогали в ведении домашнего хозяйства, работали рассыльными, пастухами, конюхами, сторожами, санитарками или уборщицами, служили в типографии, возили дрова или вещи пассажиров железнодорожного вокзала в Петрозаводске. Заработанные деньги они отдавали своим родителям, но некоторые тратили на покупку или починку своей обуви, одежду, табак и мелкие расходы. И всё же в отчётах инспекторов, в основном, отмечается, что родители заботятся о сыне или дочери.

Отметка о судимости родственников позволяет определить, в какой семье воспитывался несовершеннолетний, имелись ли конкретные примеры для детей в совершении дурных поступков. В 1920 г. зафиксированы только отдельные случаи, когда родители также были привлечены к ответственности, в одном случае отец находился в тюремном заключении за пьянство и кражу, в другом — за побои, нанесённые женщине. Процент правонарушений родственников рос на протяжении 1920-х гг.: за кражи, спекуляции, пьянство, продажу спирта привлекались теперь не только родители, но и старшие братья.

Работники Комиссии по делам несовершеннолетних и исследователи 1920-х гг. дифференцировали несовершеннолетних правонарушителей в зависимости от характера преступления, различая случайную и социально запущенную преступность. «Случайные преступления» совершались под влиянием внешних факторов, дети были психически

²² Куфаев В. И. Юные правонарушители. С. 4.

и физически здоровы. Считалось, что такие правонарушения не носили большой общественной опасности, повторных задержаний не было. Социально запущенные дети были неграмотными, не знали ремесла, иногда оказывались «не приспособленными к окружающим условиям», материально не обеспеченными. Такие дети часто замечались в совершении повторных правонарушений. По отношению к правонарушителю Комиссия по делам несовершеннолетних определяла меры медико-педагогического воздействия. В основном это были беседы, замечания, надзор инспекторов или родителей за поведением подростка, реже — устройство в воспитательные учреждения.

Не всегда опросные листы заполнялись тщательно и добросовестно, но на основе имеющихся документов можно, тем не менее, представить собирательный портрет типичного малолетнего правонарушителя. Это мальчик в возрасте от десяти до шестнадцати лет. Если в первой половине 1920-х гг. правонарушитель в большинстве случаев — ребёнок-беспризорный или из неполной семьи, то во второй половине — живущий в семье. Психическое и физическое состояние здоровья удовлетворительное. Малограмотен или совсем неграмотен из-за того, что бросил школу, чтобы помогать дома по хозяйству или пойти на работу. Ребёнок, находясь в условиях неблагоприятной социальной среды, был склонен к восприятию нездорового, нехорошего. Оставаясь же без надлежащего воспитательного присмотра, он постоянно подвергался дурному влиянию улицы. Отсутствие средств или свободного времени не позволяло таким детям посещать места зрелищного характера, зато вредные привычки становились частым явлением среди малолетних правонарушителей, а самыми распространёнными являлись курение и азартные игры.

Список литературы

Астемиров, З. А. Трудовая колония для несовершеннолетних / А. З. Астемиров. — Москва : Юридическая литература, 1969. — 120 с.

Бехтерева, Л. Н. Уголовная преступность в Удмуртии в условиях нэпа: факторы роста и меры противодействия / Л. Н. Бехтерева // Новый исторический вестник. — 2016. — № 2. — С. 45—59.

Блинов, М. Л. Из истории социальных отношений в Ижевске в 1920-е гг.: борьба с хулиганством, пьянством и детской преступностью / М. Л. Блинов // ЛОКУС : Люди, общество, культуры, смыслы. — 2016. — № 3. — С. 31—42.

Болдырев, Е. В. Меры предупреждения правонарушений несовершеннолетних / Е. В. Болдырев. — Москва : Наука, 1964. — 368 с.

Василевский, Л. М. Беспризорность и дети улицы / Л. М. Василевский. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Харьков : Юношеский сектор издательства «Пролетарий», 1925. — 100 с.

Гернет, М. Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России / М. Н. Гернет. — Москва : Право и жизнь, 1924. — 68 с.

Детская дефективность, преступность и непризорность: по материалам I Всероссийского съезда 24/VI — 2/VII 1920 г. — Москва : Государственное издательство, 1922. — 100 с. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005523916#?page=1>. — (13.12.2017).

Куфаев, В. И. Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних в РСФСР за 1921 г. / В. И. Куфаев // Народное просвещение. — 1924. — № 105. — С. 4—5.

Куфаев, В. И. Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних / В. И. Куфаев. — Москва : Работник просвещения, 1927. — 167 с. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008473706#?page=1>. — (13.12.2017).

Куфаев, В. И. Юные правонарушители / В. И. Куфаев. — Изд. 2-е, испр. и доп. — [Москва] : Новая Москва, 1925. — 356 с.

Лившиц, Е. С. Детская непризорность и новые формы борьбы с нею / Е. С. Лившиц. — Москва : Работник просвещения, 1924. — 25 с.

Лившиц, Е. С. Социальные корни непризорности / Е. С. Лившиц. — Москва : Работник просвещения, 1925. — 206 с.

Люблинский, П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте : (социально-правовые очерки) / П. И. Люблинский. — Москва : Государственное издательство, 1923. — 301 с. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003179687#?page=1>. — (13.12.2017).

Люблинский, П. И. Методика социального обследования детства / П. И. Люблинский. — Москва : Государственное издательство, 1928. — 96 с.

Маро (Левитина, М. И.). Беспризорные: Социология. Быт. Практика работы / Маро (М. И. Левитина). — [Москва] : Новая Москва, 1925. — 454 с. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005523816#?page=1>. — (13.12.2017).

Маслова, О. Б. Система правового воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в советской России в начале 1920-х гг. / О. Б. Маслова // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2009. — № 11. — С. 97—101.

Миньковский, Г. М. Основные этапы развития советской системы мер борьбы с преступностью несовершеннолетних / Г. М. Миньковский // Вопросы борьбы с преступностью. — Москва : Б. и., 1967. — Вып. 6. — С. 37—74.

Рябина, Н. В. Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы: (По материалам губерний Верхнего Поволжья) / Н. В. Рябина. — Ярославль: ЯрГУ, 1999. — 59 с.

Шабельникова, Н. А. Особенности профилактики преступности несовершеннолетних в 1920-е гг.: исторический опыт / Н. А. Шабельникова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2016. — № 2. — С. 33—37. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-profilaktiki-prestupnosti-nesovershennoletnih-v-1920-e-gg-istoricheskiy-opyt>. — (13.12.2017).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
ACADEMIC LIFE

НОВОЕ СЛОВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СКАНДИНАВИСТИКЕ A NOVEL APPROACH TO SCANDINAVIAN STUDIES IN RUSSIA

В Институте мировой литературы им. А. М. Горького 17 октября 2017 г. состоялась защита кандидатской диссертации Виктории Вячеславовны Пешковой «У истоков норвежской прозы: жанровое своеобразие романов Маурица К. Хансена»¹. Диссертация посвящена теме, которая слабо разработана не только в отечественном, но и в норвежском литературоведении, что обуславливает её научную новизну. Автор обращается к изучению вклада Маурица Кристофера Хансена в формирование современной норвежской прозы. В работе анализируются три наиболее известных произведения писателя: «Отар Бретонский. Сказка о рыцаре», «Сага о Хильде», «Убийство механика Рольфсена. Криминальное происшествие в Конгсберге». В. В. Пешкова рассматривает их своеобразие и называет писателя основоположником норвежского национального романтического, исторического, детективного романа и крестьянского рассказа. Новеллистика М. К. Хансена, по мнению автора диссертационной работы, характеризуется наличием «готической атмосферы» и детективной коллизии. Исследовательница, опираясь на классические теоретические труды А. Н. Веселовского и М. М. Бахтина, а также на работы отечественных и зарубежных скандинавистов, прослеживает творческую эволюцию писателя от лирики и драматических произведений к прозе.

В первой главе автор раскрывает особенности литературы Норвегии в XIX столетии: от становления независимой культуры Норвегии отдельно от Дании до развития реалистической традиции в творчестве М. К. Хансена. Большое внимание уделяется общелитературному контексту: В. В. Пешкова кратко характеризует наследие наиболее значительных писателей и определяет, в чём состоит новаторство М. К. Хансена, а в чём — следование сложившейся традиции.

Во второй главе рассматриваются отличительные черты «готического романа». По мнению автора исследования, М. К. Хансен в романе «Отар Бретонский. Сказка о рыцаре» продолжает средневековую традицию, развивая её и переосмысливая в духе начала XIX в. Роман наполнен традиционной для средневекового романа символикой, играющей объединяющую роль в сюжете. Проанализировав сюжетные мотивы и систему персонажей, пространственно-временную организацию романа, автор

¹ Пешкова В. В. У истоков норвежской прозы: жанровое своеобразие романов Маурица К. Хансена: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. URL: http://imli.ru/images/Diss_2017_Peshkova/disser-peshkova-2017.pdf (15.12.2017).

доказывает присутствие в нём черт и «романа воспитания, рыцарского романа с его сказочным хронотопом, легендами и условным художественным пространством» (С. 62). В. В. Пешкова показывает эволюцию главного героя романа, этапы становления характера: от недостойного поведения к нравственному возрождению.

М. К. Хансен являлся также новатором в литературе, воспевающей национальное прошлое Норвегии. Интерес к подобной тематике возник в 30-е гг. XIX в. В третьей главе В. В. Пешкова рассматривает роман М. К. Хансена «Сага о Хильде» и отмечает, что писатель, следуя наметившейся тенденции, кладёт в основу произведения саговый сюжет, однако переосмысливает его в романтическом ключе. Автор исследования находит в сюжете, системе персонажей черты романтического произведения: двоемирие (оппозицию мира людей и мира богов), ситуацию нравственного выбора главного героя между добром и злом, «представление о противоборстве... порока и нравственности, свободы и несвободы» (С. 112).

В четвёртой главе В. В. Пешкова анализирует литературную традицию поэтического реализма, характерную для скандинавской литературы 1840-х гг. В русле этой тенденции создан роман М. К. Хансена «Убийство механика Рольфсена». Характер героя произведения определяется здесь уже не романтическими тайнами или средневековой религиозностью, но средой и обстоятельствами. «Убийство механика Рольфсена» — также один из первых скандинавских исторических детективных романов. Сюжет о преступлении позволяет заглянуть писателю в потаённые закоулки приватной жизни маленького городка. М. К. Хансен, изображая современную ему норвежскую действительность, меняет своей творческий метод. Усиливается психологизм его повествования, он полностью отказывается от «готической» традиции и изображает актуальные социальные проблемы: «писатель больше не верит в возможность нравственного возрождения человека, любовь подменяется выгодой, тщеславными интересами, а подлинное чувство обречено на гибель...» (С. 133).

В. В. Пешкова доказывает, что в каждом анализируемом произведении присутствуют элементы различных литературных направлений: просвещения, предромантизма, романтизма, но постепенно в творчестве писателя происходит поворот к реалистическому изображению действительности. Автор исследования приходит к выводу, что для творчества М. К. Хансена характерна трансформация традиционных для Норвегии литературных жанров: готического романа, саги. В его романах появляется новое содержание: изображение повседневной жизни общества, освещение насущных социальных проблем. В частности, особенностью романа «Сага о Хильде»

(третья глава) является намеренное отступление автора от саговой традиции повествования, а образы героев романа наполняются новым содержанием.

Работа Виктории Вячеславовны Пешковой «У истоков норвежской прозы: жанровое своеобразие романов Мауритца К. Хансена» вносит значительный вклад в осмысление развития норвежской национальной литературы и скандинавской литературы в целом. Это, несомненно, новое слово в отечественной скандинавистике.

Е. Г. Сойни, И. С. Маташина

ЮБИЛЕИ
JUBILEES

ИЗ КАРЕЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ
Профессору Хейкки Киркинену — 90 лет
JUBILEE OF PROFESSOR HEIKKI KIRKINEN

Фото: <https://www.sttinfo.fi/data/images/legacy/img/0323c220-e16e-11dd-870d-c9f896d35079.jpg> (Johanna Viljakainen / STT Info Kuva)

В конце весны 1968 г. в университете Сорбонны, как и во всём Париже, было крайне беспокойно. Студенческие волнения захлестнули старейшее учебное заведение Франции. Бунтующие студенты захватили здание университета, отдыхали в аудиториях на матрацах и пили дешёвое вино. Среди них можно было видеть невысокого человека в дымчатых очках и с тростью в руках, который с огромным интересом наблюдал за развитием событий. Этим человеком был историк из Финляндии Хейкки Киркинен.

Каким образом учёный из далёкой от Франции северной страны оказался в крупнейшем французском университете во времена, когда глобализация научной деятельности ещё только зарождалась? Путь Хейкки Киркинена в Сорбонну был крайне необычен. Киркинен родился в 1927 г. в маленьком посёлке Куусъярви (с 1968 г. — г. Оутокумпу), расположенном в 50 км от г. Йоэнсуу, в провинции Северная Карелия. Детство Хейкки было тяжёлым. Мать, Анна, умерла, когда мальчику было только четыре года, а отец, Агапус, вынужден был продать свою землю и лавку за долги и зарабатывать на хлеб батрачеством. В раннем детстве Хейкки заболел костным

туберкулёзом и более восьми лет лечился. В результате болезни он охромел и по этой причине впоследствии не расставался с тростью.

Свой «путь к Сорбонне» будущий профессор начал в народной школе Куусъярви. Здесь преподавала семейная пара по фамилии Койстинен, которые первыми обратили внимание на желание мальчика учиться и на его способности. Они же нашли ему «спонсора» для продолжения учёбы. В Северной Карелии в то время работал предприниматель Густаф Б. Торден, который основал благотворительный фонд для жителей провинции. Учителя выхлопотали для Хейкки стипендию этого фонда, позволившую ему продолжить образование. В 1941 г. Киркинен поступил в городской лицей Йоэнсуу, сразу во второй класс.

После окончания лицея в 1949 г. он поехал учиться в университет г. Хельсинки, в котором за два с половиной года выполнил программу бакалавра по специальности «история». Ещё в лицее Хейкки выучил французский язык и в конце своей учёбы в университете получил стипендию для обучения во Франции. Так в 1952 г. состоялось его первое знакомство с Сорбонной.

После окончания университета, с 1952 по 1960 г., Хейкки Киркинен преподавал историю в православной духовной семинарии г. Йоэнсуу. Одновременно он продолжал учёбу и работал над докторской диссертацией. В Париже молодой учёный увлёкся историей идей и изучал её под руководством крупнейших специалистов. В результате в 1960 г. Киркинен защитил диссертацию, название которой можно перевести примерно следующим образом: «Происхождение современной концепции человека-машины. Проблема представления о душе во Франции в период царствования Людовика XIV (1670—1715)». Диссертация была написана на французском языке, а защита происходила в Университете Хельсинки.

После защиты Хейкки Киркинен примерно два года преподавал историю в педагогическом институте в Ювяскюля, а в 1962—1966 гг. работал младшим научным сотрудником в государственном комитете гуманитарных наук. В конце 1960-х гг. в Сорбонне была основана должность «приглашённого профессора» по линии финского языка, литературы и культуры. На эту должность был приглашён Киркинен, ставший к тому времени доцентом университетов Ювяскюля и Хельсинки. Работа в Париже началась в 1966 г. и закончилась в 1970 г. Именно тогда Киркинен стал свидетелем студенческих волнений, захлестнувших французскую столицу в 1968 г. О бурном времени, проведённом в стенах Сорбонны, Хейкки вспоминал с огромной теплотой все последующие годы. Впоследствии ему удалось поработать в Париже ещё несколько лет: в 1984—1985 гг. его вновь приняла Сорбонна, а в 1988—1989 гг. он работал в качестве

приглашённого профессора в Практической школе высших исследований (*École pratique des hautes études*).

Францию можно назвать «второй любовью» Хейкки Киркинена, поскольку его «первой любовью» была родная Карелия. Именно Киркинен поднял исследования по истории Карелии на совершенно новый уровень, создал ту базу, которой и сегодня пользуются исследователи как в Финляндии, так и в России. В 1969 г. в Йёнэсуу был основан институт, который в 1984 г. преобразовали в университет. Киркинен начал в нём работу исполняющим обязанности профессора истории в 1970 г. В следующем году он был избран на должность профессора и одновременно стал временно исполняющим обязанности ректора института. Профессором истории Киркинен проработал 20 лет, вплоть до 1990 г. Ректором же он пробыл в течение десяти лет, оставив эту должность в 1981 г.

За десять лет руководства институтом в Йёнэсуу Киркинен превратил это учебное заведение в ведущий центр по исследованию карельской истории и культуры. Был организован Карельский научный центр, филиал в Савонлинне, исследовательская станция в Мекриярви. Открывались новые учебные линии. Когда Киркинен начинал трудиться здесь в качестве ректора, в институте было всего около 300 студентов, а концу его ректорской деятельности их число достигло 3000. Одновременно велась упорная борьба с другими высшими школами за право организации университета. Сам Хейкки вспоминал, что в эти годы ему нередко приходилось очень трудно.

Как руководитель Киркинен представлял собой довольно-таки авторитарную личность, но он не уклонялся и от полемики. Кроме научной и административной деятельности он вёл чрезвычайно активную общественно-политическую жизнь, выступая за развитие родной провинции Северная Карелия. Яркость и публичность образа Хейкки Киркинена привела к тому, что в общественном мнении институт г. Йёнэсуу начал устойчиво ассоциироваться с его именем. На выборах ректора прочие кандидаты не имели никаких шансов на победу, поэтому перед очередными выборами весной 1981 г. Киркинен заблаговременно объявил об уходе с поста ректора, обосновав своё решение проблемами со здоровьем. Кроме того, он вновь хотел вплотную заняться наукой.

Впрочем, Киркинен не забывал науку и в бытность свою ректором. Именно в период ректорства, в 1976 г., вышла в свет заключительная книга трилогии по истории Карелии «*Karjala taistelukenttänä. Karjala idän ja lännen välissä II*» («Карелия как поле битвы. Карелия между западом и востоком II»). Первая книга из этой серии «*Karjala idän kulttuuripiirissä*» («Карелия в сфере восточного культурного влияния») была издана ещё

в 1963 г., а вторая книга «*Karjala idän ja lännen välissä I. Venäjän Karjala renessanssiajalla (1478—1617)*» [«Карелия между западом и востоком I. Российская Карелия в эпоху Ренессанса (1478—1617)»] — в 1970 г. Эти три книги являли собой комплекс исследований, в котором история Карелии и карельская культура представлялись в совершенно новом свете. Ещё учась в университете в Хельсинки, Хейкки Киркинен под влиянием профессора Пентти Ренвалля увлёкся философскими проблемами исторической науки. Опираясь на философские подходы в рассмотрении процессов исторического развития народов и культур, Киркинен призывал рассматривать эти процессы «изнутри». Именно с этих позиций он описывал и историю карельского народа. Кроме того, в своих трудах по истории Карелии Киркинен впервые широко использовал материалы российских архивов.

За весь период активной научной деятельности Хейкки Киркинен издал около двух десятков монографий и сотни статей. Научные интересы профессора Киркинена не ограничивались только историей Карелии. Он уделял большое внимание в своих работах малым народам вообще, писал об их культурной, религиозной и этнической идентичности. Из научного наследия Киркинена видно, что он писал труды и по истории России, занимался проблемами регионального развития и много внимания уделял т. н. исторической философии, пытаясь понять и объяснить глобальные процессы развития человеческого общества. Именно этой теме посвящена последняя монография Киркинена «*Termit vai enkeli? Ajatuksia kulttuurievoluutiosta*» («Термит или ангел? Мысли об эволюции культуры»), увидевшая свет в 2002 г.

Интерес к истории Карелии привёл к установлению тесных контактов с советскими исследователями. Киркинен был близко знаком со многими историками, работавшими в Петрозаводске. В бытность ректором он часто приглашал учёных из Советского Союза. Например, в 1976—1980 гг. в Йоэнсуу работал в должности приглашённого профессора доктор филологических наук С. И. Шешуков из Московского педагогического института.

Особенно тесные связи у профессора Киркинена сложились с Петрозаводском. Киркинен был частым гостем в Петрозаводском университете, а карельские учёные ездили по его приглашениям в Финляндию. Примером таких контактов может служить первая церемония присуждения почётных званий, проведённая в Йоэнсуу в 1979 г. в честь десятилетнего юбилея основания института. На ней торжественно были возведены в степень почётных профессоров института несколько иностранных учёных. В их числе был и заведующий сектором истории карельского Института языка,

литературы и истории А. С. Жербин. А в 2000 г. Киркинен сам был избран почётным профессором Петрозаводского государственного университета.

Киркинен приложил немало усилий для укрепления контактов между финской и российской Карелиями и как общественный деятель. В частности, именно он сыграл большую роль в открытии пограничного пункта в Вяртсиля для туристических поездок. Глубоко верующий человек, он активно участвовал и в деятельности Финской православной церкви. Благодаря ему в Йоэнсуу была организована кафедра теологии. До сих пор это единственное место в Финляндии, где можно получить образование, необходимое для посвящения в сан православного священника. Не забывал он и духовную семинарию, лектором которой являлся на заре своей профессиональной деятельности.

Природа наградила Хейкки Киркинена не только острым умом, но и музыкальными способностями. Он получил музыкальное образование и сам сочинял музыку. Увлечение карельской культурой привело к тому, что Киркинен написал несколько песен на стихи из «Калевалы». Чрезвычайно общительный по характеру профессор был «душой общества» как в научных и общественных кругах, так и на студенческих вечеринках, которые он посещал с огромным удовольствием. Киркинен обожал природу Карелии и был страстным любителем рыбной ловли, пока позволяло здоровье. На своей непритязательной даче вблизи Йоэнсуу он держал небольшую лодку, сделанную местным умельцем по карельским традициям, на которой бесстрашно выходил на озеро ставить и проверять сети даже при сильном волнении.

Профессор Киркинен был знаком со многими известными политиками, лично общался с президентами Кекконеном и Койвисто, переписывался с крупнейшими деятелями науки своего времени. За свои заслуги он награждён несколькими медалями Финляндии и Франции, в России получил звание почётного профессора, не раз отмечался различными премиями и прочими наградами. В 1992 г. Киркинен был избран членом Европейской академии наук и искусств, представлял Финляндию в ЮНЕСКО и в Европейском Союзе. Хейкки Киркинена называют «классиком» исследований по истории Карелии, и хотя некоторые его результаты не всегда можно считать бесспорными (особенно в свете современных идей), он, безусловно, представляет собой весьма значительную фигуру в развитии как исторической науки, так и общественно-политических отношений на «границе между Востоком и Западом».

Юрий Шикалов

ПРОФЕССОРУ ЛЬВУ ВАЛЬТЕРОВИЧУ СУНИ — 85
JUBILEE OF PROFESSOR LEO SUNI

Выпускника Петрозаводского университета (1956), а затем аспирантуры Тартуского университета (1963), ныне доктора исторических наук, профессора Льва Вальтеровича Суни хорошо знают далеко за пределами Карелии как опытного исследователя-историка, замечательного преподавателя и популяризатора исторических знаний.

В 1963—1972 гг. Лев Вальтерович работал на кафедре всеобщей истории Петрозаводского государственного университета. Затем перешёл в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (ныне Карельский научный центр РАН). В 1981 г. он вернулся в университет, чтобы возглавить кафедру всеобщей истории. Некоторое время он также был деканом историко-филологического факультета.

Лев Суни одним из первых в нашей стране на высоком научном уровне начал изучать российско-финляндские отношения в сфере политики и экономики, а также общественно-политическое развитие Финляндии периода автономии, посвятив

финляндской проблематике свою кандидатскую (1963) и докторскую (1982) диссертации.

Кроме того, в 1990-е гг. профессор Суни занялся изучением истории финского населения России, прежде всего ингерманландских финнов.

Четыре монографии, несколько разделов в фундаментальных коллективных трудах, увидевших свет в России и Финляндии, более 130 статей, опубликованных, в частности, в ведущих отечественных и финляндских научных изданиях, руководство несколькими крупными междисциплинарными проектами — внушительная, но далеко не исчерпывающая характеристика научной биографии профессора Суни.

В 1960-е гг. вместе с немногочисленной группой советских исследователей Лев Вальтерович встал у истоков научного сотрудничества финляндских и советских историков. Кроме того, длительное время он был членом редколлегии выходившего в Эстонии «Скандинавского сборника» — общесоюзного печатного издания советских гуманитариев, посвятивших себя изучению стран Северной Европы. Начиная с 1963 г. Лев Вальтерович являлся одним из организаторов Всесоюзных конференций по изучению истории, языка, литературы и экономики Скандинавских стран и Финляндии.

Ещё одной значимой стороной работы профессора Суни стал перевод на русский язык и научное редактирование трудов ведущих финских исследователей. Так, российский читатель получил возможность познакомиться с исследованиями Вильо Расилы, Мауно Йокипи, Матти Клинге, Пекки Невалайнена.

Формирование и устойчивое развитие североамериканского направления в гуманитарных исследованиях и преподавании в Петрозаводском государственном университете также в значительной степени связано с именем профессора Суни. В 1992 г. была открыта специализация по истории стран Северной Европы — единственная в университетах России. Тогда же появилась и Лаборатория по проблемам Скандинавских стран и Финляндии — ещё одно детище профессора Суни.

В 2010 г. под его руководством была открыта магистерская программа «История стран Северной Европы», ставшая первой магистратурой в области гуманитарных наук в ПетрГУ. Она получила высокую оценку международного научно-педагогического сообщества и по-прежнему не имеет аналогов в России.

Не одно поколение студентов с благодарностью вспоминает яркие и увлекательные лекции, уникальные авторские курсы, неизменно доброжелательные замечания и советы Льва Вальтеровича. Его высокий профессионализм и эрудиция,

требовательность и дружелюбие, исключительное чувство юмора — об этом говорят все, кому довелось учиться у профессора Суни или работать рядом с ним.

Может быть, в это трудно поверить, но непросто найти сферу деятельности, где бы не трудились сегодня многочисленные ученики Льва Вальтеровича. Это, естественно, прежде всего, наука и образование, но также и государственное и муниципальное управление, музеи и библиотеки, архивы, дипломатическая служба, средства массовой информации, международные организации, предпринимательство как в России, так и за её пределами.

Заслуги профессора Суни в научной и педагогической работе отмечены высокими государственными наградами и почётными званиями России и Финляндии. Среди многочисленных титулов и регалий профессора Суни — членство в Финском историческом, Финском литературном и Калевальском обществах, высокие государственные награды России и Финляндии.

Лев Вальтерович не забывает университет и своих коллег, практически все из которых — его ученики, участвует в научных мероприятиях, внимательно следит за всеми перипетиями, которые переживает сейчас система высшего образования в России.

И. М. Соломещ

ПРОФЕССОРУ ТИМО ВИХАВАЙНЕНУ — 70 ЛЕТ
JUBILEE OF PROFESSOR TIMO VIHAVAINEN

Имя эмеритус-профессора Хельсинкского университета Тимо Вихавайнена отлично известно специалистам и любителям истории в разных странах — особенно тем, кто интересуется историей Финляндии и российско-финляндских отношений. Многие его книги переведены на русский язык. Кроме того, на протяжении многих лет он участвовал в нескольких крупных академических проектах, благодаря которым читатели в Финляндии и России получили возможность познакомиться с прежде неизвестными или недоступными документами XX в.

Выпускник Хельсинкского университета, молодой историк в 1970-е гг. преподавал в школах Хельсинки и Вантаа. Этому предшествовала стажировка в Московском государственном университете. В тот же период он начал работу в Хельсинкском университете.

После защиты докторской диссертации в 1988 г. Тимо Вихавайнен трудился преподавателем истории Восточной Европы в Институте Ренваля (Хельсинкский университет), затем на несколько лет уехал в Санкт-Петербург, чтобы возглавить там Институт Финляндии.

С 2002 г. и вплоть до выхода на пенсию в 2015 г. Тимо Вихавайнен был профессором российских исследований в Хельсинкском университете. Как считают многие специалисты, во многом именно с его научной, педагогической и организационной деятельностью связано становление междисциплинарных гуманитарных исследований, в фокусе которых находятся не только собственно история

России, но также международные отношения и другие направления гуманитарных исследований.

Многие российские историки познакомились с Тимо Вихавайненом ещё в 1980-е гг., когда он был секретарём рабочей группы по истории в составе Финляндско-советского комитета по научно-техническому сотрудничеству. С тех пор его хорошо знают как замечательного организатора двусторонних научных встреч, редактора сборников научных докладов. Благодаря этой повседневной работе зачастую преодолевалось взаимное недопонимание, выстраивались личные контакты, закладывался фундамент будущих масштабных проектов, условия для осуществления которых сложились только в 1990-е гг. (например, проекты «Национальная политика ВКП(б) на северо-западе России в 1920—1950-е гг.», «Ценности, нормы и их изменения в советском обществе 1920—1950-х гг.», «Образ Финляндии в России, образ России в Финляндии», «Зимняя война. Политическая история»).

Сфера личных научных интересов Тимо Вихавайнена довольно обширна. Автор свыше 300 научных работ, в своих монографических исследованиях он обращался к проблеме формирования взаимных образов в российско-финляндских отношениях, политической истории Финляндии эпохи «финляндизации», политическим аспектам советско-финляндских отношений.

Выход на пенсию для Тимо Вихавайнена не означает снижение творческой активности. В последние годы он откликается на злободневные вызовы современности, пытаясь рассмотреть в широком историческом контексте проблемы толерантности и нетерпимости, пути развития европейской цивилизации, драматические повороты во взаимоотношениях России и Запада.

Среди званий и регалий Тимо Вихавайнена — членство в Финляндской академии, Международном комитете историков, Финском историческом обществе. В 2005 г. он стал почётным доктором Петрозаводского государственного университета, а в 2013 г. был награждён российским Орденом дружбы.

Острый полемист и публицист, блестящий лектор, активный блогер, яхтсмен, дедушка, пишущий для своих внуков замечательные сказки, — это тоже Тимо Вихавайнен!

И. М. Соломеш

ГОД ФИНЛЯНДИИ В КАРЕЛИИ
THE YEAR OF FINLAND IN KARELIA

В 2017 г. отмечается столетие поворотных событий в истории как России, так и Финляндии. Революции 2017 г. и обретение Финляндией независимости — два тесно связанных между собой исторических процесса, оказавших существенное влияние на судьбы наших народов, в том числе и на развитие Карелии.

В начале этого года Междисциплинарные научно-образовательные центры FENNICA (ПетрГУ) и NORDICA (Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН) совместно с Администрацией Петрозаводского городского округа и при поддержке Петрозаводского отделения генерального консульства Финляндии в Санкт-Петербурге подготовили программу «Год Финляндии в Карелии», в которую включились Национальная библиотека, Национальный архив, Национальный музей РК, ряд общественных организаций. [Программа](#) длилась весь год и включала в себя самые разные мероприятия: научные конференции, публичные лекции, выставки, концерты, просмотр и обсуждение кинофильмов.

Мы посчитали уместным в рамках этой программы провести и небольшое социологическое исследование с целью изучения представлений жителей Карелии о Финляндии, её народе, о взаимоотношениях России и Финляндии и перспективах их развития. Результаты этого опроса представлены в публикуемой в рамках этого раздела статье.

В раздел включены также исторический очерк и документальные материалы, посвящённые юбилею национального театра РК.

МИЛЮКОВА Ирина Александровна / MILJUKOVA Irina

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

miljukova_irina@mail.ru

ТЕРЕНТЬЕВ Константин Юрьевич / TERYTYEV Konstantin

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

soclabor@petsu.ru

ТАКАЛА Ирина Рейевна / TAKALA Irina

Петрозаводский государственный университет, Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН / Petrozavodsk State University, Institute of Language,

Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

irina.takala@onego.ru

КУЛЕШОВА Алина Викторовна / KULESHOVA Alina

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

kul_alina@mail.ru

ЛАПШИН Антон Александрович / LAPSHIN Anton

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

anton_lapshin@mail.ru

**ФИНЛЯНДИЯ ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС 2017 г.**

**FINLAND THROUGH THE EYES OF THE RESIDENTS
OF THE REPUBLIC OF KARELIA: SURVEY 2017**

Abstract: The article presents the results of the survey conducted in Petrozavodsk and other regions of Karelia by Petrozavodsk State University researchers in the spring 2017. The survey's main objective was to identify social perceptions and attitudes of Karelia residents towards Finland, Finnish people, as well as regarding relations between Russia and Finland and the prospects for their development.

Ключевые слова / Keywords: Финляндия, Карелия, приграничный регион, социологический опрос, общественное мнение, российско-финляндские отношения, этнические стереотипы / Finland, Karelia, border region, survey, public opinion, Russian-Finish international relations, ethnic stereotypes.

Российско-финляндские отношения в 1990—2000-е гг. отличались достаточно высоким уровнем сотрудничества и взаимопонимания, продолжая тенденцию советских времён. При этом вступление Финляндии в ЕС привело к новой тенденции в финляндской внешней политике: европейская солидарность, обязательства, связанные с членством в ЕС, стали доминирующими факторами при формировании

внешнеполитического курса страны. Украинский кризис 2013—2014 гг., приведший к обострению отношений РФ с ЕС, США и их союзниками, превратил Финляндию в заложницу ситуации — верная европейской солидарности, она присоединилась к санкциям и получила ответные контрсанкции России.

Изменение международной обстановки, отдаление России от Европы, режим санкций не могли не повлиять на отношение россиян к большинству стран Запада: за последнее время оно резко ухудшилось. По отношению к Финляндии эта тенденция не столь очевидна, но, согласно регулярным всероссийским опросам, проводящимся Аналитическим центром Юрия Левады, она просматривается и здесь. По сравнению с 2011 г. количество опрошенных, относивших Финляндию к наиболее близким друзьям, союзникам России, сократилось в семь раз. Одновременно к 2016 г. в три раза возросло число респондентов, считающих Финляндию враждебно настроенной по отношению к нашей стране¹.

Однако уже накопленный опыт сотрудничества на межгосударственном, региональном и местном уровне, устоявшиеся личные контакты жителей России и Финляндии не могут быть полностью перечёркнуты событиями последних лет. Сохраняются и объективные общие интересы в сферах экономического, гуманитарного сотрудничества. Летом 2017 г. Левада-центром по заказу Министерства иностранных дел Финляндии впервые был проведён опрос с целью изучения отношения россиян к этой стране. В опросе приняли участие 1600 человек из разных регионов России, две трети респондентов (68 %) высказали своё позитивное отношение к Финляндии (доля таких ответов среди москвичей — 88 %) и лишь 10 % оказались настроенными негативно (22 % затруднились ответить). Современные отношения между нашими странами 67 % опрошенных охарактеризовали как мирные и добрососедские, 16 % посчитали холодными или напряжёнными, 0,2 % назвали враждебными (17 % затруднились ответить)².

Жители Карелии, надо полагать, должны лучше, чем среднестатистический россиянин, знать свою соседку Финляндию. В статье представлены результаты опроса, проведённого в г. Петрозаводске и районах Карелии сотрудниками ПетрГУ весной 2017 г. Целью анкетирования было выявление социальных представлений и установок

¹ «Друзья» и «Враги» России // Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/05/druzya-i-vragi-rossii-2/> (18.11.2017).

² Venäläiset suhtautuvat myönteisesti Suomeen // Ulkoasiainministeriö [Электронный ресурс]. URL: <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentId=366527&nodeId=49150&contentlan=1&culture=fi-FI> (22.11.2017).

жителей республики о Финляндии, её народе, о взаимоотношениях России и Финляндии и перспективах их развития³.

Общие сведения и социальный портрет респондентов

Основным методом сбора данных было выбрано анкетирование, поскольку оно позволяет получить наиболее адекватные и массовые количественные оценки общественного мнения по интересующим исследователей вопросам. Использовалось раздаточное анкетирование, которое для жителей районов дополнялось размещением анкеты в сети интернет.

Анкета состояла из 24 вопросов, сгруппированных по нескольким смысловым блокам в соответствии с основными программными вопросами исследования:

- 1) выявление уровня информированности жителей Карелии о Финляндии, её истории и культуре;
- 2) изучение социальных представлений о современной Финляндии, уровне экономического развития и социального благосостояния;
- 3) оценка отношения жителей Карелии к Финляндии и финнам;
- 4) оценка характера взаимоотношений Финляндии и России / Карелии и перспектив их развития;
- 5) определение наиболее важных факторов, влияющих на эти представления и оценки в отношении Финляндии.

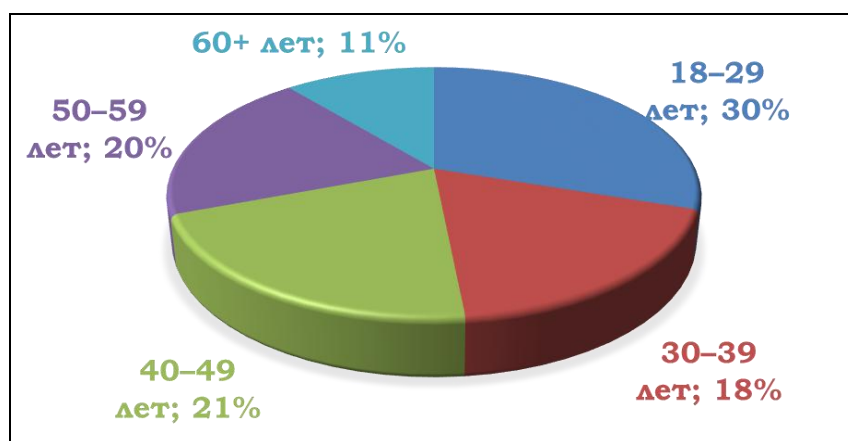
Опрос проводился в столице республики — г. Петрозаводске и в нескольких районных городах Карелии (Костомукша, Сортавала, Пудож, Медвежьегорск). При планировании и построении выборочной совокупности был использован комбинированный целенаправленный отбор: квотный метод при сборе данных по Петрозаводску и метод доступной выборки — по районам. Контроль квот осуществлялся по базовым социально-демографическим признакам (пол и возраст респондентов). Кроме того, при отборе районных городов исследователи исходили из того, что в выборку обязательно должны попасть как приграничные города Карелии (Сортавала, Костомукша), так и отдалённые от границы районы (Пудож, Медвежьегорск). К сожалению, охватить опросом районы республики в полной мере не удалось, две трети респондентов составляют жители Петрозаводска.

³ Результаты опроса Левада-центра опубликованы на сайте Министерства иностранных дел Финляндии в сентябре 2017 г. (см. предыдущую сноску), поэтому в данной статье сравнение не производится. Отметим лишь, что в наших, проводившихся параллельно и независимо друг от друга, опросах многие вопросы перекликаются и читатель сам может сравнить полученные результаты: таблицы исследования Левада-центра размещены по указанной выше ссылке.

В общей совокупности было собрано 509 анкет. В ходе процедуры контроля качества собранного материала 28 анкет было отбраковано по разным причинам. В результате для анализа оставлена 481 анкета, по которым и изучалось общественное мнение. Ввод, обработка и первичный анализ данных осуществлялся исследователями с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics 20.

Доля женщин среди респондентов составила 64 %. В выборочной совокупности представлены различные возрастные группы населения: от 18 до 85 лет (рис. 1).

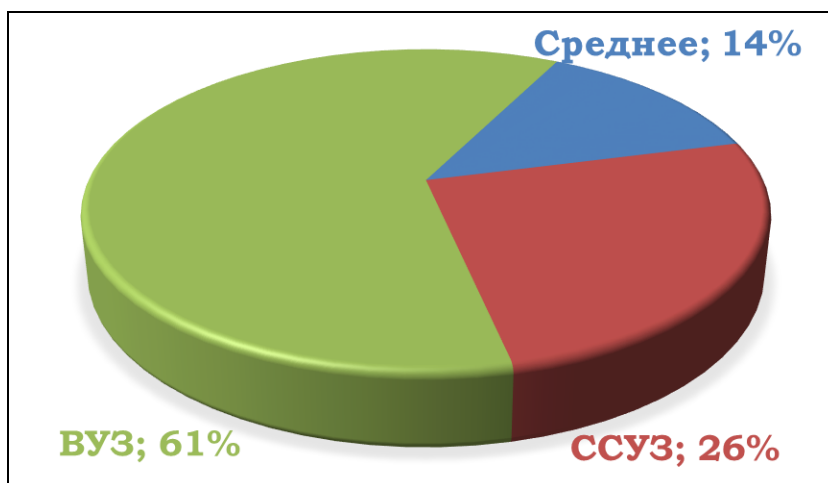
Рис. 1

Распределение респондентов по возрасту

Уровень образования у опрашиваемых также различен, но следует отметить, что в среднем он довольно высок: более половины респондентов (61 %) имеют высшее или неполное высшее образование, а каждый четвертый — начальное или среднее профессиональное (рис. 2).

Рис. 2

Распределение респондентов по уровню образования

Материальное положение семей респондентов можно оценить как неплохое, но большинству опрошиваемых не доступны крупные и дорогостоящие покупки (таблица 1). Можно предположить, что и зарубежные поездки для значительной доли респондентов также не являются привычной повседневностью.

Таблица 1

Материальное положение семей респондентов

Материальное положение	%
Нет материальных затруднений, можем позволить почти ни в чём себе не отказывать	8
Хорошее, хотя крупные покупки (дача, квартира, машина) пока не по карману	40
Неплохое, на текущие покупки деньги есть, а на дорогостоящие покупки берём в долг	34
Среднее, не всегда хватает денег на покупку одежды, обуви, оплату коммунальных услуг	15
Ниже среднего, часто денег не хватает даже на питание	3

Тем не менее, как выяснилось, материальное положение опрошенных не оказывает существенного влияния на частоту подобных путешествий. Так, две трети участников исследования имеют личный опыт знакомства с Финляндией, как минимум, единожды, а каждый пятый регулярно бывает в этой стране. Аналогичная доля тех, кто никогда не был и не планирует посещать соседнее государство (таблица 2).

Таблица 2

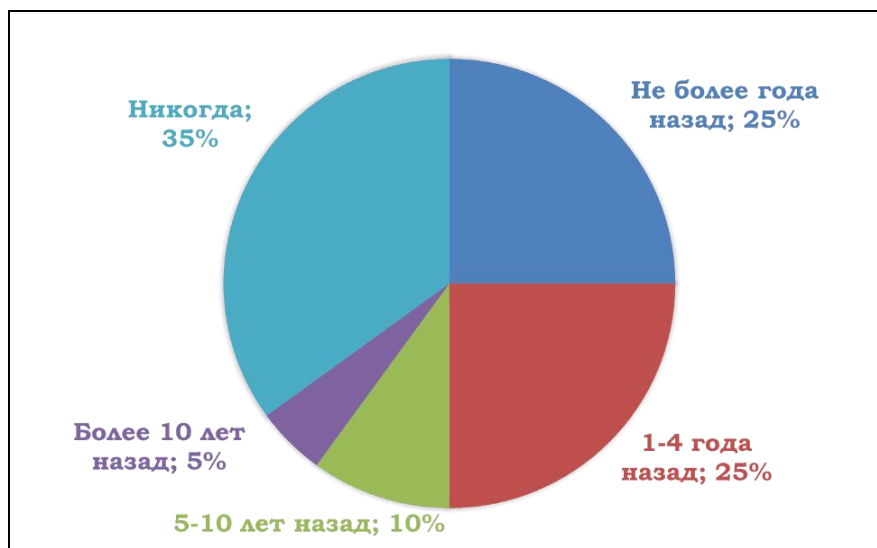
Личный опыт знакомства с Финляндией

Бывали ли Вы в Финляндии?	%
Регулярно бываю в Финляндии	19
Приходилось бывать несколько раз	33
Побывал(а) в Финляндии однажды	13
Пока не приходилось бывать, но планирую	14
Нет, не бывал(а) и пока не планирую	21

Ответ на вопрос «Когда Вы были в Финляндии в последний раз?» уточняет полученные данные. Очевидно, что на этот вопрос могли дать ответ только те, кто уже бывал в этой стране хотя бы однажды. В итоге можно сказать, что знания и впечатления

о Финляндии у половины всех опрошенных (и трёх четвертей (76 %) посещавших Финляндию) опираются на недавнее (последние четыре года) знакомство со страной (рис. 3).

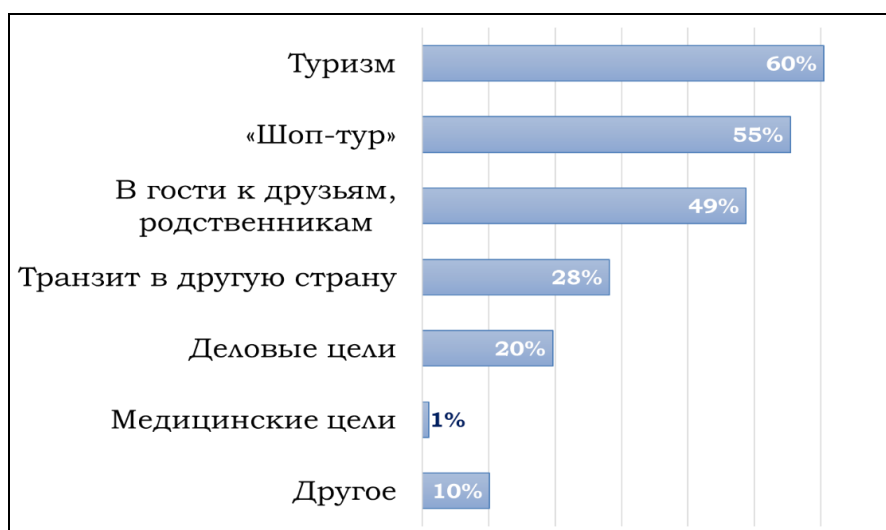
Рис. 3

Последние посещения Финляндии

Наиболее популярные цели визитов в Финляндию — это туристическая (культурный или экологический туризм, отдых) и поездки за покупками — 60 % и 55 % соответственно. Также каждый второй карельский житель приезжает к друзьям и родственникам (рис. 4). Однако доля членов семьи, живущих в Финляндии, ниже по сравнению с долей друзей и знакомых, с которыми респонденты поддерживают общение (34 % против 48—49 %).

Рис. 4

Цели визитов в Финляндию

Среди других причин для визита в Финляндию респонденты назвали сезонную летнюю работу по сбору ягод, спортивные соревнования, гастрольные поездки и учёбу.

Только 3 % жителей Карелии могут свободно общаться на финском языке, ещё 10 % понимают язык и при необходимости могут на нём изъясниться. Подавляющее большинство респондентов (87 %) не знают финского языка, но каждый пятый хотел бы его изучать, а 7 % — уже начали (таблица 3).

Таблица 3

Знание финского языка

Знаете ли Вы финский язык?	%
Знаю и общаюсь на нём довольно свободно	3
Понимаю язык и могу на нём объясниться	10
Не знаю, но уже начал(а) его изучать	7
Не знаю, но хотел(а) бы изучать его	21
Нет, не знаю	59

Уровень информированности о Финляндии, её истории и культуре

Знания респондентов о Финляндии базируются на четырёх основных источниках: общение с родственниками и знакомыми, живущими или регулярно посещающими Финляндию (85 %), российские СМИ, включая информационные ресурсы интернета (42 %), а также личные поездки в Финляндию (41 %) и социальные сети (36 %) (таблица 4).

Таблица 4

Источники информации о Финляндии

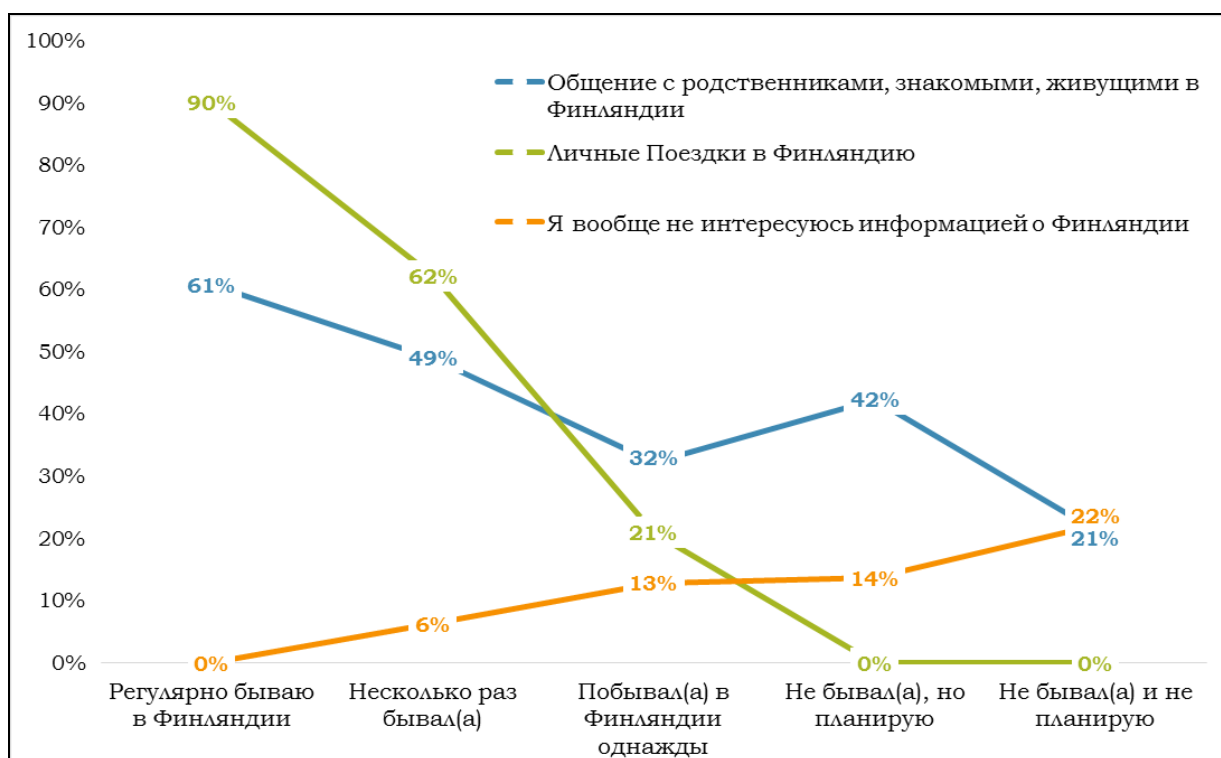
Источники информации	%
Общение с родственниками, знакомыми, живущими в Финляндии	43
Общение с россиянами, регулярно посещающими Финляндию	42
Российские СМИ и информационные ресурсы интернета	42
Личные поездки в Финляндию	41
Социальные сети (ВКонтакте, Facebook и др.)	36
Финские интернет-сайты на русском языке, в т. ч. сайт консульства Финляндии	9
Финские интернет-сайты на финском языке	5
Я вообще не интересуюсь информацией о Финляндии	10

Традиционный разрыв в использовании интернета людьми разных возрастов проявляется и здесь: больше половины (54 %) опрошенных молодых людей (18—29 лет) указали в качестве источника социальные сети, а среди людей пожилого возраста (старше 60 лет) таких только 17 %.

Финские информационные ресурсы оказываются относительно непопулярны, причём как на финском (что вполне объяснимо), так и на русском языках. Только те 13 % респондентов, которые в той или иной степени владеют финским языком, обращаются за информацией к финноязычным сайтам (88 % уверенно использующих финский язык) и финским сайтам на русском языке (44 %).

Регулярные поездки в Финляндию ведут к тому, что именно они, а также общение со знакомыми, живущими там, становятся доминирующими источниками информации (рис. 5).

Рис. 5

Влияние опыта личного знакомства с Финляндией на выбор источников информации о ней

Каждый пятый опрошенный (22 %) считает, что неплохо информирован о том, чем живут сейчас Финляндия и её жители, каждый восьмой (12 %) честно признаётся, что практически ничего не знает о жизни Финляндии. Оставшиеся две трети (66 %) полагают, что их представления довольно поверхностны и фрагментарны (рис. 6).

Рис. 6

Уровень информированности (самооценка)

Для более объективного определения уровня информированности (чтобы не приходилось базироваться только на самооценке), в анкете были заданы несколько вопросов, для ответа на которые необходимы определённые знания о Финляндии. В частности, мы спрашивали, чем знаменателен для Финляндии 2017 г., участвовала ли Финляндия во Второй мировой войне, а также просили определить, какие факты из представленного перечня имеют отношение к этой стране.

Прежде всего, следует отметить честность опрошенных нами людей — если ответ респондентам не был известен, то они указывали вариант «Затрудняюсь ответить», а не пытались угадывать (таблица 5). Но полученные ответы показывают, что о столь значимом для Финляндии событии года, как столетие независимости, знают только 41 % опрошенных. Объяснить это можно, видимо, полным молчанием об этом российских и карельских СМИ.

Таблица 5

Тестовый вопрос 1

Чем знаменателен 2017 год для Финляндии?	%
100-летие независимости Финляндии	41
200-летие первого издания «Калевалы»	3
80-летие окончания Советско-финской войны	3
100-летие со дня рождения Урхо Калевы Кекконена	2
80-летие создания Карело-Финской ССР	1
Затрудняюсь ответить	50

Наибольший уровень информированности респонденты показывают в тех вопросах, которые не требовали специальных знаний о Финляндии: мировая война, членство в ЕС, отсутствие безвизового режима с Россией.

Так, 83 % уверенно определили место Финляндии во Второй мировой войне как союзника Германии (таблица 6).

Таблица 6

Тестовый вопрос 2

Принимала ли Финляндия участие во Второй мировой войне?	%
В 1939—1940 гг. воевала против СССР, а в 1941—1944 гг. выступила в роли агрессора на стороне фашистской Германии	51
Да, участвовала на стороне фашистской Германии	32
Да, участвовала в антифашистской коалиции (вместе с США, Францией, Великобританией и СССР)	4
Нет, занимала нейтральную позицию	2
Затрудняюсь ответить	11

Интересно и то, что факт вхождения Финляндии в состав Российской империи до 1917 г. был известен 57 %. Очевидно, в этих случаях степень информированности определялась ещё школьной или вузовской программами по истории. Членство Финляндии в ЕС относится к важным практическим знаниям: 77 % правильных ответов — это те две трети респондентов, которые выезжают за границу (таблица 7).

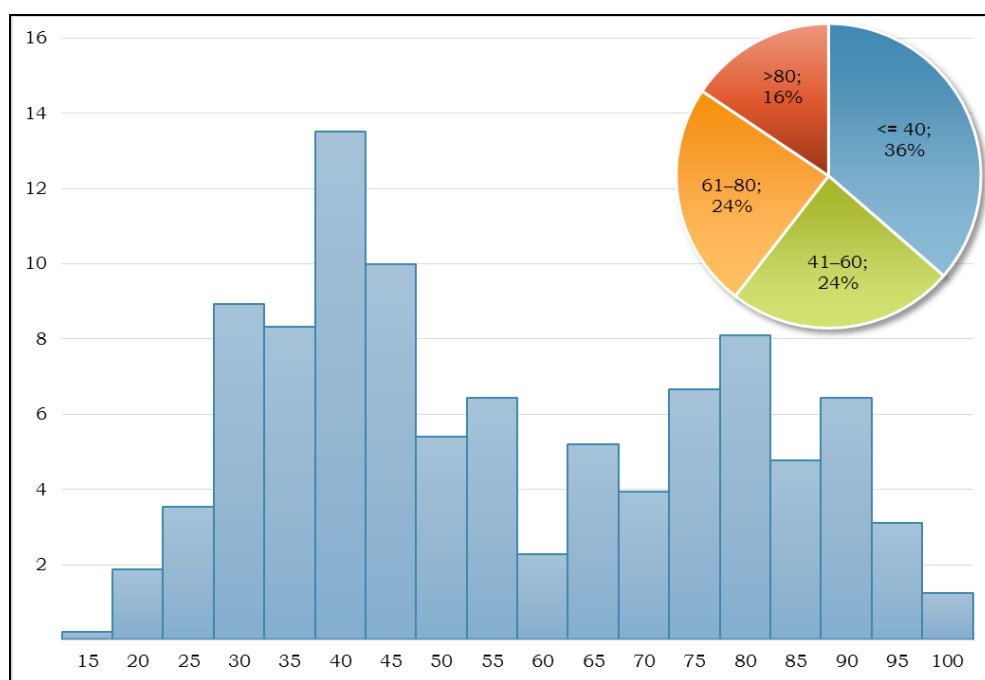
Обращает на себя внимание то, что гораздо уверенней респонденты определяли факты, не соответствующие действительности, доля же правильных ответов по фактам, имеющим отношение к Финляндии, значительно ниже. Можно, очевидно, говорить о разрушении некоторых старых стереотипов (например, алкогольных), но при этом констатировать достаточно неуверенное знание современных финляндских реалий. Всю совокупность опрошенных можно разделить на две группы: с относительно низкой информированностью (большая часть, 60 %) и с высоким уровнем (меньшая часть, 40 %). В итоге интервальная переменная индекса для удобства анализа была разбита на четыре группы: низкий (не более 40 баллов, 36 %), средний (41—60 баллов, 24 %), высокий (61—80 баллов, 24 %) и очень высокий (более 80 баллов, 16 %) уровень информированности (рис. 7).

Таблица 7

Какие из нижеперечисленных фактов имеют отношение к Финляндии? (доля правильных ответов)

Имеет отношение	Член Европейского союза (ЕС)	77
	До 1917 года входила в состав Российской империи	57
	Прогрессивная шкала налогообложения	37
	Ежегодно проводится чемпионат мира по болотному футболу	26
	Мировой лидер по употреблению кофе на душу населения	21
	Разрешены однополые браки	18
Не имеет отношения	Безвизовый режим с Россией	98
	Три государственных языка	93
	Действует «сухой» закон	93
	На первом месте в Европе по уровню потребления алкоголя	91
	Член НАТО	87
	Президент — женщина	80
	Большинство населения — католики	73

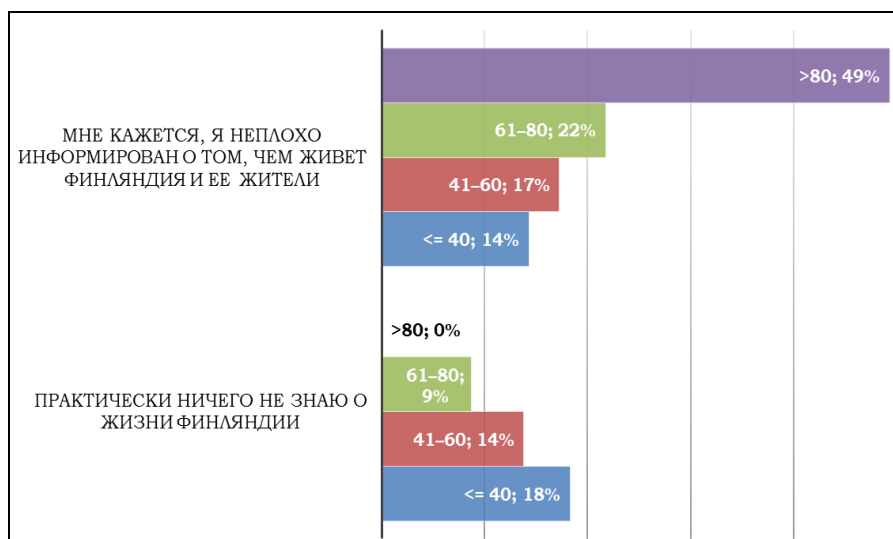
Рис. 7

Индекс информированности (категоризованный)

Анализ индекса информированности говорит о достаточно высоком уровне искренности респондентов — чем выше значение индекса (объективной оценки информированности), тем чаще в ответах на вопрос об уровне собственных знаний о Финляндии встречается вариант «Неплохо информирован» (рис. 8).

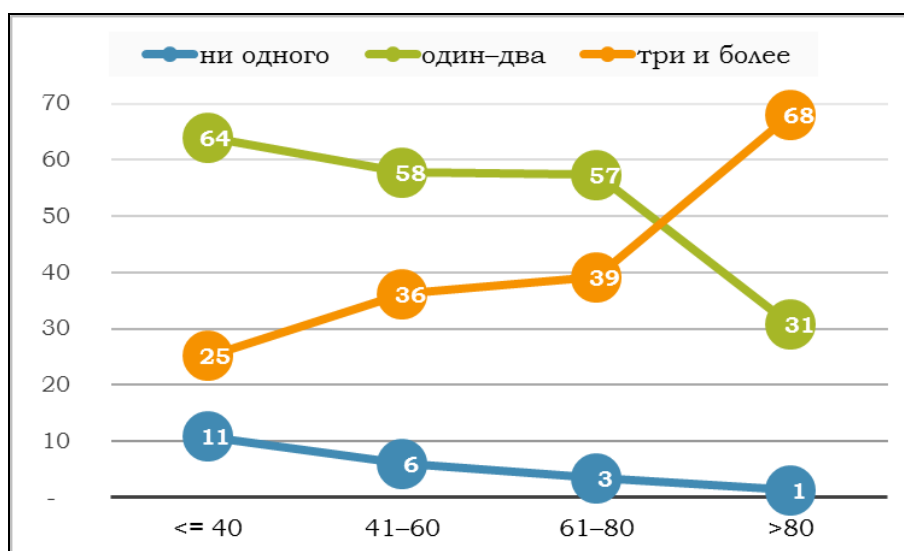
Рис. 8

Соотношение субъективной (самооценка) и объективной (индекс) оценок информированности о жизни в Финляндии

Уровень индекса информированности напрямую связан с количеством источников информации: две трети респондентов, чей индекс более 80 баллов, указали три и более используемых источников информации о Финляндии (рис. 9).

Рис. 9

Число используемых источников информации (в зависимости от уровня информированности, %)

Индекс информированности также подтверждает гипотезу о влиянии опыта личного знакомства с Финляндией и знания финского языка на уровень и качество представлений об этой стране (таблица 8). Дисперсионный анализ Краскела-Уоллеса доказывает статистическую значимость этого вывода (значимость теста для обоих факторов $\text{sig} = 0,000$).

Таблица 8

Распределение индекса информированности в зависимости от опыта знакомства с Финляндией и знания финского языка
(среднее арифметическое)

Параметр	Значение	Индекс информированности (среднее)
Знаете ли Вы финский язык?	Да, знаю и общаюсь на нём довольно свободно	80
	Да, понимаю язык и могу при необходимости на нём объясниться	59
	Нет, но уже начал(а) его изучать	66
	Нет, не знаю, но хотел(а) бы изучать его	55
	Нет, не знаю	49
Есть ли у Вас личный опыт знакомства с Финляндией?	Да, регулярно бываю в этой стране	68
	Да, приходилось бывать несколько раз в этой стране	55
	Да, побывал в Финляндии однажды	50
	Нет, пока ещё не приходилось бывать, но планирую	46
	Нет, не бывал(а) и пока не планирую	47

Отношение к Финляндии и финнам

В целом отношение к Финляндии, выраженное респондентами, оказывается весьма доброжелательным. При оценке по пятибалльной шкале различных характеристик, присущих этой стране, жители Карелии, как правило, ставили высокие баллы большинству «позитивных» позиций. В первую очередь, это забота об окружающей среде, социальная защищённость, материальное благополучие

населения. Относительно невысокие баллы (а следовательно, несогласие с тем, что это присуще Финляндии) получили «негативные» характеристики — вмешательство государства в жизнь граждан, высокий уровень безработицы, бюрократизация и коррупция в органах власти. Впрочем, большое количество не ответивших на такого рода вопросы свидетельствует, скорее, о том, что от трети до половины респондентов совершенно не знакомы с этими сферами жизни Финляндии (таблица 9).

Таблица 9

Оценка по пятибалльной шкале
различных характеристик Финляндии⁴

Оцениваемые характеристики	М	S	5 баллов		Затр. отв. (%)
			%	Валид. %	
Забота об окружающей среде, чистота, ухоженность городов	4,6	1,0	78	84	7
Социальная защищённость семей с детьми, пенсионеров, инвалидов	4,3	1,2	55	63	12
Регулирование органами опеки отношений родителей и детей	4,0	1,4	44	59	25
Материальное благополучие населения	4,0	1,1	33	37	11
Высокий уровень развития образования	3,9	1,4	35	44	20
Высокое качество медицинской помощи	3,9	1,3	32	41	22
Высокий уровень развития экономики	3,9	1,2	29	33	14
Безопасность, защита людей от преступности	3,8	1,3	25	32	22
Широта прав и свобод граждан	3,7	1,3	22	28	20
Терпимость к людям разных взглядов и верований	3,6	1,4	23	30	24
Высокий уровень художественной культуры (литература, музыка, живопись, театр, кино)	3,4	1,4	16	22	28
Свобода средств массовой информации	3,3	1,4	12	19	38
Вмешательство государства в частную жизнь граждан	2,8	1,5	11	18	39
Высокий уровень безработицы	2,5	1,3	5	7	35
Бюрократизация и коррупция в управлении	2,1	1,4	4	7	46

⁴ Сокращения в таблице: «М» — среднее арифметическое, «S» — стандартное отклонение, «%» — доля выбравших ответ «Присуще в максимальной степени» от общего числа опрошенных, «Валид. %» — доля выбравших ответ «Присуще в максимальной степени (5 баллов)» от числа опрошенных, давших значимый ответ (1—5 баллов), «Затр. отв.» — затруднились с ответом или не дали ответа.

Некоторый скепсис по отношению к уровню развитости художественной культуры и свободы СМИ, очевидно, является следствием низкой их представленности в российском и карельском медиапространстве. Вызывает интерес и высокая оценка степени распространённости регулирования государством отношений родителей и детей, что можно расценить как результат недавних скандалов в российской прессе.

При анализе этих ответов, в зависимости от степени информированности респондентов, становится очевидным факт более позитивного отношения к Финляндии среди обладающих большей информацией. Но при этом они чаще других говорят о высоком уровне бюрократизации и безработицы и ещё скептически, чем другие, оценивают финскую художественную культуру (таблица 10).

Таблица 10

Оценка по пятибалльной шкале различных характеристик Финляндии (в зависимости от уровня информированности, %)⁵

Оцениваемые характеристики	<= 40		41—60		61—80		> 80	
	Валид. %	Затр. отв.	Валид. %	Затр. отв.	Валид. %	Затр. отв.	Валид. %	Затр. отв.
Забота об окружающей среде, чистота, ухоженность городов	82	12	81	4	86	3	90	4
Социальная защищённость семей с детьми, пенсионеров, инвалидов	57	20	67	9	58	10	75	3
Регулирование органами опеки отношений родителей и детей	57	29	62	26	63	23	53	15
Высокий уровень развития образования	40	26	45	20	42	20	51	9
Высокое качество медицинской помощи	31	30	47	17	48	23	42	11

⁵ Сокращения в таблице: «Валид. %» — доля выбравших ответ «Присуще в максимальной степени» от числа опрошенных, давших значимый ответ (1—5 баллов), «Затр. отв.» — затруднились с ответом или не дали ответа.

Высокий уровень развития экономики	28	18	34	16	36	13	41	7
Безопасность, защита людей от преступности	27	27	34	18	33	25	41	9
Широта прав и свобод граждан	19	26	31	15	30	22	40	13
Терпимость к людям разных взглядов и верований	24	36	27	19	36	20	38	12
Свобода средств массовой информации	10	45	13	38	26	33	36	33
Материальное благополучие населения	36	15	36	9	40	10	33	4
Высокий уровень художественной культуры (литература, музыка, живопись, театр, кино)	26	33	21	27	23	30	14	15
Вмешательство государства в частную жизнь граждан	20	41	21	38	15	43	12	31
Высокий уровень безработицы	8	39	5	34	4	37	11	27
Бюрократизация и коррупция в управлении	5	53	4	41	9	50	10	32

О явном преобладании доброжелательного и уважительного отношения жителей Карелии к Финляндии и финнам свидетельствуют и результаты контент-анализа открытых вопросов анкеты.

На вопрос «С чем у Вас, в первую очередь, связывается образ Финляндии? Назовите 3—5 любых ассоциаций, приходящих Вам на ум» ответило «рекордное» количество респондентов — 92 % из числа всех участвовавших в опросе. В общей

совокупности было выделено почти две тысячи слов-ассоциаций, которые в ходе анализа были сгруппированы в несколько укрупнённых категорий (таблица 11).

Таблица 11

Результаты контент-анализа ответов на вопрос «С чем у Вас, в первую очередь, связывается образ Финляндии?»

Укрупнённые категории контент-анализа	% от числа всех ответивших	% от общего количества ассоциаций
Уровень и качество жизни населения	88	23
Природно-климатические условия и географические объекты	64	16
Продукты питания и напитки	39	10
Сфера культуры, национальные традиции	34	10
Взаимодействие людей и межличностные отношения	33	9
Внешний вид и личные качества жителей Финляндии	32	9
Туризм и отдых	28	7
Сфера политики и государственной деятельности	25	7
Магазины и покупки (shopping)	19	5
Спорт	15	4
Другое	7	2

Как видно из полученных результатов, подавляющее число опрошенных (88 % от числа ответивших на данный вопрос) прежде всего ассоциирует Финляндию с обществом, отличающимся высоким уровнем и качеством жизни населения. Экономическое благосостояние граждан, доступные и качественные услуги, комфортные условия проживания и развитая социальная инфраструктура — вот что чаще всего указывалось в анкетах. Абсолютными лидерами по частоте упоминаний в этой категории оказались слова «чистота» и «порядок», за ними следуют «качество», «культура», «хорошие дороги».

Почти у двух третей респондентов (64 %) Финляндия однозначно ассоциируется с красивой природой, бережным к ней отношением, но с достаточно суровыми климатическими условиями («зима», «снег», «холод»). Чаще всего в этой категории

назывались «лес», «озёра и реки», «лоси», «скалы», «северный олень». Из упомянутых географических названий лидируют «Хельсинки» и «Лапландия».

На третьем месте по частоте упоминаний несколько неожиданно оказались ассоциации, связанные с различными продуктами питания и напитками, — 39 % ответивших на данный вопрос вспомнили в анкетах о шоколаде, конфетах и других сладостях («лакрица», «чёрные конфеты»), клубнике, сыре, кофе, алкоголе (последний, правда, часто упоминается с прилагательным «дорогой» — «дорогая водка»). Многие просто в целом указывали на качественную и вкусную еду, в том числе и в местах общественного питания.

Следующими по частоте упоминания (34 %) идут ассоциации, связанные со сферой культуры и национальными традициями. Некоторые указали на особенности финского языка («сложный», «странный», «невыговариваемый», «смешной»). Другие называли конкретные имена деятелей культуры, литературные произведения или их персонажей (например, муми-тролли), названия музыкальных групп или имена исполнителей. К этой же категории отнесены и ассоциации, связанные с культурными традициями празднования Рождества и Нового года: лидирующие позиции здесь заняли слова «Йоулупукки», «Дед Мороз» и «Санта Клаус».

Для каждого четвёртого из ответивших (28 %) Финляндия — это отдых и путешествия, горнолыжные курорты, рыбалка, бассейны, аквапарки, морские паромы. А абсолютным лидером по частоте упоминаний в данной категории оказалась «финская сауна». Каждый пятый (19 %), прежде всего, вспомнил о покупках («шопинг», «кирпушник», «рождественские скидки»), магазинах или о популярных фирмах-производителях (Prizma, Sokos, Fazer, Valio, Nokia, Marimekko).

Среди ассоциаций, связанных со сферой политики и государственной деятельности, чаще всего встречались упоминания о том, что Финляндия — это ближайший зарубежный сосед Карелии, страна Евросоюза и Шенгенской зоны, а также назывались события, связанные с Зимней войной и оккупацией Карелии в годы Второй мировой войны. Первые ассоциации чаще встречаются среди молодых респондентов, вторые — среди старшего поколения.

Молодёжь чаще вспоминала и распространённые в Финляндии виды спорта (лыжи, хоккей, биатлон, велоспорт, зимнее плавание, моторалли) и известных спортсменов. Из любопытных ассоциаций, отнесённых к категории «Другое», можно упомянуть слова «финский нож (финка)», «саами», «геи и лгбт», «ювенальная юстиция», «коммунизм».

Треть респондентов (33 %) воспринимают Финляндию как очень «спокойную», «тихую» и «немногочисленную» страну, но у некоторых эти характеристики сопровождаются словами «скука», «тоска» и «одиночество». Столько же опрошенных (32 %) в ассоциативный ряд встраивает самих граждан страны, особенности их характера или внешнего вида. Неторопливость и размеренность во всём, аккуратность и дисциплинированность, доброжелательность и воспитанность — вот те личностные характеристики, которые чаще всего встречаются в ответе на вопрос об ассоциациях. Негативно-оценочные суждения тоже, конечно, есть («скупость», «недоброжелательность», «унылые», «некрасивые», «пьяные»), но они носят однозначно единичный характер. При описании внешнего вида жителей Финляндии чаще всего отмечаются следующие особенности: «высокие», «полные», «блондины».

Для изучения возможных этнических стереотипов в анкету был специально включён отдельный открытый вопрос: «Назовите, пожалуйста, личные качества финнов, которые Вы считаете наиболее типичными для жителей Финляндии».

На него дали содержательный ответ почти 82 % из числа всех участвовавших в анкетировании. В общей совокупности было выделено свыше 900 качеств, которые затем были разделены на несколько групп в соответствии с эмоциональной оценкой на позитивно окрашенные, негативно окрашенные и нейтрально воспринимаемые качества. Контент-анализ ответов показал, что и здесь позитивные личностные характеристики явно преобладают над критическими и негативными: 60 % названных качеств можно отнести к позитивно окрашенным и только 19 % — к негативным.

Отчётливо можно заметить, что зачастую одни и те же личностные качества имели прямо противоположную эмоциональную оценку, а потому объективно должны были быть разнесены в разные категории. Скажем, достаточно близкие по смыслу понятия «*неспециальность — заторможенность*», «*немногословность — необщительность*», «*уединённость — нелюдимость*» имеют совершенно разные коннотации.

Среди названных позитивных личностных качеств лидируют «*доброжелательность*», «*оптимизм*», «*воспитанность*», «*культура общения*», «*трудолюбие*», «*дисциплинированность*», «*чистоплотность*» и «*аккуратность*». Из критических и негативных качеств чаще всего упоминались «*замкнутость*», «*скрытность*», «*скупость*» и «*меркантильность*». Нейтральными с оценочной точки зрения можно назвать «*эмоциональную сдержанность*», «*неторопливость*», «*размеренность*» (таблица 12).

Таблица 12

Результаты контент-анализа ответов
на вопрос о типичных личных качествах финнов

Личностные качества		% от числа ответивших
Позитивные	доброжелательность и оптимизм	38
	воспитанность и высокий уровень культуры общения	16
	трудолюбие и дисциплинированность	13
	чистоплотность и аккуратность	10
	замкнутость и скрытность	14
Негативные	скупость и меркантильность	7
	эмоциональная сдержанность	10
Нейтральные	неторопливость и размеренность	10

Радует и то, что число указавших только положительные качества финнов (13 %) почти в три раза превышает число тех респондентов, кто дал только негативные характеристики (5 %).

К сожалению, ответ на третий открытый вопрос («Кого из известных людей Финляндии, как прошлого, так и настоящего, Вы можете назвать?») подтверждает вывод о слабом знании жителями Карелии современных финляндских реалий. Ответ на этот вопрос дал 71 % респондентов, чаще всего называли имена деятелей культуры, крупных политиков прошлого и спортсменов (таблица 13).

Таблица 13

Результаты контент-анализа ответов на вопрос
«Кого из известных людей Финляндии, как прошлого, так и настоящего,
Вы можете назвать?»

Категория	% от ответивших	% от всех ответов
Деятели культуры	96	41
Политики	87	38
Спортсмены	38	16
Другое	10	4

Подавляющее число упомянутых в анкетах имён связаны с прошлым страны, а не с нынешней Финляндией. Современные политики, общественные деятели, деятели науки, культуры в ответах практически отсутствуют, исключение составляют только рок-музыканты и спортсмены. Вообще, знания респондентов об известных людях Финляндии весьма эклектичны и фрагментарны. Например, приблизительно в одном диапазоне (5—3 % от числа давших ответ) находятся действующий президент Саули Ниинистё, писатель XIX в. Алексис Киви, солист рок-группы HIM Вилле Вало и «красный финн» Тойво Антикайнен.

В ответах присутствуют Вяйнямёйнен и Мауно Койвисто, Йоулупукки и Виктор Клименко, крестьянин Лалли и Йохан Бекман, Микаэль Агрикола и Аки Каурисмяки, Тимо Сойни и Густав Ровио. В качестве имён собственных называют дизайнерскую компанию Marimekko и хард-рок-группу Lordi.

Столь же впечатляющей выглядит первая десятка имён (% от числа ответивших):

- ✓ Карл Густав Эмиль Маннергейм — 30 %
- ✓ Урхо Калева Кекконен — 15 %
- ✓ Ян Сибелиус — 14 %
- ✓ Элиас Лённрот — 12 %
- ✓ Вилле Хаапасало — 11 %
- ✓ Кайса Мякяряйнен — 9 %
- ✓ Мика Хаккинен — 8 %
- ✓ Тарья Халонен 8 %
- ✓ Отто Вилле Куусинен — 8 %
- ✓ Туве Янссон — 7 %.

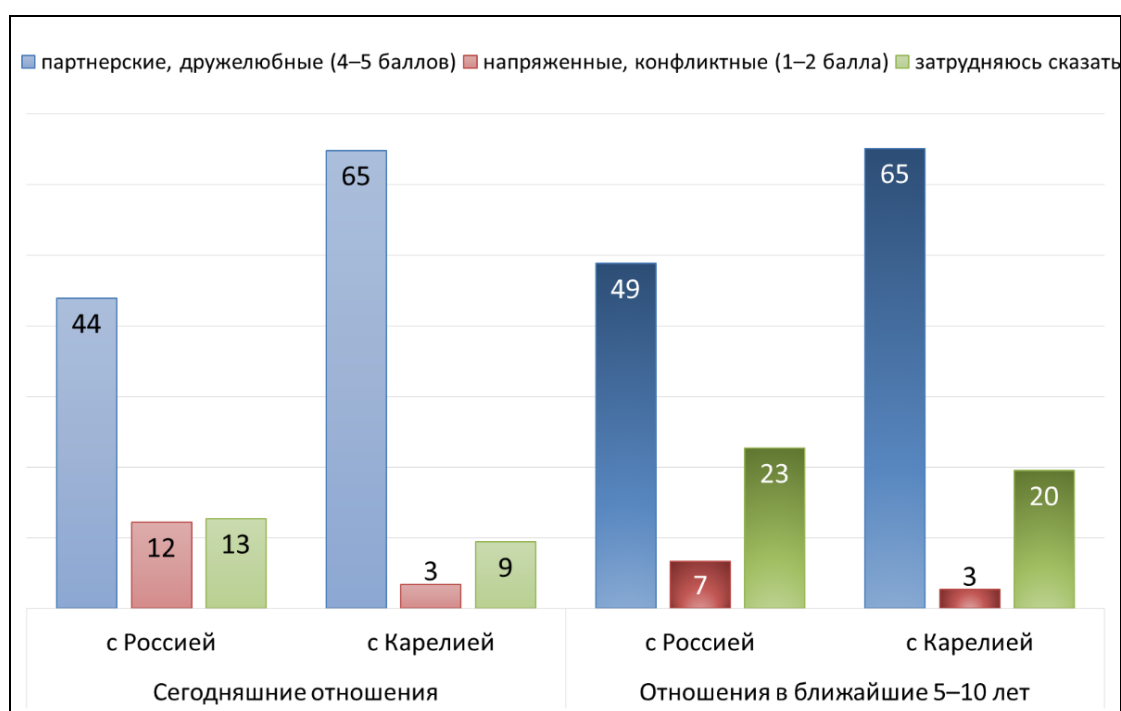
Можно предположить, что на формирование этого рейтинга больше всего повлияли советская школа, кино и телевидение, а также спортивные СМИ.

Тем не менее полученные данные в целом позволяют сделать вывод о том, что хорошая информированность вследствие интереса к Финляндии, опыта личного знакомства с этой страной, знания финского языка ведёт к формированию более позитивного к ней отношения.

Представления об отношениях между Россией / Карелией и Финляндией

Большинство опрошенных (65 %) оценивает сегодняшние отношения между Карелией и Финляндией однозначно как «партнёрские» и «дружелюбные» (рис. 10)⁶. Отношениям России с Финляндией даются, правда, более осторожные оценки, но в любом случае число позитивных оценок почти в четыре раза превышает число негативных (44 % против 12 %). Как видно из диаграммы, и на развитие отношений между нашими странами в будущем жители Карелии смотрят с относительным оптимизмом, надеясь, что эти отношения будут развиваться и крепнуть. Каждый третий из опрошенных (37 %) уверен, что в ближайшие 10—15 лет сотрудничество между Россией и Финляндией будет возрастать и усиливаться, и лишь 5 % полагают, что оно будет ослабевать. Правда, в оценках отношений с Карелией такой динамики не наблюдается, а резкое увеличение затруднившихся ответить на вопрос о будущих перспективах приграничного сотрудничества (и российско-финляндских отношений в целом) свидетельствует о том, что нынешнее международное положение России увеличивает число людей, смотрящих в будущее без особого оптимизма.

Рис. 10

Оценка современных и будущих отношений между Россией / Карелией и Финляндией

⁶ Оценка отношений строилась по пятибалльной шкале, где минимальный один балл означает «Напряжённые, конфликтные отношения», а максимальные 5 баллов — «Дружелюбные, партнёрские отношения», 0 — «Затрудняюсь ответить».

Отметим в этой связи, что за два прошедших десятилетия ситуация с оценкой отношений между Карелией и Финляндией принципиально не изменилась, по крайней мере среди молодёжи. В 1999 г., по результатам опроса, проведённого социологами Петрозаводска и Йоэнсуу, 66 % молодых жителей Карелии (15—25 лет) оценивали отношения с Финляндией как «*позитивные и взаимовыгодные*»⁷. В данном анкетировании около 70 % респондентов в возрастной группе 18—29 лет дают примерно такую же оценку («*партнёрские и доброжелательные*»). Однако эти ровные многолетние оценки свидетельствуют и об отсутствии развития в наших партнёрских приграничных отношениях.

Для уточнения вопроса о взаимоотношениях между нашими странами респондентам было предложено оценить верность некоторых суждений о целеполаганиях Финляндии в её российской политике, которые высказываются официальными лицами, тиражируются СМИ или бытуют в общественном мнении. Ответы на этот вопрос свидетельствуют об отсутствии у жителей Карелии достаточного понимания финляндской внешней политики.

Подавляющее большинство (73 %) опрошенных уверены, что Финляндия заинтересована в притоке в свою страну российских туристов, а каждый второй (49 %) согласен с тем, что для неё важно устойчивое социально-экономическое развитие Карелии как приграничного соседа. Практически столько же респондентов (47 %) полагают, что Программы приграничного сотрудничества между Республикой Карелия и Финляндией способствуют укреплению стабильности и социально-экономическому развитию этих территорий (рис. 11).

Вместе с тем каждый третий (35 %) согласился с суждением, что «*Финляндия стремится использовать Карелию как сырьевую колонию, получая из неё лес, руду, строительные материалы*», ещё почти столько же (30 %) согласились с этим частично (рис. 12). Другими словами, две трети респондентов (65 %) в той или иной степени воспринимают Финляндию как своего рода колонизатора, эксплуатирующего природные богатства нашей республики. Это достаточно распространённое негативное представление удивительным образом уживается в обыденном сознании с прямо противоположным мнением о заинтересованности Финляндии в устойчивом социально-экономическом развитии Карелии, которое разделили в той или иной степени 73 % опрошенных (49 % — скорее, согласны, 24 % — в чём-то согласны, в чём-то нет).

⁷ Youth in a Changing Karelia: A Comparative Study of Everyday Life, Future Orientations and Political Culture of Youth in North-West Russia and Eastern Finland / ed. by V. Puuronen, P. Sinisalo, I. Miljukova, L. Shvets. Aldershot, 2000. P. 242.

Рис. 11

Общественное мнение жителей Карелии о взаимоотношениях России / Карелии и Финляндии (по степени выраженности согласия с позитивными суждениями)

Рис. 12

Общественное мнение жителей Карелии о взаимоотношениях России / Карелии и Финляндии (по степени выраженности согласия с негативными суждениями)

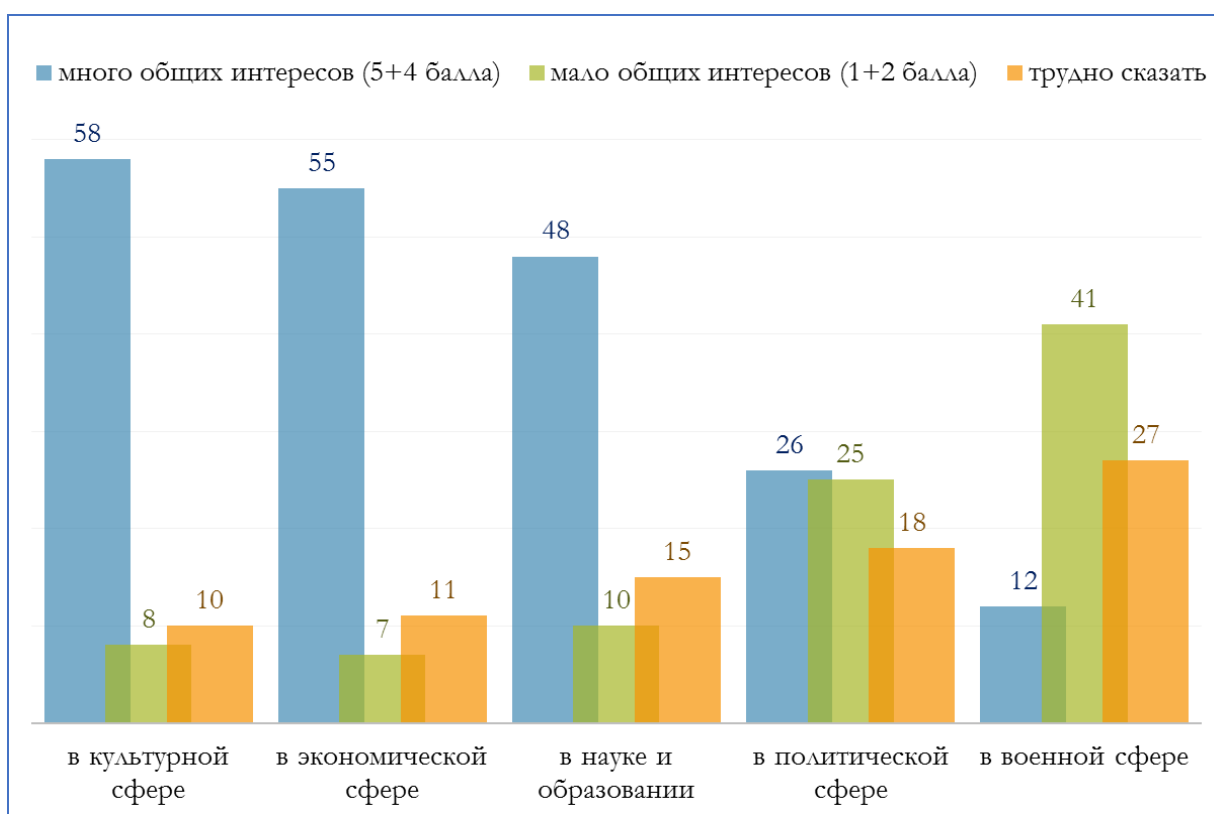
Каждый четвёртый (23 %) полагает, что многие в Финляндии мечтают о возврате территорий Карельского перешейка и Приладожья, ещё столько же (22 %) согласились с этим частично. Справедливости ради стоит сказать, что при высказывании мнения по этому суждению очень значительная часть респондентов (38 %) просто ушла от ответа или затруднилась дать однозначный ответ. Но, к сожалению, эти негативные стереотипы, пугающие воображение российского обывателя и фиксируемые социологами начиная с 1990-х гг., продолжают активно циркулировать в обыденном сознании жителей Карелии.

Нет большого единодушия среди жителей республики и по поводу того, как именно Финляндия воспринимает современную Россию: как «стратегического партнёра и союзника» или как «военную и политическую угрозу». Конечно, радует тот факт, что число тех, кто соглашается с первым вариантом (28 %), всё-таки больше, чем тех, кто выбирает второй вариант (17 %). Но и здесь весьма велик процент тех, кто пока ещё не сформировал своего мнения (каждый пятый из опрошенных), или это мнение весьма противоречиво (каждый третий выбрал вариант «в чём-то согласен, в чём-то нет»). Это может означать, что при определённых условиях «чаша весов» может склониться в любую сторону.

Участники опроса считают, что у наших стран много общих интересов, прежде всего в культурной и экономической областях, в науке и образовании. Однако оценки возможностей сотрудничества в политической сфере разделились практически пополам, в военной же области, по мнению большинства, интересы России и Финляндии расходятся (рис. 13).

В целом, можно заметить, что по большинству суждений достаточно велик процент людей, затруднившихся или отказавшихся высказать своё собственное мнение (от 14 до 22 % по позитивным суждениям, от 18 до 38 % по негативным). В определённой степени это свидетельствует о несформированности общественного мнения по вопросам взаимоотношений Финляндии и России / Карелии у значительной части жителей республики, что, в свою очередь, является результатом низкого уровня информированности населения.

Рис. 13

Представления жителей Карелии о наличии общих интересов у России и Финляндии, %⁸

Заключение

Полученные данные позволяют сделать ряд важных выводов:

1. Хорошая информированность, опыт личного знакомства, широкое сотрудничество на разных уровнях, знание истории, культуры, языка, современных реалий соседней страны ведут к формированию более позитивного к ней отношения.

2. Самооценка двух третей респондентов (66 %), полагающих, что их представления о Финляндии довольно поверхностны и фрагментарны, справедлива и подтверждается другими данными. В целом, 88 % опрошенных жителей Карелии своего соседа знают плохо.

3. Следствием низкого уровня информированности является то, что общественное мнение по вопросам взаимоотношений Финляндии и России / Карелии в республике не сформировано и в любой момент, при соответствующих условиях, это может обернуться ростом негативного восприятия.

⁸ Оценка по пятибалльной шкале: 1 — «Мало общих интересов», 5 — «Интересы полностью совпадают», 0 — «Затрудняюсь ответить».

Современный кризис взаимоотношений РФ с ЕС, США и их союзниками является системным, вопрос Украины, Крыма — лишь вершина айсберга политических, военных и экономических противоречий в наших отношениях, и сложно ожидать их улучшения на глобальном уровне в обозримом будущем (что интуитивно понимают и участники опроса). Но при всей агрессивной риторике современных отношений России и Запада в них сохраняются и элементы прагматизма — мы видим продолжение сотрудничества с ЕС и США в тех областях, которые являются особенно чувствительными для обеих сторон (космос, торговля отдельными видами сырья и промышленной продукции, ряд аспектов борьбы с терроризмом и др.). Ответы наших респондентов подтверждают мысль о том, что сохранение объективных противоречий в интересах России и Запада не будет исключать сотрудничества по взаимовыгодным вопросам.

Финляндия будет сохранять курс на поддержание европейской солидарности и особых отношений с США, поэтому сложно ожидать прорыва в межгосударственных отношениях России и Финляндии (признание Крыма, отмена санкций и пр.). Однако объективно будет сохраняться и интерес к трансграничному сотрудничеству, отдельным сферам торгово-экономического партнёрства. С российской стороны, по крайней мере на уровне приграничных регионов, как показывает наше исследование, этот интерес тоже пока не иссяк.

Да и каковы бы ни были намерения и действия политических элит, им не следует забывать, что в современном сложном, многомерном, открытом и взаимозависимом мире всё более важным фактором международных отношений становится народная дипломатия, способствующая наращиванию контактов между людьми, стиранию старых и предотвращению появления новых разделительных линий между народами. Исследование наглядно иллюстрирует эффективность и необходимость личных контактов, поездок, которые приводят к более полному и точному, а главное — позитивному восприятию соседнего государства и его народа.

Список литературы

«Друзья» и «Враги» России // Левада-центр [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.levada.ru/2017/06/05/druzya-i-vragi-rossii-2/>. — (18.11.2017).

Милюкова, И. А. Европейский Союз глазами российской молодежи Баренц-региона : опыт социологического опроса / И. А. Милюкова, К. Ю. Терентьев, А. А. Лапшин [и др.]. — Петрозаводск : Б. и., 2014. — 63 с.

Рождественская, Е. Ю. Социальная память как объект социологического изучения / Е. Ю. Рождественская, В. В. Семёнова // Интеракция. Интервью. Интерпретация (INTER). — 2011. — № 6. — С. 27—48.

Социологические методы в современной исследовательской практике : сборник статей памяти А. Крыштановского / отв. ред. и вступит. ст. О. А. Оберемко. — Москва : НИУ ВШЭ, 2011. — 557 с.

Venäläiset suhtautuvat myönteisesti Suomeen // Ulkoasiainministeriö [Электронный ресурс]. — ГРЛ: <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentId=366527&nodeId=49150&contentlan=1&culture=fi-FI>. — (22.11.2017).

Youth in a Changing Karelia : A Comparative Study of Everyday Life, Future Orientations and Political Culture of Youth in North-West Russia and Eastern Finland / ed. by V. Puuronen, P. Sinisalo, I. Miljukova, L. Shvets. — Aldershot : Ashgate, 2000. — 256 p.

НАЦИОНАЛЬНОМУ ТЕАТРУ КАРЕЛИИ 85 ЛЕТ THE 85TH ANNIVERSARY OF THE NATIONAL THEATRE OF KARELIA (*KARJALAN KANSALLINEN TEATTERI*)

ТАКАЛА Ирина Рейевна / TAKALA Irina

Петрозаводский государственный университет, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Petrozavodsk State University, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
irina.takala@onego.ru

СПАЖЕВА Ирина Алексеевна / SPAZHEVA Irina

Независимый исследователь / Independent scholar
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР КАРЕЛИИ: ВЕХИ ИСТОРИИ* NATIONAL THEATRE OF KARELIA: MILESTONES OF HISTORY

Abstract: This outline of the history of the National Theatre of Karelia (*Karjalan Kansallinen teatteri*) is dedicated to its 85th anniversary and aims at filling in the gaps and correcting some mistakes that can still be found in scholar and popular publications.

Ключевые слова / Keywords: Советская Карелия, финны, национальный театр, культура XX в. / Soviet Karelia, the Finns, national theatre, the 20th century culture.

Одна из статей о театре пятнадцатилетней давности начиналась так: «Говорят, что у театра век недолгий. Живёт он всего-навсего десять лет, а потом умирает долгой, мучительной смертью». Национальный театр Карелии в 2017 г. празднует своё 85-летие и покидать этот свет не собирается. Жизнь его в разные периоды истории была порой яркой и радостной, порой грустной и даже трагичной. Но в нём всегда жила надежда. Ведь театр — не только место для зрелищ, не только синтез различных искусств: литературы, музыки, хореографии, вокала, изобразительного искусства. Театр — наше зеркало. В этой небольшой статье мы хотели бы рассказать о некоторых самых ярких страницах жизни Национального театра, в которых, как в зеркале, отразилась история нашей страны и нашей республики.

* Этот исторический очерк написан специально к 85-летию юбилею театра с тем, чтобы рассказать широкому кругу читателей об основных моментах его долгого пути, восполнив существующие лакуны и исправив ошибки, повторяющиеся годами в исследовательской литературе и публицистике. Основными источниками для его написания стали документы Национального архива Карелии.

«Театр, ты мне нужен!»

Дореволюционная Карелия не имела традиций дворянской, да почти и городской культуры — в городах в конце XIX в. проживало около 9 % населения, местная интеллигенция (чуть больше 1 %) на треть состояла из священнослужителей, остальные в основном учителя, фельдшеры, врачи.

Театрального искусства наш край тогда не знал. Первая попытка организовать в Петрозаводске профессиональный театр была предпринята в 1906 г. антрепренёром, выходцем из заонежских крестьян Иваном Савельевым. Труппа из 16 актёров на сцене Народного дома поставила несколько развлекательных пьес, но в 1910 г. здание сгорело, и труппа распалась.

С приходом к власти большевиков в стране была провозглашена культурная революция. В конечном счёте, она преследовала две основные задачи: приобщение к культуре широких слоёв населения и организация культуры таким образом, чтобы она показывала преимущества нового строя. Всё художественное творчество, литература, искусство превращались в инструменты воспитательного, идеологического воздействия советской власти на широкие народные массы.

Театру, как и кинематографу, в малограмотной стране большевики отводили очень важное место. Нарком просвещения А. В. Луначарский так сформулировал задачи нового советского театра: «Революция сказала театру: Театр, ты мне нужен. Ты мне нужен не для того, чтобы после моих трудов и боев я, революция, могла отдохнуть на удобных креслах в красивом зале и развлечься спектаклем. Ты мне нужен как помощник, как прожектор, как советник. Я на твоей сцене хочу видеть моих друзей и врагов. Я хочу видеть их в настоящем, прошлом и будущем, в их развитии и преемственности».

Советский театр рождался мучительно в бурных дискуссиях о путях нового, пролетарского искусства, все были заняты поиском новых выразительных средств, созвучных революционной эпохе. Поскольку никто не знал, что такое «пролетарское искусство», старые пьесы ставили на новый лад: в классику включались аттракционы, акробатические этюды, злободневные политические диалоги, песенки и куплеты. Наряду с профессиональными театрами появилось множество студий, организованных совсем неопытной молодёжью, для которой театр был прежде всего политической трибуной.

В Карелии при отсутствии театральных традиций новый театр рождался именно на таких студийных основах. Большую помощь в становлении профессионального

театрального искусства оказали петрозаводчанам петроградские актёры и режиссёры, создавшие летом 1918 г. в Петрозаводске Народный театр драмы.

Карельская специфика заключалась в том, что строительство автономии было поручено большевистским правительством небольшой группе политических эмигрантов, т. н. красных финнов, которые после поражения в гражданской войне в Финляндии в 1918 г. вынуждены были искать убежище в Советской России. На протяжении 1920-х — первой половины 1930-х гг. финская диаспора Карелии быстро увеличивалась за счёт иммиграции из Финляндии (красные финны и перебежчики), а также Северной Америки, достигнув к середине 1930-х гг. 15 тысяч человек. Составляя в 1933 г. лишь 3,2 % от всего населения края, финны очень многое сделали для становления национальной экономики, культуры, литературы, образования.

Национально-языковая политика правительства Эдварда Гюллинга предусматривала ведение пропагандистской, антирелигиозной, просветительской работы среди национального населения на родном языке. Понимая, что такая работа может быть осуществлена и через театральные постановки, в 1920 г. Карполитпросвет активно начал обсуждать вопрос о необходимости создания передвижного финского театра с целью «культурного обслуживания финского и карельского населения».

Студии 1920-х гг.

Есть такая шутка, что там, где собираются вместе два финна, обязательно будет самодеятельный кружок. Многие иммигранты имели музыкальное образование, опыт организации мероприятий и театральных постановок, т. е. обладали художественными навыками, дефицит которых остро ощущался в Карелии. По всей республике возникали тогда многочисленные профессиональные и любительские коллективы: театры, драматические кружки, художественные студии, оркестры, хоры, агитбригады, фольклорные ансамбли.

В мае 1921 г. при Народном театре драмы была образована национальная труппа, в документах и прессе тех лет она часто именуется финским или карельским театром. Труппа состояла в основном из красных финнов, среди них были как профессиональные актёры, так и любители: Эйнар Хямляйнен, Ханнес Салминен, Нестор Синисало, Анна Тёрмяля, Мимми Келлосалми, Хилья Кронхольм, Калле Ахонен, Виктор Пухакка, Сельма Селандер, Тюне Лайтинен, Пекка Кеттунен, Лююти Котиярви и другие. Заведовал труппой Саули Корхонен, режиссёры Эту Хакман и Адам Сааристо, дирижёр Олави Тюккюляйнен. Художественным руководителем коллектива был назначен Виктор

Линден, бывший актёр и режиссёр народных театров Финляндии, в административный орган (коллегию) вошли также имевшие опыт любительских постановок Вяйнё Такала и Аапо Хямяляйнен.

Так в Петрозаводске впервые появился финноязычный театр. Для тех, кто не знал финского языка, предполагалось печатать содержание пьесы на русском. Работала труппа в помещении кинотеатра «Красная звезда», ставилась зарубежная и финская классика («Надломленные» Карла Хальме, «Дурак» Людвиг Фюльды, «На сплавной реке» Теуво Паккалы, «В доме Ройнилы» Минны Кант, «Сапожники из Нумми» Алексиса Киви), а также современные короткие остросоциальные пьесы, сочинённые самими членами труппы.

Первоначально театр создавался как передвижной и был ориентирован не только на городское, но и сельское население, культурный уровень которого предстояло повышать. Летом 1921 г. труппа выехала на гастроли в северные волости Карелии. Выступления в Кеми, Ухте, Кандалакше, Оланге, Вокнаволоке и других населённых пунктах скорее походили на концерты агитбригад — в программе были декламация, куплеты, скетчи, небольшие одноактные постановки на злободневные темы.

В 1922 г. государственное финансирование учреждений культуры, в том числе и театров, было прекращено, и в связи с финансовыми затруднениями финский, а затем и русский театры прекратили своё существование. Правда, к осени 1922 г. сформировался другой полупрофессиональный коллектив «Karjalan näyttämö» («Карельская сцена») под руководством Санни Нуортева, жены назначенного в марте 1922 г. наркомом просвещения Карелии Сантери Нуортевы. Ткачиха из Тампере, увлечённая театром, Санни (Сусанна) Нуортева со своим коллективом продолжила дело труппы Линдена, поставив несколько пьес, в том числе и по произведениям, написанным самими участниками коллектива — поэтами Ялмари Виртаненом, Сантери Мякеля, Рагнармом Нюстрёмом.

7 октября 1922 г., на пятую годовщину Октябрьской революции, на первом представлении «Карельской сцены» были показаны две пьесы: одноактный водевиль «Любовный напиток» с песнями и куплетами и сцены из комедии Минны Кант «Он из Сюсмья». Революционную тематику освещала пьеса Сантери Мякеля «Утро» («Aamu»).

При отсутствии государственного финансирования эти проекты были обречены на провал, хотя в середине 1920-х гг. предпринимались и другие попытки возродить театральное искусство в Карелии. Зимой 1925—1926 гг. начала работу финская

молодёжная студия с целью подбора и подготовки кадров для будущего национального театра.

Студийцы

Необходимые для работы постоянного театра средства были выделены правительством Гюллинга летом 1929 г., и в ноябре Карельский государственный театр русской драмы начал работу в помещении бывшего кинотеатра «Триумф». В труппу вошли артисты ленинградских театров и участники художественной самодеятельности Петрозаводска. «В увлекательной форме, форме, неразрывно связанной с нашей индустриализацией, научите нас строительству социализма — таково требование к театру со стороны рабочих масс», — писал в 1929 г. журнал «Карело-Мурманский край».

Одновременно было принято решение о создании и финского драматического театра. В 1928 г. педагог, поэт, писатель, драматург Рагнар Нюстрём, имевший опыт постановок массовых представлений, был откомандирован в Ленинградскую государственную театральную студию для обучения в качестве режиссёра национального театра. Год спустя на учёбу в Ленинградский техникум сценических искусств были посланы 15 карельских юношей и девушек. Их актёрской подготовкой руководил главный режиссёр Ленинградского Большого драматического театра Константин Тверской, ученик Всеволода Мейерхольда. Успешно завершившие обучение студенты вошли в состав труппы Национального театра (Матвей Любовин, Дарья Карпова, Суло Туорила, Тойво Ланкинен, Нелли Бекман, Сигрид Хитц, Майя Норанц, Ирья Ремшуева, Аниса Гардинина). В карело-финской студии техникума учились и ингерманландцы, некоторые из них, например Эмма Хиппеляйнен, вместе с посланцами из Карелии приехали в Петрозаводск, войдя в состав первой труппы.

Студийцы получили отличное профессиональное образование: помимо мастерства актёра большое внимание уделялось вокалу, танцу, сценическому движению, акробатике. С первого года учёбы они выступали с концертными программами перед населением национальных районов Карелии. Для жителей глубинки выступления молодых актёров были откровением: после спектакля люди поднимались на сцену и со слезами на глазах благодарили за виденное ими впервые «представление» театра. Итогом трёхлетней учёбы стал спектакль «Хлеб» Владимира Киршона в переводе Нюстрёма, который был поставлен мастером курса Тверским и показан в Петрозаводске на сцене драматического театра 2 и 3 февраля 1932 г.

К этому времени при театре вновь сформировалась национальная студия под руководством Кууно Севандера. Среди финнов, массово приезжавших в начале 1930-х гг. в Карелию из США и Канады, было много людей с достаточно богатым сценическим и музыкальным опытом. Кууно Севандер был известен в Америке и Финляндии как талантливый музыкант, чьи пластинки выпускали известные фирмы грамзаписи. Руководил он и рабочими народными хорами. В 1931 г. Севандер и Аларик Санделин были направлены на трёхмесячные курсы в Ленинград, где познакомились с Нюстрёмом и его студией. Вернувшись в Петрозаводск, они создали Национальную студию Карельского государственного драматического театра, в которую вошли самодеятельные актёры, выходцы из Финляндии и Северной Америки (Калле Севандер, Отто Бьёрнинен, Юлиус Каллио, Суло Мяки, Ханнес и Лайла Салми, всего 15 человек).

7 января 1932 г. публике была представлена первая работа национальной труппы — пьеса красных финнов К. Кеттунена и Э. Элоранты «Бешеный паровоз №1» («R.V.1», т. е. Raivoveturi № 1) в постановке Нюстрёма и Севандера. До конца сезона были подготовлены и показаны ещё шесть премьер — переводные пьесы с русского («Чапаев» Дмитрия Фурманова, «Утопия» Александра Штейна и др.).

Обе группы студийцев Управлением зрелищных предприятий АКССР позиционировались как «национальный передвижной театр», в задачу которого входило «обслуживание рабочих националов в городе, на периферии и лесозаготовках». Была утверждена солидная смета на расходы по содержанию двух национальных групп (их разъезды в зимний заготовительный сезон) — девять тысяч рублей.

Начало

Осенью 1932 г. труппа Кууно Севандера объединилась с выпускниками драматического техникума, творческий коллектив театра вырос до 32 человек, художественным руководителем коллектива был назначен Рагнар Нюстрём, директором Кууно Севандер. Так родился Карельский национальный драматический театр.

Первый свой сезон театр открыл премьерой спектакля «Разлом» Бориса Лавренёва (режиссёр Рагнар Нюстрём). На спектакле присутствовали автор пьесы Лавренёв, мастер курса Тверской, а также всё правительство АКССР. Дата первой постановки «Разлома» — 15 октября 1932 года — и считается официальным днём рождения театра.

В репертуаре первых сезонов национального театра преобладали переводы советских пьес: «Гибель эскадры» по пьесе А. Корнейчука (1934), «Любовь Яровая»

К. Тренёва (1935), «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского (1935). Также ставились произведения финноязычных писателей Карелии: для театра писали Ялмари Виртанен, Лаури Луото, Эмели Паррас, Матти Хусу, Леа Хело и др. Сочинения карельских авторов, как правило, были посвящены современности. В 1933 г. была поставлена пьеса Лаури Луото «Орудия говорят» о финляндской гражданской войне, в 1934 г. — спектакли по пьесе Аллана Висанена «Изобретение Теппоева» о молодом инженере, выпускнике советского вуза и «Гигантский пульс бьётся» Эмиля Парраса о борьбе рабочих Германии против фашизма.

Впрочем, музыка, танцы и песни были неотделимы от национального театра с первых дней его рождения. Почти все актёры были очень музыкальными людьми, в штате театра в первые годы его существования числились шесть аккордеонистов. В 1935 г. события Гражданской войны в Карелии, высмеивавшие неудачный Олонецкий поход белофиннов 1919 г., впервые были представлены в жанре музыкальной комедии (пьеса Я. Виртанена и Л. Луото «Мальбрук в поход собрался»). Музыка к спектаклю написали композиторы Карл Раутио и Лаури Йёусинен. Это была масштабная постановка с большим количеством исполнителей, в ней участвовали хор, оркестр и танцевальная группа, т. е. по сути — первый карельский мюзикл, пользовавшийся огромным успехом у зрителя, но очень быстро изъятый из репертуара.

Большим успехом пользовались также поставленные в 1935—1936 гг. спектакли «Куллерво» А. Киви и «Ревизор» Н. Гоголя. Театральное искусство было тогда в Карелии необычайно востребовано. Уже в 1932 г. спектакли национального театра посмотрели почти 15 тысяч человек. В 1934 г. было дано 29 спектаклей в Петрозаводске для 15 тысяч зрителей (при населении города в 47500 жителей) и 107 выездных спектаклей для 25600 человек.

Вдохновение и энтузиазм царили в театре все первые пять лет его существования, хотя жизнь артистов была трудна. У театра не было своего помещения, сцену делили с русским драматическим театром, ставили спектакли и на других площадках. Жалование большинства актёров, поскольку практически все числились начинающими, было невелико, очень трудно было с жильём. Частые командировки на промышленные предприятия, лесопункты, по карельским деревням могли занимать значительную часть сезона и всё лето. Но театр вдохновенно нёс культуру в массы.

Широкий резонанс, например, имел лыжный поход молодых актёров в северные национальные районы республики в феврале—марте 1936 г. Тойво Ланкинен (руководитель), Дарья Карпова, Юкка Кахи, Олави Сийкки, Суло Мяки, Суло Туорила,

Ирья Такала и Эва Мюрюлайнен (по возрасту годившаяся другим в матери, но по духу и энтузиазму им нисколько не уступавшая) за 36 дней прошли на лыжах 1200 км, нагруженные костюмами, реквизитом, питанием, личными вещами. Актёры дали 43 выступления, на которых побывало более шести тысяч зрителей, оказали помощь 21 драматическому кружку, ещё в 22 местах помогли организовать кружки художественной самодеятельности. Везде зрители встречали их восторженно, а в Петрозаводске у здания театра на улице висела большая карта маршрута, по которой люди могли следить за перемещением «театра на лыжах».

В марте 1937 г. театр со спектаклями «Куллерво» Алексиса Киви и «Слуга двух господ» Карла Гольдони принял участие в Декаде карельского искусства и литературы в Ленинграде. Постановки пользовались большим успехом у взыскательной ленинградской публики, о них высоко отзывались театральные критики. Но для многих работников театра это был последний в жизни большой художественный праздник.

Театр репрессированный

Массовые репрессии 1937—1938 гг. не могли обойти стороной национальный театр. Для финнов республики точкой отсчёта Большого террора можно считать уже 1935 г., когда было снято руководство края и в Карелии начинается кампания по борьбе с «финским буржуазным национализмом». Уже тогда некоторые актёры вынуждены были покинуть театр, а в 1937 г. он и вовсе был закрыт. Вместо финского драматического театра был создан Карельский национальный театр, откуда большинство актёров-финнов уволили за профнепригодность — незнание карельского языка. Правда очень скоро руководство республики вынуждено было признать, что спектакли на карельском языке показываются формально, артисты его не знают и в 1938 г., после постановки по чеховским водевилям «Предложение», «Медведь» и «Юбилей», национальный театр был реорганизован в учебную студию.

В литературе приводятся разные данные и цифры о репрессиях в национальном театре. Пишут об аресте половины или даже двух третей из мужского состава труппы (десять из пятнадцати мужчин-актёров). Но театр — это большой, сложный механизм, и спектакли создаются силами очень многих людей. Помимо актёрского состава это режиссёры, сценаристы, композиторы, художники, костюмеры, гримёры, декораторы, осветители и т. д. Их судьбами практически никто до сих пор не занимался, и проследить их действительно очень трудно. Бывшие сотрудники театра устраивались работать на заводы, в леспромхозы, уезжали в карельскую глубинку. Затрудняет поиски

и то, что последнее место работы человека перед арестом могло оказаться каким угодно. Потому в скупых справочных сведениях невозможно найти свидетельств того, что ещё совсем недавно человек блистал на театральной сцене или как-то иначе готовил спектакли.

Так, актёр и певец Юкка Ахти на момент ареста в Петрозаводске в январе 1938 г. был точильщиком Онегзавода, а актёры Отто Бьёрнинен, Калле Севандер и Эйнари Хоффрен — соответственно, каменщиком, токарем и парикмахером. Секретарь парторганизации театра Калле Сумманен, попавший в СССР в 1925 г. в результате обмена политзаключёнными между Финляндией и Советским Союзом, на момент ареста работал печником в Стройтресте.

Достоверные сведения пока удалось отыскать лишь о двенадцати репрессированных финских актёрах, работавших в театре первые пять лет, и шести других работниках:

Юрьё Куусиниеми, актёр, расстрелян 4 ноября 1937 г. в Петрозаводске,
Юлиус Каллио, актёр, расстрелян 10 февраля 1938 г. в Медгоре¹,
Эйнари Хоффрен, актёр, расстрелян 11 февраля 1938 г. в Медгоре,
Юкка Ахти, актёр, певец, расстрелян 26 февраля 1938 г. в Петрозаводске,
Эйно Юнтунен, актёр, расстрелян 5 марта 1938 г. в Медгоре,
Ниило Каяндер, актёр, расстрелян 22 апреля 1938 г. в Медгоре,
Аарне Ниеминен, актёр, расстрелян 3 октября 1938 г. в Петрозаводске,
Яло Метсола, актёр, расстрелян 8 октября 1938 г. в Петрозаводске,
Олави Сийкки, актёр, расстрелян 8 октября 1938 г. в Петрозаводске,
Отто Бьёрнинен, актёр, десять лет ИТЛ,
Калле Севандер, актёр, помощник режиссёра, десять лет ИТЛ,
Эйно Хирвонен, актёр, десять лет ИТЛ,

Хейкки Виртанен, инструктор по гимнастике, расстрелян 28 декабря 1937 г. в Медгоре,

Вайнё Шёгрэн (Лаури Луото), сценарист, расстрелян 9 февраля 1938 г. в Петрозаводске,

Лео Тайпале, художник, расстрелян 10 февраля 1938 г. в Медгоре,

Калле Сумманен, партсекретарь, расстрелян 21 апреля 1938 г. в Петрозаводске,

Энсио Рая-Ахо, директор, восемь лет ИТЛ.

¹ Полное название — Медвежья Гора, с 1938 г. — г. Медвежьегорск.

Тяжёлой оказалась и судьба родных репрессированных. По некоторым архивным данным, в 1938 г. у сотрудников Карельского национального театра 18 родственников находились под арестом. Многие жены и дети были высланы из Петрозаводска. Вот лишь два печальных примера.

Актриса первого состава театра Ирья Такала сначала потеряла отца, Аапо Хямяляйнена, арестованного в декабре 1937 г., в феврале 1938 г. пришли за её мужем Вайнё Такалой — педагогом, редактором издательства «Kirja». Саму Ирью уволили из театра за незнание карельского языка и как жену врага народа. Она осталась одна с двумя маленькими сыновьями. Летом 1938 г. постучали уже к ней, велели собраться за два часа и явиться на сборный пункт для высылки. Старший сын, семилетний Рейё, был в гостях у дяди, она просила возможности дождаться его, ей не разрешили. И с грудным Рауно на руках, не зная о судьбе старшего сына, вместе с сотнями таких же несчастных женщин, стариков, детей, она отправилась на известняковые разработки Оленьих островов Онежского озера. Там ребёнок заболел и вскоре умер. Ирья сумела пережить эти страшные потери и невзгоды и в 1940 г. вернулась в восстановленный театр.

Похожую историю рассказывают и о Катри Лампи. Катри и её муж Юкка Ахти блистали ещё в мюзиклах, ставившихся на сцене клуба «Tuõn Temppeli» в Нью-Йорке. Кроме участия в музыкальных постановках театра они пели на радио. После ареста мужа Катри тоже выслали из Петрозаводска. Рассказывают, что когда Катри увозили на грузовике в сторону берега Онежского озера, она стояла в кузове с гордо поднятой головой и пела: «Широка страна моя родная». С Оленьих островов позже ей, как и Ирье, удалось выбраться, но что было с ней дальше не известно. В пятидесятых годах она больная, надломленная и отчаявшаяся пришла в дом престарелых на Валааме. Там её и похоронили.

Таких историй очень много, обо всём не рассказать. Но необходимо напомнить о судьбе главного человека театра, его создателя и художественного руководителя Рагнара Нюстрёма.

Судьба Рагнара Нюстрёма

Сын рабочего-металлиста Рагнар Нюстрём с 13 лет начал свою трудовую деятельность, одновременно учился на театральных курсах и выступал на сцене рабочего любительского театра в пригороде Хельсинки. В 16 лет вступил в Социал-

демократическую партию Финляндии. Во время гражданской войны 1918 г. находился в рядах Красной гвардии, был арестован, дважды бежал из финляндских тюрем и в 1921 г. перебрался в Советскую Россию. Учился в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада в Ленинграде, Гатчинском педтехникуме; в Петрозаводске преподавал в финской девятилетней школе, русском педтехникуме, в 1928 г. был назначен старшим учителем Карельского егерского батальона. В 1932 г. Нюстрём стал художественным руководителем не только национального театра, но и Карельского драматического техникума, переведённого из Ленинграда в Петрозаводск. В 1933—1937 гг. в техникуме, готовившем кадры для профессиональных коллективов и массовой художественной самодеятельности, за счёт республиканского бюджета ежегодно обучалось 100—150 студентов.

Писатель Нюстрём впервые опубликовал свои произведения в 1921 г. на страницах газеты «Karjalan kommuuni». Его пьесы («Закон революции», «Учитель» и др.) в 1920-е гг. ставились в Петрозаводске и Ленинграде. Он входил в редколлегии журналов «Soihtu» и «Punakantele», где в 1930-е гг. напечатал немало стихотворений, очерков, статей, в том числе и по театральному искусству. Первая книга стихотворений писателя «В оковах» («Kahleissa») вышла в 1930 г. Нюстрём писал не только для взрослых, но и для детей: в 1929—1932 гг. в журнале «Kiriinä» регулярно появлялись корреспонденции пионера Матти Миттакаавы, путешествующего по разным странам и знакомящего ребят с важнейшими политическими событиями. В 1927 г. он вступил в ВКП(б), в 1936 г. был принят в Союз писателей СССР.

20 сентября 1937 г. Рагнар Нюстрём был исключён из партии за то, что «игнорировал карельский язык и карельскую культуру», «ежедневно был связан (по всем вопросам театра) с врагами народа» и «пытался протаскивать в репертуар театра пьесы фашистской Финляндии». Нюстрём пытался защищаться, он пишет ряд писем в обком, ЦК, Комиссию партийного контроля, во Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР². Все они остались без ответа. 20 октября 1937 г. режиссёра арестовали. Месяц спустя, 20 ноября Тройкой НКВД КАССР он был приговорён к десяти годам ИТЛ по статье 58, п. 10 и 11 (контрреволюционная пропаганда, агитация, организационная деятельность), и отправлен сначала в Каргопольский лагерь, а потом в БАМлаг.

² В данном выпуске мы публикуем два письма Рагнара Нюстрёма из фондов Национального архива РК, написанных перед арестом.

В декабре 1937 г. он пишет сестре жены: «Я не могу верить, что моё отсутствие будет очень длительным. Для этого нет пороха в моем деле. Я жизнь ещё строю, и она будет светлой и прекрасной. Я это знаю. Я умею». Последнее дошедшее до нас письмо Нюстрёма это письмо от 8 января 1938 г. члену исполкома Коминтерна Отто Куусинену с тщетной просьбой о помощи. «Я снова переживаю ужасы 1918 года», — писал режиссёр.

Во многих опубликованных биографических справках говорится, что Рагнар Нюстрём умер 12 декабря 1939 г. в заключении в городе Чите. Но есть и другие сведения, базирующиеся на архивных справках ФСБ и опубликованные Эйлой Аргутиной. 19 марта 1938 г. режиссёр был снова арестован в Бамлаге, 31 марта вынесен новый приговор и 14 августа 1938 г. Рагнар Нюстрём был расстрелян в городе Свободном Амурской области. Через три недели ему должно было исполниться 40 лет.

Война

В 1938—1940 гг. театр работал в форме карельской студии. Во время Зимней войны актёры выступали на передовой и в госпиталях. После её окончания и с преобразованием АКССР в Карело-Финскую ССР Государственный Финский драматический театр был восстановлен, его режиссёром и художественным руководителем стал Степан Котсалайнен.

Новый статус республики подталкивал к дальнейшим преобразованиям: было решено реорганизовать национальный театр в музыкально-драматический, при театре создали оркестр, хор, балетную группу. Труппа пополняется талантливой молодёжью и некоторыми актёрами из бывшего ленинградского финского театра (Елизавета Томберг, Валтер Суни). Готовился новый репертуар, планировались гастроли в Ленинграде и Эстонии. Этим планам не суждено было сбыться.

В сентябре 1941 г., когда значительная часть Карелии оказалась оккупированной финскими войсками, театр был расформирован и временно законсервирован. Большинство актрис были эвакуированы с детьми в тыл, мужчины уходили на фронт. Сантери Куйкин, Конста Иванов, Федор Лукьянов, Юкка Кахи, Ханнес Салми, Карл Сара, Григорий Пивоев, Сергей Гордеев с войны не вернулись. Одним из первых погиб в боях под Петрозаводском главный режиссёр театра Степан Котсалайнен.

Небольшая группа актёров была эвакуирована в Омскую область, село Большеречье, где они создали музыкально-драматический ансамбль, который возглавил Валтер Суни. В составе ансамбля были композитор Карл Раутио, певица Люция

Теппонен, артисты Кууно и Лийса Севандер, Матвей Любовин, Генри Роутту, Нина Николаева, Лайла Салми, Санни Бочарникова и другие — всего 18 человек. Первое выступление карельских артистов перед местным населением состоялось 7 ноября 1941 г., в программе были небольшие пьесы, скетчи, музыка, песни, танцы.

В декабре 1942 г., когда Карельский фронт стабилизировался, правительство Карело-Финской ССР приняло решение о возобновлении деятельности финского драматического театра в Архангельской области. Местом сбора труппы был избран тыловой город Вельск, куда могли из эвакуации приехать актрисы театра, имеющие детей. Театр разместился в местном Доме культуры, на должность художественного руководителя был приглашён из Москвы опытный режиссёр и педагог Николай Демидов. Скитания продолжались и дальше, но восстановленный театр все больше и больше приближался к родному Петрозаводску. С августа 1943 по август 1944 г. театр работал в селе Шуерецкое Кемского района, давая спектакли и в Беломорске, затем, после освобождения национальных районов республики, переехал в Олонец.

Сразу была налажена регулярная концертная работа на финском и русском языках: артисты выступали в госпиталях и воинских частях Карельского фронта, перед населением освобождённых районов. Но главным оставалось сценическое творчество. С приходом в труппу Николая Демидова начинается одна из самых ярких страниц в истории национального театра. Созданная им студия художественного мастерства с отработкой уникальной этюдной техники превратила театр в настоящий творческий коллектив единомышленников, глубоко профессиональный, ничем не уступающий крупным театрам страны. Знаковым событием, этапным спектаклем стала постановка драмы Г. Ибсена «Кукольный дом» («Нора»). С неё началось восхождение театра к творческим высотам, достигнутым им в 1940—1960-е гг.

Премьера «Норы» состоялась 10 января 1944 г. в Беломорске и прошла с огромным успехом. Московские театральные критики, присутствовавшие на премьере, с удивлением отмечали, что театр не имеет ничего общего с провинциальной сценой довоенной поры. «Первое и наиболее сильное впечатление, — говорил Захар Штайн на совещании Всероссийского театрального общества, специально посвящённом этой постановке, — заключается в том, что спектакль отличается большой внешней и внутренней культурой, стройностью ансамбля, чувством формы и, самое главное, культурой исполнения, культурой актёрского мастерства». Исполнение Ирвей Вийтанен роли Норы, по мнению критики, перерастало границы национального театра и представляло собой знаменательное явление. Актрису сравнивали с самой известной

исполнительницей этой роли Верой Комиссаржевской. Много лестных слов было сказано в адрес Дарьи Карповой, игравшей фру Линде, и Кууно Севандера, исполнителя роли Торвальда.

Будучи в совершенном восторге от этой работы, московские гости вместе с тем отмечали, что «актёры живут очень скверно. Художественный руководитель в бытовом отношении живёт хуже рядового артиста в Мурманске или Кировске».

Олонецкий период

Переезд театра в Олонец был вынужденным — в освобождённом, разгромленном Петрозаводске просто не было для него помещений. Театр продолжал оставаться бездомным, а себя актёры называли «цыганским табором». Деревенские условия совсем не подходили для нормального функционирования и творческого роста. Спектакли и концертные программы ставились на не приспособленной для этого на клубной сцене, не было декораций, костюмов, не хватало работников — творческого состава и в производственных цехах. Группа состояла из 18 артистов (по штату было положено 40), из них только шесть мужчин. Кроме того, культурная изолированность, удалённость от регионального центра исключала возможность общения с писательской и театральной интеллигенцией Петрозаводска, театру, по словам Суло Туорины, оставалось лишь «вариться в собственном соку».

Бытовые условия тоже, казалось, не способствовали творческим исканиям. Было очень трудно с жильём и питанием, актёры заводили огороды, меняли по деревням вещи на продукты. На гастроли по районам актёрам часто приходилось идти пешком, неся на себе декорации, костюмы и реквизит. Но наступивший мир вселял в людей надежду, творчество даже в непереносимых условиях было праздником.

В 1945 г., после возвращения Демидова в Москву, для руководства творческой работой театра была создана режиссёрская коллегия: Суло Туорины (и. о. художественного руководителя), Тойво Ланкинен и Валтер Суни. Этапным спектаклем первого послевоенного сезона в Олонце стала постановка комедии Теуво Паккалы «На сплавной реке». Режиссёр Валтер Суни, художник Фред Линдхольм, композитор Карл Раутио, хореограф Хельми Мальми вместе с актёрами создали феерический спектакль, очень полюбившийся зрителям и оставшийся в репертуаре театра на многие годы.

Всего в Олонецкий период (1944—1949) театром было поставлено свыше двадцати новых спектаклей, но если в первые два года в репертуаре преобладала

финская и русская классика (Минна Кант, Алексис Киви, Александр Островский), то с 1947 г. театру всё больше приходилось ставить переводные советские пьесы. Связано это было с разворачивавшимися в стране идеологическими кампаниями по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и космополитизмом.

Театральные космополиты

Идеологические кампании позднего сталинизма стали мощнейшей политизированной атакой государства на представителей интеллигенции различных творческих и научных профессий. Целью их было усиление идеологического контроля в обществе, которое в новых условиях должно было избавиться от возникших после войны, особенно в интеллигентской среде, прозападных симпатий. В Карело-Финской ССР главным объектом идеологических кампаний 1946—1953 гг. оказались национальные творческие коллективы, работавшие на финском языке.

В начале 1947 г. национальный театр был подвергнут резкой критике со стороны республиканских властей за «неуместное пристрастие к русской и зарубежной классике» и вынужден был подчиниться требованию изменить содержание репертуара так, чтобы «качественная советская драматургия» занимала в нем 60—70 %. Перевод на финский язык новой отечественной драматургии требовал времени и сил. Из пяти премьер 1947 г. два спектакля («За Камой-рекой» В. Тихонова и «День отдыха» В. Катаева) были поставлены на русском языке.

Усиление «советизации» репертуара должно было достигаться и за счёт включения в него пьес на местную тематику. Создание национальных пьес оказалось для местных драматургов очень сложной задачей: большинство произведений Управление по делам искусств забраковало из-за их малой художественности, примитивного сюжета, неправдоподобности и оторванности от жизни. В результате в 1947—1953 гг. на сцене Финского театра была поставлена только одна пьеса на карельскую тематику — «Огни Марикоски» Яакко Ругоева (1947 г.), рассказывавшая о восстановлении послевоенной деревни.

В 1948 г. Финский театр продолжил ставить современные пьесы на темы великого будущего великой страны, в которых уже появляется и обязательная в то время антиамериканская проблематика («Могучая сила» Б. Ромашова). При этом, сохраняя традиционную ориентацию на финскую классику, предлагает зрителю две других премьеры: «Семеро братьев» А. Киви и «Молодого мельника» М. Лассила. Советская драматургия занимала уже 70 % репертуара, что полностью соответствовало

требованиям, но теперь театр начинают критиковать за преобладание на сцене «низкопробных, малохудожественных, фальшивых пьес, искажающих образ советского человека». Собственно, это и предсказывали сопротивлявшиеся новой репертуарной политике карельские режиссёры: шаблонность, примитивность сюжетов многих современных отечественных пьес вели к падению интереса и оттоку зрителей. Снижение популярности театрального искусства стало в указанный период общей тенденцией для всей страны.

Сложной задачей для театров оказалось и требование властей сочетать в репертуаре патриотизм и интернационализм. Тема отношений с Финляндией всегда присутствовала на сцене театра, теперь она должна была высвечиваться сквозь призму национального и жизнеутверждающего «карело-финского» искусства. Критиковать соседнюю страну в новых условиях можно было лишь с большой долей осторожности, поэтому оставалось пропагандировать дух Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи СССР с Финляндией. В 1948 г. на сцене Финского театра был поставлен спектакль «Ветер с юга» по одноимённой повести Эльмара Грина. Прозрение финского батрака Эйнари Питкяниеми, всю жизнь гнувшего спину перед хозяином, олицетворяло собой пробуждение всех угнетённых народов капиталистического Запада, вдохновлённых примером народов СССР. В акте приёмки этого спектакля отмечалось, что «Россия — друг финского народа, и только она поможет ему в осуществлении его чаяний и надежд на переустройство социальных отношений в послевоенной Финляндии». Постановка имела большой общественный резонанс, посмотреть спектакль в Олонец приезжал народный артист СССР Николай Черкасов. Переводчик и режиссёр-постановщик пьесы Валтер Суни, актёры Елизавета Томберг и Тойво Ланкинен были удостоены Сталинской премии, Тойво Ромппайнен, исполнивший роль Эйнари Питкяниеми, получил звание народного артиста республики. Тема борьбы за мир и советско-финляндской дружбы раскрывалась и в пьесе Ульяса Викстрёма «Новые друзья» (1950 г.).

Произведения финляндских писателей оставались важной составляющей репертуара: в 1949 г. был поставлен «Куллерво» А. Киви, в 1951 г. «Воскресший из мёртвых» М. Лассила. Однако такая постановочная политика становилась всё более опасной.

В конце 1949 г. театр возвратился в Петрозаводск и разместился вместе с кукольным театром в бывшем доме крестьянина на ул. Гоголя. К этому времени проявления космополитизма были выявлены уже во многих творческих и научных

коллективах республики. Руководство национального театра было раскритиковано за увлечение произведениями финских писателей, чьё творчество «чуждо советскому зрителю по своему идейному содержанию».

В 1951 г. успешно прошли гастроли театра в Москве, где столичному зрителю, наряду с русской и советской классикой («Васса Железнова» М. Горького, «Беспокойная старость» Л. Рахманова), были показаны «Ветер с юга» Э. Грина, «Новые друзья» У. Викстрёма, «Семеро братьев» А. Киви и «На сплавной реке» Т. Паккалы. Каждый из спектаклей по произведениям финских авторов шёл по четыре раза, что составило половину всех гастрольных показов. Однако гастроли стали тем поворотным моментом, который резко активизировал политику властей в отношении театра. В статье «Правды», подводившей итоги гастролей, было раскритиковано отсутствие в программе постановок, рассказывающих о жизни самой Карелии, к критике подключились газета «Totuus» и журнал «На рубеже».

В 1952 г. последовал уже целый ряд специальных постановлений высших партийных органов республики, которые носили вполне «погромный» характер. Обвинения в адрес театра и финской классической драматургии высказывались порой самые нелепые, например, что такие пьесы, как «Куллерво», фактически «пропагандируют мистику самоубийства и идеи человеконенавистничества», а герои романа «Семеро братьев» были «родоначальниками шюцкоровского движения». Однако смена риторики была налицо — в адрес финноязычной творческой интеллигенции вновь звучали упреки в «финском буржуазном национализме».

Этот поворот не остался незамеченным и вызвал смятение среди финнов республики — в нём они увидели аналогии с событиями второй половины 1930-х гг. Финны всё чаще сталкивались с прямой дискриминацией по национальному признаку, такой, например, как проблемы с пропиской во время командировок или гастролей. Людям приходилось скрывать знание финского языка, который, по словам актрисы Дарьи Карповой, хоть и не был запрещён, но снова оказался «на положении репрессированного». В театре у одних нарастали антисоветские, эмиграционные настроения, другие, стараясь продемонстрировать свою лояльность властям, вступали в партию.

Страх усиливали и прямые репрессивные акции. На волне нараставшей антиамериканской кампании наличие в театре финнов-эмигрантов из США вызывало ещё большие подозрения у властей. В марте 1951 г. после спектакля «Новые друзья» прямо в театре был арестован Эйно Прюкя, приехавший в Карелию с родителями

из США в 1931 г. Во время войны молодого актёра, знавшего несколько языков (русский, финский, английский, шведский), использовали для выполнения разведывательных заданий в Финляндии, где он попал в плен. После заключения перемирия в 1944 г. Прюкя провёл два года в фильтрационном лагере для военнопленных, затем вернулся в театр. Коллеги-артисты вспоминали его как очень талантливого и яркого актёра, сыгравшего несколько главных ролей. Эйно Прюкя был обвинён в шпионаже («переход на сторону врага») и погиб в Воркутлаге во время восстания заключённых 1953 г.

Тем не менее некоторые ещё пытались сопротивляться нарастающему давлению. Известные в республике писатели Антти Тимонен и Ульяс Викстрём, подготовили письмо в редакцию газеты «Правда», назвав его «Против вульгаризации наследия прошлого». В нём авторы указывали, что, создавая образы «Куллерво» и «Семерых братьев», Алексис Киви был вдохновлён сюжетами карело-финского эпоса «Калевала», в которых герои выступали против рабства и угнетения, и в его пьесах воспеты труд, народ и светлые идеалы. Письмо было обсуждено на заседании бюро ЦК компартии республики в сентябре 1952 г. Авторов обвинили в некритическом отношении к культуре буржуазного государства и в «скатывании на позиции буржуазного национализма». Писателям были вынесены строгие выговоры по партийной линии, Антти Тимонен смещён с поста председателя Союза писателей Карелии.

Кульминацией кампании стал целый ряд мер руководства республики по изъятию из широкого обращения финской классической литературы, признанной враждебной и буржуазной: эти произведения исключили из программ всех учебных заведений, запретили упоминать в печати и радио. Финская классика из репертуара национального театра была снята, спектакли демонтированы. Произведения финляндских писателей, которые, по словам Суло Туорины, теперь приходилось «прятать за пазухой и читать под одеялом», вернулись в театр лишь в 1956 г.

Летом 1952 г. ЦК КП(б) КФССР было принято и специальное постановление по работе с кадрами. На руководящую работу в финских творческих коллективах выдвигаются «проверенные, выращенные в республике молодые национальные кадры, оправдавшие себя на практической работе». Руководителем Карело-Финского драматического театра был назначен Эско Кивиниеми, десять лет до этого проработавший в министерстве госбезопасности республики. Правда в кадровой политике 1952 г. были и некоторые позитивные моменты. Для подготовки актёров при Ленинградском государственном театральном институте была создана карело-финская

драматическая студия и к занятиям приступили 14 юношей и девушек из Карелии, в числе которых были Тойво Хайми, Паули Ринне, Вильям Халл, Эрна Берг, Пекка Микшиев, Синикка Мальми, Елена Корнилова, Иван Мехиляйнен, Айли Рагуева, Алла Вендонен и другие.

После этих событий кампания была тихо свёрнута, но жёсткий идеологический диктат власти ещё долго сдерживал творческие возможности театра.

Театр и оттепель

Десятилетие хрущёвской оттепели в стране (середина 1950-х — середина 1960-х гг.) стало для Государственного Финского драматического театра (так он стал называться после преобразования КФССР в КАССР в 1956 г.) ещё одним очень сложным периодом. В годы, когда страна избавлялась от тоталитаризма и сталинского наследия, выходила из международной изоляции и радостно шла навстречу либерализации политической и общественной жизни, свободе слова и творчества, театр оказался перед угрозой исчезновения.

Изменение политического статуса республики привело к тому, что финский язык последовательно исключался из общественно-политической и культурной жизни: оставшиеся национальные школы были переведены на русский язык обучения, ликвидировано финское отделение педучилища, закрыто финно-угорское отделение историко-филологического факультета Петрозаводского госуниверситета. Театр стремительно терял своего зрителя, понимавшего финский язык. Отток зрителей был обусловлен и старением труппы, а также творческим застоём — следствием разгрома рубежа 1940—1950-х гг. Театр отчаянно нуждался в молодых актёрах и режиссёрах, в новых режиссёрских подходах, в смелых, творческих задумках.

В 1957 г. труппа пополнилась большой группой молодёжи, выпускников ленинградской театральной студии. Но молодым актёрам ещё предстояло набирать мастерства, к тому же их финский язык был далёк от идеала, что сразу было отмечено прессой. Тем не менее декада карельского искусства в Москве в 1959 г. продемонстрировала, что театр возрождается. Зрители очень радушно принимали привезённую программу — премьеры 1958—1959 гг. «Сельские сапожники» А. Киви, «Егор Булычев» М. Горького, «Бессмертные звезды» А. Иванова, «Хозяйка леса» В. Бабич. Хороший приём рождал надежды на лучшее, по воспоминаниям одного из молодых актёров Вильяма Халла, все были вдохновлены работой.

Однако в 1961 г. театр снова оказался бездомным — обещанная реконструкция здания бывшего кинотеатра «Триумф» в срок так и не завершилась, и для труппы возобновляется «жизнь на колёсах». Как с горечью отмечал актёр Матти Любовин, «почти 50 лет советской власти, а нам предлагают рюкзаки на плечи и пешком по деревням». Спектакли шли на чужих площадках или на гастролях, в сезоне 1961—1962 гг. национальный театр дал всего одиннадцать спектаклей в Петрозаводске, в 1963 г. жители столицы Карелии не увидели ни одной его постановки.

Всё это усугубляло всегда существовавшие экономические проблемы, и в глазах власти театр становился нерентабельным. В 1962 г. государственная дотация театру была сокращена на четверть, а год спустя и вовсе образована Объединённая дирекция театров, в результате чего большой Музыкально-драматический театр фактически поглотил национальный. Труппа продолжала готовить спектакли (восемь премьер в 1963—1964 гг.), однако разговоры о том, что театр не нужен республике, не лучшим образом сказывались на творческой атмосфере и на настроениях актёров. Люди не видели перспективы, многие в результате объединения театров оставались без работы по несколько месяцев.

И всё же театр боролся. Актёры при поддержке Союза писателей Карелии в январе 1964 г. подготовили открытое письмо «Что случилось с нашим театром?» и обратились за помощью в Министерство культуры РСФСР. В Москву была отправлена делегация во главе с первой в республике народной артисткой СССР Елизаветой Томберг. Вскоре из столицы пришёл приказ о разделении театров.

В конце 1964 г. коллектив Финского драматического театра получил отремонтированное по проекту известного архитектора Саввы Бродского современное здание. У театра наконец появился свой дом с удобным зрительным залом, по-современному оборудованной сценой, красивым фойе, и начинается новый период в его творческой жизни. Изменению отношения к театру со стороны республиканского руководства во многом способствовало развитие его творческих связей с Финляндией. Как позже вспоминала актриса Елена Корнилова, успехи Финского драматического театра в соседней стране «заставили местные власти поддерживать его».

Расширение горизонтов

Пришедшая наконец и в театр «оттепель» рождала новые надежды. 1960-е гг. стали очень содержательным и значимым этапом для последующей деятельности театра. Именно тогда театр окончательно занял свою нишу в театральной культуре Карелии,

отстояв своё право на жизнь и творчество. А главное — театр выходил из внутренней изоляции, обретал нового взыскательного зрителя за рубежами СССР, знакомился с новыми школами художественного мастерства.

В 1962 г. было создано Карельское отделение общества «СССР—Финляндия», которое проводило большую работу по укреплению культурных контактов между двумя странами. Расширение этих контактов придало новый импульс для творческого роста театра. Многие актёры и режиссёры получили возможность завязать дружеские контакты с коллегами из Финляндии. Правда, свои первые «зарубежные» гастролы театр начал не с Финляндии, а с Эстонии. Эти гастролы в 1962 и 1964 гг. стали для актёров настоящим откровением, глотком свежего воздуха. Театр принимали «на ура», несколько спектаклей передавались эстонским телевидением специально для Финляндии, появились статьи о труппе в финской и шведской прессе.

С 1965 г. театр стал регулярно выезжать на гастролы в Финляндию. Финны с удивлением открыли для себя сильный, с собственной школой, культурой и почерком финноязычный театр из русского Петрозаводска. Гастролы оправдали себя и творчески, и экономически — аншлаги на спектакли в Финляндии вернули в театр петрозаводскую публику, он начал приносить доход.

Новые творческие горизонты открывало и сотрудничество с известными режиссёрами из Москвы, Ленинграда, Таллина, Хельсинки, которые очень многое дали театру. С постоянными аншлагами шёл спектакль «Четвёртый позвонок, или мошенник поневоле» Мартти Ларни, поставленный в 1965 г. ленинградским режиссёром Наумом Лившицем. С труппой работали Леонид Хейфец (Москва), Эпп Кайдун (Эстония), Курт Нуотио и Сакари Пуурунен (Финляндия). Совершенствовались своё мастерство и петрозаводские режиссёры Тойво Ланкинён, Тойво Хайми, ставя спектакли в театрах Финляндии.

Репертуар театра 1960—1970-х гг. успешно сочетал в себе спектакли разных авторов, стилей и жанров, в нём гармонично уживались русская и зарубежная классика, советские пьесы на современные темы, пьесы драматургов Финляндии и местных авторов. Конечно, репертуарная политика продолжала контролироваться властями, но уже не было прежней удушливой атмосферы запретов, больше внимания уделялось художественному уровню спектаклей, что помогало высоко держать планку профессионального искусства.

Одним из знаковых спектаклей того времени стала постановка Тойво Хайми «Примешь ли меня земля карельская» по роману Антти Тимонена «Мы — карелы».

Премьера состоялась в апреле 1969 г. и вызвала восторг как карельской, так и финляндской публики, куда театр привёз спектакль в 1971 г. Более 30 газет Финляндии опубликовали отклики на спектакль, никогда раньше пресса так активно не реагировала на выступления театра хотя эти гастроли были четвёртыми и каждый раз успех сопутствовал труппе в переполненных залах. Особо отмечали мастерство режиссёра Тойво Хайми и игру актёров Елизаветы Томберг, Петра Микшиева, Виено Кеттунен, Юрьё Хумппи, Паули Ринне, Вилле Ахвонена. В 1972 г. Антти Тимонен, Тойво Хайми, Елизавета Томберг и Пекка Микшиев были удостоены Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского в области театрального искусства.

Театр оставался верен и своей любви к ярким комедийным музыкальным постановкам, которые особенно любили зрители. Своеобразной визитной карточкой труппы оставался спектакль «На сплавной реке» Теуво Паккалы — новые постановки в 1961 г. (режиссёр Валтер Суни) и в 1978 г. (режиссёр Паули Ринне). Неслучайно в октябре 1960 г. в театре родился знаменитый впоследствии вокальный ансамбль «Манок». Названный так по первым слогам имени и фамилии его руководителя Марлена Нокелайнена, он состоял из актёров Орво Бьёрнинена, Паули Ринне, Петра Микшиева, Вильяма Халла, Аарни Ромппайнена и Вильё Ахвонена. Пели в нём затем и Андро Лехмус (руководитель после гибели Нокелайнена в 1965 г.), Энсио Венто, Вильё Веса, Лео Нярья и Николай Самсонов (единственный русский в ансамбле). Визитной карточкой «Манка» было красивое многоголосие, интересные, сложные гармонии и оригинальное сценическое решение песен, когда каждая из них превращалась в мини-спектакль.

Традиционным стало и обращение к «Калевале». В 1965 г. на сцену театра выходит новый Куллерво, отличный от главного персонажа постановок 1930—1940-х гг. — он более современен, более открыт для общества и начинает задавать ему свои вопросы с социально-политическим подтекстом, поднимает злободневные проблемы для людей того времени («Куллерво» Юхани Хейкки Эркко, режиссёр Тойво Хайми). «Калевала», поставленная в 1974 г. финским режиссёром Куртом Нуотио, тоже вызвала огромную прессу и хвалебные отклики зрителей. Спектакль показывался в Москве, Финляндии, Швеции, зрителям очень понравился замысел режиссёра очеловечить героев эпоса, сократив «эпическую дистанцию» с тем, чтобы показать живую связь его современников с поэзией «Калевалы».

В эти годы в театре постепенно происходило обновление труппы. На смену яркому послевоенному поколению — Тойво Ланкинен, Юрьё Хумппи, Вальтер Суни,

Суло Туорила, Генри Роутту, Кууно и Лиза Севандер, Эмма Хиппелайнен, Матвей Любовин, Хельми Мальми, Санни Бочарникова, Ирья Такала — пришла не менее яркая и талантливая молодёжь, окончившая студию при театре: Нелли Копетун, Аня Мюллюля, Райли Коскела, Лидия Сюкияйнен, Катри Ряйкёнен, Михаил Зелинский, Александр Лайне, Паули Ваклин, Лео Нярья, Виола Пекканен, Эйли Хидман, Юкка Хакана.

В 1966—1974 гг. главным режиссёром финского театра был Тойво Хайми, с 1974 по 1991 г. — Паули Ринне.

Hic Rhodus, hic salta

Годы перестройки, лихие постсоветские 1990-е и начало 2000-х несли с собой новые падения и взлёты.

В 1982 г. театр был награждён орденом Дружбы народов за заслуги в развитии советского театрального искусства. Свой 50-летний юбилей он отпраздновал постановкой «Кантелетар», режиссёры Пааво Лиски (Финляндия) и Паули Ринне, музыка Парони Паакунанен, художник Т. Юфа, хореография В. Мальми.

Однако кризис театрального искусства, начавшийся в стране в 1980-е гг. и обусловленный множеством причин (ужесточение администрирования в сфере искусства, старение актёрских коллективов, конкуренция со стороны телевидения) в полной мере коснулся и национального театра Карелии. Газеты тех лет писали, что Петрозаводск утрачивает славу театрального города. На вечерних спектаклях залы нередко заполнялись лишь наполовину, а с гастрольными спектаклями вообще была беда: в феврале 1982 г. на спектакль финского театра в Лахденпохье пришло 48 человек, в Коткозере — 26, в Олонце — 24, а в Мегреге спектакль пришлось отменить из-за отсутствия зрителей.

Вновь обострились прежние проблемы: с финским языком у актёров, который критика называла «петрозаводским финским», с актёрскими и режиссёрскими кадрами, с поиском репертуара. Труппа ставила по пять—шесть премьер в год, критики по-прежнему отмечали высокую исполнительскую культуру актёров, особую внутреннюю творческую атмосферу театра, но ярких спектаклей становилось всё меньше. Тем сильнее запомнился зрителям спектакль 1986 г. «Кабаре» в постановке Андрея Андреева. В нём была занята почти вся труппа, первые 15 представлений шли с аншлагом. Особо зрители и критики выделяли актёрские работы П. Ринне, Л. Сюкияйнен, П. Микшиева, К. Ряйкёнен.

С конца 1980-х гг. театр всё чаще обращался к драматургии малой сцены, ставя камерные спектакли на несколько исполнителей. Зрителям перемены нравились, но это привело к раздорам в труппе из-за неравномерной занятости в спектаклях.

В 1989 г. состоялся выпуск национальной студии в ЛГИТМИКе (мастерская Андрея Андреева). Шесть её выпускников стали актёрами театра: Лариса Трифонова, Сергей Пронин, Вероника Микконен, Ирина Тере, Евгений и Аня Хаукка.

События 1990-х гг. снова привели театр на грань закрытия. Программа репатриации ингерманландцев увела большую часть труппы и зрителей в Финляндию. В 1991 г. уехал в Йёнсуу главный режиссёр Паули Ринне, на протяжении десятилетия театр покинуло около двадцати актёров: Райли Коскела, Виола Пекканен, Катри Ряйккёнен, Орво Бьёрнинен, Вильям Халл, Аня и Паули Ваклин, Вильё Ахвонен и многие другие. В какой-то момент в труппе оставалось всего восемь актёров. «Ovatko näyttelijät loppuneet Petroskoissa?» — спрашивала газета Helsingin Sanomat в октябре 1994 г.

Экономический кризис и резкое сокращение финансирования сферы культуры усугубляли ситуацию. Начавшаяся в 1995 г. реконструкция здания театра затянулась на восемь лет. Скитания по чужим площадкам, невыплата заработной платы доводили актёров до забастовок. Огромная заслуга в том, что театр вообще не закрылся в эти годы принадлежит его директору Эдвину Алатало (1981—1997) и главному режиссёру Леониду Владимирову (1993—2003).

В конце 1990-х гг. театр работал на малой сцене в камерном жанре, в котором раскрывались новые возможности режиссёров, актёров, художников-декораторов. Вновь началась серьёзная подготовка кадров: в 1997 г. при Петрозаводской государственной консерватории открылась студия Национального театра, художественным руководителем которой стал Арвид Зеланд (директор театра в 1997—2004 гг.).

Об очередном возрождении обновлённого театра свидетельствовало то, что всё больше спектаклей получают премии на престижных международных театральных фестивалях. Лауреатом международного фестиваля финно-угорских театров «Майатул» в Йошкар-Оле в 1997 г. стал спектакль «Где твой дом, Ангел» по пьесе карельского драматурга Раисы Мустонен в постановке Владимирова. На международном фестивале камерных театров «Ламбушка» высоко были оценены постановки «Играем Стриндберга» (2000 г., режиссёр А. Андреев) и «Старосветские помещики» (2002 г., Владимир Золотарь получил приз за лучшую режиссуру). Премиями «Сампо» и «Онежская маска» в 1999—2002 гг. были отмечены спектакли «Осень и зима» (1999 г.,

режиссёр А. Красавин), «Забавы доктора Ариэля» (2001 г., режиссёр Виктор Тереля) «Опасные связи» (2002 г., режиссёр А. Андреев), а также актёры Л. Сюкияйнен и П. Микшиев (2000 г.).

Подрастала талантливая молодёжь: спектакль студии театра «Нискавуори» по пьесе Х. Вуолийоки получил премию «Онежская маска» как лучший спектакль сезона 1999—2000 гг. и за лучшую режиссуру (режиссёр Андрей Андреев), диплом международного фестиваля «Ламбушка—2000» и стал участником целого ряда международных фестивалей театральных школ. Исполнители главных ролей в этом спектакле, учащиеся студии Элли Нярья и Евгений Терских стали лауреатами премии правительства РК «Сампо» за 2001 г.

В июне 2003 г. премьерным спектаклем «Нуммифарс» по комедии Алексиса Киви «Сапожники Нумми» (режиссёр Владимир Золотарь) открылась Большая сцена театра, оснащённая самым современным оборудованием. Начиналась новая страница в истории Национального театра.

Источники

Архивы:

Национальный архив Республики Карелия:

Ф. П-3. Карельский реском Компартии РСФСР (1921—1991).

Ф. П-8. ЦК Компартии КФССР (1940—1956).

Ф. П-447. Партийная организация Финского драматического театра (1936—1987).

Ф. Р-243. Колосенок С. В., председатель Комитета по делам искусств КФССР, заместитель министра культуры КАССР (1929—1990 гг.).

Ф. Р-630. Министерство образования РК (1923—1996).

Ф. Р-2150. Управление по делам искусств при СМ КФССР (1938—1953 гг.).

Ф. Р-2994. Министерство культуры КФССР (1953—1956 гг.).

Ф. Р-3017. Министерство культуры и по связям с общественностью РК (1955—2007).

Ф. Р-3065 Государственный Национальный театр (1940—1994 гг.)

Ф. Р-3621. Хайми Т. С., замминистра культуры, заслуженный деятель искусств КАССР. (1939—1981).

Музей Государственного Национального театра Республики Карелия.

Интервью:

Интервью И. А. Спажевой с Е. П. Корниловой. 2011. 7 февраля.

Опубликованные источники:

Алатало, Э. Гастроли с сюрпризом : Беседа с директором Национального театра Карелии по поводу поездки театра на фестиваль театров финно-угор.народов в г. Нурмес (Финляндия) / Э. Алатало ; Е. Полуйко // Северный курьер. — 1996. — 19 июля.

Алатало, Э. Мыслей много, денег нет : Интервью с директором Национального театра Карелии / Э. Алатало ; Е. Озерова // Северный курьер. — 1996. — 4 октября.

Власть и художественная интеллигенция : документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917—1953 / сост., вступ. ст., примеч. А. Н. Артизова, О. В. Наумова. — Москва : Международный фонд «Демократия», 2002. — 868 с. — (Россия. XX век : Документы).

Луначарский, А. В. Театр и революция / А. В. Луначарский // *Луначарский А. В.* Собрание сочинений. — Москва : Художественная литература, 1964. — Т. 3. — С. 80—105.

Николай Демидов о спектакле «Кукольный дом» и новой душевной технике творчества на сцене // Архив Н. В. Демидова (1884—1953). — Вып. 5 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.theatre.spb.ru/newdrama/bibl/demidov/demidov7.htm>. — (25.10.2017).

Хайми, Т. Перед открытием занавеса : связь времён Т. Хайми // Ленинская правда. — 1974. — 11 октября.

Халл, В. По тропинкам памяти / В. Халл. — [Петрозаводск] : Национальный театр Республики Карелия, 2009. — 578 с.

«Я органически слился с театром...»: в сентябре прошлого года исполнилось 105 лет со дня рождения основателя Национального театра Карелии Р. Я. Нюстрема... / публ. подгот. Т. Петрова // Карелия. — 2004. — 4 ноября.

Hall, W. Päiväkirjat [Электронный ресурс] / W. Hall. — URL: http://www.juminkeko.fi/william_hall/. — (08.07.2017).

Tuorila, S. Matkan varrelta : muistelmia / S. Tuorila. — Petroskoi : Karjalakustantamo, 1976. — 142 s.

Литература

Вавулинская, Л. И. Культурные связи между Карелией и Финляндией в 1950—1970-е годы Л. И. Вавулинская // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2009. — С. 322—337.

Вавулинская, Л. И. Театр и цензура в Карелии в послевоенные годы / Л. И. Вавулинская // Цензура в России : история и современность: сборник научных трудов. — Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2005. — Вып. 2. — С. 150—157.

Виртаранта, П. Этюды о карельской культуре: люди и судьбы / П. Виртаранта. — Петрозаводск: Карелия, 1992. — 287 с.

Витива, Н. Театр, который выжил / Н. Витива // Карельская губерния. — 2002. — 23 октября.

Дмитриевский, В. Н. Театр и зрители: отечественный театр в системе отношений сцены и публики / В. Н. Дмитриевский. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2013. — Ч. 2. Советский театр, 1917—1991. — 695 с.

История Карелии с древнейших времён до наших дней / / Ю. А. Савватеев, А. Ю. Жуков, М. В. Пулькин и др.; под общ. ред. Н. А. Кораблева и др. — Петрозаводск: Периодика, 2001. — 943 с.

Крохина, Е. Крона и корни: Национальному театру Карелии — 60 лет / Е. Крохина // Северный курьер. — 1992. — 22 октября.

Крылова, Н. Героиня с характером / С. Бочарникова (Петрозаводск) / Н. Крылова // Страстной бульвар, 10. — 2010. — № 3-133 [Электронный ресурс]. — URL: <http://strast10.ru/node/1375>. — (25.10.2017).

Крылова, Н. Первая из вторых / Ирья Такала (Петрозаводск) / Н. Крылова // Страстной бульвар, 10. — 2011. — № 5-135 [Электронный ресурс]. — URL: <http://strast10.ru/node/1508>. — (25.10.2017).

Крылова, Н. Для неё не было границ / Эмма Хиппеляйнен (Петрозаводск) / Н. Крылова // Страстной бульвар, 10. — 2011. — № 10-140 [Электронный ресурс]. — URL: <http://strast10.ru/node/1826>. — (25.10.2017).

Никитин, П. Е. Театр края Калевалы: творческий путь Государственного ордена Дружбы народов финского драматического театра / П. Е. Никитин. — Петрозаводск: Карелия, 1985. — 158 с.

Никитин, П. Е. Судьба нашей студии / П. Е. Никитин // Сценическая педагогика: сб. научных трудов. — Ленинград: ЛГИТМИК, 1988. — Вып. 3. Национальные студии ЛГИТМИК. — С. 77—82.

Никитина, И. А. Судьба Рагнара Нюстрёма / И. А. Никитина // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа — Russia and Northern Europe: Facets of cooperation: сборник научных статей. — Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2012. — С. 343—357.

Никитина, И. А. «Карельские космополиты»: Государственный Карело-Финский драматический театр в 1946—1953 годах / И. А. Никитина, И. Р. Такала // Труды Карельского научного центра РАН. — 2014. — № 3. — С. 125—133.

Севандер, М. Скитальцы: о судьбах американских финнов в Карелии / М. Севандер. — Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2006. — 186 с.

Суутари, П. Музыка в жизни финских иммигрантов в Карелии / П. Суутари // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2009. — С. 232—250.

Такала, И. Р. Финский язык в России: история и судьба / И. Р. Такала. — Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2010. — 30 с.

Такала, И. Р. Финны-иммигранты в России XX в. / И. Р. Такала // Русский Сборник : исследования по истории России. — Москва : Модест Колеров, 2015. — Т. XVII. Финляндия и Россия. — С. 272—311.

Филимончик, С. Н. Театральная жизнь Карелии в 1918 — начале 1920-х годов / С. Н. Филимончик // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. — 2015. — № 7 (152). — С. 12—20.

Филимончик, С. Н. Театр в общественной жизни Карелии в 1930-е годы / С. Н. Филимончик // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. — Тамбов, 2015. — № 11 (61). — Ч. III. — С. 174—179.

Херсонский, Х. Правда жизни — прежде всего (к гастролям Карело-Финского театра в Москве) / Х. Херсонский // На рубеже. — 1951. — № 10. — С. 62—68.

Шорохова, И. В. «Стирание национальных особенностей» в театральном искусстве Карелии в 1950-е — начале 1960-х годов (на примере работы Финского драматического театра) / И. В. Шорохова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. — 2014. — № 5 (142). — С. 18—22.

Golubev, A. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s / A. Golubev, I. Takala. — East Lansing (MI) : Michigan State University Press, 2014. — 254 p.

Hyytiä, O. Karjalais-Suomalainen Neuvostotasavalta, 1940—1956 — Kansallinen tasavalta? / O. Hyytiä. — Helsinki : SHS, 1999. — 210 s.

Lahti-Argutina, E. Olimme joukko vieras vaan : Venäjänsuomalaiset vainouhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun / E. Lahti-Argutina. — Turku : Siirtolaisuusinstituutti, 2001. — 651 s.

Nikitin, P. Vallankumouksen synnyttämä teatteri / P. Nikitin. — Petroskoi : Karjala, 1989. — 104 s.

Rislakki, J. Vorkuta! Vankileirin kapina ja sen suomalainen johtohahmo / J. Rislakki. — Helsinki : WSOY, 2013. — 416 s.

Sevander, M. Red Exodus : Finnish-American Emigration to Russia / M. Sevander. — Duluth : OSCAT, 1993. — VII, 232 p.

Takala, I. The Great Purge / I. Takala // Victims and Survivors of Karelia : Special Double Issue of Journal of Finnish Studies. — 2011. — Vol. 15, issues 1 & 2. — P. 152—166.

Ylikangas, M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917—1940 / M. Ylikangas. — Helsinki : Kikimora Publications, 2004. — 493 s.

**ПИСЬМА РАГНАРА НЮСТРЁМА:
ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ
КАРЕЛИИ**

**THE LETTERS OF RAGNAR NYSTRÖM:
DOCUMENTS FROM THE NATIONAL ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF
KARELIA**

Национальный архив Республики Карелия хранит комплекс документов, отражающих историю становления Национального театра Республики Карелия. В этом выпуске мы публикуем четыре письма первого художественного руководителя и главного режиссёра театра Рагнара Нюстрёма (1898—1938). Написанные в 1925, 1932 и 1937 гг., они погружают читателя в атмосферу довоенного советского общества, рассказывая, в каких условиях создавался театр, и какая судьба была уготована его создателю.

Первое письмо Нюстрёма написано в ноябре 1925 г. и посвящено предложениям по созданию в Петрозаводске финноязычной театральной труппы. Письмо на финском языке, перевод, современный оригиналу документа, выполнил А. А. Виролайнен, инструктор по ликвидации безграмотности Карполитпросвета Наркомпроса АКССР. Заведующий Карелполитпросвета А. А. Черных распорядился препроводить это письмо главному режиссеру театра драмы «Триумф» Б. А. Бертельсу, который идею всецело поддержал.

Следующий документ — письмо от 26 марта 1932 г. первому секретарю Карельского обкома ВКП(б) АКССР Г. С. Ровио о бедственном положении Карельского драматического техникума, возникшем из-за недостаточного и несвоевременного финансирования. Перевод письма, современный оригиналу, выполнил руководитель группы учета и статистики Наркомпроса П. А. Талонпойка. Заместитель наркома просвещения АКССР М. А. Ильинский предоставил Г. С. Ровио разъяснения относительно сложившейся ситуации и предложил перевести техникум с ежемесячного на ежеквартальное финансирование.

Последние два письма написаны в один день — 13 октября 1937 г., после исключения Нюстрёма из партии. Адресованы они и. о. первого секретаря Карельского обкома ВКП(б) Н. И. Иванову и председателю Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР П. М. Керженцеву. Эти документы ранее частично публиковались в статье сотрудника Карельского государственного архива новейшей истории Т. Н. Петровой¹, но мы посчитали нужным представить их целиком, без купюр.

Все обращения режиссёра остались без ответа. На первом письме имеется резолюция Н. И. Иванова от 17 ноября 1937 г. для заведующей отделом школ и культпросветработы Карельского областного комитета ВКП(б) Е. Т. Золиной:

¹ «Я органически слился с театром...»: В сентябре прошлого года исполнилось 105 лет со дня рождения основателя Национального театра Карелии Р. Я. Нюстрёма... / публ. подгот. Т. Петрова // Карелия. 2004. 4 ноября. № 124.

«Проверить, насколько действительно правильными являются обвинения, выдвинутые против Р. Я. Нюстрёма и решить вопрос о его работе», и помета Е. Т. Золиной о том, что Нюстрём репрессирован органами НКВД 19 ноября 1937 г.² 21 октября 1937 г. Петрозаводский горком ВКП(б) утвердил решение собрания первичной партийной организации об исключении Р. Я. Нюстрёма из партии «как буржуазного националиста».

При археографической обработке стиль документов сохранен полностью, а текст приводится в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Явные опечатки исправлены без оговорок. Пропущенные в тексте и дополненные по содержанию части слов, ясные по смыслу, взяты в квадратные скобки. Авторские особенности стиля сохраняются в публикуемом тексте без изменения с оговоркой в подстрочных примечаниях «Так в документе».

Все документы снабжены легендами — контрольно-справочными сведениями о месте нахождения документа и указанием на его подлинность.

Публикацию подготовила ведущий архивист отдела использования и публикации документов В. Г. Стирина.

№ 1

Письмо Р. Я. Нюстрёма в Наркомат народного просвещения АКССР о возможности развертывания финской театральной работы в Петрозаводске в 1926 г.

23 ноября 1925 г.

1. Смотри на немногочисленное наличие в данный момент в Петрозаводске финских драматических сил, которые к тому же все заняты на других отраслях работы, остается возможным только прикрепление небольшой финской драматической группы к театру на зимний сезон 1926 года, при условиях:

а) что администрация театра позаботится о всем, что касается технической работы, как о постановке на сцену и необходимых на это принадлежностей, и

б) чтобы этой финской группе представили бы, в свободное для них время, возможность проводить репетиции.

ПРИМЕЧАНИЕ³: если это окажется невозможным осуществить на сцене театра, то необходимо подыскать другое соответствующее помещение.

2. При наилучших условиях, эта группа могла бы готовить⁴ по одной пьесе в месяц.

² В документе резолюции Иванова и Золиной датированы именно ноябрём, хотя Нюстрём был арестован 20 октября 1937 г. Приговор Тройкой НКВД КАССР (десять лет ИТЛ) был вынесен ему 20 ноября 1937 г.

³ Примечание автора документа.

3. По отношению к будущности было бы необходимо администрации театра и другим органам, заинтересованным в этом вопросе, вовремя приступить к проведению следующих мероприятий:

а) Разузнавать⁵ и пригласить из Америки или из Финляндии талантливого финского режиссера (может быть, кто-нибудь из режиссеров рабочего театра согласился бы работать у нас в Карелии). Или командировать кого-нибудь из более выдающихся местных артистов в одно из художественных учреждений СССР, подготавливая⁶ таким образом руководителя из своей среды.

б) Вслед за этим можно бы из Комсомола, школы и др. собрать при театре группу карельских юношей и девушек, организовав для них финскую студию.

Только эта, таким образом собранная и воспитанная группа дает АКССР уверенность в своем основном драматическом ядре.

Ю.Р. Нюстрем⁷

Перевод с подлинным верен (Виролайнен)

НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 26/222. Л. 32. Отпуск. Машинопись. Перевод с фин. яз., современный подлиннику.

№ 2

Письмо Р. Я. Нюстрема, А. Сиестонена, Э. Г. Юнтунена первому секретарю Карельского обкома ВКП(б) АКССР Г. С. Ровио о недостаточном финансировании Карельского драматического техникума

г. Ленинград. 26 марта 1932 г.

Дорогой товарищ. Фракция ВКП (б) Кар[ельского] Драмтехникума обращается к Вам в следующем вопросе: систематически, начиная с 1930 года, работу техникума и подготовку драмкадров тормозил⁸ то халатное отношение НКП⁹ к финансированию¹⁰ техникума, которую он проводит по отношению к техникуму¹¹.

⁴ Так в документе.

⁵ Так в документе.

⁶ Так в документе.

⁷ Инициалы Нюстрема переведены как «Ю. Р.», хотя в финском оригинале письмо подписано «J. R. Nyström» (полное имя — Jaakko Ragnar Nyström).

⁸ Так в документе.

⁹ Народный комиссариат просвещения.

¹⁰ Так в документе.

¹¹ Так в документе.

Несмотря на те тревоги, которую¹² бил и техникум, и обслед[овательные] бригады, положение несколько не улучшилось, а наоборот, из месяца в месяц ухудшается.

Основной недостаток в следующем — *техникум на 1931 год совершенно не получил из НКП смету расходов*¹³, и всю работу должен был строить на суммы, самотеком посланные в техникум. Это не мог¹⁴ не влиять на всю работу техникума. Несмотря на то, что техникум уже в октябре 1931 г. выслал смету на 1932 год для утверждения, и на этот не имеет утвержденную смету. Деньги стали опять поступать самотеком. Первую сумму получили в конце янв[аря] м[есяца], которая была совершенно нереальна, т. к. уже 1/II пришлось 4 агитбригады выслать на л[есо]заготовки в Карелию. В феврале получили дополнительно маленьк[ую] сумму на покрытие янв[арских] расходов. Уч[ащие]ся возвратились 10/III. 11/III начались занятия. Уч[ащие]ся жили уже без стипендии 2 месяца и учителя работали без расплаты уже 2 м[есяца]. Сегодня 26/III — еще не получили февральских денег. Сегодня двери школы закрыты, потому-что уч[ащие]ся живут не евшими 8—5 дней и не могут сидеть на уроках, заниматься не только физическим, но и умственным трудом.

Ежедневно поступают заявления от уч[ащих]ся, которые хотят покинуть техникум *из-за голод*¹⁵. Нельзя больше терпеть, если улучшения не будет, которую¹⁶ все обещают. Заявления начинают поступать уже от самых крепких учащихся.

Писали в НКП, телеграфировали, но все впустую. Предлагали, чтобы стали финансировать поквартально, чтобы нам выслали утвержденную смету на каждый квартал, чтобы могли расходы планировать, как это требуют советские законы. К ничему там не приступили¹⁷.

Положение говорит о недопустимой халатности, если можно выразить¹⁸ *о вредительстве*.

Тов. Ровио, просим твоего содействия о немедленном изжитии такого положения и тех, кто в этом виновны, *привлечения к суровой ответственности*.

Когда вопрос будут расследовать, техникум может дать конкретного материала¹⁹ с 1930 г. У нас имеются копии о тревогах, отчетах и телеграмм[ы].

¹² Так в документе.

¹³ Здесь и далее выделен курсивом текст, подчеркнутый автором документа.

¹⁴ Так в документе.

¹⁵ Так в документе.

¹⁶ Так в документе.

¹⁷ Так в документе.

¹⁸ Так в документе.

¹⁹ Так в документе.

У нас имеются справки о том, что бухгалтерия НКП в ужасном положении и не отвечает никаким требованиям. Вообще финансовый аппарат НКП надо сделать таким, чтобы оно отвечало²⁰ требованиям.

Р. Нюстрем
А. Сиестонен²¹
Е. Юнтунен²²

НА РК. Ф. П-69. Оп.1. Д. 55. Л. 99—100. Подлинник. Машинопись. Перевод с фин. яз., современный подлиннику.

№3

Письмо Р. Я. Нюстрема и.о. первого секретаря Карельского обкома ВКП(б) Н. И. Иванову о пересмотре вопроса исключения из партии и о восстановлении на работе

13 октября 1937 г.

Уважаемый товарищ!

Обращаюсь к Вам как к единственному человеку, которому могу довериться, как представителю большевицкой правды и законности в Карелии. Прошу Вас пожертвовать частичку Вашего времени для моего дела.

Как известно, партийная организация Карелии за последние 15 лет так глубоко замаралась под руководством националистов и других грязных элементов, что только некоторые из членов Карельской организации смогут вычистить себя через глубоко идейную, большевицкую самокритику.

Также в данное время в Карелии мало таких людей, которые смеют дать реабилитирующий отзыв о запачканном в грязь человеку, тем более, он по национальности финн.

Настоящая самокритика и глубокая, большевицкая самокритика превращена в отношении меня в общие, поверхностные обвинения и в грязную травлю. Изгоняя меня

²⁰ Так в документе.

²¹ Вероятно, Сиестонен Андрей Исаакович — инструктор Окружного комитета ВКП(б). На момент смерти проживал в г. Сестрорецке Ленинградской области. Расстрелян 27 января 1938 г. — по данным сайта «Жертвы политического террора в СССР»: Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/index18.htm> (21.12.2017).

²² Юнтунен Эйно Генрихович — преподаватель в Карельском драмтехникуме, в дальнейшем артист театра. Арестован 22 января 1938 г., расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1958 г.

из собрания, отняли у меня даже право защищаться. Итогом такой «проверки» чувствую себя совершенно терроризированным. Не понимаю ничего. По-моему, такая практика проверки человека не отвечает целям партии. Такая проверка образуется орудием в руках классового врага.

Меня исключили из партии, из союза и сняли с работы. Основным мотивом исключения мне сказали то, что я работал четырнадцать лет для создания Карельского Гос[ударственного] Национального театра, и который работал на финском языке. Это служило для некоторых людей достаточным основанием, чтобы заклеить меня националистом и назвать сквозную линию театра националистической.

Других мотивов мне не предъявили, не считая некоторых ошибок 1933—34 гг. и которые я сам тогда обнаружил и которых не возобновлял (речь идет о маленьких пьесках Л. Луото и пьесе Я. Виртанен и Л. Луото «Мальбрук в поход собрался»).

В общей травле надо мною меня обвиняют в «бытовом разложении», бросают грязную ложь об моих якобы отношениях к девушкам, моим ученицам и т. д.

Даже маленькое серьезное обследование обнаружило бы ложь этих обвинений. Каждый меня ближе знающий человек может подтвердить, что я в течение 10 лет пару раз пил спиртные напитки и мое отношение к женщине ни в какой мере не шло против советской этики.

Должен сказать, что мне лично не предъявлено никакого конкретно обоснованного обвинения, хотя фактически я уже осужден и несу наказание.

Нужно отметить, что мои основные «судьи» (инструктор Романа, Бордюг, Полепа²³) совершенно не знают моей работы (из горкома и обкома только редкие люди смотрели спектакли, поставленные под моим художественным руководством.) Эти граждане намеренно искажают каждый положительный факт.

Надо знать театр, его художественную и общественную работу, его хорошие и плохие стороны, прежде чем осудить меня, ее основателя и худож[ественного] руководителя.

До сих пор в печати Карелии, Ленинграда и Москвы были только положительные отзывы о театре и его работе, об идейной и политической направленности. Не было ни одного сигнала о том, в чем меня теперь обвиняют мои теперешние обвинители, которые не знают специфики моего театра.

²³ Романа Тобиас Эммануилович, инструктор отдела школ и культурно-просветительной работы Карельского Обкома ВКП(б) и Полепа — участники общего закрытого собрания первичной парторганизации Дома народного творчества 20 сентября 1937 г. Бордюг Иван Кириллович — начальник Управления по делам искусств при СНК АКССР. Освобожден от занимаемой должности 17 ноября 1937 г. «как не справившийся с работой».

Нужно отметить, что мой ближайший начальник Бордюг старается с помощью своих подхалимов свести свои ошибки и беспомощность на мою шею. Он делает все возможное, чтобы свести внимание людей от себя на меня и не гнушается никакой провокацией.

Этим людям недостаточно того, что из-за их полного равнодушия в отношении театра он был принужден работать без всякой помощи в полном смысле слова. Театр выполнял большую работу в таких плохих творческих и материальных условиях, как ни один художеств[енный] организм в Советском Союзе. Несмотря на это у театра есть достижения, которые кажутся изумительными в этих условиях, по определению знатоков театра (из Ленинграда, Москвы).

Бордюг и другие меня чистившие хотят обратить в ничто мои художественные достижения за 14 лет.

У меня на руках материальные доказательства моей творческой работы. По этой работе меня нужно судить так, как учил тов. Сталин в своем докладе на мартовском пленуме.

Истребительский метод Бордюг в отношении меня и моей работы — самый черный шовинизм, который можно сравнить только с фашистской истребительской методологией.

Я могу, конечно, работать в каком угодно русском театре. Но я считаю, что мое естественное место здесь, как национального советского режиссера. И что я нужен Карелии и своей художественной работой могу быть ей полезным.

Я могу с большой творческой радостью — под руководством партии — участвовать в реализации II Пленума Кар[ельского] Обкома в создании национальной по форме, социалистической²⁴ по содержанию театрального искусства, если это дело можно доверить мне, на основании того опыта, который дала мне многогодичная работа в Карелии.

Я знаю Карелию. И хочу и дальше снова и снова своей работой показать свою безусловную преданность партии и советской власти в исполнении своих обязанностей в своем искусстве. В чем вопрос? Почему у меня отнимают право показать своей работой, что я из себя представляю, теперь для этого открылись все возможности. Разве рационально держать меня безработным?

Прошу Вас принять меня лично, чтобы я мог дать Вам полную картину о проделанной мною работе и о карельских театральных вопросах. Прошу Вашего

²⁴ Так в документе.

быстрого содействия, чтобы знающие театральное дело люди сделали бы обследование моей работы и дали бы честную оценку о ней и обо мне.

Прошу, чтобы Обком еще раз просмотрел дело о моем исключении, ибо мотивовка²⁵ постановления Обкома под председательством Никольского²⁶, и следовательно первичной парт[ийной] организации, недостаточно реально обоснована.

Р. Нюстрем

НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7821. Л. 11—18. Подлинник. Рукопись.

№4

Письмо Р. Я. Нюстрема Председателю Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК СССР П. М. Керженцеву о пересмотре вопроса исключения из партии и о восстановлении на работе

13 октября 1937 г.

По моим документам, которые находятся в горкоме ВКП(б) Петрозаводска, видно, что я работал в Карелии с октября 1923 года и с 1924 года активно участвовал в создании Карельского Национального театра. Принял эту работу близкой и своей, считая это своим художественным заданием на всю жизнь и имея право на это по Карельской Конституции. С начала этой трудной работы истекло 14 лет.

Как известно, с 1912 года по 1918 год через Профсоюз и Союз Молодежи принадлежал к Финляндской Социал-Демократической партии, которая была в то время единственная революционная партия Финляндии, и быть ее членом была классовая обязанность каждого рабочего. С 1921 года был членом ВЛКСМ, откуда перешел в ряды ВКП(б) в 1927 году (2 года был кандидатом). Но при проверке партийных документов оказалось, что в члены ВКП(б) был принят против партийного устава, ибо у меня не требовали кроме других поручателей, еще двух с дореволюционным стажем. Потому с решения Карельского Обкома ВКП(б) я не получил нового членского билета.

Считаю это решение правильным.

При разборке этого дела в первичной партийной организации 20/IX-37 г. исключили меня из партии как буржуазного националиста по настойчивому

²⁵ Так в документе.

²⁶ Никольский Михаил Николаевич — второй секретарь Карельского областного комитета ВКП(б). После ареста П. А. Ирклиса — исполняющий обязанности первого секретаря Карельского обкома ВКП(б). Снят с работы 14 сентября 1937 г. Арестован 17 октября 1937 г., расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

предложению инструктора Петрозаводского Горкома ВКП(б) Романова²⁷. Но обвинение было без конкретного указания оснований.

22/IX-37 г. Начальник Управления по делам искусств при СНК АКССР тов. Бордюг уволил меня с работы без объяснения оснований увольнения.

Все время, с самого основания, театр работал напряженно под бывшим националистическим «руководством» (Ровио, Гюллинг, Ирклис²⁸, Бушуев²⁹, Хюппенен³⁰) в возмутительно плохих условиях творческой работы, без серьезного административного руководства, без своего помещения для работы, без инвентаря и материального обеспечения. Несмотря на это, театр имеет неоспоримые достижения в художественной работе по обслуживанию трудящихся масс.

«Идейное» руководство театра оживилось за последний год со стороны Ирклис и Хюппенен, которые, как теперь выясняется, старались его сделать орудием своих темных целей.

Говоря о театре, подразумеваю также и себя, ибо я органически слился с театром.

Театр, который столько лет прозябал без теплоты и внимания, которое имеет такое большое значение для каждого творческого организма, теперь получая эту демагогическую «теплоту», опять-таки никаких националистических практических действий итогом этого в своей работе не проявил.

Лично я не могу гордиться ни одним случаем, чтобы я противился, сомневался или не исполнил задания, данных³¹ мне партийным «руководством», если не считать отказа от обновленного спектакля Я. Виртанен и Луото «Мальбрук в поход собрался», ибо был внутренне уверен, что он даст неправильную картину об истории Карелии и убежден, что я несомненно прав.

Считаю каждую победу театра под моим художественным руководством подарком для страны, признанием любви и верности к партийной и советской власти.

Считаю мою слишком наивную веру к ставленникам партии, как представителям партии и правительства, оказавшихся врагами, причиной того, что у меня отняли право завоевать обратно свое место в партии.

Я не умею защищаться, потому что не знаю, против кого мне нужно защищаться. Также не могу увериться в том, что люди, меня обвиняющие, вполне уверены в своей

²⁷ Романов Виталий Романович — инструктор Петрозаводского Горкома ВКП(б).

²⁸ Ирклис Пётр Андреевич, в 1935—1937 гг. — первый секретарь Карельского обкома ВКП(б). Репрессирован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

²⁹ Бушуев Павел Иванович, в 1935—1937 гг. — председатель СНК АКССР, член Президиума КарЦИК. Арестован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

³⁰ Хюппенен Павел Адамович — заведующий отделом школ и культпросветработы ОК ВКП(б). Арестован 29 июля 1937 г., расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

³¹ Так в документе.

правоте. Ни у кого не может быть сомнений в том, что я работал бескорыстно и открыто для своего социалистического отечества. Классовая борьба, Советская власть и коммунистическая партия подняли и воспитали во мне человеческое достоинство. Не может быть сомнений, что я работой своей не мог бы очиститься от ошибок и служить мастером своего дела в пользу своей социалистической родине до конца жизни.

Чтобы найти юридическое основание против меня направленным обвинениям, мою работу нужно пересмотреть со следующих точек зрения:

1. Отвечали ли поставленные под моим руководством спектакли лозунгу: национальный по форме (в данном случае финский), социалистический по содержанию, по признаку социалистического реализма.

В этом вопросе нужно обратить внимание, главным образом на два момента:

а) репертуар за время существования театра. Название пьес и тематическая постройка программы;

б) идейная трактовка и оформление спектакля.

Именно там можно найти конкретные националистические ошибки. Часть из них уже нашел сам (например, пьесы Лаури Луото в 1933 году). Но эти спектакли не являются доминирующими, а доминирующими в моей театральной работе являются другие пьесы.

То, что спектакли, без некоторых исключений, производились на финском языке, не может быть признаком буржуазного национализма. Ведь играет же еврейский театр на еврейском языке, украинский театр — на украинском языке и т. д. В том, что мы *до новой конституции работали почти только на финском языке*, выявляется наше участие в том националистическом круге, который оставил карелов вне всякой культуры на их собственном языке. В этом выявляется и мое участие в этом преступлении в отношении карел, и все-таки я никогда ни словами, ни делами не выявлял себя идеологом старой конституции, ибо им не был. Потому нужно мою работу до новой конституции считать ошибкой и дать мне возможность поправить эту ошибку. Считаю, что меня нельзя причислять к тем врагам, которые были идеологами старой конституции и действовали ею как орудием для своих контрреволюционных целей.

2. Выявить художественный коллектив, его состав и производственные отношения.

(Художественный состав театра составляет — 16 мужчин и 8 женщин. Эти люди подразделяются на две группы, получившие свое развитие в разных общественных условиях

1) Из Америки, импортированных любителей — 8 финских эмигрантов и перебежчиков — 6. Всего 14.

2) Выросшие и получившие свое развитие в советской окруженности — 10. 5 чел. карел, 5 чел. ингерманландцев).

Партия знает, что при поступлении на эту работу соотношение этих групп было другое.

Партия также знает, что в 1932 году бросили мне, несмотря на мое сопротивление, больше 20 человек из Америки импортированных любителей финнов и также, что в 1933 году заставили меня партийным выговором — относиться благосклонно к этим импортированным «театральным специалистам». Мне надо было остерегаться второго выговора.

Но я все-таки боролся против разложившихся элементов в театре. Из тех 20, которые вначале получил, — осталось только 2 (Кууно Севандер и Юлиус Каллио³²), изъятие которых считаю также уже решенным.

Партия понимает, что полное слияние этих двух, в разных общественных условиях развивавшихся групп было невозможно (здесь нужно принять во внимание, что не все прибывшие из Америки или Финляндии принадлежат к этой чужой группе). Борьба за руководящее и материальное положение в театре была неизбежной. Каждый мыслящий человек поймет, сколько силы и гибкости требовалось от меня, чтобы удержать эти группы в спокойствии между собой по каждодневным творческим вопросам и тем выполнить категорическое требование партии. Несмотря на это могу доказать, что сделал все возможное, чтобы поднять свои *местные* кадры на им, по праву принадлежащее положение и не без результатов.

Если бы меня силой не заставили взять импортированных «спецов», мне не было³³ бы растрчивать свою энергию на такую «дипломатию» и коллектив был бы, начиная с корня, цельный. Так я и мыслил вначале и был бы счастлив, если бы мог это осуществить.

Что касается административно-хозяйственной части, то она никогда не была в моих руках и принятие и увольнение кадров зависело от директоров. Не могу отвечать за спокойствие Куусиниеми³⁴ и других разложившихся элементов в театре, ибо я могу доказать, что своей стороны реагировал с первых-же тревожных сигналов.

³² Севандер Кууно — директор Карельского государственного национального театра, один из его основателей; Каллио Юлиус — артист Карельского государственного национального театра. Арестован 10 декабря 1937 г., расстрелян 10 февраля 1938 г. Реабилитирован в 1989 г.

³³ Так в документе.

³⁴ Куусиниеми Юрье Арвович — артист Карельского государственного национального театра. Арестован 1 октября 1937 г., расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1957 г.

3. Также нужно пересмотреть мои программы по мастерству актера в техникуме и театре.

Их просматривали Ленинградская и Московская Комиссии и дали оценку, что моя программа не отличается от общепринятых программ по этому предмету по всему Советскому Союзу.

По всем вышеуказанным пунктам прошу Комиссию партийного контроля пересмотреть мое дело и проверить меня как коммуниста, гражданина и художника. Думаю, что со мной случилось что-то такое, что не соответствует с тем³⁵, что тов. Сталин учил об отношении к человеку. Как артист, я не мог сделать преступление тем, что искренно верил в людей, которым партия доверила высшее руководство страны. Это большое несчастье, но не преступление. Я же мастер своего дела и могу своей работой принести много пользы Карелии, потому что люблю ее и готов (как уже и показал в течение 14 лет) довести до конца ту художественную работу, которая была моей жизненной целью, и думаю, что сумею выправиться политически.

Ведь была же идея карельского театра на карельском языке моей давнишней мечтой.

То, что, начиная сезон, зажег весь коллектив к восприятию карельского языка, выучить который работники театра поставили себе целью в кратчайший срок, чтобы сейчас же приступить к карельским спектаклям, доказывает, что я понял свои обязательства и сумею под руководством партии довести до конца.

Но если мне действительно придется прекратить ту работу, которую я поставил целью своей жизни, то прошу, чтобы не отняли у меня возможности работать в русских театрах Советского Союза.

Вся моя творческая работа: спектакли, стихотворения, рассказы — доказывает Вам, что я не националист, но верный партии и советской власти рабочий артист.

Моя основная просьба заключается в том, чтобы партия позволила мне на моем естественном боевом посту работать сочувствующим, и если в этой работе достану по партийному уставу требующих поручателей, могу опять в рядах партии заполнить свое место.

Р. Нюстрем

НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7821. Л. 19—22. Подлинник. Машинопись.

³⁵ Так в документе.

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА КАРЕЛИИ В ЛИЦАХ: ФОТОГАЛЕРЕЯ **HISTORY OF THE NATIONAL THEATRE OF KARELIA IN PERSONS:** **PHOTO GALLERY**

Публикация фотографий, иллюстрирующих историю Национального театра Карелии, знакомит читателя с частью богатейшей коллекции, которая хранится в архиве театра. Эти визуальные источники позволяют в буквальном смысле слова увидеть, чем жил театр в разные периоды своей истории, и являются ценными документальными свидетельствами своего времени. Их изучение даст возможность исследователям получить и значимые сведения в целом об истории нашей страны XX в.

Работа по оцифровке архивных материалов Национального театра Карелии только началась и будет продолжена в ближайшее время. Все пригодные для перевода на цифровые носители документы, включая фото-, аудио- и видеоисточники, будут соответствующим образом обработаны и опубликованы на электронных ресурсах театра, что сделает их доступными для ознакомления и изучения. Настоящая публикация — первый шаг в этом направлении.

В фотогалерее представлены главным образом сцены из спектаклей разных лет с основной информацией об их создателях. Подборка ограничена 1930—1990-ми гг., все снимки расположены в хронологической последовательности, по датам премьер. Данные, указанные в сопроводительных подписях, не всегда полны из-за отсутствия достаточных документальных сведений и впоследствии будут уточняться.

Публикация подготовлена главным специалистом координационно-творческого отдела Национального театра Карелии Н. А. Аргутиной.

При использовании снимков ссылка на архив Национального театра Карелии и «Альманах североевропейских и балтийских исследований» обязательна.

1930-е

1. Рагнар Нюстрём, 1925 г.

3. 1932. Б. Лавренёв. **РАЗЛОМ**. Режиссёр Р. Нюстрём, художник В. Попова (Годун — Т. Кемппи, Татьяна Берсенева — Д. Карпова).

4. 1932. Г. Орлов, В. Градов. **МИЛЛИОН АНТОНИЕВ**. Режиссёр К. Севандер, художник В. Попова (отец Антонио — Х. Салми, Мэгги — И. Вийтанен).

5. 1934. А. Висанен. **ИЗОБРЕТЕНИЕ ТЕПШОЕВА**. Режиссёр Ю. Каллио (инженер Власов — М. Любовин).

6. 1934. А. Корнейчук. **ГИБЕЛЬ ЭСКАДРЫ**. Режиссёр Р. Нюстрём (адмирал Гранатов — К. Севандер).

7. 1934. В. Киршон. **ЧУДЕСНЫЙ СПЛАВ**. Режиссёр К. Севандер (И. Такала).

8. 1935. Л. Луото, Я. Виртанен. **МАЛЬБРУК В ПОХОД СОБРАЛСЯ**. Режиссёр Р. Нюстрём, композиторы К. Раутио, Л. Йоусинен (Хопеахаапа — К. Севандер, танцовщицы — студентки Карельского драматического техникума Х. Вуонтисярви и М. Халонен).

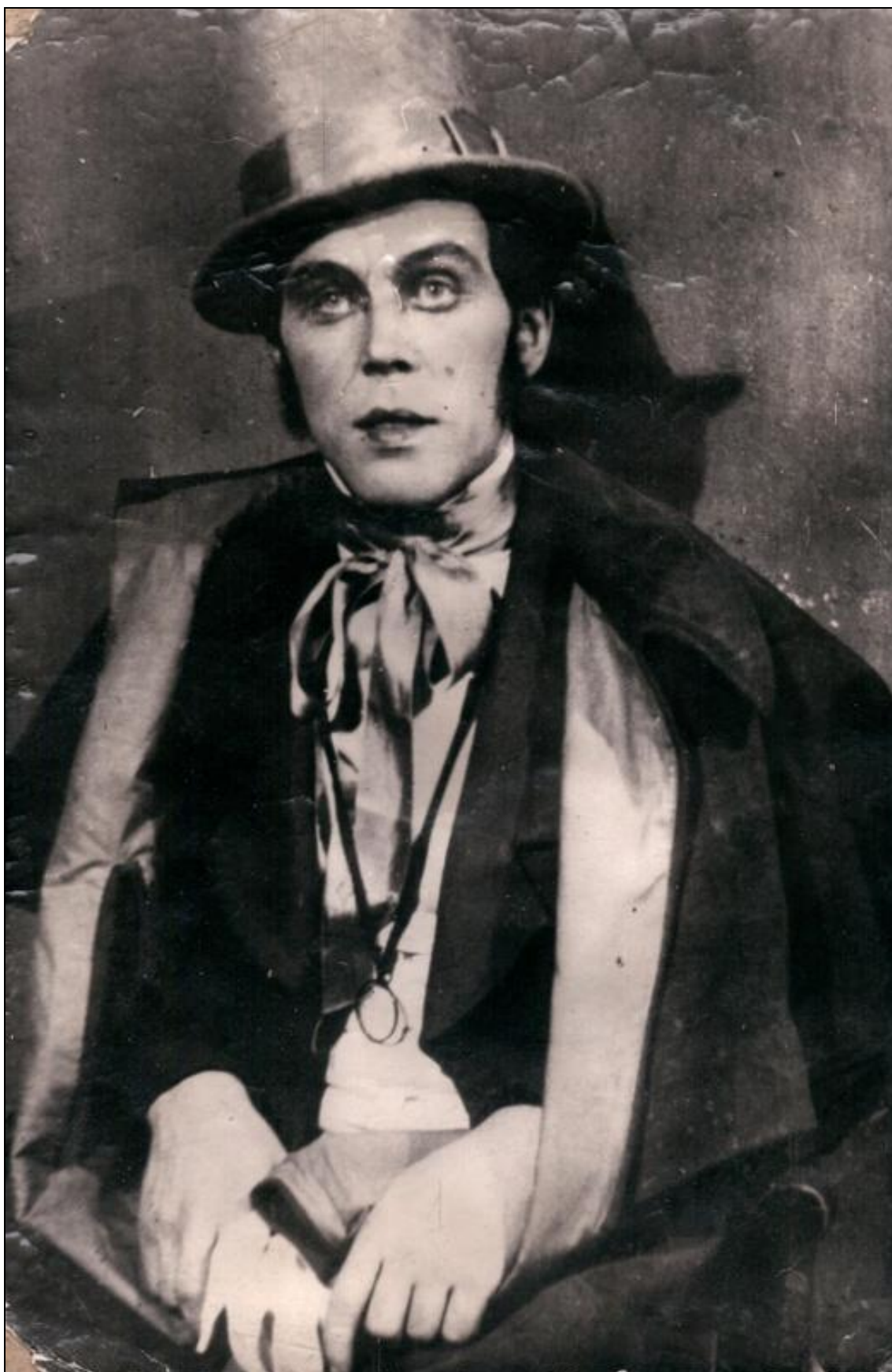
9. 1935. В. Вишневский. **ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ.** Режиссёр Р. Нюстрём (коммунист Вайнонен — Х. Салми).

10. 1935. А. Киви. **КУЛЛЕРВО**. Режиссёр Р. Нюстрём, художник И. Тамручи (Куллерво — С. Туорила, мать — Э. Мююрюляйнен).

11. 1936. Н. Гоголь. **РЕВИЗОР**. Режиссёр Р. Нюстрём, художник Х. Карлсон (Хлестаков — С. Туорила).

12. 1930-е гг., групповое фото труппы

Сидят: Эйно Ниеминен, Хилья Линдеваль, Ирья Вийтанен, Гурин, Людия Асикайнен, Аларик Санделин, Юлиус Каллио.

Второй ряд: Антти Липпо, Сигфрид Хиц, Эйнари Хоффрен, Тойво Раси, Кууно Севандер, Ирья Такала.

Третий ряд: Ялмари Ройне, Пекка Нурмиранта, Юкка Ахти, Катри Ламми, Эмил Келтамяки, Эва Мюрюляйнен.

1940-е

13. 1940. М. Лассила. **МУДРАЯ ДЕВА**. Режиссёр Т. Котсалайнен, художник Э. Сийкки (Майю-Гулёна — Х. Лехто, Яллу — В. Веса).

14. 1941. А. Афиногенов. **МАШЕНЬКА**. Постановка Ю.А. Кренке, режиссёр-ассистент С. Туорила, художник Э. Сийкки, танцы Х. Мальми (Вера Михайловна, мать Маши — Д. Карпова).

15. 1941. А. Афиногенов. **МАШЕНЬКА**. (Машенька — И. Вийтанен).

16. 1944. Г. Ибсен. **НОРА (КУКОЛЬНЫЙ ДОМ)**. Постановка Н. Демидова, режиссёры Н. Демидов, В. Богачёв, художник К. Калайда (программа спектакля).

<p>H. Ibsen</p> <h1>NORA</h1> <p>(Nukkekotii).</p> <p>Draama 3:ssa näyt.</p> <p>HENKILOT:</p> <p>Helmer, asiantuntija Kuuno Sevander Nora, hänen vaimonsa Irja Viitanen Tolstoi Rank Walter Suni Krogstad Jouko Routtu Kristina Linde, Noran ystävä Darja Karpova Anna Maria, lastenhoitaja Eva Myyryläinen Helma, palvelustyttö Irja Takala Lehetti Pekka Kötöinen</p> <p>Tapahtuu Norjassa viime vuosisadan 90-luvulla</p> <p>Näytännölle asettanut Nikolaj Demidov Regissorit Nikolaj Demidov ja Vladimir Bogatshev Taiteilija Kirill Kalaida Teatterin taiteellisen ohjaaja Nikolaj Demidov</p> <p>Alkaa kello 7:00 p.</p>	<p>G. IBSEN</p> <h1>НОРА</h1> <p>(КУКОЛЬНЫЙ ДОМ)</p> <p>ДРАМА В 3-х ДЕЙСТВИЯХ</p> <p>ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:</p> <table border="0"> <tr> <td>ГЕЛЬМЕР, АДВОКАТ</td> <td>Кууно СЕВАНДЕР</td> </tr> <tr> <td>НОРА, ЕГО ЖЕНА</td> <td>Иржа ВИЙТАНЕН</td> </tr> <tr> <td>ДОКТОР РАНК</td> <td>Вальтер СУНИ</td> </tr> <tr> <td>КРОГСТАДТ, ЧАСТНЫЙ ПОВЕ- РЕННЫЙ</td> <td>Йоуко РОУТТУ</td> </tr> <tr> <td>КРИСТИНА ЛИНДЕ, ПОДРУГА НОРЫ</td> <td>Дарья КАРПОВА</td> </tr> <tr> <td>АННА-МАРИЯ, няня в семье ГЕЛЬМЕРА</td> <td>Ева МЮРЮЛЯЙНЕН</td> </tr> <tr> <td>ЕЛЕНА, ПРИСЛУГА в ДОМЕ ГЕЛЬМЕРА</td> <td>Иржа ТАКАЛА</td> </tr> <tr> <td>ПОСЫЛЬНЫЙ</td> <td>Пекка КЕТКИНЕН</td> </tr> </table> <p>Действие происходит в Норвегии в 90-е годы прошлого столетия.</p> <p>Постановка Николая ДЕМИДОВА Режиссура: Николай ДЕМИДОВ и Владимир БОГАЧЕВ Художник Кирилл КАЛАЙДА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА Николай ДЕМИДОВ</p> <p>Начало в 7 часов вечера. Спектакль идет на финском языке.</p>	ГЕЛЬМЕР, АДВОКАТ	Кууно СЕВАНДЕР	НОРА, ЕГО ЖЕНА	Иржа ВИЙТАНЕН	ДОКТОР РАНК	Вальтер СУНИ	КРОГСТАДТ, ЧАСТНЫЙ ПОВЕ- РЕННЫЙ	Йоуко РОУТТУ	КРИСТИНА ЛИНДЕ, ПОДРУГА НОРЫ	Дарья КАРПОВА	АННА-МАРИЯ, няня в семье ГЕЛЬМЕРА	Ева МЮРЮЛЯЙНЕН	ЕЛЕНА, ПРИСЛУГА в ДОМЕ ГЕЛЬМЕРА	Иржа ТАКАЛА	ПОСЫЛЬНЫЙ	Пекка КЕТКИНЕН
ГЕЛЬМЕР, АДВОКАТ	Кууно СЕВАНДЕР																
НОРА, ЕГО ЖЕНА	Иржа ВИЙТАНЕН																
ДОКТОР РАНК	Вальтер СУНИ																
КРОГСТАДТ, ЧАСТНЫЙ ПОВЕ- РЕННЫЙ	Йоуко РОУТТУ																
КРИСТИНА ЛИНДЕ, ПОДРУГА НОРЫ	Дарья КАРПОВА																
АННА-МАРИЯ, няня в семье ГЕЛЬМЕРА	Ева МЮРЮЛЯЙНЕН																
ЕЛЕНА, ПРИСЛУГА в ДОМЕ ГЕЛЬМЕРА	Иржа ТАКАЛА																
ПОСЫЛЬНЫЙ	Пекка КЕТКИНЕН																

17. 1945. М. Кант. **КРАЖА СО ВЗЛОМОМ.** Режиссёры Н. Демидов, В. Богачев, художник Ф. Линдхольм, композитор К. Раутио (Хелена — С. Бочарникова, Ниило — С. Туорила).

18. 1946. Т. Паккала. **НА СПЛАВНОЙ РЕКЕ**. Режиссёр В. Суни, художник Ф. Линдхольм, композитор К. Раутио, танцы Х. Мальми (танцевальный дуэт — Х. Мальми и А. Ромпайнен).

19—21. 1946. Т. Паккала. **НА СПЛАВНОЙ РЕКЕ** (сцены из спектакля)

22. 1947. Б. Лавренёв. **ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ**. Режиссёр С. Туорила, художник А. Колосёнок (Харитоновна — Е. Томберг, Шабунина — Е. Кемова, Рекало — К. Севандер).

23. 1947. А. Корнейчук. **ПЛАТОН КРЕЧЕТ**. Режиссёры Б. Филиппов, В. Суни, художник А. Колосёнок, танцы Х. Мальми (Лида — С. Бочарникова, Платон — Г. Роутту).

24. 1947. В. Сологуб. **БЕДА ОТ НЕЖНОГО СЕРДЦА**. Постановщик В. Суни, художник Ф. Линдхольм (сцена из спектакля, в центре — Е. Томберг).

25. 1948. А. Киви. **СЕМЕРО БРАТЬЕВ**. Инсценировка Т. Ромпайнена, постановка В. Суни, художник Ф. Линдхольм, композитор К. Раутио, танцы Х. Мальми (Братья — В. Веса, М. Любовин, Т. Ланкинен).

26. 1948. А. Киви. **СЕМЕРО БРАТЬЕВ** (сцена из спектакля).

27. 1949. А.П. Чехов. **ВИШНЁВЫЙ САД**. Постановка Г.С. Мнацаканова, художник А. Колосёнок, муз. оформление К. Раутио, танцы Х. Мальми (Симеонов-Пищик — В. Суни).

28. 1949. А. Киви. **КУЛЛЕРВО**. Режиссёры В. Суни, С. Туорила, художник А. Колосёнок, композитор К. Раутио (Айникки — Д. Карпова, Куллерво — С. Туорила).

1950-е

29. 1950. У. Викстрём. **НОВЫЕ ДРУЗЬЯ**. Режиссёр В. Суни, художник Ф. Линдхольм (сцена из спектакля).

30. 1950. М. Горький. **ВАССА ЖЕЛЕЗНОВА**. Режиссёр М. Горбунова, художник А. Колосёнок (сцена из спектакля).

31. 1952. Н.В. Гоголь. **РЕВИЗОР**. Постановка и режиссура С. А. Марголина, художник И.И. Трояновский (сцена из спектакля, в роли Городничего В. Суни).

32. 1953. А. Якобсон. **ШАКАЛЫ**. Режиссёр В. Суни, художник А. Колосёнок (Самуэль Стиль — Т. Ромпайнен, Эдгар Мак-Кеннеди — Ю. Хумппи, Эптон Брюс — К. Севандер).

33. 1953. Э. Золя. **НАСЛЕДНИКИ РАБУРДЕНА**. Режиссёр С. Туорила, художник Ф. Линдхольм (Мадам Фике — Н. Николаева, мадам Вассар — Е. Кемова).

34. 1955. М. Андерсен-Нексе. **ЛЮДИ С ДАНГОРА**. Режиссёр С. Туорила, художник Ф. Линдхольм (Пер Голяк — Г. Роутту, Йомфру Келлер — Е. Кемова).

35. 1956. Х. Вуолийоки. **ЖЕНЩИНЫ НИСКАВУОРИ**. Режиссёр С. Туорила, художник Ф. Линдхольм (сцена из спектакля).

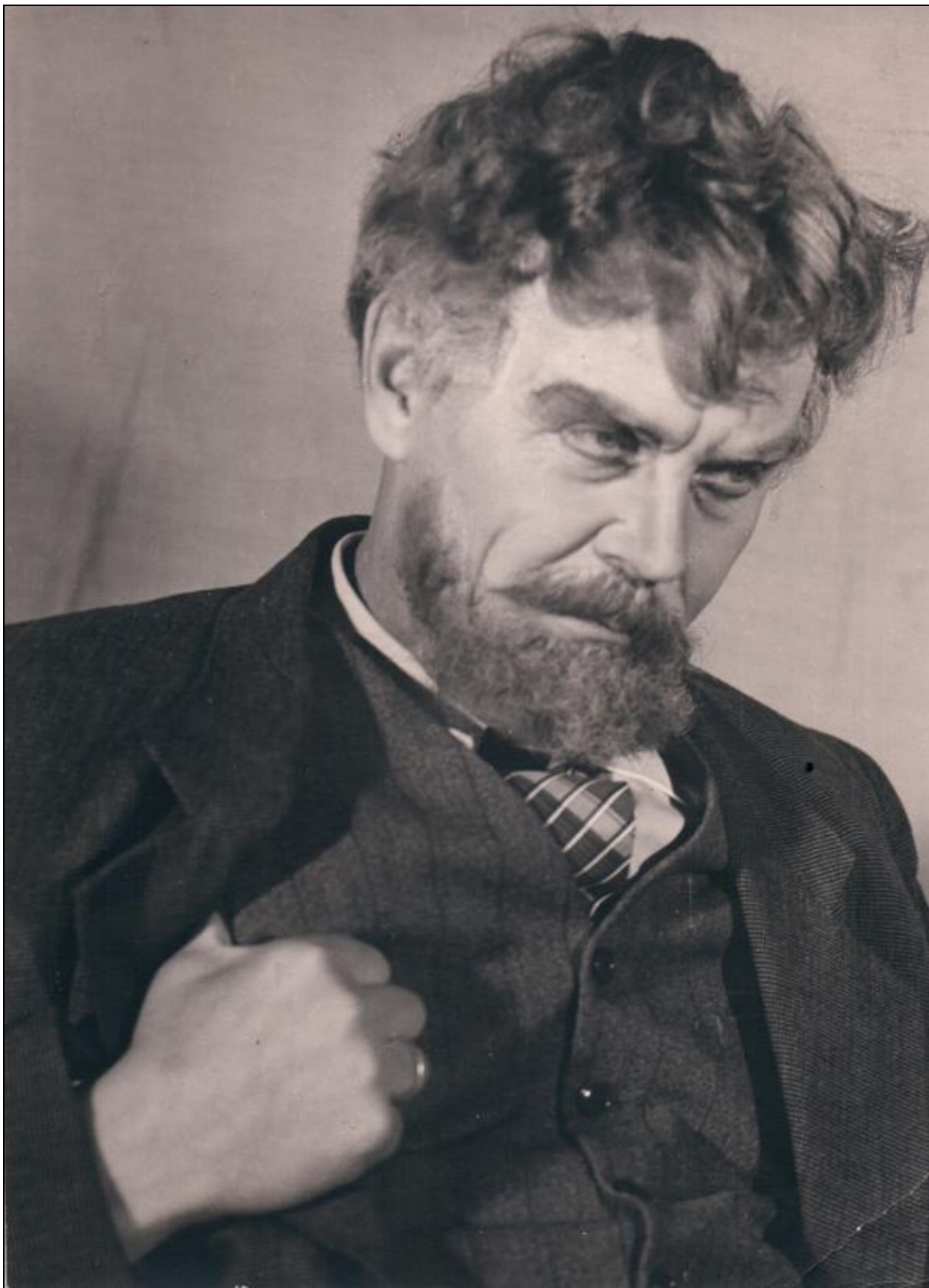
36. 1957. Х. Лакснесс. **ПРОДАННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ**. Режиссёр О. Лебедев, художник М. Сулимов, композитор К. Молчанов (Мистер Пикок — Т. Ромпайнен, Лоа — Э. Хиппелайнен).

37. 1957. Б. Горбатов. **ЮНОСТЬ ОТЦОВ**. Режиссёры Е. И. Тиме и В. И. Раугул, постановка О.Э. Лебедева, художник Ф. Линдхольм (сцена из спектакля).

38. 1958. М. Горький. **ЕГОР БУЛЫЧЁВ И ДРУГИЕ**. Режиссёр О. Лебедев, художник А. Тарасов (Егор Булычёв — С. Туорила).

39. 1958. А. Киви. **СЕЛЬСКИЕ САПОЖНИКИ**. Режиссёр С. Туорила, художник А. Тарасов, композитор Р. Раутио, танцы Х. Мальми (Антрес — М. Любовин, Эско — Т. Ланкинен).

40—41. А. Киви. **СЕЛЬСКИЕ САПОЖНИКИ** (сцены из спектакля).

42. 1959. Г. Граков, А. Иванов. **БЕССМЕРТНЫЕ ЗВЕЗДЫ**. Режиссёр В. Сунн, художник Ф. Линдхольм, композитор Р. Пергамент (Мария Мелентьева — Е. Корнилова, Анна Лисицына — Э. Берг).

43. 1959. Б. Брехт, Х. Вуолийоки. **ГОСПОДИН ПУНТТИЛА И ЕГО СЛУГА МАТТИ**. Постановка Т. Ланкинена, художник Л. Ланкинен (Господин Пунттила — Т. Ланкинен, Матти — П. Ринне).

44. 1959. Гастроли в Москве.

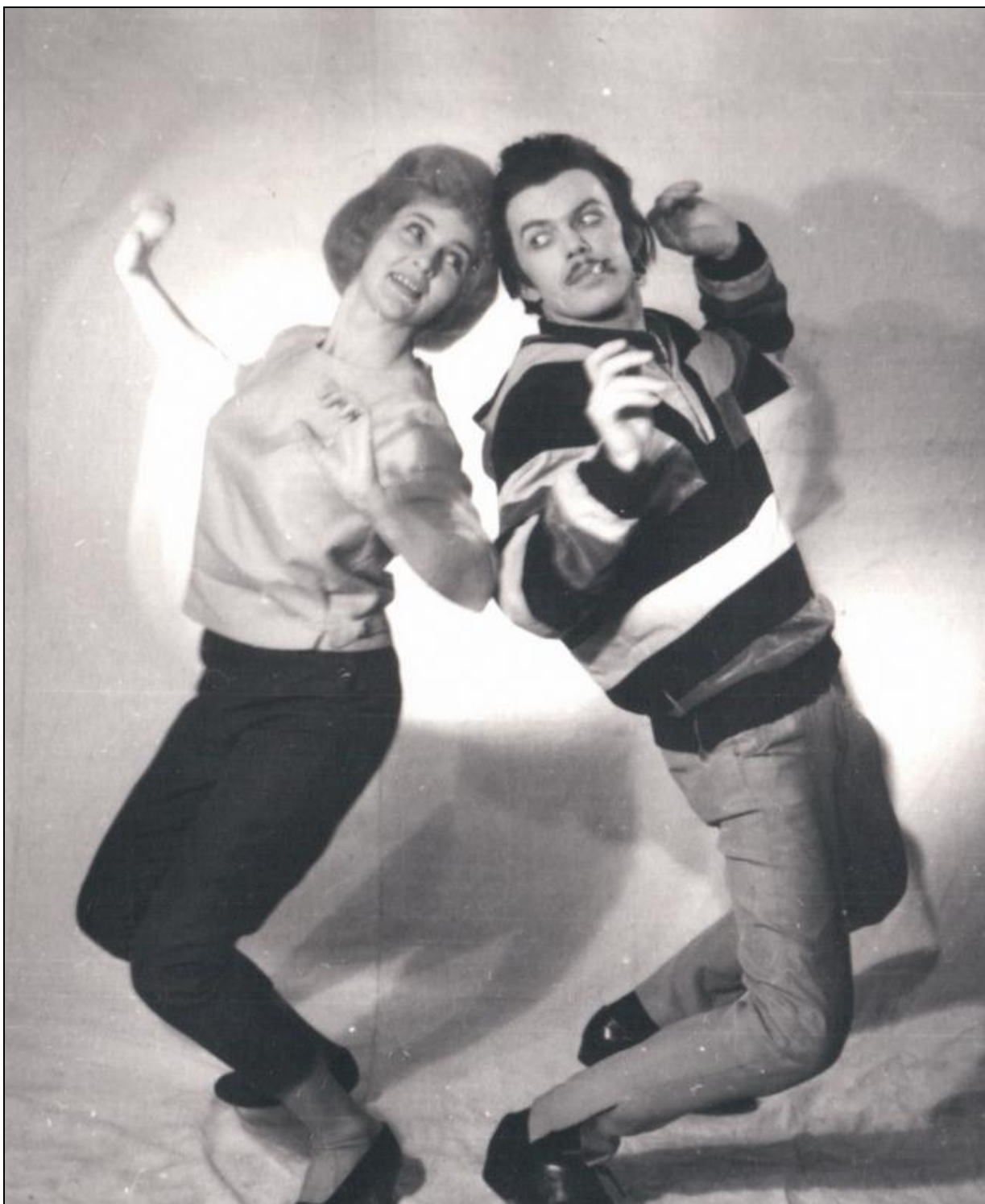

1960-е

45. 1961. С. Алёшин. **ВСЁ ОСТАЁТСЯ ЛЮДЯМ.** Постановщик В. Суни, художник А. Тарасов (Румянцева — Д. Карпова, Вязьмин — А. Ромпайнен).

46. 1963. Л. Хярмя. **МЫ ГОСПОДА! (ВИРТАНЕН И ЛАХТИНЕН)**. Постановщик В. Суни, художники Л. Ланкинен и Г. Ланкинен, муз. оформление Н. Вильчинская (Туула — Э. Берг, Кауко — П. Ринне).

47. 1963. М. Лассила. **БАБЬЕ ЛЕТО (КОГДА ЦВЕТУТ РОЗЫ)**. Постановщик Т. Ланкинен, художники Л. Ланкинен и Г. Ланкинен, музыка Г. Синисало (Мамина Лиса — Д. Карпова, Антти Герман Юйкуринен — В. Веса, Миихкули, бродячий коробейник — М. Любовин).

48. 1964. П. Борисков, И. Панькин. **ВРЕМЯ ЗОВЁТ**. Режиссёр В. Суни, художник Л. Смирнов (сцена из спектакля).

49. 1965. И. Друце. **КАСА МАРЕ**. Постановка Т. Хайми, художник И. Мартынов (Василуца — Д. Карпова, Павэлаке — Г. Роугту).

50. 1965. С. Алёшин. **ВСЁ ОСТАЁТСЯ ЛЮДЯМ**. Режиссёр О. Лебедев, художник И. Крылов (Дронов — С. Туорила, Наталья Дмитриевна, жена Дронова — Э. Хиппелайнен, Моргунов — Т. Ланкинен).

50а. 1965. С. Алёшин. **ВСЁ ОСТАЁТСЯ ЛЮДЯМ** (Дронов — С. Туорила, Румянцева — Э. Берг).

506. 1965. С. Алёшин. **ВСЁ ОСТАЁТСЯ ЛЮДЯМ** (Вязьмин — П. Ринне, Румянцева — Э. Берг).

51. 1965. М. Ларни. **ЧЕТВЁРТЫЙ ПОЗВОНОК, ИЛИ МОШЕННИК ПОНЕВОЛЕ**. Сценическая композиция Н. Лившица и Т. Хайми, постановка Н. Лившица, художник И. Крылов (сцена из спектакля).

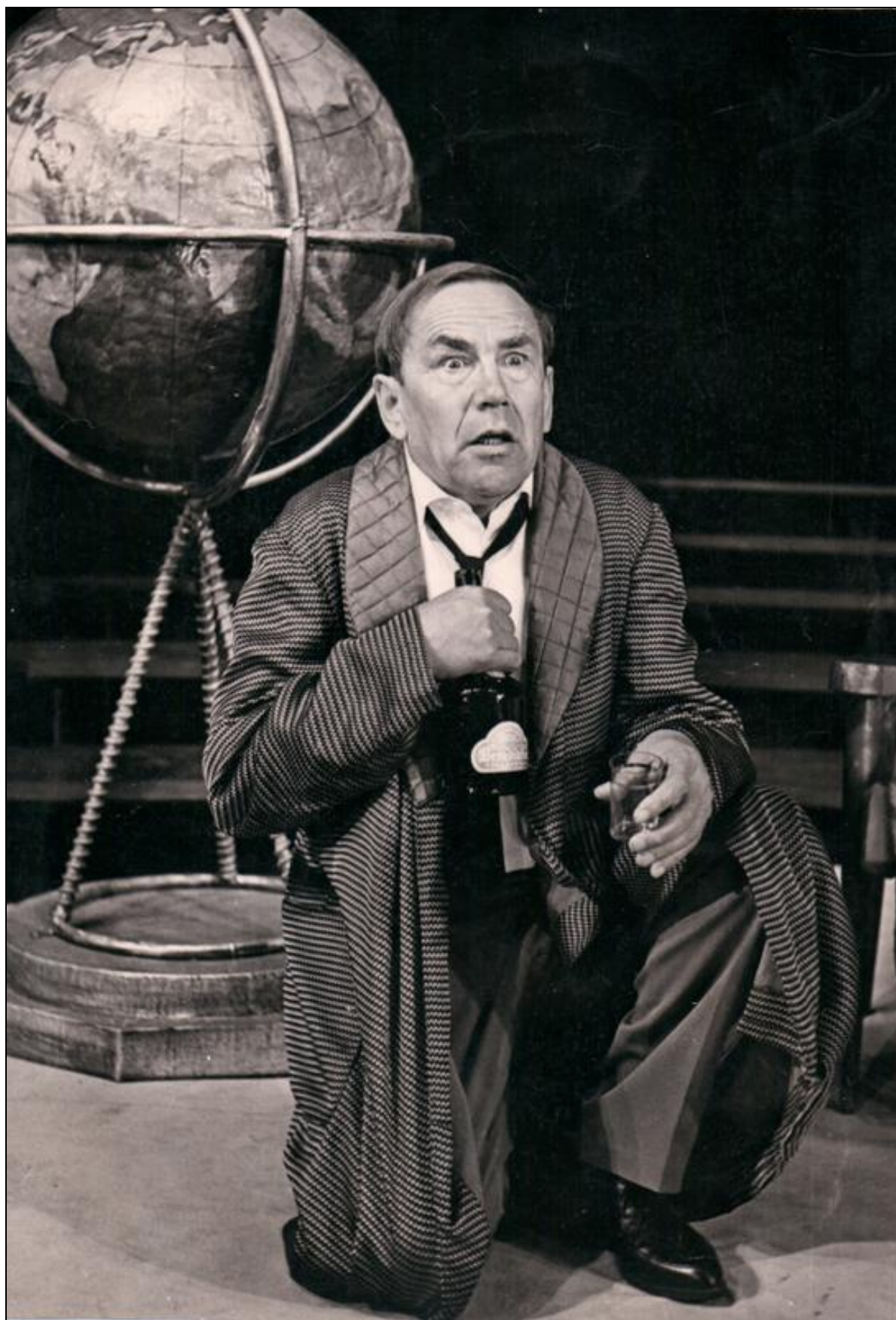
52. 1966. Б. Брехт. **МАМАША КУРАЖ И ЕЁ ДЕТИ**. Режиссёр Т. Ланкинен, художник Л. Ланкинен, композитор П. Дессау (Мамаша Кураж — Е. Томберг, Повар — О. Бьёрнинен).

53. 1966. М. Лассила. **МУДРАЯ ДЕВА**. Постановка В. Суни, художник Е. Фадеев, композитор Г. Синисало, танцы Х. Мальми (Майю-Гулёна — Э. Берг, Яллу — П. Микшиев).

54. 1966. К. Чапек. **БЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ**. Режиссёр Н. Лившиц, художник И. Крылов, композитор Э. Патлаенко (маршал — Т. Ланкинен).

55. 1966. К. Чапек. **БЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ** (сцена из спектакля).

56. 1967. Ю. Смуул. **ДИКИЙ КАПИТАН**. Режиссёр Э. Кайду, художник М.-Л. Кюла, муз. оформление Г. Эрнекас (сцена из спектакля).

57. 1967. Ю. Смуул. **ВДОВА ПОЛКОВНИКА, ИЛИ ВРАЧИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮТ.** Постановка Э. Кайду, режиссёр Т. Хайми, художник М.-Л. Кюла (сцена из спектакля).

58. 1967. А. и П. Тур. **ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОСОЛ.** Режиссёр Т. Хайми, художник И. Крылов (сцена из спектакля).

59. 1968. А. Миллер. **ОХОТА НА ВЕДЬМ**. Режиссёр К. Нуотио (Финляндия), художник Л. Ланкинен (Данфорт — Т. Ланкинен, Хэйл — П. Микшиев).

60. 1968. В. Шекспир. **РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА**. Постановка Н. Лившица, режиссёр П. Ринне, художник И. Крылов, музыка Э. Патлаенко, танцы В. Мальми (сцена из спектакля, Джульетта — Э. Хидман, Ромео — П. Ринне).

61. 1969. А. Тимонен. **ПРИМЕШЬ ЛИ МЕНЯ, ЗЕМЛЯ КАРЕЛЬСКАЯ?**
Режиссёр Т. Хайми, художник В. Авдышева (Меланье — Е. Томберг, Анни —
В. Кеттунен, Васселей — П. Микшиев).

61а. 1969. А. Тимонен. **ПРИМЕШЬ ЛИ МЕНЯ, ЗЕМЛЯ КАРЕЛЬСКАЯ?**
(Анни — В. Кеттунен, Васселей — П. Микшиев).

62. 1969. П. Яскеляйнен. **НА ПАЛУБЕ**. Режиссёр Эпп Кайду, художник В. Скорик, композитор Э. Кауппи, балетмейстер В. Мальми, хормейстер А. Лехмус (сцена из спектакля).

1970-е

63. 1970. В. Линна. **ЗДЕСЬ, ПОД СЕВЕРНОЙ ЗВЕЗДОЙ**. Инсценировка и постановка Т. Хайми, художник А. Шелковников, хормейстер А. Лехмус (сцена из спектакля).

64. 1970. В. Розов. **С ВЕЧЕРА ДО ПОЛУДНЯ**. Постановка Л. Хейфец, художник В. Авдышева (Альберт — П. Ваклин, Жарков — Г. Роутту).

65. 1970. М. Лассила. **ДЕТИ ПРИРОДЫ**. Режиссёр Т. Хайми, художник В. Авдышева, композитор Г. Синисало, балетмейстер В. Мальми, хормейстер А. Лехмус (Рокка-Леена — Н. Николаева, Вянни, старый вдовец — В. Ахвонен).

65а. 1970. М. Лассила. **ДЕТИ ПРИРОДЫ** (Юкка — П. Ринне, Пиркка — Л. Сюкияйнен).

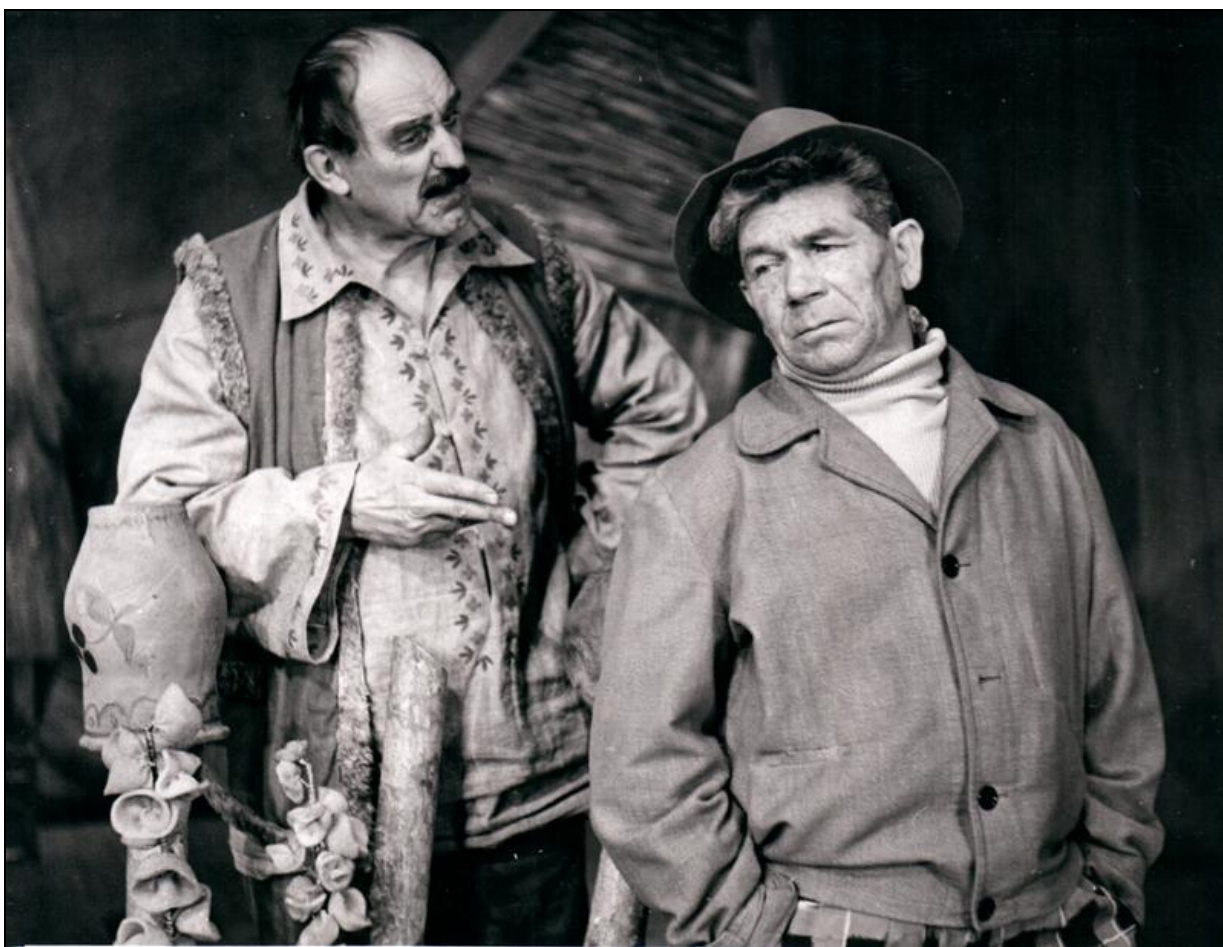
66. 1970. Ж. Ануй. **ЖАВОРОНОК**. Режиссёр Сакари Пурунен (Финляндия), художник Т. Элиава, композитор Оливьер Мессиа́н (сцена из спектакля, Жанна д'Арк — Э. Лунд).

67. 1971. А. Корнейчук. **ПАМЯТЬ СЕРДЦА**. Постановка Н. Лившица, художник В. Авдышева (Галина Романовна — Д. Карпова, Максим Максимович — В. Веса).

68. 1971. И. Эркень. **ТООТ, ДРУГИЕ И МАЙОР**. Постановка Т. Хайми, художник О. Саваренская (Тоот — В. Веса, Леринцке — А. Щелин).

69. 1971. И. Гончаров. **ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ**. Инсценировка В. Розова, постановка И. Ольшвангера, художник В. Авдышева, музыка С. Рахманинов (граф Новинский — Л. Нярья, Наденька — Л. Сюкияйнен, Марья Михайловна — Д. Карпова).

70. 1972. Н. Анкилов. **СОЛДАТСКАЯ ВДОВА**. Постановка Н. Лившица, художник В. Скорик, музыкальное оформление В. Гридчин (сцена из спектакля).

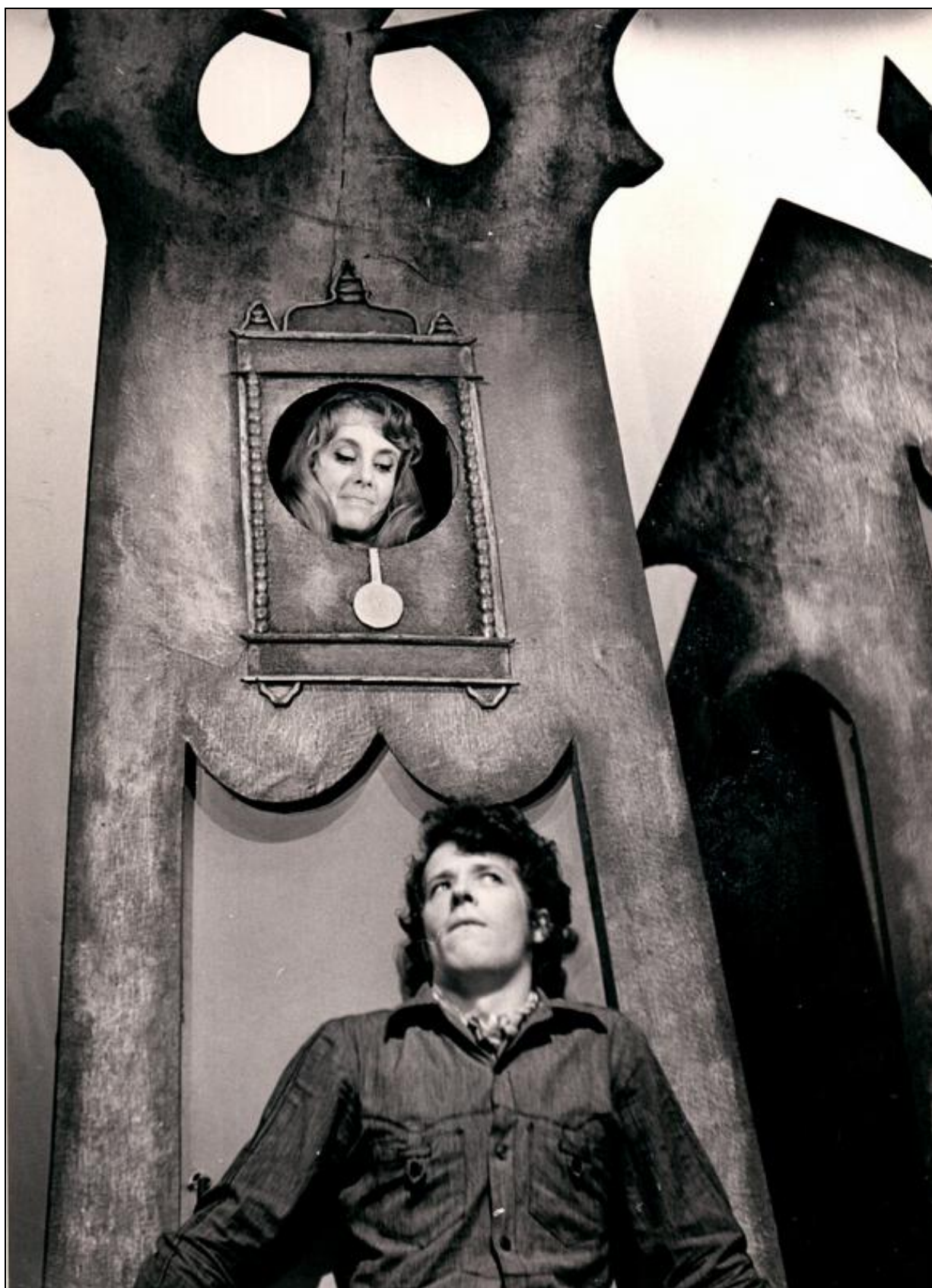
71. 1973. И. Друцэ. **ПТИЦЫ НАШЕЙ МОЛОДОСТИ**. Постановка Т. Хайми и И. Ольшвангера, оформление Э. Тимонен, музыка В. Дога (тётушка Руца — Е. Томберг, Андрон Русу — П. Микшиев).

72. 1973. А. Н. Островский. **ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА**. Постановка И. Ольшвангера, художник Д. Афанасьев, композитор В. Касаткин, балетмейстер В. Мальми (Красавина — Д. Карпова, Бальзаминов — В. Ахвонен, мать Бальзаминова — Е. Севандер).

73. 1973. Е. Низорский. **МЫ, ДЖАЗ И ПРИВИДЕНИЯ**. Режиссёр А. Народецкий, художник Э. Тимонен (Июанна — Н. Копетун, Цириль — М. Зеленский).

74. 1974. **КАЛЕВАЛА**. Режиссёр К. Нуотио (Финляндия), художник Л. Ланкинен (сцена из спектакля).

74а. 1974. КАЛЕВАЛА (сцена из спектакля, старуха Лоухи — Э. Лунд).

75. 1974. Л. Хярмя. **ЗАБИРАЙТЕ И ЗОЛУ ИЗ ПЕЧКИ...** Режиссёр Т. Хайми, художник Э. Тимонен, ассистент реж. Туро Унхо (сцена из спектакля).

76. 1975. Б. Горбатов. **ЗАКОН ЗИМОВКИ**. Постановка П. Ринне, художник О. Саваренская (сцена из спектакля).

77. 1975. В. Розов. **ЧЕТЫРЕ КАПЛИ**. Постановка И. Петрова, оформление В. Скорик, музыка М. Резников (сцена из спектакля).

1980-е

78. 1982. Д. Гусаров. **ЗА ЧЕРТОЙ МИЛОСЕРДИЯ**. Постановка и инсценировка Г. Соловского, оформление Э. Тимонен, музыка Г. Сардаров (участники спектакля с Дмитрием Гусаровым).

79. 1982. Л. Суомела. **КАНТЕЛЕТАР**. Режиссёр П. Лиски (Финляндия), художник Т. Юфа, музыка П. Пааккунайнен, танцы В. Мальми (сцена из спектакля).

79а. Л. Суомела. **КАНТЕЛЁТАР** (участники спектакля с режиссёром Пааво Лиски).

80. 1983. А. Кертес. **ВДОВЫ**. Режиссёр-постановщик П. Ринне, режиссёр Э. Скворцова, художник Т. Юфа, муз. оформление Г. Сардаров (сцена из спектакля).

81. 1984. Ю. Бондарев. **ВЫБОР**. Постановка П. Ринне, оформление Л. Рахманова, костюмы Э. Тимонен, музыка Г. Сардаров (Рамзин — П. Ринне, его мать — Д. Карпова).

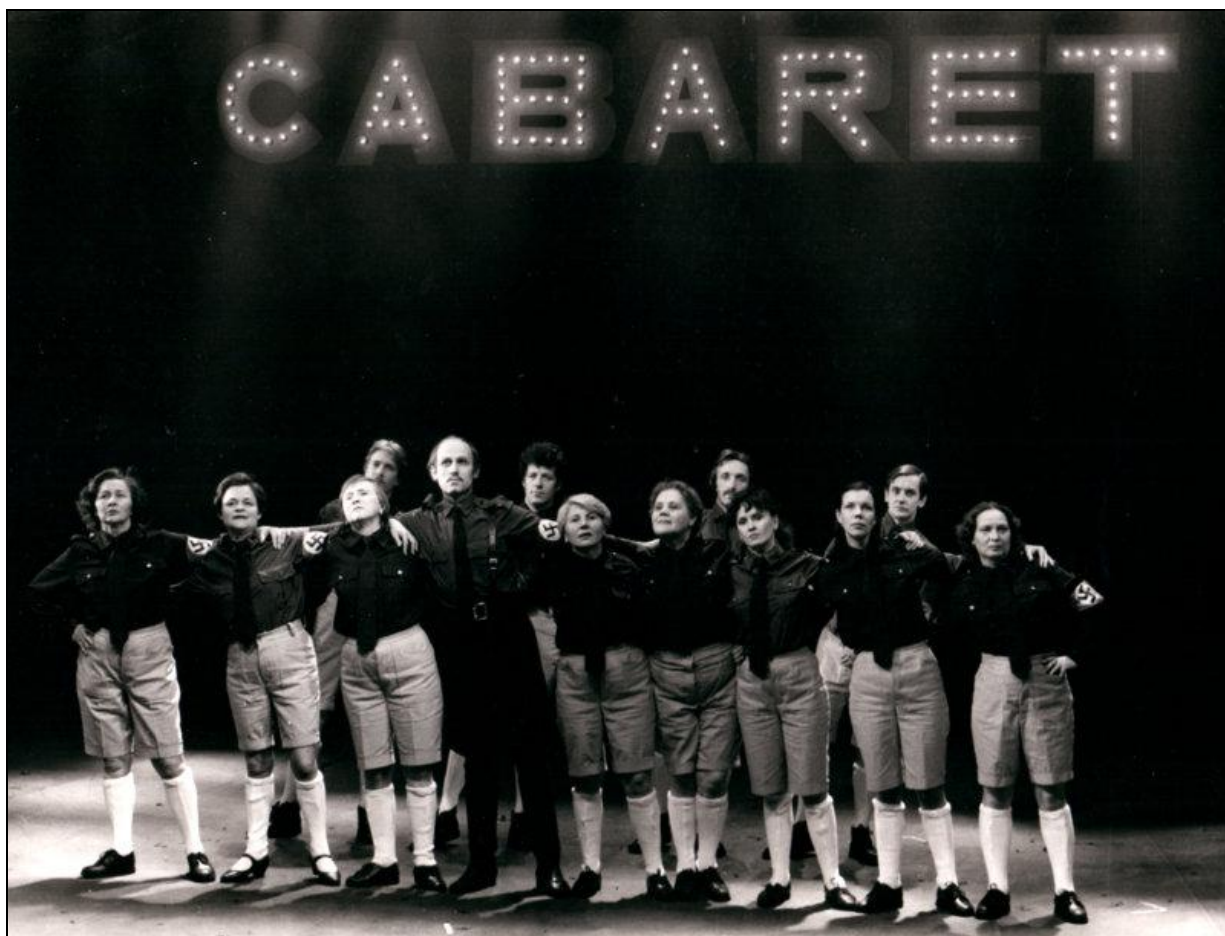
82. 1985. А. Киви. **ПОМОЛВКА**. А. Островский. **НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ**. Режиссёр П. Ринне, художник Л. Рахманова (Прежнева — А. Рагуева, Поль — А. Лайне, Перешивкина — Д. Карпова).

83. 1985. В. Арро. **СИНЕЕ НЕБО, А В НЁМ ОБЛАКА**. Постановка А. Иешина, оформление Л. Рахманова, муз. оформление Г. Сардаров (артисты с режиссёром А. Иешиним, стоит крайний справа).

84. 1986. Д. Мастерофф, Д. Кэндор, Ф. Эбб. **КАБАРЕ**. Режиссура и сценография А. Андреева, хореография И. Гафт (сцена из спектакля).

84а. 1986. Д. Мастерофф, Д. Кэндор, Ф. Эбб. **КАБАРЕ** (фото с репетиции, конференсье — П. Ринне, исполнительницы роли Салли — Э. Хидман и Л. Сюкияйнен).

85. 1986. А. Козловский. **ЭФФЕКТ РЕДЬКИНА**. Постановка О. Лебедева, оформление М. Верёвочкин, музыка Г. Сардаров, хореография В. Фёдоров (Редькин — О. Бьёрнинен (мл.), Всехватская — В. Кеттунен).

86. 1986. Ж.-Б. Мольер. **ТАРТЮФ, ИЛИ ОБМАНЩИК**. Режиссёр С. Пихтин, художник Л. Рахманова, муз. оформление Г. Сардаров (сцена из спектакля).

86а. 1986. Ж.-Б. Мольер. **ТАРТЮФ, ИЛИ ОБМАНЩИК** (Тартюф — П. Ринне, Эльмира — Л. Сюкияйнен).

87. 1987. Н. Гоголь. **ЖЕНИТЬБА**. Режиссёр А. Иешин, художник В. Немков, музыка А. Шнитке (сцена из спектакля).

88. 1987. А. Володин, М. Розовский, Л. Петрушевская, А. Соколова. **НЕСКОЛЬКО ВАРИАЦИЙ НА ЛИЧНЫЕ ТЕМЫ.** Режиссёр Б. Гуревич, художник О. Майорова, муз. оформление Г. Сардаров (участники спектакля с режиссёром Б. Гуревичем).

89. 1989. Г. Ибсен. **ПРИВИДЕНИЯ**. Режиссёр Б. Гуткин, художник В. Савчук, муз. оформление С. Губайдулина (фру Элене Алвинг — Э. Лунд, пастор Мандерс — П. Ринне).

1990-е

90. 1991. Л. Нярья. **СПОЙ ПЕСНЮ, КАРЕЛ**. Режиссёр Л. Нярья, художник Т. Юфа, муз. оформление А. Кондаков (Яков — Ю. Хакана, Мииккул — П. Микшиев).

91. 1991. М. Спилов. **СЕМЬ ДЖАЗОВЫХ СНОВИДЕНИЙ**. Режиссёр С. Пронин, художник О. Молчанов, музыка А. Кондаков (сцена из спектакля).

92. 1993. Ю. Кюлятаску. **РУНАР И КЮЛЛИККИ**. Режиссёр Х. Лиуксиала (Финляндия), художник Э. Тимонен, композитор К. Чудениус (сцена из спектакля).

93. 1994. М. Лассила. **КОГДА ЦВЕТУТ РОЗЫ**. Постановка Й. Саволайнена, оформление Э. Тимонен, композитор В. Никитин, хореография В. Мальми (Лююти-Виено — В. Кеттунен, Анти-Герман Юйкуринен — П. Микшиев).

94. 1994. В. Станилов. **ОПЕРА МАФИОЗО**. Постановка Л. Владимирова, оформление И. Кутянский, костюмы И. Пронина, муз. оформление В. Никитин (Беатриче — Э. Хидман, Антонио Булгарелли — П. Микшиев).

95. 1995. Эйно Лейно. **ЛЕБЕДЬ ТУОНЕЛЫ**. Постановка, музыка, оформление и костюмы С. Хуунонена (Финляндия), муз. оформление И. Архипов, хореография Р. Калинкина (сцена из спектакля).

96. 1995. И. Кильпинен. **НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАЦИЕНТ**. Постановка Т. Нярхинсало (Финляндия), оформление В. Поляков, муз. оформление А. Васильев (главный врач — В. Кеттунен, секретарь — Э. Веселова, Лаури Эголин — П. Микшиев).

97. 1996. Р. Мустонен. **ГДЕ ТВОЙ ДОМ, АНГЕЛ?** Постановка и оформление Л. Владимирова, костюмы В. Сидорова, муз. оформление А. Васильев, хореография В. Мальми (говорящее семейство: Мать — Л. Сюкияйнен, Дочь — Э. Веселова, Отец — П. Микшиев).

98. 1998. Н. Птушкина. **ПОКА ОНА УМИРАЛА.** Режиссёр Л. Владимиров, художник В. Поляков, муз. оформление А. Васильев (София Ивановна — В. Кеттунен, Татьяна — Л. Сюкияйнен).

99 1998. Л. Нурен. **ОСЕНЬ И ЗИМА.** Режиссёр А. Красавин, художник И. Пронина (сцена из спектакля).

100. 1998. Я. Елисева-Шрайнер. **УЕЗЖАЕМ-УЕЗЖАЕМ.** Режиссёр Л. Владимиров, художник Э. Тимонен, муз. оформление А. Васильев (сцена из спектакля).

IN MEMORIAM

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ КАН (1925—2017)

ALEKSANDER KAN (1925—2017)

Январь 2017 г. принёс печальную весть. В Стокгольме на 92-м году жизни скончался Александр Сергеевич Кан — пожалуй, одна из наиболее ярких фигур в отечественной нордистике, для становления, развития и интернационализации которой он приложил немало усилий. Практически до последних дней Александр Сергеевич активно участвовал в научной жизни.

Историк во втором поколении (его отец профессор Сергей Борисович Кан был видным советским германистом), выпускник Московского государственного университета (1949) он практически сразу избрал сферой своих научных интересов скандинавское направление. Александр Сергеевич — ветеран Великой Отечественной войны. Призванному в армию в 1944 г. юношегодились языковые навыки — он служил военным переводчиком.

Дальнейший этап научно-педагогической карьеры А. С. Кана был связан с вузами (МГУ, МГИМО) и академическими учреждениями Москвы (Институт истории АН СССР). Кроме того, в этот период он работал в редакции журнала «Вопросы истории» и в службе вещания на иностранных языках Комитета по радиовещанию при Совете министров СССР.

1950—1960-е гг. были периодом становления советской школы исследований в области истории Скандинавии. Тогда начали регулярно проводиться Всесоюзные

конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии, стал издаваться авторитетный научный ежегодник «Скандинавский сборник». А. С. Кан находился в центре этого процесса. В те годы вышли его монографии «Новейшая история Швеции» (1964), «Внешняя политика скандинавских стран в годы Второй мировой войны» (1967). Знаменательной вехой стало создание во вновь образованном Институте всеобщей истории АН СССР группы по новой и новейшей истории Скандинавских стран и Финляндии, которую Александр Сергеевич возглавлял в 1968—1974 гг.

Не одно поколение историков выросло на вышедших из-под пера А. С. Кана монографиях, разделах в коллективных обобщающих трудах по истории стран Северной Европы, а написанный им учебник «История скандинавских стран» (1971, второе издание — 1980) и по сей день остаётся единственным в своём роде среди публикаций на русском языке. Статьи Александра Сергеевича печатались в ведущих отечественных и зарубежных научных изданиях.

Перипетии и ограничения позднесоветской эпохи, к сожалению, привели к тому, что в 1987 г. семья Канов покинула СССР. В научной и педагогической карьере Александра Сергеевича начался новый этап, связанный с Упсальским университетом и Университетом Осло, в которых он получил профессию и где продолжил научные изыскания в области истории Швеции и международных отношений новейшего времени. А. С. Кан внимательно следил за развитием российской и европейской скандинавистики, публикуя обстоятельные научные рецензии и обзоры.

Эмиграция в Швецию не означала прекращения научных и личных контактов с коллегами-соотечественниками. Эти контакты активизировались в постперестроечную эпоху, когда стали возможными его приезды в Россию для участия в научных форумах и чтения лекций.

Многим российским историкам запомнился его обстоятельный и эмоциональный доклад на XIV конференции скандинавистов в Архангельске (2001), содержащий анализ состояния и перспектив исследований по истории Скандинавии и Финляндии в СССР / России. С этим событием связано появление в российском научном лексиконе понятия «нордистика», более адекватно описывающего североευропейское направление исследований, в том числе междисциплинарных.

Научные и педагогические заслуги А. С. Кана отмечены многими почётными званиями, среди которых звание Почётного доктора Упсальского университета, Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

Александр Сергеевич был избран членом-корреспондентом Шведской академии древности, истории и словесности, Шведской академии народной культуры имени Густава Адольфа, действительным членом Норвежской академии наук.

Но, пожалуй, куда более важным обстоятельством является то, что не одно поколение студентов выросло на трудах Александра Сергеевича и очень многие российские историки-нордисты считают его учителем, строгим критиком и старшим товарищем.

И. М. Соломещ

ХЕЛЬМУТ ПИЙРИМЯЭ (1930—2017)

HELMUT PIIRIMÄE (1930—2017)

Фото: <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=61837459> (Lauri Kulpsoo, 2004)

Хельмут Пийримяэ окончил Тартуский университет в 1955 г. Преподавательскую и научную карьеру он начал здесь же, пройдя путь от начинающего преподавателя (1956) до профессора кафедры всеобщей истории (1977).

Научные интересы Хельмута Пийримяэ были сосредоточены главным образом на истории взаимоотношений в регионе Балтийского моря в Новое время. Этой проблематике посвящены его многочисленные статьи и несколько монографий, а также разделы в коллективных трудах. Он стал крупнейшим специалистом в области балто-скандинавских отношений, экономической и культурной истории региона. Ещё одним направлением научных изысканий Хельмута Пийримяэ являлась история Тартуского университета.

Для коллег в ведущих центрах североевропейских исследований в СССР (Москва, Ленинград, Петрозаводск) Хельмут Пийримяэ был дружелюбным коллегой, опытным соавтором коллективных трудов и организатором научной деятельности.

В 1978—1990 гг. Хельмут Пийримяэ занимал должность главного редактора «Скандинавского сборника» — научного ежегодника, авторитетного форума советских специалистов в области истории, культуры, филологии и экономики Скандинавских

стран и Финляндии. Он также входил в оргкомитеты Всесоюзных конференций по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии.

В переломный период восстановления независимости Эстонии Хельмут Пийримяэ, будучи деканом исторического факультета, участвовал в реформировании *alma mater*, в возрождении университетских традиций и превращении Тартуского университета в современный, динамично развивающийся научно-образовательный центр.

Тартуский университет продолжал оставаться его домом и после выхода на пенсию в 1996 г. Последнюю свою лекцию профессор-эмеритус прочитал в 2001 г.

Профессор Пийримяэ был избран почётным членом Учёного общества Эстонии, возродившегося в 1988 г., и почётным доктором Упсальского университета. Он также стал кавалером Ордена белого креста — одной из высших государственных наград Эстонии.

И. М. Соломещ

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ КЛЕМЕНТЬЕВ (1938—2017)

EVGENII KLEMENTIEV (1938—2017)

25 декабря 2017 г. ушёл из жизни видный ученый Института языка, литературы и истории Карельского научного центра, основатель этносоциологии в Карелии, заслуженный деятель науки Республики Карелия Евгений Иванович Клементьев. Евгений Иванович был человеком, самоотверженно служившим науке, посвятившим ей 50 лет.

Е. И. Клементьев родился 5 июля 1938 г. в карельской семье в с. Ондозеро Муезерского района. В 1967 г. он окончил историко-филологический факультет Петрозаводского государственного университета с рекомендацией в аспирантуру и в тот же год стал аспирантом Института этнографии АН СССР по целевому направлению от ИЯЛИ, где под руководством д. и. н. Ю. В. Арутюняна проходил обучение в секторе конкретно-социологических исследований. Его учителями стали классики советской этнологии Ю. В. Бромлей, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева и др. В основу подготовки диссертации были положены карельские материалы, для сбора которых Евгений Иванович совершил несколько полевых экспедиций. Ко времени поступления в аспирантуру Евгений Иванович уже успел приобрести трудовой стаж в Ругозерском леспромхозе после окончания лесотехникума. Приобретённые знания и опыт оказались

весьма важными для нового направления в исследованиях ИЯЛИ — этносоциологического.

После окончания аспирантуры в 1970 г. Е. В. Клементьев приступил к работе младшего научного сотрудника ИЯЛИ КарНЦ РАН, а 3 марта 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР)».

С 1974 по 1979 г. Евгений Иванович работал в должности учёного секретаря Института; с 1980 г. — старшим научным сотрудником сектора фольклора и этнографии; в 1983 по 1990 г. возглавлял новый сектор ИЯЛИ — этносоциологии и этнографии.

С 1979 г. Е. И. Клементьев участвовал в разработке нескольких программ переписей населения, организовывал их проведение на территории Республики Карелия. В межпереписные периоды Евгений Иванович являлся инициатором проведения многочисленных этносоциологических обследований (более 30), итоги которых позволяли составить представление о положении коренных народов Карелии, особенностях языковой ситуации, динамике этнической идентичности. Большое внимание он уделял вопросу роли национальной школы в сохранении родных языков.

Многолетнее участие Евгений Ивановича в этнологическом мониторинге, проводимом Институтом этнологии и антропологии РАН, публикации по его результатам позволяют составить представление об изменениях в развитии этносоциальной обстановки в Карелии, а также свидетельствуют о глубоком знании автором карельской проблематики. Прогнозы Евгения Ивановича, делавшиеся на основе глубокого анализа статистического материала, прессы, официальных документов, часто оправдывались.

Серьёзная научная база, лежащая в основе данных исследований и обработки их результатов, позволили органам государственной власти в области национальной политики формировать обоснованное мнение об этнодемографической и этносоциальной ситуации в Карелии. Не случайно имя Евгения Ивановича можно было встретить в составе различных государственных комиссий, занимавшихся межнациональными отношениями и урегулированием этнических конфликтов.

Евгений Иванович Клементьев ушёл из жизни, завещав науке 250 работ. Его книги «Карелы: этнографический очерк», «Сельская среда и население Карелии», «Этносоциология Карелии»; сборники документов, связанные с историей карелов, вепсов, финнов в Карелии в XX в.; статьи и разделы монографий, посвящённые этноязыковым вопросам, позволяют составить представление о проблемах, с которыми

сталкивалось прежде всего коренное население республики, оказавшееся вовлечённым во второй половине XX в. в широкое взаимодействие с русскоязычной культурой.

Евгения Ивановича отличала научная скрупулёзность и аккуратность в сборе и анализе материала, вдумчивость и принципиальность в его интерпретации. Динамичное развитие этнологии требует сегодня от исследователей постоянного совершенствования методологических подходов и методов исследований, расширения научного кругозора, формирования междисциплинарного взгляда на суть происходящих процессов. Все эти качества были присущи нашему коллеге, другу и учителю.

В последние годы жизни Евгений Иванович много усилий посвящал систематизации того материала, который был накоплен им в течение научной жизни. Статистические сводки, аналитические записки, отчеты по результатам проведённых опросов, переданные в научный архив Карельского научного центра, объёмные сборники документов о карельском национальном движении формируют наследие ученого, жизнь которого стала заметным явлением не только в науке, но и в жизни нашего края. Важным делом он считал создание библиографического справочника по увековечиванию памяти людей, внёсших существенный вклад в изучение, сохранение, развитие и использование культурно-языкового наследия карельского народа. К сожалению, эта работа, над которой он напряженно работал, осталась незавершённой.

За значительный вклад в фундаментальные и прикладные исследования общественно-политических, социально-экономических и этнических процессов и проблем в Республике Карелия, а также за активное участие в разработке законопроектов, связанных с сохранением национальных языков Карелии Евгений Иванович был награждён Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Карельской АССР (1988 г.), Почетной грамотой Республики Карелия (1995 г.), званием «Заслуженный деятель науки Республики Карелия» (2008 г.), Почетной грамотой РАН (2013 г.).

**С. Э. Яловицына
А. А. Кожанов,
И. Ю. Винокурова**